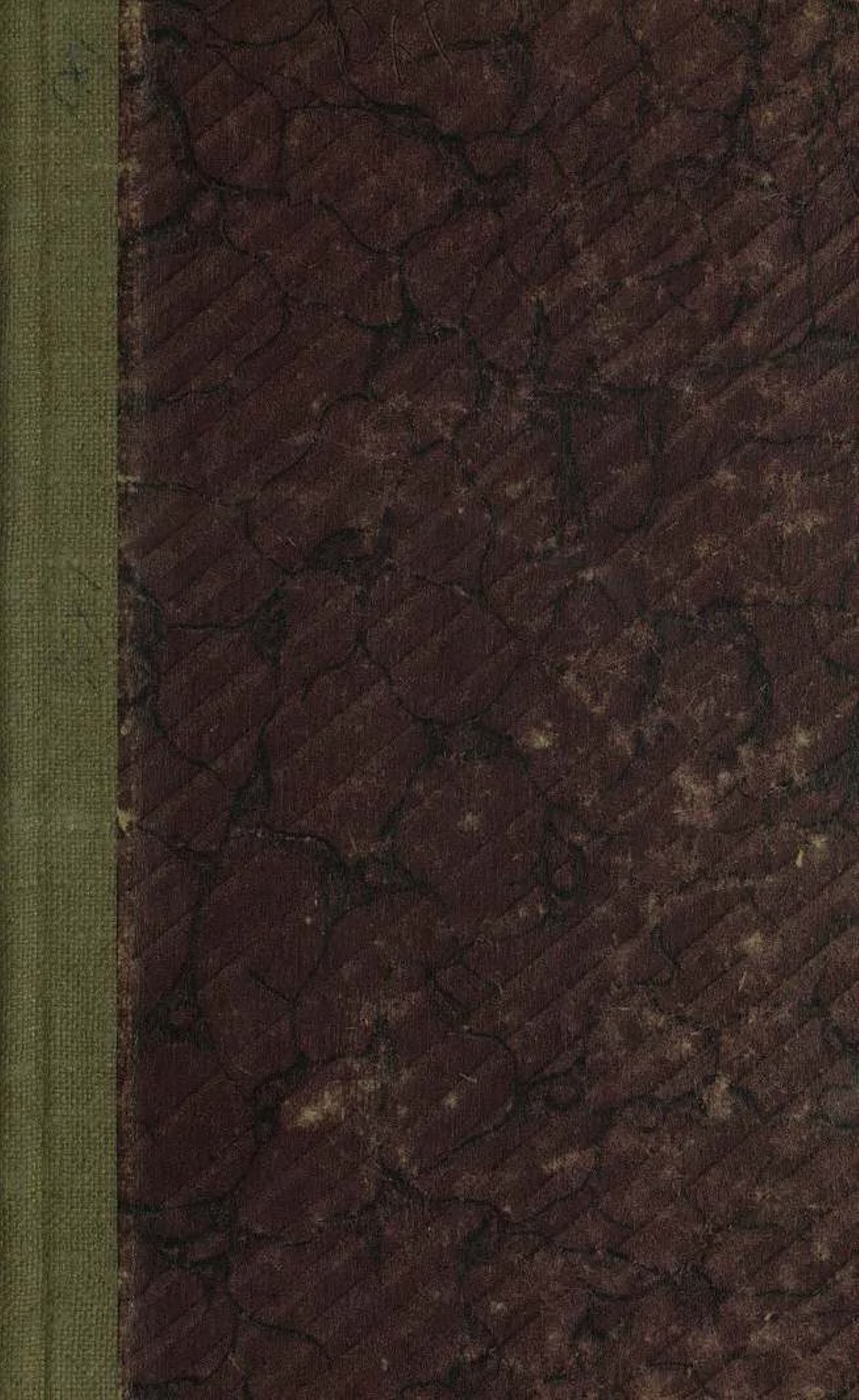
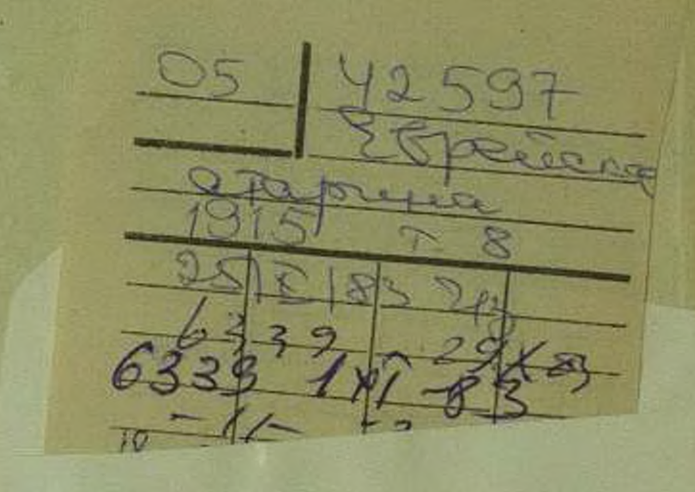
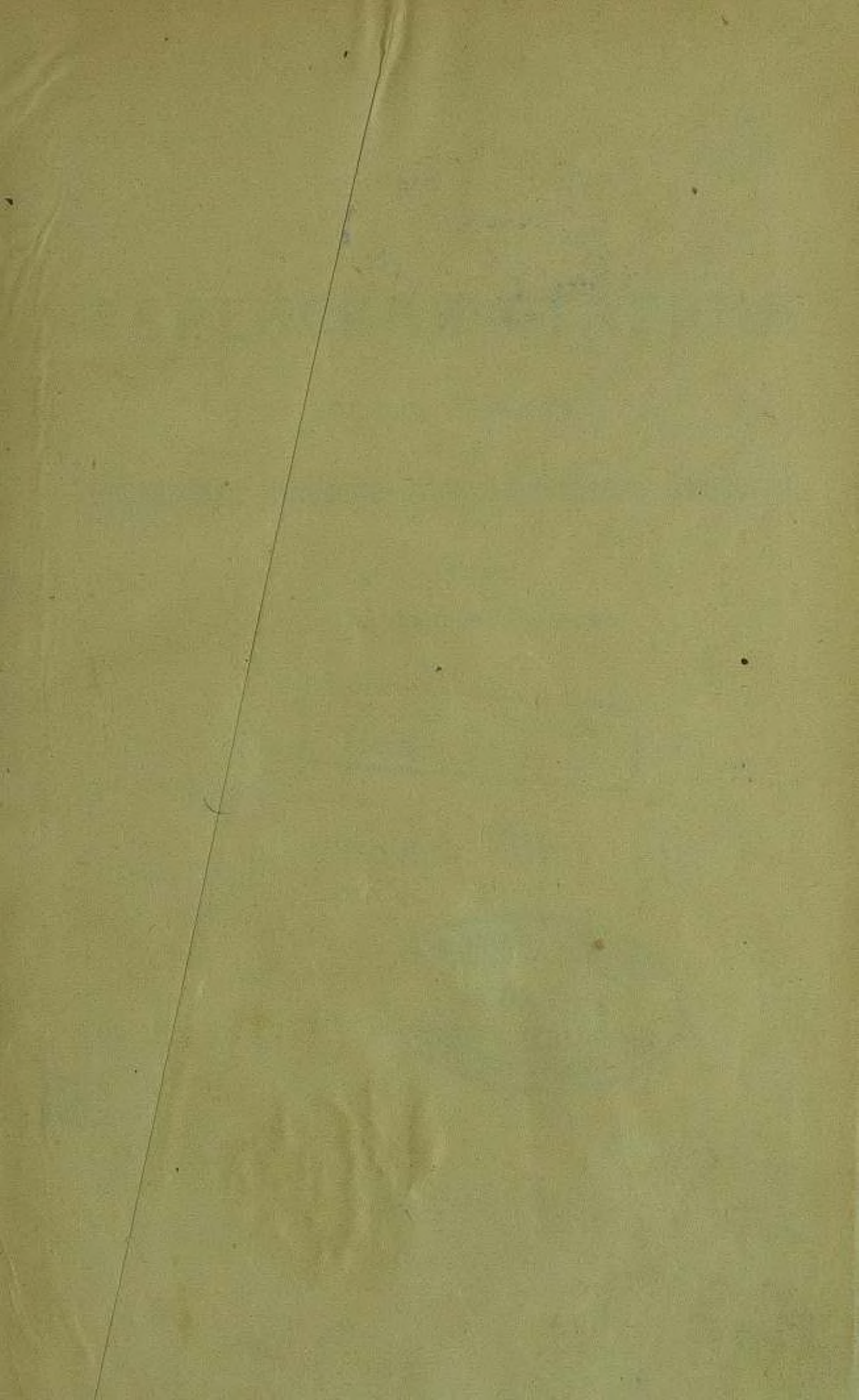
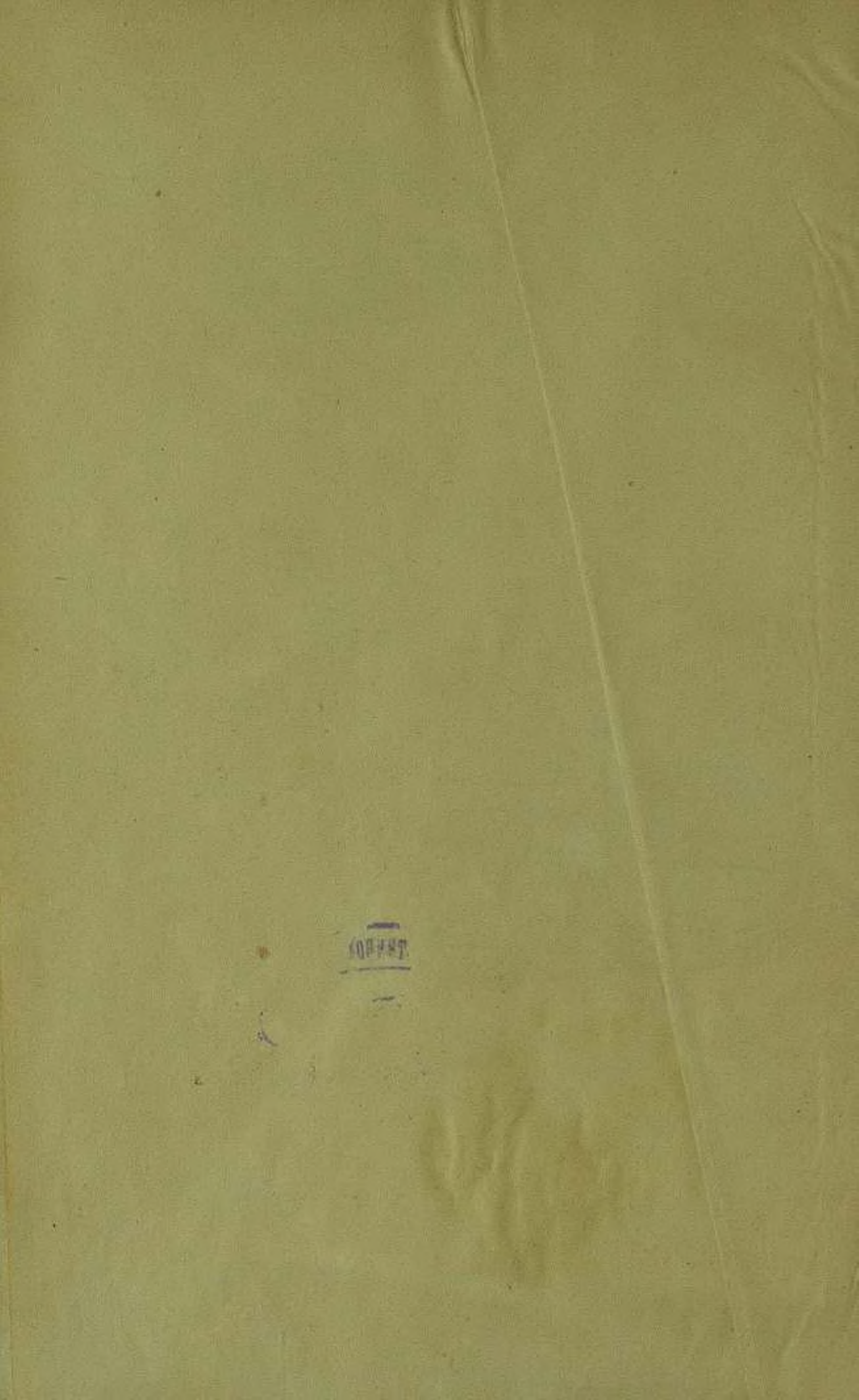








Годъ седьмой (1915)

ЕВРЕЙСКАЯ СТАРИНА

ТРЕХМѢСЯЧНИКЪ

Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества,

ИЗДАВАЕМЫЙ

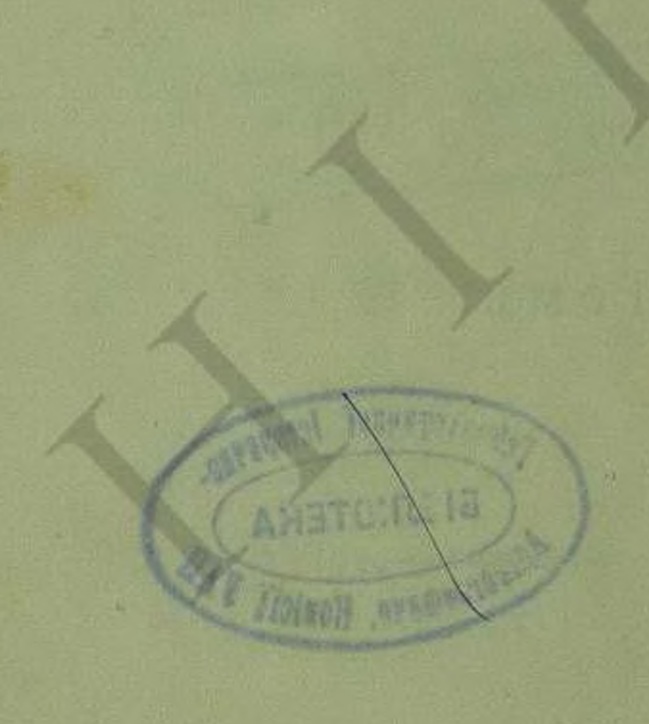
подъ редакціей С. М. Дубнова.

Томъ VIII.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Въ 1915 г. весь матеріалъ „Еврейской Старины“ представлялся въ военную цензуру.



Типографія И. Флейтмана, Птг., Казанская, 45.

Содержаніе „Еврейской Старины“ за 1915 годъ.

Изслѣдованія и очерки.

Мемуары и переписка.

Матеріалы и сообщенія.

Библіографія.

Приложенія.

Евреи въ московскомъ государствѣ XV—XVII в.

Отношеніе московскаго государства къ иноземцамъ.—Ересь жидовствующихъ и евреи Схарія.—Сношенія великаго князя Іоанна III съ двумя вліятельными крымскими евреями.—Пріѣзды еврейскихъ купцовъ въ Москву подъ защитой польскаго правительства.—Жестокое обращеніе царя Ивана Грознаго съ плѣнными евреями.—Смутное время.—Михаилъ Федоровичъ Романовъ: благопріятное отношеніе къ плѣннымъ евреямъ; появленіе въ Москвѣ осѣдлаго еврейскаго населенія. Московскій дворъ пользуется услугами еврейскихъ купцовъ.—Въ концѣ XVII вѣка доступъ въ Москву затрудняется евреямъ.—Жертвы стрѣлецкаго бунта.

I.

Московское государство, какъ извѣстно, охраняя православную вѣру и патріархальный бытъ отъ вліянія извнѣ, оберегало русскій народъ отъ соприкосновенія съ иноземцами. Иностранцевъ боялись и какъ возможныхъ шпіоновъ, и какъ насадителей безбожныхъ обычаевъ. Католики и лютеране почитались еретиками. Торговый же людъ видѣлъ въ иноземцахъ нежелательныхъ конкурентовъ. И когда въ интересахъ торговли правительство дѣлало исключенія для чужестранныхъ купцовъ и открывало имъ доступъ въ страну, московскіе торговые люди въ заботѣ о своемъ заработкѣ выражали недовольство по поводу появленія этихъ конкурентовъ, и правительству снова приходилось принимать мѣры, чтобы по возможности оградить страну отъ пришельцевъ.

Тѣмъ не менѣе купцы, на извѣстныхъ условіяхъ, имѣли доступъ въ Московское государство. Они могли пріѣзжать безъ особаго разрѣшенія въ пограничные города. Только торговля иностранцевъ внутри государства, преимущественно въ Москвѣ, подвергалась цѣлому ряду ограниченій и допускалась не иначе, какъ съ особаго каждый разъ дозволенія. При этомъ чужеземнымъ купцамъ не разрѣшалось здѣсь прочно водворяться. Торговля съ иностранцами носила ярмарочный характеръ, и по окон-

чанiи торга они должны были уѣзжать прочь. Купцы изъ восточныхъ странъ могли оставаться въ странѣ не болѣе года, а для западно-европейскихъ гостей былъ установленъ еще меньшiй срокъ. Вопреки этимъ постановленiямъ, нарушенiе которыхъ влекло за собою кару, случалось, что иностранцы подолгу живали въ .Россiи, занимаясь торговлей, „но такое проживанiе было фактомъ, а не правомъ“ [1]).

Разрѣшенiя на прiѣздъ въ Москву давались подданнымъ опредѣленныхъ государствъ, купцамъ извѣстнаго города, торговымъ компанiямъ и отдѣльнымъ лицамъ; то одни, то другiе получали право прiѣзда, то одни, то другiе лишались его. Вообще, особенно въ 17 вѣкѣ, считалось необходимымъ ограничить торговлю иностранцевъ одними порубежными городами, при чемъ не дозволялось ѣздить по селенiямъ. Случалось, что даже при наличности торговаго договора, предоставляющаго подданнымъ даннаго государства право торговли, послѣднихъ останавливали въ пути и не допускали въ Москву. Правительство старалось, насколько возможно, ограничивать право торговли въ Москвѣ; о другихъ же городахъ заботились, какъ видно, мѣстные торговые люди; иностранцамъ отказывали въ правѣ прiѣзда, „потому что государевымъ людямъ отъ того будетъ тѣснота и большiе убытки“ [2]).

Среди коренного русскаго населенiя было много торговцевъ; по словамъ иностранцевъ, русское общество, отъ большихъ до малыхъ, чрезвычайно любило торговлю, при чемъ торговля не прекращалась и по праздникамъ. Малое знакомство съ условiями торговли, недовѣрiе къ собственнымъ силамъ и чужой добросовѣстности заставляли русскаго купца „обманомъ предупредить обманъ“ [3]). Противодѣйствiе, которое встрѣчали иностранцы въ Россiи, вызывалось именно домогательствомъ русскихъ купцовъ. Даже иностранные купцы, которымъ удалось получить отъ московскаго правительства извѣстныя торговыя привиллегiи, также хлопотали объ изгнанiи иностранцевъ-конкурентовъ. Иностранцы должны были жить въ особыхъ частяхъ города или даже за городомъ; они обязывались носить свою одежду, отличную отъ русской, дабы ихъ не принимали за русскихъ. Домашнiя помѣще-

---

[1]) А. С. Мулюкинъ, Прiѣздъ иностранцевъ въ Московское государство (Спб. 1909), стр, 58—62.

[2]) Тамъ-же, стр. 206.

[3]) Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII в.в. (изд. 2, 1889), стр. 2, 100, 153.

нія иностранцевъ, ихъ яства и питья считались запретными для русскихъ [1]).

Въ этихъ условіяхъ и евреи не могли разсчитывать на гостепріимство.

Въ концѣ 1470 г. свободный Новгородъ, въ виду притязаній на него московскаго князя, упросилъ польскаго короля Казиміра IV прислать, какъ угрозу для Москвы, князя Михаила Александровича, или Олельковича, брата польскаго намѣстника въ Кіевѣ. Въ Новгородѣ возникли смуты,—боролились двѣ партіи: литовская и московская. Но Олельковичъ, представлявшій литовскую партію, не сталъ дожидаться развязки и удалился изъ Новгорода (15 марта 1471 г.), а потомъ Новгородъ подпалъ власти Москвы. Этотъ эпизодъ, по существу совершенно не связанный съ какими-либо религіозными моментами, привелъ, однако, если вѣрить лѣтописному сообщенію, къ распространенію въ Новгородѣ, а вслѣдъ затѣмъ и въ Москвѣ, жидовствующей ереси.

Вмѣстѣ съ Олельковичемъ прибылъ въ Новгородъ „кіевскій еврей Схарія“, о которомъ говорили, что онъ изучилъ астрологію, чернокнижіе и всякія чародѣйства; появились изъ Литвы и другіе евреи: Іосифъ, Шмойла, Скарявей (Скаряей), Моисей и Ханушъ. Быть можетъ, Схарія выполнялъ кое-какія политическія или вѣрнѣе финансовыя порученія, остальныхъ же евреевъ сюда несомнѣнно привлекли торговыя цѣли. Какъ видно, всѣ они оставались здѣсь короткое время, но память о нихъ сохранилась надолго, и именно потому, что лѣтописецъ связалъ съ ними фактъ распространенія ереси жидовствующихъ, видными дѣятелями которой явились два новгородскихъ священника.

Схарію и остальныхъ называютъ насадителями ереси: „Отселѣ почала быти въ Новѣгородѣ отъ жидовина Схарія ересь“ гласитъ лѣтопись, а затѣмъ прибавляетъ: „Того же мѣсяца въ 8 день пріѣхалъ въ Новгородъ на столъ князь Михаилъ Олельковичъ“ [2]). Болѣе подробно говоритъ рукопись шестнадцатаго вѣка: „Былъ въ Новгородѣ князь Михаилъ Олельковичъ изъ Литвы, а съ нимъ жидове торгомъ“, и поясняетъ, что евреи соединили вокругъ себя большое общество изъ духовныхъ лицъ и граждань, которые и учились у нихъ волшебнымъ книгамъ [3]).

---

[1]) Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ.

[2]) Полн. собр. русскихъ лѣтописей, т. IV, 235.

[3]) Пановъ, Ересь жидовствующихъ. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1877 г., ч. 189, стр. 14—15. Схарія въ памятникахъ называется Скаргіна, Схоргіна, Схарина, Скарій, Схарія (тамъ же, стр. 9).

Извѣстныя группы русскихъ людей уже ранѣе находились подъ вліяніемъ религіознаго броженія, которое и привело къ возникновенію ереси, но весьма возможно, что евреи, прибывшіе съ Схаріей въ Новгородъ—вѣроятно, безъ предвзятой цѣли—ознакомили мѣстныхъ людей съ іудейскимъ вѣроученіемъ и этимъ придали извѣстную окраску ереси; однако, не видно, чтобы они принимали какое-либо участіе въ развитіи религіознаго движенія. „Жидъ Схарія и другіе пришедшіе было на помощь ему жиды совершенно исчезаютъ изъ исторіи секты" — говоритъ авторъ, принимающій на вѣру лѣтописное сказаніе [1]). Правда, евреи, появившіеся въ Новгородѣ, вошли прежде всего въ сношенія съ мѣстнымъ духовенствомъ, но это было вызвано ихъ торговой дѣятельностью, такъ какъ въ Новгородѣ завѣдываніе мѣрами и вѣсами было сосредоточено въ рукахъ духовенства [2]).

Хотя сектанты тайно слѣдовали новому ученію, московскій великій князь Иванъ III зналъ о существованіи ереси, и нѣкоторые сектанты изъ среды духовенства пользовались одно время его особымъ расположеніемъ. Ересь проникла даже въ великокняжескую семью. Правда, ревнители православія вскорѣ убѣдили великаго князя въ необходимости бороться съ сектантскимъ движеніемъ. Но уже тотъ фактъ, что эта ересь, по самому существу своему, въ отличіе отъ другихъ христіанскихъ сектъ, носившая „жидовскій" характеръ, успѣшно распространилась, свидѣтельствуетъ до нѣкоторой степени, что русскіе люди того времени еще не знали специфическихъ предразсудковъ противъ евреевъ. Еврей въ глазахъ москвичей ничѣмъ не отличался отъ прочихъ иновѣрцевъ, столь нелюбимыхъ. Это подтверждается и сношеніями московскаго великаго князя Ивана III съ двумя крымскими евреями, изъ коихъ одинъ былъ, быть можетъ, тотъ самый Схарія, которому приписывалось насажденіе ереси.

Во внѣшней политикѣ Ивана III важными моментами являлись отношенія Москвы къ Литвѣ, Золотой Ордѣ и Турціи. Казиміръ Литовскій, у котораго Новгородъ просилъ помощи въ борьбѣ съ Москвою, задумалъ двинуть въ московское государство хана Золотой Орды, Ахмата (Ахмедъ). Походъ Ахмата (1472 г.) оказался неудачнымъ; но московскому князю этого было мало: ему надо было имѣть дружественную силу, которая парализовала бы

---

1) Е. Голубинскій. Исторія русской церкви (М. 1909), т. II стр. 561.

2) Пановъ, стр. 15.

въ будущемъ литовско-татарскій союзъ; съ этой то цѣлью Иванъ III старался сблизиться съ ханомъ Крымской (Большой) Орды, Менгли-Гиреемъ, недружелюбно относившимся къ Ахмату. Одинъ изъ младшихъ сыновей основателя крымскаго ханства Хаджи-Гирея, Менгли-Гирей добился престола благодаря, между прочимъ, содѣйствію генуэзской колоніи въ Кафѣ (Ѳеодосія), въ которой татарамъ принадлежала видная роль. Татары же явились посредниками между московскимъ княземъ и Менгли-Гиреемъ. Но наряду съ ними выдвинулся и еврей, устроившій между Москвой и Менгли-Гиреемъ дипломатическія сношенія [1]). Въ Кафѣ евреи занимали замѣтное положеніе въ торговлѣ; уставъ колоніи, изданный въ Генуѣ въ 1449 г., охранялъ евреевъ, наравнѣ съ греками и другими, отъ притѣсненій епископа; консулу и совѣту старѣйшинъ было вмѣнено въ обязанность энергично защищать ихъ [2]). При такихъ условіяхъ отдѣльные евреи могли достигать вліятельнаго положенія, и, дѣйствительно, мы видимъ, что въ это время два еврея выдвигаются здѣсь въ качествѣ государственныхъ дѣятелей, и съ ними обоими поддерживаетъ сношенія великій князь Иванъ III. Одинъ изъ нихъ—богатый Хоза Кокосъ, пользовавшійся „непосредственной довѣренностью кафинскаго князя Ягупа и царя Менгли-Гирея“ [3]).

Въ 1472 или 1473 г. великій князь послалъ въ Кафу „челобитную грамоту“, поручая особымъ письмомъ Кокосу передать ее крымскому хану и приложить усилія къ тому, чтобы ханъ согласился на заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза съ московскимъ государствомъ. Кокосъ донесъ о своихъ шагахъ великому князю письмомъ на еврейскомъ языкѣ, каковое было доставлено въ Москву шуриномъ Кокоса, Исупомъ. Повидимому, свѣдѣнія, сообщенныя Кокосомъ, подавали надежду на успѣхъ, и великій князь посылаетъ въ Кафу толмача Иванчу

---

[1]) В. Смирновъ, Крымское ханство (СПБ., 1887 г.), стр. 245—55.

[2]) Въ 1455 г. нѣкоторые евреи изъ Кафы обратились въ правленіе Банка Св. Георгія, которому Генуэзская республика уступила свои черноморскія колоніи, съ просьбой оставить на должности начальника полиціи капитана Бонавентура. Сохранились имена евреевъ, подписавшихъ ходатайство. См. Еврейская Старина, 1912 г. вып. 1, стр. 66—69 (сообщеніе Г. Хокера).

[3]) А. Малиновскій, Историч. и дипломатич. собраніе дѣлъ, происходившихъ между Росс. великими князьями и бывшими въ Крымѣ татарскими царями съ 1462 по 1533 г. (составлено въ 1793 г.). Записки Одесскаго общества исторіи и древностей, т. V.

Бѣлаго съ порученіемъ къ Кокосу „дѣлать дѣло до конца", и опять отвѣтное письмо Кокоса было написано на еврейскомъ языкѣ.

Когда въ 1474 г. къ Менгли-Гирею отправилось отъ великаго князя Ивана III посольство съ бояриномъ Никитой Беклемишевымъ во главѣ, послу было предписано: заѣхать въ Кафу, передать Хозѣ Кокосу поклонъ великаго князя и вѣрительную грамогу, гдѣ сказано, что шуринъ Кокоса, Исупъ, былъ у великаго князя и передалъ ему письмо, которымъ Кокосъ увѣдомлялъ, что дѣятельно исполняетъ порученіе великаго князя сблизить его съ царемъ Менгли-Гиреемъ и выхлопотать для него ярлыкъ [1]; для этихъ хлопотъ великій князь направилъ къ Кокосу толмача; но Менгли-Гирей послалъ великому князю только увѣренія въ дружбѣ, а „ярлыкъ докончалный" лишь обѣщалъ; великій князь проситъ Кокоса попрежнему помогать его людямъ, обѣщая ему въ случаѣ успѣха „свое жалованіе"; посылаемые же теперь „легкіе" подарки объясняются тѣмъ, что посолъ ѣхалъ на-легкѣ. Беклемишеву было также поручено сказать Кокосу: если Кокосу нужно будетъ послать великому князю грамоту о какихъ-либо дѣлахъ, „онъ бы жидовскимъ письмомъ грамотъ бы не писалъ, а писалъ бы грамоты русскимъ или бессерменскимъ". Далѣе Кокосу указывалось, что представленный имъ счетъ по выкупу русскихъ плѣнныхъ чрезмѣренъ, а въ заключеніе Кокоса просили оберегать русскихъ купцовъ отъ грабежа.

Посольство, отправленное къ Менгли-Гирею въ 1475 г., также не обошлось безъ услугъ Кокоса. Въ ту пору въ Крыму существовало Мангупское (Манкупское) княжество, въ концѣ того же года уничтоженное турками, состоявшее изъ остатковъ нѣкогда господствовавшихъ здѣсь готовъ. Князь мангупскій Исайка имѣлъ въ виду выдать свою дочь замужъ за сына великаго князя; русскій посолъ долженъ былъ просить Кокоса отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Исайкѣ, чтобы переговорить объ этомъ дѣлѣ [2]; между прочимъ, Кокосу было поручено узнать о приданомъ дочери мангупскаго князя.

---

[1]) Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества, т. XLI: Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ Крымскою и Ногайскою ордами и съ Турціею. стр. 6—9. См. также А. Малиновскій. Истор. и дипломат. собраніе дѣлъ (подъ 1474 г.), и В. Огородниковъ. Иванъ III и зарубежные евреи. Сборникъ статей въ честь Д. Корсакова (Казань, 1912—1913). Настоящее мое изслѣдованіе было написано до появленія работы В. Огородникова.

[2]) Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. XLI, стр. 12.

Въ 1475 г. Менгли-Гирей сталъ турецкимъ вассаломъ, но и при новыхъ политическихъ условіяхъ Кокосъ не утратилъ своего вліянія. Еще въ 1486 г. Иванъ III поручаетъ своему послу: „да молвити Кокосю жидовину отъ великаго князя... какъ еси напередъ того намъ служилъ и добра нашего смотрѣлъ, и ты бы и нынѣ служилъ намъ; а мы ажъ дастъ Богъ хотимъ тебя жаловати“ [1]). Кокосу поручается купить для великаго князя драгоцѣнные камни, при чемъ обѣщается не только хорошая цѣна, но и „жалованіе“ [2]).

Эта многолѣтняя переписка между великимъ княземъ и Кокосомъ пріобрѣтаетъ особый интересъ, если вспомнить, какъ высокомѣренъ былъ великій князь въ сношеніяхъ съ сильными міра сего. „Гордый своимъ царственнымъ достоинствомъ и родственными связями съ византійскимъ императорскимъ домомъ, Иванъ III совсѣмъ инымъ является въ сношеніяхъ съ едва замѣтнымъ, но весьма нужнымъ и полезнымъ ему кафинскимъ евреемъ. Недосягаемо высокій на Москвѣ и требовавшій къ себѣ безпрекословнаго повиновенія и преклоненія, онъ снисходилъ до передачи Кокосу поклоновъ и извиненій за недостаточность поминковъ, посланнымъ ему“ [3]). Все это объясняется, повидимому, тѣмъ, что московскому князю была крайне необходима „дружба“ крымскаго хана, и несомнѣнно, что именно Хоза Кокосъ добился добрососѣдскихъ отношеній между ханомъ и московскимъ государствомъ.

Другимъ евреемъ, съ которымъ имѣлъ сношенія—и притомъ болѣе близкія—великій князь, былъ „таманскій князь“ Захарья Скарья, игравшій въ Крыму, повидимому, большую роль, чѣмъ Кокосъ.

Таманскій полуостровъ составляетъ крайнюю западную оконечность Кавказа, усѣянную озерами, лиманами и заливами. Въ 1419 г. генуэзскій еврей Симеонъ де Гвизольфи, женившись на княжнѣ Бихаханимъ, сталъ, подъ покровительствомъ генуэзской республики, владѣтелемъ Таманскаго полуострова. Его потомокъ Захарія де Гвизольфи подвергся нападенію турокъ. Онъ долженъ былъ бѣжать со своими подданными черкесами на островъ Мат-

---

[1]) Тамъ же, стр. 50.

[2]) Тамъ же, стр. 40.

[3]) В. Огородниковъ, Иванъ III и зарубежные евреи. Авторъ сообщаетъ, что Кокосъ „великому князю дружбу свою чинилъ“, за что и удостоился отъ него новаго поклона. Но это относится не къ Кокосу, а къ мангупскому князю Исайкѣ.

рицу. Въ 1482 г. Захарія просилъ директоровъ генуэзскаго банка оказать ему матеріальную поддержку для борьбы съ турками. Онъ сообщалъ также директорамъ, что по пути къ нимъ былъ ограбленъ валахскимъ воеводой Стефаномъ, предлагающимъ ему теперь замокъ, но Захарія—какъ онъ писалъ—слишкомъ любитъ свою страну и республику, и потому будетъ ждать, не поможетъ ли ему счастливый случай; но если ему не окажутъ поддержки, онъ пойдетъ въ Валахію вмѣстѣ съ другими людьми [1]).

Въ это, приблизительно, время и возникаетъ переписка между Скаріей и великимъ княземъ. Скарія,—неизвѣстно въ точности, по какимъ побужденіямъ,—хотѣлъ прибыть въ Москву и отдаться подъ покровительство великаго князя; это намѣреніе было встрѣчено сочувственно. Князь Ноздроватый, посланный въ 1484 г. къ Менгли-Гирею, имѣлъ грамоту отъ 14 марта „къ Захарьѣ къ Скарьѣ, къ жидовину". Снабженная „золотой печатью", служившей выраженіемъ особаго благоволенія, она гласила: „Божіею милостью, великій осподарь Русскіе земли, великій князь Иванъ Васильевичъ, царь всеа Руси... Захарьѣ Евреянину. Писалъ къ намъ еси съ нашимъ гостемъ Гавриломъ съ Петровымъ о томъ, чтобы ти у насъ быти. И ты бы къ намъ поѣхалъ. А будешь у насъ, наше жалованіе къ собѣ увидишь. А похочешь намъ служити, и мы тебя жаловати хотимъ, а не похочешь у насъ быти, а восхочешь отъ насъ опять въ свою землю поѣхати, и мы тебя отпустимъ добровольно, не издержавъ" [2]).

Эта грамота не застала Скаріи,—онъ былъ въ ту пору „за моремъ", и грамота была возвращена въ Москву.

Однако Скарія не хотѣлъ разстаться со своими мечтами о Москвѣ. Судьба его преслѣдовала, и Москва представлялась ему уголкомъ, гдѣ онъ обрѣтетъ покой. Пользуясь, повидимому, оказіями, онъ дважды писалъ великому князю о своемъ желаніи пріѣхать въ Москву. И на то посланіе, которое было привезено „человѣкомъ" великаго князя, Сенькою Хозниковымъ, великій князь отвѣтилъ (18 октября 1487 г.) грамотой (тождественной съ предыдущей), которую и отвезли ему подъячій Митя Нардуковъ

---

[1]) R. Loewe, Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere (Halle 1896), стр. 42 и слѣд., 86, 90.

[2]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. XLI, стр. 40—41. См. также Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, хранящихся въ коллегіи иностр. дѣлъ (М. 1813—1828 г.г.), ч. II, № 20. (Ср. Регесты и надписи т. I, № 195).

и бояринъ Дмитрій Шеинъ [1]). Но Скарія былъ нетерпѣливъ. Не дожидаясь отвѣта, онъ поторопился напомнить о себѣ. Уже вскорѣ новая „грамота латынскимъ письмомъ пришла съ Богданомъ съ армяниномъ отъ таманскаго князя отъ Захарьи", за подписью: Захарья Гуилъ Гурсисъ (по другому варіанту: Захарья Гуйгурсисъ). Въ этомъ посланіи [2]) Скарія сообщалъ, что онъ пустился было въ путь въ Москву, но по дорогѣ воевода Стефанъ ограбилъ и едва не замучилъ его. Теперь онъ снова выражаетъ желаніе пріѣхать на службу къ великому князю со всѣмъ домомъ, или же пока одинъ съ „нѣкими малыми людьми", какъ захочетъ князь; при этомъ Скарія завѣряетъ великаго князя въ своей готовности быть ему полезнымъ въ Черноморскихъ странахъ, гдѣ Скарія, какъ видно, чувствовалъ себя сильнымъ, вліятельнымъ лицомъ,—„а о всемъ, его же взмогу надобьѣ осподарстьвію твоему по сѣмъ странамъ, есмь въ твоемъ приказѣ, аки твой истинной слуга въ всѣхъ твоихъ". Для безопасности въ пути Скарія проситъ прислать проводника. Великій князь въ отвѣтъ послалъ чрезъ того же армянина „Захарьѣ, князю Таманскому" грамоту, въ которой [3]) вновь писалъ: „и ты бы къ намъ поѣхалъ служити, а мы, ажъ дастъ Богъ, хотимъ тебя жаловати".

Одновременно великій князь извѣстилъ посла Дмитрія Шеина о приглашеніи Скаріи въ Москву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что Менгли-Гирею послана грамота съ просьбой послать въ Черкассы двухъ человѣкъ, знающихъ дорогу въ Москву, чтобы проводить Захарью къ великому князю. Кромѣ того, Шеину было приказано послать княжескаго татарина, „котораго пригоже", дабы и онъ сопровождалъ Захарью" [4]).

Но и на этотъ разъ пріѣздъ Захарьи не состоялся по какимъ то невѣдомымъ обстоятельствамъ. Тогда были приняты новыя

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. XLI, стр. 71. См. также Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей т. V, стр. 272. Одно письмо къ великому князю Скарія послалъ изъ Копаріо (вблизи Таманскаго полуострова), другое изъ Кафы. (См. Регесты и надписи, т. I, № 198 и сл.).

[2]) Отъ 8 іюня 1487 г. изъ Копаріо. Сборникъ И. Р. И. О., стр. 72.— Записки Одесск. Об-ва, стр. 273.

[3]) 18 марта 1488 г. Сборникъ И. Р. И. О., стр. 72—73. Записки Одесск Об-ва, стр. 274.

[4]) Сборникъ И. Р. И. О., стр. 73. При подлинникѣ на особомъ листкѣ написано: „Съ сего списка посольственнаго отправлена копія въ Высокій Кабинетъ при доношеніи ассесора Семена Иванова. Декабря 13 дня 1739 г.".

мѣры. Въ сентябрѣ 1489 г. къ Захарьѣ былъ посланъ съ грамотою великаго князя москвитинъ Мичюра Домановъ и селянинъ Данилко изъ Кафы, а татарину, которому прежде было поручено сопровождать Захарью, и людямъ Менгли-Гирея это осталось неизвѣстнымъ. Доманову было приказано передать Захарьѣ также словесно приглашеніе пріѣхать въ Москву и условиться о встрѣчѣ съ людьми, которые будутъ посланы за нимъ весною, у устья Міюша и на Тайганѣ [1]). Но дѣло не наладилось; посолъ князь Ромодановскій сообщилъ въ 1491 г. великому князю, что Захарьѣ пришлось отложить свой пріѣздъ изъ за нерасторопности Доманова и что Менгли-Гирей не берется проводить Захарію, опасаясь султанскаго гнѣва [2]). Къ тому же „Захарья тяжелъ, семья велика, подниматися ему надобе тяжело". Взялъ бы Менгли-Гирей Захарью къ себѣ изъ дружбы къ великому князю, да не рѣшается, опасаясь турецкаго султана, такъ какъ „Турьскому Захарья великій грубникъ" [3]). Возможно, что великій князь оказалъ въ этомъ отношеніи воздѣйствіе: извѣстно, что въ 1500 г. Захарья состоялъ на службѣ у Менгли-Гирея; въ этомъ году великій князь вновь пригласилъ къ себѣ Захарью, при чемъ боярину Кубенскому было поручено—если этого пожелаетъ Захарья—просить Менгли-Гирея отпустить его отъ себя, въ противномъ же случаѣ ничего не говорить Менгли-Гирею [4]).

Трудно сказать, что именно—не соображенія ли политическаго характера?—побуждало московскаго великаго князя звать Захарью къ себѣ на службу. Но каковы бы ни были обстоятельства, связывавшія великаго князя съ нимъ, эти многолѣтнія сношенія представляютъ тѣмъ большій интересъ, что Скарія—Захарія, котораго современники считали родоначальникомъ ереси жидовствующихъ, долженъ былъ быть особенно непріятенъ правовѣрнымъ москвичамъ. Тожественность Схаріи, прибывшаго съ Олельковичемъ въ Новгородъ, и крымскаго Скарія—Захарьи подтверждается „посланіемъ" инока Саввы „на жидовъ и на еретики" [5]), адресованнымъ тому боярину Дмитрію Шеину, заподозрѣнному въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 77.

[2]) А. М. Малиновскій. Историческое и дипломатическое собраніе дѣлъ. Записки Одесск. Об-ва т. V, стр. 209.

[3]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XLI, стр. 114. (Регесты I, № 211).

[4]) Сборникъ etc. стр. 309.

[5]) Голубинскій, Исторія русской церкви, т. II. стр. 889. Уже ранѣе на идентичность этихъ лицъ указалъ Пановъ въ цитиров. сочиненіи.

ереси, которому великій князь поручилъ передать грамоту Захарьѣ въ Крыму. Воздавъ боярину должное за его добрыя дѣла, инокъ Савва, однако, замѣчаетъ о богопротивныхъ жидовствующихъ: „Аще человѣкъ будетъ добръ всѣми добродѣтелями и примѣситъ къ нимъ мало нѣчто жидовскаго сѣмени, ино то все его житье не потребно передъ Богомъ и человѣки, и Богъ не стерпитъ ему и обличитъ его, яко же и новгородскихъ поповъ, ученіе жидовское пріимшихъ“. И опасаясь, что общеніе съ Захаріей толкнетъ боярина къ ереси, инокъ добавляетъ: „И ты, господине Дмитрій, коли былъ еси посломъ и говорилъ еси съ тѣмъ жидовиномъ съ Захаріею Скарою. И я, господине Дмитрій, молюся тебѣ: что если отъ него слышалъ словеса добры или худы, то пожалуй, господине, отложи ихъ отъ сердца твоего и отъ устъ твоихъ“ [1]).

Посланіе было написано въ то время, (1496 г.) когда ересь жидовствующихъ, не смотря на постановленія собора 1490 г., стала быстро распространяться въ Москвѣ. Нельзя допустить, чтобы великій князь считалъ Скарію распространителемъ жидовской ереси,—въ этомъ случаѣ онъ бы не звалъ его къ себѣ въ 1500 г., т. е. тогда, когда сектанты уже подвергались гоненію. Но, повидимому, общественное положеніе Скаріи было столь исключительное для еврея, что лѣтописцы, не проникая въ скрытыя причины успѣха ереси, приписали Скаріи возникновеніе новаго ученія [2]).

Если въ глазахъ Саввы, посвятившаго себя монастырскому подвижничеству, общеніе съ евреями угрожало религіознымъ убѣ-

---

[1]) Чтеніе въ Имп. Общ. истор. и древн. Россіи, 1902 г. кн. III (см. введеніе Бѣлокурова).

[2]) Голубинскій (стр. 889) говоритъ, что „Скара, если и собирался до 1490 г., когда былъ въ Москвѣ соборъ на жидовствующихъ, конечно, отложилъ свое намѣреніе переселиться въ нее“. Однако, великій князь поддерживалъ съ нимъ сношенія и въ 1500 г.

Слѣдуетъ отмѣтить, что тождественность матрегскаго (таманскаго) владѣтеля Захаріи Гунзольфи, такъ называемаго родоначальника ереси Захаріи Скары и Захаріи Гуилъ Гурсиса, который велъ переписку съ Московскимъ великимъ княземъ, признается отнюдь не всѣми изслѣдователями. В. Огородниковъ отрицаетъ тождественность Захаріи Гурсиса и родоначальника ереси Скаріи Захаріи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ В. Огородниковъ указываетъ на фактъ, говорящій въ пользу тождественности этихъ лицъ, а именно, что дьякъ Федоръ Курицынъ, примкнувшій къ ереси жидовствующихъ и имѣвшій большое вліяніе на великаго князя, принималъ дѣятельное участіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ московскаго двора.

жденіямъ русскаго народа, то люди живой дѣятельности не преъвидѣли ничего дурного отъ сношенія съ евреями. Во всякомд случаѣ многократное приглашеніе еврея, которому приписывалось распространеніе ереси жидовствующихъ, на службу, свидѣтельствуетъ что въ Москвѣ въ то время не питали исключительной непріязни къ евреямъ.

Не лишне здѣсь замѣтить, что въ 1490 г. прибылъ въ Москву изъ Венеціи, среди разныхъ мастеровъ, врачъ еврей Леонъ (мистро Леонъ жидовинъ), которому и поручили лѣченіе сына великаго князя [1]).

И при слѣдующемъ великомъ князѣ, Василіи III (1505—1533 г.), евреи встрѣчали гостепріимство въ Москвѣ, пріѣзжая сюда среди прочихъ купцовъ польско-литовскаго государства; право на пріѣздъ предоставлялось евреямъ общими договорами между Москвой и Польшей. Извѣстный дипломатъ Герберштейнъ [2]), посѣтившій въ то время (1517 и 1526 гг.) Москву съ цѣлью установить добрыя отношенія между великимъ княземъ и польскимъ королемъ, сообщаетъ, что не всякому купцу, кромѣ литовцевъ и поляковъ, а также торговыхъ людей, находящихся подъ ихъ властью, открытъ доступъ въ Москву: среди этихъ послѣднихъ, очевидно, и пріѣзжали евреи. О томъ, что евреи проживали въ государствѣ до Ивана Грознаго, можно заключить и изъ словъ иностранца Маржерета: „евреи нетерпимы со временъ Ивана Васильевича Мучителя“ [3]).

Насколько московское общество было въ то время далеко отъ недовольства евреями, видно изъ того, что русскій посолъ, прибывшій (1525 г.) въ резиденцію папы и долженствовавшій, въ силу особыхъ политическихъ условій, представить русскихъ людей въ глазахъ католиковъ хорошими христіанами, заявилъ итальянскому историку Іовію, будто евреевъ не впускаютъ въ предѣлы московскаго государства, „какъ весьма скверныхъ людей и злодѣевъ, потому что тѣ еще недавно научили турокъ лить мѣдныя пушки“ [4]). Чтобы понять смыслъ этихъ словъ, надо имѣть въ

---

[1]) Леонъ ручался за жизнь больного; когда же послѣдній умеръ, Леона казнили. Соловьевъ, Исторія Россіи (изд. 3), кн. 1, стр. 1496—7.

[2]) Герберштейнъ, Записки о московскихъ дѣлахъ. (Пет. 1908 г., изд. Суворина), стр. 90.

[3]) Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, собранныя Устряловымъ (изд. III, 1859 г.), т. 1, стр. 261.

[4]) Павелъ Іовій Новокомскій, Книга о Московскомъ посольствѣ (Петр. 1908 г. изд. Суворина, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Герберштейна), стр. 268.—Кн. Голицынъ (Исторія русск. законодат. о евреяхъ) ошибочно сообщаетъ, будто Іовій пріѣзжалъ въ Россію. Іовій написалъ книгу со словъ Дмитрія Герасимова.

виду то обстоятельство, что римская курія добивалась объединенія христіанскихъ государствъ, подъ главенствомъ папы, для изгнанія турокъ изъ Европы; однако, московское правительство не выражало готовности примкнуть къ подобному союзу, а это могло вызвать представленіе, будто Москва поддерживаетъ турокъ, что интересы христіанскаго міра ей недороги; таковыя подозрѣнія и должна была разсѣять реплика посла: непріязнь къ евреямъ должна была явиться лучшимъ доказательствомъ того, что русскіе—добрые христіане [1]). Евреи, изгнанные изъ Испаніи и радушно принятые Турціей, дѣйствительно, научили турокъ изготовлять порохъ и лить пушки. Однако это не имѣло никакого отношенія къ евреямъ, пріѣзжавшимъ въ Москву. Посолъ сказалъ неправду, заявивъ будто евреевъ не пускаютъ въ Москву. О томъ, что евреи имѣли въ то время доступъ въ московское государство, говорятъ и нѣкоторые позднѣйшіе офиціальные документы. Но характерно, что русскій посолъ ничего другого не могъ поставить въ упрекъ евреямъ, какъ то, что они усилили турокъ въ боевомъ отношеніи; сношенія русскихъ съ евреями, очевидно, не давали никакого повода для недовольства и жалобъ *).

---

[1]) Такое мнѣніе высказываетъ и Н. Д. Градовскій, Отношенія къ евреямъ въ древней и современной Руси (Пет. 1891 г.), стр. 261—63.

*) Редакція не можетъ согласиться съ проводимымъ въ этой статьѣ мнѣніемъ объ отсутствіи „исключительной“ непріязни къ евреямъ и „недовольства“ ими въ Московскомъ государствѣ. Тщательно сгруппированныя авторомъ данныя—хотя и не всегда между собою согласныя (см. напр. дальше въ текстѣ: въ 1545 г. Иванъ Грозный утверждаетъ, что евреямъ запрещался пріѣздъ въ Москву, а король Сигизмундъ въ 1550 г. ссылается на то, что они въ прежнія времена свободно туда допускались для торга)—даютъ намъ право заключить, что несмотря на всѣ препятствія, евреи Литвы и Польши все таки ѣздили въ пограничные города Московіи (Смоленскъ) и даже въ столицу. Но эти данныя не оправдываютъ заключенія объ отсутствіи у московскихъ людей дикихъ предразсудковъ спеціально противъ евреевъ, какъ особенной разновидности „поганыхъ“ иновѣрцевъ. У насъ нѣтъ основанія опорачивать сторонними мотивами заявленіе русскаго посла въ Римѣ Павлу Іовію (1526),—что „Московиты больше всего ужасаются при мысли о іудеяхъ и не пускаютъ ихъ въ свои предѣлы“ (Ante alia judaeorum genus memoria quidem horrent...).—Замѣтимъ кстати, что нѣкогда отстаивавшій идею старо-московской терпимости къ евреямъ, Н. Градовскій (на котораго авторъ, между прочимъ, ссылается), исходилъ изъ наивнаго предположенія, что евреи были постоянными жителями старой Московіи, и развивалъ эту идею въ своихъ странныхъ книгахъ, написанныхъ съ точки зрѣнія „русско-православной“ для обѣленія древней Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ для защиты еврейскаго равноправія передъ Паленской Комиссіей 1880-хъ годовъ.—Ред.

Рядъ актовъ свидѣтельствуетъ, что евреи не переставали появляться и даже водворяться въ русскомъ государствѣ. Рѣчь сперва идетъ, главнымъ образомъ, о евреяхъ Литвы, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ граничившей съ Московскимъ царствомъ; лишь позже мы встрѣчаемся съ польскими и другими евреями [1]).

Обмѣнъ товаровъ московскаго государства съ Литвой шелъ тремя путями—через Псковъ, Новгородъ и Москву. Вѣроятно, евреи направлялись съ торгомъ на Псковъ и Новгородъ, но во всякомъ случаѣ они охотно пользовались дорогой на Москву, проходившей черезъ Красный, Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьму. Въ 16 вѣкѣ въ Москвѣ (на Срѣтенкѣ) былъ особый литовскій дворъ.

Московское правительство по-прежнему допускало къ себѣ иностранцевъ съ большой неохотой: случалось, что иностраннымъ купцамъ позволяли останавливаться только въ порубежныхъ городахъ, но не дальше. Особенно охранялась въ этомъ отношеніи Москва. Правительство нерѣдко подвергало гостей всяческимъ притѣсненіямъ, нарушало договоры, заключенные съ государствами или торговыми компаніями, что, конечно, приводило къ преслѣдованію тѣхъ русскихъ, которые появлялись заграницей съ торговыми цѣлями. Яркой иллюстраціей въ этомъ отношеніи можетъ служить нижеслѣдующій фактъ: Иванъ III уничтожилъ въ Новгородѣ контору ганзейскихъ купцовъ, засадилъ ихъ въ тюрьму и конфисковалъ ихъ имущество,—тогда въ отместку въ Ревелѣ сожгли двухъ русскихъ купцовъ [2]).

Особенно часто московское правительство вступало въ конфликты съ Польшей.

Торговля Москвы съ Литвой и Польшей въ 16 и 17 вѣкахъ нарушалась безпрерывными войнами и постоянной враждой правительствъ; это отражалось не только на торговыхъ оборотахъ, но и на взаимныхъ отношеніяхъ между русскими и польско-литовскими купцами. „Положеніе купцовъ было не безопасно, когда были примѣры, что правительства, возобновивъ между собою едва потухающую вражду, задерживали купцовъ и конфисковывали ихъ имущества... Въ промежутки, когда военныхъ дѣйствій между

[1]) Отмѣтимъ, что московскіе купцы встрѣчались съ евреями и за предѣлами русскаго государства.—Герберштейнъ, говоря о Люблинской ярмаркѣ, передаетъ, что ее, наряду съ другими народностями, посѣщали московиты и евреи (Записки о московскихъ дѣлахъ, стр. 221).

[2]) Костомаровъ. Очеркъ торговли, стр. 39.

Литвою и Москвою не было, жители порубежныхъ земель безпрестанно дѣлали другъ на друга разбойничьи наѣзды, грабежи и раззоренія". При такихъ условіяхъ купцы, пріѣзжавшіе изъ Польши и Литвы, не пользовались въ Москвѣ ни благосклоннымъ пріемомъ правительства, ни расположеніемъ народа [1]), и поэтому подвергались притѣсненіямъ. Когда около 1570 г. русскіе послы были задержаны въ Литвѣ, литовскіе купцы, прибывшіе въ то время въ Москву, были ограблены правительствомъ [2]).

Раздѣляя судьбу своихъ соотечественниковъ, литовскіе евреи, посѣщавшіе московское государство, испытывали всяческія стѣсненія. Евреи могли пріѣзжать въ московское государство въ силу общихъ договоровъ между Россіей и Польшей [3]). Объ этомъ свидѣтельствуетъ посланіе короля Сигизмунда I къ великому князю Ивану Грозному по слѣдующему поводу. Двое бѣльскихъ евреевъ дали товаръ „ку вѣрной руцѣ" смоленскому купцу. Когда евреи позже прибыли въ Смоленскъ, оказалось, что купецъ умеръ; наслѣдникъ же его не хотѣлъ разсчитаться съ евреями; смоленскій намѣстникъ обѣщалъ, что дѣло будетъ разобрано въ Москвѣ. Въ это время въ Москву отправился посолъ Сигизмунда; евреи рѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, и Сигизмундъ далъ имъ листъ на имя посла, чтобы онъ оказалъ имъ защиту. Евреи поспѣшили въ Москву, но здѣсь королевскій листъ былъ отобранъ и никакого удовлетворенія они не получили. Когда же евреи вернулись въ Смоленскъ, одного изъ нихъ посадили въ тюрьму. Этотъ инцидентъ и побудилъ Сигизмунда обратиться съ посланіемъ къ великому князю (1539 г.). Изложивъ обстоятельства дѣла, король просилъ великаго князя оказать евреямъ справедливость; онъ отмѣтилъ, что перемирныя грамоты предоставили „волно купцамъ на обѣ стороны ходити безъ жадное зачепки". Въ заключеніе король напоминалъ о мирномъ договорѣ и крестномъ цѣлованіи [4]).

---

[1]) Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 136—137.

[2]) А. Мулюкинъ, Очерки по исторіи юридическаго положенія иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ (Одесса, 1912 г.), стр. 72.

[3]) Договоръ между Москвою и польско-литовскимъ государствомъ, заключенный въ 1503 г., гласитъ: „А твоимъ купцамъ изъ всѣхъ твоихъ земель во всѣ наши земли пріѣхать со всякимъ товаромъ и торговати на всякой товаръ, а пріѣхати имъ и отъѣхати добровольно, безо всякихъ зацѣпокъ". Таковы же были и послѣдующіе договоры. А. Мулюкинъ, Очерки по исторіи юрид. положенія иностранныхъ купцовъ, стр. 5.

[4]) С. Бершадскій, Русско-еврейскій архивъ, т. I, № 198.

Сохранилось извѣстіе и о другомъ подобномъ случаѣ въ годы правленія Ивана Грознаго. Однажды въ Москвѣ былъ сожженъ товаръ литовскихъ евреевъ. Польскій король заступился за нихъ, и великій князь, отправляя въ 1545 г. къ Сигизмунду Августу посла, поручилъ ему представить королю объясненія и по этому дѣлу, а именно, что товары были сожжены за то, что евреи привезли для продажи „мумею“, несмотря на запрещеніе имъ пріѣзжать въ Москву [1]). Евреи стали просить короля заступиться за нихъ. Сигизмундъ согласился. Однако, обмѣнъ писемъ между нимъ и великимъ княземъ не привелъ къ цѣли. Евреи продолжали просить Сигизмунда о защитѣ ихъ интересовъ, и Сигизмундъ нѣсколько лѣтъ спустя вновь обратился къ великому князю по этому дѣлу. Въ грамотѣ отъ 21 мая 1550 г. на имя Ивана Грознаго онъ писалъ: „передъ тѣмъ з ъ в ѣ к у за предковъ твоихъ великихъ князей в о л н о б ы л о в с ѣ м ъ к у п ц а м ъ н а ш и м ъ, х р и с т ь я н а м ъ и ж и д а м ъ, до панства твоего на Москву и по всей земли твоей съ товары ходити и купчити“. Сигизмундъ вновь просилъ предоставить евреямъ право торговли, какъ прочимъ купцамъ. Но Иванъ Грозный отказалъ: „А что еси писалъ намъ, чтобы жидомъ твоимъ позволили ѣздити въ наши государства по старинѣ, и мы къ тебѣ о томъ писали напередъ сего неодинова, извѣщая тебѣ отъ жидовъ лихія дѣла, какъ нашихъ людей и отъ крестьянства отводили и отравныя зелья въ наше государство привозили и пакости многіе людямъ нашимъ дѣлали: и тебѣ было брату нашему, слышавъ такія ихъ злые дѣла, много о нихъ писати непригоже: занже и въ иныхъ государьствахъ, гдѣ жиды побывали, и въ тѣхъ государьствахъ много зла отъ нихъ дѣлалось... и намъ въ свои государьства жидамъ никакъ ѣздити не велѣти, занже въ своихъ государьствахъ лиха никакого видѣти не хотимъ, а хотимъ того, чтобы Богъ далъ въ моихъ государьствахъ люди мои были въ тишинѣ безо всякаго смущенья. И ты бы, братъ нашъ, впередъ о жидахъ къ намъ не писалъ“ [2]).

На этомъ документѣ слѣдуетъ остановиться.

Не говоря о томъ, что взаимоотношенія между великимъ княземъ и королемъ отнюдь не были въ то время дружественны [3]),

[1]) Регесты, № 462. „Книга посольская Метрики Литовской“, 1, 5.

[2]) Чтеніе Моск. Общ. Ист. и Древн., 1860 г., т. IV, стр. 77—78. М у л ю к и н ъ, пріѣздъ иностранцевъ, стр. 223. Сборн. Имп. Русск. Общ., LIX, стр. 341 и сл. [Ср. Е р. С т а р. 1910 г., стр. 227—29.—Р е д.].

[3]) Съ 1549 г., въ теченіе ряда лѣтъ, шелъ споръ изъ-за титула Грознаго: Сигизмундъ отказывался признать великаго князя „царемъ“.

что, какъ мы видѣли, тяжело отзывалось на подданныхъ,—надо подчеркнуть, что Иваномъ Грознымъ руководили не соображенія о „лихихъ дѣлахъ" евреевъ, а религіозная вражда къ иновѣрцамъ. Если ссылка на то, будто евреи совращали христіанъ, можетъ быть объяснена превратнымъ представленіемъ о ереси жидовствующихъ, то указаніе на лихія дѣла являлось въ то время обычнымъ обвиненіемъ противъ тѣхъ, кого само правительство обижало. Когда въ 1570 г. правительство ограбило нѣсколькихъ грековъ и армянъ, прибывшихъ въ свитѣ литовскаго посольства, то незаконное дѣйствіе оправдывалось тѣмъ, что они „искали надъ государя нашею землею лихого дѣла"; это было даже милостью, такъ какъ подобные злодѣи достойны, молъ, казни [1]).

Какъ и въ русской жизни, правленіе Ивана Грознаго оставило по себѣ среди евреевъ воспоминаніе, полное ужаса. Когда въ 1563 г. русскія войска взяли Полоцкъ, Иванъ Грозный велѣлъ всѣхъ евреевъ съ семьями, говоря словами лѣтописца, „въ воду рѣчную вметати, и всѣхъ утопили ихъ"; принявшіе православіе были пощажены. Потоплены были и ксендзы-бернардины [2]).

Какъ передаетъ Принцъ, бывшій дважды посломъ у великаго князя, печальная судьба постигла также евреевъ другихъ завоеванныхъ городовъ и крѣпостей—ихъ предавали смерти.

Иностранецъ Петръ Петрей де Эрлезундъ, побывавшій въ 1611 г. въ Россіи, сообщаетъ въ своемъ „Описаніи русскихъ государей" [3]) объ Иванѣ Грозномъ: „Какъ ни былъ онъ жестокъ и неистовъ, однако же не преслѣдовалъ и не ненавидѣлъ за вѣру никого кромѣ жидовъ, которые не хотѣли креститься и исповѣдывать Христа: ихъ онъ либо сжигалъ живьемъ, либо вѣшалъ и бросалъ въ воду. Потому что обыкновенно говорилъ, что никакой царь, князь или король не долженъ довѣрять этимъ людямъ, или щадить тѣхъ, которые предали и убили Спасителя міра".

Маржеретъ, прибывшій въ Россію почти сорокъ лѣтъ спустя, разсказываетъ, что „Государь приказалъ собрать всѣхъ евреевъ, находившихся въ Россіи; потомъ, связавъ имъ руки и ноги, вывели ихъ на мостъ, гдѣ они принуждены были отречься отъ

[1]) Мулюкинъ, Очерки по ист. юрид. полож. иностр. купцовъ, стр. 72—74.

[2]) Безъ-Корниловичъ, Историч. свѣдѣнія о примѣчат. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи (1855), стр. 81. [Регесты I, № 527].

[3]) Русскій переводъ—см. Чтенія въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей 1866 г., кн. I, отд., 4, стр. 165.

своего закона, и когда сказали, что желаютъ креститься... царь въ ту минуту велѣлъ бросить ихъ въ воду" [1]). Это сообщеніе не соотвѣтствуетъ, насколько извѣстно, дѣйствительности, но оно характерно въ томъ отношеніи, что передаетъ, повидимому, ходячее представленіе о жестокомъ обращеніи Ивана Грознаго съ евреями.

Не смотря, однако, на всѣ преслѣдованія, евреи продолжали появляться на Руси. Такъ, есть извѣстіе, что въ 1584 г. нѣкій брестскій еврей отправился въ Москву по торговымъ дѣламъ [2]). Особаго вниманія заслуживаетъ актъ, говорящій, какъ можно думать, о евреяхъ, осѣвшихъ въ государствѣ: это „вкладная" отъ 1576 г. (7084 г.—по принятому тогда лѣтосчисленію), по которой владѣлецъ вотчины сельца Рожново и деревни Починокъ, въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, завѣщалъ свое имущество Троицкому Сергіеву монастырю; между прочимъ, завѣщатель, заявляя, что отдаетъ монастырю сельце и деревню, пишетъ: „а на томъ мнѣ сельцѣ въ Рожновѣ и деревнѣ Починокъ жидовскаго живота и всяки угодемъ владѣть" [3]). Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимся съ евреями, захваченными въ Литвѣ въ плѣнъ и оставшимися въ московскомъ государствѣ,-быть можетъ, и кашинскій завѣщатель имѣлъ у себя евреевъ, плѣненныхъ во время похода Ивана Грознаго.

Впрочемъ, и тогда, когда фактически закрывался доступъ въ Москву, евреи, какъ и другіе польскіе подданные, продолжали вести торговыя дѣла съ Москвою чрезъ посредство Смоленска, который имѣлъ большое торговое значеніе. Черезъ Смоленскъ шли сухопутьемъ товары въ Москву изъ Литвы и странъ, лежавшихъ за нею. Въ Смоленскѣ былъ особый „гостинъ литовскій дворъ" на посадѣ. Особенно выростало значеніе этого двора въ то время, когда стѣснялось появленіе литовскаго и польскаго купечества внутри московскаго государства. Такъ, въ 1590 г. запрещено

---

[1]) Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, т. I. стр. 261

[2]) Регесты № 653. (Истор. юридическіе матеріалы Сазонова, VII, стр. 354). Любопытство вызывается „дѣломъ Офремки пушкаря, что вышелъ изъ Литвы въ Полотескъ и сказывалъ про Жидовью, про Свибора, да про Кадыша, что имъ быти съ послы съ Литовскими къ Москвѣ". Дѣло хранилось въ Московскомъ царскомъ архивѣ, согласно описи архива, составленной между 1575 и 1584 г.г.; къ сожалѣнію, другихъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется (Регесты и надписи т. I, № 654).

[3]) Документъ, извлеченный изъ рукописнаго Отдѣла Импер. Публич Библіотеки и любезно предоставленный мнѣ А. Я. Лихтерманомъ.

было пускать изъ Литвы далѣе Смоленска „съ невеликими товары“ простыхъ „торговыхъ людей“, а пропускались въ Москву лишь „именитые гости съ большими товарами съ узорочными, съ каменіемъ съ дорогимъ и съ жемчугомъ и съ сукны скорлаты“. При такихъ условіяхъ Смоленскъ изъ транзитнаго пункта превращался въ торговый центръ. А это имѣло, конечно, большое значеніе для литовскихъ евреевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Юлій Гессенъ.

О количествѣ еврейскаго населенія въ Литовскомъ княжествѣ въ серединѣ XVI в.

Изъ всѣхъ вопросовъ, касающихся исторіи евреевъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ до Люблинской уніи, наименѣе разработаннымъ безспорно является вопросъ о численности еврейскаго населенія. Всѣ, писавшіе по этому вопросу, начиная съ Т. Чацкаго, опредѣляли численность еврейской колоніи въ Литвѣ еще въ періодъ ея возникновенія (XIV в.) ничего не говорящимъ словомъ „много". Свое предположеніе о „многочисленности" еврейскаго населенія они строили на ошибочномъ показаніи І. Букеторфа, будто съ начала XV вѣка еврейская община въ Вильнѣ имѣла раввиномъ знаменитаго Магариля [1]), что должно свидѣтельствовать о многочисленности и богатствѣ этой общины (Чацкій), „а разъ ихъ (евреевъ) не мало имѣла сама столица Литвы, то ихъ не мало было и въ другихъ городахъ, тѣмъ болѣе, что они сюда имѣли доступъ какъ со стороны Польши, такъ и съ востока" (Narbut).

Инціатива научной разработки этого вопроса принадлежитъ изслѣдователю исторіи литовскихъ евреевъ С. А. Бершадскому. Не имѣя никакихъ непосредственныхъ данныхъ, Бершадскій весьма остроумно рѣшилъ установить приблизительно численность еврейскаго населенія въ Литвѣ во второй половинѣ XVI в. на основаніи еврейскаго податнаго обложенія. Вотъ что онъ говоритъ:

„Универсалъ 1563 года, іюля 25, возлагая на евреевъ 4000 копъ грошей, въ своихъ опредѣленіяхъ указываетъ намъ на минимальную единицу обложенія. Каждой еврейской общинѣ

---

[1]) См. Бершадскій, „Литовскіе евреи", стр. 321 и слѣд.

повелѣвается въ теченіе двухъ недѣль отъ предъявленія имъ королевскаго повелѣнія представить уполномоченному отъ государственнаго казначейства сборщику сумму, обозначенную въ королевскомъ повелѣніи, адресованномъ къ каждой самостоятельной еврейской общинѣ. Въ случаѣ же неуплаты въ срокъ, сборщикъ долженъ произвести поголовную перепись всѣхъ евреевъ неисправной общины безъ различія пола и возраста и постояннаго мѣстопребыванія, хозяевъ и пріѣзжихъ евреевъ, и взять съ каждой головы по одному польскому злотому или по 30 литовскихъ грошей, т. е. полъ копы. Сверхъ того произвести оцѣнку имущества, принадлежащаго каждому еврею, и взыскать въ пользу казны 10% съ оцѣночной суммы. Такъ какъ поголовная ревизія и взысканіе 10% съ имущества прилагались только къ упорствующимъ, то можно предположить, что министръ финансовъ (подскарбій) надѣялся, что назначаемая имъ на отдѣльную общину сумма не превзойдетъ значительно одного злота съ головы.

Принимая окладную сумму по одному злотому съ еврея, обратимся къ разсмотрѣнію окладныхъ платежей, установленныхъ какъ со всѣхъ литовскихъ евреевъ въ совокупности, такъ и съ каждой общины въ отдѣльности. Огульная сумма еврейскихъ податей колебалась между четырьмя и шестью тысячами копъ грошей... Принимая minimum обложенія полъ копы грошей, мы въ правѣ предположить, что количество всѣхъ евреевъ въ Литвѣ безъ различія пола и возраста простиралось отъ 10 до 12 тысячъ душъ. Съ введеніемъ въ 1566 году поголовной подати, сумма 4000 копъ грошей можетъ быть признана за довольно близко выражающую истинное количество еврейскаго населенія, т. е. 8 или 10 тыс. душъ обоего пола [1]).

Итакъ, свое вычисленіе еврейскаго населенія въ Литвѣ въ началѣ второй половины XVI в., Бершадскій выводитъ изъ того предположенія, что раскладка еврейскаго поголовнаго на отдѣльныя общины въ 1563 г.—на основаніи королевскаго универсала, устанавливающаго еврейское поголовное въ 4000 копъ грошей—производилась по принципу подушнаго обложенія, при чемъ единицей поголовнаго обложенія былъ, приблизительно, польскій злотый, или полъ копы грошей.

Попытаемся подвергнуть критическому разбору это основное предположеніе Бершадскаго. Остановимся сначала на окладныхъ листахъ еврейскаго поголовнаго 1563 г. Согласно этимъ листамъ, приходилось на еврейскую общину:

---

[1]) „Литовскіе евреи“, стр. 333 и слѣд.

въ Кременцѣ [1]),	состоявш.	изъ	48 евр.	домовл.	140	копъ грошей.
„ Луцкѣ [2])	„	„	56 „	„	550	„ „
„ Пинскѣ [3])	„	„	24 „	„	600	„ „
„ Владимірѣ [4])	„	„	30 „	„	500	„ „
„ Клецкѣ [5])	„	„	4 „	„	15	„ „
„ Гроднѣ [6])	„	„	60 „	„	200	„ „
„ Брестъ-Лит. [7])	„	„	85 „	„	264	„ „
„ Тыкотинѣ [8])	„	„	37 „	„	100	„ „

Если-бы дѣйствительно принципъ подушнаго обложенія легъ въ основу этой раскладки, то совершенно непонятно, какимъ образомъ на долю старинныхъ и крупнѣйшихъ еврейскихъ общинъ (Брестъ, Гродно) приходится наименьшая доля поголовнаго, и что на каждый домъ въ Тыкотинѣ и Кременцѣ приходится въ 5—6 разъ больше еврейской подати, чѣмъ напримѣръ во Владимірѣ.

Конечно, можно было бы возразить, что въ дошедшихъ до насъ данныхъ ревизій отмѣчены лишь еврейскіе домовладѣльцы, но отнюдь не количество еврейскихъ семействъ, проживающихъ въ обревизованныхъ городахъ; можно было бы поэтому предположить, что въ старинныхъ общинахъ (Гродно, Брестъ) число еврейскихъ не-домовладѣльческихъ семей было незначительно, въ то время, какъ въ общинахъ, возникшихъ гораздо ближе къ моменту переписи, состоявшихъ изъ недавно поселившихся евреевъ, наоборотъ, % евр. домовладѣльческихъ семей былъ незначителенъ. Такимъ образомъ, въ новыхъ общинахъ можетъ оказаться при меньшемъ количествѣ еврейскихъ домовладѣльцевъ большее число семействъ, а слѣдовательно и душъ, чѣмъ въ старыхъ общинахъ.

Но такого рода возраженіе не выдерживаетъ критики, ибо среди общинъ, интенсивнѣе другихъ участвующихъ въ еврейской подати, находится старинная община въ Луцкѣ (на 56 евр. домовъ приходится 550 копъ грошей), гдѣ, согласно приведенному

---

[1]) Русско-еврейскій Архивъ т. II, № 26 [Слѣдуетъ помнить, что до люблинской уніи 1569 г. въ составъ Литовскаго Княжества входила и Волынь.—Ред.].

[2]) Тамъ-же, № 27.

[3]) Тамъ-же, № 33; число это относится къ 1553—1555 г., а въ 1566 г. число еврейскихъ домовладѣльцевъ было 46; см. № 252.

[4]) Тамъ-же, № 28.

[5]) Тамъ-же, № 34.

[6]) Тамъ-же, № 113.

[7]) Тамъ-же, № 231 (относится къ 1566 г.).

Тамъ-же, № 263 (относится къ 1566—67 гг.).

предположенію, число еврейскихъ домохозяевъ и число семействъ должны были бы находиться въ извѣстномъ соотвѣтствіи между собой.

Еще яснѣе выступитъ невозможность такого объясненія факта неравномѣрнаго распредѣленія подати между общинами, если сопоставить распредѣленіе подати на отдѣльныя общины въ 1563 году съ таковымъ въ 1566 году.

Общины:	Сумма подати въ 1563 г.:	Сумма подати въ 1566 г.[1]).
Гродно	200 копъ грошей.	200 копъ грошей.
Брестъ	264 „ „	1,300 „ „
Луцкъ	550 „ „	500 „ „
Кременецъ . . .	140 „ „	150 „ „
Острогъ	600 „ „	500 „ „
Владимірь . . .	500 „ „	300 „ „
Тыкотинъ . . .	100 „ „	170 „ „

Мы видимъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ (отъ 1563 г. до 1566 г.) измѣнились податныя отношенія почти всѣхъ упомянутыхъ общинъ (за исключеніемъ Гродно). Если же допустить, что и въ 1563 году раскладка была произведена, какъ это полагаетъ Бершадскій, по принципу подушнаго обложенія, то измѣненіе податныхъ отношеній можетъ быть вызвано исключительно измѣненіемъ численнаго состава этихъ общинъ. Но тогда пришлось-бы допустить, что еврейское населеніе города Бреста, подать котораго возросла съ 264 на 1,300 копъ грошей, увеличилось въ теченіе упомянутыхъ трехъ лѣтъ въ пять разъ, что совершенно невозможно. Точно также невозможно допустить, чтобы еврейское населеніе Владиміра уменьшилось за эти три года почти вдвое.

Впрочемъ, цифру еврейскаго населенія въ Литвѣ въ XVI в., выведенную Бершадскимъ, нельзя принять еще и по другимъ соображеніямъ.

Въ 1563 г.,—слѣдовательно, когда была закончена перепись еврейскаго населенія, начатая въ 1551 году, и когда правительство уже имѣло въ своемъ распоряженіи болѣе или менѣе вѣрныя данныя о количествѣ этого населенія,—представители литовской шляхты выступаютъ съ ходатайствомъ передъ королемъ, чтобы „колвекъ ихъ (евреевъ) есть въ Литвѣ въ мѣстахъ господарскихъ и князскихъ и панскихъ и земянскихъ, абы они людей пѣшихъ двѣ тысячи на войну выправовали, а стрѣльцевъ еще большъ причиняли“ [2]).

[1]) Русско-еврейскій Архивъ т. II. № 249.
[2]) Русско-евр. Архивъ т. II. № 176.

Вполнѣ понятно, что литовская шляхта, которая непрочь была отягчить евреевъ непосильными чрезвычайными поборами; но совершенно неправдоподобнымъ намъ кажется, чтобы она выставила себя на посмѣшище передъ королемъ и всей страной, требуя отъ населенія, котораго оффиціально числится въ странѣ 8—10 тысячъ (а вѣдь другихъ данныхъ о количествѣ евреевъ шляхта не представила), чтобы оно „выправовало на войну двѣ тысячи пѣшихъ людей, а стрѣльцевъ еще больше“ [1]).

Далѣе. Въ 1495 году князь Александръ изгоняетъ всѣхъ евреевъ изъ Великаго Княжества Литовскаго и лишь спустя 8 лѣтъ—въ 1503 г.—разрѣшаетъ имъ возвратиться. Слѣдовательно, съ момента возвращенія евреевъ въ Литву до переписи прошло 50—60 лѣтъ. Въ теченіе такого промежутка времени еврейское населеніе, даже при багопріятныхъ условіяхъ, должно было, благодаря только естественному приросту, удвоиться. Фактъ удвоенія еврейскаго населенія Литвы въ промежутокъ между ихъ возвращеніемъ и переписью станетъ еще болѣе безспорнымъ, если вспомнимъ, что численному росту еврейскаго населенія въ значительной степени способствовала начавшаяся въ XVI вѣкѣ иммиграція въ Литву польскихъ евреевъ. Въ 1551 году [2]) мы встрѣчаемъ въ Вильвѣ краковскихъ евреевъ, открывающихъ здѣсь ломбарды. Начиная со второй половины XVI вѣка мы нерѣдко встрѣчаемъ польскихъ евреевъ, выступающихъ въ литовскихъ судахъ какъ жалобщики, или въ качествѣ обвиняемыхъ [3]). Съ этого момента начинаютъ также нерѣдко попадаться специфическія западно-европейскія имена евреевъ (Липманъ, Айзикъ, Мендель и т. д. [4]), что также несомнѣнно указываетъ на иммиграцію изъ Запада.

Если же мы примемъ выведенную Бершадскимъ, на основаніи весьма остроумной комбинаціи, цифру еврейскаго населенія въ Литвѣ во второй половинѣ XVI вѣка въ 8—10 тысячъ душъ, то

---

[1]) Рѣчь тутъ идетъ, конечно, только о выдачѣ средствъ на вооруженіе извѣстнаго количества людей, причемъ фраза „стрѣльцовъ еще больше“ означаетъ не больше 2000, а больше прежняго количества.—*Ред.*].

[2]) Русско-евр. Архивъ т. II, № 20.

[3]) Тамъ-же, №№ 2, 21, 24, 30, 40, 96, 116, 167 и др.

[4]) Вообще объ именахъ литовскихъ евреевъ до XVI в. см. нашу статью: „די יודען אין אלטען קעניגרייך ליטא“ въ журналѣ „דאס נייע לעבען“, 1912 г. № 10 и 1913 г. №№ 5—7. Среди еврейскаго населенія гор. Гродно въ 1560 году также встрѣчаются специфическія имена западно-европейскихъ евреевъ. (Русско-евр. Архивъ, II, № 113).

придется опредѣлить число возвратившихся въ Литву въ 1503 году евреевъ maximum въ 4—5 тысячъ человѣкъ.

Нужно, однако, прибавить, что в. князь Александръ при изгнаніи евреевъ конфисковалъ все ихъ недвижимое имущество, раздавъ болѣе цѣнное христіанамъ за опредѣленныя „челобитья", и кромѣ того не далъ евреямъ возможности взыскать свои долги. Такимъ образомъ вся масса возвратившихся въ Литву евреевъ состояла изъ людей бездомныхъ и потерявшихъ все свое имущество. Правда, в. князь возвращаетъ вернувшимся евреямъ отнятыя у нихъ имущества; но не нужно забывать, что лучшія имущества уже были за это время розданы и, согласно королевскому декрету, евреи должны были вернуть владѣльцамъ этихъ имуществъ внесенныя ими челобитья. Но тогда станетъ совершенно непонятнымъ, какъ могла такая малочисленная группа, къ тому же экономически разоренная, обязаться „выставить въ войска" (т. е. вооружить на свой счетъ) 1000 всадниковъ.

Мы показали невозможность принять выведенную Бершадскимъ цифру еврейскаго населенія въ Литвѣ въ XVI вѣкѣ (8—10 тыс. душъ). Попытаемся теперь сами опредѣлить численность литовскаго еврейства въ упомянутый періодъ.

Въ 1569 году король Сигизмундъ-Августъ, по жалобѣ евреевъ, предписываетъ Луцкому старостѣ освободить изъ тюрьмы луцкихъ евреевъ, посаженныхъ за невзносъ приходящейся на ихъ долю подати, положенной въ суммѣ 3000 копъ грошей на всѣхъ евреевъ Литвы, так как Луцкіе евреи уплатили уже согласно постановленію Гродненскаго сейма по 15 грошей съ головы [1]). Отсюда видно, что установленная Гродненскимъ сеймомъ еврейская подать была вычислена по 15 грошей съ головы. Но общая сумма еврейскаго поголовнаго, установленная этимъ сеймомъ, равнялась 6000 копъ грошей, по 60 грошей въ копѣ [2]). Отсюда вытекаетъ, что еврейское населеніе въ Литвѣ во второй половинѣ XVI вѣка составляла около 24 тыс. человѣкъ [3]).

---

[1]) Русско-евр. Архивъ т. II. № 281.

[2]) Тамъ-же № 259.

[3]) Разсчетъ автора, основанный на цитатѣ не изъ польскаго текста акта № 281, а изъ заглавнаго суммарія Бершадскаго, оказывается неточнымъ. Въ текстѣ буквально сказано: „Поголовную подать, установленную на Гродненскомъ сеймѣ съ каждой головы, въ два

Обратимся теперь къ универсалу Сигизмунда Августа отъ 1563 года, коимъ повелѣвается взыскать съ отдѣльныхъ еврейскихъ общинъ приходящуюся на ихъ долю общееврейскую подать въ 4000 копъ грошей, такъ какъ на основанiи этого акта Бершадскiй выводитъ свою цифру еврейскаго населенiя. Свой универсалъ король начинаетъ слѣдующими словами:

„Ижъ на сейчасъ великiе и пилные потребы земскiе припали, для того положили есмо были на всихъ васъ, подданныхъ Нашихъ, жидовъ, што ихъ въ тутешнемъ панствѣ есть, 12000 копъ грошей литовское личбы: але мѣючи есьмо справу отъ нѣкоторыхъ подданныхъ Нашихъ, жидовъ старшихъ вашихъ, ижбы таковую сумму дати вамъ было зъ обтяженемъ вашимъ и заплатити бы есте ее не могли, про то, чинечи ласку Нашу Господарскую, тое суммы зменшити, только 4000 копъ грошей на всихъ жидовъ наложити есмо велѣли“ [1]).

Какъ видно изъ этого введенiя, первоначальная сумма еврейской подати, установленная въ 1563 году, равнялась 12 тыс., и лишь по ходатайству „старшихъ“ еврейскихъ обществъ, ссылавшихся на обременительность этой суммы, король уменьшилъ ее до 4 тыс. копъ грошей. Еврейская подать въ 1563 г. была установлена послѣ окончанiя переписи еврейскаго населенiя Литвы, предпринятой королемъ для правильнаго распредѣленiя поголовнаго налога, и нѣтъ поэтому сомнѣнiя, что принципъ подушнаго обложенiя легъ въ основу опредѣленiя еврейской подати. Какая же единица подушнаго обложенiя была принята первоначально для установленiя поголовнаго въ 12 тыс. копъ грошей.

Первоначальная, не редуцированная еврейская подать соста-

срока, по двѣнадцати грошей, на оборону земскую они (Луцкiе евреи) выдали и заплатили“ (podatek pogłownij na sejmie Grodzieńskiem ufalonij z kazdej glowi na dwie raczie po gr. dwanascie na obronę ziemską wijdali i zaplaczili). Слѣдовательно въ суммарiи Бершадскаго цифра 15—ошибочна (вѣроятно описка или опечатка). Если же принять цифру текста—24 гроша (по 12 грошей въ два срока), то численность евреевъ была бы 15.000. Вообще-же мы это тъ методъ дѣленiя 6000 копъ на подушную цифру считаемъ въ данномъ случаѣ гадательнымъ, такъ какъ трудно разграничить здѣсь сумму обыкновенной поголовной подати и чрезвычайные сборы для „земской обороны“. Это, конечно, не умаляетъ значенiя другихъ выводовъ г. Рубштейна, въ особенности его критики исчисленiя Бершадскаго. Слѣдуетъ, впрочемъ, принять во вниманiе оговорку самого Бершадскаго: „очередные листы 1563 и 1566 г., взятые безотносительно, мало могутъ служить къ выясненiю количества еврейскаго населенiя“ (Литов. евр., 335).—*Ред.*

[1]) Русско-евр. Архивъ т. II, № 179.

вляла въ 1563 г. 12 тыс. копъ грошей., т. е. вдвое больше подати, установленной Гродненскимъ сеймомъ. Но Гродненскій сеймъ принялъ за единицу подушнаго обложенія 15 грошей; слѣдовательно, за единицу подушнаго обложенія при первоначальномъ опредѣленіи еврейскаго поголовнаго приняли полъ-копы (30) грошей [1]. Однако „старшимъ" евреевъ удалось убѣдить короля въ невозможности взыскать эту сумму въ виду „убожества" евреевъ, а также потому, что они „прикладаются частыми податками на потребы земскіе", и король соглашается „чинить евреямъ свою ласку" и уменьшить эту подать на $^2/_3$, т. е. съ 12 на 4 тыс. копъ грошей. Но при установленіи уменьшенной подати, такъ и при ея раскладкѣ на отдѣльныя общины руководствовались не принципомъ равнаго индивидуальнаго обложенія, а исключительно состоятельностью данной еврейской общины въ цѣломъ. Лишь при такомъ методѣ раскладки возможно, чтобы на долю многочисленной общины, напр., въ Брестѣ пришлось 264 копы грошей, тогда какъ на долю малочисленныхъ общинъ въ Пинскѣ, Владимірѣ и т. д. приходится этой подати вдвое больше (500—600 копъ грошей).

Теперь понятнымъ станетъ универсалъ Сигизмунда Августа о взысканіи съ еврейскихъ общинъ приходящейся на нихъ доли подати, повелѣвающій—въ случаѣ неуплаты общиной этой доли—

[1] Бершадскій также приходитъ къ заключенію, что единицей подушнаго обложенія въ 1563 году были 30 грошей, но онъ полагаетъ, что эту единицу приняли при установленіи уже редуцированной подати въ 4 тыс. копъ крошей. Мы уже доказали несостоятельность мнѣнія Бершадскаго, что раскладка еврейской подати въ 1563 году (уже редуцированной) была построена на принципѣ подушнаго обложенія. Здѣсь мы хотимъ лишь замѣтить, что въ подтвержденіе своей догадки Бершадскій ссылается на два постановленія о взысканіи еврейской подати, относящіяся къ 1566 году. Но первое постановленіе датировано 3 янв. и ссылается на рѣшеніе Виленскаго сейма. Этимъ королевскимъ постановленіемъ старосты и державцы приглашаются взимать съ еврейскаго населенія лишь по *15 грошей*. Второе королевское постановленіе датировано 1 іюня 1566 (Люблинъ) и требуетъ съ каждой еврейской головы дополнительной подушной подати въ $7^1/_2$ гроша. Но этотъ дополнительный „платъ" былъ лишь временнымъ сборомъ и былъ вызванъ исключительными обстоятельствами военнаго времени. Это видно также изъ того, что въ томъ самомъ году правительство не довольствуется возложеннымъ на евреевъ вторымъ поголовнымъ и взыскиваетъ съ нихъ чрезвычайный поборъ въ суммѣ 6000 копъ грошей. (Русско-евр. Архивъ т. II № 245). Однако, въ слѣдующемъ же году король уменьшаетъ еврейское поголовное на три тысячи копъ грошей. (Тамъ-же 259).

произвести поголовную перепись еврейскаго населенія упорствующей общины, какъ осѣдлыхъ, такъ и пріѣзжихъ, и взыскать съ каждой головы по одному польскому злоту, а сверхъ того произвести оцѣнку принадлежащаго имъ имущества и взыскать 10% оцѣночной суммы (№ 179). Это значитъ, что король лишалъ упорствующую общину „своей ласки" и велѣлъ поэтому взимать съ нея поголовную подать согласно первоначально установленному размѣру подушнаго обложенія, т. е. по полъ-копы, а за неподчиненіе королевскому указу, въ видѣ штрафа, брать 10% съ ихъ имущества.

Такимъ образомъ, польскій злотый (30 грошей), который взыскивался поголовно съ членовъ упорствующей общины, былъ единицей подушнаго обложенія не при установленіи уже уменьшенной подати въ 4000 копъ грошей, какъ это думаетъ Бершадскій (на чемъ онъ строитъ свое вычисленіе еврейскаго населенія Литвы), но при установленіи первоначальной суммы еврейской подати въ 12 тыс. копъ грошей.

Мы пришли, слѣдовательно, на основаніи королевскихъ универсаловъ о еврейской поголовной подати, къ заключенію, что, по даннымъ переписи 1551—1563 г.г. еврейское населеніе Литвы составляло около 24 тыс. душъ обоего пола. Но тутъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что перепись эта была произведена съ фискальной цѣлью и что евреи не могли не знать этой цѣли, ибо король на Виленскомъ сеймѣ, отвѣчая на просьбу литовской шляхты объ обложеніи евреевъ подушной податью въ размѣрѣ одного червоннаго золотого, открыто заявляетъ, что „вжо рачилъ Его Королевская Милость тыхъ жидовъ списати и скоро будутъ списаны, тогды на онъ часъ платъ ку оборонѣ земской съ нихъ поставленъ будетъ" [1]). Евреи, поэтому, были кровно заинтересованы въ томъ, чтобы показать свою численность насколько возможно уменьшенной и утаить отъ ревизоровъ часть своего семейнаго состава, (особенно въ многоголовыхъ семьяхъ). Слѣдовательно, не рискуя ошибиться, мы можемъ принять дѣйствительную численность еврейскаго населенія въ Литвѣ, въ серединѣ XVI вѣка, въ 30 тысячъ душъ обоего пола.

Б. Рубштейнъ.

---

[1]) Русско-евр. Архивъ т. № 22.

Къ исторіи участія евреевъ въ польскомъ возстаніи 1863 г.

Участіе еврейскаго общества въ польскомъ возстаніи 1863 г. давно признано однимъ изъ значительныхъ моментовъ этого движенія. Большое вліяніе историки приписываютъ здѣсь дѣятельности просвѣщенныхъ сферъ польскаго еврейства, особенно той молодежи, которая воспитывалась въ Раввинскомъ училищѣ и Главной школѣ въ Варшавѣ. „Раввинское училище“, изъ стѣнъ котораго вышло очень мало раввиновъ, выдвинуло много выдающихся ученыхъ, банкировъ, и вообще подготовило первыя кадры польско-еврейской интеллигенціи [1]). Воспитанная въ польскомъ духѣ, пропитанная идеалами польскаго народа, интеллигенція эта принимала живое участіе во всѣхъ тайныхъ кружкахъ, основанныхъ передъ возстаніемъ, — впрочемъ, не одна только интеллигенція. Среди жертвъ возстанія 1863 года мы встрѣчаемъ многихъ евреевъ изъ толпы, всякаго рода факторовъ и посредниковъ, которые пострадали при усмиреніи мятежа за нежеланіе указать мѣстопребываніе польскихъ повстанцевъ.

„Никто не сомнѣвался—пишетъ русскій историкъ возстанія [2])—что польскій еврей, особенно образованный, скорѣе станетъ полякомъ, чѣмъ русскимъ, что онъ не промѣняетъ Польшу ни на какой край въ мірѣ“ и т. д. Хотя ареною возстанія было Царство Польское, т. н. „Конгрессувка“, тѣмъ не менѣе и въ другихъ частяхъ Рѣчи Посполитой евреи поддерживали возстаніе. Изъ Галиціи пріѣзжали охотники-евреи и поступали въ ряды польскихъ инсургентовъ [3]). Тоже самое было и на Литвѣ. „Евреи играли двойственную роль—говоритъ Муравьевъ въ сво-

---

[1]) О Раввинскомъ училищѣ см. Dzieje Warszawskiej Gminy Starozakonnych, T. I,- Wars. 1908. Ср. Пережитое, т. I: „Къ исторіи Рав. училища въ Варшавѣ“.

[2]) Бергъ, Записки о польскихъ возстаніяхъ, т I, стр. 183 (цитирую по польскому изданію. Крак. 1890).

[3]) Udział żydów w walce o niepodległości Polski w 1863 r. „Ojczyzna“, Lwów, 1883, №№ 7—13. Какъ мнѣ сообщилъ историкъ польской литературы и бывшій редакторъ „Ojczyzny“ Вил. Фельдманъ, авторомъ этого очерка былъ Альфредъ Носсигъ.

ихъ мемуарахъ [4]): они выказывали якобы радость (по случаю русскихъ побѣдъ), но это было притворно, потому что тайкомъ они повсюду помогали повстанцамъ и давали имъ деньги". „Говорятъ, что во многихъ окрестностяхъ крестьяне приготовляютъ косы,—пишетъ корреспондентъ изъ Варшавы въ издаваемый въ Парижѣ „Przegląd rzeczy polskich" (1861),—но въ другихъ мѣстахъ они, подстрекаемыя правительствомъ, не довѣряютъ шляхтѣ; зато вѣрно, что повсюду по деревнямъ вертятся еврейчики съ изъявленіемъ сочувствія и готовности служить нашему дѣлу".

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ нѣтъ обстоятельной монографіи по интересующему насъ предмету. Нѣкоторые попытки въ этой области слишкомъ поверхностны и заключаютъ въ себѣ очень скудный матеріалъ. Историки еще не обратили вниманія на громадную литературу мемуаровъ бывшихъ участниковъ возстанія 1863 г., гдѣ мимоходомъ сообщается довольно много и о евреяхъ. Въ настоящей замѣткѣ я постараюсь изложить собранный мною матеріалъ, не использованный до сихъ поръ. Въ брошюрѣ д-ра Бертольда Мервина по поводу 50-лѣтняго юбилея возстанія, изложенной безъ дополненій въ „Еврейской Старинѣ" [5]), я въ перечнѣ участниковъ возстанія замѣтилъ отсутствіе многихъ именъ, которыя считаю нужнымъ тутъ же дополнить по источникамъ.

1. Шапиро—аптекарь въ Ковнѣ. Въ 1862 г. былъ избранъ губернскимъ начальникомъ „жандармовъ" (?). Послѣ своего избранія, онъ послалъ корреспонденцію въ „Польскую Газету", въ которой писалъ, что стѣны ратуши въ Ковнѣ никогда не видѣли подобнаго случая: онъ, еврей, одинъ изъ директоровъ польскаго шляхетскаго клуба! Судьба его неизвѣстна [6]).

2. Шауль Кинкулькинъ — извѣстный виленскій букинистъ, другъ польскаго поэта Сырокомли (Людвика Кондратовича), который его увѣковѣчилъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи „Księgarz uliczny" [7]). За участіе въ возстаніи просидѣлъ болѣе года въ виленской тюрьмѣ. Кинкулькинъ способствовалъ распространенію польскихъ революціонныхъ изданій на Литвѣ. Умеръ 12 февраля н. ст. 1908 г. въ Вильнѣ [8]).

---

[4]) Pamiętnik Murawiewa (1863—65), Kraków, 1896, str. 36. Русскаго оригинала Записокъ Муравьева (въ Рус. Старинѣ 1882 г.) не было у меня подъ рукою.

[5]) Евреи въ польскомъ возстаніи 1863 г. (Евр. Стар. 1913 г., кн. IV). Очеркъ Мервина первоначально появился въ еженедѣльникѣ „Jedność", Lwow, 1906.

[6]) Pamiętniki Jakóba Giejsztora z lat 1857—65, pop. Wspomnieniami T. Korzona. Wilno 1913, t. I, str, 15. Тамъ же есть интересныя подробности о Кроненбергѣ. [Самъ Шапиро разсказалъ объ этомъ случаѣ въ своей книжкѣ „Tragikomisches aus dem Leben", Спб. 1879, стр. 76—81. Тамъ говорится лишь о директорствѣ въ клубѣ. Послѣ усмиренія возстанія, Шапиро не пострадалъ].
Ред.

[7]) S. Belz, Zydzi w Poezyi polskiej. Lwów, 1886.

[8]) Гейшторъ, указ. кн. т. I; Tygodn. illustr. 1908, № 11 (некрологъ).

3. Зорухъ Шепсесъ—тоже виленскій букинистъ. Хотя онъ активнаго участія въ возстаніи не принималъ, но благодаря ему много тысячъ нелегальныхъ изданій было распространено по всей Литвѣ. Онъ посѣщалъ арестованныхъ въ тюрьмахъ, помогалъ чѣмъ только могъ и вообще работалъ въ пользу возстанія. „Это былъ симпатичный еврей,—говоритъ Гейшторъ въ своихъ мемуарахъ, — похожій на раввина Майзельса. Онъ былъ добрымъ полякомъ и хорошимъ евреемъ... Такихъ польскихъ евреевъ мало имѣемъ мы теперь на Литвѣ [9]). Зорухъ Шепсесъ умеръ въ 1887 г. въ Вильнѣ.

4. Аронъ Эйзенбергъ, богатый торговецъ желѣзомъ въ Хенцинахъ (Кѣлец. губ.). О немъ разсказываетъ Болеславъ Анцъ въ своихъ мемуарахъ [10]). Будучи поставщикомъ русской арміи, Эйзенбергъ много работалъ въ пользу поляковъ; онъ спасъ много арестованныхъ повстанцевъ отъ неминуемой смерти. Анцъ ему обязанъ своею жизнью. „Эйзенбергъ не посвятилъ себя польскому дѣлу—говоритъ Анцъ,—потому что, къ сожалѣнію, не считалъ себя полякомъ, но онъ считалъ своей обязанностью служить обществу, которое его предкамъ оказало гостепріимство".

5. Мойсей Бергеръ — гласный городской думы Львова, одинъ изъ выдающихся дѣятелей ассимиляціи. Хотя лично участія въ возстаніи 63 года не принималъ, но зато помогалъ матеріально всѣмъ добровольцамъ, которые изъ Галиціи спѣшили подъ повстанскія знамена. Домъ его во Львовѣ былъ очагомъ революціонныхъ приготовленій. Ржондъ Народовый назначилъ Бергера завѣдывающимъ хозяйственной частью возстанія [11]). Умеръ онъ въ 1885 г.

6. Адольфъ Эпштейнъ (1839—1889). Окончивъ гимназію въ Тарнополѣ, онъ въ 1863 г. вступилъ въ ряды повстанцевъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ стычкахъ съ русскимъ войскомъ. Ржондъ Народовый назначилъ его потомъ военнымъ комиссаромъ; должность эту онъ исполнялъ до конца возстанія. Возвращаясь на родину, былъ арестованъ австрійскими властями и посаженъ въ краковскую тюрьму, гдѣ пробылъ 18 мѣсяцевъ. Благодаря амнистіи, былъ потомъ освобожденъ. Поселившись въ Черновицахъ, онъ занимался литературной работой. Перевелъ на нѣмецкій языкъ „Гайдамаковъ" Шевченки и „Przedświt" Красинскаго, но эти работы остались въ рукописи [12]).

7. Эдуардъ Веберсфельдъ—участникъ возстанія въ Галиціи. Подробныхъ свѣдѣній о немъ нѣтъ. Фрагменты изъ своихъ мемуаровъ напечаталъ въ 1896 г. въ польскомъ еженедѣльникѣ „Nasz Kraj" [13]).

8. Розенталь—студентъ кіевскаго университета, сосланъ

---

[9]) Гейшторъ, указ. кн. т. I, 255; Kraj 1887, № 17 (некрологъ).

[10]) B. Anc, Eisenberg. Ze wspomnień powstańca. Nasz Kraj 1906, № 4.

[11]) См. некрологъ въ המזכיר 1885 г., № 6.

[12]) Некрологъ о немъ въ „Gazeta Polska" 1889 г. Копія приговора Краковскаго суда напечатана въ „Ojczyzna" 1889, № 22.

[13]) Boryn, Wspomnienia z roku 1863. „Nasz Kraj" 1906, № 4

въ Сибирь за участіе въ польскомъ революціонномъ кружкѣ 1863 г. [14]).

9. Станиславъ Ротвандъ, за участіе въ возстаніи былъ сосланъ въ Оренбургскую губернію, гдѣ жилъ вмѣстѣ и подружился съ извѣстнымъ польскимъ революціонеромъ Ельскимъ [15]).

10. Яковъ Ротвандъ — послѣ возстанія 1863 года былъ сосланъ въ Сибирь. Ротвандъ занималъ постъ секретаря варшавской еврейской общины. Занимался также литературной дѣятельностью. Умеръ въ Варшавѣ въ апрѣлѣ 1913 г., на 92-мъ году жизни [16]).

11. Маврикій Веберъ, участникъ возстанія 1831 и 1863 годовъ. Въ 1879 г. издалъ по поводу юбилея Крашевскаго двѣ брошюры и воззванія, приглашая евреевъ участвовать въ торжественномъ праздновании юбилея писателя [17]). Умеръ въ Америкѣ въ 1884 г.

12. Юзефъ-Ноахъ Левенгерцъ (1816—1891). По возвращеніи изъ ссылки, поселился во Львовѣ, гдѣ умеръ въ 1891 г. [18]).

13. Робертъ Эфернъ (1812—1891), участникъ возстанія 1831, 1848 и 1863 годовъ. Умеръ во Львовѣ въ 1891 г. Похороны его носили политическій характеръ [19]).

14. Іонасъ Леонъ (родился въ 1843 г. въ Остшешовѣ) выступилъ со своимъ отрядомъ изъ Гродзиска (кн. Познанское) въ началѣ апрѣля 1863 года, сражался подъ Пыздрами, Коломъ, Игнацевомъ и въ другихъ мѣстахъ. Убитъ 13 или 15 ноября 1863 года, прикрывая вмѣстѣ съ другими охотниками, около моста одного мѣстечка надъ Вартой, отступленіе небольшого отряда возстанцевъ [20]).

15. Игнацій Гумпловичъ, извѣстный краковскій книгопродавецъ. „Участіемъ своимъ въ возстаніи 63 года—пишетъ о немъ „Ойчизна"—онъ пріобрѣлъ себѣ любовь и уваженіе польскаго общества". Гумпловичъ умеръ въ 1891 г. въ Краковѣ [21]).

16. Михаилъ Франкфуртеръ—магистръ фармаціи. Будучи гимназистомъ въ Тарнополѣ, тайкомъ поступилъ въ повстанскіе отряды и отличился нѣсколько разъ въ сраженіяхъ противъ русскихъ. По усмиреніи возстанія, поселился въ Вѣнѣ, занимаясь аптекарствомъ. Умеръ въ 1889 г. [22]).

---

[14]) Wspomnienia z czasów młodości. Materyały do historyi powstania 1863—64, t. XV, 103.

[15]) Гейшторъ, указ. кн., стр. 351.

[16]) Некрологъ въ „Izraelita" 1913, № 15. Отрывки изъ его воспоминаній—тамъ же, 1905 г. № 47.

[17]) См. המגיד 1884 т. № 22; ср. тамъ-же, 1882 г. היהודים במלחמת הדרור אשר נלחמו הפולנים . . . מאת פלוני אלמוני.

[18]) Некрологъ въ „Ojczyzna" 1891 г., № 22.

[19]) См. примѣч 18.

[20]) Zychliński Pamiętniki o powstaniu 1863 roku. Авторъ не называетъ Іонаса евреемъ, но по частнымъ свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно, что онъ былъ еврей.

[21]) Ojczyzna 1891, № 2.

[22]) Тамъ-же, 1889 г., № 5.

17. Функенштейнъ, английско-польскій еврей. Агентъ Народоваго Ржонда по покупкѣ оружія для возстанія. Оружіе онъ покупалъ въ Англіи и по англійскому паспорту тайкомъ перевозилъ въ Польшу. Слѣдуя за отрядомъ польскихъ уланъ, который былъ застигнутъ русскими солдатами, онъ былъ страшно изуродованъ саблей, получивъ 25 ранъ. Излѣчившись отъ ранъ, былъ отправленъ поляками въ Краковъ. Въ качествѣ англійскаго подданнаго, Функенштейнъ получилъ отъ русскаго правительства 10.000 фунтовъ стерлинговъ вознагражденія за увѣчье [23]).

18. Юзефъ Котонъ. Сосланный въ Сибирь за участіе въ возстаніи, бѣжалъ оттуда и поселился во Львовѣ. Въ 1891 г. издалъ свои воспоминанія подъ заглавіемъ „Ucieczka z Syberyi".

19. Ведеманъ, изъ отряда Комаровскаго, убитъ въ сраженіи подъ Старой Весью 18 января 1864 года [24]).

20. Михельсонъ, за участіе въ возстаніи разстрѣлянъ въ Радзинѣ, 18 августа 1864 г. [25]).

Этимъ дополнительнымъ спискомъ не исчерпывается число участниковъ возстанія. Вообще трудно опредѣлить, за отсутствіемъ оффиціальныхъ и статистическихъ данныхъ, число участниковъ-евреевъ. Изъ статистики, напечатанной въ „Русской Старинѣ" [26]), мы приводимъ слѣдующія интересныя цифры. За участіе въ возстаніи содержалось въ тюрьмахъ: Виленской губерніи—1 еврей, Ковенской — 24 еврея, Гродненской — 4, Минской—2 (въ томъ числѣ, вѣроятно, Бобруйскъ, гдѣ въ крѣпости сидѣлъ извѣстный проповѣдникъ Крамштыкъ изъ Варшавы).

Въ оффиціальномъ рапортѣ Народоваго Ржонда мы читаемъ, что 16 марта 1863 г., въ битвѣ недалеко отъ Варшавы, въ польскихъ рядахъ погибло 9 евреевъ и 91 полякъ [27]).

Въ Плоцкомъ округѣ наказано за участіе въ возстаніи 804 человѣка, между ними 197 евреевъ. Изъ евреевъ сданы въ солдаты 4, сосланы въ Псковскую губ. 8, въ Сибирь 3, на вѣчную каторгу—6, отданы подъ полицейскій надзоръ—4, наказаны плетьми—6, оштрафованы—25 и т. д. [28]).

Видное мѣсто занимали евреи въ возстаніи въ качествѣ развѣдчиковъ и лазутчиковъ. Евреи часто привѣтствовали повстанцевъ, информировали ихъ о мѣстонахожденіи и состояніи непріятельскихъ силъ, и т. д. „Почтенные еврейчики — пишетъ одинъ изъ выдающихся участниковъ возстанія -- повсюду были

---

[23]) Wl. Bentkowski, Notatki osobiste. Lwów 1894, str. 50—51.

[24]) H. Stupnicki, Imionospis poleglych ofiar powstaniu 1863 r. Lwów, 1865

[25]) Тамъ-же.

[26]) Вѣдомость о числѣ лицъ, содержавшихся подъ арестомъ въ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и Витебской губ. за Іюнь 1865 г. Рус. Стар. 1887 г.

[27]) См. Allgem. Zeit. d. Judent. 1863 г., стр. 295.

[28]) המזכיר 1882, № 14. Цитировано по 1-му изд. „Записокъ" Берга.

для насъ якоремъ спасенія. Они предостерегали насъ отъ всякой опасности и охотно намъ давали разные совѣты" [29]).

Главнымъ совѣтникомъ и развѣдчикомъ диктатора Лянгевича былъ еврей. „Это былъ — пишетъ Бентковскій, знавшій его лично—очень образованный еврей, одѣвался по нѣмецки и ходилъ всегда вооруженный". Диктаторъ довѣрялъ ему всѣ свои тайны и съ нимъ совѣтовался [30]).

О другомъ развѣдчикѣ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ полковникъ Струсь [31]). „Помню, когда послѣдній транспортъ вещей былъ высланъ за границу, Очосальскій, директоръ экспедиціонной комиссіи, пришелъ ко мнѣ, прося, чтобы еврею, который такъ удачно перевезъ всѣ вещи, дать въ подарокъ золотую цѣпь, которая его больше привяжетъ къ нашему дѣлу, чѣмъ вознагражденіе. Я разрѣшилъ. Еврей былъ такъ счастливъ отъ этого, какъ онъ называлъ, „подарка Народоваго Ржонда", что просилъ дать ему перевезти болѣе трудныя воинскія вещи за границу безъ вознагражденія. И дѣйствительно перевезъ 40.000 снарядовъ для отрядовъ, сражавшихся въ Люблинской губерніи, а перевозъ снарядовъ былъ въ то время самымъ опаснымъ предпріятіемъ".

Евреи оказались также очень полезными въ дѣлѣ организаціи летучей „пантофельной" почты. Они увѣдомляли помѣщиковъ о движеніи русскихъ войскъ, а еврейское духовенство поручало факторамъ, арендарямъ, купцамъ, имѣющимъ сношенія съ крестьянами, предупреждать ихъ о намѣреніяхъ правительства и объяснять имъ дѣйствительное значеніе варшавскихъ происшествій. Евреи распространили среди крестьянъ воззванія католическаго духовенства. „Хотя—замѣчаетъ историкъ и участникъ возстанія Агатонъ Гиллеръ [32])—евреи сами и имѣли довольно смутное представленіе о происходившемъ, но все же ослабляли вліяніе русскихъ въ дѣлѣ привлеченія крестьянъ на свою сторону". Не всегда, впрочемъ, стояли евреи на польской сторонѣ; они иногда служили въ качествѣ шпіоновъ и русскимъ [33]). Въ іюлѣ 1863 г. Народовый Ржондъ въ Варшавѣ приговорилъ пять евреевъ къ смертной казни за шпіонство въ пользу русскихъ. По этому случаю издано было воззваніе, въ которомъ запрещалось читать „кадишъ" по казненнымъ шпіонамъ и справлять семидневный трауръ. Исполненіе этого приказа Ржондъ Народовый возложилъ на представителей еврейской общины [34]).

Евреи жертвовали на дѣло возстанія немало денегъ; давали и добровольно, и подъ давленіемъ революціонной власти. Евреи

---

[29]) Bentkowski, Notatki, str. 103.
[30]) Тамъ-же, стр. 45.
[31]) Pamiętniki pułkownika Strusia. Lwów, 1890, str, 77—78.
[32]) Dzieje delegacyi Warszawskiej w. r. 1861, str. 236—37.
[33]) Изъ воспоминаній очевидца, Рус. Стар. 1883 г. т. IV, стр. 192.
[34]) Allg. Zeit. d. Jud. 1863 г., Корреспонденція изъ Варшавы, стр. 434. [О бѣдствіяхъ евреевъ-противниковъ польскаго возстанія — см. Записки Ливеранта, въ „Евр. Стар." 1910 г., стр. 378 сл.—Ред.].

собирали деньги не только среди своихъ, но и среди поляковъ. Такъ напримѣръ, въ костелѣ Бернардиновъ въ Варшавѣ, во время богослуженія, евреи собрали нѣсколько тысячъ злотыхъ въ пользу возстанія. Въ Варшавѣ было собрано въ 1862 г. въ пользу безработныхъ 10.200 злотыхъ польскихъ, подъ вліяніемъ воззванія нѣкоторыхъ членовъ еврейской общины (Бернарда Кона, Германа Мейера и Максимиліана Фаянса); деньги были вручены для раздѣла ксендзу Стецкому. Въ Варшавѣ,— разсказываетъ извѣстная польская писательница Духиньская,— когда повстанческая касса очень нуждалась въ деньгахъ, она шла обыкновенно въ еврейскій кварталъ къ богатымъ евреямъ и собирала деньги. Евреи очень боялись Народоваго Ржонда и, увидя только передъ собою бумагу съ печатью Ржонда, сейчасъ же жертвовали деньги на возстаніе [35]).

Вопросъ, какъ должны относиться евреи къ возстанію и на чьей сторонѣ они должны быть, очень волновалъ различные круги еврейскаго общества. „Ежедневно получаемъ въ редакціи массу писемъ отъ польскихъ евреевъ, которые спрашиваютъ, что имъ дѣлать и какъ вестись“—пишетъ Давидъ Гордонъ, редакторъ газеты „Гамагидъ“ въ Лыкѣ (Пруссія). И поляки, и русскіе желаютъ имѣть евреевъ въ своемъ лагерѣ, и обѣ стороны требуютъ жертвъ и денегъ“. Зильберманъ, издатель „Гамагида“ утверждалъ, что евреи должны стоять на сторонѣ русскихъ, быть русскими патріотами. Гордонъ же, который въ то время занимался дѣломъ колонизаціи евреевъ въ Палестинѣ, относился равнодушно къ этому вопросу [36]).

Интересно прослѣдить отношеніе заграничныхъ евреевъ къ польскому возстанію и къ участію въ немъ евреевъ. Нѣмецкіе евреи, въ лицѣ почти единственнаго въ то время нѣмецко-еврейскаго органа „Allgemeine Zeitung des Judenthums“, сначала горячо привѣтствовали участіе евреевъ въ варшавскихъ происшествіяхъ: „Die Juden Polens haben, obwohl im Allgemeinen ohne Bildung, dennoch ein merkwürdiges Verständniss der politischen Bedeutung des jetztigen Momenten gezeigt“. Газета привѣтствуетъ также поляковъ за то, что они протянули свою руку презрѣнному дотолѣ еврею и разъ навсегда похоронили религіозную ненависть; по ея мнѣнію, евреи въ благодарность за данное имъ равноправіе, должны итти объ руку съ поляками въ дѣлѣ освобожденія общаго отечества. Но когда событія приняли болѣе острый характеръ и изъ пустыхъ демонстрацій превратились въ кровопролитную революцію, газета стала уже отрицательно относиться къ движенію. Вотъ что тамъ писалось въ 1863 г., по поводу вышеупомянутаго запрещенія „кадиша“ по казненнымъ: „Niemand wird den ausserordentlichen Terrorismus verkennen, der in derartigen Massnahmen liegt, jedermann ihn verdammen. Wenn die polnische Insurrection sich anmasst auf

[35]) Kalendarz Polski 1866; Gazeta Warszawska 1862, № 85; Materyaly do historyi powstania 1863 r., str 164—166. (Воспоминаніе Духинской).

[36]) Цитронъ, לתולדות התנועה העברית (העולם 1912, № 1—2).

*

solche Weise in die innigsten Familienbände einzugreifen, dem Vater zu verbieten seinen Sohn zu betrauern, dann giebt sie ein schreckenerregendes Omen für das, was von ihr zu erwarten ist, wenn sie siegt".

Въ другой статьѣ редакція пишетъ, что спасенія евреямъ въ Польшѣ нужно ждать только отъ Россіи, такъ какъ неудача возстанія неминуема и отъ поляковъ нечего ждать. Авторъ статьи указываетъ на польское возстаніе 1831 г., когда евреи отъ поляковъ ничего не получили, и выражаетъ надежду, что русское правительство будетъ продолжать свои гуманныя реформы и не опозорить себя несправедливыми дѣйствіями [37]).

Французскіе евреи до конца возстанія симпатизировали полякамъ и особенно участникамъ-евреямъ.

Въ 1863 г. въ день Пасхи, „великій раввинъ" Франціи Аристидъ Астрюкъ произнесъ проповѣдь въ парижской синагогѣ при огромномъ стеченіи народа. Цитируя талмудическое изреченіе: „Будь всегда на сторонѣ преслѣдуемыхъ, а не преслѣдующихъ", онъ говорилъ, что евреи должны итти рука объ руку съ народами, среди которыхъ они живутъ, будучи увѣрены, что чѣмъ больше они будутъ содѣйствовать свободѣ и независимости другихъ народовъ, тѣмъ скорѣе получатъ для себя равенство и ускорятъ свободу и независимость Израиля. Когда послѣ подавленія возстанія волна эмиграціи унесла въ Парижъ причастныхъ къ нему лицъ, тамъ очутилось также около 300 евреевъ, которые нашли радушное гостепріимство у своихъ французскихъ братьевъ. Въ Парижѣ собирались деньги въ пользу пострадавшихъ отъ возстанія среди еврейскихъ богачей и людей средняго достатка. Французская печать привѣтствовала польскихъ евреевъ и замѣтила, что они вполнѣ заслужили, чтобы ихъ считать гражданами Польши [38]).

Чѣмъ объяснить столь значительное участіе евреевъ въ возстаніи 1863 года, участіе, во всякомъ случаѣ большее, чѣмъ въ революціи 1831 года? „Явленіе это,—говоритъ Миловичъ—совершенно ново въ польской исторіи, ибо до сихъ поръ евреи были обыкновенно на сторонѣ сильнѣйшаго (?). Его слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что движеніе 1861—64 годовъ носило болѣе демократическій характеръ, чѣмъ прежнія, и что съ самаго начала руководители этого движенія поставили равноправіе всѣхъ сословій, а тѣмъ самымъ и евреевъ, какъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ національной программы" [39]). Съ этимъ выводомъ согласны всѣ историки 1863 года. Но нѣкоторые идутъ еще дальше. „Мы видѣли евреевъ въ рядахъ борцовъ, мы видѣли ихъ въ организаціяхъ, даже на постахъ директоровъ административныхъ отдѣловъ, энергичныхъ и активныхъ, и даже нѣкоторые паны не оказались такими щедрымы для польской справы, какъ евреи" [40]).

[37]) Allg. Zeit. d. Jud. 1863, № 10.

[38]) См. „Ojczyzna" 1890, № 13 (ст. Фельдмана); „Revue historique" 1889, № 3 (Histoire des juifs en Pologne).

[39]) Milowicz, Z papierów pośmiertnych, str. 43—44.

[40]) St. Prawdzik i, Wspomnienia o Felinskim. Krak. 1860, str. 159.

Роль евреевъ въ возстаніи нашла свой отголосокъ въ польской художественой литературѣ. Крашевскій посвятилъ этому сюжету трехтомную повѣсть подъ названіемъ „Еврей" („Żyd" вышла въ 1866 г.; нѣмецкое изданіе въ 1890 г., англійское въ 1899). Феликсъ Левицкій написалъ довольно интересный романъ, п. н. „Ezechiel Hermann" (въ „Ojczyzna" 1882 г., №№1—11). Геройскую смерть еврея—капитана Густава Роснера описалъ въ прелестныхъ стихахъ Томашъ Островскій, участникъ возстанія и очевидецъ смерти Роснера, въ поэмѣ п. з. „Walka o wolność i pochód na Sybir" (Краковъ, 1889). Типы повстанцевъ-евреевъ встрѣчаемъ въ драмѣ Урбанека, „Pod kolumną Zygmunta" (1888), и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ. На еврейскомъ языкѣ существуетъ повѣсть Геймана изъ исторіи 1863 г., подъ заглавіемъ: משפחת עלסנער. ספור מלחמת הפו״נאים האחרונה בעד חרות ארץ מולדתם. Напечатана во львовскомъ органѣ евреевъ-поляковъ המזכיר за 1888 г. (въ польскомъ изданіи журналъ назывался „Ojczyzna").

Изъ еврейскихъ участниковъ возстанія писали свои мемуары: Изидоръ Карлсбадъ (здравствующій понынѣ) въ еженедѣльникѣ „Zjednoczenie" (1913 г. № 1; къ сожалѣнію, мемуары не окончены) и Юзефъ Котонъ въ вышеупомянутой книжкѣ „Бѣгство изъ Сибири" (Львовъ, 1891).

Я. Шацкинъ.

Національный вопросъ въ литературѣ 60-хъ годовъ.

I.

Наканунѣ „великихъ реформъ", въ концѣ 50-хъ годовъ, національный вопросъ не игралъ почти никакой роли въ русской литературѣ. Задачи освобожденія крестьянъ, свободы личности, самодѣятельности интеллигенціи заслоняли собой все другое. Тѣмъ же игнорированіемъ національнаго вопроса отличаются и первыя выступленія русско-еврейскихъ публицистовъ, для которыхъ всѣ нужды народа исчерпывались двумя лозунгами—„просвѣщеніемъ" и „эмансипаціей" [1]).

Но въ началѣ 60-хъ годовъ въ русскомъ еврействѣ усилился процессъ дифференціаціи, начавшійся гораздо раньше. Народная масса, спаянная своей старой культурой, вела упорную борьбу съ обрусительными тенденціями правительства въ области казеннаго просвѣщенія и казеннаго раввината. Здѣсь она сталкивалась съ тѣми представителями еврейской интеллигенціи, которые либо въ роли оффиціальныхъ агентовъ—казенныхъ раввиновъ и учителей, либо въ качествѣ вольныхъ приверженцевъ идеи „слiянія" помогали правительству въ дѣлѣ руссификаціи. Сама новая интеллигенція находилась тогда только въ періодѣ дѣтскаго роста и отнюдь не представляла собою однородной по составу общественной группы. Между массою и ассимилированною интеллигенціей были еще промежуточныя группы: охваченные смутными порывами къ просвѣщенію іешиботники, маскилы-гебраисты стараго типа, еще крѣпко связанные съ народомъ. Въ этой средѣ, а также въ той горсти высшей интеллигенціи, которой претила догма „слiянія", еще не выработалось ясное представленіе о

[1]) См. „Общественныя настроенія эпохи великихъ реформъ". Евр. Старина 1914 г., кн. I.

еврейскомъ національномъ вопросѣ, но въ общихъ, смутныхъ очертаніяхъ эта проблема уже выступала въ публицистикѣ 60-хъ годовъ.

На столбцахъ „Гамелица" съ первыхъ же номеровъ затрагивался вопросъ о будущности іудаизма, о совмѣстимости его съ новымъ духомъ времени и успѣхами просвѣщенія. Но эта тема трактовалась всегда съ опредѣленной практической цѣлью—доказать, что религія не находится въ противорѣчіи съ „гаскалой". Національный вопросъ тутъ исчерпывался религіозной проблемой, поскольку религія считалась основой всей національной жизни еврейства. Просвѣщеніе не грозитъ опасностью сохраненію іудаизма; истинная образованность есть родная сестра вѣры; религія, какъ сущность національности, спасетъ еврейскую націю отъ растворенія среди другихъ народовъ,—эти мысли въ различной формѣ высказываются въ „Гамелицѣ" (1860 — 1861 г. №№ 1, 2, 4, 5, 17, 45, 46, 47 и др.). Эта пропаганда направлялась главнымъ образомъ по адресу ортодоксовъ, но съ той же агитаціей наши маскилы обращались къ той части молодежи, которая все больше отдалялась отъ народа. Отщепенство молодежи разсматривалось тогда, какъ ослабленіе религіозныхъ узъ, и противъ него приводились все одни и тѣ же аргументы, строго осуждавшіе религіозную распущенность и доказывавшіе полную естественность союза между вѣрой и знаніемъ (Ibid. №№ 17, 18, 47, 48; „Гакармель" 1860—1861 г., стр. 244, сл.).

Эта аргументація, вслѣдствіе ея апологическихъ цѣлей и общей неразвитости публицистической мысли въ тогдашней гебраистской печати, имѣла слишкомъ элементарный характеръ. Болѣе серьезно обсуждался вопросъ о взаимоотношеніяхъ между религіей, національностью и просвѣщеніемъ въ нѣмецкомъ текстѣ „Гамелица" (главнымъ образомъ, въ статьяхъ д-ра Гольденблюма за 1860—1861 г.г.). Но тутъ просто повторялись идеи представителей нѣмецкаго еврейства того времени. Въ „Гамелицѣ" даже появился цѣлый рядъ статей по нѣмецки о религіозной реформѣ которыя оказались перепечатанными изъ одного нѣмецко-еврейскаго изданія (этотъ плагіатъ былъ потомъ разоблаченъ въ „Гамелицѣ" же, №№ 19—24, 26, за 1860—61 гг.).

Въ откликахъ русской печати по еврейскому вопросу, предшествовавшихъ нарожденію еврейской журналистики, строго отдѣлялась религія евреевъ, священная и неприкосновенная, отъ еврейской національности, подлежащей упраздненію путемъ „слiянія". Первые русско-еврейскіе писатели (Тарнополь, Раби

новичъ, Думашевскій) усвоили общую внѣшнюю аргументацію русской печати и даже ея терминологію. (Характерно, между прочимъ, что термины „народъ", „нація", почти незамѣнимые въ гебраистской литературѣ, уступили мѣсто новому термину—„наши единовѣрцы", который съ тѣхъ поръ глубоко укоренился въ русско-еврейской журалистикѣ, какъ „Glaubensgenossen" въ Германіи). Однако, три упомянутыхъ русско-еврейскихъ писателя различно относились къ внутренней сущности національной проблемы.

Наиболѣе опредѣленно высказался на этотъ счетъ А. Б. Думашевскій еще въ 1859 г. Обсуждая частный вопросъ о томъ, „нуженъ-ли для евреевъ журналъ и на какомъ языкѣ онъ долженъ издаваться", онъ, между прочимъ, спрашиваетъ: „Какая задача предстоитъ намъ, къ чему мы должны стремиться въ дѣлѣ преобразованія евреевъ? Образовать-ли изъ нихъ отдѣльное, самостоятельное тѣло, или сблизить, сроднить, слить ихъ съ остальнымъ человѣчествомъ? — Думаемъ, послѣднее. Всѣ усилія наши должны быть направлены къ тому, чтобы образовать изъ евреевъ не исключительныхъ сепаратистовъ, а людей въ космополитическомъ значеніи сего слова. Между тѣмъ, какъ изданіе журнала на древне-еврейскомъ или, еще больше, на нѣмецко-еврейскомъ языкѣ, недоступномъ ни для какихъ иноплеменниковъ, не только послужило бы къ усиленію въ евреяхъ національной исключительности, но какъ бы оффиціально исключило бы ихъ изъ общечеловѣческой дѣятельности" („Рус. Инвалидъ" 1859 г. № 75).

Въ воззрѣніяхъ І. Тарнополя по національному вопросу, на сколько они отразились въ его книгѣ „Опытъ современной и осмотрительной реформы въ области іудаизма" и въ его статьяхъ въ „Гамагидѣ", замѣтна характерная двойственность: онъ очень дорожитъ существованіемъ еврейской націи и всѣми ея цѣнностями, но выступая въ качествѣ ходатая передъ русскими властями и русской печатью (а такая цѣль, главнымъ образомъ, преслѣдуется упомянутой книгой), Тарнополь постоянно подчеркиваетъ готовность евреевъ къ „сліянію", отсутствіе у нихъ „сепаратизма", который оправдывалъ бы правовыя ограниченія. и т. д. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 264) онъ даже считаетъ возможнымъ говорить отъ имени своихъ „единовѣрцевъ", что они не могутъ и не хотятъ остаться отдѣльной національностью. Но во французскомъ переводѣ „Опыта современной реформы" это же мѣсто, являющееся въ русскомъ текстѣ опредѣленной формулой

національнаго самоотреченія, получаетъ другое освѣщеніе. „Мы нуждаемся — читаемъ мы тамъ — въ отечествѣ, законы котораго насъ защищали бы, въ спеціальной средѣ, которая приняла бы насъ; мы не можемъ и не хотимъ существовать отдѣльно, вдали отъ нашихъ соотечественниковъ и соціальной связи съ ними, образуя, какъ говорятъ, государство въ государствѣ; у насъ нѣтъ больше стремленій къ независимости и политической автономіи. Наши надежды на лучшія времена, на идеальную будущность (политической) реставраціи,—надежды, выраженныя въ нѣкоторыхъ молитвахъ, которыя намъ слишкомъ часто ставятся въ упрекъ,— не заключаютъ въ себѣ ничего анти-патріотическаго. Эти идеи имѣютъ только значеніе фигуральное, моральное, но отнюдь не анти-общественное, несовмѣстное съ гражданскими обязанностями“ [1])...

Различіе взглядовъ по національному вопросу выступаетъ особенно ярко у Тарнополя, если сравнить упомянутую выше его русскую книгу съ его статьями въ „Гамагидѣ“, по поводу его конфликта съ О. А. Рабиновичемъ въ дѣлѣ редактированія „Разсвѣта“. Рабиновичъ объяснялъ этотъ эпизодъ и выходъ Тарнополя изъ редакціи „Разсвѣта“ чисто личными соображеніями („Разсв.“ № 22). Тарнополь, наоборотъ, придаетъ всему дѣлу принципіальный характеръ, защищая позицію противниковъ „Разсвѣта“, обвинявшихъ его въ антинаціональномъ направленіи, въ стремленіи „чернить“ все еврейское. Оправдывая движеніе, поднявшееся противъ перваго русско-еврейскаго журнала, Тарнополь между прочимъ рѣзко критикуетъ взглядъ „Разсвѣта“, что еврейская нація больна и нуждается въ леченіи. По его мнѣнію, только слѣпцы могутъ проповѣдывать подобныя идеи. „Еврейская нація, говоритъ онъ, еще жива и морально здорова! Гдѣ теперь древніе народы,—египтяне, хананейцы, ассирійцы, греки и римляне? Всѣ они безслѣдно исчезли, а еврейская нація остается еще во всей силѣ и мощи, стоитъ какъ скала среди волнъ исторіи, вопреки своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ, которымъ она колетъ глаза. А съ проясненіемъ атмосферы и очищеніемъ горизонта еврейская нація, какъ орелъ, обновитъ свою молодость, и сильнѣе и быстрѣе потечетъ кровь въ ея жилахъ“ („Гамагидъ“ 1860 г., № 19). И въ своемъ „Опытѣ“ (стр. 220) Тарнополь го-

[1]) Réflexions sur l'etat religieux, politique et social des israélites russes“ изд. 1871, стр. 139.—О Тарнополѣ вообще см. „Обществ. настроенія эпохи великихъ реформъ“, Евр. Стар. 1914, стр. 182 сл.

воритъ о многовѣковой стойкости еврейской націи, но тамъ подчеркивается, что еврейство — только „религіозная корпорація" (стр. 35). На практикѣ, впрочемъ, онъ отстаиваетъ не только „еврея въ синагогѣ", но и общинныя учрежденія, развитія еврейской литературы, древне-еврейскаго языка и даже (что было большой ересью въ то время) — жаргона (стр. 35—42, 86—88) Въ спорѣ о языкахъ, возбужденномъ въ концѣ 50-хъ годовъ, Тарнополь занялъ особую позицію: литература на древне-еврейскомъ языкѣ должна, по его мнѣнію, имѣть въ виду главнымъ образомъ раввиновъ и маскиловъ, воспитанныхъ на старой еврейской литературѣ; жаргонныя изданія должны носить сатирическій характеръ и вліять на народную массу, имѣя въ общемъ переходное значеніе; еврейская печать на русскомъ языкѣ должна не только служить центромъ, къ которому сходились бы разногласные элементы русскихъ евреевъ, но и сильно содѣйствовать нашему сближенію съ христіанскими согражданами" (стр. 89).

О. А. Рабиновичъ, въ противоположность Тарнополю, не былъ теоретикомъ, а практическимъ дѣятелемъ съ боевымъ темпераментомъ и замѣчательнымъ для того времени публицистическимъ талантомъ. Его, повидимому, мало интересовала національная проблема, какъ таковая, но онъ живо откликался на всѣ насущныя нужды еврейской жизни въ той области, которая по нашей нынѣшней терминологіи входитъ въ составъ „національно-культурной автономіи". Особенно интересенъ его взглядъ на общинное самоуправленіе.

Вопреки обычнымъ въ то время воззрѣніямъ правительства и еврейской интеллигенціи на „кагалъ", какъ на источникъ всѣхъ золъ въ прошломъ, редакторъ „Разсвѣта" доказываетъ, что кагальное устройство призвано было выполнять функціи общиннаго представительства, крайне необходимаго для нормальнаго развитія народа. Бѣда была раньше не въ кагалѣ и его задачахъ, а въ томъ, какъ онъ ихъ выполнялъ. При общихъ условіяхъ дореформенной русской жизни, при низкомъ уровнѣ судебныхъ и исполнительныхъ властей, при полной безгласности общества, всякое общественное учрежденіе должно было все болѣе удалятся отъ своихъ цѣлей, вырождаясь въ орудіе корыстолюбивцевъ и дѣльцовъ. Это примѣнимо и къ кагаламъ, бывшимъ орудіямъ правительственнаго произвола. „Понуждаемые противозаконными притязаніями извнѣ, кагалы должны были прибѣгать къ непозволительнымъ средствамъ и секретнымъ продѣлкамъ. Привычка обращается въ натуру. Трудясь для удовлетворенія

другихъ, кагалы, разумѣется, не стали забывать и себя; вкусивъ разъ сладость запретнаго плода, они уже не останавливались, и чѣмъ болѣе несправедливостей они причиняли своему обществу, тѣмъ значительнѣе была ихъ производительность тѣмъ, чье покровительство ихъ поддерживало. Значитъ, рука руку мыла. Такимъ образомъ, кагалы, вмѣсто покровителей своихъ обществъ, превратились въ ихъ грабителей и деспотовъ". Произволъ выражался въ несправедливой раскладкѣ податей, неравномъ распредѣленіи рекрутской повинности и въ другихъ дѣйствіяхъ кагальныхъ заправилъ. Послѣ отмѣны кагальныхъ учрежденій, „еврейскія дѣла" переданы были различнымъ административнымъ учрежденіямъ, а еврейскія общины совершенно лишились какихъ нибудь органовъ самоуправленія. „Съ уничтоженіемъ кагаловъ, по еврейскимъ дѣламъ есть должностныя лица, но у самихъ евреевъ нѣтъ представителей въ истинномъ значеніи этого слова". Рабиновичъ предлагаетъ поэтому проектъ новой организаціи еврейскаго общиннаго представительства въ формѣ „попечительства", заботящагося о всѣхъ внутреннихъ нуждахъ еврейства („Разсвѣтъ", № 15).

Эти мысли должны были считаться большой ересью для той части еврейской интеллигенціи, которая въ самой идеѣ общиннаго самоуправленія видѣла посягательство на идеалъ „сліянія". Житомірскій корреспондентъ „Разсвѣта" (№ 29), откликнувшись на упомянутый проектъ общиннаго попечительства, пишетъ, между прочимъ: „Намъ могутъ возразить, что учрежденіе подобнаго „попечительства" будетъ противодѣйствовать сліянію евреевъ съ коренными жителями, между которыми они живутъ, такъ какъ евреи составятъ тогда какъ бы отдѣльныя корпораціи". И корреспондентъ возражаетъ на это опасеніе указаніемъ на то, что евреи, организуя свои спеціальныя учрежденія для своихъ внутреннихъ дѣлъ, въ то же время будутъ участвовать въ общегородскихъ органахъ самоуправленія.

II.

Для характеристики общественныхъ настроеній начала 60-хъ годовъ въ области національнаго вопроса, необходимо остановиться на полемикѣ, завязавшейся въ „Разсвѣтѣ" по поводу статьи А. И. Георгіевскаго въ „Русскомъ Словѣ" (1860 г., мартъ): „Очеркъ современной исторіи юдаизма". Авторъ этой статьи, молодой профессоръ одесскаго Ришельевскаго лицея, пользовался большимъ

авторитетомъ среди одесской еврейской интеллигенціи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Онъ зорко присматривался къ теченіямъ общественной и научной мысли западно-европейскаго еврейства и являлся большимъ приверженцемъ реформы юдаизма по европейскому образцу, что и высказано имъ въ упомянутомъ очеркѣ. І. Гальберштадтъ, выступая съ критикой этого очерка („Разсвѣтъ" 1860 г., №№ 9—10), счелъ нужнымъ выставить эпиграфомъ къ своей статьѣ извѣстное талмудическое изреченіе: „Гдѣ есть оскорбленіе святыни, тамъ можно возставать и противъ наставника". Въ задачу настоящаго очерка не входитъ вопросъ о религіозной реформѣ, который служилъ одной изъ самыхъ модныхъ темъ въ 60-хъ годахъ. Для нашей цѣли важно отмѣтить обще-національные мотивы этого спора, которые въ статьѣ Гальберштадта выражены въ очень смѣлой для того времени формѣ.

І. Гальберштадтъ въ своей полемикѣ противъ А. Георгіевскаго выражаетъ настроеніе не только противниковъ религіозной реформы въ ея европейской постановкѣ, но и недовольство тѣхъ, которые не были увлечены общимъ духомъ времени. Онъ съ ироніей говоритъ о тѣхъ, которые считаютъ необходимымъ доказывать, что еврей „прежде всего человѣкъ": это „странно и унизительно". „Да, мы твердо убѣждены, что пора апологій евреевъ прошла. Намъ не нужно человѣколюбивыхъ защитниковъ, не нужно сострадающихъ благодѣтелей. Наше правое дѣло находитъ себѣ защиту въ пробудившемся сознаніи народовъ, и если проиграемъ его, то, значитъ, втунѣ пропали вѣковыя усилія Европы"... „Гордымъ, презрительнымъ молчаніемъ отвѣтимъ на всякую злорадную клевету людей, съ самонадѣянностью невѣждъ судящихъ, быть или не быть народу, котораго долговременное существованіе хранитъ въ себѣ залогъ его вѣчности,—безчувственно топчущихъ пятою самыя завѣтныя вѣрованія; промолчимъ также, если съ роскошнаго пира намъ изъ жалости бросятъ нѣсколько крохъ. Но тѣмъ мужественнѣе должно быть наше слово, когда заходитъ рѣчь о нашемъ іудействѣ, о томъ іудействѣ, которое съ могущественной энергіей мученика отстояло насъ отъ разлива всеобщей къ намъ ненависти и дикаго, ничѣмъ не сдержаннаго фанатизма, которое вознесло насъ на степень עם חכם ונבון".

Приводя легенду о томъ, что при переходѣ черезъ Іорданъ не левиты несли кивотъ божій, а кивотъ несъ ихъ самихъ нашъ авторъ видитъ въ этомъ символъ іудаизма, который несетъ и возвышаетъ своихъ сыновъ. „Но, продолжаетъ онъ, такъ ли мы по-

нимаемъ его? Какъ часто случается, что мы прикрываемъ наше невѣжество космополитничаніемъ и суперъ-объективностью, или же боимся собственнаго величія, гнемъ спину, чтобы не обидѣлись карлики. Многіе ли изъ нашего еврейскаго юношества, стоящаго даже на высотѣ современнаго образованія, имѣютъ хоть смутное представленіе о томъ богатствѣ цивилизующихъ идей, которое хранится въ нашей сорока-вѣковой литературѣ, если только подозрѣваютъ ея существованіе? Многіе-ли изъ тѣхъ, которые восторгаются чужой доблестью, грѣются у чужого огня, знаютъ о нашихъ исполинахъ мысли и дѣла съ печатью отверженія и ореоломъ величія на челѣ? Не добрымъ путемъ прививается къ намъ европейское образованіе"... Древне-еврейскій языкъ забывается. Евреи знаютъ себя, свое прошлое изъ чужихъ словъ, отрицаютъ самихъ себя и становятся „не участниками европейской цивилизаціи, а ея рабами"... („Разсвѣтъ" № 9, 1860 г.).

І. Гальберштадтъ бичуетъ своихъ современниковъ и указываетъ, что въ польскихъ городахъ представителями европейской образованности среди евреевъ являются служащіе питейныхъ откуповъ, или „такъ называемые космополиты, люди безличные, которыхъ всѣ старанія сосредоточиваются на томъ, чтобы получить почти нееврейскую наружность, которымъ хуже проклятія гремитъ слово: жидъ"... (№ 10).

Не высокаго мнѣнія авторъ цитируемой статьи и о своихъ европейскихъ братьяхъ. „Короткополое платье, свѣтскіе пріемы правильное произношеніе отечественнаго языка дѣлали человѣка образованнымъ, современнымъ и открывали ему доступъ во всякое общество. Жажда современности доходила до смѣшного. Если какой нибудь сановникъ, посѣтивъ еврейскую школу, находилъ, что евреи сидятъ смирно, не шумятъ, то этотъ отзывъ отмѣчался, какъ фактъ въ жизни цѣлаго общества. Рѣдко кто вѣрилъ въ возможность согласить историческое іудейство съ европейской наукой" (№ 32).

Въ области воспитанія І. Гальберштадтъ защищаетъ хедера, которые по его мнѣнію нуждаются въ преобразованіи, но отнюдь не подлежатъ уничтоженію (№№ 10, 32).

Эти взгляды шли въ разрѣзъ съ настроеніемъ большей части еврейской интеллигенціи того времени и съ идеями, господствовавшими въ еврейской печати, особенно въ корреспонденціяхъ съ мѣстъ, гдѣ велась неустанная борьба съ хедерами и меламедами и гдѣ западно-европейское еврейство служило недося-

гаемымъ идеаломъ. И когда Е. Соловейчикъ выступилъ съ рѣзко-протестующей статьей („Разсвѣтъ“ № 17) противъ І. Гальберштадта, онъ несомнѣнно явился вѣрнымъ выразителемъ своей среды и своего времени.

Необходимо, однако, замѣтить, что Е. Соловейчикъ, защищая взгляды А. Георгіевскаго о необходимости религіозной реформы и рѣзко высказываясь противъ хедернаго воспитанія, считаетъ тѣмъ не менѣе необходимымъ подчеркнуть слова Георгіевскаго (изъ той же статьи въ „Рус. Словѣ“, 1860 г. № 3), что „какъ ни велико вліяніе европейской цивилизаціи на іудаизмъ, національность и религія евреевъ, устоявшія противъ напора почти всѣхъ историческихъ народовъ, как ъ кажется, найдутъ въ себѣ и въ настоящее время достаточно силы для охраненія своей оригинальной самобытности“ („Разсвѣтъ“, № 17).

„Какъ кажется“—эти слова очень характерны для исканій нѣкоторой части еврейской интеллигенціи 60-хъ годовъ въ области національнаго вопроса, а также для самого А. И. Георгіевскаго, взгляды котораго по національному вопросу заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

III.

А. Георгіевскій явился однимъ изъ русскихъ писателей, которые еще въ 1858 г. выступили въ печати болѣе или менѣе рѣшительными сторонниками расширенія правъ евреевъ. Какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ одесскаго „кружка Пирогова“, онъ, ставъ при содѣйствіи послѣдняго соредакторомъ „Одесскаго Вѣстника“, значительно преобразовалъ его и, при дѣятельномъ сотрудничествѣ Пирогова и первыхъ русско-еврейскихъ литераторовъ, выдвинулъ еврейскій вопросъ въ русской печати. (Подъ вліяніемъ статьи Н. И. Пирогова и другихъ статей „Одесскаго Вѣстника“, поднятъ былъ этотъ вопросъ и въ петербургской журналистикѣ того времени). Георгіевскому принадлежали всѣ редакціонныя статьи „Одесскаго Вѣстника“ по еврейскому вопросу за 1858 годъ, какъ это явствуетъ изъ перечня статей газеты (№ 145) [1]. Въ отношеніи національной проблемы онъ высказывался тогда въ общемъ духѣ—ассимиляціи путемъ просвѣщенія. „Просвѣщеніе, говоритъ онъ (№ 7), стираетъ тѣ рѣзкія національныя черты, которыя отчуждаютъ другъ отъ друга племена и народы. Оно преобразуетъ не только нравы, обычаи,

[1] Подробно объ этомъ въ „Евр. Стар.“ 1914 г., кн. I., стр. 27 сл.

языкъ, но и самую физіономію, самый говоръ, и образованнаго еврея трудно отличить отъ русскаго, нѣмца, француза, англичанина. Силой образованія и еврей, прежде всего, становится человѣкомъ, а потомъ уже евреемъ, и только тогда возможно сліяніе евреевъ въ одну націю съ христіанскими ихъ сосѣдями".

Въ 1860 г. Георгіевскій, становится ближайшимъ сотрудникомъ „Разсвѣта", даже фактическимъ соредакторомъ его, какъ видно изъ писемъ О. А. Рабиновича („Евр. Стар." 1911, кн. I). Это, повидимому, побудило его ближе познакомиться съ развитіемъ западно-европейскаго еврейства. Плодомъ этого знакомства явился его вышеупомянутый (въ „Рус. Словѣ" 1860 г.) „Очеркъ современной исторіи юдаизма", гдѣ онъ, какъ уже сказано, полагалъ, что еврейская національность, „какъ кажется", сохранитъ свою самобытность. Это колебаніе все больше переходило въ увѣренность по мѣрѣ того, какъ онъ дѣлалъ въ „Разсвѣтѣ" свои обзоры литературы и жизни западно-европейскаго еврейства.

Внимательно слѣдя за жизнью западно-европейскаго еврейства по иностраннымъ органамъ еврейской печати („Allg. Zeitung des Judenthums", „Archives Israélites", „Univers Israélite", „Lien d'Israël", „Jewish Chronicle" и др.), Георгіевскій останавливался не только на борьбѣ евреевъ за свою эмансипацію, но и на развитіи ихъ внутренней жизни. И исходя изъ этихъ наблюденій, онъ формулируетъ задачи еврейства вообще, такъ какъ иностранныя обозрѣнія, какъ извѣстно, служили въ „Разсвѣтѣ" органической частью его публицистики.

Въ 1860 г. въ „Archives Israélites" появилось „воззваніе къ еврейской прессѣ всего міра" съ проектомъ организаціи массовой эмиграціи евреевъ изъ странъ, гдѣ они терпятъ гнетъ, въ свободныя государства,—главнымъ образомъ, въ Америку. Для этой цѣли французскій журналъ предлагалъ учредить „всемірное еврейское общество эмиграціи", которое въ первую очередь должно было помочь угнетеннымъ римскимъ евреямъ. Георгіевскій категорически высказывается противъ такого проекта. „Проектъ этотъ, говоритъ онъ, кажется намъ не совсѣмъ сбыточнымъ, даже по отношенію къ такой горсти евреевъ, какъ римскіе, и несогласнымъ съ историческимъ призваніемъ евреевъ вообще, насколько его можно уразумѣть изъ совершившихся событій. Евреямъ въ новѣйшее время суждено стать самыми энергическими, самыми разумными поборниками свободы совѣсти. Правда, не разъ на ихъ долю въ этой борьбѣ выпадали пораженія, всякаго

рода лишенія и униженія; но нельзя не сказать, что они чрезвычайно много подвинули впередъ этотъ вопросъ. Уклоняться отъ дальнѣйшей борьбы, когда уже предвидится болѣе или менѣе вездѣ самый благопріятный ея исходъ, значило бы не выдержать своего характера и измѣнить своему призванію" (№ 15).

Подъ словами „свобода совѣсти" авторъ имѣетъ въ виду, какъ видно изъ его дальнѣйшаго изложенія, и политическую свободу, которая въ очень скоромъ времени принесетъ евреямъ равноправіе и сдѣлаетъ излишнимъ „общество еврейской эмиграціи". Эта вѣра въ близость эмансипаціи и связанное съ нею отрицательное отношеніе къ эмиграціи весьма характерны, вообще, для еврейскихъ общественныхъ настроеній 60-хъ годовъ.

„Если—говоритъ далѣе Георгіевскій — мы обратимся къ внутреннимъ спеціальнымъ еврейскимъ вопросамъ, то увидимъ, какое богатое разнообразіе и сколько жизненной силы, сколько способностей къ дальнѣйшему развитію представляетъ собой еврейскій міръ за-границей" (№ 1). Онъ не раздѣляетъ опасеній, что гражданское равноправіе и сближеніе евреевъ съ ихъ соотечественниками приведутъ къ полному исчезновенію еврейской національности, и полагаетъ, что интернаціональное сближеніе вполнѣ совмѣстимо съ національнымъ развитіемъ (№№ 4, 5). Признаки національнаго развитія Георгіевскій видитъ въ успѣшной разработкѣ еврейской исторіи и литературы, въ реформѣ еврейской общины, созданіи спеціальныхъ еврейскихъ школъ и обще-національныхъ учрежденій.

Въ Америкѣ организовалась въ 1860 г. „Центральная комиссія", въ которую должны были войти представители всѣхъ американско-еврейскихъ общинъ для защиты общихъ интересовъ еврейства, въ частности для помощи евреямъ въ Марокко. Этотъ фактъ вызвалъ въ нѣкоторой части европейской печати упреки иниціаторамъ объединенія еврейскихъ общинъ въ томъ, что они стремятся воспитать евреевъ въ обособленности, дабы подготовить возвращеніе ихъ въ Палестину, и смотрятъ такимъ образомъ на свое отечество, какъ „на станцію на пути въ Іерусалимъ". Георгіевскій, откликаясь на этотъ споръ, считаетъ упомянутые упреки неосновательными, признаетъ необходимость и цѣлесообразность такого общиннаго представительства въ каждой странѣ и даже объединенія различныхъ странъ, когда дѣло идетъ о защитѣ общееврейскихъ нуждъ (№ 16).

Когда въ томъ же 1860 г. организовался во Франціи „Alliance israélite universelle", нѣкоторые общественные дѣятели, въ

томъ числѣ и д-ръ Филиппсонъ, высказали опасеніе, какъ бы эта организація не вызвала подозрѣній въ какомъ-то всеобщемъ заговорѣ евреевъ противъ народовъ, среди которыхъ они живутъ. Георгіевскій рѣшительно отвергаетъ подобныя опасенія. „На предразсудки, говоритъ онъ, нечего обращать вниманіе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о великихъ интересахъ: какъ бы ни былъ осторожевъ и чистосердеченъ образъ дѣйствія евреевъ, предразсудки во всемъ могутъ найти себѣ пищу" (№№ 25, 35).

Въ школьномъ вопросѣ нашъ иностранный обозрѣватель защищаетъ ту же національную самодѣятельность и независимость. Стремленія евреевъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Пруссіи подчинить школы опекѣ государства вызываетъ со стороны Георгіевскаго указаніе относительно благотворности развитія еврейскихъ школъ подъ сѣнью еврейскихъ общинъ (№ 24). Близость школъ къ „семейному быту" евреевъ, расширеніе преподаванія еврейскихъ предметовъ безъ ущерба для общихъ, еврейскій учительскій персоналъ—все это онъ считаетъ необходимыми для успѣшнаго развитія еврейскихъ школъ и поднятія ихъ престижа въ глазахъ еврейскаго населенія (№ 22).

Въ послѣднемъ номерѣ „Разсвѣта" (1861 г.) Георгіевскій, обозрѣвая прожитый западно-европейскимъ еврействомъ годъ борьбы за эмансипацію и переустройство внутренне-общинной жизни, приходитъ къ выводу, что именно тамъ, гдѣ евреи достигли гражданскаго равноправія и усвоили общечеловѣческое образованіе, въ которомъ, „какъ въ горнилѣ, очищается и совершенствуется всякая особая національность", тамъ еврейскій національный духъ пріобрѣлъ большую силу и крѣпость, сталъ снова несравненно производительнѣе". Специфическія особенности евреевъ, отличительныя черты ихъ характера и физіономіи, общее прошлое, священный языкъ, религія, связанные съ ей нравы и обычаи, общія взаимныя симпатіи,—все это, говоритъ Георгіевскій, „дѣлаетъ евреевъ особой единой національностью", несмотря на ея разселеніе среди различныхъ народовъ. Эмансипація евреевъ раскрываетъ передъ ними широкое поле дѣятельности на всѣхъ поприщахъ европейской культуры. „Но,—продолжаетъ онъ,—приходя въ ближайшее, чѣмъ прежде, общеніе со всѣми народами, евреи, по счастью, не перестаютъ быть евреями и сохранять всѣ существенныя свои особенности; только при такомъ условіи и могутъ они быть самостоятельными, своеобразными (курсивъ подлинника) дѣятелями общей цивилизаціи. Такимъ образомъ, жить общей жизнью со всѣми наро-

дами, участвуя въ ихъ образованіи и успѣхахъ, и въ то же время хранить, развивать и совершенствовать свое особое, національное достояніе,—вотъ, повидимому, современная двойственная задача евреевъ, за разрѣшеніе которой принялись они въ странахъ наиболѣе образованныхъ" (№ 52) *).

IV.

Непосредственно передъ польскимъ возстаніемъ 1863 г., привлекшимъ вниманіе къ національному вопросу въ Россіи, въ нѣкоторыхъ кругахъ еврейской интеллигенціи стали задумываться и надъ еврейской національной проблемой. Въ большинствѣ своемъ еврейская интеллигенція продолжала игнорировать этотъ вопросъ, увлеченная „просвѣщеніемъ" и связанными съ нимъ правовыми привилегіями; здѣсь практика ассимиляціи далеко опередила теорію ея. Но оставшіеся на стражѣ народныхъ интересовъ русско-еврейскіе публицисты вскорѣ оказались вынужденными, въ виду возобновленія юдофобскихъ нападокъ, болѣе опредѣленно формулировать отношеніе еврейскаго народа къ другимъ націямъ, населяющимъ Россію. Это сказалось въ „Сіонѣ" (1861—1862 гг.), гдѣ національный вопросъ уже занимаетъ большее мѣсто, чѣмъ въ „Разсвѣтѣ". Тутъ отчасти повліяла и начавшаяся

---

¹) Не лишне упомянуть о судьбѣ этого русскаго человѣка, работавшаго въ 1860 г. въ боевомъ органѣ еврейской эмансипаціи и допускавшаго—вопреки модной догмѣ „слiянія"—возможность національнаго развитія еврейства. Ученикъ гуманиста Пирогова, другъ О. Рабиновича и соредакторъ еврейскаго „Разсвѣта", А. И. Георгіевскій впослѣдствіи продѣлалъ обычную карьеру русскаго бюрократа. Въ 70-хъ годахъ онъ, въ качествѣ члена совѣта министра народнаго просвѣщенія Д. А. Толстого, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по насажденію въ Россіи классической системы средняго образованія. Въ 80-хъ годахъ Георгіевскій, въ качествѣ предсѣдателя Ученаго Комитета министерства просвѣщенія, помогалъ Делянову въ борьбѣ съ „демократизаціей" средней и высшей школъ. Только въ дѣлѣ введенія процентной нормы для евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ онъ оказался въ оппозиціи: какъ членъ Паленской Комиссіи по еврейскому вопросу, онъ въ 1886 г. представилъ обширный докладъ по исторіи образованія русскихъ евреевъ, гдѣ высказался противъ всякой нормировки обученія евреевъ, но рекомендовалъ допускать въ среднія и высшія учебныя заведенія только дѣтей „достаточныхъ и образованныхъ классовъ" (см. Познеръ. Евреи въ высшей школѣ", Спб. 1914, стр. 71 сл., и Еврейск. Энциклопедія VI, 338).—Георгіевскій умеръ недавно (если не ошибаемся, въ 1912 г.) въ званіи сенатора, продѣлавъ весь путь реакціи послѣднихъ четырехъ десятилѣтій.—Ред.

тогда въ Австріи національная борьба, затронувшая и австрійское еврейство и нашедшая себѣ откликъ въ иностранныхъ обозрѣніяхъ „Сіона".

Ближайшимъ поводомъ для возбужденія національнаго вопроса въ „Сіонѣ" и въ цѣломъ рядѣ русскихъ органовъ печати послужила статья въ украйнофильскомъ журналѣ „Основа" (съ русскимъ и украинскимъ текстомъ), подъ заглавіемъ „Недоразумѣніе по поводу слова *жидъ*". Въ этой статьѣ былъ сдѣланъ довольно ясный намекъ на то, что украинцы относятся недружелюбно къ евреямъ, которые живутъ особнякомъ и „нерѣдко дѣйствуютъ противно духу и пользамъ нашего (украинскаго) народа" („Основа" 1861 г. № 5, стр. 141).

„Сіонъ" поднялъ перчатку и въ свою очередь сталъ обличать направленіе „Основы", которая не допускаетъ, чтобы въ Малороссіи могли жить другіе люди, кромѣ украинскаго народа, „чтобы они могли имѣть, кромѣ интересовъ, общихъ всему нашему отечеству, еще и свои особые, проистекающіе изъ ихъ особаго положенія, особой національности, особой религіи". Если—спрашиваетъ дальше „Сіонъ" (№ 10)—для малороссовъ, сверхъ общихъ интересовъ всего нашего отечества, могутъ быть святы и дороги еще и племенныя ихъ особенности, то почему же, вслѣдствіе какой странной непослѣдовательности, „Основа" рѣшается произвести надъ нами свой судъ за то, что и мы также дорожимъ своими вѣковыми особенностями, и если поступаемся ими, насколько это для насъ возможно, если отказываемся отъ нихъ, то въ пользу цѣлаго, а не одной какой либо части, какъ бы она ни была значительна во всѣхъ отношеніяхъ?" Сіонъ" рѣзко упрекаетъ „Основу" за ея нежеланіе видѣть, что національное „разнообразіе есть жизнь и что только одна смерть однообразна", и подчеркиваетъ, что „Сіонъ" стремится „соединять національные интересы съ отечественными и общечеловѣческими или космополитическими". Однако, тутъ же повторяется и прежняя мысль о необходимости и возможности жертвовать національными особенностями ради блага отечества, но не для части его, т. е. для одной какой нибудь національности.

Эта позиція „Сіона" по національному вопросу встрѣтила различную оцѣнку со стороны нѣкоторыхъ органовъ русской журналистики. Дѣло въ томъ, что „Основа", въ отвѣтъ на вышеприведенныя возраженія „Сіона", разразилась (въ № 9, 1861 г.) новой статьей, подъ заглаіемъ „Передовые жиды", съ ругательствами по адресу „сіонскихъ публицистовъ". Тогда „Сіонъ" апел-

лировалъ (въ № 21) къ русской журналистикѣ, перенеся на ея судъ и свой принципіальный споръ съ „Основой“. Противъ пріемовъ полемики украинскаго журнала выступилъ цѣлый рядъ русскихъ изданій: „Русскій Вѣстникъ“, „Время“, „Русское Слово“, „Русскій Инвалидъ“, „Русская Рѣчь“, „Сынъ Отечества“. Авторы нѣкоторыхъ статей остановились на существѣ спора. „Русскій Вѣстникъ“ Каткова (1861, № 11, „Лит. обозр.“, стр. 48) категорически осуждаетъ „мѣстный патріотизмъ“ украинской „Основы“ и становится всецѣло на сторону „Сіона“, слѣдующимъ образомъ комментируя точку зрѣнія „передовыхъ жидовъ“ (по терминологіи „Основы“): „Что отвѣчали жиды? Да что иное могли отвѣчать они, какъ не то, что, любя свою національность, они въ то же время умѣютъ жертвовать ею въ интересахъ общаго отечества, въ интересахъ Россіи, которой они принадлежатъ, въ пользахъ цѣлаго русскаго народа, среди котораго они живутъ“... Другіе органы русской печати, удѣлившіе вниманіе этому спору, наоборотъ, указали на неудовлетворительность позиціи „Сіона“. „Русскій Инвалидъ“ (1862 г., № 2) недоумѣваетъ по поводу того, что „Сіонъ“ считаетъ для евреевъ возможной „непосредственную амальгаму съ центромъ“, помимо мѣстнаго племени: „Мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ, какъ могутъ евреи, живущіе въ Украинѣ, иначе амальгамироваться съ русскимъ народомъ, какъ черезъ посредство той его части, которая населяетъ эту область... Вѣдь евреи не живутъ на отдѣльной территоріи“. Въ этомъ же смыслѣ, но еще болѣе опредѣленно и обстоятельно высказалась „Русская Рѣчь“ (1861 г., № 102). Газета удивляется силѣ и стойкости евреевъ, которые наперекоръ гоненіямъ „сохранили живучесть тѣла и духа, изумляющую антрополога и статистика своими необычайными явленіями“. Тутъ „Рус. Рѣчь“ однако оговаривается, полагая, что причина еврейской живучести не въ стойкости національнаго характера, а въ его приспособляемости къ различнымъ условіямъ жизни; исчезнутъ исключительныя условія—и евреи приспособятся къ процессу сліянія съ окружающимъ ихъ населеніемъ и утратятъ свои національныя черты, кромѣ религіи. Дѣлая этотъ прогнозъ, названная петербургская газета въ то же время выражаетъ свое несогласіе съ „Сіономъ“ и утверждаетъ, что „евреи должны стремиться къ сближенію и сліянію не съ отвлеченными политическими величинами, а съ обществами, съ народами, непосредственно ихъ окружающими, съ жизнью которыхъ они сталкиваются

на каждомъ шагу". Ссылка „Сіона" на Австрію не удовлетворяетъ „Русскую Рѣчь". „Если, говоритъ она, въ Австріи часть еврейскаго населенія и обращаетъ свои надежды на центральное правительство и на преобладующую въ политическомъ отношеніи нѣмецкую народность, то евреи отъ этого врядъ-ли выиграютъ что нибудь"...

„Одесскій Вѣстникъ" (1862 г., № 1) по тому же поводу рѣзко порицаетъ космополитизмъ „Сіона": „Современный космополитъ—это бездомный бродяга, который лишенъ отечества и родины, для котораго равны всѣ концы свѣта и который не любитъ считаться съ національными особенностями, или еще чаще—совершенная безличность... Неужели публицистъ „Сіона", говоря, что еврей легко становится русскимъ, французомъ, англичаниномъ и т. д., смотря по мѣсту жительства, не замѣтилъ своей ошибки: вѣдь нельзя въ одно и то же время быть русскимъ и нѣмцемъ, нельзя вѣрно служить интересамъ двухъ противоположныхъ національностей, не будучи совершенно безличностью или не служа своекорыстнымъ разсчетамъ. Вотъ до какихъ запутанностей доходитъ иногда неловкая услуга. А между тѣмъ, дѣло рѣшается очень просто: къ чему навязывать евреямъ двѣ національности разомъ? Еврейская національность такъ же почтенна, какъ и Малорусская, Французская и Германская".

Подъ вліяніемъ этой полемики, поднятой въ общерусской печати, „Сіонъ" вынужденъ былъ снова вернуться къ національному вопросу. Какъ представительница передовой части еврейской интеллигенціи, редакція „Сіона" заявляетъ, что ей чуждо желаніе сохранить еврейскую національность. Всѣ ея симпатіи на сторонѣ „обрусенія", но не въ національно-бытовомъ, а въ государственномъ отношеніи. Болѣе опредѣленно проводится здѣсь упомянутая выше мысль о томъ, что еврейская нація должна жертвовать своей самобытностью не для какой нибудь другой національности, а для отечества. Слова „для націи" „Сіонъ" предлагаетъ замѣнить словами: „для страны", „такъ какъ первое выраженіе предполагаетъ, что въ странѣ съ народонаселеніемъ еще смѣшаннымъ одна какая либо нація имѣетъ исключительное право на то, чтобы всѣ другія къ ней примыкали и не смѣли быть къ ней равнодушны, что она, слѣдовательно, имѣетъ право на исключительное господство". Для общаго блага страны различныя національности, уравненныя въ своихъ правахъ, усваиваютъ себѣ и обще-государственные интересы. „Но

есть существенныя особенности, какъ напримѣръ различіе въ религіи, исчезновенія которыхъ никто не вправѣ требовать, которыя нисколько не мѣшаютъ не только интересамъ какой либо страны, но даже могутъ быть совмѣстны съ внутреннимъ единствомъ ея населенія: бываетъ же, что одинъ и тотъ же народъ держится различныхъ религіозныхъ вѣрованій" (№ 37).

Въ послѣднихъ словахъ точка зрѣнія ассимиляціи уже не ограничивается предѣлами государствености. „Сіону" такъ и не удалось вполнѣ ясно обосновать свой взглядъ по національному вопросу. Ставъ на точку зрѣнія государственности или гражданственности, онъ встрѣтился съ упрекомъ въ стремленіи къ сліянію не съ окружающимъ населеніемъ, а съ „центромъ". Если же толковать теорію сліянія въ буквальномъ смыслѣ, выходило бы, что евреи въ Украйнѣ должны слиться съ украинцами. И „Сіонъ" въ одномъ мѣстѣ, дѣйствительно, заявляетъ отъ имени представителей еврейской интеллигенціи: „Мы вовсе не прочь были бы омалороссится... Но вотъ бѣда: массы людей обыкновенно не совѣтуются напередъ съ людьми теоріи и не прислушиваются къ нашимъ толкамъ, а дѣйствуютъ такъ, какъ указываетъ имъ нужда, сила обстоятельствъ и собственный инстинктъ. Такимъ образомъ, безъ всякой вины со своей стороны, значительная масса евреевъ въ Россіи вовсе еще не почувствовала никакой надобности промѣнять свой жаргонъ, а нѣкоторая— впрочемъ, все уменьшающаяся часть образованныхъ евреевъ— свой нѣмецкій языкъ на русскій; большинство же образованныхъ, въ которыхъ сильно обнаружилось за послѣднее время стремленіе обрусѣть, рѣшительно не имѣло выбора между великорусскою и малорусскою рѣчью. Для евреевъ въ Россіи и та и другая пока еще составляютъ предметъ такого же изученія какъ и всякій иностранный языкъ"... (Ibid.).

"Сіонъ" указываетъ и другія условія сближенія: болѣе высокая степень развитія той народности, съ которой должно произойти „сліяніе", отсутствіе въ ней предразсудковъ и наличность „большихъ залоговъ на великую будущность". Эти качества „Сіонъ" видитъ именно въ великорусскомъ народѣ и думаетъ, что въ этомъ направленіи и происходитъ историческое развитіе. „Въ евреяхъ, очевидно, начался процессъ обрусѣнія, а не омалорусѣнія (да простятъ намъ это варварское выраженіе), и начался онъ самъ собой, безъ всякаго отношенія къ національнымъ вопросамъ" (Ib.).

Рѣчь тутъ идетъ о процессѣ, начавшемся среди еврейской интеллигенціи, связавшей судьбу эмансипаціи съ вопросомъ о „сліяніи“. Относительно же настроенія массы „Сіонъ“ выражается въ другомъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ: „Весьма многіе изъ евреевъ, воспитанныхъ въ исключительно еврейскомъ духѣ, считаютъ себя гораздо выше своихъ соотечественниковъ-христіанъ и, презирая земныя блага для небесныхъ, страшатся эмансипаціи, которая представляетъ лучшее средство вывести евреевъ изъ замкнутаго состоянія. Знаменитый или, лучше сказать, пресловутый талмудистъ, бродскій раввинъ Соломонъ Клигеръ въ письмѣ, обнародованномъ еврейскимъ журналомъ "המליץ", прямо называетъ эмансипацію зломъ для евреевъ ("גזרת העמאנציפירען") (№ 29).

Въ началѣ своей полемики по національному вопросу „Сіонъ“, какъ мы видѣли, высказался въ томъ смыслѣ, что національные интересы можно сочетать съ общечеловѣческими. Это вызвало и въ русской печати (въ „Рус. Рѣчи“) и среди еврейской интеллигенціи (со стороны „нѣкоторыхъ изъ образованныхъ нашихъ единовѣрцевъ“, какъ выражается „Сіонъ“) упреки въ томъ, что „Сіонъ“ мечтаетъ о сохраненіи еврейской національности, а не одной лишь религіи. По этому поводу редакція „Сіона“ заявляетъ: „Мы нигдѣ не говорили, что евреи должны стараться сохранить во что бы то ни стало, кромѣ своей религіи, еще другія свои особенности; мы только вездѣ говоримъ, что никто не имѣетъ права требовать отъ евреевъ, чтобы они отказались отъ безвредныхъ своихъ національныхъ особенностей потому только, что эти особености ему не нравятся, и что евреи не только имѣютъ право, но даже обязаны противостоять подобнымъ требованіямъ во имя свободы и справедливости. Вопросъ же о томъ, какія именно національныя особенности и какъ долго сохранятъ ихъ евреи посреди господствующаго мѣстнаго населенія, мы не беремся разрѣшить; по нашему мнѣнію, онъ очень близко граничитъ съ вопросомъ, какія особенности сохранятъ съ вѣками народности вообще, при возрастающемъ постоянно сближеніи ихъ между собой и при усиленіи интересовъ общечеловѣческихъ на счетъ интересовъ національныхъ“ (1862 г., № 37).

Полемика между „Сіономъ“ и „Основой“ уже обнаруживаетъ тѣ тенденціи въ національномъ вопросѣ, которыя стали вскорѣ господствующими въ жизни. „Основа“, считая себя выразительницей національнаго самосознанія украинцевъ, возмущалась равнодушіемъ евреевъ къ украинству. „Сіонъ“ впервые выставилъ, хотя

и съ оговорками, лозунгъ „обрусѣнія“ вмѣсто прежняго неопредѣленнаго—„сліянія“.

Терминъ „сліянія“, употреблявшійся и въ офиціальныхъ актахъ и въ русской либеральной печати конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, допускалъ различное толкованіе. Правительство продолжало стремиться и старыми и новыми средставами (казенное просвѣщеніе и казенный раввинатъ, съ одной стороны, и правовыя облегченія для „полезныхъ“ частей еврейства—съ другой къ своей давней цѣли: „исправленію“ евреевъ путемъ уничтоженія еврейской національности. Еврейская интеллигенція, жившая въ своемъ изолированномъ мірке, гдѣ „четыре локтя галахи“ были замѣнены четырьмя локтями „гаскалы“, вкладывала въ правительственныя стремленія свои собственныя чаянія и надежды, взлелѣянныя въ тиши бетъ-гамидраша, подъ непосредсдвеннымъ вліяніемъ старой еврейской культуры. „Сліяніе“ тутъ понималось какъ идеальное братство народовъ какъ осуществленіе идеала пророковъ, на языкѣ которыхъ и выражала свои надежды большая часть этой интеллигенціи. Наконецъ, въ русской прогрессивной журналистикѣ „сліяніе“ имѣло оттѣнокъ снисхожденія русскаго общества къ евреямъ, которыхъ въ дореформенной Россіи представляли какою-то низшею расою.

Польское возстаніе выдвинуло на первый планъ правительственную реакцію „обрусенія“, къ которой скоро присоединилась значительная часть русскаго общества. Въ то же самое время усиливается процессъ дифференціаціи еврейской интеллигенціи. Наиболѣе вліятельною становится та часть ея, которая проникается руссификаторскими стремленіями правительства. Свое теоретическое обоснованіе это теченіе получаетъ въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ.

И. Сосисъ.

Евреи въ русско-турецкой войнѣ 1877 года.

По современнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ.

Кто жилъ сознательною жизнью въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, помнитъ, безъ сомнѣнія, тѣ широкія перспективы, которыя открывалъ новый уставъ 1874 года о всесословной, для всѣхъ одинаковой, воинской повинности. Съ изданіемъ этого устава отмѣнялась прежняя „рекрутчина" со всѣми ея суровыми условіями и требованіями. Воинская повинность распространялась на всѣхъ, безъ различія состоянія и вѣроисповѣданія.

Въ самомъ уставѣ не содержалось сколько нибудь важныхъ правоограниченій для евреевъ. Дарованіе льготъ по образованію должно было служить, какъ гласилъ царскій манифестъ, залогомъ распространенія просвѣщенія среди населенія. Естественно было думать, что одинаковыя для всѣхъ условія отбыванія одной изъ самыхъ тяжелыхъ гражданскихъ обязанностей, сопряженной съ необходимостью жертвовать своею жизнью для родины, повлечетъ за собою въ будущемъ и одинаковыя для всѣхъ права.

—Вы, новобранцы—напутствовалъ тогда одесскій раввинъ приводимыхъ имъ къ присягѣ молодыхъ людей,—вступая въ русскую армію на общихъ основаніяхъ, завоюете исполненіемъ своего долга передъ отечествомъ права себѣ и своимъ единовѣрцамъ.

На одесскихъ улицахъ, помню, стали все чаще и чаще попадаться молодые солдаты-евреи съ кантами на погонахъ: то были первые евреи-вольноопредѣляющіеся. Нѣкоторые изъ нихъ начали усиленно готовиться къ экзаменамъ при юнкерскихъ училищахъ на полученіе офицерскаго чина. И въ одно прекрасное утро появился на улицѣ молодой красивый офицеръ Фрейманъ, первый еврей-офицеръ въ Россіи, сынъ одесскаго мануфактуриста. На Фреймана одни съ гордостью указывали пальцами, для дру-

гихъ юный офицеръ сталъ предметомъ зависти. Вслѣдъ за Фрейманомъ, произведены были въ офицеры два брата Шорштейнъ.

Въ то время были живы еще традиціи эпохи либеральныхъ реформъ 60-хъ годовъ, и евреи еще грезили „сліятельными“ фантазіями. Но зародившаяся реакція заносила уже свою мертвящую длань на реформы. Позади былъ одесскій погромъ 1871 года. Евреи не злопамятны. О погромѣ они постарались скоро забыть и вспоминали о немъ, только проходя мимо разрушенныхъ погромщиками домовъ, изъ которыхъ одинъ долго стоялъ въ Одессѣ съ выбитыми окнами, по желанію его владѣльца. Притомъ одесскіе евреи—не безъ основанія—приписывали погромъ провокаціоннымъ дѣйствіямъ инородцевъ-же, ихъ торговыхъ конкуррентовъ-грековъ, и попустительству со стороны генералъ-губернатора, остзейскаго нѣмца графа Коцебу,—а сановные нѣмцы и тогда считались у насъ источникомъ всякаго „фобства“ и оплотомъ реакціи.

Медовые мѣсяцы устава о всеобщей и всесословной воинской повинности скоро миновали для евреевъ. Въ примѣненіи его къ нимъ кое-гдѣ стали допускаться уклоненія отъ общаго порядка, нарушавшія положенные въ его основу принципы равенства. Новый уставъ сталъ засариваться разъясненіями и дополненіями, обидными для самолюбія евреевъ. Предъявляя евреямъ чрезмѣрныя требованія относительно числа новобранцевъ, не соотвѣтствовавшаго процентному отношенію ихъ къ общему населенію,—ихъ стали обвинять въ уклоненіи отъ отбыванія воинской повинности. Но евреи не скоро разстались съ надеждами, вызванными у нихъ отмѣной рекрутчины и введеніемъ всесословной воинской повинности...

Лѣтомъ 1875 года вспыхнуло герцеговинское возстаніе. Въ сочувствіи угнетеннымъ славянамъ и жертвамъ башибузукскихъ расправъ евреи, по собственному горькому опыту знакомые со всякимъ гнетомъ и расправами, не уступали своимъ согражданамъ-христіанамъ. Въ славянскіе комитеты посыпались отъ евреевъ обильныя пожертвованія въ пользу страждущихъ славянъ. На газетныхъ столбцахъ въ спискахъ пожертвованій замелькали еврейскія имена. Одесскіе раввины и еврейскія дамы обходили дома своихъ соплеменниковъ съ кружками, собирая въ пользу славянъ. Въ одесскихъ синагогахъ расклеивали воззванія о пожертвованіяхъ. То же замѣчалось и въ другихъ городахъ.

Знаменитый скульпторъ М. М. Антокольскій пожертвовалъ тогда свою статую „Петръ Великій", стоющую не одну тысячу рублей.

„Всѣ симпатіи евреевъ—писалъ я въ вышедшей въ 1876 г. брошюрѣ моей по восточному вопросу—находятся на сторонѣ борющихся за свою свободу славянъ. Оно и понятно. Не наслаждаясь еще сами, въ силу извѣстныхъ условій, желаемымъ полноправіемъ, евреи естественно не могутъ не сочувствовать славянамъ въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ освобожденіе изъ подъ вѣкового ига турокъ, этихъ неизмѣнныхъ враговъ всего того, что носитъ на себѣ отпечатокъ свободы и цивилизаціи. Уже по одному тому евреи не могутъ не сочувствовать славянскому движенію, что разрѣшеніе славянскаго вопроса въ благопріятномъ смыслѣ вноситъ въ нашу жизнь еще новый элементъ свободы и приближаетъ насъ на крупный шагъ къ тому давно ожидаемому времени, когда у насъ окончательно восторжествуетъ общечеловѣческое равноправіе"...

Въ общерусской печати появлялись тогда горячо написанныя въ духѣ славянолюбія статьи, принадлежавшія перьямъ евреевъ. Въ издававшемся будущимъ главнокомандующимъ сербской арміи М. Г. Черняевымъ „Русскомъ Мірѣ", газетѣ славянофильскаго и умѣренно-консервативнаго направленія, евреи принимали самое близкое участіе. Редакціей завѣдывалъ Л. З. Слонимскій, сынъ извѣстнаго еврейскаго ученаго и редактора „Гацефиры—Х. З. Слонимскаго. Помѣщали въ „Русскомъ Мірѣ" воскресные фельетоны Н. М. Минскій (Виленкинъ), а литературные обзоры—С. А. Венгеровъ.

Съ 29 февраля 1876 г. издававшееся Трубниковымъ „Новое Время" перешло къ А. С. Суворину. Въ первомъ же номерѣ вышедшей подъ его редакціей газеты Суворинъ обѣщался „служить честнымъ людямъ и честнымъ стремленіямъ, откуда бы они ни исходили". По внутреннимъ вопросамъ „Новое Время" являлось отпрыскомъ коршевскихъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", гдѣ Суворинъ печаталъ свои „Недѣльные очерки и картинки" подъ популярнымъ псевдонимомъ „Незнакомецъ". „Новое Время" сразу выбросило славянское знамя, но отнюдь не стояло на почвѣ узкаго славянофильства охранительнаго направленія. И въ „Новомъ Времени", чуть ли не съ момента перехода его къ Суворину, принимали самое дѣятельное участіе евреи-писатели—М. И. Кулишеръ, С. А. Венгеровъ, Н. М. Минскій и покойные Л. О. Леванда, А. Е. Ландау и др. Объ этомъ заявилъ самъ Суворинъ въ своей юбилейной брошюрѣ, вышедшей въ

нѣсколькихъ экземплярахъ въ день десятилѣтія газеты подъ его редакціей. М. И. Кулишеръ помѣщалъ почти ежедневно политическія передовицы, посвященныя славянскому движенію. Его же перу принадлежала сочувственно встрѣченная прогрессивною „Молвою" обстоятельная статья о сербахъ и, вообще, о балканскихъ славянахъ и устройствѣ ихъ судьбы. Дѣло освобожденія славянъ объединило тогда заядлыхъ славянолюбовъ и представителей лѣваго направленія, полагавшихъ, что, ратуя за свободу балканскихъ славянъ, они одновременно содѣйствуютъ торжеству принциповъ свободы на родинѣ русскихъ славянъ [1].

---

20 іюня 1876 г. сербы дали первый выстрѣлъ по турецкому блокгаузу и перешли свою границу. То былъ прологъ освободительной славянской войны. Къ поднявшемуся въ Россіи добровольческому движенію примкнули и нѣкоторые евреи, которымъ, казалось бы, не было дѣла до славянской Гекубы и большой нужды сражаться за Сербію, гдѣ евреи были лишены многихъ правъ и откуда ихъ безпощадно высылали незадолго до войны. Нѣкоторые евреи отправились въ составѣ организованныхъ славянскими комитетами санитарныхъ отрядовъ. Ветеранъ-еврей, участвовавшій въ прежнихъ походахъ, обратился къ одесскому раввину за содѣйствіемъ отправкѣ его добровольцемъ въ Сербію. Въ числѣ первыхъ добровольцевъ уѣхалъ изъ Одессы на сербскій театръ военныхъ дѣйствій Аронъ Ротманъ, сраженный пулей подъ Алексинацемъ.

Я хорошо помню этого славянолюба, не знавшаго ни одного славянскаго языка, не исключая и русскаго. Заброшенный судьбою изъ какого-то захолустья въ Одессу, Ротманъ ознакомился случайно съ махинаціями одесскихъ биржевиковъ и плутократовъ и рѣшилъ разоблачить ихъ печатно. Однажды онъ явился ко мнѣ и просилъ составить по его наброскамъ на жаргонѣ обличительный очеркъ. Я заинтересовался разсказомъ обличителя и составилъ просимый очеркъ, вышедшій отдѣльною брошюрою, за подписью Ротмана, подъ заглавіемъ „Наша биржа". Деньги на изданіе Ротманъ добылъ продажей старьевщику своего платья. Брошюра произвела переполохъ, и обличенные пытались обез-

[1]) Въ тогдашнемъ „Новомъ Времени" не считали для себя зазорнымъ печатать свои произведенія даже Салтыковъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Плещеевъ и др. Радикальныя „Отечественныя Записки" въ іюльской книжкѣ 1876 г., въ статьѣ, озаглавленной „Воевать или не воевать?", заявили: „На русскомъ народѣ лежитъ историческій долгъ отстоять свободу турецкихъ славянъ, во что бы то ни стало".

вредить обличителя и заключить его въ домъ умалишенныхъ. Подоспѣла сербская война, и Ротманъ помчался въ Сербію, гдѣ и сложилъ свою буйную голову.

Извѣстенъ и другой еврей-герой, участникъ сербской войны Д. А. Гольдштейнъ. Онъ отправился въ Сербію, не разсчитывая на военные лавры, а въ качествѣ корреспондента, но увидѣвъ критическое положеніе сербовъ и той горсти русскихъ, на которыхъ лежала отвѣтственность за войну, превратился въ воина. „Гольдштейнъ—писалъ о немъ Г. К. Градовскій въ своей брошюрѣ „Въ защиту русскихъ"—примкнулъ къ людямъ, которымъ оставалось только умирать, чтобы спасти достоинство русскаго имени и доказать, что свобода и помощь угнетеннымъ не пустыя слова въ ихъ устахъ".

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ самъ генералъ Черняевъ описывалъ подвигъ Гольдштейна: „Съ прибытіемъ его сюда и до конца онъ постоянно находился въ огнѣ. 11 августа, при нападеніи турокъ на Шуматовскій редутъ (подъ Алексинацемъ), Гольдштейнъ обратилъ на себя собственное мое вниманіе отвагой и хладнокровіемъ, и когда былъ убитъ начальникъ редута Протичъ, я сейчасъ назначилъ Гольдштейна вмѣсто него. Подъ начальствомъ Гольдштейна гарнизонъ окончательно отбилъ отчаянную атаку турецкихъ массъ, за что ему дана мною медаль за храбрость. По отраженіи турокъ подъ Алексинацемъ, я взялъ его въ главный штабъ. 30 августа при Бобовшатѣ, находясь на батареѣ, наиболѣе подвергавшейся непріятельскому огню, Гольдштейнъ былъ раненъ въ правое плечо. На перевязочномъ пунктѣ я присутствовалъ при наложеніи гипсовой повязки. Онъ былъ бодръ. Я объявилъ о пожалованіи ему креста „Такова". Съ перевязочнаго пункта Гольдштейнъ былъ переведенъ въ Рафаны, гдѣ и скончался. Въ продолжительную мою боевую карьеру мнѣ рѣдко случалось встрѣчать такое безупречное мужество и хладнокровіе, которыя Гольдштейнъ выказалъ среди величайшей опасности, и я считаю священнымъ для себя долгомъ этимъ заявленіемъ почтить память покойнаго" [1]).

Въ Сербіи евреи проливали кровь, а въ Петербургѣ въ одной редакціи проливали чернила, строча обвиненія и доношенія, направленныя противъ евреевъ, поляковъ, татаръ, кавказцевъ, и производя сыскъ по части чувствъ этихъ инородцевъ къ славянамъ.

[1]) См. „Недѣля" 1876 г., № 32. „Нов. Время" 1876 г., № 196. Ср. *Градовскій*, Въ защиту русскихъ. Спб. 1906, с. 15.

Еще редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ В. Ѳ. Коршъ высказался однажды, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ сотрудниковъ, что за Суворинымъ надо посматривать въ оба. Импульсивный и неустойчивый, Незнакомецъ не отличался твердостью своихъ убѣжденій. Освободившись отъ коршевской опеки, Суворинъ, по выраженію покойнаго редактора „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и „Молвы“—В. А. Полетики, превратился скоро изъ „грязненькаго нигилиста“ въ „пламеннаго патріота“. Своимъ грѣхопаденіемъ Суворинъ обязанъ былъ, между прочимъ, начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати Григорьеву. Это былъ первый его совратитель съ пути либеральнаго. Суворинъ сталъ носить къ Григорьеву на предварительный просмотръ болѣе яркія статьи своихъ сотрудниковъ. Въ статьяхъ этихъ не только дѣлались купюры, но въ нихъ вставлялись „отсебятины“, къ великому огорченію авторовъ. Еще болѣе рѣзкій переломъ во взглядахъ Суворина произошелъ послѣ его путешествія въ Константинополь и на Балканы и встрѣчи съ русскимъ посломъ въ Турціи Н. П. Игнатьевымъ. Уже съ дороги на Балканы Суворинъ писалъ „Новому Времени“ объ Одессѣ: „Очень красивый городъ, прекрасно вымощенный, и жиды, жиды, жиды!.. Людей, принимающихъ участіе въ славянскомъ дѣлѣ, немного, такъ какъ господствуютъ евреи, которые даже и Іерусалимъ забыли“. По возвращеніи въ Россію, Суворинъ скоро окончательно сбросилъ съ себя либеральную личину и сталъ проявлять свои націоналистическія стремленія, полный расцвѣтъ которыхъ обнаружился впослѣдствіи. В. А. Полетикѣ онъ однажды съ присущей ему откровенностью заявилъ, что если Россія затѣетъ войну, онъ выскочитъ изъ издательскихъ затрудненій, иначе—прогоритъ [1]).

Между издателемъ „Новаго Времени“ и прогрессивно мыслящими сотрудниками, преимущественно евреями, все чаще и чаще стали возникать конфликты. Одинъ изъ нихъ произошелъ между нимъ и М. И. Кулишеромъ по поводу брошюры проф. Драгоманова, корреспондента „Новаго Времени“, подъ заглавіемъ „Чистое дѣло надо дѣлать чистыми руками“,—брошюры, къ которой Суворинъ отнесся крайне отрицательно. Одинъ за другимъ начали покидать редакцію „Новаго Времени“ сотрудники-евреи, и этотъ „исходъ Израиля“, вопреки заявленію Суворина

---

[1]) См. „Биржев. Вѣдом.“ отъ 27 сент. 1877 г.

въ его юбилейной брошюрѣ, произошелъ безъ какого либо давленія съ его стороны.

Я не собираюсь писать здѣсь біографію покойнаго издателя „Новаго Времени" и излагать, какъ дошелъ онъ „до жизни такой". Я хотѣлъ лишь отмѣтить отношеніе писателей-евреевъ къ славянскому движенію и ихъ роль въ славянофильскомъ направленіи тогдашней прессы.

Сербія и примкнувшая къ ней Черногорія терпѣли неудачи на театрѣ военныхъ дѣйствій. Борьба была не равная. Разсчеты сербовъ на возстаніе болгаръ, съ которыми турки поспѣшили звѣрски расправиться, не оправдались. Лишь вмѣшательство Россіи и рѣшительное требованіе заключить перемиріе спасли Сербію отъ окончательнаго разгрома. Собравшаяся въ Константинополѣ конференція пословъ не привела къ соглашенію объ устройствѣ судьбы турецкихъ славянъ, какъ и послѣдовавшіе затѣмъ въ Лондонѣ переговоры. И Россія вынуждена была объявить войну Турціи.

Евреи, наравнѣ съ другими, шли въ невѣдомые имъ края освобождать славянъ. Во многихъ полкахъ, расположенныхъ въ чертѣ осѣдлости, процентъ евреевъ-солдатъ былъ довольно значителенъ. На одесскихъ улицахъ — разсказывалъ „Одесскій Листокъ" отъ 3 августа 1877 г.—можно наблюдать еврейскихъ учащихся, снабженныхъ деревянными палками-ружьями и марширующихъ взадъ и впередъ, дѣлая, по командѣ старшаго, разныя военныя эволюціи. А тѣмъ временемъ военныя эволюціи на Балканахъ сопровождались потоками еврейской крови.

Много непримѣтныхъ героевъ-евреевъ сложили тамъ свои кости. О такихъ подвигахъ въ печать очень рѣдко попадали свѣдѣнія. Общая печать—умышленно или безъ умысла—обходила такіе факты молчаніемъ. „Новости", издававшіяся О. К. Нотовичемъ, добросовѣстно отмѣчали „подвиги" подрядчиковъ-продовольцевъ изъ евреевъ и измышленія объ уклоненіи отъ воинской повинности, опуская въ цитатахъ изъ далеко не юдофильскаго „Голоса" (какъ напр. въ описаніи военныхъ дѣйствій Гродненскаго полка) упоминанія о героизмѣ солдатъ-евреевъ.

Русско-еврейскихъ газетъ въ то время не было. Редакторъ „Гамелица" и „Колмевассера" А. О. Цедербаумъ былъ тогда обреченъ на молчаніе, на что онъ съ грустью жаловался потомъ въ возобновленномъ имъ „Гамелицѣ" (№ 1 за 1878 г.). „Ужасное чувство — писалъ онъ — испытываетъ человѣкъ, сознательно

воспринимающій и чувствующій все, что происходитъ вокругъ него, но лишенный возможности реагировать на явленія жизни. Подобное чувство испыталъ я въ теченіе всей послѣдней войны. Накопилось многое, очень многое, что заслуживало быть зарегистрированнымъ—на память грядущимъ поколѣніямъ. Можно было указать многочисленныя жертвы, какъ человѣческими жизнями, такъ и щедрыми матеріальными дарами, которыя евреи приносили на алтарь любви къ отечеству, наряду со своими русскими братьями, несмотря на то, что совершенно различны были чувства, побуждавшія ихъ жертвовать жизнью на полѣ брани и доставлять средства на нужды войны. Русскіе поднялись на помощь своимъ кровнымъ братьямъ-славянамъ и единовѣрцамъ, стонавшимъ подъ тяжкимъ гнетомъ жестокаго властелина, между тѣмъ какъ евреевъ ничто не связываетъ съ болгарами. Напротивъ, евреи помнили тотъ позоръ и тѣ преслѣдованія, которымъ ихъ братья подвергались въ Болгаріи, особенно во время войны, между тѣмъ какъ подъ властью турокъ они жили тогда мирно и вольготно. И несмотря на это, десятки тысячъ евреевъ сражались, какъ львы, о-бокъ съ русскими. Многіе были ранены и остались инвалидами на всю жизнь, многіе пали славною смертью на полѣ брани, ихъ кровь смѣшалась на Балканахъ съ кровью славянъ... И само правительство признало мужество и доблесть еврейскихъ воиновъ, оно наградило многихъ георгіевскими крестами, а нѣкоторые были произведены въ офицеры".

Среди командного состава русской арміи въ русско-турецкую войну евреевъ не было. Евреи-врачи въ счетъ идти не могутъ. Только случайно стали извѣстны во время и послѣ войны отдѣльные факты героизма и самоотверженія евреевъ, не разъ спасавшихъ своею находчивостью товарищей по оружію въ критическія минуты. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторой части печати дѣлались попытки взваливать на инородцевъ—татаръ и евреевъ—иныя неудачи войны, и бывшій начальникъ штаба генерала Скобелева—А. Н. Куропаткинъ счелъ нужнымъ въ своей замѣчательной статьѣ „Ловча, Плевна и Шейново" („Военный сборникъ", № 7 за 1883 г.) выступить съ протестомъ противъ такихъ обвиненій.

Говоря о нравственномъ духѣ арміи, Куропаткинъ сообщаетъ, что, послѣ несчастныхъ опустошительныхъ боевъ подъ Плевною, 30 и 31 августа 1877 г., въ скобелевскомъ отрядѣ нашлось нѣсколько сотъ нижнихъ чиновъ, которые лежали притаившись въ различныхъ ямахъ и рвахъ, или ушли далеко въ тылъ, съ

цѣлью уклониться отъ опасности и дальнѣйшаго боя. „Нѣкоторые склонны были отнести эти явленія, главнымъ образомъ, на счетъ татаръ и евреевъ, а не на счетъ общихъ подавляющихъ впечатлѣній продолжительнаго и неудачнаго боя, невыгодно дѣйствующаго вообще на людей, независимо отъ ихъ національности". А. Н. Куропаткинъ рѣшительно протестуетъ противъ обвиненій инородцевъ. Не отрицая, что въ числѣ означенныхъ сотенъ, скрывавшихся отъ непріятельскаго огня, могли быть нѣкоторые татары и евреи, онъ признаетъ подобныя явленія „единичными случаями". „Въ массѣ же—говоритъ Куропаткинъ—и татары, и евреи умѣли и будутъ впередъ умѣть такъ же геройски драться и умирать, какъ и прочіе русскіе солдаты—надо только умѣть повести ихъ"...

„Ни въ Малой Азіи, ни въ Болгаріи—засвидѣтельствовалъ военный корреспондентъ Г. К. Градовскій — не приходилось узнать хотя бы малѣйшій фактъ, могущій въ какомъ бы то ни было отношеніи опозорить воинскую честь евреевъ-солдатъ"...

Но все это не мѣшало „Новому Времени" и пѣвшимъ въ унисонъ съ нимъ газетамъ клеветать на евреевъ и дѣлать весь народъ отвѣтственнымъ за дѣйствительныя или мнимыя прегрѣшенія единицъ. Особенно доставалось въ русско-турецкую войну евреямъ за руссофобскую политику англійскаго премьера Биконсфильда и за евреевъ, продовольствовавшихъ русскую армію. „Умъ Биконсфильда—писалъ А. С. Суворинъ—отуманенъ племеннымъ предрасположеніемъ къ туркамъ. Евреи двѣ тысячи лѣтъ лелѣютъ мечту о возрожденіи іудейскаго царства. Отчего евреямъ не воспламениться за возрожденіе Турціи"?

Оказывались евреи отвѣтственными и за хищенія „жидковъ-продовольцевъ" изъ компаніи „Горвицъ, Грегеръ и Коганъ" и за ошибки подрядчика по поставкѣ подводъ для арміи — Варшавскаго, хотя только Варшавскій и Коганъ были еврейскаго вѣроисповѣданія...

Въ издававшемся въ Бухарестѣ О. М. Лернеромъ журнальчикѣ „Записки Гражданина" было напечатано тогда о неудачномъ визитѣ, сдѣланномъ издателемъ петербургской газеты подрядчикамъ-евреямъ, у которыхъ онъ добивался выписки 3000 экземпляровъ его изданія и уплаты 60.000 руб. за благожелательное отношеніе. Суворинъ угрожалъ привлечь Лернера къ суду за клевету, чего, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ. Мы, конечно, отнюдь не склонны брать подъ защиту ни Лернера, ни дѣльцовъ - поставщиковъ, всѣхъ этихъ Горвицовъ, Грегеровъ, Когановъ, Новосельскихъ,

Алафузовыхъ, Власовыхъ, московскихъ консервныхъ фабрикантовъ и интендантовъ, скомпрометировавшихъ себя въ русско-турецкую кампанію [1]). Больше, чѣмъ кто либо мы скорбимъ о злоупотребленіяхъ продовольцевъ-евреевъ, ставшихъ извѣстными наслѣднику цесаревичу, впослѣдствіи императору Александру III, и сыгравшихъ не послѣднюю роль въ судьбѣ евреевъ, какъ было указано мною въ моей брошюрѣ „Друзья и враги евреевъ“ (Спб. 1908 г.).

Въ то время, когда поставщики нагрѣвали руки, а нѣкій издатель дѣлалъ имъ визиты и велъ переговоры о выпискѣ его газеты „всемірными грабителями“, евреи-воины самоотверженно исполняли свой долгъ передъ родиной, не ожидая за это ни повышеній по службѣ, ни другихъ поощреній, столь важныхъ въ военномъ быту. Какія евреи получали „поощренія“—объ этомъ свидѣтельствовалъ генералъ Куропаткимъ. „Мы видѣли—писалъ онъ—какъ штабъ-офицеръ Ярославскаго полка, въ составѣ котораго было много евреевъ, при переправѣ полка у деревни Иглау и чрезъ рѣку Осми, выходя изъ себя, бранилъ евреевъ „паршивыми жидами“ (Военный сборникъ 1883 г., № 7).

Единственная еврейская газета, издававшаяся въ Россіи во время русско-турецкой войны, „Гацефира“, сообщая, что черезъ Брестъ-Литовскъ ежедневно проходили многочисленныя санитарные поѣзда съ ранеными, среди которыхъ было не мало евреевъ, приводила единодушные хвалебные отзывы офицеровъ о подвигахъ еврейскихъ солдатъ, не уступавшихъ въ мужествѣ русскимъ. У многихъ солдатъ груди были украшены георгіевскими крестами (№ 50 за 1877 г.).

Въ „Голосѣ“ помѣщенъ былъ отзывъ о побѣдахъ Гродненскаго полка, въ которомъ числилось много евреевъ и который, при выступленіи его на театръ военныхъ дѣйствій, нѣкоторые напутствовали ироническими замѣчаніями. Одинъ русскій офицеръ писалъ изъ Чиркья слѣдующее: „Въ одномъ изъ полковъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, недавно отличившемся въ дѣлахъ съ турками, было очень много евреевъ въ рядахъ

[1]) Само „Новое Время“ сообщало о поджогѣ нѣкіимъ Власовымъ своей консервной фабрики въ Браиловѣ, чтобы скрыть слѣды своихъ злоупотребленій. Въ этой же газетѣ было помѣщено письмо русскаго офицера о смѣнившихъ подрядчиковъ-евреевъ чистокровныхъ русскихъ грабителяхъ, сдиравшихъ семь шкуръ со своихъ покупателей-воиновъ. (Письмо это было напечатано въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Нов. Вр.“ за 1877 г. и воспроизведено оттуда въ № 2 „Гацефиры“ за 1878 г.).

ротъ. И что же? По общему отзыву ротныхъ командировъ' евреи дрались храбро и даже отчаянно" („Голосъ" 1877 г. № 229).

Оффиціально сообщалось по телеграфу съ театра войны о подвигахъ артиллериста Лейбуша Файгенбаума около Шипки, на фортѣ Св. Николая. Когда къ его ногамъ упалъ непріятельскій снарядъ, Файгенбаумъ, несмотря на опасность, отшвырнулъ его руками въ близлежащій ровъ, чѣмъ и спасъ батарею и товарищей отъ вѣрной смерти. Онъ былъ награжденъ орденомъ Георгія. За другіе подвиги въ ту же войну Файгенбаумъ получилъ еще два георгіевскихъ креста, но ему не суждено было носить ихъ: онъ умеръ отъ тяжелой раны. На кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, по сообщенію „Московскихъ Вѣдомостей", получилъ георгіевскій крестъ и произведенъ въ прапорщики еврей Герцовъ изъ Таганрога.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, старый военный корреспондентъ и авторъ книгъ о русско-турецкой войнѣ 1877 года („Годъ войны"—3 тома, „Послѣ войны" и др.), въ бесѣдахъ со мною неоднократно разсказывалъ о евреяхъ-солдатахъ.

„Я, какъ вы знаете,—говорилъ мнѣ недавно Немировичъ-Данченко,—продѣлалъ значительную часть кампаніи на Балканахъ со Скобелевскимъ отрядомъ, и мнѣ ни разу не пришлось слышать о томъ, чтобы солдаты-евреи уступали въ чемъ-либо русскимъ солдатамъ. Отдѣльные евреи выказывали большую храбрость. Одинъ изъ нихъ, служившій въ Скобелевскомъ отрядѣ, Финкельштейнъ, заинтересовалъ даже великаго князя главнокомандующаго Николая Николаевича (старшаго), который на смотру подъ Казанлыкомъ просилъ показать ему еврея-героя и лично надѣлъ ему георгіевскій крестъ. На Шипкѣ, которую особенно энергично обстрѣливали турки, было въ августѣ мало нашихъ войскъ, пока не подошелъ форсированнымъ маршемъ ген. Драгомировъ. Большая часть солдатъ была выбита. Траншеи на шипкинскихъ позиціяхъ защищали орловцы, брянцы и болгарскіе ополченцы. Каждому нашему воину приходилось воевать противъ десятка непріятельскихъ. И въ этихъ бояхъ особенно отличился еврей. Въ то время, когда солдаты лежали въ окопахъ на гребняхъ горы, еврей-солдатъ стоялъ безстрашно подъ дождемъ пуль и указывалъ товарищамъ, куда стрѣлять. Когда ему казалось, что кто-либо труситъ, онъ говорилъ: „Ай-да воинъ! Я еврей и не боюсь, а ты вотъ трусишь"!.. Въ моихъ тогдашнихъ корреспонденціяхъ — продолжалъ Немировичъ-Данченко — и въ книгахъ о русско-турецкой войнѣ вы

найдете не мало разсказовъ объ отдѣльныхъ случаяхъ героизма, и не одинъ изъ нихъ вы можете поставить въ счетъ евреямъ-воинамъ, хотя я и не упоминалъ о вѣроисповѣданіи моихъ героевъ. Въ ту до-погромную эпоху мы не дѣлили солдатъ по вѣроисповѣданіямъ и не заглядывали въ ихъ метрики... Я сталъ дѣлать это лишь впослѣдствіи, т. е. въ русско-японскую войну"...

Въ „Русскомъ Мірѣ" отъ 9 октября 1878 г. (№ 276) разсказанъ слѣдующій эпизодъ изъ Плевненской кампаніи, со словъ вернувшагося въ Могилевъ-на-Днѣпрѣ начальника 31-й пѣхотной дивизіи:

„Когда моя дивизія, состоявшая изъ ²/₃ русскихъ и ¹/₃ еврейскихъ воиновъ, обложила одно изъ укрѣпленій Плевны въ злополучный день 30 августа, изъ турецкихъ траншей посыпались градомъ пули и гранаты, такъ что единственнымъ спасеніемъ осталось отступленіе; но когда офицеры дивизіи желали въ послѣдній разъ испробовать свое упорство, я согласился, скомандовавъ солдатамъ: „съ Богомъ впередъ, ребята!" Солдаты общими массами ползли и карабкались на возвышенность укрѣпленія. Но чѣмъ больше мы приближались къ горѣвшей турецкой траншеѣ, наше положеніе было, дѣйствительно—явная смерть. Еще шагъ—мы у непріятеля. Вдругъ какой то крикъ со словами „Шема-Исраель" огласилъ воздухъ. Оказалось, что это закричали евреи-герои (слова эти—талисманъ у евреевъ при внезапномъ несчастіи и испугѣ), за ними безсознательно повторили то же русскіе воины, и въ общемъ смятеніи, при единогласномъ „Шема-Исраель", вся дивизія взобралась на турецкую траншею"...

Контингентъ новобранцевъ 16 и 30 пѣхотныхъ дивизій, навербованный въ Могилевской и Минской губерніяхъ, заключалъ въ себѣ почти одну четвертую часть евреевъ. Въ нѣкоторыхъ ротахъ евреи составляли преобладающій элементъ, а потому военное начальство этихъ дивизій имѣло возможность ближе и основательнѣе изучать качества еврея-солдата. Съ начальствомъ этихъ дивизій бесѣдовалъ, вскорѣ послѣ русско-турецкой войны, сотрудникъ „Русскаго Еврея" С. Е. Корнгольдъ („Р. Е." №№ 7 и 11 за 1879 г.),—и вотъ что онъ услышалъ отъ нихъ:

„Еврей-солдатъ—говорилъ г. Корнгольду начальникъ 30 пѣхотной дивизіи генералъ П.,—какъ рѣдко безсемейный и безъ внѣшнихъ обязанностей, является большей частью безпокойнымъ и озабоченнымъ; но еврей-воинъ, въ пылу разгара, является храбрымъ и неимовѣрно рѣшительнымъ. Это не автоматъ, не машина, дѣйствующая подъ вліяніемъ настоянія командира; напротивъ, съ полнымъ сознаніемъ грозящей ему опасности,

позабывъ и бѣдствующее семейство и безпомощныхъ стариковъ-родителей, оставивъ ихъ на волю Божію, онъ съ образцовой рѣшимостью и самоотверженіемъ бросается первый въ огонь. Еще однимъ безспорнымъ отличительнымъ признакомъ обладаетъ еврей-воинъ: это—его быстрое соображеніе и предпріимчивость въ самыя трудныя минуты нерѣшительности, такъ часто бывающія въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля".

„Августовскіе походы на Плевну были губительны для 30 дивизіи: болѣе двухъ третей всего ея состава—разсказывалъ офицеръ этой дивизіи Корнгольду — похоронили у злосчастной Плевны. Несчастныхъ бойцовъ встрѣчали ливнями гранатъ и пуль изъ турецкихъ траншей. Въ одной изъ штурмовавшихъ ротъ было убитыхъ видимо-невидимо... Офицеры одинъ за другимъ выбывали изъ строя. Наконецъ, и послѣдній изъ нихъ палъ жертвой пули. Рота осталась безъ всякаго предводителя. Положеніе было отчаянное. Произошло замѣшательство, но не надолго. Одинъ изъ бойцовъ, рядовой еврей Б., бросивъ свое ружье и мундиръ, мигомъ надѣлъ снятый съ тутъ же лежавшаго трупа офицера мундиръ и съ обнаженной офицерской саблею, не узнанный солдатами, выступивъ впередъ, скомандовалъ: „За мной, ребята, ура!" За нимъ, воодушевленная храбростью своего мнимаго командира, разрозненная рота значительно шагнула впередъ, но увы!—опять не надолго. Еврейскій офицеръ, пораженный пулею въ правый високъ, упалъ къ ногамъ отряда. Въ воздаяніе за такое самоотверженіе и храбрость, еврей былъ похороненъ съ воинскими почестями въ офицерскомъ мундирѣ.

„Стоя на бивуакѣ у Ловчи,—разсказывалъ прапорщикъ Д.,—намъ часто приходилось дѣлать небольшія рекогносцировки. Какъ то разъ я въ сопровожденіи 8 рядовыхъ и еврея унтеръ-офицера направился по Ловченскому шоссе. „Алла, Аллахъ!"—загремѣло вдругъ. Мы обернулись и лицомъ къ лицу встрѣтились съ шайкою башибузуковъ, выходившей изъ небольшой сосѣдней рощи—человѣкъ тридцать. Борьба показалась сначала неравной, но, къ счастью, какъ мы, такъ и враги наши обладали лишь холоднымъ оружіемъ. Еврей-унтеръ, не теряя ни на минуту присутствія духа, настойчиво совѣтовалъ составить оборонительное кольцо. Времени нельзя было терять, и мы, подъ команду унтеръ-офицера, стали одинъ къ другому спиною, защищаясь отъ осадившей насъ шайки обнаженными саблями. Осада, однако, длилась недолго. Еврей, ловко маневрируя саблею, вскорѣ прокололъ трехъ, я одного турка, что навело панику на остальныхъ. Турки начали отступать, и мы безъ потерь вернулись въ бивуакъ. Еврей-унтеръ былъ вознагражденъ за храбрость Георгіемъ".

„24 декабря 1877 г., съ разсвѣтомъ—передавалъ ротный командиръ—я во главѣ одной роты выдвинулся черезъ Сельченскій перевалъ по направленію къ Гузову. Съ мужествомъ преодолѣвъ всѣ природныя препятствія, мы взобрались, еле дыша, на вершину неимовѣрно крутой отвѣсной горы. Но увы!—мы очути-

лись локоть къ локтю съ непріятелемъ, пять разъ превышавшимъ нашу силу... Положеніе непріятеля было таково, что мы не могли и думать о поединкѣ. Непріятель началъ перестрѣлку. Пришлось отступать, но куда? Посмотришь внизъ по спуску— голова кружится: вѣрная смерть!.. Какъ вдругъ раздалось нѣсколько голосовъ: „Валяй турка, валяй его!“ И моментально моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: семь—восемь евреевъ-солдатъ перебѣжали къ непріятелю и черезъ нѣсколько секундъ, таща за собою каждый по два, по три турка, держа ихъ у пояса и съ крикомъ „валяй его“, бросались въ невѣдомую пропасть. Ихъ отчаянному примѣру послѣдовали многіе другіе храбрецы роты. Стоны и крики падавшихъ настолько оглушали турокъ, что они пустились въ бѣгство. Укрѣпивши за собою позицію, я отправилъ ординарцевъ развѣдать о судьбѣ отчаянныхъ бойцовъ. Съ нашей стороны погибло 26, изъ нихъ 16 евреевъ-солдатъ; турокъ же было 67. Въ живыхъ осталось очень мало.

„Въ ожиданіи подкрѣпленій для предстоящаго наступленія у Ловчи,—передалъ майоръ Г.,—мы въ полной готовности къ начатію боя услышали выстрѣлъ съ лѣваго фланга. Мы отвѣтили тѣмъ же и начали приближаться на возможно близкую дистанцію къ непріятельскимъ стрѣлкамъ... Закипѣлъ бой... „Ваше в—діе—закричалъ унтеръ-офицеръ еврей Д.—вѣдь это наши“!.. И не выждавъ моихъ распоряженій, подъ дождь пуль, пустился бѣжать по направленію къ стрѣлявшимъ. Черезъ 4—5 минутъ пальба прекратилась, наши стали приближаться, неся на рукахъ избавителя отъ смерти многихъ солдатъ еврея-унтера. Въ воздаяніе за храбрость, начальникъ дивизіи лично возложилъ на Д. георгіевскій крестъ и наградилъ его ста рублями.

„Послѣ одного сраженія у Св. Елены, — разсказывалъ прапорщикъ Д.,—я въ сопровожденіи моего ординарца и рядового еврея отправился для обозрѣнія устланнаго трупами поля. Вдругъ издали показался цѣлый рядъ летѣвшихъ въ нашу сторону башибузуковъ. Бѣжать отъ коннаго непріятеля было безполезно, какъ и сопротивляться. — Ложитесь! – закричалъ еврей, и тутъ же съ поднятыми и судорожно сведенными руками, точно пораженный, повалился на землю, сплошь усѣянную трупами. Я съ ординарцами послѣдовали его примѣру, стараясь не подавать ни одного звука. Турки все болѣе и болѣе приближались. Они подошли, пощупали наши карманы, наносили намъ удары въ бокъ и удалились, въ полной увѣренности, что предъ ними покойники. Благодаря находчивости солдата-еврея, мы были спасены отъ расправы башибузуковъ.

„Въ числѣ дѣйствительныхъ причинъ нашихъ неудачъ у Плевны — заявилъ офицеръ 16-й дивизіи Д.—первое мѣсто занимаетъ сила дальнобойныхъ орудій и ружей турокъ, не дававшихъ возможности приближаться къ ихъ позиціямъ. Но русскій штыкъ и рукопашня были сильнымъ пугаломъ для турокъ. Въ одну, слѣдовавшую за сраженіемъ, ночь нашему отряду, въ ко-

торомъ насчитывалась одна пятая часть евреевъ, велѣно было непремѣнно захватить одну изъ непріятельскихъ дивизій у Полишета. Дорога вся устлана турецкими трупами, красныхъ фесокъ видимо-невидимо. Мы поднялись на гору, стараясь идти все тише и тише. Съ трепетомъ подошли мы шаговъ на 50 отъ редута. Выстрѣлъ. Чрезъ нѣсколько секундъ раздалось глухое „бумъ". Затормозилось дальнѣйшее движеніе. Численное превосходство непріятеля было несомнѣнно. Среди жужжанія пуль и гранатъ подбѣжалъ унтеръ-офицеръ еврей, прокричавъ: Ваше в—діе, надѣвайте феску, кричите „Аллахъ"!.. Я обернулся и вижу: еврей-унтеръ, надѣвая солдатамъ передовой линіи красныя, запятнанныя кровью фески, велитъ имъ кричать: „Аллахъ, Аллахъ!" Я не могъ не одобрить его находчивости, самъ надѣлъ окровавленную феску, и съ крикомъ „Аллахъ" мы начали быстро подниматься. Турки прекратили огонь. Мы безъ труда ворвались къ ошеломленнымъ туркамъ, захватили ихъ въ расплохъ и одержали надъ ними полную побѣду"

Съ этими отзывами вполнѣ совпадаетъ слѣдующій разсказъ, изложенный въ книгѣ „Памятка Елисаветпольца" (С.-Петербургъ, 1899 г.), составленной по распоряженію командира кавказскаго армейскаго корпуса:

„Во время отступленія 2-го батальона (21 сентября 1877 г.), передъ Аладжинскими высотами отличился рядовой Абрамъ Спивакъ. Храбрый еврей, ворвавшись въ саклю, напалъ на турецкаго офицера. Зная, что взятіе офицера въ плѣнъ сулитъ ему георгіевскій крестъ, Спивакъ отступилъ назадъ и предложилъ офицеру сдаться. Въ это время наша цѣпь отошла назадъ, преслѣдуемая турками. Какой то обтрепанный башибузукъ съ ружьемъ въ рукахъ появился у дверей сакли. Увидѣвъ башибузука, Спивакъ тотчасъ сообразилъ, что покинутъ своими товарищами, но не потерялся: оставивъ офицера, онъ съ быстротой молніи налетѣлъ на башибузука, прокололъ его штыкомъ и пустился бѣжать. Турокъ-офицеръ открылъ по немъ суетливую, безвредную стрѣльбу. Взявъ ружье убитаго башибузука, турецкій офицеръ погнался за дерзкимъ противникомъ. Спивакъ, потерявъ силы, прилегъ за надгробнымъ камнемъ, шагахъ въ 300 отъ нашей цѣпи. Когда турецкій офицеръ дошелъ до края магометанскаго кладбища, Спивакъ сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ, но промахнулся. Офицеръ тоже легъ за камнемъ, и оба находились другъ отъ друга въ 50 шагахъ. Тѣмъ временемъ турецкіе стрѣлки начали одинъ за другимъ перебѣгать кладбище. Положеніе нашего героя становилось все хуже и опаснѣе, а между тѣмъ, рискованно было поднять голову изъ за камня, чтобы прицѣлиться во врага, который только этого и ждалъ. Долго Спивакъ думалъ, какъ ему выкрутиться изъ бѣды, и ему пришла въ голову спасительная мысль. Онъ сгребъ за камнемъ кучку земли, положилъ на нее свою шапку, а самъ ползкомъ прошелъ въ промоину, огибавшую кладбище съ правой стороны. Офицеръ про-

извелъ нѣсколько выстрѣловъ въ кепи солдата, по третьему выстрѣлу шапка свалилась съ кучки внизъ, и офицеръ всталъ, чтобы вернуться въ деревню, думая, что онъ покончилъ съ солдатомъ. Въ это время сбоку раздался выстрѣлъ, и офицеръ упалъ. Захвативъ съ собою магазинное ружье, красную феску и серебрянные часы, какъ вещественныя доказательства, что офицеръ убитъ, Спивакъ побѣжалъ къ товарищамъ, провожаемый выстрѣлами нѣсколькихъ турецкихъ солдатъ, успѣвшихъ перебѣжать на кладбище. За этотъ подвигъ Спивакъ награжденъ былъ лично великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ знакомъ отличія военнаго ордена 4-ой степени".

* * *

Съ очень большими трудностями достались русской арміи побѣды на Плевненскихъ позиціяхъ, этихъ „чисто Севастопольскихъ укрѣпленіяхъ". Много легло тамъ русскихъ воиновъ и не мало евреевъ, покоящихся въ нѣдрахъ земли у Плевны.

Въ Москвѣ, въ центрѣ города, близъ Китайской стѣны, красуется памятникъ-часовня, поставленный гренадерами своимъ товарищамъ, павшимъ въ бою подъ Плевною при взятіи—28 ноября 1877 года—этой крѣпости и захватившимъ въ плѣнъ командира ея Гази-Османъ пашу. На стѣнахъ часовни выгравированы имена офицеровъ и солдатъ, особенно отличившихся въ этомъ памятномъ для Россіи бою. Среди нихъ имѣются слѣдующія еврейскія имена: Абрамъ Кляхъ, Самуилъ Бремъ, Наумъ Коломецъ, Мошка Уманскій, Исаакъ Родзевичъ, Моисей Масюкъ. „Всѣ эти лица, которымъ нація поставила памятникъ,—заявилъ въ Госуд. Думѣ одинъ изъ депутатовъ-евреевъ,—если бы они воскресли, не имѣли бы права пріѣхать посмотрѣть на свой памятникъ"...[1]).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

А. Е. Кауфманъ.

Р. S. Матеріаломъ для настоящаго очерка, кромѣ личныхъ воспоминаній и замѣтокъ автора, послужили сообщенія указанныхъ въ текстѣ періодическихъ изданій и цитированныхъ выше брошюръ. Мы были-бы весьма признательны участникамъ русско-турецкой войны 1877—78 г. за сообщеніе намъ въ ближайшее время (по адресу редакціи „Евр. Старины") извѣстныхъ имъ фактовъ и эпизодовъ, характеризующихъ отношеніе евреевъ къ этой войнѣ. Едва-ли приходится говорить о важности сохраненія отъ забвенія такихъ фактовъ, представляющихъ особенный историческій интересъ въ настоящее время.

Авторъ.

[1]) **Усовъ**, Евреи въ арміи, Спб. 1911. стр. 13.

Еврейскія пословицы.

Нижеслѣдующая коллекція пословицъ представляетъ собою часть собраннаго мною за нѣсколько лѣтъ матеріала. Не внесены сюда Erotica et Rustica, а также тѣ пословицы, въ точности текста которыхъ я былъ не вполнѣ увѣренъ. Излишнимъ я считалъ вносить тѣ изъ записанныхъ мною пословицъ, которыя я нашелъ дословно или съ незначительными варіантами въ извѣстномъ сборникѣ Bernstein'a (1908). Въ случаѣ же болѣе или менѣе значительнаго варіанта, или въ случаѣ необходимости прибавить какое-нибудь замѣчаніе, я ссылался на этого автора съ указаніемъ номера пословицы по его сборнику. Сообразовываться также съ сборникомъ Пирожникова я, къ сожалѣнію, не могъ, ибо не имѣлъ его подъ рукой. Изъ пословицъ, встрѣченныхъ мною въ беллетристической или публицистической литературѣ, я внесъ только тѣ, которыя мнѣ самому также приходилось слышать въ народѣ; ссылку на автора я при этомъ считалъ излишней,—развѣ только эта ссылка могла казаться важной въ смыслѣ варіанта или толкованія. Изъ сборниковъ еврейскихъ пословицъ на другихъ языкахъ у меня былъ подъ рукой только Landsberger, Jüdische Sprichwörter, Lpz. 1912, котораго я въ рѣдкихъ случаяхъ и цитирую (имя автора и страницу). Остальныя ссылки приводятся съ точнымъ обозначеніемъ источника.

При кропотливости работы я не вполнѣ увѣренъ, что у меня не вкрались единичныя пословицы, встрѣчающіяся дословно у Bernstein'a. Во всякомъ случаѣ, ихъ должно быть очень немного.

Время и мѣсто возникновенія или наибольшаго распространенія для пословицъ, пожалуй, еще труднѣе въ точности установить, чѣмъ для какого-нибудь другого произведенія народной словесности. Значительное большинство предлагаемыхъ здѣсь пословицъ я слышалъ въ Бѣлоруссіи. Тѣ изъ нихъ, которыя я слышалъ отъ евреевъ другихъ областей, мною особо помѣчены. Орѳографію я употребляю общепринятую въ литературѣ; обращать вниманіе въ тран-

скрипціи на тонкости мѣстнаго говора я считалъ излишнимъ: какъ разъ для пословицы такая щепетильность является совершенно необоснованной, именно вслѣдствіе широкаго территоріальнаго распространенія этого рода словесности.

Коренное различіе я дѣлаю между пословицей и поговоркой (Redensart), хотя въ единичныхъ случаяхъ эта граница проводится съ трудомъ. Но тѣмъ не менѣе это различіе принципіальное. Пословица при образности выраженія всегда содержитъ какую-нибудь сентенцію, „мораль“: въ поговоркѣ (въ большинствѣ случаевъ—метафора, сравненіе, иронія, преувеличеніе) картинность является самодовлѣющею цѣлью. Пословица—продуктъ народной поэзіи. Къ сожалѣнію, я не замѣтилъ, чтобы изслѣдователи (Bernstein, Ан—скій, Евр. Энциклоп. XII, 769) обращали достаточно вниманія на принципіальное различіе между этими двумя отраслями фольклора, которыя требуютъ раздѣльной кодификаціи и раздѣльнаго изученія.

На толкованія къ пословицамъ я не скупился. Пословица, при краткости и образности своего выраженія, даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ гораздо чаще, чѣмъ это можно предполагать. Человѣкъ, который выросъ и сросся съ пословицей, которому она кажется сама собой понятной, поражается подчасъ, какимъ превратнымъ толкованіямъ она можетъ подвергаться. Среди собранныхъ здѣсь пословицъ имѣется также нѣсколько характерныхъ примѣровъ діаметрально противоположнаго толкованія одной и той же пословицы *).

---

1. וואס פערהערט, דאס פערזעהען. Wos verhört, dos versehn. Говорятъ человѣку, который въ бесѣдѣ кое-что прослышалъ и проситъ, чтобы ему повторили. Versehen здѣсь, какъ pendant къ verhört, означаетъ „упустить“. „потерять“.

2. אז מען שערט די שעפסען, ציטטערן די לעממער. Az men schert die Schepsen, zittern die Lämmer. Повидимому, заимствовано изъ нѣмецкаго.

3 אז מען דערמאהנט דעם מלאך, קומט דער גלח. Az men dermohnt dem Malach, kumt der Galach. Соотвѣтствуетъ русскому: „Легокъ на поминѣ“. Смыслъ пословицы неясенъ. Я слышалъ толкованіе, будто она искажена изъ אז מען דערמאהנט דעם מהלך, קומט ער גליך (?),—но превращеніе גליך въ גלח внушаетъ этимологическія сомнѣнія (развѣ если принять во вниманіе тенденцію къ риѳмѣ?).

---

*) Въ нижеслѣдующихъ пословицахъ редакція снабдила текстъ многихъ латинскою транскрипціей, а при болѣе сложныхъ часто даны объясненія на русскомъ языкѣ.—Ред.

4. Ванька не дуракъ, pitum въ карманѣ.—Послали черезъ Ваньку „эсрогъ" и приказали ему беречь „питумъ" (головку). Онъ его откусилъ и глубоко запряталъ въ карманъ.

5. א לעכערדיגען זאק קען מען ניט אנשטאפען. — A löcherdigen Sack ken men nit onstopen (Срав. Хаггай, I, 6).

6. זיי מיר ניט קיין פעטער און ניי מיר ניט קיין שטיוועל — Sei mir nit kein Vetter un nei (nähe) mir nit kein Stiwel. Не желаю имѣть съ тобой никакихъ дѣлъ,—даже мнѣ на пользу. См. Bernstein, № 2945, сходную пословицу съ другой сентенціей.

7. א איד איז אין גלות—A Jüd is in Golus. Большей частью говорятъ и при напасти, ничего общаго съ голусомъ не имѣющей, тономъ примиренія съ судьбой (вар. אף דערוף איז דער איד אין גלות).

8. געוואלד, וואו קימען אהין דיא טעג מיט דיא יאהרען!—Gewald, wu kumen ahin die Täg mit die Johren! Характеризуетъ вѣчную житейскую суету. На эту пословицу имѣется шуточный бытовой отвѣтъ: דיא טעג עסען אוף דיא ארעם-בחורים און דיא יאהרען פערלייקענען דיא מיידלעך (Die Täg essen auf die Orem-bochrim un die Johren verleikenen die Meidlech).

9. ביים בענטשען האט איהר די ברירה—Beim Bentschen hot ihr die breire. Такъ говоритъ благочестивый хозяинъ своему вольнодумному гостю, приглашая его къ омовенію рукъ передъ трапезой и шутливо намекая, что передъ трапезой гость еще зависимъ отъ хозяина.

10. שטארבען און קנעלען וועט קיינמאל ניט פעהלען — Starben un knelen wet keinmol nit fehlen. Я слышалъ קנעלען און שטארבען,—но это безъ сомнѣнія неточность говорившаго. Слышалъ и варіантъ: שטארבען און קנעלען וועט מען קיינמאל ניט פערזאמען. Искони קנעלען (меламедство) разсматривается какъ самый неблагодарный трудъ, за который берутся только полнѣйшіе неудачники.

11. וואס ווערט מען אן אז מען לעבט? דערוויל עסט מען בלינטשיקעס. Wos wehrt men on, az men lebt? Derwail esst men Blintschikes. Жизнь хоть и не Богъ вѣсть какое благо, но и не особенное зло.

12. א גוטער פערשפארער איז בעסער איידער א שלעכטער פערדיענער. A guter Versporer is besser eider a schlechter Verdiener. (Сувалкск. губ.—Ср. варіантъ у Bernstein, № 139).

13. דער לעבעדיגער מענש לעבט.—Der lebediger Mensch lebt. Такъ со скорбію отвѣчаетъ находящійся въ семейномъ траурѣ на вопросъ, какъ онъ поживаетъ.

14. וויא דער פענדעל, אזוי דער דעקעל. - Wie der Fendel, asei der Deckel (Сувалкск. губ.).—Значеніе пословицы не требуетъ поясненій. [По Сенькѣ шапка?—Ред.]

15. .יעדער איז נאר פאר זיך קלוג—Jeder is nor far sich klug т. е. знаетъ свою выгоду. См. другое толкованіе Landsberger, стр. 39. [Вар. "Jeder Narr is far sich klug.—Ред.].

16. .א קלוגער איד (א למדן) גיט זיך אן עצה (варіантъ: א למדן)—A kluger Jüd (a Jüd a Lamdan) giebt sich ein Eitze.

17. .פון פרעמדע קען מען קיין אייגענס ניט מאכען—Fun Fremde ken men kein Eigens nit machen. Сувалкск. губ. (Значеніе пословицы?). [Здѣсь, повидимому, игра словъ: Eigens—„свое" и „имущество", что означаетъ: чужимъ не разживешься.—Ред.].

18. איך האב געשווארען אויפ'ן בארג סיני, אז איך זאל קיין פאדלע ניט טראגען.—Ich hob geschworen aufen Barg Sinai, az ich sol kein Padle nit trogen. Такъ говорятъ мальчики въ хедерѣ, когда ихъ товарищи на нихъ облокачиваются, при чемъ получаютъ обыкновенно реплику: און איך האב געשווארען, אז אויף א קלאץ זאל איך ניט ליגען (Un ich hob geschworen, az auf a Klotz sol ich nit liegen).

19. .אונטער דיא אויגען מעג מען א טאטען אויך שלאגען—Unter die Augen mög men a Taten auch schlogen—игра словъ דיא אויגען אונטער — за глаза, подъ глазами.

20. .סוף בהמה לשחיטה, סוף גנב לתליה. Въ купеческихъ кругахъ прибавляютъ: סוף סוחר לפליטה (конецъ купца—банкротство). Ср. Bernstein 2612.

21. .מיט א קרוב איז גוט צו עסען קוגעל, אבער ניט אויף איין טעלער—Mit a Korew is gut zu essen Kugel, ober nit auf ein Teller. Bernstein № 1815 замѣняетъ קרוב словомъ יודען,—получается конечно совсѣмъ другая сентенція.

22. .שיק דעם פוילען און גיי אליין—Schick dem Faulen un geh allein.

23. .וואס ביליג—דאס טייער; וואס טייער—דאס ביליג. Wos billig—dos theuer, wos theuer—dos billig (ср. Bernstein 1236).

24. .פון וואלוועלע פיש גיסט מען ארויס די יויך — Fun wolwele Fisch giesst men araus die Jouch.

25. .דעם רב'ס קוה מעג — Dem Row's Kuh mög. [Часто въ видѣ вопроса: „а поповой коровѣ все позволено"?—Ред.].

26. .ארום א פעטען טעפעל איז גוט זיך רייבען — Arum a fetten Töpfel is gut sich reiben.

27. .א געשלאגענעם הונד טאר מען קיין שטעקען ניט ווייזען—A geschlogenem Hund tor men kein Stöcken nit weisen,—по той же причинѣ, почему въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ.

28. א בעריהמער איז גוט צו שלאגען (ווייל ער זאגט, אז ער האט יענעם געשלאגען).—A Berühmer is gut zu schlogen (weil er sogt az er hot jenem geschlogen). У Bernstein № 551 нѣтъ второй половины пословицы, которая часто опускается.

29. גערעדט איז ניט געבירען.—Geredt is nit gebulen. Смыслъ тотъ же, какъ въ пословицѣ חרטה איז ניט מעשה סוחר (мѣнять рѣшеніе—это не по купечески).

30. וואס עס ווילט זיך, דאס גלויבט זיך.—Wos es willt sich, dos glaubt sich. Такъ же по русски: чего хочется, тому вѣриться.

31. אז מען שלאפט זינדיגט מען ניט—Az men schloft sündigt men nit. Иронически, — ибо идеалъ еврея творить „мицвесъ", а не только воздерживаться отъ грѣховъ.

32. פון א חזירשען עק מאכט מען קיין סמיטשיק ניט.—Fun ein chazerschen Eck macht men kein Smitchik (смычокъ) nit. Bernstein № 1539 имѣетъ שטריימעל (Straimel) вмѣсто סמיטשיק.

33. א בהמה האט א לאנגען צונג און קען ניט ריידען.—A Bheime (Kuh) hot a langen Zung un ken nit reden. Говоритъ тотъ, который по извѣстнымъ причинамъ не можетъ высказать всей извѣстной ему правды. Варіантъ и другое толкованіе см. Bernstein № 222.

34. פון א חזיר א האר איז אויך גוט. — Fun a Chazer a Haar is auch gut. Дѣйствіе этой пословицы при случаѣ усугубляется еще тѣмъ, что Chazer въ народѣ эпитетъ скряги, а Haar—символъ безконечно малаго.

35. אליין איז די נשמה ריין. — Allein is di Neschomo rein.— У одинокихъ душа чиста — сентенція съ легкимъ налетомъ мизантропіи.

36. עס איז גוט, אז מען זאגט א גלייכווערטיל, אבער אז מען זאגט עם ניט איז נאך בעסער—Es is gut az men sogt a Gleichwörtel, ober az men sogt im nit is noch besser. Потому что не оглянешься, какъ кого-нибудь задѣнешь.—Пословица слышится рѣдко.

37. אז מען רעדט אום שבת, פאהרט מען ניט אום דער וואכען — Az men redet um Schabes, fohrt men nit um der Wochen. (Варіантъ—Bernstein. № 3594).

38. פסח איז ווען מען וויל, נאר ניט וואס מען וויל; סוכות איז וואס מען וויל, נאר ניט וואו מען וויל; שבועות איז וואס מען וויל און וואו מען וויל, אבער ניט וויפיעל מען וויל. Приходилось мнѣ, кажется, слышать конецъ пословицы и въ этомъ видѣ: שבועות איז דער בעסער יום טוב, וואו מען וויל און וואס מען וויל — Сравни Bernstein № 3585. [Въ Пасху можно жить гдѣ угодно, но нельзя ѣсть что угодно (кромѣ мацы); въ Кущи можно ѣсть что угодно, но не жить гдѣ угодно (внѣ кущи); въ Пятидесятницу—гдѣ угодно и что угодно, но не сколько угодно (въ виду краткосрочности праздника).—Ред.]

39. אז מען לעבט מיט א רעכענונג, שטארבט מען מיט וידוי. — Az men lebt mit a Rechnung, starbt men mit Widuj. Сравни Bernstein, № 1610. Значеніе этой пословицы не вполнѣ ясно. [Полагаемъ, что обычный смыслъ ея: кто живетъ съ раз-

счетомъ, регулярно, тотъ и спокойно умретъ, успѣвъ исповѣдаться, урегулировать свои счеты съ Богомъ.—Ред.]

40. אז מען קאן ניט אריבער, מוז מען ארונטער.—Az men kon nit arüber, muss men arunter.

41. варіантъ—אז מען איז ברוגז, בייסט מען די פערענע (שלאפט מען אליין). Az men is brojges beisst men die Perinne (var. schloft men allein). Сравнить Bernstein №567. Его объясненіе подходитъ къ обоимъ варіантамъ.

42. варіантъ —אין וואס פאר א וועג מען נעהמט זיך (וואס פאר א פיהר מען נעהמט זיך)—אזוי העלפט גאט (בדרך שאדם רוצה לילך מוליכין אותו) [Обычно толкуется такъ: Богъ помогаетъ всякому по его потребностямъ.—Ред.].

43. אז עס געהט (ניט), געהט (ניט) מיט אלעמען. — Az es geht (nit), geht (nit) mit alemen. Ср. Bernstein № 863. Иногда и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ опускаютъ ניט и тѣмъ придаютъ пословицѣ характеръ ироническій.

44. זאל מען ניט געפרובט ווערען, צו וואס מען קאן געוואוינט ווערען. Sol men nit gepruwt weren, zu wos men kon gewöhnt weren. Въ концѣ концовъ человѣкъ привыкаетъ и къ величайшимъ бѣдствіямъ.

45. אללע שכורים זענען פורים (שמחת-תורה) ניכטער.—Alle Schikurim seinen Purim (Simchas-Tora) nichter. Другой оттѣнокъ—Bernstein 3770.

46. וואס צו גאט, דאס צו לייטען.—Wos zu Gott, dos zu Leuten. Осужденіе лицемѣрія. До нѣкоторой степени противоположная по сентенціи пословица Bernstein № 701, и у насъ часто употребляющаяся.

47. וואס גאט וועט געבען דאס וועט זיין.—Wos Gott wet geben, dos wet sein. Формула принятія рѣшенія послѣ долгаго колебанія вмѣстѣ съ изъявленіемъ покорности волѣ Божіей.

48. ווער עס גיט לעבען, וועט געבען צום לעבען.—Wer es giebt Leben, wet geben zum Leben (т. е. Богъ).

49. ביי גאטט פרעגט מען קיין קשיות ניט (ווארום מען האט שוין גע-פרעגט, ענטפערט ער ניט). Другой варіантъ, съ болѣе юмористическимъ оттѣнкомъ. см. Bernstein № 616.

50. גאטט לעבט! Выражаетъ увѣренность въ помощи Провидѣнія,—но часто прибавляется съ ироніей: און מיר מאטערן זיך (Gott lebt un mir matern sich).

51. פון קלייען—נאר ניט צו לייהען. Fun Kleien — nur nit zu leihen. Удовольствуйся отрубями, но не проси взаймы.

52. גוטע צייטען מאכען שיין דיא הייטען. (Gute Zeiten machen schön die Hauten). הייטען множ. число отъ הויט—кожа.

53. אז מען לייגט אין די צייגער געפינט מען אין די ביינער.—Az men legt in die Zähner, gefint men in die Beiner.

54. בראנפען ווערט ניט זויער, לעקעך ווערט ניט מילביג. — Branfen wert nit sauer, Lekach wert nit milbig (потому что имъ не даютъ залеживаться.—Сувалк. губ.).

55. אידער גאט'ס גאב זאל אין ניוועץ גיין, זאל בעסער מין בויך פלאצען. Шуточное оправданіе для обжоры: „чѣмъ божьему дару пропадать, лучше, чтобы мое брюхо лопнуло“.

56. נאך א שניט אין קוגעל (נאך א קווארט וואסער אין טעפּעל).—говоритъ хозяйка, когда къ обѣду вдругъ является неожидаемый гость.

57. מארגען איז אויך א טאג. — Morgen is auch a'Tog. Незачѣмъ непремѣнно сегодня вкусить всѣхъ благъ жизни, успѣешь и завтра! Сравнить діаметрально противоположную сентенцію въ припѣвѣ къ извѣстной студенческой пѣснѣ „Gaudeamus igitur“.

58. ניט פון נחת לעבט מען, ניט פון צרות שטארבט מען. — (Не отъ счастья живутъ, не съ горя умираютъ). Совсѣмъ другой смыслъ въ сходной по тексту пословицѣ Bernstein 1769.

59. ווער עס טרינקט זיך, האפּט זיך אן א שארף פון א שווערד. (сходная: утопающій хватается за соломенку).

60. נאכ'ן טויט זאגט מען שבחים [срав. אחרי מות קדושים אמור — соотв. „De mortuis nil nisi bene“. Ред.].

61. אז א יוד פערליערט א גראשען, דאנקט ער גאט וואס ניט קיין קא־פּיקע. „Когда еврей теряетъ грошъ, онъ благодаритъ Бога, что не потерялъ копѣйки“. (Польша).

62. וואס עלטער, דאס געשטעלטער. („солидный“—געשטעלט).

63. מען שמייסט דעם פערד מיט'ן אייגענעם עק. „Коня хлещутъ его же хвостомъ“.

64. דיא ערשטע מיידעל ווארפט מען אין פייער. (Ковенск. губ.). Значеніе: „первый блинъ комомъ“. Пословица не вполнѣ понятна. Данное мнѣ толкованіе מארעל—модель кажется мнѣ неудовлетворительнымъ. [Не идетъ-ли здѣсь рѣчь о первой сосватанной дѣвушкѣ-невѣстѣ, которую женихъ обыкновенно бракуетъ?—Ред.]

65. א שטילער ווארעם גראבט טיעף, — A stiller Worm grobt tief.

66. שטילע וואסער רייסט די ברעגען, — Въ тихомъ омутѣ буря. Къ этимъ двумъ пословицамъ см. Bernstein № 1250.

67. פון די שטילינקע זאל מען וויכען. — Въ тихомъ омутѣ черти водятся.—См. предыдущую.

68. גערעכט ביזט דוא, אבער שמייסען קומט דיר. — Gerecht bist du, ober schmeissen kumt dir.

69. ניט גלויב און ניט וואונדער זיך. — Nit glaub un nit wunder sich. Пословица употребляется въ случаѣ, когда кто-нибудь удивляется диковинному разсказу.

70. א אידענע נאך זעכציג יאהר איז א האלבער מאנסביל. (пожилая женщина—полумужчина, т. е. дѣловита и предпріимчива).

71. האלב דייטש, פאלאווינע רייסיש.—Halb deutsch, половина raissisch. У насъ употребляется какъ насмѣшка надъ тѣми, которые не умѣютъ правильно говорить по русски и перемѣшиваютъ русскую рѣчь еврейскими словами. Другое—по-видимому болѣе первобытное—примѣненіе пословицы см. Bernstein № 1046 (у него רוסיש вмѣсто רייסיש).

72. אז מען עסט אויף דעם בייגעל, וואו בלייבט די לאך? אין קעשענע. „Когда съѣдаютъ бубликъ, гдѣ остается дыра?—Въ карманѣ". Загадка, обыкновенно задаваемая дѣтямъ. Вмѣстѣ съ отвѣтомъ соотвѣтствуетъ пословицѣ: наслаждаться денегъ стоитъ. См. Bernstein № 387.

73. ליין זיך שלאפען!—Leg sich schlofen! Говорятъ человѣку, которому удалось сострить, но о которомъ предполагается, что онъ можетъ сейчасъ-же свою остроту испортить глупостью или безтактностью.

73а. ערד אין הימעל האבען געשווארען, אז קיין פערבארגענע זאך זאל ניט זיין. Правда когда-нибудь да откроется.

74. כלומר'שט איך וויל ניט (גיין) אין די שטופ מיך.— Вар. Bernstein № 878.

75. אן איידים איז א שדים. (Ковенск. губ.). У зятя нѣтъ такихъ родственныхъ чувствъ, какъ у родныхъ дѣтей. Сравнить Bernstein № 123.

76. אז צוויי גנבים קריגען זיך, קומט דער דריטער צו זיין היזיק.—Вар. Bernstein № 827. („Когда два вора ссорятся, третій—обокраденный—получитъ похищенное у него").

77. פראצענט איז טייערער ווי דער קרן. Procent is tajerer wie der keren. Bernstein 2838 толкуетъ въ прямомъ смыслѣ, но мнѣ приходилось слышать въ переносномъ: человѣкъ любитъ своихъ внуковъ больше своихъ дѣтей.

78. ניט אזוי גיך טהוט זיך וויא עס רעדט זיך. Nit asei gich tut sich wie es redt sich. Не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ сказка сказывается.

79. ליגנען האבען קורצע פיס. Lügen hoben kurze Füss. Изъ Мидраша: שקר אין לו רגלים.

80. דער מאמאליגע איז היים—פערטרינקט מען מיט'ן קאלטען וויין; דער וויין איז קאלט, פערבייסט מען מיט'ן הייסען מאמאליגע. Такъ осмѣиваютъ обжорство бессарабцевъ, ѣдящихъ мамалыгу и запивающихъ виномъ.

81. וואו די וייסט זיין א רב, דארטען וועט די שטערטעל ברענען. Говорятъ тому, отъ котораго не ждутъ, чтобы онъ вышелъ въ раввины. Вар. Bernstein 3477.

82. אויף צו פגר'ן איז שלומקעס אויך א ציעג. Auf zu peigern is Schloimkes auch a Zieg. Бѣднякъ жизнью не пользуется, но несчастіе его не обходитъ. Сходная пословица съ совершенно другимъ толкованіемъ. Bernstein № 3216 (Сувалк. г.).

83. ניטא די אמאליגע יאהרען!—возгласъ сожалѣнія. Нѣкоторые

читаютъ "מיידעלשע„ вмѣсто "אמאלינגע„ и разсказываютъ, что такъ воскликнула „молодая", выходя изъ подъ вѣнца. Сравни Bernstein, Erotica et Rustica 185.

83. איז דער מאן א רב, איז די ווייב א רביצין; איז דער מאן א בע-דער, איז די ווייב א בעדערקע.—Общественное положеніе жены опредѣляется положеніемъ мужа.

84. צווישען „וכך היה אומר" און „וכך היה מונה" פאלט מען דריי (צוויי?) מאל כורעים. (между обѣщаніемъ уплаты и уплатою можно трижды провалиться въ торговлѣ). Менѣе образный варіантъ и толкованіе см. Bernstein № 1560. Слыхалъ отъ австрійскаго еврея.

85. דאוונען ניע קאזא, ניע אובעזשיט. „Давненъ (срокъ молитвы) не коза, не убѣжитъ", причемъ иногда прибавляютъ: „а убѣжитъ, придетъ другой". Одна изъ пословицъ, выражающихся довольно непочтительно о предметахъ культа. [Ср. русское: „Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ"].

86. דערטרונקען ווערט א שווימער.—Dertrunken wert a Schwimmer. Сходная пословица Bernstein № 3637 явно отличается отъ нашей по сентенціи.

87. אדער דער פריץ וועט פגר'ן, אדער דער הונד.—„Или панъ умретъ, или собака". Основано на слѣдующемъ народномъ анекдотѣ. Панъ поручилъ еврею научить его собаку говорить по человѣчески. Еврей обязался, но не назначилъ срока, разсчитывая по нашей пословицѣ. Bernstein № 2779 приводитъ менѣе удачное толкованіе.

88. מען זאל פרעגען אן אנדערען אן עצה און דער שכל זאל בלייבען ביי זיך. (Совѣтуйся, но дѣйствуй по своему разумѣнію). Ср. Bernstein № 2715.

89. אללעם אין איינעם, איז ניטא ביי קיינעם.—Alles in einem is nito bei keinem. Иначе у Bernstein № 390.

89a. א קראם איז א גנב—A Krom is a ganew. Зашедши въ лавку, покупаешь больше, чѣмъ имѣлъ въ виду (особенно мануфактурнаго и галантерейнаго товару). Совершенно другое толкованіе той же пословицы у Bernstein № 3409.

90. ער לערנט תמיד, חור'ט שבת און קען מכות.—шутка про неудачнаго талмудиста, съ игрою словъ, означающихъ заглавія трактатовъ Талмуда. Ср. Bernstein № 3602 и его объясненіе.

91. איבער דעם זיסען צימעס ווערט מען אן דיא ביטערע קדושה. (увлекаясь субботними яствами, опаздываютъ къ молитвѣ). Ср. Bernstein № 1965.

92. פארוואס טאר א שניידער ניט עסען קיין סמעטענע?—קראנק איז ער צו עסען ווערמילך?! ער איז דאך א שניידער! (Портной—какъ вообще ремесленникъ—олицетвореніе бѣдности).

93. טאמער איז געווען א אידענע, איז זיא שוין לאנג געשטארבען. (на „авось" нельзя полагаться). Bernstein № 1657 приводитъ

только первую половину пословицы, которая и у насъ часто употребляется одна. Вторая половина еще больше оттѣняетъ недостаточность „авось". Игра словъ תמר—טאמער.

94. אז מען איז אפשר רייך, איז מען נעווים קלוג.—Характеризуетъ преклоненіе міра предъ богатствомъ, даже мнимымъ.

95. אף ארעמע חתונות לייפען ארום הינט מיט גאנצע קעפ.—У Bernstein № 236 טראגען הינט גאנצע קעפ и примѣчаніе, что эта пословица ему непонятна. Этотъ варіантъ, который и я слыхалъ не разъ, повидимому представляетъ собою искаженіе нашего текста. Въ нашей редакціи пословица имѣетъ слѣдующій смыслъ. На богатыхъ свадьбахъ собаки, вертящіяся подъ столомъ и собирающія объѣдки, подвергаются пинкамъ или въ нихъ бросаютъ костями. На бѣдныхъ же свадьбахъ, гдѣ имъ собирать нечего, онѣ остаются невредимыми, „бѣгаютъ съ цѣлыми головами". Соль пословицы, заключающаяся въ двусмысленности послѣдней фразы, теряется въ искаженномъ варіантѣ.

96. רייך געוועזן—זייער שלעכט; קראנק געוועזן—זייער גוט. Raich gewesen—sehr schlecht, krank gewesen—sehr gut (удареніе тутъ на формѣ прошедшаго времени gewesen). Ср. Landsberger 26.

97. א נאר איז א רשע (א נאר איז ערגער פאר א רשע). – Дуракъ можетъ столько же или даже больше бѣдъ натворить, чѣмъ злодѣй. [„Услужливый дуракъ опаснѣе врага"].

98. „נאר פון באד ארויס!"—וואס איז מיין דרייער קיין דרייער ניט?— („Дуракъ, вонъ изъ бани!" — а одинъ изъ публики откликается: „развѣ мой пятакъ не пятакъ?"). Употребляется, когда кто-нибудь выдаетъ себя ненужными оправданіями. Ср. Bernstein 2449.

99. א נאר אף א נארען פערשטייט זיך. — A Narr auf a Narren versteht sich. Вар. Bernstein 2445.

100. ביז זיעבציג יאהר לערנט מען זיך שכל און מען שטארבט ערשט א נאר.—Bis siebzig Johr lernt men sich Seichel un men starbt erst a'Narr.

101. אז עס וואלט ניט געווען קיין נאראנים, טא וואס וואלטען מיר געטויגט? („Кабы не было дураковъ, на чтобы мы—умники—годились"?).

102. אז עס וואלט ניט געווען מיין נאר, וואלט איך אויך געלאכט.—Az es wollt nit gewen mein Narr, wollt ich auch gelacht.

103. ווייא קומט א דבר אחר אין דער הגדה? ביד חזקה. Какъ сказано въ Пасхальной гагадѣ דבר אחר ביד חזקה שתים וכו'.—Говорятъ о „свиньѣ"-нахалѣ, которая всюду пролѣзаетъ.

104. אף וואס דארפט איהר זיך קריגען? —Такъ успокаиваютъ спорщиковъ и часто прибавляютъ въ шутку: שלאגט זיך בעסער! (зачѣмъ вамъ ссориться, лучше подеритесь!).

105. ! גענזונד זאָל זיין דער תירוץ („Да здравствуетъ предлогъ!"— говорятъ, когда удачной отговоркой уклоняешься отъ непріятнаго дѣла).

106. שבט—не братъ (т. е. мѣсяцъ Шеватъ—февраль—холодный),

106а. . אדר—אדער יע, אדער ניין (мѣсяцъ Адаръ—мартъ—да или нѣтъ, перемѣнчивая погода). Игра словъ: Adar—oder. Сравнить Bernstein № 3587.

107. א אידישער זומער: זיעבען וואכען ציילט מען, דריי וואכען וויינט מען, פיער וואכען בלאזט מען. — Еврей не пользуется лѣтнимъ привольемъ, такъ какъ четырнадцать недѣль у него проходятъ въ національномъ трауре или въ покаянномъ настроеніи [семь недѣль „сефиры", три недѣли траура передъ Тише-беовъ, четыре недѣли трубленія въ „шофаръ" передъ Рошъ-гашана].

108. פארוואס איז סכות זמן שמחתנו? ווייל די ווייבער זיינען דערביי ניטא. „Почему Сукотъ—Кущи—веселый праздникъ?—Потому что женщинъ при этомъ нѣтъ" (женщины большей частью въ кущахъ не сидятъ).

109. . איבער אן איינגעבויגענעם פארקען שפרינגען אלע ציגען („Черезъ погнувшійся заборъ прыгаютъ всѣ козы"). — Смыслъ: излишняя скромность только ко вреду. Другой оттѣнокъ получается въ варіантѣ Bernstein № 362 אף א יונגעןבוים שפרינגען . . .

110. . אז עסען חזיר, איז האטש פעטע (Если уже ѣсть свинину, то по крайней мѣрѣ, жирную). Легкій варіантъ Bernstein № 1531.

111. אז מען וויל דעם מאהלצייט ערליך האלטען, זאל מען איהם אין צווייען שפאלטען („Если хочешь пиръ почтить, пополамъ его дѣли"). Варіантъ Bernstein № 1892; тутъ же и толкованіе, которое и у насъ въ ходу. Совсѣмъ другой смыслъ у Landsberger, стр. 55.

112. . א קארגען קאסט אין צווייען—A Kargen kost in zweien. Сравнить Bernstein 3168.

113. Пурим̀ъ не свята, тряска не хвороба.—Въ Бѣлоруссіи говорится по русски; ср. Bernstein № 2779.

114. . נאך א שרפה ווערט מען רייך (Послѣ пожара становишься богачемъ). Нынѣ употребляется съ намекомъ на злостный поджогъ застрахованнаго имущества; такъ и у Bernstein, № 3951. Мнѣ однако, пришлось слышать объясненіе изъ старыхъ временъ: когда погорѣльцы послѣ пожара пускались по міру, они запасались у своихъ раввиновъ свидѣтельствами о томъ, что они достойны поддержки; при этомъ раввины, для вящшаго воздѣйствія на доброе еврейское сердце, не скупились свидѣтельствовать и о наиболѣе бѣдныхъ, что они раньше были „почтенными домохозяевами", сами раздавали широкой рукой милостыню и пр.

115. געזונט זאל זיין דער גוי וואס נעהמט. Съ чиновникомъ который любитъ брать, всегда кое-какъ поладишь.

116. א שיינע מיידעל איז העלפט נדן („Красивая дѣвушка—половина приданнаго“). Bernstein № 2174, также Scholem Aleichem (הײנטיגע קינדער, טוביה דער מילכיגער). Мнѣ пришлось однако слышать въ видѣ шутки א שיינע מיידעל העלפט נדן (и красавицѣ приданное помогаетъ).

117. א בחור שענער ווי א טייוועל איז שוין גוט. — У мужчины красота второстепенное качество.

118. געהערט קלינגען און ווייס ניט פון וועלכען קלויסטער. — Слышалъ звонъ, да не знаетъ, откуда онъ.

119. פאר'ן טייוועל געפינט זיך. У бѣдняка, которому недостаетъ и насущнаго, подчасъ многое уносится „чортомъ“.

120. צוויי מאל זאגען מײדעלעך א ליגען: בשעת זיי זיינען קלײנינקע און זאגען אז זיי ווילען א חתן, און בשעת זיי זיינען גרויסע און זאגען אז זיי ווילען ניט קיין חתן. („Дважды лгутъ дѣвушки: когда онѣ маленькія и говорятъ, что хотятъ жениха, и когда онѣ большія и говорятъ, что не хотятъ жениха“). У людей стараго поколѣнія былъ излюбленный обычай спрашивать у маленькихъ дѣвочекъ, хотятъ-ли онѣ жениха, на что онѣ въ своемъ невѣдѣніи и отвѣчали обыкновенно: „да“.

121. מען זאגט דער טאכטער און מיינט דיא שנור.—Men sogt der Tochter un meint die Schnur (ср. Bern. 1654).

122. Къ пословицѣ: ביי געלד-צעהלען איז גוט צו שטעהן און צו-צוזעהן (Bernstein № 907) имѣется слѣдующій пародирующій варіантъ: וואו מען ציילט געלט, קענסטו אוועקגעהן: וועסט גארנישט קריגען; וואו מען ציילט פעטש, שטעה דערבײ: וועסט קריגען פון די בעסטע.

123. א הון וואס קרייט מוז מען קוילענען.—A Huhn wos krehet mus men keilenen. Такъ бранятъ женщинъ, любящихъ воображать себя „мужчинами“.

124. וואס איז שנאת חנם? אז מען האט פײנט א מיאוסע מיידעל. („Что такое безпричинное нерасположеніе? — Когда не любишь некрасивой дѣвушки“). Потому что она вѣдь сама въ этомъ не виновата.

Симонъ Эйнгорнъ.

Мемуары и переписка.

Изъ впечатлѣній минувшаго вѣка.

XIII [1]).

Весною 1871 года я получилъ новую должность: я былъ назначенъ довѣреннымъ банкирскаго дома Гинцбурга по золотопромышленнымъ дѣламъ въ Восточной Сибири. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые золотопромышленники заранѣе продавали золото имѣющее добываться на ихъ пріискахъ въ слѣдующую компанію какъ помѣщики нѣкогда запродавали свои будущіе урожаи, и, какъ тѣ жили широко въ ожиданіи будущихъ благъ. Петербургскіе банкиры производили такія операціи, между прочимъ, и съ золотопромышленникомъ Олекминскаго округа О. П. Катышевцевымъ, участникомъ „Ленскаго товарищества Баснина и Катышевцева". На второй годъ этой операціи К. сдѣлался несостоятельнымъ и просилъ назначить надъ нимъ администрацію. Въ этомъ дѣлѣ были заинтересованы бар. Гинцбургъ, Губкинъ и Канщинъ, и послѣдніе двое предоставили веденіе всего дѣла бар. Г. О. Гинцбургу. И вотъ снарядили экспедицію въ Иркутскъ, состоявшую изъ Ив. Вл. Ефимова (сибиряка, отставного исправника), одного служащаго въ конторѣ Гинцбурга—quasi-француза и меня. Ефимовъ отправился раньше, для формальнаго устройства администраціи, а мы съ товарищемъ позже. Выѣхали мы изъ Петербурга въ апрѣлѣ 1871 г. Наша поѣздка продолжалась цѣлыхъ семь недѣль, съ остановками въ нѣкоторыхъ городахъ и невольными задержками на почтовыхъ станціяхъ, вслѣдствіе „большого разгона" и недостатка лошадей.

Опять новая для меня жизнь, новый край и новые люди. Съ необыкновеннымъ вниманіемъ присматривался я къ жизни этого огромнаго края, про который говорили съ ужасомъ. Дѣйствительно, часто приходилось слушать по дорогѣ лязгъ кандаловъ,

---

[1]) См. Евр. Старина 1914 г., кн. II—IV.

Но съ другой стороны я убѣдился, что нигдѣ по Россіи не проѣдешь такъ безопасно, днемъ и ночью, какъ по Сибири. Коренное населеніе, не знавшее ни дворянства, ни крѣпостничества,—народъ смѣлый, здравомыслящій и честный. Съ евреемъ сибирякъ живетъ въ ладу; ни онъ, ни начальство не знаютъ о существующихъ для евреевъ особенныхъ законахъ. Въ дорогѣ кончился срокъ моего паспорта, а изъ Петербурга имѣли мнѣ выслать довѣренность по дѣлу, что должно было мнѣ служить и для права жительства. Пріѣхавши въ Иркутскъ, я зашелъ въ Полицію просить отсрочку, причемъ объяснилъ, что скоро получу довѣренность отъ петербургскаго 1-ой гильдіи купца, на основаніи которой буду жить здѣсь. Чиновникъ меня совершенно не понялъ и спросилъ: „При чемъ тутъ довѣренность? Вы желаете получить отсрочку?"—и, обращаясь къ письмоводителю, сказалъ: „напишите имъ отсрочку на шесть мѣсяцевъ". И тутъ же отсрочка мнѣ была выдана.

Но вотъ пріѣхалъ вновь назначенный генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Н. П. Синельниковъ. Въ одномъ большомъ селѣ, гдѣ его встрѣтили хлѣбомъ-солью, онъ въ толпѣ замѣтилъ и еврейскія лица, и спросилъ депутацію: „Что, жиды небось васъ здорово обираютъ?" Когда сельчане ему отвѣтили: „Нѣтъ, В. В. Превосходительство, они народъ хорошій",—онъ сказалъ: „Ну, стало быть, вы ихъ не знаете". Давъ такой безплатный урокъ мѣстнымъ жителямъ, администраторъ необъятнаго края вскорѣ развернулъ широкую дѣятельность по части утѣсненія евреевъ. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій было опубликованіе въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ всѣхъ законовъ о жительствѣ евреевъ внѣ черты, для руководства чинамъ полиціи. Послѣдняя такъ всполошилась этимъ напоминаніемъ о забытыхъ законахъ, что полицій̆мейстеръ сталъ опрашивать мѣстныхъ евреевъ, купцовъ-старожиловъ, на какомъ основаніи они живутъ въ Иркутскѣ, а исправники начали гнать „вольныхъ" евреевъ безъ разбора. Мнѣ извѣстенъ такой фактъ. Въ одномъ большомъ селѣ болѣе 20 лѣтъ жилъ рѣзникъ-меламедъ, а когда начались гоненія, онъ, чтобы не лишиться хлѣба съ семействомъ, какими-то путями досталъ удостовѣреніе, что онъ ссыльно-поселенецъ, нѣкогда судившійся за конокрадство, и—сталъ полноправнымъ жителемъ Сибири.

Сибирскіе евреи, по большей части потомки ссыльныхъ, плохо знали еврейскую грамоту, но были по своему набожны. Они усвоили себѣ мѣстные нравы и обычаи. Многіе пили водку и играли въ карты, а еврейскія дѣвушки въ деревняхъ пѣли рус-

скія пѣсни въ хороводахъ; онѣ вѣчно жевали „сѣру“ [1]) и щелкали кедровые орѣшки, что называлось „сибирская бесѣда“. Въ селахъ Тулунѣ, Кимельтеѣ, Зимѣ и Черемховѣ, которыя по величинѣ и населенію больше уѣздныхъ городовъ, кромѣ евреевъ жило много субботниковъ.

XIV.

Между евреями Западной и Восточной Сибири, на сколько я тогда могъ замѣтить, была большая разница въ характерѣ. Западные—энергичные, предпріимчивые, люди съ темпераментомъ, доходившимъ до необузданности и самодурства. Послѣднюю черту можно приписать вліянію золотопромышленниковъ енисейской тайги и ихъ вакханалій. Какъ типъ такого еврея, припоминаю томскаго богача Бориса Леонтьевича Хотимскаго, человѣка лѣтъ 60. Имѣя крупныя дѣла и обороты, онъ принципіально не платилъ по векселямъ и обязательствамъ; только послѣ протеста векселей, поданныхъ ко взысканію, и приступа къ описи имущества, онъ уплачивалъ долги со всѣми издержками. Зато карточные долги, которые иногда достигали десяти и болѣе тысячъ рублей, очень аккуратно уплачивались, - и едва-ли какъ „долгъ чести“, такъ какъ о чести вообще у него, кажется, было очень смутное понятіе. Часто у него являлись сумасбродныя выходки. Бывало, разсердится на кого нибудь изъ своихъ служащихъ—и приказываетъ конторщику: „напиши бумагу, чтобы его сдали на 12 лѣтъ въ каторжныя работы“! Однажды онъ встрѣтился на почтовой станціи съ однимъ изъ своихъ сыновей, который растратилъ большую сумму, и приказалъ ему: „ступай тутъ напротивъ въ этапный домъ и спроси, когда пройдетъ партія арестантовъ, такъ ты съ ней и отправишься“. Такія приказанія онъ отдавалъ пресерьезно, вѣря въ ихъ исполнимость. Нѣкоторые изъ его сыновей представляли собою истыхъ купеческихъ сынковъ по части дебошей и разныхъ пакостей, что стоило отцу многихъ тысячъ рублей.

Въ Томскѣ жилъ тогда Ф. И Манасевичъ („Рассейскій“, какъ говорятъ въ Сибири), женившійся на племянницѣ Б. Л. Хотимскаго. Это былъ фруктъ другого сорта. За рукопожатіе губернатора или какой-нибудь графини онъ готовъ былъ отдать что

[1]) Эта „сѣра“ есть земляной воскъ (Ozokerit), добываемый на берегахъ Байкала. Буряты и русскіе его жуютъ будто для очищенія и укрѣпленія зубовъ.

угодно, до своей религіи включительно. Дѣйствительно,онъ крестился, прибавилъ къ своей фамиліи „Мануиловъ“ и переселился въ Петербургъ. Его сынъ впослѣдствіи пріобрѣлъ „европейскую извѣстность“, какъ дѣятельный агентъ международной тайной полиціи.

Гораздо скромнѣе и солиднѣе были евреи Восточной Сибири. У меня осталось пріятное воспоминаніе о старостѣ иркутской еврейской общины, Яковѣ Савельевичѣ Домбровскомъ, который исполнялъ должность общественнаго раввина. Это былъ старикъ 80 лѣтъ, не чуждый знанія еврейской литературы, пережившій многое на своемъ вѣку. Родомъ изъ Юрбурга, Ковенской губ., онъ въ молодости пустился заграницу и попалъ въ Лондонъ— насколько я могъ понять изъ его словъ—къ миссіонерамъ. Тамъ существовалъ какой-то „бетъ-гамидрашъ“, въ которомъ съ десятокъ пожилыхъ польскихъ евреевъ штудировали „Зогаръ“ и съ особеннымъ жаромъ доказывали тождество каббалы съ христіанствомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Домбровскому захотѣлось повидаться съ родителями. Какъ тайно уѣхавшему изъ Россіи, ему пришлось тайкомъ-же перейти русскую границу; но въ первую же ночь его пріѣзда въ Юрбургъ его накрыли и, по тогдашнимъ законамъ, сослали въ Восточную Сибирь, гдѣ поселили въ деревнѣ Усть-Илгѣ на Ленѣ. Тамъ онъ открылъ лавочку и женился на сибирской еврейкѣ. Скоро его перевели въ разрядъ „государственныхъ крестьянъ“. Тогда онъ взялся за казенные подряды и поставки, мало по-малу разбогатѣлъ и сталъ иркутскимъ первой гильдіи купцомъ.

Съ моимъ пріѣздомъ въ Иркутскъ, Домбровскій, не имѣвшій тамъ съ кѣмъ слово сказать о еврейскихъ дѣлахъ и книгахъ, могъ отвести душу. Я выписалъ для него журналъ "השחר„, которымъ онъ зачитывался, и особенно былъ тронутъ помѣщеннымъ въ немъ разсказомъ Смоленскаго "קבורת חמור„. По николаевскому закону, всѣ сыновья еврейскихъ ссыльныхъ зачислялись въ кантонисты, что было отмѣнено Александромъ II вскорѣ по восшествіи его на престолъ. Въ благодарность за это, Домбровскій изготовилъ на свой счетъ портретъ царя и помѣстилъ его въ иркутской синагогѣ; подъ портретомъ въ рамѣ красовалась телеграмма — адресъ царю. Д. каждый разъ со слезами умиленія смотрѣлъ на портретъ.

Другіе еврейскіе обыватели Иркутска были мало интересны. Иркутскіе евреи обыкновенно роднились между собою, но бывали браки и съ „рассейскими“ соплеменниками. Молодые люди, ѣздив-

шіе въ „Рассею“, привозили оттуда красивыхъ невѣстъ, не считаясь съ ихъ общественнымъ положеніемъ. Съ партіями же для еврейскихъ дѣвушекъ дѣло обстояло хуже, и каждый заѣзжій приказчикъ могъ сдѣлаться желаннымъ женихомъ богатѣйшей невѣсты: въ такихъ случаяхъ дѣвушки нерѣдко попадали въ руки проходимцевъ и жестоко платились.

Я вербовалъ въ Сибири членовъ для „Общества распространенія просвѣщенія между евреями“; но эти члены, не вникая въ цѣль Общества, платили только изъ вниманія ко мнѣ. Вообще, у сибирскихъ еврейскихъ богачей не было никакого интереса къ общимъ и еврейскимъ дѣламъ. Я не помню, чтобы видѣлъ въ ихъ домахъ газету или журналъ,—о книгахъ и говорить нечего.

Увы, тогдашнее богатство томскихъ и иркутскихъ евреевъ, какъ вообще еврейскія богатства, пошло прахомъ. Какъ теперь слышу, все тамъ обѣднѣло, вымерло...

XV.

Въ Иркутскѣ жилось довольно пріятно. Русское общество, въ которомъ главную роль играло купечество, отличалось простотою и радушіемъ. На именинахъ у болѣе богатыхъ, съ поздравленіемъ и на широкомъ угощеніи, перебывали гости разнаго ранга, отъ губернатора до послѣдняго приказчика; чувствовалось какое-то равенство состояній. Было въ городѣ и не мало образованныхъ купцовъ чиновниковъ и военныхъ; эта интеллигенція группировалась около отдѣленій Географическаго и Техническаго обществъ, предсѣдателями которыхъ тогда состояли ген.-лейт. Софіяно и совѣтникъ управленія Вост. Сибири Бор. Ал. Милютинъ (братъ военнаго министра). Близко я сошелся съ химикомъ Ал. Ан. Шамаринымъ (помощникъ управляющаго золотосплавочной лабораторіей), Вал. Тимоф. Зиминымъ (контролеръ отд. Государственнаго банка, рѣдкій идеалистъ) и Ив. Лавр. Лавровымъ (управляющій Казенной Палатой). Послѣдній былъ выкрестомъ, изъ кантонистовъ [1]).

Скоро послѣ нашего пріѣзда, въ Иркутскъ прибылъ сосланный туда подрядчикъ К., одинъ изъ бывшихъ директоровъ пресловутой

[1]) Съ Ив. Лавровичемъ я встрѣтился лѣтомъ 1913 г. въ Киссингенѣ. Онъ меня узналъ, не смотря на сорокалѣтнюю разлуку, и мы оба обрадовались другъ другу. Онъ все еще удѣляетъ изъ своей пенсіи дальнимъ родственникамъ-евреямъ.

таго Кіевскаго купеческаго банка [1]). Этотъ неунывающій маленькій человѣкъ, во время своего арестантскаго шествія по Вост. Сибири, тщательно осматривалъ этапные дома по части ихъ ремонта или перестройки, собиралъ справки о цѣнахъ на матеріалъ и рабочія руки и, познакомившись съ кѣмъ нужно, скоро взялъ подрядъ разныхъ построекъ и ремонтовъ на имя своей жены. Въ короткое время онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе ген.-губернатора Синельникова, узнавъ всѣ его слабости. Синельниковъ былъ неспособнѣйшій администраторъ, непрактичный до наивности, занимался пустячными дѣлами и довѣрчиво выслушивалъ всякія сплетни и доносы. Онъ терпѣть не могъ возраженій, о чемъ отлично зналъ К., и когда Синельниковъ пріѣзжалъ осматривать его работы, К. во всемъ соглашался съ его замѣчаніями. „Плохой у васъ кирпичъ!"—„Да, В. В. Пр., очень скверный, тутъ нѣтъ хорошаго кирпича".—„И что за кладка!" - „Точно такъ. В. В. Пр., кладка плохая, нѣтъ хорошихъ каменщиковъ" и т. д. Обѣ стороны затѣмъ оставались довольны. Разъ Синельникову вздумалось придѣлать какое-то рѣзное украшеніе въ своемъ дворцѣ, и онъ позвалъ рѣзчика изъ ссыльныхъ поляковъ, между которыми были настоящіе художники. Мастеръ прицѣнился и запросилъ 400 р.; Синельниковъ ему отказалъ. Тутъ вдругъ появился К.; узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сказалъ: „помилуйте, В. В. Пр., это можно сдѣлать за 50 р.; прикажите, и я сдѣлаю". Синельниковъ просіялъ и произнесъ: „вотъ мошенники, а они 400 р.!" И К., руками того-же художника, сдѣлалъ работу за 50 руб. [2]).

Въ то же время въ Иркутскъ откуда-то пріѣхалъ отставной чиновникъ Мих. Ив. Лукьяновъ, представился генералъ-губернатору съ рекомендаціями отъ какой-то старой княгини и преподнесъ ему икону изъ святыхъ мѣстъ. Черезъ мѣсяцъ, Лукьяновъ былъ назначенъ горнымъ исправникомъ Олекминскаго золотопромышленнаго округа, о чемъ онъ хлопоталъ. Это было доходное мѣсто, дававшее тысячъ 20—30 въ годъ, кромѣ казеннаго оклада, квартиры, лошадей и т. п.

---

[1]) Г. И. Богровъ посвятилъ этому герою Кіевскаго банка особую главу въ своихъ „Запискахъ еврея", называя его „Клопъ", что почти подходитъ къ его настоящей фамиліи. Эта глава въ отдѣльномъ изданіи „Записокъ" не помѣщена, но она была напечатана въ „Отечественныхъ запискахъ" за іюль (кажется) 1872 г. (въ этомъ журналѣ, какъ извѣстно, первоначально печатались „Записки еврея").

[2]) К. съ моимъ говорящимъ-„французомъ", какъ видно, были старые знакомые еще изъ Херсона или Бердичева. „Французъ", скрывавшій свое еврейское происхожденіе и избѣгавшій еврейскихъ домовъ, сталъ бывать въ домѣ К. и впослѣдствіи женился на его дочери.

XVI.

Въ началѣ августа 1871 г. я выѣхалъ на золотые пріиски Олекминскаго округа, Якутской области. На этомъ далекомъ трудномъ пути мнѣ составилъ компанію бывшій управляющій пріисками Ленскаго т-ва Мих. Вас. Рухловъ, имѣвшій еще личные интересы въ этихъ пріискахъ. Онъ взялся заготовить всѣ нужные для дороги припасы—посуду, тарантасъ, и нанять слугу. Мы сговорились выѣхать въ извѣстный день; но когда я утромъ того дня послалъ спросить: въ которомъ часу поѣдемъ, получился отвѣтъ, что мой спутникъ заболѣлъ. На слѣдующій день я отправился его навѣстить и съ участіемъ спросилъ его жену, въ чемъ болѣзнь и можно ли видѣть больного; но она отнѣкивалась и сказала, что видѣть мужа нельзя. Пять дней подъ рядъ я заходилъ справляться о здоровьѣ моего спутника, и каждый разъ получалъ тотъ-же отвѣтъ. Наконецъ, на седьмой день мнѣ удалось застать въ столовой самого больного сидящимъ съ осовѣлыми глазами. Не догадавшись, по своей неопытности, что это за болѣзнь, я спросилъ: „Что съ вами, М. В., какъ себя чувствуете?“,—и получилъ отвѣтъ хриплымъ басомъ: „седьмой день пьяно!“ Такъ вотъ оно что; о такой болѣзни, запоѣ, я раньше только по слуху зналъ. На слѣдующій день къ вечеру мы, наконецъ, могли выѣхать; вещи и припасы уложили въ тарантасъ, тутъ же была и неизбѣжная фляга съ водкой, а слуга сѣлъ на козлы рядомъ съ ямщикомъ. Но тутъ началась перебранка между Р. и слугою. Ругались послѣдними русскими словцами; оба были мертвецки пьяны. Боже, въ какую компанію я попалъ!

Путь къ пріискамъ лежалъ на Верхоленскъ и Качугъ, до с. Жигалова (400 верстъ) почтовыми лошадьми; оттуда, мимо Киренска и с. Витимска, до складочнаго пункта Мачи-Нохтуйскъ (1500 в.) - лодками по Ленѣ. Лодки бывали почтовыя, перекладныя, или же своя съ каюткой („шитики“). На тѣхъ и другихъ ямщики-гребцы мѣняются на каждой станціи.

Дикую красоту береговъ Лены трудно описать; они красивѣе береговъ Рейна. Я мысленно сравнивалъ обѣ эти рѣки: одна—ясная, величавая, текущая въ первобытномъ необитаемомъ краѣ сѣверо-востока Азіи, а другая—узкая, мутная, въ центрѣ культурной Европы. Тамъ „Котъ“ и „Мышь“, а здѣсь „Пьяный быкъ“; а такихъ отвѣсно въ рѣку спускающихся скалъ, какъ „Лорелей“, очень много. Откровенно говоря, мнѣ эта рѣка со своей дичью и медвѣжьими берлогами показалась милѣе рейнскихъ

памятниковъ германскихъ хищныхъ рыцарей въ развалинахъ ихъ замковъ.

Олекминскіе пріиски лежатъ глубоко въ тайгѣ, между параллельно впадающими въ Лену рѣками Олекмой и Витимомъ. Каждое золотопромышленное т-во имѣетъ свою „резиденцію" (складочный пунктъ) на Ленѣ (Мача) и на Витимѣ (знаменитое по недавней катастрофѣ Бодайбо), куда лѣтомъ водою доставляются всѣ нужные припасы и матеріалы, а зимою, санями по замерзшимъ рѣчкамъ, перевозятся на пріиски. Лѣтомъ сообщаться съ пріисками (около 300 в.) можно было только верхомъ, а рабочіе ходятъ пѣшкомъ.

Село Витимскъ играетъ важную роль, какъ пунктъ, гдѣ весною рабочіе собираются и расходятся по пріискамъ, а въ сентябрѣ, по окончаніи кампаніи, тутъ происходитъ расплата по книжкамъ. Тутъ цѣлыхъ четыре водочныхъ склада, которые отлично торгуютъ; на пріискахъ наличныхъ денегъ почти нѣтъ въ обращеніи, заработная плата, какъ и заборъ изъ магазиновъ пріиска (чай, сахаръ и предметы обмундированія), записываются на книжкѣ каждаго рабочаго, продовольствіе же—казенное.

Приставши къ берегу Витимска, я остался въ лодкѣ. Мой спутникъ нашелъ тамъ старыхъ знакомыхъ и часовъ чрезъ пять вернулся совершенно пьянымъ. Насилу мы отчалили и пристали къ старой, почти заброшенной, резиденціи „Крестовской". Тутъ мы оставались дня три. Надо было снарядиться въ таежный путь: составили нѣчто въ родѣ каравана изъ 8—10 верховыхъ лошадей для насъ, трехъ конюховъ и вьючныхъ съ вещами и припасами, при чемъ надо было достать особенно крѣпкую лошадь для моего восьмипудоваго спутника. Ѣздить верхомъ мнѣ приходилось не впервые; но быть на конѣ 6 дней подрядъ, пробираться чрезъ чащи, подниматься на крутыя высокія, иногда выше сферы растительности, горы („гольцы") и спускаться съ нихъ, переходить въ бродъ быстрыя горныя рѣчки и ночевать подъ открытымъ небомъ, возлѣ пылающаго костра, надъ которымъ виситъ кипящій мѣдный чайникъ—это для меня было ново. На одной березѣ мнѣ вздумалось оставить по себѣ память, и я вырѣзалъ свое имя еврейскими буквами; мой спутникъ просилъ меня тѣми же буквами вырѣзать и его имя.

XVII.

На седьмой день, измученный и разбитый, я прибылъ на главный пріискъ Ленскаго т-ва „Тихоно-Задонскій". Въ товарище-

ствѣ тогда работало пять пріисковъ, изъ коихъ одинъ (Александро-Невскій)—подземными ортами, а остальные, въ которыхъ золотоносный пластъ лежалъ ближе къ поверхности земли, разрѣзомъ, или „открытыми рботами". Я имѣлъ случай изучать на практикѣ то, что теоретически мнѣ было извѣстно; тамъ же „теорія" совершенно не примѣнялась. Промываніе золота и другія работы производились первобытнымъ способомъ, что удавалось только благодаря смышленности сибирскихъ „таежниковъ". Мнѣ случалось видѣть какъ отправляютъ „поисковую партію" въ глубь тайги подъ руководствомъ полуграмотнаго приказчика и при одномъ тунгусѣ, знающемъ названія сотенъ рѣчекъ, и приказчикъ возвращается съ грубой, но вѣрной топографической картой, съ описаніемъ мѣстности и встрѣчающихся горныхъ породъ, особенно „комчедала" (колчеданъ желѣзный), какъ проводника золота.

Въ то время въ В. Сибири скоплялось много каторжниковъ, для которыхъ не хватало работы на казенныхъ заводахъ, и ген.-губернаторъ предлагалъ золотопромышленникамъ брать ихъ на пріисковыя работы. Волей-неволей приходилось согласиться, и, такимъ образомъ, на нашихъ пріискахъ работало 200 каторжанъ, при одномъ офицерѣ и 20 казакахъ, что обходилось чрезчайно дорого. Малорослые, тщедушные забайкальскіе казаки изъ бурятъ не могли конечно дисциплинировать рослыхъ каторжанъ, прошедшихъ огонь и воду, и работа шла изъ рукъ вонъ плохо.

Собравъ нужныя свѣдѣнія по хозяйственной и счетной части и забравъ съ собою послѣднюю добычу золота того лѣта (около 30 пудовъ) для сдачи въ иркутскую золотосплавочную лабораторію, я 9 сентября выѣхалъ изъ пріисковъ, черезъ Бодайбо, по Витиму. Кто не видѣлъ с. Витимска въ сентябрѣ, по выходѣ рабочихъ изъ пріисковъ, тотъ понятія не имѣетъ о содомскихъ безобразіяхъ, до которыхъ можетъ дойти человѣкъ. Тутъ рабочіе по книжкамъ получаютъ заработную плату за тяжелую многомѣсячную работу, отъ нѣсколькихъ сотъ до тысячи и болѣе рублей, и тутъ же они все пропиваютъ, проигрываютъ и тратятъ до копѣйки. Водка, шумъ, гамъ, гармоніи, шарманки, фокусники, и конечно, женщины. Какъ ни старался командированный для этого полковникъ Купенковъ, чтобы заставить рабочихъ сдавать ему деньги по квитанціямъ для ихъ обратнаго полученія въ любомъ другомъ мѣстѣ, ему это удавалось едва въ одномъ случаѣ изъ десяти.

При мнѣ были служащій, слуга и два казака, но я и часа не хотѣлъ оставаться въ Витимскѣ и отправился вверхъ по Лен

Этотъ обратный путь былъ куда труднѣе. Лодка тянется лошадьми по бечевѣ, то и дѣло садится на мель, съ которой яличникамъ приходится, залѣзая въ воду, ее отпихивать. Время осеннее, холодъ, сырость, а берега покрыты инеемъ. Этотъ путь продолжался 18—20 дней, и я еле живой доѣхалъ до Иркутска

XVIII.

Отправивъ въ Петербургъ обширный докладъ о положеніи дѣла и о необходимыхъ измѣненіяхъ, я остался въ Иркутскѣ на всю зиму и вмѣстѣ съ товарищемъ производилъ банкирскія операціи для конторы I. Е. Гинцбурга.

Не задолго до того времени, на югѣ отъ Иркутска, нѣкоторымъ крестьянамъ удалось вырастить сахарную свекловицу. Такой успѣхъ въ томъ климатѣ возбудилъ мысль о сахарномъ заводѣ въ В. Сибири, гдѣ сахаръ стоитъ 12—14 р. за пудъ, но никто не зналъ процесса добыванія сахара изъ свекловицы. Сибирскія отдѣленія Географическаго и Техническаго обществъ сообща устроили въ ту зиму рядъ популярныхъ чтеній, въ которыхъ принимали участіе: бывшій проф. казанскаго университета Аф. Прок. Щаповъ, авторъ двухтомной біографіи Сперанскаго Всев. Ив. Вагинъ, учитель Мих. Загоскинъ, путешественникъ по Сибири д-ръ Нейманъ, Б. А. Милютинъ и др. Предсѣдатели отдѣленій, въ связи съ вопросомъ о сахарномъ заводѣ, предложили мнѣ и А. А. Шамарину прочесть доклады о сахарной фабрикаціи. Мы раздѣлили между собою эту задачу: Шамаринъ читалъ (7 марта 1872 г.) историческую и чисто химическую часть, а я (14 марта) объ устройствѣ завода, аппаратахъ и всѣхъ манипуляціяхъ, причемъ далъ нѣкоторыя практическія указанія. Все это однако не нашло примѣненія, и о сахарномъ заводѣ забыли.

Въ слѣдующую весну я вновь отправился на пріиски, гдѣ оставался все лѣто. Туда прибылъ новый главноуправляющій Вас. Петр. Таюрскій, очень смышленный человѣкъ, но съ большимъ самомнѣніемъ. Къ намъ часто заѣзжалъ горный исправникъ М. И. Лукьяновъ, который, вмѣсто дѣла, только говорилъ о владыкахъ и монастыряхъ и разсказывалъ чудеса про московскаго митрополита Филарета, у котораго онъ бывалъ по порученіямъ разныхъ графинь и княгинь. Таюрскій надъ нимъ подтрунивалъ, но онъ, называя Таюрскаго „своимъ другомъ № 1", продолжалъ свои ханжескіе разсказы. Онъ также читалъ намъ письма, полученныя имъ отъ сына, ученика VI класса иркутской

гимназіи, письма вольнаго содержанія, весьма далекія отъ благочестія. Я говорилъ: „видите, Михаилъ Ивановичъ, вашъ сынъ совсѣмъ другого направленія, чѣмъ вы"; на это онъ простовато отвѣтилъ: „э, мальчикъ"! Этотъ мальчикъ скоро прибылъ на пріиски въ гости къ отцу: коренастый, средняго роста блондинъ, такой же развязный въ разговорѣ, какъ на письмѣ. Впослѣдствіи этотъ Сережа сталъ весьма извѣстнымъ директоромъ Института Экспериментальной Медицины, а затѣмъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ св. Синода.

Глубокой осенью я вернулся въ Иркутскъ и привезъ золота. Здѣсь я засталъ новое лицо: уполномоченнаго по золотопромышленнымъ дѣламъ Гинцбурга и К°, Ал. Ел. Фейгина, который исполнялъ мои обязанности, такъ какъ я преимущественно бывалъ на пріискахъ. Отправивъ обстоятельный докладъ въ Петербургъ, я получилъ отъ бар. Г. О. Гинцбурга приглашеніе пріѣхать въ столицу, по первому зимнему пути,—что съ радостью исполнилъ.

XIX.

Въ Петербургѣ я былъ принятъ бар. Г. О. Гинцбургомъ весьма любезно. Онъ предложилъ мнѣ перевезти въ столицу, на время моего тамъ пребыванія, членовъ моего семейства изъ Ковны и жить за его счетъ. Думалъ также послать меня въ Парижъ, чтобы тамъ изложить дѣло его отцу О. Г., но время не позволило. Въ Петербургѣ, между тѣмъ, образовалось особое „Сибирское бюро", подъ управленіемъ Ис. Дав. Красносельскаго, одессита, мало понимавшаго дѣло, но умѣвшаго, что называется, заговаривать зубы. Было при этомъ не мало интригъ и дрязгъ. Кромѣ дѣловыхъ разговоровъ съ разными лицами, мнѣ постоянно приходилось, по настоянію моихъ знакомыхъ, „разсказывать про Сибирь".

Проживъ около мѣсяца въ Петербургѣ, получивъ приличную награду и увеличеніе жалованья въ полтора раза, я вернулся въ Иркутскъ. Туда лѣтомъ 1873 г. пріѣхала и моя семья, которую я увидѣлъ только осенью, по возвращеніи изъ пріисковъ.

Въ 1874 г. въ управленіи пріисками произошла большая перемѣна. Таюрскій, съ переходомъ управленія съ Тихоно-Задонскаго пріиска на Іосифо-Павловскій, совсѣмъ ушелъ, и управленіе раздвоилось: управленіе хозяйственной частью было возложено на меня, а для горной и технической частей былъ посланъ изъ Петербурга горный инженеръ А. П. Карпинскій. Мнѣ поэтому приходилось жить безвыѣздно на пріискахъ. Туда я не могъ

взять семью, но въ то же время не могъ оставить ее въ Иркутскѣ. По первому зимнему пути 1875 г. я, съ болью въ сердцѣ, отправилъ жену и 5 человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ грудного ребенка, обратно въ Ковну, а самъ поѣхалъ въ противоположную сторону, въ Якутскую область.

Стоитъ разсказать нѣкоторые эпизоды изъ моей прiисковой жизни.

Тамъ, въ конторѣ и по работамъ, служили 10—12 поляковъ, сосланныхъ въ 1863 г. и отбывшихъ каторжныя работы. Среди нихъ было два еврея, довольно образованные и милые люди. Прiятное воспоминанiе у меня сохранилось о Л. М. Вагенфишѣ, занявшемъ по моей протекцiи мѣсто бухгалтера конторы; я съ нимъ потомъ часто встрѣчался въ Варшавѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1913 г. Почти всѣ мы были безсемейные, и я устроилъ такъ, чтобы обѣдали и ужинали всѣ вмѣстѣ. Весьма интересна была и рабочая команда. Между этими ссыльно-поселенцами можно было найти какихъ угодно спецiалистовъ: стоило только спросить по казармамъ. Нуженъ ли портной, переплетчикъ, часовщикъ или конторскiй служащiй, тутъ-же является мастеръ своего дѣла. Не могу забыть вызваннаго такимъ образомъ писца для конторы, Федорова, который оказался форменнымъ бухгалтеромъ, съ чуднымъ почеркомъ. Этотъ скромный труженикъ упорно молчалъ о своемъ прошломъ.

Съ другой стороны, тамъ болѣе рельефно выступала общая слабость русскаго народа къ водкѣ. Продажа водки во всемъ прiисковомъ районѣ строго воспрещалась,—и вотъ являлись промышленники особаго рода, „спиртоносы", носившiе спиртъ на себѣ въ плоскихъ жестяныхъ флягахъ. Этимъ промысломъ преимущественно занимались непьющiе инородцы—татары и якуты. Появленiе спиртоноса гдѣ-нибудь въ окрестности прiиска быстро становилось извѣстно рабочимъ. Обычная фраза: такой-то товаръ „продается на вѣсъ золота" —тамъ была не метафорой, а фактомъ: за полъ-бутылки спирта рабочiй охотно отдавалъ четверть золотыхъ самородковъ, набранныхъ при работѣ и спрятанныхъ имъ такъ, что и чортъ не найдетъ. Казаки слѣдили за спиртоносами и нерѣдко ихъ ловили. Одинъ только разъ поймали спиртоноса-еврея. Приходитъ ко мнѣ казакъ и заявляетъ, что пойманный очень проситъ, чтобы я зашелъ въ казачью (арестное отдѣленiе при казачьей казармѣ). Я увидѣлъ тщедушнаго еврейчика, который началъ умолять, чтобы его отпустили, чего я не сдѣлалъ.

Разъ приходитъ ко мнѣ рабочій Соловьевъ, рябой великанъ, и заявляетъ, что онъ берется одинъ при одной бабѣ печь хлѣбъ на весь станъ въ 400 человѣкъ, вмѣсто трехъ хлѣбопековъ и двухъ бабъ, которые состоятъ при хлѣбопекарнѣ, но съ условіемъ получать, кромѣ положенной платы, ежедневно порцію водки. Я охотно согласился на такое условіе послѣ того, какъ онъ мнѣ далъ свое „варнацкое слово" [1]), что точно исполнитъ условіе. Дѣйствительно, хлѣбъ былъ чудный, и Соловьевъ, котораго всѣ, не исключая горнаго исправника и казачьяго командира, боялись какъ звѣря, исполнялъ всякое мое желаніе.

9 сентября 1875 г., наканунѣ роспуска рабочихъ, мы всѣ поздно работали въ конторѣ по провѣркѣ рабочихъ книжекъ. Только что сѣли къ ужину, какъ вбѣгаютъ два казака съ крикомъ: „насъ хотятъ убить, спасайте насъ"! Отъ перепуганной нашей охраны я не могъ добиться толкомъ, въ чемъ дѣло, бросилъ ужинъ и отправился съ ними къ казармамъ, отстоявшимъ на полъ-версты. Тамъ, около разложеннаго костра, собрался весь станъ—шумъ, гамъ адскій. Я ворвался въ толпу, подозвалъ двухъ коноводовъ къ себѣ и крикнулъ: „тише, въ чемъ дѣло"? Опять отвѣчаютъ всѣ разомъ. Насилу мнѣ удалось нѣсколько унять шумъ, и я спросилъ: „вы имѣете что-нибудь къ управленію"? На это услышалъ голоса: „нѣтъ, дай Богъ вамъ здоровья"! Оказалось, что кашеваръ долженъ былъ приготовить имъ на дорогу по пшеничной булкѣ, чего онъ не сдѣлалъ, и вотъ расправа коротка: они хотѣли его убить, казаки заступились, и всѣ бросились на нихъ. Съ большимъ трудомъ я усмирилъ толпу, распорядившись выдать два пуда муки на булки. Въ два часа ночи, еле держась на ногахъ, я возвращался въ густыхъ потемкахъ къ себѣ, какъ вдругъ замѣтилъ, что за мною кто-то ходитъ. Я окликнулъ: „кто это"?—„Да я, Соловьевъ".—„Чего тебѣ"?—„Да помилуйте, такая оказія и не выпить"!—„Да что ты? гдѣ я теперь достану водки"?—„Ужъ это ваше дѣло, а я долженъ выпить". Мнѣ стало жутко, и я вынужденъ былъ разбудить „матеріальнаго" и достать для него водку изъ подвала.

XX.

Зимою на пріискахъ жилось спокойнѣе: устраивались вечеринки и танцы при импровизированной музыкѣ, ѣздили на ма-

[1]) На „варнацкое слово" каторжника (варнака) можно болѣе положиться больше, чѣмъ на „честное слово" многихъ.

денькихъ санкахъ въ гости къ сосѣдямъ по другимъ пріискамъ. При такихъ визитахъ, мнѣ разъ случилось сидѣть въ санкахъ съ одной смуглой и некрасивой дамой, сожительницей нашего пріисковаго врача, у котораго я часто бывалъ. Я плохой физіономистъ и не обращалъ на нее особеннаго вниманія, но тутъ по дорогѣ эта Татьяна Михайловна мнѣ говоритъ: „Я давно собираюсь вамъ сказать... Знаете ли вы, что я ваша бывшая единовѣрка“? Она тутъ-же запѣла какую-то жаргонную пѣсенку на ужасномъ полѣсскомъ нарѣчіи. Она была родомъ изъ Пинскаго уѣзда. У нея, видно, изъ груди вырвалось это признаніе. Нахлынули старыя воспоминанія, и она заплакала.

Съ развѣдками дѣло обстояло довольно плохо. Карпинскій, самъ по себѣ человѣкъ довольно пріятный и образованный, страдалъ общимъ русскимъ порокомъ, сошелся съ такими же служащими, а развѣдка шла спустя рукава, что угрожало громаднымъ убыткомъ въ предстоящую кампанію. Не довѣряя свѣдѣніямъ К. о богатомъ содержаніи золота по пробамъ изъ разныхъ шурфовъ, я взялъ съ собою конюха, объѣздилъ всѣ наши пріиски и заставилъ рабочихъ при мнѣ же добывать пробы изъ шурфовъ и промывать на вашгертѣ. Содержаніе золота оказалось очень слабое, причемъ рабочіе смѣялись и говорили: „у насъ тутъ промываютъ не водою, а водкой“. Мои серьезныя объясненія съ Карпинскимъ ни къ чему не привели. Я заявилъ, что по окончаніи перевозки отправляюсь въ Иркутскъ, откуда долженъ донести въ Петербургъ о состояніи дѣла, и едва-ли вернусь на пріиски. Это мое рѣшеніе повергло въ уныніе весь штатъ служащихъ, особенно конторскихъ. Въ началѣ марта 1876 г. я выѣхалъ изъ пріисковъ, и мнѣ устроили торжественные проводы. Изъ Иркутска я отправилъ въ Петербургъ обстоятельную телеграмму, которая была передана въ Ниццу, гдѣ тогда находился бар. Г. О. Гинцбургъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ большую телеграмму отъ барона, съ просьбой вернуться на пріиски и уполномочіемъ устранить Карпинскаго и сдѣлать все возможное. Закупивши и отправивши чай, сахаръ и пр., я по вскрытіи Лены выѣхалъ туда. Встрѣтившіеся по дорогѣ знакомые служащіе и рабочіе разсказывали мнѣ, что у насъ все вверхъ дномъ идетъ. Предвидя непріятности со стороны Карпинскаго, я заѣхалъ къ горному исправнику и просилъ его поѣхать со мною. Прибывъ же на Іосифо-Павловскій пріискъ, я замѣтилъ, что Карпинскій упалъ духомъ. Онъ только спросилъ меня: „Что же, меня увольняютъ“? Мнѣ стало жаль его, и я сказалъ: „Я васъ не устраняю, возьмитесь

пока серьезнѣе за дѣла, а скоро, для введенія порядковъ, пріѣдетъ командированный сюда А. Г. Фохтъ. Фохтъ, отставной военный, многосторонне-образованный старикъ, дѣйствительно прибылъ въ іюлѣ съ двумя молодыми людьми, одобрилъ всѣ мои дѣйствія и скоро уволилъ Карпинскаго.

Въ августѣ я оставилъ Олекминскіе пріиски, а затѣмъ и Сибирь навсегда. Но у меня осталось много пріятныхъ и грустныхъ воспоминаній объ этой порѣ моей жизни.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Н. Н.

Письма „билуйца“ (1882—1884 г).

Въ той національной романтикѣ, которой было такъ много въ палестинофильствѣ 1880-хъ годовъ, видное мѣсто занимаетъ піонерство „билуйцевъ“—кружка интеллигентной молодежи, устремившейся въ 1882 году въ Палестину для „возрожденія еврейскаго народа на землѣ своихъ предковъ“. Къ этому моменту относятся нижеслѣдующія письма, въ которыхъ участникъ дѣла съ полною откровенностью изображаетъ все, что пережито имъ и его товарищами, піонерами колонизаціи, въ первые, труднѣйшіе ея годы. Конечно, эти интеллигенты, оторвавшіеся отъ школы и книги ради сохи и плуга, оказались плохими земледѣльцами, и другіе, болѣе призванные, смѣнили ихъ въ дѣлѣ практической колонизаціи. Но идеалистическій порывъ, который толкнулъ горсть „билуйцевъ“ на непосильный имъ подвигъ, и пережитыя ими страданія не должны быть забыты въ исторіи нашего національнаго движенія.

Помѣщенныя здѣсь письма получались въ 1882—1884 г. отъ примкнувшаго къ кружку „Билу“, близкаго мнѣ интеллигентнаго молодого человѣка, нынѣ здравствующаго, и адресовывались мнѣ и еще одному лицу (отсюда преобладающая форма множественнаго числа въ обращеніяхъ). По своей правдивости они не уступаютъ прекрасному „Дневнику палестинскаго эмигранта“ Е. Хисина (другого члена кружка билуйцевъ), печатавшемуся въ книжкахъ „Восхода“ за 1889 г., и составляютъ необходимое къ нему дополненіе. Въ одномъ изъ писемъ (№ 4) разсказана вкратцѣ исторія возникновенія кружка „Билу“, но главный интересъ писемъ заключается въ описаніи судебъ піонеровъ въ первое трехлѣтіе колонизаціи, когда дѣлались только опыты—часто очень тяжелые—на живыхъ людяхъ. Имена упоминаемыхъ здѣсь лицъ большею частью обозначены иниціалами. Кой-какіе пункты пояснены въ примѣчаніяхъ. Пропуски сдѣланы въ мѣстахъ, не представляющихъ общественнаго интереса, и кое гдѣ въ характеристикахъ живыхъ дѣятелей.

С. Дубновъ.

№ 1. Константинополь. 20. VIII. 1882 г.

...Я выѣхалъ изъ Могилева еще съ двумя эмигрантами (братъ и сестра Б.) въ прошлый вторникъ. Въ Кіевѣ мы провели сутки, а въ Одессѣ полторы. Во вторникъ мы сѣли на пароходъ, черезъ полторы сутки прибыли въ Константинополь, гдѣ мы находимся уже двое сутокъ, и отсюда завтра въ 4 часа пополудни выѣдемъ. Въ Яффу пріѣдемъ 28 сего мѣсяца, будемъ также въ Александріи. Билетъ изъ Одессы въ Яффу стоитъ евреямъ 10 руб. вмѣсто 15 р.

... Пишу это письмо на квартирѣ Центральнаго Бюро [1]). Познакомился съ представителями: Минцъ, Берлявскій и др. Подробно напишу изъ Яффы.

... Земли еще не куплено, идутъ переговоры. Пока въ Яффѣ находится человѣкъ тридцать изъ Харьковскаго кружка, которые работаютъ въ колоніи „Ришонъ ле-Ціонъ" и въ „Микве-Израиль".

Условіе принятія въ Харьковскій кружокъ — имѣть 125 рублей.

№ 2. Яффа. 10/22. IX. 1882 г.

Вчера я пріѣхалъ сюда послѣ мѣсячнаго пребыванія въ дорогѣ. Мнѣ кажется, будто цѣлая вѣчность прошла съ того времени, какъ я получилъ ваше послѣднее письмо. И не мудрено: сколько новыхъ людей видѣлъ, сколько новыхъ впечатлѣній! Вѣдь въ этотъ мѣсяцъ я успѣлъ побывать во всѣхъ трехъ частяхъ стараго свѣта. Вы, дорогіе, навѣрное неудомѣваете, какими судьбами я попалъ въ Африку. Такъ вотъ послушайте.

18 августа мы сѣли на пароходъ (въ Одессѣ), и черезъ полторы сутки пріѣхали въ Константинополь, гдѣ простояли почти трое сутокъ. Съ парохода мы не сошли, и наши вещи остались тамъ; каждый день утромъ мы на лодкѣ отправлялись въ городъ на квартиру членовъ Центральнаго Бюро, тамъ обѣдали и проводили день, а вечеромъ отправлялись опять на пароходъ. Сказать что нибудь опредѣленное про этихъ господъ я не могу, потому что мало знаю ихъ. Двое изъ нихъ правду сказали въ своемъ письмѣ въ „Хроникѣ" [2]), что они не геніальные люди...

22-го снялись опять съ якоря и пустились въ путь-дорогу; черезъ 10 дней, т. е. на 15-й день послѣ выѣзда изъ Одессы, прибыли въ Яффу или, вѣрнѣе выражаясь, пароходъ подошелъ къ берегамъ Яффы.

На другихъ пароходахъ это путешествіе можно было бы совершить въ 9—10 дней. Мы остановились въ Смирнѣ, Хіосѣ, Родосѣ, Триполи, Мерсинѣ, Бейрутѣ и др. городахъ.

---

[1]) Т. е. бюро кружка „Билу" въ Константинополѣ. См. дальше, № 4.

[2]) См. „Хроника Восхода" 1882 г., стр. 861: письмо членовъ бюро о возникновеніи кружка etc.

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы сходили съ парохода, чтобы осмотрѣть городъ и закупить провизію.

Нужно вамъ еще сказать, что на томъ же пароходѣ, на которомъ я ѣхалъ, была пропасть старыхъ евреевъ (болѣе ста человѣкъ), ѣдущихъ ежегодно массами въ Палестину и ложащихся бременемъ на весь еврейскій народъ. Я не могъ хладнокровно смотрѣть на это зрѣлище: старики ѣдутъ умирать на Св. Землѣ и получать „халуке". На это халуке получаются цѣлыя сотни тысячъ изъ одной только Россіи, и на что же расходуются эти деньги? Львиная доля остается въ рукахъ тѣхъ, которые стоятъ во главѣ дѣла (обыкновенное явленіе), остальная часть раздѣляется между пріѣзжими паразитами. Вѣдь эти деньги могли быть употреблены на другое к. н. хорошее дѣло, хотя бы на устройство земледѣльческихъ колоній. Впрочемъ, довольно объ этомъ.

Еще дорогою мы узнали, что русскихъ евреевъ не впускаютъ въ Яффу. Собственно знали объ этомъ еще въ Россіи (объ этомъ было въ газетахъ), но никто не думалъ, чтобы въ Турціи такъ строго исполнялись законы, и всѣ ѣхали первую половину дороги преспокойно, ни о чемъ не думая. Я и мои два товарища на всякій случай запаслись въ константинопольской полиціи такъ называемымъ „тышкаре" (тэскере), т. е. пропускомъ въ Яффу. Недалеко отъ Яффы мы узнаемъ, что русскихъ евреевъ ни за что не впускаютъ. И дѣйствительно, когда пароходъ подошелъ къ берегамъ Яффы, евреи наняли лодки (пароходъ не подходитъ къ самому берегу), но, бѣдные, принуждены были вернуться обратно на пароходъ: офицеръ, стоявшій на берегу и осматривавшій паспорты пріѣзжающихъ, никого изъ пассажировъ, имѣвшихъ русскіе паспорта, не пропустилъ въ городъ. Мы также были въ этомъ числѣ, и—что хуже всего—у насъ не оставалось ни одной копѣйки. Можете себѣ представить наше положеніе: приходилось или ѣхать обратно въ Россію, или—броситься въ море. Мы сейчасъ дали знать (черезъ одного человѣка) Б—ду обо всемъ этомъ, и черезъ нѣсколько часовъ къ намъ пришелъ членъ нашего кружка съ деньгами. Мы всѣ рѣшили слѣдующее: поѣхать этимъ же пароходомъ дальше въ Портъ-Саидъ и тамъ взять греческіе паспорта или совершить какой нибудь подобный обманъ. И вотъ, благодаря запрещенію селиться въ Палестинѣ, я очутился въ Африкѣ, въ Портъ-Саидѣ, этомъ ключѣ стараго свѣта.

Въ Портъ-Саидѣ мы провели дня четыре. Это вполнѣ европейскій городъ, совсѣмъ не похожій на всѣ восточные города. Тамъ есть и евреи, которые занимаются далеко не благовидными дѣлами. За эти четыре дня мы успѣли узнать, что греческихъ паспортовъ невозможно намъ достать по причинѣ ихъ дороговизны (25 р.), и мы рѣшились на слѣдующее: поѣхать пароходомъ въ Хейфу (мимо Яффы), а от-

туда обратно въ Яффу сухимъ путемъ. Мы опять сѣли на пароходъ. На этотъ разъ братъ и сестра Б. высадились въ Яффѣ, потому что они себѣ одолжили какой-то англійскій паспортъ, а я съ товарищемъ и цѣлой партіей старыхъ евреевъ поѣхали дальше въ Хейфу. Здѣсь провели день, а потомъ отправились сухимъ путемъ. Дорога продолжалась двое сутокъ; она была мучительна при невыносимыхъ жарахъ, которыя господствуютъ здѣсь теперь. Кстати, я дорогою ѣздилъ цѣлыхъ 6 часовъ, если не больше, верхомъ на чистокровной арабской лошади. Пріѣхалъ я въ Яффу усталый, не имѣлъ почти силъ говорить, но скоро я вполнѣ оправился и еще вчера взялся бы писать вамъ, но къ сожалѣнію пароходъ уйдетъ отсюда 12-го.

... Что новаго въ Россіи и на всемъ бѣломъ свѣтѣ? Коронаціи, должно быть, не было. Почему? Когда будетъ? Пишите обо всемъ, что происходитъ въ Россіи. Мы не получаемъ никакихъ газетъ, ни еврейскихъ, ни общихъ, такъ что всякое сообщеніе, всякое извѣстіе будетъ мнѣ дорого.

... Изъ нашей партіи здѣсь только 25 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 барышни... Пока купятъ землю, всѣ работаютъ въ колоніи Неттера (Микве Израиль) и получаютъ каждый за 8 рабочихъ часовъ въ день франкъ. Я еще не началъ работать, но черезъ нѣсколько дней я пойду на работу. Живемъ мы всѣ внѣ города, въ 2—3-хъ верстахъ отъ него, на дачѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ, во 2-мъ этажѣ. Я уже познакомился со всѣми, но конечно не настолько, чтобы описывать ихъ. До другого раза объ этомъ.

№ 3. Яффа. 21. IX (3.X) 1882 г.

[1]) ...Въ настоящее время здѣсь (въ колоніи „Микве Израиль“) находятся 18 человѣкъ, между которыми—три барышни и два члена Центральнаго Бюро, или такъназыв. „делегаты“. Барышни занимаются домашними работами, делегаты ничего не дѣлаютъ, такъ какъ считаютъ, по всей вѣроятности, ниже своего делегатскаго достоинства заниматься физическимъ трудомъ: они только ведутъ „переговоры“ съ остальными членами Центр. Бюро, находящимися въ Константинополѣ. Всѣ остальные, въ числѣ которыхъ и вашъ покорный слуга, работаютъ въ колоніи покойнаго Неттера и получаютъ по одному франку за 8 рабочихъ часовъ въ день. Эти деньги отдаются въ общую кассу, изъ которой членамъ выдается на расходы. Денегъ этихъ, конечно, не хватаетъ на покрытіе самыхъ скромныхъ расходовъ, но вѣдь каждый членъ вноситъ въ общій фондъ заранѣе какую-либо

[1]) Первая половина этого письма была мною напечатана скоро послѣ его полученія, въ № 42 „Хроники Восхода“ 1882 г., стр. 1131—32 („Изъ колоніи „Микве Израиль“). — *С. Д.*

сумму, такъ что наше далеко не комфортное существованіе болѣе или менѣе обезпечено. Мы надѣялись, что Неттеръ намъ увеличитъ плату, но его болѣзнь, продолжавшаяся цѣлую недѣлю, и наконецъ смерть его, послѣдовавшая здѣсь вчера, 2-го октября, въ 6 часовъ вечера, много намъ повредили. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ онъ пріѣхалъ сюда, и одною изъ главныхъ причинъ его пріѣзда было желаніе ознакомиться съ жизнью „студентовъ-эмигрантовъ" (заграницей думаютъ, что всѣ члены харьковскаго кружка—студенты, а между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни одного студента: есть только одинъ гимназистъ изъ старшихъ классовъ, остальные—бухгалтеры и люди безъ опредѣленныхъ занятій), убѣдиться въ способности ихъ къ земледѣльческой работѣ и, при благопріятныхъ результатахъ, устроить ихъ на счетъ Ротшильда. Въ первое время послѣ своего пріѣзда Неттеръ каждый день ходилъ смотрѣть, какъ работаютъ эмигранты, и, кажется, остался доволенъ ихъ работой. Онъ началъ строить домъ; фундаментъ, или, вѣрнѣе, канавы для фундамента мы сработали. Этотъ домъ, говорятъ, предназначался для насъ. Но, какъ видно, злой рокъ насъ преслѣдуетъ: Неттеръ ни съ того, ни съ сего, возьми да умри, а мы остались безъ надежды. Работу на дневное пропитаніе мы будемъ имѣть и теперь, но вѣдь не поденная работа наша цѣль въ Палестинѣ. Впрочемъ, надежда еще не совсѣмъ потеряна: коль скоро „Альянсу" извѣстно о насъ, онъ насъ раньше или позже устроитъ, а пока нужно терпѣть и ждать.

Вотъ порядокъ занятій, въ которыхъ мы проводимъ день. Встаемъ мы всѣ въ 5 часовъ утра, одѣваемся, умываемся, забираемъ съ собою провизію (бѣлый хлѣбъ—чернаго здѣсь нѣтъ—и нѣсколько яицъ или винограда) и уходимъ въ колонію, отстоящую отъ нашей квартиры версты на двѣ. Дорогой мы закусываемъ слегка и въ 6 часовъ принимаемся за работу. Поработавъ до 11 часовъ, мы имѣемъ три свободныхъ часа, до 2-хъ часовъ, которыми каждый распоряжается по своему; но купаются и завтракаютъ принесеннымъ хлѣбомъ и яйцами всѣ; потомъ кто спитъ, кто болтаетъ, кто читаетъ. Я всегда беру съ собою книгу, но нерѣдко послѣ пятичасовой работы засыпаю съ книгой въ рукахъ, въ тѣни деревьевъ (здѣсь еще погода стоитъ очень жаркая). Въ 2 часа пополудни опять беремся за работу и кончаемъ ее къ 5 часамъ вечера. Послѣ этого мы отправляемся домой, болѣе или менѣе утомленные. Приходя домой, мы обѣдаемъ. Обѣдъ состоитъ изъ одного блюда: супа, бобовъ и т. п. съ древеснымъ масломъ, потому что на мясо не хватаетъ средствъ. Послѣ обѣда, каждый занимается чѣмъ угодно. Еслибъ у насъ царствовали миръ и согласіе, жилось бы еще кое какъ. Но въ послѣднее время мелкіе дрязги и раздоры между „делегатами", съ одной

стороны, и „простыми“ членами—съ другой много вредятъ нашей организаціи. Делегаты хотятъ играть роль маленькихъ начальниковъ, а „простые“ вовсе не хотятъ делегатовъ, которые только коптятъ небо, да „переговоры“ ведутъ. Борьба теперь между ними происходитъ не на животъ, а на смерть. Чѣмъ кончится—неизвѣстно.

Прибавлю еще одну мелочь: простые члены рѣшили на сходкѣ отказаться отъ чая и отъ табаку, такъ что мы перестали пить чай совершенно. На это рѣшеніе не согласились только делегаты и двѣ барышни.

22 сентября (4 октября).—Я забылъ вамъ писать, что вчера мы не работали по случаю смерти Неттера, сегодня и завтра также не будемъ работать по случаю праздника, а тамъ пятница, когда работаемъ всего полдня за полъ-франка, потомъ суббота, когда совсѣмъ не работаемъ. О похоронахъ Неттера я вамъ не пишу, потому что подробности будутъ въ „Хроникѣ“ или въ „Рус. Евреѣ“.

... Еще въ прошломъ письмѣ я Васъ просилъ писать мнѣ обо всемъ, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ, такъ какъ я газетъ не читаю. Повторяю свою просьбу и теперь; можетъ быть, мнѣ представится возможность читать кой-какія газеты,—тѣмъ не менѣе вы пишите обо всемъ. Вчера я слышалъ, что въ газетахъ есть телеграмма изъ Москвы, будто коронація состоялась, но тайнымъ образомъ [1]). Вѣрно-ли и какое впечатлѣніе произвело это на общество? Говорятъ также, будто султана убили, или онъ самъ удралъ. Здѣсь газеты такъ рѣдки, что не знаютъ даже, что происходитъ въ самой Турціи, и всѣ ходятъ въ потемкахъ. Однимъ словомъ, здѣсь дикая Азія, а не цивилизованная, становящаяся мнѣ каждый день дороже, Европа.

... Пишите, дорогіе, въ какомъ теперь положеніи еврейскій вопросъ. Бываютъ-ли погромы или есть опасенія, что будутъ? Что пишется въ русско-еврейскихъ газетахъ и какъ относятся къ дѣлу эмиграціи? Здѣсь носятся слухи, что въ близкомъ будущемъ Франція завладѣетъ Палестиной, но опредѣленнаго ничего не извѣстно.

... Вы себѣ представить не можете, какъ хорошій человѣкъ и особенно хорошій другъ становится дорогъ на чужбинѣ. Я теперь нахожусь въ дикой Азіи, гдѣ меня окружаютъ арабы и евреи, т. е. палестинскіе евреи, о которыхъ вы себѣ и понятія составить не можете.

... Не помню, писалъ-ли я вамъ о своей, или вѣрнѣе, о нашей квартирѣ. Мы занимаемъ двѣ большія комнаты за 16 руб. въ мѣсяцъ; кромѣ того въ нашемъ распоряженіи большой балконъ, дворъ и садъ. Здѣсь еще жарко, такъ

[1]) Въ то время вопросъ о запозданіи коронаціи Александра III, вызваннымъ политическими обстоятельствами, очень занималъ общество. Отъ коронаціоннаго манифеста чего-то ждали.

что можно спать вездѣ. Живемъ на дачѣ, такъ что не видимъ городскихъ жителей и въ глаза, но иногда бываемъ въ городѣ, когда нужно дѣлать покупки.

Колонія Ришонъ-ле-Ціонъ почти устроилась, уже куплена земля, строятся дома и др. постройки. Мы одно время думали купить у нихъ лишнюю землю; можетъ быть, и купимъ.

№ 4. Яффа. 20 октября (1 ноября) 1882 г.

... Неужели ты думаешь, что единственная цѣль моей поѣздки сюда—это самоустройство, изъ чего слѣдуетъ выводъ: если я устроюсь, значитъ я достигъ цѣли, если же нѣтъ, я достоинъ сожалѣнія. Нѣтъ. Конечная моя цѣль, также какъ и многихъ другихъ, велика, обширна, необъятна, но нельзя сказать, что недостижима. Конечная цѣль или pia desideria—со временемъ завладѣть Палестиной и возвратить евреямъ политическую самостоятельность, которой они лишены вотъ уже 2000 лѣтъ. Не смѣйтесь, это не химера. Средствами къ достиженію этой цѣли могутъ быть: устройство земледѣльческихъ и ремесленныхъ колоній въ Палестинѣ, устройство разнаго рода фабрикъ и заводовъ и постепенное ихъ расширеніе, словомъ—стараться, чтобы вся земля, вся промышленность были въ рукахъ евреевъ. Кромѣ того, нужно пріучить молодыхъ людей и будущее молодое поколѣніе владѣть оружіемъ (въ дико-свободной Турціи все можно сдѣлать), и тогда... Здѣсь и я теряюсь въ догадкахъ. Тогда настанетъ тотъ прекрасный день, пришествіе котораго Исая предсказалъ въ своихъ пламенныхъ поэтическихъ утѣшеніяхъ. Тогда евреи съ оружіемъ въ рукахъ (если это понадобится) громогласно объявятъ себя хозяевами своей старой родины. Нѣтъ нужды, что этотъ прекрасный день настанетъ черезъ 50 или даже больше лѣтъ. Какихъ нибудь 50 лѣтъ не болѣе какъ моментъ для такого предпріятія. Согласитесь, друзья, идея прекрасная и возвышенная.

... Вы считаете идею возрожденія Палестины несбыточной, невозможной и потому нестоющей вниманія. Признаться, и у меня нерѣдко являются такія мысли, особенно когда подумаю о всеобщемъ несочувствіи къ колонизаціи Палестины, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ. Въ такія минуты, я рѣшаюсь оставить Палестину до болѣе благопріятнаго времени.

... Но довольно о будущемъ, пора поговорить и о настоящемъ. Съ того времени, какъ я написалъ вамъ послѣднее письмо, обстоятельства наши нѣсколько измѣнились. Чтобы вы лучше поняли наше настоящее положеніе, я долженъ сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ во времени и начать ab ovo. Я это сдѣлаю вкратцѣ.

Приблизительно годъ тому назадъ, по инициативѣ Белькинда и нѣкоторыхъ другихъ студентовъ, особенно изъ ветеринарнаго института, образовался въ Харьковѣ кружокъ „палестинцевъ". Цѣль ихъ была довольно скромная: устроить въ Палестинѣ колонію, которая могла бы служить лучшимъ доказательствомъ того, что евреи способны къ земледѣлію. Прежде они думали устроить колонію въ 500 человѣкъ, но убѣдившись, должно быть, въ невозможности устройства такой громадной колоніи, ограничились 200, сотней и даже еще меньшей цифрой. Основатели кружка присвоили себѣ названіе делегатовъ и основали изъ себя центральное бюро, которое имѣло своей резиденціей сначала Одессу, а потомъ Константинополь, какъ болѣе удобное мѣсто. Были разосланы делегаты въ города „черты" съ тѣмъ, чтобы въ нихъ учреждать мѣстныя бюро, которыя въ свою очередь должны были собирать пожертвованія и находить молодыхъ интеллигентныхъ евреевъ, желающихъ ѣхать въ Палестину. Такихъ бюро было учреждено нѣсколько, и плодомъ ихъ были двѣ партіи эмигрантовъ, числомъ въ 25 человѣкъ. Въ Константинополѣ сидѣли члены ц. бюро: Берлявскій, студентъ послѣдняго курса ветеринарнаго института,... Минцъ, студентъ одного изъ первыхъ курсовъ института, бывшій соціалистъ, и нѣкоторые другіе. Здѣсь они вели переговоры, видѣлись съ Олифантомъ, на котораго они почему-то возлагали большія надежды. Но какъ они были поражены, когда получили отъ Олифанта далеко не удовлетворительный отвѣтъ: египетскій вопросъ и другія, молъ, причины не позволяютъ теперь думать о колонизаціи Палестины [1]). Когда эта надежда лопнула, константинопольцы начали хлопотать въ турецкомъ министерствѣ, чтобы правительство подарило нашей партіи (такъ называемой Билу: בית יעקב לכו ונלכה—ביל״ו) нѣсколько тысячъ десятинъ земли. Но и здѣсь они потерпѣли фіаско. Недѣли четыре тому назадъ получилось отъ нихъ письмо къ намъ съ какимъ-то выработаннымъ ими уставомъ, который они будто бы намѣреваются перевести на всѣ европейскіе языки. Они рѣшили учреждать бюро не только въ Россіи, но и во всей Европѣ и Америкѣ; они сами будутъ разъѣзжать, чтобы пропагандировать свою идею и собирать деньги. Приведутъ-ли они въ исполненіе этотъ планъ послѣ того, какъ мы прервали съ ними всякія сношенія и послѣ того, какъ они были оплеваны „мальчишками" и „школьниками" въ „Разсвѣтѣ",—я не знаю. Кстати, о „Разсвѣтѣ". №№ 39 и 40 я на дняхъ читалъ, и по всей вѣроятности

---

[1]) Англія тогда оккупировала Египетъ и находилась во враждебныхъ съ Турціей отношеніяхъ; поэтому Олифанту, какъ англичанину, неудобно было вести съ турецкимъ правительствомъ переговоры о льготахъ для евреевъ въ Палестинѣ.

буду читать газеты постоянно, если останусь здѣсь. Но не объ этомъ хотѣлъ я поговорить. Мнѣ кажется, что во всей этой исторіи правъ Розенфельдъ. Что-то не хочется вѣрить, что онъ настолько низокъ и мелоченъ, чтобы сказать то, что гг. Берлявскій и Минцъ ему приписываютъ [1]). Какъ вы думаете объ этомъ?

Тѣмъ временемъ, когда делегаты сидѣли въ Константинополѣ и ждали манны небесной, члены-эмигранты, находившіеся здѣсь, убѣдившись, должно быть, въ совершенной невозможности питаться въ настоящемъ обѣщанной манной, начали искать для себя работы, и поиски ихъ увѣнчались успѣхомъ: они нашли работу въ колоніи Alliance'а „Микве Израиль", отстоящей отъ Яффы на 3—4 версты. Квартиру они себѣ наняли на дачѣ, между городомъ и колоніей Alliance'а, и начали работать за франкъ въ день, въ надеждѣ, что это только временно и что раньше или позже у нихъ будетъ собственная земля. На что именно надѣялись— я что-то смутно понимаю, и думаю, что никто изъ нихъ не зналъ, на что онъ надѣется. Надѣялись просто, по инстинкту: не отчаяваться же молодымъ людямъ, полнымъ жизни и энергіи. Неттеръ своимъ пріѣздомъ обрадовалъ моихъ товарищей (меня еще не было); онъ нѣсколько разъ присутствовалъ на ихъ работѣ по цѣлымъ часамъ, остался доволенъ ею. Говорили, что думаетъ выстроить въ колоніи домъ для нашей партіи (мы сами работали фундаментъ для дома, т. е. копали канавы), будетъ давать намъ работу, увеличитъ плату и со временемъ, когда привыкнемъ къ земледѣльческимъ занятіямъ, дастъ намъ землю; это, кажется, были не одни только слухи. Но судьбѣ угодно было лишить насъ этой послѣдней надежды. Неттеръ, ни съ того, ни съ сего заболѣлъ, прохворалъ нѣсколько дней и приказалъ долго жить. Тогда-то нѣкоторые изъ насъ опустили руки. Имъ и безъ того надоѣла 8-часовая, далеко не легкая работа при неудовлетворительной пищѣ, надежда рухнула, а тутъ еще раздоры внутри,—все это вмѣстѣ было достаточнымъ мотивомъ для нѣкоторыхъ уѣхать изъ Палестины навсегда или на время. Осталось всего 15 человѣкъ (изъ нихъ одинъ поступилъ въ Іерусалимѣ къ ремесленнику), но и оставшіеся не могли уживаться почему-то съ Б., который, по ихъ словамъ, претендуетъ на званіе неограниченнаго властелина и непогрѣшимаго папы, и 8 человѣкъ отдѣлились отъ Б., перемѣнили квартиру и продолжаютъ работать въ колоніи Alliance'а. Директоръ Гиршъ, по ихъ просьбѣ, увеличилъ имъ плату до полутора франка за 9-часовую работу; онъ, ка-

[1]) Въ то время шла горячая—и весьма далекая отъ литературныхъ приличій—полемика между редакторами „Разсвѣта" и „Восхода", Розенфельдомъ и Ландау, относительно миссіи Розенфельда, ѣздившаго въ Константинополь по палестинскимъ дѣламъ. Р. рѣзко разоблачалъ дѣятельность „делегатовъ" Билу въ Константинополѣ.

жется, обѣщалъ и даровую квартиру, и очень можетъ быть, что они будутъ пристроены. Я остался съ Б. по многимъ причинамъ. У насъ теперь 5 человѣкъ: трое Б—въ, я и еще одна барышня. Планъ нашъ теперь слѣдующій. Въ теченіе зимы Б. будетъ собирать пожертвованія; людей пока будемъ мало вызывать. Въ колоніи Ришонъ ле-Ціонъ онъ купилъ на выплату 10 десятинъ земли, и мы бы уже перешли туда, если-бы дома были готовы. Кромѣ того, М. Пинесъ устраиваетъ въ Іерусалимѣ, на средства какого-то общества, мастерскія для нашихъ членовъ. Очень можетъ быть, что на этой недѣлѣ я поѣду въ Іерусалимъ и, если возможно будетъ, поступлю въ мастерскую. Всю послѣднюю недѣлю я не работалъ, потому что мы (т. е. наши 5 человѣкъ) прервали сношенія съ Гиршемъ.

...Вы спрашиваете, что я нашелъ для себя здѣсь. Въ матеріальномъ отношеніи—пока ничего, и сомнѣваюсь, буду-ли я устроенъ и въ будущемъ. Для меня было бы достаточно, если бы идея возрожденія Палестины сдѣлалась моей idée fixe, чего теперь не могу еще сказать, положа руку на сердце...

...Въ Россіи творится, какъ видно, что-то уму непостижимое. И до чего дойдутъ на этомъ регрессивномъ пути? Не дойдутъ-ли до того, чего сами не ожидаютъ?

...Пару словъ о миссіонерахъ. Въ Палестинѣ почти въ каждомъ городѣ находится миссіонеръ; въ Іерусалимѣ живетъ главный—Фридлендеръ. Они не такъ страшны, какъ о нихъ думаютъ въ Россіи, гдѣ держатся того мнѣнія, что коль скоро человѣкъ поступилъ къ миссіонеру, онъ уже считается отщепенцемъ отъ религіи. Это совсѣмъ не такъ. У нихъ не принуждаютъ къ переходу въ протестантство; они принимаютъ всякаго, кормятъ, одѣваютъ его, учатъ ремеслу и иностраннымъ языкамъ, и въ то же время знакомятъ съ христіанской религіей. Человѣкъ можетъ пробыть у нихъ 3 года, а потомъ уйти прежнимъ евреемъ, сказавъ, что ихъ слова не убѣдили его.

№ 5. Яффа. 4 (16) ноября 1882 г.

...Если вы помните, друзья, я обыкновенно жаловался на пустоту жизни. Нерѣдко мнѣ казалось, что и жить-то не для чего. Но теперь не то: моя жизнь теперь наполнена.

...Недѣльки двѣ тому назадъ я вамъ отправилъ письмо, которое вы уже получили, вѣроятно. Съ того времени почти ничего новаго не прибавилось. Въ томъ письмѣ я уже писалъ вамъ, что, къ величайшему сожалѣнію, у насъ царитъ несогласіе между членами кружка съ одной стороны и называвшими себя „делегатами"—съ другой. Члены требовали, чтобы общія дѣла обсуждались на сходкахъ всѣми и рѣшались по большинству голосовъ, на что другая сторона (т. е.

делегаты) не соглашалась. Кончилось, какъ вы уже знаете, раздѣленіемъ партіи: 8 человѣкъ отдѣлилось отъ делегата и продолжаютъ работать въ колоніи Микве-Израиль, директоръ которой, Гиршъ, увеличилъ имъ плату до полутора франка за 9 рабочихъ часовъ въ день, а на другой сторонѣ осталось 5 человѣкъ: Б. съ братомъ и сестрой, m-lle Сиротъ и я. Перешелъ я на сторону делегата не потому, что я въ принципѣ согласенъ съ его чрезчуръ уже большими требованіями—я больше кого бы то ни было не люблю дѣйствовать слѣпо, по чьему-либо приказанію,—остался я съ делегатомъ потому, что его планы все-таки шире тѣхъ, которые намѣтили себѣ отдѣлившіеся отъ насъ 8 человѣкъ. Послѣдніе думаютъ только о самоустройствѣ. Впрочемъ, и за то имъ спасибо: они оставили довольно хорошую матеріальную жизнь въ Россіи для того, чтобы заниматься земледѣліемъ въ Палестинѣ и подать примѣръ другимъ, показать, что евреи способны къ земледѣлію. Я же не ищу самоустройства, я рѣшился вести кочеую жизнь: куда дѣло позоветъ меня, туда я готовъ пойти. Я не могу удовольствоваться тѣмъ, что буду имѣть участокъ земли, домикъ, и буду сидѣть спокойно подъ своей смоковницей. Съ тѣхъ поръ, какъ великая идея возрожденія евреевъ въ Палестинѣ засѣла у меня въ головѣ, я рѣшилъ, что не буду имѣть собственности: все, что-бы я не имѣлъ, будетъ отдаваемо въ пользу этого дѣла. Вотъ почему я счелъ неудобнымъ для себя остаться вмѣстѣ съ отдѣлившимися 8 членами.

Парижскій Alliance начнетъ недѣли черезъ двѣ строить въ колоніи Ришонъ ле-Ціонъ 8 домовъ для бѣдныхъ семействъ, въ томъ числѣ 2 дома для насъ, членовъ партіи „Билу", находящихся здѣсь (пока насъ всего 13 человѣкъ, но если понадобится, мы можемъ вызвать уѣхавшихъ отъ насъ или другихъ). Но что будемъ дѣлать съ одними домами, безъ земли и средствъ на прожитіе до перваго урожая? Колонія Ришонъ ле-Ціонъ отстоитъ отъ колоніи Неттера верстъ на 10 (а отъ Яффы на 13—14 верстъ), такъ что придется отказаться отъ работы въ Микве-Израиль, а въ Ришонъ ле-Ціонѣ также не будетъ работы, кажется. Можно было бы купить землю въ Ришонъ ле-Ціонѣ на выплату, но спрашивается: чѣмъ уплатить? Если бы мы теперь имѣли нѣсколько тысячъ рублей, мы бы отлично устроились, но ихъ нѣтъ, и мы не знаемъ, что дѣлать. Наши взоры обращены ко всѣмъ тѣмъ, которые сочувствуютъ той идеѣ, ради которой мы всѣмъ пожертвовали.

Что касается меня лично, то я, кажется, скоро поѣду въ Іерусалимъ и поступлю къ ремесленнику (столяру, токарю или къ другому). Кромѣ меня еще нѣкоторые хотятъ учиться ремеслу, такъ что современемъ мы сможемъ устроить ремесленную колонію (здѣсь есть одна земледѣльческая и одна ремесленная колонія нѣмецкія, и обѣ процвѣтаютъ) и изли-

шекъ приходовъ надъ расходами мы будемъ употреблять въ пользу дѣла. Впрочемъ, наши дѣла такъ запутаны, что я самъ не знаю, что будетъ съ нами даже черезъ нѣсколько недѣль; я только знаю, что готовъ тѣломъ и душою быть полезнымъ предпринятому дѣлу, но вѣдь безъ презрѣннаго металла далеко не уйдешь.

Наши 5 человѣкъ со времени раздѣленія партіи не имѣютъ никакихъ доходовъ, такъ какъ мы работаемъ на Неттеровской колоніи, а между тѣмъ на квартиру и на другіе расходы нужны деньги. Вы спросите, гдѣ беремъ ихъ? Одалживаемъ и беремъ въ лавкахъ въ кредитъ. Но чѣмъ уплатить? Это пока великая тайна.

...Работа наша въ Микве-Израиль была довольно однообразная (говорю „была", потому что я пока не работаю): мы работали только въ огородахъ и виноградникахъ, вскапывали землю, выбирали изъ земли траву и корни (по-русски эта послѣдняя работа называется „полоть") и т. п. Каждая работа имѣетъ, навѣрное, особенное названіе, но я не знаю этихъ названій.

7 (19) ноября.—Какъ извѣстно, въ Константинополѣ находились члены Центральнаго Бюро; на ихъ обязанности лежало—ждать пріѣзда каждой партіи харьковскаго кружка, отправлять ее дальше въ Яффу, снабдивъ членовъ всѣми нужными документами. Сначала предполагали, что въ теченіе не болѣе одного мѣсяца всѣ члены кружка пріѣдутъ сюда, а въ ихъ числѣ и члены Центральнаго Бюро, которое тогда перестаетъ существовать и члены котораго дѣлаются „простыми" членами. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ нерѣдко располагаетъ. Вмѣсто сотенъ человѣкъ, о которыхъ мечтали, пріѣхали пока человѣкъ 20; константинопольцы почему-то не нашли еще своевременнымъ оставить Стамбулъ, не смотря на то, что пребываніе ихъ здѣсь было бы гораздо полезнѣе. Большая часть нашей партіи протестовала противъ безполезнаго пребыванія членовъ бюро въ Константинополѣ и требовала или немедленнаго ихъ исключенія, или же пріѣзда ихъ сюда, на что меньшинство не соглашалось, потому что увѣровало во всемогущество членовъ бюро. Вотъ главная причина царившихъ у насъ несогласій. Но въ послѣднее время рѣшили ихъ (делегатовъ) исключить и прервать съ ними всякія сношенія, а разъ шагъ этотъ сдѣланъ, меньшинство согласилось на рѣшеніе большинства, и у насъ опять воцарятся миръ и согласіе—вещи, которыя такъ необходимы во всякомъ дѣлѣ и особенно въ нашемъ.

...Всѣ мы работаемъ пока въ Неттеровской колоніи, получая полтора франка за 7 рабочихъ часовъ въ день.

№ 6. Яффа. 24 ноября (6 декаб.) 1882 г.

... Изъ того моего письма, гдѣ я писалъ о раздѣленіи нашей партіи, ты, вѣроятно, напечаталъ кое-что въ „Хроникѣ",

и г. Ландау, этотъ извѣстный противникъ великой нашей идеи, не преминулъ, конечно, воспользоваться этими свѣдѣніями для того, чтобы замарать насъ и то дѣло, за которое мы взялись [1]). Если это такъ, то это въ высшей степени нежелательно: пострадаемъ не только мы, но и наше дѣло. На насъ были обращены взоры всей нашей молодежи, отъ насъ очень многаго ожидали,—и что же? Гора родила мышь. Ссоры, раздоры, мелочи и въ концѣ концовъ разъединеніе. Какой позоръ! Какой страшный ударъ! И по поводу перваго напечатаннаго отрывка мы получаемъ письма отъ разныхъ лицъ; содержаніе всѣхъ этихъ писемъ одно и то же: сору изъ дому не нужно было вынести. Сколько же шуму и неудовольствія надѣлаетъ извѣстіе, что интеллигентная партія „Билу" распалась! Мы хотѣли держать это втайнѣ. Но разъ ты уже напечаталъ объ этомъ, я отчасти радъ.

И знаете-ли, дорогіе, кто виноватъ во всемъ этомъ? Только наши делегаты или представители. Всѣ наши жили бы мирно, тихо, работали бы въ Неттеровской колоніи до того времени, пока пріобрѣли бы какимъ нибудь образомъ участокъ земли, и тогда они бы устроили дѣйствительно образцовую колонію, потому что всѣ члены нашей партіи все-таки хорошіе, честные люди, пожертвовавшіе своимъ отъѣздомъ очень многимъ; словомъ, была бы тишь, да гладь, да Божья благодать, еслибы не представители партіи, какъ находившіеся и находящіеся здѣсь, такъ и находящіеся въ Константинополѣ, но особенно первые. Одни попортили наше дѣло тѣмъ, что имѣли неосторожность поссориться чуть-ли не со всей нашей печатью, особенно съ Розенфельдомъ, а другіе—здѣшніе—еще больше испортили, и за ихъ глупость и честолюбивыя стремленія поплатимся мы и наше дѣло... Всего было здѣсь три представителя: Сан-кій, А. Л-цъ и Б... Я говорю „было", потому что теперь остался только Б. С-кій уѣхалъ въ Константинополь, въ центральное бюро, потому что его никто не терпѣлъ: онъ, мальчишка, требовалъ къ себѣ уваженія, обращался свысока съ „простыми" членами, ничего не сообщалъ изъ того, что дѣлается или что думаютъ дѣлать, что пишутъ изъ центральнаго бюро. На его мѣсто пріѣхалъ нѣкій Л-цъ, который оказался не лучше своего предшественника и, пробывъ здѣсь мѣсяца три, совсѣмъ оставилъ Палестину—не знаю, навсегда-ли, или только на время. Грустно и смѣшно! Гг. С-скій и Л-цъ, какъ только сдѣлались представителями одной маленькой партіи, уже вздумали сдѣлаться неограниченными властелинами. А между тѣмъ эти самые люди, безъ сомнѣнія, проповѣдывали въ Россіи: „свободу, равенство и братство"...

[1]) Кромѣ вышеуказаннаго отрывка (письмо № 3), въ „Хроникѣ Восхода" изъ этихъ первыхъ писемъ ничего не было помѣщено, и тайна внутренняго раскола „Билу" не была раскрыта въ большей мѣрѣ, чѣмъ это допускалось въ тогдашней печати.—*С. Д.*

... Вотъ уже 5—6 недѣль, какъ я не работаю на полѣ и почти совсѣмъ свободенъ. Я каждый день ухожу въ городъ, покупаю провизію. Насъ теперь только трое: я, Б. и сестра его. Живемъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ, въ которой прежде жили впятеромъ. Братъ Б. и другая барышня уѣхали недавно въ Іерусалимъ: одинъ для поступленія въ кузнечную мастерскую, а другая думала поступить учительницей въ школу Ротшильда или Alliance. Одинъ изъ нашихъ уже учится у токаря, а я думаю поступить къ столяру. Къ сожалѣнію, я не воспользовался этимъ свободнымъ временемъ: я бы могъ имѣть даровые уроки по языкамъ нѣмецкому, французскому и англійскому у такихъ господъ, у которыхъ эти языки—родные; постараюсь въ Іерусалимѣ побольше заниматься иностранными языками.

... Что новаго въ Россіи, въ Питерѣ и въ Европѣ? Сегодня мнѣ случайно пришлось прочесть 44 № „Разсвѣта". Съ особеннымъ удовольствіемъ я прочелъ статью: „Голосъ русской еврейки". Не знаете-ли вы, кто она и ея адресъ? Здѣсь, кромѣ „Гамагида", я ничего не читаю, но въ Іерусалимѣ буду читать и русско-еврейскія газеты, а можетъ быть и общія.

№ 7. Яффа. 15 (27) декабря 1882 г.

... Не отвѣчалъ я вамъ потому, что просто некогда и негдѣ было. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія двѣ недѣли у насъ случилось много новаго, хотя, по правдѣ говоря, мы этого ожидали. Какъ вы знаете, наша партія раздѣлилась на два лагеря уже давно, но въ виду того, что у насъ общіе интересы, одна и та же цѣль, ждемъ помощи изъ одного и того же мѣста; въ виду того, что мы хотимъ служить образцомъ, примѣромъ, и въ виду многихъ другихъ обстоятельствъ,—мы принуждены были опять соединиться въ одинъ союзъ. Останется-ли Б. представителемъ нашей партіи, или нѣтъ—пока неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, онъ принужденъ будетъ сдѣлать огромныя уступки. Съ завтрашнимъ пароходомъ должны пріѣхать члены центральнаго бюро, Берлявскій и какой-то агрономъ или инженеръ, нѣкій Мееровичъ. Изъ Константинополя намъ писали изъ центральнаго бюро, что они, т. е. члены бюро, для насъ купили въ колоніи Ришонъ-ле-Ціонъ 100 десятинъ земли за 8000 руб. (въ Р. Лец. земля дороже, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, потому что Левонтинъ, купившій эту землю, по неопытности, платилъ дорого) съ тѣмъ, чтобы половина денегъ была уплачена теперь, а другая половина въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Вѣрно-ли это, узнаю завтра.—Вотъ уже больше недѣли, какъ мы перебрались въ Ришонъ-ле-Ціонъ, не потому, чтобы мы были вполнѣ увѣрены въ томъ, что для насъ куплена земля членами центральнаго бюро, а потому, что Гиршъ, директоръ Микве-Израиль, гдѣ мы до сихъ поръ работали, велѣлъ намъ туда перейти.

Помощь Alliance Israelite пока ограничивается постройкой двухъ домовъ въ 2000 франковъ (800 р.) каждый и покупкой для насъ всѣхъ нужныхъ инструментовъ. По нѣкоторымъ причинамъ, постройка домовъ не можетъ немедленно же начаться, но не позже чѣмъ черезъ два мѣсяца они будутъ готовы. Уже сдѣланы для насъ всѣ нужные инструменты и куплены двѣ пары арабскихъ лошадей за 480 рублей, сѣмена для посѣва и кормъ для лошадей. Чтобы имѣть квартиру, гдѣ жить, мы начали строить балаганъ изъ досокъ, который завтра или послѣ завтра будетъ готовъ. Этотъ балаганъ обойдется Allianceу также въ нѣсколько сотъ рублей, потому что тамъ будетъ комната для насъ, отдѣленіе для арабовъ, которые будутъ строить наши дома, и отдѣленіе для нашихъ лошадей. Пока мы помѣщаемся въ одной комнаткѣ у одного нашего знакомаго колониста. При каждомъ домѣ полагается огородъ въ полторы десятины. Одна часть нашихъ членовъ (въ томъ числѣ и я) строитъ балаганъ, а другая обрабатываетъ огородъ и уже приступила къ полевымъ работамъ. Вы, можетъ быть, удивляетесь, какъ это мы приступили къ полевымъ работамъ, не имѣя еще земли; но дѣло вотъ въ чемъ: если для насъ дѣйствительно куплена земля, то мы слѣдовательно обрабатываемъ нашу собственную землю; если нѣтъ, то г. Левонтинъ даетъ намъ въ аренду землю на выгодныхъ условіяхъ: только одна пятая дохода отъ земли принадлежитъ ему. Кстати о Левонтинѣ. Онъ, кажется, очень честный человѣкъ и преданъ идеѣ возрожденія евреевъ. Онъ для насъ много сдѣлалъ, потому что въ Ришонъ ле-Ціонѣ нашлись такіе, которые ни за что не хотѣли принять насъ; но благодаря стараніямъ Левонтина и другихъ благоразумныхъ людей, мы останемся тамъ. До перваго урожая Alliance, кажется, будетъ содержать насъ на свой счетъ, потому что разъ онъ пошелъ въ драку, онъ не пожалѣетъ хохла; но тѣмъ не менѣе намъ нужны большія деньги на покупку земли. Впрочемъ, мы надѣемся, что мы получимъ ихъ, эти деньги: мы письменно обратились въ нѣкоторые города съ просьбою не оставить нашу партію безъ помощи.

Итакъ, наша цѣль отчасти достигнута: мы уже въ колоніи, если не въ своей собственной, какъ прежде это думали, то все-таки мы уже не поденные рабочіе и, безъ сомнѣнія, у насъ будетъ собственная земля. Какое величественное зрѣлище! Молодые, здоровые люди, довольно интеллигентные, работаютъ на чистомъ воздухѣ, на полѣ, съ сохой и плугомъ въ рукахъ, и гдѣ? на родной нашей землѣ. Колонисты Ришона также полуинтеллигентные люди: есть между ними сынъ богатыхъ родителей, Файнбергъ, который учился въ университетѣ, а теперь работаетъ цѣлый день на полѣ. Вообще я глубоко вѣрю, что идея перейдетъ изъ области фантазіи въ область дѣйствительности. Дай Богъ, чтобы я

и впредь продолжалъ вѣрить въ достиженіе нашей великой цѣли.

Вы, вѣроятно, уже понимаете, почему я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ: мы всѣ находились въ одной комнаткѣ, такъ что рѣшительно не было никакой возможности взяться за перо. Но теперь я опять на нашей старой квартирѣ, гдѣ еще остались наши барышни въ ожиданіи, когда будетъ готовъ балаганъ, и я пользуюсь случаемъ, чтобы написать вамъ. Нахожусь я здѣсь, а не въ Ришонѣ, потому что на дняхъ ѣду въ Іерусалимъ съ тѣмъ, чтобы поступить къ ремесленнику. Вмѣстѣ со мной поѣдетъ туда съ той же цѣлью еще одинъ изъ нашей партіи.

Причинъ, заставляющихъ меня оставить нашу колонію въ то время, когда мы болѣе или менѣе пристроены, послѣ того, что мы работали въ „Микве-Израиль",—много. Главная причина та, что я не хочу сейчасъ же прикрѣпиться къ землѣ; это всегда возможно. Но еслибы члены нашей партіи вполнѣ нравились мнѣ, я бы пожертвовалъ своимъ желаніемъ; теперь же я этого не сдѣлаю. Противъ моего отъѣзда въ Іерусалимъ высказались уже нѣкоторые, и очень можетъ быть, что если найдется большинство, не согласное съ моимъ отъѣздомъ, то я буду исключенъ изъ партіи. Но не велика бѣда. Будучи ремесленникомъ, я себѣ найду партію, къ которой я бы могъ присоединиться. Противъ моего отъѣзда тѣ господа, которые думаютъ только о самоустройствѣ;... тѣ же, которые хорошо понимаютъ нашу цѣль, состоящую въ томъ, чтобы пропагандировать нашу идею и быть ей полезными чѣмъ только возможно, вполнѣ одобряютъ мой отъѣздъ.

Теперь о томъ, какъ и на чей счетъ будемъ жить въ Іерусалимѣ. Тамъ основалось общество, котораго конечная цѣль—возрожденіе евреевъ; Пинесъ—членъ этого общества. Общество это стремится къ достиженію своей цѣли разными средствами. Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ,что оно отдаетъ молодыхъ людей къ ремесленникамъ, содержитъ ихъ все время ученія на свой счетъ, а когда тѣ выучиваются ремеслу, общество даетъ всѣ инструменты, нужные для устройства мастерскихъ. Такъ оно уже устроило мастерскую для одного молодого человѣка (не изъ нашей партіи); одинъ изъ нашей партіи уже больше двухъ мѣсяцевъ учится у токаря, а на дняхъ я и еще одинъ изъ нашей партіи поѣдемъ въ Іерусалимъ. На этихъ дняхъ былъ здѣсь Пинесъ, я былъ у него, и онъ обѣщалъ мнѣ сейчасъ по отысканіи для насъ ремесленника и квартиры телеграфировать. Завтра ждемъ телеграммы.

В.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Матеріалы и сообщенія.

Податныя заявленія Луцкой общины въ 1648 г.

Въ нижеслѣдующихъ двухъ документахъ, взятыхъ изъ Центральнаго Архива при Кіевскомъ университетѣ, содержатся „протестація" представителей еврейской общины въ Луцкѣ о томъ, что податные сборщики-поляки не пожелали принять причитающуюся съ общины сумму „жидовскаго подымнаго" сбора, установленнаго рѣшеніемъ предыдущаго сеймика. Эти заявленія пріобрѣтаютъ особенное значеніе благодаря своей датѣ. Это было въ августѣ страшнаго 1648 года, когда разъяренные казацкіе отряды Хмѣльницкаго истребляли на Украинѣ и Волыни поляковъ и евреевъ. Налогъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ чрезвычайный, введенный для нуждъ войны, и тѣ мотивы отказа въ принятіи сбора отъ евреевъ, которые указаны въ обоихъ документахъ (насколько они выясняются изъ дефектнаго текста: отсутствіе главнаго сборщика вслѣдствіе военныхъ тревогъ, нежеланіе сборщика принять половину сбора)—кажутся недостаточными, если не допустить, что здѣсь играли роль нелады между поляками и евреями города Луцка. Мы знаемъ, что даже объединенные общею бѣдою и обороняясь вмѣстѣ противъ казаковъ, поляки однако во многихъ случаяхъ проявляли свои старыя юдофобскія наклонности. Можетъ быть, однимъ изъ такихъ проявленій была Луцкая распря.

№ 1 (20 августа 1648 г.).

Протестация од жыда збору рабанского Езеранъского противъко его мл. пану Анъдреви Еловицъкому.

Року тысеча шестсот чотырдесят осмого, м-ца Августа двадцатого дня

На вряде кгродском, въ замку Луцъком, передо [мною] Яномъ Чаплынъским, буръкграбимъ Луцъким, ставшы очевисто неверный Аронъ Абрамовичъ жыд збору Рабанъского Езеранъского, маетности превелебного его мл. ксендза Мукосея Баковецъкого епископа Володимерского, именем тогож збору всего свядчил и протестовалсе противъко урожоному его мл. пану Енъдреееви Еловицъкому, поборцы воеводства волынского, о то: ижъ его мл. Лявъдо *) публико прошлого сеймику въ року теперешънем,

---

*) Lauda—постановленіе сеймика. Въ этихъ актахъ нерѣдко встрѣчаются актовые термины латинскіе въ русской транскрипціи.—*Ред.*

будучи депутованый на екзакцию подымного жыдовского от менованого протестанта именемъ збору своего подымне шестеро зъ девети дымовъ, то ест золотых двадцатъ и сем, оддаваючого одберати не хотелъ, а помененый манифестансъ яко на термине первъшом, то ест зъ лявъдумъ прыпадаючым, готовъ былъ чекаючы тут въ Луцъку оддавати; але иж для трывогъ и не безъпеченъства значъного такъ самъ его мл. панъ поборца яко и инъшые всѣ зъ места Луцъкого розехалис, теды для тое прычыны нижъ не могълъ менованого подымного оддати на тот час с тоеюжъ готовостю прыехавшы и оддати готовъ будучи ижъ его мл. панъ поборца одберати не хотелъ передо мною у **) . . . . цатъ и семъ квитового золотых пултора у мене у . . . . . вестро зоставилъ самому его мл. пану поборцы абым . . . ручъный оддалъ перестерегаючы въ тэмъ инъдемни . . . . . етъ мету пенарум такъ то декляровалъ, что абы . . . . . . игъ было прынято и записано просил. Што отрымалъ.

Книга Кіев. Центр. Архива № 2490, съ 1267, актъ 0.

№ 2 (20 августа 1648 г.).

Манифестация жыдовъ збору Рабанъского Луцких противко п-ну Еловицкому.

Року тысеча шестсотъ чотырдесятъ осмого, м-ца авъгуста двадцатъ первого дня.

На вряде кгродском в замку Луцъком передо мною Янем Чаплинъским буркграбим и наместником староства Луцкого, становъши очевисто неверный Фанвел Школникъ и жыд збору Рабанъского Луцкого именем тогож збору Луцкого, манифестацию свою занесъ противъко урожоному его мл. пну Анъдреви Еловицъкому, поборцы воеводства Волынского, о то: ижъ онъ именем збору своего Луцъкого двое подымное лявдо публико воеводства Волынъского на сеймику прошлом в року теперешънем тысеча шестсотъ чотырдесятъ осмого перед конъвокациею на оборону Речы Посполитое ухваленное, то естъ золотых деветъдесятъ деветъ, водлугъ квитовъ своих старых его мл. пану поборцы на час в лявъдум назначоный готовъ был, яко инъ темпоре такъ и на тот час кум манифестационе, иж его мл. улътра лявдум свой часе подымного, которого полова вигоре лявъди его мл. пану Домбровъскому належитъ отдати и де факто одличивши квитъ отрымати; але иж его мл. панъ поборца безъ того другого двойга подымного, которое оддано его мл. пану Домбровскому, брати не хочетъ,—теды осведъчивъшисе манифестанъсъ де дилигенъцыя суе перестерегиваючи целости збору своего, абы не был пенованый, тую суму двойга подымного золотых деветъдесятъ девятъ, передо мною урядом презенътовал и оную у мене на вряде зоставил, готовъ ее будучи каждого часу за реквизыциею его мл. пана поборцы оддати. Что я вряд до секъвестру своего прынявъшы, то все до книгъ записати казалом, што естъ записано.

Книга Кіев. Центр. Архива. № 2490, л. 1260, актъ 2.

Сообщ. **И. Галантъ**.

---

*) Пробѣлъ въ подлинникѣ, какъ и въ дальнѣйшемъ.

Пѣсенка про „еретика" Лиліенблюма (1868).

Въ своей „Исповѣди" (Chatat Neurim) М. Л. Лиліенблюмъ изобразилъ тѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергался въ своемъ родномъ городѣ Вилькомирѣ, когда мѣстные обскуранты узнали о его вольнодумствѣ и о томъ, что онъ въ „Гамелицѣ" (1868 г.) требуетъ реформы „Шулханъ-аруха". Къ этому времени относится приводимыя ниже строфы изъ „народной" пѣсенки, сложившейся въ Вилькомирѣ и содержащей грубую брань противъ „страшнаго еретика". Мы слышали ее въ Вилькомирѣ, отъ мѣстнаго раввина, въ началѣ 70-хъ годовъ.

Hör, du grober Bonder [1]),
Wos ich well dir sogen,
Kenst sich gehn zum Jonder [2]),
Oib du willst auf mich klogen.

Wer hot dich gebeten,
Zu reformiren dem „Schulchon
Oruch",
Matir zu machen in die Gazeten
Zu essen Kischke mit Zworech [3])?

* * *

Mir welen dich in Ketten
schmieden,
Wie far dir steht on;
Mir welen bleiben ehrliche Jüden,
Un du—пошелъ вонъ!

הער דו גראבער באנדער [1]),
װאם איך װעל דיר זאגען ,
קענסט זיך געהן צום זשאָנדאר ! [2])
אויב דו װיללסט אויף מיך קלאָגען .

װער האט דיך געבעטען
צו רעפאָרמירען דעם שלחן ערוך ,

מתיר צו מאכען אין די גאזעטען
צו עסען קישקע מיט צװאָריך [3]) ?

* * *

מיר װעלען דיך אין קעטען שמידען ,

װי פאר דיר שטעהט אָן .
מיר װעלען בלייבען ערליכע אידען
און דו פאַשאָל װאָן !

---

[1]) Отецъ Лиліенблюма занимался въ Кейданахъ одно время бондарнымъ ремесломъ.

[2]) Жондеръ—Жандармъ.

[3]) Творогъ.

Сообщ. **М. Троцкій.**

Критика и библіографія.

Евреи въ великорусской частушкѣ.

Частушки составляютъ въ настоящее время самый распространенный, почти единственный, видъ русскаго народнаго творчества. Въ мѣткой и краткой формѣ, въ большинствѣ случаевъ на пространствѣ какого-нибудь четырехстишія, а нерѣдко ограничиваясь только двухстишіемъ, слагатели частушекъ образно выражаютъ въ нихъ какую-либо опредѣленную мысль или душевное движеніе, приковывающія въ данный моментъ вниманіе народа.

И вотъ казалось-бы, что въ этихъ пѣсенкахъ или прибауткахъ, по современному положенію вещей, должно быть отведено подобающее мѣсто и евреямъ. Однако изданный въ концѣ прошлаго года (Комиссіей по народной словесности при Этнографическомъ отдѣлѣ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи) сборникъ великорусскихъ частушекъ [1]) совершенно разочаровываетъ насъ въ этомъ отношеніи. Въ сборникѣ приводятся 6020 частушекъ—и среди нихъ только 6, въ которыхъ говорится о евреяхъ,—процентъ очень низкій, явно показывающій, что еврей, несмотря на всѣ старанія дѣятелей извѣстнаго лагеря, еще не составляетъ такой постоянной фигуры въ образцахъ русской народной поэзіи, какою онъ являлся въ теченіе среднихъ вѣковъ на Западѣ.

Можно возразить, что это объясняется отчасти тѣмъ, что частушки собраны въ мѣстахъ, находящихся внѣ черты еврейской осѣдлости. Но этотъ взглядъ опровергается, во-первыхъ, тѣмъ, что евреи въ большемъ или меньшемъ числѣ живутъ повсемѣстно въ Россіи, а во-вторыхъ тѣмъ, что тѣ великорусскія губерніи, гдѣ евреи встрѣчаются чаще, какъ напр. Курская, не дали ни одной еврейской частушки, между тѣмъ какъ еврейскіе сюжеты встрѣчаются среди частушекъ, собранныхъ въ губерніяхъ, гдѣ евреи составляютъ въ общемъ крайнюю рѣдкость, какъ напр. въ Енисейской.

Что касается до фабулы еврейскихъ частушекъ, то онѣ въ общемъ поражаютъ своей безцвѣтностью и безсодержательностью. Только въ двухъ изъ нихъ замѣчается нѣкоторая тенденціозность, навѣянная, безъ сомнѣнія, извнѣ. Такъ въ Новгородской губерніи поютъ (990):

Вотъ по нашей по деревенкѣ
Иди и не дыши,
По краямъ живутъ евреи,
По срединѣ латыши.

---

[1]) Сборникъ великорусскихъ частушекъ. Подъ редакціей Е. Н. Елеонской. Москва. 1914. XXVII+539 стр. 8°. Цѣна 2 р.

Тамъ же записана слѣдующая частушка (868), смыслъ которой не легко разгадать, тѣмъ болѣе, что народъ не всегда гонится за смысломъ и нерѣдко готовъ имъ пожертвовать ради краснаго словца:

Моя маменька, еврейка,
Не научитъ на добро.
Дала мѣдную копѣйку
Размѣнять на серебро.

Въ остальныхъ четырехъ частушкахъ проглядываетъ болѣе или менѣе эротическій элементъ, который вообще преобладаетъ въ сборникѣ. Такъ изъ Архангельской губерніи сообщены двѣ частушки, составляющія только незначительныя варіаціи на одну и ту же тему, рисующую въ неприглядномъ видѣ внѣшность еврея въ противоположность красотѣ еврейки. Первая гласитъ (322):

Жала въ полюшкѣ овесъ,
Еврей евреечку провезъ;
Еврей небѣлаго лица,
Евреечка—красавица.

По смыслу ей вполнѣ соотвѣтствуетъ вторая (337):

Черезъ рѣчку, черезъ мостъ,
Еврей еврейку перевезъ;
Еврей—нечистаго лица,
Евреечка—красавица.

Наконецъ, въ сборникѣ имѣются еще двѣ частушки, близкія другъ другу по замыслу, но записанныя одна въ Енисейской, а другая въ Иркутской губерніи. Въ первой (5738) поется:

Милочка, евреечка,
Скажи, которо времечко.
—Времечко девятый часъ,
Идемъ на станцію сичасъ.

Вторая-же (5982) гласитъ:

Танечка, евреечка,
Скажи-ка, сколько времечка?
Времечка маленечко,
Люби-ка хорошенечко!

Не проглядываетъ-ли въ этихъ двухъ послѣднихъ частушкахъ вліяніе жрицъ свободной любви еврейскаго происхожденія, имѣющихъ по закону полный доступъ повсюду на Руси и попадающихъ часто и въ Сибирь?

Вотъ и все. Въ заключеніе, я хотѣлъ-бы еще только указать на характерную особенность, заключающуюся въ томъ, что нигдѣ въ сборникѣ нѣтъ слова „жидъ", а вездѣ употребляется „еврей". Не говоритъ-ли это въ пользу того взгляда, что выраженіе „жидъ" является дѣйствительно браннымъ и употребляется русскимъ простонародьемъ только тогда, когда еврей выставляется въ неприглядномъ свѣтѣ?

С. Вайсенбергъ.

Научно-литературная хроника.

Б. А. Тураевъ. Исторія древняго Востока. Курсъ, читанный въ Спб. Университетѣ. 2-е исправ. и иллюстр. изданіе. Части 1—2. Спб. 1913-14 (367+412 стр.).

Въ русской научной литературѣ не было до послѣдняго времени ни одного крупнаго труда по исторіи древняго Востока, если не считать перевода книги Масперо въ ея устарѣломъ краткомъ изданіи. Не переведены до сихъ поръ ни классическій пятитомный трудъ Эдуарда Мейера „Geschichte des Altertums", ни отдѣльныя большія монографіи (напр. двухтомная книга Tiele, Babylonisch-assyrische Geschichte и т. п.). Такимъ образомъ опубликованный впервые нѣсколько лѣтъ назадъ университетскій курсъ проф. Тураева явился первымъ на русскомъ языкѣ общимъ руководствомъ для изученія исторіи древняго Востока, соотвѣтствующимъ современному состоянію этой науки. Недавно законченное 2-е изданіе содержитъ рядъ дополненій на основаніи открытій и изслѣдованій послѣднихъ лѣтъ.

Какъ пособіе для изученія исторіи древняго Востока, книга русскаго оріенталиста въ общемъ удовлетворительна: даны подробныя свѣдѣнія о развитіи этой многообѣщающей науки, вскрывающей основы древней цивилизаціи, изложена обстоятельно исторія двухъ главныхъ центровъ этой цивилизаціи—Египта и Ассиро-Вавилоніи, а также находящихся между ними странъ Передней Азіи—Сиріи и Финикіи. Нѣсколько обдѣлена исторія Израиля — количественно малая, но качественно весьма важная величина въ исторіи древняго Востока. Въ первомъ томѣ она не выдѣлена въ особую главу, а вкраплена малыми частицами въ исторію Ассиріи и Египта, безъ попытки освѣтить ходъ развитія Израиля въ эпоху завоеванія Ханаана и первыхъ царей. (Не объясняется-ли это желаніемъ обойти „проклятые вопросы" библейской науки?). Во второмъ томѣ политическая исторія Израиля также теряется въ общемъ ходѣ изложенія (стр. 32—33, 38—39, 64, 69, 117—120), и только для духовной эволюціи народа здѣсь выдѣлены три небольшія главы: „Пророческое движеніе" (II, стр. 92—104) и „Іудейство" (260—275 и 396—406). Въ первой охарактеризованы пророки отъ Амоса до Іереміи, а во второй — пророки эпохи вавилонскаго плѣненія и персидскаго владычества, въ связи съ политическими обстоятельствами. Авторъ здѣсь слѣдуетъ по стопамъ Эд. Мейера (въ его монографіи „Entstehung des Judentums", 1896) и раздѣляетъ общій взглядъ историковъ-богослововъ, что со времени персидскаго владычества Іудея превратилась въ „религіозную общину", не замѣчая національно-политическихъ элементовъ подъ пластомъ теократіи.

Въ замыкающей книгу главѣ о „іудействѣ" въ греко-римскую эпоху г. Тураевъ освѣщаетъ политическія событія въ духѣ „римской государственности" Момзена, а религіозныя—

въ духѣ христіанской апологетики. Для него зелоты („зилоты", какъ онъ пишетъ), эти борцы за свободу Іудеи, являются и безумными бунтарями, поведеніе которыхъ оправдываетъ расправу Рима съ Іудеей, и „яростными преслѣдователями христіанства не только у себя дома, но и во всей имперіи" (II, 400); при этомъ авторъ упускаетъ изъ виду, что зелотизмъ уже угасалъ, когда началось распространеніе христіанства въ имперіи и что внѣ Іудеи онъ вообще не игралъ никакой роли. Съ этой точки зрѣнія, конечно, „законничество было причиною гибели іудейства" (400) и т. д., чему доказательствомъ могутъ служить извѣстные разсказы Евангелія и посланія апостола Павла. Допуская критику „Ветхаго завѣта", авторъ остается на почвѣ научной неприкосновенности новозавѣтной письменности.

Къ достоинствамъ разсматриваемой книги слѣдуетъ причислить приводимыя въ различныхъ отдѣлахъ цитаты изъ древнихъ памятниковъ, изъ которыхъ для еврейской исторіи имѣютъ особенное значеніе надписи Тель-Амарны XV вѣка (I, 316—21) и арамейско-египетскіе папирусы V вѣка дохрист. эры (II, 219, 273 сл.). Сильно затрудняетъ справку въ книгѣ отсутствіе именного и предметнаго указателя, необходимаго ключа для оріентировки въ историческомъ трудѣ съ такимъ пестрымъ содержаніемъ.

(С. Д.)

Weissmann. Talion und öffentliche Strafe im mosaischen Rechte, (Festschrift für Adolf Wach, Lpz. 1913, I, 1—100).

Небольшое, но весьма содержательное изслѣдованіе библейскаго уголовнаго права принадлежитъ на этотъ разъ перу свѣдущаго юриста, —явленіе довольно рѣдкое, такъ какъ еврейской юриспруденціей до сихъ поръ больше занимались богословы, еврейскіе и христіанскіе, чѣмъ юристы. Вейсманъ (профессоръ университета въ Грейфсвалдѣ) прекрасно овладѣлъ библейскимъ матеріаломъ, данными библейской науки и критики, но незнакомство его съ Талмудомъ даетъ себя чувствовать, хотя задача его изслѣдованія ограничивается рамками библейской эпохи. Моисеево законодательство авторъ разсматриваетъ съ эволюціонной точки зрѣнія, согласно новѣйшимъ даннымъ библейской критики, и различаетъ въ немъ три стадіи: Книгу союза, Второзаконіе и Священническій Кодексъ. Широко онъ также пользуется сравнительнымъ методомъ, черпая для этого матеріалъ въ законахъ Хаммураби, мусульманскомъ и древне-германскомъ правѣ. Центральная мысль изслѣдованія—опроверженіе распространеннаго мнѣнія, будто идея возмездія или таліона есть основной принципъ или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ основныхъ принциповъ наказанія въ Библіи. Авторъ доказываетъ, что таліонъ при тѣлесныхъ поврежденіяхъ („око за око"), равно какъ и кровная месть за убійство въ ея первоначальной стадіи (до созданія института городовъ-убѣжищъ), носитъ такой же частный характеръ, какъ напримѣръ возмѣщеніе убытковъ, и имѣетъ своей цѣлью исключительно удовлетвореніе потерпѣвшаго. Позднѣе, и притомъ независимо отъ идеи таліона, у евреевъ появляется институтъ публичнаго наказанія, дѣйствующій именемъ общества и религіи и оставляющій въ сторонѣ интересы потерпѣвшаго. Въ основу этого института положены идеи „истребленія зла", очищенія страны отъ грѣха, устрашеніи, но не идея возмездія, которая была отброшена еврейскимъ правомъ при переходѣ отъ частнаго наказанія къ публичному.

(Ф. Дикштейнъ).

L. Blau. Die jüdische Ehescheidung und der jüdische Ehescheidebrief. Eine historische Untersuchung. Strassburg, 1912 г. (2 части, 80+116 стр.).

Отъ прежнихъ работъ въ этой области книга отличается широкимъ использованіемъ новѣйшихъ матеріаловъ, какъ то папирусовъ, клинообразныхъ письменъ, кодекса Хаммураби, недавно открытой „цадокитской" рукописи (Шехтера), и примѣненіемъ историко-сравнительнаго метода. Главнѣйшія оригинальныя гипотезы, которыя авторъ проводитъ въ этомъ сочиненіи, остаются неубѣдительными, несмотря на талантливую аргументацію. Неправильно толкуетъ Блау извѣстную контраверзу между школами Шаммая и Гиллеля о поводахъ къ разводу. Контраверза эта имѣла, по его мнѣнію, не этическій, а юридическій характеръ. При этомъ въ эпоху названныхъ школъ разводъ могъ быть совершенъ не иначе, какъ по рѣшенію суда, который входилъ въ оцѣнку поводовъ къ разводу: если судъ руководился мнѣніемъ шаммаитовъ (наиболѣе распространеннымъ въ послѣдній вѣкъ передъ разрушеніемъ Іерусалима), то допускалъ разводъ только въ случаѣ доказанности измѣны жены; если же судъ держался взглядовъ школы Гиллеля, то разрѣшалъ разводъ и по другимъ поводамъ, но опять таки только въ томъ случаѣ, если признавалъ ихъ уважительными. По исторической схемѣ Блау получается, что въ дѣлѣ развода у евреевъ первоначально господствовалъ полнѣйшій произволъ мужа, затѣмъ этотъ произволъ постепенно ограничивался, пока во время господства школы Шаммая для развода остался лишь одинъ уважительный поводъ—прелюбодѣяніе; потомъ движеніе вдругъ пошло вспять и, послѣ побѣды гиллелитовъ и крайняго выразителя ихъ взглядовъ – Акибы, пришло къ своей исходной точкѣ—ничѣмъ неограниченной свободѣ разводовъ. Искусственность такого построенія очевидна, и выводы Блау могутъ быть опровергнуты многими фактическими данными. Разводъ въ эпоху названныхъ школъ совершался большей частью безъ содѣйствія суда. Споръ этихъ школъ о поводахъ къ разводу не имѣлъ юридическаго значенія въ томъ смыслѣ, что разводъ безъ законнаго повода недопустимъ; здѣсь рѣчь шла только о нравственномъ предписаніи—не злоупотреблять своимъ правомъ развода, а пользоваться имъ лишь при наличности уважительнаго повода. Во второй части книги авторъ прослѣживаетъ эволюцію текста разводнаго письма отъ V вѣка до хр. эры (элефантинскіе папирусы) до нашихъ дней, реконструируетъ разводныя формулы библейской эпохи, различія въ редакціяхъ палестинскихъ и вавилонскихъ разводныхъ писемъ,—вообще даетъ много интереснаго въ этой области. Въ результатѣ онъ констатируетъ беспримѣрную устойчивость и сохраняемость формулъ въ разводныхъ актахъ въ теченіе тысячелѣтій, и приходитъ къ заключенію, что изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ юридическихъ актовъ наиболѣе глубокой древностью по содержанію и формѣ отличается еврейское разводное письмо.

(**Ф. Дикштейнъ**).

Heinrich Friedjung. „Oesterreich von 1848 bis 1860", I Band, 4 Aufl. 1914, Stuttgart u. Berlin.

Послѣ мартовскихъ дней 1848 г. Австрія лишь на короткое время пріобщилась къ либерализму революціоннаго года. 4 марта 1849 г. была отмѣнена выработанная Учредительнымъ собраніемъ въ Кремзирѣ конституція и была введена новая „октроированная", всё еще либеральная конституція. Ея либерализмъ и обрекъ ее на смерть. 31 декабря 1851 г.

появился императорскій патентъ, коимъ былъ введенъ въ Австріи абсолютизмъ, всевластно господствовавшій въ странѣ въ теченіе 9 лѣтъ и приведшій имперію къ катастрофѣ при Сольферино. Проектъ этого патента или, вѣрнѣе сказать, измѣненія октроированной конституціи 1849 г. былъ выработанъ семичленной комиссіей подъ предсѣдательствомъ Кюбека. Комиссія эта сохранила въ своемъ проектѣ пунктъ предшествовавшихъ двухъ конституцій о равноправіи евреевъ, но имп. Францъ-Іосифъ, санкціонируя постановленія комиссіи, сдѣлалъ въ представленномъ ему проектѣ патента одно лишь измѣненіе: онъ зачеркнулъ статью, говорившую о равноправіи евреевъ, и въ императорскомъ патентѣ 1851 г. ничего поэтому не говорится о равенствѣ евреевъ въ правахъ съ прочими населяющими имперію народами. Правда, имъ, съ другой стороны, и не были введены старые ограничительные еврейскіе законы, но двусмысленное умолчаніе о евреяхъ широко открывало двери реакціи. Францъ-Іосифъ поэтому, на нашъ взглядъ, несетъ историческую отвѣтственность за печальное для евреевъ Австріи десятилѣтіе 1851—1860. Этотъ неизвѣстный доселѣ эпизодъ выясняется изъ книги Фридъюнга, трактующей о политической исторіи Австріи въ ту эпоху.

(С. Лозинскій).

Fr. Bujak. Materyały do historyi miasta Biecza. 1361 — 1362. (Wyd. Akademii Umiejętności, Kraków, 1914).

Въ изданномъ проф. Буякомъ томѣ регестъ и актовъ къ исторіи города Бѣчъ (въ Галиціи) находится нѣсколько интересныхъ актовъ относящихся къ евреямъ. Вотъ ихъ перечень: № 302, Сигизмундъ Августъ, 15 марта 1569 года, вслѣдствіе представленія бѣчскихъ мѣщанъ, что до тѣхъ поръ евреи не жили въ городѣ и что нежелательно имѣть ихъ въ будущемъ, воспрещаетъ евреямъ пріобрѣтать недвижимость, селиться и продавать товары во время ярмарокъ въ Бѣчѣ и его окрестностяхъ, поручая бѣчскому старостѣ наблюдать за исполненіемъ этой привилегіи. Интересно замѣтить, что подобную привилегію получилъ и городъ Кросно въ 1569 г., городъ Пильзно (отъ Стефана Баторія), въ 1577 г. со ссылкою на примѣръ Бѣча; городъ Нело въ 1589 году.—№ 333, Король Стефанъ Баторій, 16 марта 1583 г., разрѣшаетъ жить въ Бѣчѣ одному еврею изъ Кракова при сборщикѣ податей, съ тѣмъ, чтобы онъ не занимался торговлей и не вмѣшивался ни въ какія дѣла, согласно старинному обычаю. Какъ видно изъ другихъ документовъ, магистратъ города Бѣча, несмотря на разрѣшеніе короля, не дозволилъ этому еврею жить въ городѣ и запретилъ горожанамъ сдавать ему квартиру. Сборщикъ привлекъ магистратъ къ суду и требовалъ 5.000 злотыхъ вознагражденія за убытокъ, причиненный ему изгнаніемъ еврея-слуги изъ города. Чѣмъ кончилось это дѣло неизвѣстно.—Въ 1589 г. комиссія сената и сейма въ Варшавѣ разматривала дѣло доктора медицины Соломона Калагоры. Онъ былъ арендаторомъ виннаго „чоповогоˮ сбора и въ 1583—84 г. потерпѣлъ убытокъ на 6656 злотыхъ, такъ какъ не былъ допущенъ въ Бѣчъ для взысканія сбора. Результатъ жалобы въ актахъ не указанъ.— Въ 1627 г. райцы и цехмейстеры постановляютъ, чтобы евреямъ никогда не дозволялось пріѣзжать въ Бѣчъ для продажи товара и т. п., и запрещаютъ мѣщанамъ подъ страхомъ штрафа принимать евреевъ на квартиру. Поводомъ къ этому энергичному постановленію было прибытіе еврея Берка изъ Змигрода на ярмарку въ день св. Петра и Павла, вопреки королевскимъ

привилегіямъ; еврей былъ немедленно изгнанъ городскимъ управленіемъ. Акты эти приведены лишь въ извлеченіяхъ изъ актовыхъ книгъ города Бѣча, находящихся въ главномъ архивѣ въ Краковѣ. (**Я. Шацкинъ**).

T. Wierzbowski. Przywileje królewskiego miasta stołecznego Starej Warszawy. 1376—1772. Warsz. 1913. Nakład. Wars. Tow. Naukowego.

Извѣстный польскій историкъ и директоръ Главнаго Архива г. Варшавы собралъ въ этой книгѣ всѣ привилегіи, относящіяся къ Варшавѣ. Изъ нихъ отмѣтимъ здѣсь нѣсколько документовъ, касающихся евреевъ. № 33: привилегія Сигизмунда I отъ 1527 г., воспрещающая евреямъ жить въ Старой и Новой Варшавѣ и въ ихъ предмѣстьяхъ (она приведена также у Берсона, Dyplomataryusz etc. № 479); № 37: Сигизмундъ I воспрещаетъ евреямъ вызывать мѣщанъ въ придворный судъ (8 апрѣля 1527 г., Краковъ); № 70: Сигизмундъ Августъ подтверждаетъ привилегію, воспрещающую евреямъ жить въ Старой и Новой Варшавѣ, а также въ окрестностяхъ на разстояніи двухъ миль отъ города (10 мая 1570); № 85: Стефанъ Баторій разрѣшаетъ аренду податей у пановъ, но подтверждаетъ привилегію, запрещающую евреямъ жить въ Варшавѣ (Гродно 14/3 1580 г.). Къ евреямъ относится также привилегія Владислава IV, подтверждающая всѣ ихъ прежнія права и привилегіи (15 февраля 1633; № 100). (**Я. Шацкинъ**).

Jacob Raisin. The haskalah movement in Russia. Philadelphia, 1913. Jewish Publication Society of America. 355 pp.

Популярно изложенный очеркъ г. Рейзина знакомитъ американскихъ читателей съ исторіей еврейскаго просвѣтительнаго движенія — „гаскалы“ — въ Россіи. Авторъ начинаетъ издалека, и 1-ю главу посвящаетъ „до-гаскальному“ періоду, подъ которымъ подразумѣваетъ эпоху до украинской катастрофы 1648 года. Слѣдующій періодъ (1648 — 1794) — время господства раввинизма и мистицизма въ Польшѣ — онъ почему-то называетъ „переходнымъ періодомъ“, хотя здѣсь меньше всего можетъ быть рѣчь о зародышахъ просвѣщенія. — Глава „Заря гаскалы“ (1804—1840) вводитъ читателя въ область робкихъ попытокъ „просвѣщенія“ (Неваховичъ, Менаше Ильеръ и др.). Исторія „гаскалы“ начинается собственно съ середины книги. Въ трехъ главахъ („Борьба и завоеванія“, „Руссификація, реформація и ассимиляція“, „Пробужденіе“) бѣгло изложена эта исторія, начиная съ Лиліенталя и И. Б. Левинзона и кончая Лиліенблюмомъ, какъ представителемъ „пробужденія“ въ смыслѣ сіонистскомъ. Не представляя собою систематической исторіи новой еврейской культуры, книга г. Рейзина содержитъ однако въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній, собранныхъ изъ обширной литературы. Впрочемъ, книга, какъ видно изъ предисловія, написана еще до 1909 г., и авторъ не могъ воспользоваться тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который опубликованъ именно въ послѣдніе годы (въ „Евр. Старинѣ“, „Пережитомъ“ и другихъ изданіяхъ).

Извѣстія Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

22 февраля 1915 г. состоялось, подъ предсѣдательствомъ М. М. Винавера, общее собраніе членовъ Еврейскаго Истор.-Этнограф. О-ва. Былъ выслушанъ докладъ С. М. Дубнова: „Итоги еврейской исторіи въ Польшѣ".

Докладчикъ путемъ обзора главнѣйшихъ историческихъ фактовъ установилъ слѣдующее положеніе: въ старой Рѣчи Посполитой, гдѣ для евреевъ существовала система привилегій-концессій, а не гражданскихъ правъ, признавали не еврея-гражданина, а только еврея-члена особой націи, которой предоставлялась широкая общинная и культурная автономія (кагалы, ваады и пр.). Въ новой Польшѣ, отъ эпохи раздѣловъ до настоящаго времени, польское общество склонялось къ признанію гражданскаго равноправія евреевъ, но подъ условіемъ полнаго ихъ ополяченія и отреченія отъ своей національной культуры. Такъ создались тезисъ „національности безъ гражданства" и антитезисъ „гражданства безъ національности". Нынѣ же, когда еврейское національное движеніе создало синтезъ „гражданскихъ и національныхъ правъ", въ Польшѣ, стоящей на порогѣ своего политическаго возрожденія, достигъ наивысшаго напряженія антитезисъ, требующій отъ евреевъ полнаго уничтоженія своей національной культуры (польскій лозунгъ дня: „не можетъ быть двухъ національностей надъ Вислою"). Докладчикъ выразилъ увѣренность въ томъ, что сколько бы страданій ни причинила евреямъ эта юдофобская тенденція „новѣйшей Польши" (національная инквизиція на подобіе испанской религіозной инквизиціи), побѣдителемъ въ исторической борьбѣ останется великій творческій синтезъ нашей эпохи: полноправіе еврейства должно заключаться въ одинаковомъ признаніи какъ его гражданскихъ, такъ и національно-культурныхъ правъ.

Въ оживленныхъ преніяхъ, послѣдовавшихъ за докладомъ, приняли участіе: гг. Смирновъ, Нейдингъ, Гринбаумъ, Франкфуртъ, Розенгардтъ и Л. Я. Штернбергъ. Предсѣдатель М. М. Винаверъ въ обстоятельномъ резюме указалъ на источники болѣзненно-националистической польской идеологіи XIX вѣка и на полную оторванность ассимилированной польско-еврейской интеллигенціи отъ массы, причемъ выразилъ свое согласіе съ конечнымъ выводомъ докладчика о возможности примиренія гражданской эмансипаціи съ національно-культурнымъ самоопредѣленіемъ, хотя и трудно еще предугадать объемъ и формы этого самоопредѣленія.

Въ томъ же собраніи были избраны новые пожизненные члены Евр. Историко-Этнограф. Общества, въ числѣ ихъ и извѣстный русскій писатель Максимъ Горькій, заявившій о своемъ желаніи вступить въ члены Общества. Сообщеніе объ этомъ было встрѣчено дружными аплодисментами всего собранія.

Опечатка.

Редакція проситъ исправить искажающую смыслъ опечатку на страницѣ 24, строка 1, гдѣ должно быть зачеркнуто слово *которая*.

„הצפירה" לשנת 1915.

מגמותיה ושאיפותיה של „הצפירה" ידועות למדי. ולכן אנו חושבים למותר לבוא עתה בפרוגרמה אל הקורא העברי.

מפני צוק העתים הופחתה מדתה של „הצפירה" ויצאה במשך חצי שנה רק בשני עמודים. אולם מראשית שנת 1915 שבנו להוציאה בתמונתה הרגילה—בארבעה עמודים, ואם גדל מספר החותמים נשוב לתת גם את ההוספות הספרותיות השבועיות, שבשבילן כל כך נתחבבה „הצפירה" על הקהל העברי וגם את „הצפירה לילדים" שבשכלולה נשתדל ונתאמץ להביאה למדרגה ראויה ורצויה, שתפיץ את המלה העברית ואת הרגש העברי גם בקרב ילדינו הקטנים.

ואל הקהל העברי אנו פונים בבקשה זו: תנו היכולת להתקיים להעתון העברי הזה, חוסו על הבנין העברי הגדול הזה, שאיננו קנין אדם פרטי, אלא של כל כלל העם העברי עשו נא, קוראי „הצפירה", איש איש במקום מושבו ובחוג מכיריו, את המוטל עליכם—חתומו בעצמיכם על „הצפירה" ועוררו גם את מכיריכם לחתום עליו.

הפרסים של „הצפירה":

גם בשנה זו יש לנו היכולת לתת לחותמינו את הפרסים החשובים שנתנו בשנה שעברה, מלבד הפרס „כל כתבי יהודה שטינברג" שאין אתנו באשמת המו"ל חברת „מוריה" באודיסה שעוד לא המציאו אותם לנו, אעפ"י שהזמנו אותם עוד בחורש מאי שעבר.

א) „תבונה" ספרי שר"ל ושי"ר משנת 1913 שלשה כרכים, מחירם 3 רו"כ, ובכריכות 3.90 רו"כ. ומשנת 1914 הספר הגדול „ערך מלין" של שי"ר עם נוספות רבות. מחירו 2 רו"כ ובכריכות 2.60 רו"כ (הספר האחרון של „ערך מלין" הולך ונסדר בדפוס ויופיע בקרוב). ב) „האוצר" של ש. י. פין ארבעה חלקים עם ההשלמה, מחירו 4 רו"כ ובכריכות 5.40 רו"כ. ג) שנים-עשר המאספים הספרותיים של חברת אחיאסף. מחירם 4 רו"כ ובכריכות 7 רו"כ. ד) „ספריה" ביבליותיקה של חמשה-עשר ספרים. מחירם 3.50 רו"כ ובכריכות 5.50 רו"כ. ה) „פרס נוסף" של שבעה ספרים: מחירו 3 רו"כ ובכריכות 5.10 רו"כ. ו) „תולדות השלמת האדם", מחירו 3 רו"כ ובכריכות 4.20 רו"כ. ז) „כתבים נבחרים" של סוקולוב. מחירו 75 ק. ובכריכות 1.05 רו"כ. ח) „ספר היובל" מחירו 25 ק' (עם המשלוח).

כל אלה המחירים הם לבד המשלוח.

מחיר החתימה: ברוסיה: לשנה 8 רובל; לחצי שנה 4 רובל; לרבע שנה 2 ר. בחו"ל במשלוח בכל יום 13 רובל; לחצי שנה 6.50 רובל; לרבע שנה 3.25 רובל. במשלוח ג פעמים; בשבוע: לשנה 10 רובל; לחצי שנה 5 רובל; לרבע שנה 2.50 רובל · הכתובת:

Редакція „Гацефира", Варшава, Лешно 48. Journal „Hacefira". Varsovie. Leschno 48.

Періодъ „обрусенія“.

Національный вопросъ въ литературѣ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ [1]).

I.

При общемъ подъемѣ общественныхъ настроеній, при матеріальныхъ успѣхахъ и правовыхъ привилегіяхъ еврейскаго купечества и дипломированной интеллигенціи—пріобрѣтеніи „эпохи великихъ реформъ“,—мало замѣтнымъ оставался тотъ фактъ, что экономическое положеніе еврейской народной массы все ухудшалось. Масса оказалась выбитой изъ своей прежней колеи усиленнымъ темпомъ промышленнаго развитія, а также польскимъ возстаніемъ и его печальнымъ финаломъ. Лишь во второй половинѣ 60-хъ годовъ этотъ фактъ становится все болѣе очевиднымъ, и какъ-то неожиданно выплываетъ—и въ русской, и въ заграничной печати—вопросъ объ эмиграціи [2]). Американскій „New York Herald“ обратился къ евреямъ съ призывомъ эмигрировать въ Америку („День“ 1869 г., № 26). Но еврейская интеллигенція, вѣрившая въ близость улучшенія положенія евреевъ въ Россіи, категорически высказалась противъ зарубежной эмиграціи, настаивая на переселеніи бѣдныхъ сѣверо-западныхъ евреевъ во внутреннія губерніи, „гдѣ ихъ ожидаетъ несравненно лучшая будущность, чѣмъ во всей остальной Европѣ и даже въ Америкѣ, такъ какъ всякій западно-русскій еврей скорѣе можетъ сдѣлаться истинно-русскимъ, чѣмъ нѣмцемъ, французомъ и англичаниномъ“ (№ 20). Когда въ то же время „Биржевыя Вѣдомости“ высказались въ томъ смыслѣ, чтобы правительство способ-

---

[1]) См. *Евр. Стар.* 1915 г. кн. I: „Національный вопросъ въ литературѣ 60-хъ годовъ“.

[2]) Ближайшей причиною эмиграціи 1869 г. былъ свирѣпствовавшій тогда въ Литвѣ и Бѣлоруссіи голодъ, вызванный неурожаемъ того года.—*Ред.*

ствовало переселенію евреевъ въ Америку, „День" рѣзко возразилъ: „Мы, правда, слышали, что дикая идея о выселеніи части нашего еврейскаго населенія за границу засѣла въ нѣкоторыя канцелярскія головы, но мы не хотѣли вѣрить, чтобы даже въ нашей капризной печати нашелся такой органъ, который не постыдился печатно высказать такую нелѣпость" (№ 25).—Нѣсколько позже „День" констатировалъ, что русскіе евреи массами эмигрируютъ изъ Россіи и наводняютъ пограничные города множествомъ нищихъ (№ 31).

Возобновившаяся во второй половинѣ 60-хъ годовъ политика правовыхъ ограниченій отразилась, прежде всего, на менѣе обезпеченныхъ слояхъ еврейскаго населенія. Шестидесятые годы, принесшія правовыя облегченія верхамъ еврейскаго общества, предоставили, какъ извѣстно, и еврейскимъ ремесленникамъ право селиться внѣ черты осѣдлости. Эта единственная мѣра, которая могла бы имѣть серьезныя послѣдствія для широкихъ массъ, начала сильно урѣзываться циркулярами, послѣдовавшими вскорѣ, послѣ изданія закона о правѣ жительства евреевъ-ремесленниковъ. Вмѣстѣ съ выселеніями изъ пограничной черты начались выселнія и изъ обѣихъ столицъ и изъ внутреннихъ губерній вообще („День" 1869 г. №№ 3—10; 1870 № 31 и др.; 1871, №№ 8—17). Эта новая политика по отношенію къ евреямъ была естественнымъ результатомъ того общаго перелома въ эпохѣ великихъ реформъ, который уже вполнѣ опредѣленно обозначился послѣ усмиренія польскаго возстанія 1863 года. Однако, еврейская интеллигенція, затронутая правительственными репрессіями значительно позже разсматриваемаго нами періода, еще долго (вплоть до конца 70-хъ годовъ) жила былыми настроеніями и надеждами. Мы это выше видѣли по отношенію къ эмиграціи. Въ начавшихся же ограниченіяхъ органъ передовой части еврейской интеллигенціи „День" видѣлъ не „реакцію, наступившую будто бы въ еврейскомъ вопросѣ", а личную политику мѣстной администраціи, которая не проникается „новымъ духомъ нашего новѣйшаго законодательства по отношенію къ евреямъ". Доказательства тому „День" видѣлъ въ оффиціальномъ опроверженіи распространившихся тогда за-границей свѣдѣній о жестокостяхъ, совершаемыхъ надъ русскими евреями, и въ заявленіяхъ, что русское правительство стремится къ постепенному облегченію положенія евреевъ (1869 г. № 3).

„День" вѣрилъ въ близость лучшаго будущаго. „Нельзя,—писалъ онъ—безнаказанно насиловать естественный порядокъ ве-

щей: въ странѣ, гдѣ существуютъ желѣзныя дороги, свобода печати, равенство передъ судомъ, гласность самого суда, и гдѣ рабство людей уничтожено въ принципѣ, фактическое стѣсненіе отдѣльныхъ сословій не можетъ долго держаться и должно необходимо рухнуть. Таково знаменіе времени, противъ котораго безсильны всѣ канцелярскіе крикуны" (Ibid. № 21). Работа Виленской правительственной комиссіи 1869 г. „для преобразованія еврейскаго быта" и ея заключенія о необходимости отмѣны черты осѣдлости—вызвали со стороны „Дня" увѣренное предсказаніе, что русское еврейство стоитъ наканунѣ „важной реформы", которая должна положить основу для полнаго рѣшенія еврейскаго вопроса. „Двумъ съ половиной милліонамъ русскихъ евреевъ предстоитъ быть введенными въ большую семью великорусскаго народа и занять въ государствѣ мѣсто настоящихъ и постоянныхъ гражданъ, а не считаться „инородцами", допускаемыми къ временному „проживательству" (1870 г. № 1).

Еврейская молодежь того времени широко пользовалась своими образовательными правами. Однако, уже въ концѣ 60-хъ годовъ начали раздаваться голоса въ пользу ограниченій и въ этой области. Корреспондентъ „Дня" (1869 г. № 25), приводитъ изъ „Allg. Zeit. d. Jud." отрывки изъ письма одного „высокопоставленнаго лица" о томъ, что въ оффиціальныхъ петербургскихъ сферахъ, начинаютъ тревожиться мыслью, что „число образованныхъ евреевъ уже чрезчуръ увеличивается и естественно сядетъ на шею 70 милліоновъ христіанъ". Въ такомъ же духѣ высказались тогда и „Московскія Вѣдомости", доказывавшія, что поощреніемъ евреевъ къ образованію путемъ предоставленія имъ правъ „напрасно дается искусственный толчокъ высшему образованію евреевъ въ ущербъ господствующему населенію". Газета опасается переполненія государственныхъ должностей евреями и предлагаетъ создать въ этомъ отношеніи опредѣленныя ограниченія (ibid. № 7).

Въ еврейскихъ же образованныхъ кругахъ оставалась еще непоколебимая вѣра въ просвѣщеніе, какъ залогъ равноправія. Въ 1869 г. петербургскими еврейскими дѣятелями подано было прошеніе на Высочайшее имя о расширеніи правъ евреевъ, получившихъ среднее или низшее образованіе, причемъ приводится все тотъ же мотивъ о важности „образованія въ русскомъ духѣ" для „дѣла слiянiя евреевъ съ русскимъ народомъ, составляющаго конечную цѣль правительства" (ibid. № 10).

Во второй половинѣ 60-хъ годовъ значительно измѣнилось и настроенiе русскаго общества по отношенiю къ инородцамъ. Правительственная политика обрусенiя Западнаго края нашла себѣ сочувствiе и въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Въ русской печати все откровеннѣе стало выступать юдофобское направленiе. „Кiевлянинъ“, „Голосъ“, „Виленскiй Вѣстникъ“, выступавшiе раньше въ пользу евреевъ, рѣзко измѣнили свою позицiю къ концу 60-хъ годовъ. Большую услугу этой агитацiи оказалъ Брафманъ своей извѣстной „Книгой Кагала“, имѣвшей цѣлью доказать, что подъ разговорами евреевъ объ ихъ готовности къ слiянiю скрываются стремленiя продолжать свою кагальную обособленность („День“ 1870, №№ 29—35; 1871 г. № 2).

Въ началѣ 1869 г. А. Кремье, въ качествѣ предсѣдателя парижскаго „Alliance'a“, обратился къ русскому министру государственныхъ имуществъ съ письмомъ, гдѣ онъ обращаетъ вниманiе правительства на преслѣдованiя евреевъ въ Петербургѣ. Русскiй министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ черезъ посредство парижскаго русскаго посла отвѣтить Кремье, что извѣстiя о гоненiяхъ на евреевъ „преувеличены и искажены“ и что къ евреямъ только примѣняются существующiе законы. Этотъ эпизодъ вызвалъ большой шумъ въ нацiоналистической части русской печати. „Петер. Вѣдом.“, „Бирж. Вѣд.“ и др. усмотрѣли въ обращенiи Кремье оскорбленiе русскаго нацiональнаго чувства, такъ какъ „евреи рѣшаются приравнивать себя какъ бы къ особой политической нацiи, и ихъ союзъ считаетъ себя вправѣ требовать отъ чужого правительства отчетовъ о дѣйствiяхъ, которыя касаются подданныхъ его, еврейскаго союза“ („День“ 1869 г., № 1).

При такой перемѣнѣ настроенiя въ русскомъ обществѣ и русской печати и при постепенномъ уклоненiи правительства въ сторону реакцiи и агрессивнаго нацiонализма,— представителямъ еврейской передовой интеллигенцiи пришлось формулировать свое рѣшенiе нацiональнаго вопроса.

II.

Во второй половинѣ 60-хъ годовъ уже образовались многочисленныя группы еврейской интеллигенцiи новой формацiи. Въ предыдущiя десятилѣтiя главнымъ, а во многихъ мѣстахъ единственнымъ, типомъ еврейскаго интеллигента былъ „маскилъ“, связанный съ патрiархальной средой и старавшiйся создать въ

ней базисъ для своей просвѣтительной работы. Трагичность его положенія заключалась въ его безсиліи противъ сплоченности стараго еврейства и въ матеріальной зависимости отъ ортодоксіи. Зависимы были въ этомъ отношеніи не только маскилы безъ опредѣленныхъ профессій (наиболѣе многочисленная группа), но и казенные учителя и казенные раввины. Привлеченіемъ еврейской молодежи въ среднія и высшія учебныя заведенія и предоставленіемъ ей правъ по образованію правительство создало независимое матеріальное положеніе для значительной части еврейской интеллигенціи. Прежніе одиночки, занимавшіеся либеральными профессіями, превратились въ замѣтныя группы. Значительно увеличилось количество врачей-евреевъ, занимавшихъ нерѣдко и военныя должности. Талантливые еврейскіе студенты отправлялись за-границу для подготовки къ профессурѣ. Съ введеніемъ судебной реформы 1864 года евреи начали участвовать въ адвокатурѣ, судѣ и даже въ работѣ при сенатѣ.

Обрусѣвъ и будучи обязана всѣмъ своимъ положеніемъ правительству, эта интеллигенція, считая себя частью русскаго общества, раздѣляла взгляды большинства этого общества и оффиціальныхъ сферъ, вообще, и одобряла политику обрусенія въ частности.

Эта новая интеллигентская группа не была, однако, вполнѣ однородна. Одни элементы ея совершенно ушли отъ еврейской жизни, другіе оставались въ его средѣ (врачи въ „чертѣ“, нотаріусы, адвокаты, учителя и т. п.), будучи индифферентны къ его судьбѣ. Но изъ той же обрусившейся среды выступали и другіе элементы, продолжавшіе думать о нуждахъ еврейскаго населенія и становившіеся, по мѣрѣ усиленія реакціи въ еврейскомъ вопросѣ, все болѣе оппозиціонными по отношенію къ правительству. Русско-еврейская журналистика, созданная главнымъ образомъ для цѣлей „обрусенія“, стала ареной для борьбы за эмансипацію. Обѣ эти задачи особенно усердно исполнялись публицистами еженедѣльника „День“, выходившаго въ Одессѣ съ 1869 по 1871 г. По отношенію къ „Дню“ уже совершенно прекратилось то покровительство оффиціальныхъ сферъ, которое оказывалось вначалѣ „Разсвѣту“ и „Сіону“ (которые, впрочемъ, также не оправдали правительственныхъ надеждъ). Петербургскій корреспондентъ „Дня“ (1869 г., № 24) жалуется: „Въ бытность князя А. П. Ширинскаго-Шихматова попечителемъ виленскаго учебнаго округа, еврейскимъ училищамъ вмѣнено было въ обязанность выписывать „Разсвѣтъ“ и по-

томъ „Сіонъ". Теперь же органъ русскихъ евреевъ (т. е. „День") хотятъ даромъ предоставить этимъ училищамъ, а имъ не позволяютъ его получать. Неужели это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что тогда не такъ сильно напирали на обрусеніе евреевъ, какъ теперь? Какъ ни ненавижу я избитыхъ фразъ, но тутъ поневолѣ приходится воскликнуть: o tempora, o mores!".

Идея „обрусенія" послѣдовательно проводилась на столбцахъ „Дня". Руссификаторская политика графа Муравьева въ западномъ краѣ находила себѣ вполнѣ опредѣленное сочувствіе на страницахъ этого журнала, гдѣ неоднократно указывалось на заслуги еврейской интеллигенціи въ дѣлѣ „обрусенія". Е. Соловейчикъ по этому поводу пишетъ: „Такой строгій цѣнитель политической годности, какъ графъ Муравьевъ, нашелъ въ еврейскихъ медикахъ готовый матеріалъ для замѣны ненадежныхъ польскихъ медицинскихъ чиновниковъ сѣверо-западнаго края, и стоитъ только прочесть корреспонденціи первыхъ русскихъ дѣятелей, вызванныхъ въ западный край, чтобы убѣдиться, что они почти только въ одныхъ образованныхъ молодыхъ евреяхъ нашли хоть что нибудь, похожее на русское общество. Раввинскія училища въ Вильнѣ и Житомірѣ даже можно было назвать въ ту пору единственными русскими гимназіями въ западномъ краѣ, т. е. единственными заведеніями, въ которыхъ воспитанники получали гимназическое образованіе въ русскомъ духѣ". (1869 г. № 6). Въ другомъ мѣстѣ (№ 7) Соловейчикъ указываетъ на заслуги Муравьева въ дѣлѣ обрусенія евреевъ, выразившіяся въ насажденіи русскихъ „народныхъ школъ" и т. д. Однимъ изъ главныхъ условій „слиянія" онъ считаетъ „установленіе права евреевъ на русскій языкъ" не только въ обиходной жизни и свѣтской литературѣ, но и въ синагогѣ и религіозномъ обученіи, и подчеркиваетъ при этомъ, что еврейской интеллигенціи приходится лишь добиваться для себя свободы русскаго языка, такъ какъ въ казенныхъ училищахъ преподаваніе еврейскихъ предметовъ тогда еще велось на нѣмецкомъ языкѣ, точнѣе— на „жаргонѣ", а печатаніе еврейскихъ религіозныхъ книгъ въ русскомъ переводѣ допускалось только съ разрѣшенія православной духовной цензуры.

Но обрусеніе евреевъ должно идти параллельно съ расширеніемъ ихъ правъ, ибо послѣднее главнымъ образомъ и способствуетъ обрусенію,—этотъ взглядъ „День" защищалъ въ теченіе всего времени своего существованія. Соловейчикъ въ той же статьѣ доказываетъ, что лучшее средство для обрусенія есть

улучшеніе правового положенія евреевъ, предоставленіе имъ права „выслуживать офицерскіе чины“, привлеченіе ихъ къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, которое составляетъ почву для „поглощенія евреевъ общими гражданскими обществами“, что положитъ „конецъ существованію отдѣльныхъ гражданскихъ обществъ“. По его мнѣнію, только въ религіозномъ отношеніи „евреи должны образовать отдѣльныя общины съ извѣстными религіозными и благотворительными учрежденіями“, какъ церковные приходы (ibid. №№ 7 и 8).

Историческую судьбу еврейскаго народа, сохраненіе имъ своей самобытности послѣ потери національной независимости „День“ объясняетъ исключительными внѣ-гражданскими условіями еврейской жизни. Особыя мѣста жительства, особыя обязанности, особые законы вызываютъ и особые интересы,—эту мысль „День“ усиленно подчеркиваетъ, отвѣчая на упрекъ (раздававшійся въ нѣкоторой части русской печати) въ томъ, что русско-еврейская публицистика, ратуя за „сліяніе“, отстаиваетъ тѣмъ не менѣе необходимость существованія спеціальнаго русско-еврейскаго органа печати. „Понятное дѣло, - говоритъ „День“,— если бы евреи не находились въ исключительномъ положеніи, если бы ихъ искусственно не отчуждали отъ остального міра, если бы для нихъ не были заперты всѣ тѣ пути, которые широко раскрыты для всѣхъ, то они не имѣли бы никакихъ особыхъ интересовъ, и не было бы надобности въ органѣ, спеціально посвященномъ служенію этихъ интересовъ; если бы даже такой органъ существовалъ, то онъ бы былъ нѣчто вродѣ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и занимался бы исключительно истолкованіемъ и разъясненіемъ религіозныхъ вопросовъ“ (1870 г., № 31).

Однако, оффиціальные обрусители вовсе не склонны были цѣной обрусенія дать евреямъ равноправіе. Наоборотъ, вмѣстѣ съ усиленіемъ руссификаторской политики началось, какъ мы уже указали, возстановленіе старыхъ правоограниченій, что было особенно чувствительно въ періодъ, когда еще не остыли надежды на „великія реформы“, изъ коихъ нѣкоторыя только осуществлялись именно въ этотъ періодъ (судебная реформа во многихъ мѣстахъ проведена была въ концѣ 60-ыхъ годовъ, муниципальная реформа—въ началѣ 70-хъ;—а оба эти преобразованія создали новое поле дѣятельности для еврейской интеллигенціи). Отсюда—оппозиціонный, но и обнадеживающій тонъ публицистики „Дня“,—гораздо болѣе оппозиціонный, чѣмъ тонъ „Разсвѣта“ и „Сіона“, хотя по національному вопросу именно

„День“ опредѣленно принялъ и по своему обосновалъ руссификаторскую политику по отношенію къ евреямъ.

Эта послѣдовательность въ теоріи обрусенія, которая была особенно рельефно выражена въ цитируемыхъ выше статьяхъ Соловейчика, не была, однако, общей для всѣхъ сотрудниковъ самого „Дня“. Одинъ изъ ея ближайшихъ сотрудниковъ, Ил. Г. Оршанскій, внесъ въ эту теорію такія поправки, которыя въ значительной степени измѣняли ея сущность.

III.

Оршанскій—сторонникъ „естественной“ ассимиляціи. По его мнѣнію, соціальный прогрессъ ведетъ къ сглаживанію отличительныхъ чертъ мелкихъ національностей и къ поглощенію ихъ болѣе крупными націями. „Но этотъ процессъ, говоритъ онъ, долженъ быть предоставленъ естественному теченію обстоятельствъ, а не искусственной дѣятельности государства, которое въ подобныхъ случаяхъ само по себѣ безсильно“ („День“ 1870 г., № 15). Въ примѣненіи къ Россіи Оршанскій считаетъ необходимымъ сплоченіе страны въ одно гармоническое цѣлое и „предоставленіе собственно-русскому элементу того первенствующаго мѣста, которое по всей справедливости и логикѣ исторіи ему слѣдуетъ занять“ (№ 13).

Въ послѣднемъ утвержденіи Оршанскій подчеркиваетъ свою солидарность съ общей теоріей обрусенія, воцарившейся послѣ усмиренія польскаго возстанія 1863 г. Однако, послѣднее выдвинуло именно государство въ роли обрусителя. Вмѣсто естественнаго слiянія, главнымъ условіемъ котораго Оршанскій считаетъ культурное превосходство того народа, который призванъ „поглотить“ мелкія національности,—въ центрѣ правительственной политики стали стремленія къ искусственному насажденію русскаго языка среди инородцевъ, къ разрушенію ихъ школъ и другихъ національныхъ учрежденій, къ ограниченію ихъ въ правовомъ и экономическомъ отношеніяхъ. И вотъ Оршанскій, исходя изъ своей с о б с т в е н н о й обрусительной точки зрѣнія, направляетъ всю силу своей аргументаціи противъ оффиціальныхъ обрусителей. Онъ доказываетъ имъ, что системой ограниченій въ области еврейскаго вопроса они своихъ обрусительныхъ задачъ никогда не достигнутъ: „необходимо поставить евреевъ въ такое положеніе, чтобы они могли сознавать и считать себя свободными гражданами свободной и цивилизованной страны, и тогда процессъ ассимиляціи ихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ совершится самъ собой“ (ibid.).

Оффиціальные обрусители въ политикѣ и въ литературѣ считали недопустимыми какія бы то ни были спеціальныя еврейскія учрежденія,—не только органы общиннаго управленія, хедера и іешиботы, но даже казенныя еврейскія училища, которыя должны быть замѣнены общерусскими школами. Оршанскій и тутъ рѣзко расходится съ обрусителями. При этомъ онъ исходитъ изъ точки зрѣнія „современной соціальной науки", что „всякая форма жизни, выработанная исторической жизнью того или другого племени или класса общества, имѣетъ право на свободное существованіе, поскольку она не нарушаетъ дѣйствительныхъ интересовъ всей страны и всего государства". Сюда входятъ: семья, религія, частная жизнь, обычаи, нравы и внутренній строй общины, которые должны свободно развиваться сообразно своимъ собственнымъ тенденціямъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ еврейская интеллигенція была встревожена слухами о предстоящемъ упраздненіи казенныхъ еврейскихъ училищъ. Оршанскій выступаетъ въ ихъ защиту и доказываетъ важность ихъ свободнаго развитія для цѣлей обрусенія. Онъ ссылается на примѣръ національныхъ татарскихъ школъ, имѣющихъ своихъ собственныхъ учителей-татаръ и свою самостоятельную программу и считающихся лучшими проводниками просвѣщенія. Сравненіе съ татарскими школами вызываетъ со стороны Оршанскаго и болѣе общій вопросъ: почему существованіе татарскихъ „медресъ" считается нормальнымъ, при чемъ требуется отъ нихъ только постепенное введеніе русскаго языка, въ то время, какъ „еврейскіе хедеры и іешиботы подвергаются ожесточеннымъ нападкамъ, какъ общее народное зло"? „Вѣдь никто не станетъ утверждать, что Коранъ съ его комментаріями современнѣе и лучше Талмуда, а татарскій языкъ не такъ далекъ отъ русскаго, какъ еврейскій жаргонъ" (№ 15).

Оршанскій возстаетъ и противъ нападокъ обрусителей на спеціальныя еврейскія учрежденія. При этомъ онъ высказываетъ общее мнѣніе, что „государство тѣмъ болѣе процвѣтаетъ матеріально и духовно и даже тѣмъ крѣпче связано дѣйствительнымъ національнымъ единствомъ, чѣмъ больше оно приближается къ тому состоянію, при которомъ страна составляетъ огромную массу самостоятельныхъ и независимыхъ, въ извѣстной мѣрѣ, ассоціацій"... Однако, по отношенію къ еврейскимъ организаціямъ Оршанскій неоднократно подчеркиваетъ, что онѣ сохранились исключительно въ сферѣ религіозно-общинной и въ связанной съ ней благотворительной области, т. е. въ тѣхъ сфе-

рахъ, которыя не подлежатъ регламентаціи государства и должны быть предоставлены „автономіи каждой религіозной общины“.

Въ своихъ общихъ выводахъ въ концѣ цитируемой статьи („Къ вопросу объ обрусеніи евреевъ“), Оршанскій говоритъ, что русское общество неспособно своими собственными культурными силами ассимилировать съ собою другія народности, такъ какъ русскій народъ во многихъ отношеніяхъ отсталъ отъ инородцевъ. Въ рукахъ обрусителей имѣется только „административный рычагъ“, но практика показываетъ, что этимъ рычагомъ „очень немного сдвинешь съ мѣста“, что только поднятіемъ матеріальнаго и умственнаго развитія русской народности возможно гарантировать ея преобладаніе среди другихъ народовъ. „Притягательная сила одной національности въ отношеніи къ прочимъ, говоритъ дальше Оршанскій, обусловливается не искусственными мѣрами, предпринятыми съ этой цѣлью, а внутренней крѣпостью этой народности, превосходствомъ ея культуры и общественныхъ формъ. Поэтому преобладаніе центростремительной силы надъ центробѣжной въ отношеніяхъ русскаго народа къ евреямъ будетъ достигнуто лишь тогда, когда онъ разовьетъ и развернетъ спящія въ немъ умственныя силы и получитъ дѣйствительный перевѣсъ надъ ними. До тѣхъ поръ отвѣтомъ на всѣ возгласы руссификаторовъ будетъ дантовская надпись на вратахъ ада: „оставьте всякую надежду“ (1870 г., № 44).

Защита Оршанскимъ еврейскихъ учрежденій, даже хедеровъ и іешиботовъ, явилась чисто-логической аргументаціей объективнаго изслѣдователя. На практикѣ еврейская интеллигенція разсматриваемаго періода дорожила только казенными еврейскими училищами и раввинскими институтами. Хорошо извѣстны крайне-обрусительныя тенденціи тогдашняго одесскаго комитета „Общества распространенія просвѣщенія между евреями“, которымъ субсидировался журналъ „День“.

IV.

Въ началѣ 70-хъ годовъ Одесса перестаетъ быть тѣмъ главнымъ центромъ еврейской интеллигенціи, какимъ она была раньше. Рядомъ съ старымъ гнѣздомъ „гаскалы“ — Вильной растетъ роль новаго центра—Петербурга.

Одесскій погромъ 1871 г., какъ извѣстно, произвелъ потрясающее впечатлѣніе на мѣстную еврейскую интеллигенцію, заставивъ ее на время отказаться отъ своей просвѣтительной

дѣятельности и обрусительныхъ идей. Однако, вліяніе этого событія очень мало распространилось на другіе центры еврейской интеллигенціи, гдѣ наряду съ усиливавшимися симптомами реакціи продолжали еще господствовать настроенія 60-хъ годовъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ наиболѣе яркій представитель виленскихъ „обрусителей", Л. О. Леванда, формулировалъ въ беллетристической формѣ, на страницахъ петербургской „Еврейской Библіотеки" (изд. А. Е. Ландау), тѣ лозунги „обрусенія", которые овладѣли еврейской молодежью западнаго края подъ непосредственнымъ вліяніемъ польскаго возстанія.

„День", какъ выразитель чаяній русско-еврейской интеллигенціи, чисто теоретически оцѣнивалъ въ статьяхъ И. Г. Оршанскаго польское возстаніе — съ точки зрѣнія большинства русскаго общества и по соображеніямъ, основаннымъ на анализѣ польско-еврейскихъ отношеній въ прошломъ. Леванда самъ жилъ въ одномъ изъ центровъ польскаго движенія и послѣдовавшей за нимъ политики Муравьева и воспринималъ событія и настроенія бурныхъ дней подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Въ своемъ „Горячемъ времени" онъ задался большими повѣствовательными цѣлями, къ которымъ приступилъ съ опредѣленной тенденціей. Отъ этого пострадали и безъ того слабые художественные пріемы Леванды. Но для характеристики настроеній еврейской интеллигенціи важна именно эта тенденція, которую мы попытаемся прослѣдить въ романѣ.

Одну изъ главныхъ ролей въ „Горячемъ времени" играетъ, какъ извѣстно, еврейская женщина. Молодыя еврейскія дѣвушки, получившія общее образованіе, очертя голову бросаются въ польское движеніе и начинаютъ считать себя „польками Моисеева закона". Въ изображеніи Леванды это получаетъ каррикатурный характеръ. По существу, однако, нашъ бытописатель вполнѣ вѣрно выявилъ характерную черту образованныхъ еврейскихъ женщинъ, впервые выступившихъ, какъ замѣтная группа, въ 60-хъ годахъ. Это — ихъ способность легко воспламениться новыми идеями и быстро порвать со своей средой. Тутъ сказываются, помимо общей черты женской индивидуальности, особенности историческаго развитія еврейской женской интеллигенціи, въ отличіе отъ мужской.

Мужская интеллигенція въ большей своей части вышла изъ бетъ-гамидраша и іешибота, пройдя предварительно школу старой еврейской культуры и воспитавшись на новой гебраистской литературѣ Впослѣдствіи пути различныхъ группъ еврейской

интеллигенціи рѣзко разошлись. Но въ ней всегда оставалось опредѣленное теченіе, связанное съ народомъ и отстаивавшее его интересы, хотя и различно понимая ихъ. Корни еврейской интеллигенціи обнаружили достаточную силу и глубину. Отъ этихъ корней была далека еврейская образованная женщина. Она вступила въ новую жизнь безъ сознательно продуманныхъ традицій. Будучи чуждой, въ силу патріахальнаго воспитанія, старой еврейской литературѣ, она осталась въ сторонѣ и отъ „гаскалы". До 60-хъ годовъ наше просвѣтительное движеніе было почти исключительно мужскимъ. Только въ 60-хъ годахъ, съ открытіемъ еврейскихъ женскихъ училищъ и пансіоновъ (частныхъ) и вступленіемъ дѣвушекъ въ общія учебныя заведенія, начала вступать въ жизнь и еврейская образованная женщина. Это образованіе было довольно поверхностно, часто ограничиваясь усвоеніемъ новыхъ языковъ. Тутъ обыкновенно проявлялась не „маскилистская" жажда знанія и мучительная борьба за него, а мода, въ силу которой и ортодоксальные родители изъ зажиточнаго класса считали необходимымъ давать своимъ дочерямъ модерное образованіе. Въ жаргонномъ „Колъ-Мевассерѣ", съ началомъ изданія котораго (въ 1862 г.) еврейскія женщины, не знавшія ни древне-еврейскаго, ни русскаго языка, получили „свой собственный" органъ печати (какъ выражались нѣкоторыя корреспондентки „Колъ-Мевассера"), упомянутыя черты еврейскаго женскаго образованія и воспитанія получили свою мѣткую характеристику (см. №№ 44-48 за 1862-1863 г.г., особенно стр. 568-571, 621-627).

Одна изъ героинь „Горячаго времени" спрашиваетъ (ч. I, гл. IV): „кто я"? — Воспитаніе получила она преимущественно польское, обучалась въ польскомъ пансіонѣ, имѣла полекъ своими гувернантками. Она полюбила польскую литературу, но польское общество осталось ей чуждымъ и враждебнымъ. Слѣдовательно, рѣшаетъ она, я не полька. Кто-же я? — Еврейка? „Безъ сомнѣнія. Но смыслъ этого слова съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе съуживается. За-границей, говорятъ, это слово обозначаетъ уже вѣроисповѣданіе. Тоже самое, вѣроятно, будетъ и у насъ. Но вѣдь вѣроисповѣданіе есть только часть жизни, а не вся жизнь. Мать моя, напримѣръ, еврейка, полная, цѣлая еврейка: по вѣрѣ, понятіямъ, привычкамъ, чувствамъ, надеждамъ и стремленіямъ, а я уже только на половину, или даже только на четверть еврейка. Что же я въ остальныхъ трехъ четвертяхъ оего существа? Этотъ вопросъ задаютъ себѣ, вѣроятно, многія

изъ подобныхъ мнѣ еврейскихъ женщинъ. Мы чувствуемъ, что еврейская почва все болѣе и болѣе съуживается подъ нашими ногами, мы чувствуемъ, что намъ становится уже тѣсно и неудобно на этой почвѣ. Дойдетъ, вѣроятно, до того, что намъ невозможно будетъ держаться на ней. Къ кому же примкнуть?".

Польское возстаніе и проявленныя польскимъ обществомъ симпатіи къ интеллигенціи „Моисеева закона" вовлекаютъ главныхъ героинь „Горячаго времени" въ польское движеніе. При этомъ ихъ совершенно не занимаетъ вопросъ о судьбѣ евреевъ въ связи съ польскимъ возстаніемъ. Равнодушны онѣ и къ цѣлямъ возстанія. Всецѣло увлекаются онѣ горячей атмосферой новаго движенія, исчезновеніемъ пустоты въ ихъ собственныхъ сердцахъ и дружбой поляковъ, давшихъ имъ возможность сродниться съ новой средой. Онѣ, правда, говорятъ о лозунгахъ возстанія, но главное тутъ—чувство личнаго удовлетворенія отъ исчезновенія своего одиночества, своего незнанія, куда пристать и какъ назвать себя. „Какъ сладко, говоритъ одна изъ нихъ—имѣть ойчизну, любить ее, тревожиться за нее, проливать за нее слезы и кровь!" (ч. I, гл. XI; ср. гл. IV, VII).

Чувство національнаго одиночества и тоска по новой національной средѣ играли большую роль въ поискахъ еврейской интеллигенціи, отплывшей отъ стараго берега и не приставшей къ новому. Глава обрусителей въ „Горячемъ времени", Саринъ, говоритъ: „Я испытываю адскія муки каждый разъ, когда подумаю, что я—точно песъ, не имѣющій хозяина, уныло бродящій по улицамъ, не имѣющій кого любить, кому быть вѣрнымъ, къ кому приласкаться... Мнѣ тошно быть такимъ безпріютнымъ, вольнопрактикующимъ псомъ, а потому я очень радъ навсегда порѣшить, кто мы и съ кѣмъ мы"... (стр. 62, изд. 1875 г.).

Но обрусеніе вызывалось не только потребностью найти пристанище для интеллигентовъ, ушедшихъ отъ еврейства и искавшихъ личнаго устройства на новыхъ поприщахъ русской жизни. На ряду съ индивидуалистами, рѣшавшими дѣло обрусенія для самихъ себя, были и общественные обрусители, старавшіеся найти въ самомъ еврействѣ базисъ для своей работы—пропаганды русскаго просвѣщенія и русской гражданственности. Въ качествѣ таковыхъ и выступаютъ герои „Горячаго времени" съ Саринымъ во главѣ. Въ своей жаждѣ образованія и просвѣтительной дѣятельности они продолжаютъ традиціи „гаскалы", но отказываются отъ ея отвлеченности, наивности и гебраистскаго романтизма, замѣняя все это опредѣленными обрусительными

лозунгами. Саринъ смѣется надъ еврейскими литераторами, мечтающими „о воскресеніи еврейскаго языка посредствомъ своей риѳмованной галиматьи“ (60), и пропагандируетъ знаніе русскаго языка и русской литературы.

Однако, между правительственными руссификаторами и еврейскими обрусителями существовало большое различіе: въ лозунгѣ: „образованіе въ русскомъ духѣ“—первые напирали на „русскій духъ“, вторые на „образованіе“. Въ концѣ 60-хъ годовъ въ правительственныхъ сферахъ начинаютъ съ опаской смотрѣть на образовательную дѣятельность еврейской интеллигенціи. Обрусители „Горячаго времени“, писавшагося подъ сильнымъ вліяніемъ начавшейся реакціи, уже натыкаются на административныя преграды: ихъ субботнія школы закрываются, ихъ просвѣтительные планы рушатся. И съ устъ Сарина, выражающаго завѣтныя думы самого Леванды, мы слышимъ уже рѣчь возмущенія и протеста: „Мы (евреи) или стоимъ на одномъ мѣстѣ, или идемъ впередъ; назадъ — никогда!... Во всю нашу историческую жизнь мы ни одного шага не сдѣлали назадъ. Мы или цѣлые вѣка лежали окаменѣлыми на одномъ мѣстѣ, или же гигантскими шагами шли впередъ въ нашемъ духовномъ развитіи. И это потому, что мы не пѣшки въ рукахъ игроковъ, а люди духа. Мы не идемъ туда, куда сила хочетъ толкать насъ, а туда, куда влечетъ насъ свободный нашъ духъ. Мы захотѣли теперь учиться, такъ никакія мѣропріятія не воспрепятствуютъ намъ въ этомъ. Вы закроете наши казенныя училища, такъ мы откроемъ частныя; вы закроете частныя, такъ будемъ учиться дома, на чердакахъ, въ погребахъ; вы и это запретите, такъ будемъ учиться за-границей“... (321).

Кромѣ просвѣтительной дѣятельности, обрусители „Горячаго времени“ заняты мыслями о насажденіи среди евреевъ русской гражданственности, которая должна подготовить ихъ къ воспріятію великихъ реформъ. „Все вокругъ насъ зашевелилось, засуетилось, зашумѣло,—пишетъ Саринъ своимъ единомышленникамъ. По всему пространству Россіи идетъ теперь генеральная ломка, сверху и снизу. Ломка старыхъ идей, принциповъ, закаменѣлыхъ учрежденій и въѣвшихся въ плоть обычаевъ. Шумъ, трескъ и грохотъ. Все спѣшитъ обновляться, очищаться; все стремится впередъ, на встрѣчу чему-то новому, небывалому, почти неожиданному. Даже наши единовѣрцы—и тѣ поднялись на ноги и готовы идти... Они только еще не знаютъ куда. Доходятъ-ли до васъ умилительные звуки трубы юга?“ (стр. 59).

Съ юга шли категорическіе обрусительные императивы, но въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ дѣйствуютъ герои „Горячаго времени", южное вліяніе встрѣтилось уже въ началѣ 60-хъ годовъ съ польскимъ движеніемъ. И Саринъ взываетъ къ своимъ литовскимъ современникамъ, жившимъ своей патріархальной жизнью, слегка тронутой „гаскалой": „Знайте, что приближается время, горячее время, въ которое ваши виноградники и смоковницы окажутся не совсѣмъ надежной опорой покоящимся подъ ихъ тѣнью. Приближается время, въ которое съ ножомъ къ горлу будутъ приставать къ намъ, требуя категорическаго отвѣта на вопросъ: кто вы? что вы? за кого вы? съ кѣмъ вы" (стр. 60).

Обрусители „Горячаго времени" рѣшаютъ „пристать къ Москвѣ". Они не видятъ поводовъ для благодарности Польшѣ, на чемъ настаиваютъ поляки, ибо „поляки не могутъ насъ любить": „то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть". Приводятся извѣстные факты изъ исторіи польско-еврейскихъ отношеній (стр. 61, 62, 77, 78, 118, 182). Въ Россію же и ожидающую тамъ евреевъ свѣтлую будущность обрусители горячо вѣрятъ, несмотря на всѣ попытки поляковъ разочаровать ихъ въ этомъ (стр. 61, 187 сл.).

Въ „Горячемъ времени" фигурируетъ и представитель либеральнаго русскаго общества (офицеръ Дубовъ, единственный русскій участникъ еврейскаго обрусительнаго кружка). Онъ выражаетъ русскую точку зрѣнія въ дѣлѣ обрусенія евреевъ. „На нашей ненадежной западной окраинѣ,—занесъ онъ въ свою памятную книжку,—мы должны и можемъ создать себѣ изъ еврейской массы довольно порядочный контингентъ, который могъ бы служить противовѣсомъ нѣмецкимъ иллюзіямъ и польскимъ притязаніямъ; такой противовѣсъ стоитъ трехъ крѣпостей, а такимъ противовѣсомъ евреи сдѣлаются тогда, когда они почувствуютъ себя р у с с к и м и. Это чувство мы и должны будить въ нихъ неослабно, послѣдовательно" (стр. 258).

Но и въ насажденіи русской гражданственности, какъ и въ просвѣтительной работѣ, обрусители „Горячаго времени" встрѣчаютъ рѣзкое противодѣйствіе русской администраціи. Еврейская интеллигенція видѣла въ „обрусеніи"—г р а ж д а н с к о е пріобщеніе евреевъ къ Россіи путемъ уничтоженія ихъ безправія и распространенія на нихъ общихъ преобразованій (участіе въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ и т. п.). Для оффиціальныхъ же обрусите-

лей, обрусеніе означало переломъ въ эпохѣ реформъ, поворотъ въ сторону реакціи, борьбы съ инородцами и постепеннаго урѣзыванія или полнаго упраздненія реформъ 60-хъ годовъ. Въ „Горячемъ времени“ происходитъ характерный діалогъ между представителемъ еврейской интеллигенціи (Саринымъ) и русскимъ сановникомъ, мѣстнымъ администраторомъ. Саринъ, обвиняющійся въ „преступной пропагандѣ“, оправдывается, что пропаганда ведется исключительно въ интересахъ Россіи, на что администраторъ гнѣвно возражаетъ: „Съ какихъ это поръ жиды стали заботиться о пользахъ Россіи“? — Съ тѣхъ поръ,—отвѣтилъ Саринъ,—какъ они перестали быть жидами и стали чувствовать себя русскими гражданами.— „Гражданами?“—вспылилъ сановникъ—citoyens? Въ Россіи нѣтъ гражданъ, ситойеновъ, а есть подданные, понимаете? Ишь, что выдумали—граждане! У насъ развѣ республика? Мы эту литературу изъ вашей головы выбьемъ. Намъ гражданъ не нужно, намъ нужно вѣрноподданныхъ, а кто этого не понимаетъ, того мы вразумимъ; на то мы и начальство, чтобы вразумлять“ (стр. 324). Въ такомъ же духѣ продолжается этотъ діалогъ, имѣющій значеніе историческаго документа, такъ какъ Леванда, состоя въ то время ученымъ евреемъ при виленскомъ генералъ-губернаторѣ, хорошо зналъ настроеніе администраціи края.

Упомянутый сановникъ понимаетъ вѣрность евреевъ только въ томъ смыслѣ, чтобы они доносили начальству о замыслахъ поляковъ. Саринъ же представляетъ себѣ вѣрность исключительно въ гражданскомъ и культурномъ отношеніи, обѣщая полякамъ, что относительно ихъ дѣйствій еврейская интеллигенція будетъ соблюдать „строжайшій нейтралитетъ“ (стр. 185). И будучи заключенъ въ тюрьму за ту же „преступную пропаганду“, Саринъ предается все однимъ и тѣмъ же размышленіямъ о томъ времени, когда „всѣ живущіе въ Россіи евреи предъявятъ свои права на русское гражданство.“—„За равноправіе, мечтаетъ онъ, мы будемъ платить патріотизмомъ, нашимъ исконнымъ, нашимъ пламеннымъ патріотизмомъ. Наша азіатская кровь не позволитъ намъ любить Россію и въ то же время относиться безстрастно къ ея интересамъ. . . Мы будемъ русскими, но для насъ вѣдь всегда останутся чуждыми русская лѣнь, русская беззаботность, забубенность, безстрастіе и то, что называется русскою широкою натурою. Благодушествовать не въ нашемъ характерѣ, мы—соль человѣчества“ (327).

Послѣ усмиренія польскаго возстанія, Саринъ оказывается въ изгнаніи вмѣстѣ съ польскими эмигрантами, тоску которыхъ онъ сравниваетъ съ „тоскою нашихъ палестинскихъ предковъ, которые на рѣкахъ вавилонскихъ сидѣли и плакали“. „Мнѣ—продолжаетъ излюбленный герой Леванды—очень понятна эта грызущая, давящая тоска!.. Она священна,—потому что невыразима. И я плачу вмѣстѣ съ ними, потому что я знаю, что значитъ не имѣть отечества, жить на чужбинѣ, странствовать и не видѣть конца своимъ странствованіямъ. Поляки тоже будутъ странствовать. Поздравимъ себя попутчиками“. Для утѣшенія польскихъ изгнанниковъ Саринъ читаетъ имъ „Іудейскія войны“ Іосифа Флавія и сравниваетъ судьбы Польши и Іудеи. . . „Мнѣ же очень пріятно видѣть (пишетъ онъ своему другу въ Россіи), какъ ясновельможные паны все больше убѣждаются, что мы—не цыгане какіе нибудь, а народъ съ историческою жизнью, со славнымъ прошедшимъ“ (346).

Въ самомъ концѣ романа Саринъ, подъ вліяніемъ извѣстій изъ Россіи о томъ, что обрусеніе евреевъ введено въ „правительственный принципъ“, снова начинаетъ стремиться въ Россію, чтобы возобновить свою обруситедьную работу, подъ знаменемъ которой „мы обрѣтемъ себѣ отечество“ (стр. 347).

Въ „Днѣ“ и „Горячемъ времени“ обруситедьное теченіе достигло своего апогея. Однако, въ той же „Еврейской Библіотекѣ“, въ которой печатался романъ Леванды, слышатся и новыя нотки по національному вопросу. Это проявилось въ спорѣ о судьбѣ новой литературы на древне-еврейскомъ языкѣ. „День“ (въ статьѣ М. Г. Моргулиса „Національный и практическій взгляды на значеніе древне-еврейскаго языка“, 1869 г. №№ 3, 5) осуждаетъ попытки создать новую литературу на этомъ языкѣ. „Еврейская Библіотека“, наоборотъ, и устами Л. Гордона, полемизирующаго въ своемъ первомъ литературномъ обзорѣ (т. I) съ точкой зрѣнія „Дня“, и въ предисловіи А. Ландау ко 2-му тому „Евр. Библ.,“, высказывается за развитіе гебраистской литературы. Въ то же время и Гордонъ, и редакторъ „Евр. Библіотеки“ подчеркиваютъ свою полную солидарность съ идеологами обрусенія евреевъ (т. I, 349; т. II, предисл.).

А. Е. Ландау въ томъ же предисловіи опредѣляетъ свою точку зрѣнія по національному вопросу вообще. „Мы вовсе не видимъ причины,—говоритъ онъ,—почему равноправность и образованіе обусловливаютъ необходимо смерть еврейской народности. Если національность не связана непремѣнно съ облада-

ніемъ территоріей,—что, впрочемъ, неопровержимо доказывается самимъ существованіемъ до сихъ поръ еврейской національности, въ теченіе слишкомъ 1500 лѣтъ,—а заключается въ физіологическихъ и культурныхъ качествахъ, то мы не видимъ никакого основанія выдѣлить евреевъ въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ другихъ народовъ, ибо и они (евреи) въ высокой степени обладаютъ этими качествами". Тутъ же авторъ ссылается на формулировку А. И. Георгіевскаго по національному вопросу: жить общей со всѣми народами жизнью и „въ то же время хранить, развивать и совершенствовать свое особое національное достояніе" [1]). Но вслѣдъ за этимъ Ландау продолжаетъ: „Изъ сказаннаго нами вовсе, однако, не слѣдуетъ заключить, чтобы мы были ярыми отстаивателями еврейской національности. Напротивъ, для насъ, важно только то, чтобы всѣ люди были образованы и равноправны, чтобы не было притѣснителей и притѣсненныхъ. Наше сокровенное желаніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы евреи были людьми и чтобы ихъ считали людьми, чтобы отъ нихъ требовали то, чего требуютъ отъ всѣхъ прочихъ людей и чтобы имъ предоставляли то, что предоставляютъ прочимъ людямъ"...

Эти взгляды А. Е. Ландау весьма характерны для цѣлаго общественнаго теченія, которое уже въ 70-хъ годахъ начало воспринимать оттѣнки новой, національной идеологіи, но по существу оставалось вѣрнымъ настроеніямъ 60-хъ годовъ, когда рѣшеніе еврейскаго вопроса цѣликомъ исчерпывалось—въ понятіяхъ еврейской интеллигенціи—образованіемъ и равноправіемъ.

И. Сосисъ.

---

[1]) См. „Евр. Ст." кн. I с. г., стр. 46-50.

Польско-еврейскія отношенія 1861—62 гг.

въ оффиціальныхъ донесеніяхъ.

Нынѣшній фазисъ польско-еврейскихъ отношеній, пріобрѣтающихъ все болѣе зловѣщій характеръ, вызываетъ въ памяти не только аналогичныя явленія прошлаго (ихъ было много), но и явленія противоположныя—весьма рѣдкіе моменты союза и „братства" между обѣими сторонами. Однимъ изъ такихъ рѣдкихъ моментовъ было, какъ извѣстно, время польскаго возстанія 1861—63 гг. Интересъ контраста представляютъ для насъ событія этихъ лѣтъ, которымъ уже были посвящены нѣкоторыя статьи въ „Еврейской Старинѣ" [1]).

Къ этимъ матеріаламъ мы намѣрены присоединить здѣсь документы, хотя и опубликованные, но мало извѣстные, такъ какъ они появились много лѣтъ назадъ въ спеціальномъ историческомъ журналѣ. Мы говоримъ о донесеніяхъ варшавскаго намѣстника Лидерса императору Александру II, гдѣ среди общихъ свѣдѣній о состояніи взволнованнаго края содержится немало важныхъ свѣдѣній и о положеніи въ немъ евреевъ [2]).

Генералъ Лидерсъ, какъ извѣстно, былъ назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго осенью 1861 г., послѣ тѣхъ патріотическихъ манифестацій на улицахъ и въ костелахъ Варшавы, послужившихъ прелюдіей къ возстанію, въ которыхъ участвовали и многіе изъ мѣстнаго еврейскаго общества. Въ моментъ прибытія Лидерса всѣхъ волновала слѣдующая демонстрація солидарности между поляками и евреями. Когда католическое духовенство, въ видѣ протеста противъ вторженія русскихъ солдатъ въ костелы, закрыло въ Варшавѣ всѣ костелы, то одновременно и раввины вмѣстѣ съ общинными старостами, изъ чувства солидарности, также распорядились о закрытіи синагогъ (октябрь).

---

[1]) См. 1913 г., кн. IV, и 1915 г. кн. I.

[2]) Состояніе Царства Польскаго въ 1861 и 1862 гг. Всеподданнѣйшія донесенія генерала Лидерса. Русская Старина 1899 г. кн. 11—12 и 1900 г. кн. 6.

Этому событію посвящено первое, касающееся евреевъ, всеподданнѣйшее донесеніе Лидерса отъ 1 (13) ноября 1861 года, въ которомъ онъ весьма скептически относится къ „мнимому братству между евреями и поляками".

„Примѣру варшавскаго духовенства (католическаго),—сообщаетъ Лидерсъ — послѣдовало и еврейское, велѣвъ также замкнуть свои божницы. Раввины оправдывались въ этой мѣрѣ тѣмъ, что будто бы при открытыхъ дверяхъ произойдетъ непремѣнно запретное пѣніе со всѣми его послѣдствіями. Но раввины подражаютъ ксендзамъ изъ видовъ мнимаго братства, завязавшагося въ смутное время между евреями и поляками. Вообще, поведеніе еврейскаго населенія, особенно реформистовъ [1]), обличило духъ непростительной оппозиціи и побудило правительство подвергнуть главныхъ агитаторовъ законной отвѣтственности. 28-го октября арестованы и посажены въ Александровскую цитадель раввинъ Майзельсъ, учители Раввинской школы Ястровъ и Крамштыкъ и купецъ Файнкиндъ".

Слѣдующее донесеніе намѣстника отъ 6 (19) декабря 1861 г. останавливаетъ вниманіе правительства на отношеніи евреевъ къ проекту реформы маркиза Велепольскаго, извѣстнаго посредника между русскимъ правительствомъ и польскимъ обществомъ. „Евреи,—говорится въ этомъ донесеніи—здѣсь довольны проектомъ маркиза Велепольскаго относительно ихъ устройства, прошедшимъ черезъ Государственный Совѣтъ Царства Польскаго, и гласно говорятъ, что принуждены были купить обѣщанныя преимущества цѣной братства, заявленнаго на польскихъ манифестаціяхъ". Лидерсъ, при этомъ, между прочимъ, ссылается на одну статью въ газетѣ „Часъ", въ которой проводилась мысль о пріобщеніи еврейства къ христіанству при посредствѣ Польши.

Но уже въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ донесеній намѣстникъ обращаетъ вниманіе на замѣчающійся среди евреевъ ростъ національнаго самосознанія. Такъ, въ донесеніи за время отъ 13 по 20 декабря 1861 года мы читаемъ:

„Не безъ значенія и отголоски евреевъ въ здѣшнемъ журналѣ „Заря" (Jutrzenka, 27 Grud. № 26). Наскучилъ имъ, кажется, натискъ поляковъ, и они смѣло проповѣдуютъ терпимость не только въ вѣрѣ, но и языкѣ, обѣщая издавать новый журналъ „Гацфиро" („Заря") [2]) на еврейскомъ языкѣ, въ духѣ

---

[1]) Т. е. ассимиляторовъ, „поляковъ Моисеева Закона".

[2]) Еженедѣльникъ Х. З. Слонимскаго, издававшійся въ Варшавѣ въ 1862 г.

здравыхъ религіозныхъ понятій, съ предвареніемъ, что они гнушаются набрасываніемъ имъ чужихъ мыслей и убѣжденій. Очень кстати вышелъ Высочайшій приказъ, допускающій евреевъ въ военной службѣ къ производству въ унтеръ-офицерское званіе".

Въ очередномъ донесеніи отъ 27 янв. (8 февраля) 1862 г. намѣстникъ, однако, вновь констатируетъ, на основаніи ряда косвенныхъ указаній, фактъ сочувствія евреевъ польскому дѣлу: „Крестьяне изъ гмины Радомице (Опочинскаго уѣзда), числомъ 11 человѣкъ (въ томъ числѣ 6 женщинъ), показали единогласно, что магазинеръ горнаго завода въ Сельни, Бялочевскій, внушалъ имъ самыя возмутительныя мысли, упрекая ихъ, что они хуже жидовъ, потому что жиды пристали уже къ панамъ, а они держатъ сторону москалей".

Все же въ началѣ 1862 года отношеніе евреевъ къ полякамъ какъ будто видоизмѣняется, на что имѣются указанія въ донесеніи отъ 3 (15) января, гдѣ сообщается слѣдующее:

„Въ день новаго года, на представленіи исправляющему должность намѣстника, генералъ-адъютанту Лидерсу, отсутствовало римско-католическое духовенство, но было евангелическое и еврейское". . . . . „Не лучше отношеніе поляковъ и къ евреямъ. Давно ли братались они съ евреями, давно ли призывали ихъ въ костелы молиться съ шапкой на головѣ за благоденствіе отчизны и пѣть вмѣстѣ „Boże, coś Polskę", а уже еврей не хочетъ назваться полякомъ Моисеева вѣроисповѣданія, или жидовскимъ полякомъ, а остается по старому при своемъ — „польскій жидъ". И въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли евреи ждать какого-либо пути отъ нареченныхъ своихъ братьевъ, когда здѣсь ихъ тащатъ насильно въ костелъ, а во Львовѣ гонятъ вонъ, какъ оскверняющихъ своимъ присутствіемъ святыню".

О неизбѣжности нароставшей національной борьбы повѣствуетъ намъ и слѣдующее донесеніе, за время отъ 3 (15) по 10 (22) января 1862 года: „Борьба поляковъ съ окружающими ихъ народностями—еврейской и нѣмецкой, которая была приведена въ молчаніе терроризмомъ смутнаго времени, ведется довольно открыто съ обѣихъ сторонъ. Евреи чувствуютъ смѣшную сторону наброшеннаго имъ названія „поляковъ Моисеевой вѣры", видя, что ихъ принимаютъ во Львовѣ за осквернителей костеловъ; они взваливаютъ всю вину мнимаго братства на реформистовъ и новомодныя божницы, что на Данилевичской улицѣ и на Налевкахъ. Теперь, въ ожиданіи равноправности, они, конечно, не очень расположены къ уступкамъ въ пользу польской народности".

Очевидно, намѣстникъ разсчитывалъ на рознь между ортодоксами-хасидами и ассимиляторами, надѣясь привлечь первыхъ на сторону русскаго правительства, Съ этими внутренними раздорами въ еврейской общинѣ связано донесеніе отъ 17 (29) января 1862 г., гдѣ, между прочимъ сообщается: „Положеніе евреевъ продолжаетъ высказываться въ ихъ органѣ. Въ надеждѣ скоро достигнуть равноправности въ отношеніи гражданскомъ. они переносятъ вопросъ свой на религіозную почву и смѣло просятъ поляковъ не трогать ихъ вѣрованій, оставляя каждому на волю славить Бога по своему обряду и убѣжденію".

Лидерсъ съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ случаи недовольства поляковъ евреями-солдатами, которые по долгу службы участвовали въ усмиреніи края. Въ донесеніи отъ 24 февраля онъ пишетъ:

„Люблинскому губернатору прислано безъимянное письмо, очень складно написанное, въ которомъ подписавшіеся „поляки", выставивъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ безбожные будто бы поступки нижнихъ чиновъ Харьковскаго уманскаго полка, рубившихъ самые кресты, для скорѣйшаго снятія съ нихъ эмблематическихъ надписей и украшеній, и употребившихъ къ тому полкового кузнеца-жида, — требовали, чтобы губернаторъ вступился и прекратилъ подобныя оскверненія святыни... Евреи, въ ожиданіи равноправности, обезпечиваемой проектомъ ихъ устройства, очень довольны указомъ, по которому одновѣрцы ихъ въ Имперіи, имѣющіе ученыя степени, могутъ вступать на государственную службу. Братство съ поляками все кажется имъ сомнительнѣе въ виду того, что дѣлается теперь въ Галиціи, гдѣ жалуются, что они присутствіемъ своимъ оскверняютъ костелы, или здѣсь, гдѣ къ вящшему поскверненію креста, какъ выше замѣчено, призванъ былъ кузнецъ-жидъ. Однако жъ, тѣ же жиды въ смутное время подарили полякамъ крестъ".

Развивавшееся польское освободительное движеніе все болѣе, однако, вовлекало въ себя еврейскую массу, одновременно вскрывая неустойчивость и подневольность еврейской оріентаціи.

„Закрытіе еврейскихъ синагогъ—гласитъ донесеніе отъ 7 (19) февраля 1862 г.—въ одно время съ костелами было манифестаціей со стороны евреевъ въ пользу польскаго возмущенія. Поляки, нуждаясь въ евреяхъ, протянули имъ братскую руку: они, доселѣ отверженные, презираемые, ухватились за нее, чтобы воспользоваться правами братства и выйти изъ своего исключительнаго положенія. Упрекать ихъ въ безразсудномъ патріотизмѣ было бы несправедливо; но это самое оподозрѣваетъ ихъ преданность правительству и отягчаетъ вину, ибо не оправдываетъ ея никакимъ благороднымъ побужденіемъ. Они были вѣрны поневолѣ и при первомъ удобномъ случаѣ, когда поляки поль-

стили ихъ видамъ равноправности, измѣнили правительству. Случай этотъ представлялся имъ нѣсколько разъ, и каждый разъ они имъ пользовались, съ той только разницей, что одни реформисты съ Данилевичской улицы и Налевокъ были коноводами, а другіе всѣ староверцы—послушнымъ орудіемъ. Появленіе духовенства ихъ, съ эмблематическими знаками, на похоронахъ Фіалковскаго [1]) было одной изъ послѣднихъ манифестацій ихъ противозаконнаго порядка. Послѣ объявленія военнаго положенія ничто, кромѣ желанія выказать свое братство съ поляками, не побуждало ихъ къ закрытію двухъ главныхъ синагогъ, ибо опасенія, чтобы въ нихъ не произошло пѣнія гимновъ, не имѣло никакого основанія. Однакожъ, они заперли синагоги, несмотря на запрещеніе, объявленное со стороны полиціи, и дали только знать о томъ оберъ-полиціймейстеру, съ свойственной имъ изворотливостью, чтобы сказать потомъ что-нибудь въ свое оправданіе. Съ этой же цѣлью затворены были у синагогъ главныя двери, а боковыя отперты, такъ что синагоги въ одно время были и заперты, и нѣтъ. Главными виновниками въ дѣлѣ закрытія синагогъ оказались раввинъ варшавскаго округа Майзельсъ и проповѣдники Ястровъ и Крамштыкъ. Первый изъ нихъ, по званію своему, увлекъ еврейское населеніе въ общее движеніе безпорядковъ, и посредствомъ письменныхъ отзывовъ къ духовенству (о чемъ было упомянуто въ одномъ изъ прежнихъ обзоровъ), содѣйствовалъ къ развитію этого движенія. Дальнѣйшее пребываніе его въ Варшавѣ не должно быть допущено, и потому онъ (т. е. раввинъ Майзельсъ), какъ австрійскій подданный, высланъ за-границу, съ воспрещеніемъ возврата. Ястровъ и Крамштыкъ проповѣдями своими стремились возбудить ненависть къ правительству и по дѣлу закрытія синагогъ оказались даже виновнѣе самого раввина Майзельса, вслѣдствіе чего первый изъ нихъ, какъ прусскій подданный, высланъ за-границу, съ воспрещеніемъ возврата, а Крамштыка велѣно выдержать годъ въ Бобруйскѣ и потомъ сослать на жительство въ дальнюю губернію Имперіи. Предсѣдатель же Божничьяго дозора Файнкиндъ, какъ менѣе виновный во всемъ этомъ дѣлѣ, по освобожденіи взятъ подъ полицейскій надзоръ“.

Въ этомъ же пространномъ донесеніи мы находимъ нѣкоторыя указанія о составѣ евреевъ-повстанцевъ. Такъ, изъ опубликованнаго 5 (17) февраля „списка 148-мъ лицамъ, подвергнувшимся разнымъ наказаніямъ послѣ объявленія военнаго положенія“, видно, что всѣ эти лица, за исключеніемъ 29 ксендзовъ и 6 помѣщиковъ, принадлежатъ къ городскому населенію, при чемъ „на долю евреевъ приходится 12 человѣкъ, на половину студентовъ“. Еврейская молодежь, естественно, была радикальнѣе и шла

[1]) Варшавскій архіепископъ, одинъ изъ вдохновителей революціоннаго движенія.

дальше въ дѣлѣ ассимиляціи съ поляками, чѣмъ люди старшаго поколѣнія. Лидерсъ отмѣчаетъ мимоходомъ это дѣленіе. „Евреи, въ подражаніе полякамъ раздѣляются между собою также на старшихъ и младшихъ братьевъ; и первые проповѣдуютъ просвѣщеніе, но въ вѣчномъ союзѣ съ религіей, т. е. хотятъ оставаться только польскими евреями, не больше".

Съ явнымъ злорадствомъ отмѣчаетъ намѣстникъ въ своемъ февральскомъ донесеніи всякіе случаи проявленія польской юдофобіи, разстраивающіе польско-еврейское „братство". „Недавно,— пишетъ онъ,—во время пожара въ конюшнѣ одного еврея въ г. Яновѣ (Праснышскаго уѣзда), поляки, подъ видомъ помощи, бросились съ топорами въ домъ, изрубили все въ куски и разграбили лавку. Въ другихъ мѣстахъ города неоднократно былъ прежде того подкладываемъ огонь у еврейскихъ домовъ". При чтеніи этихъ строкъ невольно вспоминаются нѣкоторые жуткіе факты изъ хроники „бойкота" нашихъ дней.

Вожди польскаго движенія, конечно, не хотѣли доставлять удовольствіе суровому генералу Лидерсу и всячески старались загладить несвоевременныя проявленія юдофобіи въ массахъ. Вновь назначенный варшавскій архіепископъ Фелинскій, при посѣщеніи благотворительныхъ заведеній, посѣтилъ также еврейскій пріютъ. Объ этомъ посѣщеніи читаемъ мы въ донесеніи намѣстника за время отъ 14 (26) по 21 февр. (5 марта) 1862 г. слѣдующее:

„Евреи очень довольны тѣмъ, что архіепископъ Фелинскій посѣтилъ ихъ госпиталь. Поляки, склонные къ мечтательности, видятъ тутъ уже начало вѣротерпимости и вмѣстѣ зарю общаго обращенія Израиля къ христіанству. Евреи же думаютъ совсѣмъ другое и по праву недавняго братства ставятъ вопросъ: можно ли имъ пріобрѣтать большія помѣстья, коль скоро дозволено покупать сельскія усадьбы. Если скажутъ, что не пришла еще пора, что въ еврейскомъ населеніи чувствуется еще недостатокъ высшаго образованія, то на это можно возразить, что не всѣ же помѣщики люди съ высшимъ образованіемъ. Таково настроеніе еврейскихъ умовъ въ виду будущей равноправности".

* * *

Нѣтъ надобности комментировать всѣ эти оффиціальныя сообщенія. Въ нихъ правда тогдашнихъ польско-еврейскихъ отношеній выступаетъ довольно ярко уже потому, что авторъ ихъ, будучи врагомъ польскаго революціоннаго движенія, не былъ также и другомъ евреевъ.

Х. Коробковъ.

Евреи въ Московскомъ государствѣ XV—XVII в.

II *).

Есть извѣстіе, что въ Москву понаѣхали евреи изъ Польши вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ I (1605—1606), котораго сопровождала польская свита. „Сказаніе“, сообщающее между прочимъ о „злопроклятомъ еретикѣ Гришкѣ Отрепьевѣ“, передаетъ, что „тако наполнилъ онъ окаянный Россійское царство поганными иновѣрцы еретики, Литвою, и Поляки и жиды, и иными скверными иноземцами, и стало въ нихъ мало русскихъ людей видѣть“. По одному сказанію, евреи оказались среди лицъ, окружавшихъ Лжедмитрія; готовясь въ Москвѣ къ нападенію русскихъ, онъ приказалъ „панамъ, сенаторамъ и жидамъ [1]) и всѣмъ иноземцамъ“ готовить оружіе; среди сторонниковъ Лжедмитрія, вмѣстѣ съ нимъ убитыхъ, другой источникъ отмѣчаетъ и евреевъ [2]).

Въ ту пору въ Москву прибыли изъ-за рубежа люди, искавшіе торговыхъ барышей. Торговля была объявлена свободною, и можно думать, что евреи использовали это благопріятное положеніе.

Москвичамъ было тяжело видѣть у себя поляковъ; русскіе вообще ненавидѣли католиковъ, которыхъ какъ бы не считали за христіанъ. Теперь же къ религіозному предубѣжденію присоединилось оскорбленное чувство національной гордости. Евреи, пріѣзжавшіе въ Москву по своимъ торговымъ надобностямъ, находились нерѣдко въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ тамошними польскими панами и пользовались ихъ покровительствомъ. Поэтому, крайняя ненависть, которою прониклись москвичи къ полякамъ, обрушилась и на евреевъ, когда Смута улеглась и осталось воспоминаніе, полное жгучей обиды. Но еще раньше, когда Смута

---

*) См. Евр. Стар. 1915 г., вып. 1, стр. 1.

[1]) Въ одномъ варіантѣ сказано вмѣсто „жидамъ“—„жилцамъ“. См. Русск. Историч. Библіотека, XIII, стр. 820.

[2]) См. различныя сообщенія: Русск. Историч. Библіот. т. XIII, (Спб. 1891), стр. 495, 820, 824, 827, 829—830.

держала страну въ смятеніи, возникло движеніе, направленное противъ евреевъ.

Въ селѣ Тушино, резиденціи Лжедмитрія II, прозваннаго „Тушинскимъ Воромъ", образовался таборъ изъ поляковъ и различныхъ группъ русскаго общества, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ ставшихъ врагами московскаго царя Василія Шуйскаго. Когда отсюда начались переговоры съ польскимъ правительствомъ о возведеніи польскаго королевича Владислава на московскій престолъ, тушинскіе депутаты, сознавая какой ударъ національной гордости должно было нанести приглашеніе поляка на московскій престолъ, увидѣли себя вынужденными всячески смягчить этотъ ударъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры къ тому, чтобы появленіе католика на престолѣ не превратилось въ угрозу для православной церкви. И вотъ, въ проектѣ договора между тушинцами и польскимъ правительствомъ, среди условій, выработанныхъ съ цѣлью охранить неприкосновенность церкви, мы находимъ пунктъ, касающійся евреевъ: „Чтобы святая вѣра греческаго закона оставалась неприкосновенной, чтобы учителя римскіе, люторскіе и другихъ вѣръ раскола не чинили; если люди римской вѣры захотятъ приходить въ церкви греческія, то должны приходить со страхомъ, какъ прилично православнымъ христіанамъ, а не съ гордостію, не въ шапкахъ, псовъ съ собою въ церковь не водили бы... Не отводить никого отъ греческой вѣры, потому что вѣра есть даръ Божій и силою отводить отъ нея и притѣснять за нее не годится. Жидамъ запрещается въѣздъ въ московское государство".

Когда же вскорѣ затѣмъ, послѣ сверженія царя Василія съ престола, веденіе переговоровъ о приглашеніи польскаго королевича перешло отъ тушинскихъ бояръ къ коллегіи изъ тушинскихъ бояръ и ихъ московскихъ единомышленниковъ, требованіе о недопущеніи евреевъ было сохранено среди прочихъ условій; договорныя записи (1610 г.) вмѣнили королевичу въ обязанность запретить въѣздъ „жидамъ въ россійское во все государство съ торгомъ и ни съ которыми иными дѣлы". [1]) Московскіе бояре не могли не выставить этого требованія ибо оно уже раньше было выдвинуто, когда переговоры были начаты о приглашеніи польскаго королевича на престолъ лицами, принадлежащими къ лагерю Тушинскаго Вора. Московскіе бояре, призывавшіе къ себѣ поляка, были въ чрезвычайно тягостномъ и фальшивомъ поло-

[1]) Собр. госуд. грамотъ и договоровъ, ч. II, №№ 199 и 200.

женіи, и исключеніе требованія, касавшагося евреевъ, могло бы показаться въ то тревожное время чуть ли не измѣной народу. Не лишне здѣсь отмѣтить, что о Тушинскомъ Ворѣ распространяли слухи, будто онъ крещеный еврей [1],—это-то обстоятельство могло заставить тушинскихъ депутатовъ требовать изгнанія евреевъ, чтобы доказать, что прежніе сподвижники Тушинскаго Вора, тушинцы, совершенно отреклись отъ него.

Впрочемъ, все это не имѣло какого-либо практическаго значенія. Какъ извѣстно, польскому королевичу не суждено было занять московскій престолъ. Царемъ сталъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ (1613—1645 гг.). Эта замѣна не принесла ничего дурного тушинскому лагерю; царь былъ связанъ родственными узами съ тушинскими боярами, его отецъ былъ виднѣйшимъ тушинцемъ. Для господствовавшаго класса наступила пора благополучія. Казалось, что съ недавнимъ прошлымъ все было покончено; однако, чувствовалось, что всякій, кто захочетъ, сможетъ попрекнуть правителей смутными днями. И вотъ, чтобы вырыть непреодолимую пропасть между вчерашнимъ и сегодняшнимъ, рѣшено было опорочить Лжедмитрія: онъ не только различныхъ еретиковъ, но даже «богоубійцъ жидовъ на оскверненіе храма приводилъ» [2]—говорилось въ грамотѣ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство; болѣе того, онъ самъ родомъ жидовинъ!

Все это однако относилось лишь къ пережитому. Въ повседневной же жизни евреи были знакомы москвичамъ, какъ мирные купцы, которые думали только о томъ, какъ бы подешевле откупиться отъ чиновнаго люда, обиравшаго торговцевъ независимо отъ ихъ религіи. И неудивительно, что когда вскорѣ, волею судьбы, въ московскіе предѣлы была заброшена болѣе или менѣе значительная группа евреевъ, то къ нимъ отнеслись въ Москвѣ не какъ къ опаснымъ политическимъ авантюристамъ, а какъ къ обыкновеннымъ плѣнникамъ, захваченнымъ во время войны.

Иностранецъ Олеарій, посѣтившій Москву въ 1633—34 гг. (также въ 1639 и 1643 гг.), сообщаетъ, что русскіе „крайне неохотно видятъ и слышатъ папистовъ и іудеевъ“ [3].

---

[1]) Костомаровъ, Смутное время, ч. II, стр. 111: „по іезуитскимъ извѣстіямъ онъ былъ крещеный іудей“; звали его Богданко; онъ служилъ у царя Дмитрія, занимаясь составленіемъ писемъ на русскомъ языкѣ.

[2]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, ч. I, № 203. Регесты № 744.

[3]) Адамъ Олеарій, Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно (Спб., 1906 г. изд. Суворина).

Въ словахъ Олеарія есть, конечно, извѣстная доля правды— вѣдь поляки-католики и евреи какъ бы олицетворяли въ народномъ представленіи мрачную пору смуты. Но кромѣ того, неохотно видѣли католиковъ и евреевъ тѣ, кому они не были нужны, а вѣрнѣе тѣ, для которыхъ католики и евреи являлись нежелательными конкурентами. Въ это время поляки утратили право торговать въ Москвѣ; по Поляновскому миру 1634 г. имъ разрѣшили торговать только въ пограничныхъ городахъ, а въ Москву и замосковскіе города запрещено было ѣздить. Однако, нужно замѣтить, что не любя католиковъ и евреевъ, русскіе купцы отнюдь не питали симпатій къ другимъ иноземцамъ; всякій конкурентъ былъ русскимъ торговцамъ непріятенъ. Въ 1642 г. на земскомъ соборѣ „гости", высшее купечество и торговые люди жаловались, что нѣмцы, персіяне и всякіе иноземцы торгуютъ въ столицѣ и другихъ городахъ и благодаря этому „въ городахъ всякіе люди обнищали" [1]). Есть указанія, что уже въ началѣ 17-го вѣка иностранцевъ вообще стали стѣснять въ торговлѣ и что это явилось реакціей послѣ Смутнаго времени, когда Москва была наводнена иноземцами [2]). Да и не одни торговцы относились не дружелюбно къ иноземцамъ, не дѣлая различія между представителями разныхъ исповѣданій. Духовенство не уступало въ этомъ отношеніи торговцамъ. Даже лютеране, пользовавшіеся особыми привиллегіями, испытывали стѣсненія въ дѣлѣ отправленія вѣры. Въ 1643 г., напр., въ Москвѣ были разрушены лютеранскія кирки.

Такимъ образомъ, недружелюбіе русскихъ къ полякамъ и евреямъ не должно быть разсматриваемо какъ исключительное явленіе. Евреи не подвергались въ то время въ московскомъ государствѣ какимъ-либо спеціальнымъ притѣсненіямъ; они, какъ подданные польско-литовскаго государства, раздѣлили судьбу своихъ согражданъ [3]). Это ясно сказалось и тогда, когда, вслѣдствіе войны между Москвою и Польшею, среди русскихъ появились плѣнники—нѣмцы, литовцы, евреи и другіе.

стр. 343—4. Олеарій говоритъ еще слѣдующее: „Русскаго нельзя сильнѣе обидѣть, какъ выбранивъ его іудеемъ, хотя многіе изъ купечества довольно похожи на жидовъ".

[1]) Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 68.

[2]) Мулюкинъ, Очерки по исторіи юридич. положенія иностр. купцовъ, стр. 12.

[3]) И здѣсь, и въ дальнѣйшемъ изложеніи редакція не раздѣляетъ мнѣнія почтеннаго автора, такъ какъ имъ же признаваемыя фактическія отношенія къ евреямъ въ Московіи (рѣдкія исключенія въ счетъ не идутъ) болѣе убѣдительны, чѣмъ аргументы въ сторону смягченія этихъ фактовъ. См. примѣчаніе редакціи въ вып. I, стр. 13.—*Ред.*

Въ 1632 г. началась война, приведшая къ Поляновскому миру; нѣкоторые польскіе города сдались русскимъ; евреи, попавшіе въ плѣнъ, были вмѣстѣ съ прочими отосланы въ Россію, въ болѣе отдаленныя мѣстности; въ Москвѣ плѣнныхъ не оставляли, такъ какъ послѣ мира они могли бы вернуться на родину и разсказать, что дѣлается тамъ, а это было опасно въ военномъ отношеніи. Плѣнники были двоякаго рода: одни были государевы; другіе, захваченные частными лицами, поступали въ зависимость къ послѣднимъ или къ тому, кому ихъ продавали. По заключеніи мира, евреямъ была предоставлена та же свобода, какъ и остальнымъ плѣннымъ. Приказавъ грамотою въ Пермь Великую отпустить на родину литовскихъ плѣнниковъ, среди которыхъ были особо упомянуты и евреи, царь разрѣшилъ всѣмъ этимъ плѣнникамъ остаться въ Россіи, если они пожелаютъ [1]. Партію плѣнныхъ евреевъ мы застаемъ также въ Сибири, куда они были сосланы въ города „въ службу" и „на пашню", наравнѣ съ литовскими и нѣмецкими людьми. И этимъ евреямъ, подобно пермскимъ, было въ 1635 г. предоставлено остаться въ странѣ, независимо отъ того, примутъ ли они крещеніе, вслѣдствіе чего велѣно было „изъ городовъ Литовской полонъ—Литву и нѣмцевъ и жидовъ, гдѣ кто ни иманъ или покупанъ, сыскивая и распрашивая, присылати ко государю въ Москву" [2].

Воспользовались ли тогда евреи правомъ остаться въ московскомъ государствѣ, не знаемъ; объ этомъ пока не имѣется какихъ-либо данныхъ; но возможно допустить, что не всѣ евреи ушли за рубежъ, ибо, когда тридцать два года спустя повторился такой же случай, то иные евреи прочно осѣли въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, важнымъ фактомъ являлось то, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, много лѣтъ спустя по вступленіи на престолъ, т. е. тогда, когда онъ уже не былъ отрокомъ, выразилъ согласіе на то, чтобы въ его государствѣ евреи остались на постоянное жительство. Характерно отмѣтить, что правительство, какъ это видно изъ указа 1635 г., не воспользовалось исключительнымъ положеніемъ, въ какомъ находились плѣнные на чужбинѣ, чтобы путемъ принудительныхъ мѣръ склонить ихъ къ

[1]) Акты, собранные Археограф. Экспедиціей, III, стр. 389 (№ 252). Было предписано представить въ съѣзжую избу „литовскихъ полоненниковъ, Литву, и Нѣмцевъ и Жидовъ и Татаръ..."

[2]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Столб. Сибирскаго Приказа № 59; скл. 54—56. Приношу благодарность И. С. Бѣляеву, любезно приславшему мнѣ копію съ этого и нѣкоторыхъ другихъ документовъ.

обращенію въ православіе; было спеціально оговорено, что не крестившимся, т. е. евреямъ, а также христіанамъ, не принявшимъ православія, должно быть дано столько же хлѣба и денегъ, сколько крестившимся.

Въ ближайшіе годы отношеніе московскаго правительства къ евреямъ принимаетъ неблагопріятное направленіе; правда, въ это время всѣ вообще польскіе подданные ограничены въ правѣ пріѣзда въ предѣлы Руси. Поляки истолковывали условіе Поляновскаго мира въ томъ смыслѣ, что имъ запрещено посѣщать Москву и замосковскіе города, но что для нихъ открыта полоса отъ границы до Москвы; русскіе же дозволяли имъ пріѣзжать въ одни только пограничные города [1]). Въ Поляновскомъ договорѣ ничего не говорилось о евреяхъ. На этомъ основаніи они, повидимому, пріѣзжали въ предѣлы Руси [2]), не смотря на то, что имъ, какъ кажется, запрещали останавливаться даже въ пограничныхъ городахъ. Еслибы евреи въ эти годы не пріѣзжали въ государство, русскому посольству, отправленному въ Варшаву въ 1638 г., не было бы поручено предложить польскому правительству запретить польскимъ купцамъ ввозить заповѣдные товары, „а жидамъ отнюдь въ Россію не въѣзжать". Польскіе вельможи настаивали, чтобы евреевъ пропускали, если не во всѣ города (Поляновскій миръ ограничилъ права польскихъ подданныхъ), то хотя бы до Вязьмы и Свинска [3]),—и это потому, что пріѣздъ евреевъ въ Россію былъ обыденнымъ явленіемъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что русскіе люди вступали въ то время, какъ и раньше, въ торговыя сношенія съ евреями и внѣ предѣ-

---

[1]) Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 199—200.

[2]) Когда польскому королю Владиславу IV понадобилось въ концѣ 1637 г. послать своего фактора, виленскаго купца Аарона Марковича, не только купить „беапошлинно про его королевской обиходъ разной рухляди, но и провесть на продажу многіе другіе товары", царь Михаилъ Ѳедоровичъ отказалъ, говоря, чтобы пріѣхалъ полякъ, а не еврей, „коихъ никогда въ Россіи не бывало и съ коими никакого сообщенія христіане не имѣютъ" (Переписка между Россіей и Польшей; см. Чтеніе Общ. Истор. и Древн., 1862 г. т. IV, стр. 101; Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 224). Однако, этотъ отвѣтъ былъ вызванъ, очевидно, недружелюбіемъ къ королю (котораго—когда онъ еще былъ королевичемъ—бояре приглашали занять московскій престолъ и который продолжалъ считать себя претендентомъ на титулъ московскаго царя), а не нежеланіемъ царя допустить хотя бы одного еврея въ страну; самая ссылка на то, будто евреевъ въ Россіи „никогда не бывало", говоритъ о томъ, что письмо было составлено въ минуту раздраженія; вѣдь самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ разрѣшилъ евреямъ, взятымъ въ плѣнъ, остаться въ странѣ. [См. примѣчаніе редакціи выше, стр. 156].

[3]) Въ Свинскѣ Брянскаго уѣзда былъ сосредоточенъ „литовскій торгъ", свинская ярмарка славилась въ концѣ 17 вѣка. Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 138.

ловъ Россіи. Пріѣзжая въ Польшу и Литву съ торговыми цѣлями, русскіе люди не обходились безъ услугъ евреевъ [1]).

И въ Ригѣ русскіе вступали въ торговыя сношенія съ евреями, пріѣзжавшими изъ Польши. Въ Ригѣ существовало особое еврейское подворье, и оно, согласно правиламъ, изданнымъ въ 1666 г., служило также складочнымъ мѣстомъ для водки, привозимой какъ евреями, такъ и русскими; изъ этого дѣлаютъ заключеніе, что торговля водкою была сосредоточена въ рукахъ евреевъ, покупавшихъ ее у пріѣзжихъ русскихъ [2]).

Каково бы, однако, ни было отношеніе московскаго правительства къ евреямъ, какъ къ иноземнымъ купцамъ, въ серединѣ 17 вѣка въ Москвѣ, а можетъ быть и въ другихъ городахъ, появляется осѣдлое еврейское населеніе. Этому содѣйствовали войны съ Польшей [3]). Во время украинскаго возстанія, когда русскія войска вторглись въ Бѣлоруссію и Литву, они брали города съ еврейскимъ населеніемъ. Порою евреи раздѣляли общую участь согражданъ. Такъ, витебскіе евреи, наряду съ мѣщанами, были лишены своего имущества [4]).

Однако, на долю евреевъ выпадала также особенно тяжелая судьба. По взятіи Могилева (1654 г.), евреямъ было запрещено жить въ городѣ [5]); когда же въ слѣдующемъ году русскій военачальникъ Поклонскій узналъ, что евреи остались на своихъ мѣстахъ въ Могилевѣ, онъ велѣлъ евреямъ покинуть городъ, гарантировавъ имъ безопасность, но затѣмъ евреи были измѣннически умерщвлены и тутъ же зарыты; остальные евреи, не успѣвшіе выйти изъ города, узнавъ о гибели своихъ братьевъ, согласились креститься, чтобы спасти себя отъ смерти; впослѣдствіи

---

[1]) Н. Оглоблинъ, Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 г.), ч. III, стр. 198. Купецъ Стефановъ, посланный въ 1646 г. изъ Сибири въ Литву, чтобы продать или обмѣнять мѣха, заявилъ, по возвращеніи на родину, что онъ раззоренъ „отъ жидовъ до основанія".

[2]) Имѣется позднѣйшее извѣстіе, что евреи привозили водку изъ Польши въ Прибалтійскій край. Buchholtz, Geschichte der Juden in Riga (Рига, 1899 г.), стр. 16 и 118 (уставъ 1666 г., § 2).

[3]) О томъ, что въ московскомъ государствѣ было осѣдлое еврейское населеніе, говоритъ Градовскій (Отношенія къ евреямъ въ древней и современной Руси), но онъ не привелъ фактическихъ данныхъ въ пользу своего утвержденія.

[4]) „Витебск. Стар." Сапунова, т. IV, ч. II, стр. 44. — Въ Кіевѣ (1660 г.) евреямъ, наравнѣ съ поляками и армянами, „на вѣчныя времена" было запрещено селиться. Соотвѣтствующую царскую грамоту исходатайствовалъ кіевскій полковникъ, который, по взятіи города казаками, отдалъ православной церкви земли, принадлежавшія бернардинамъ, іезуитамъ и армянамъ. Кіевская Старина, 1885 г., кн. IV, стр. 744.

[5]) Акты историч. IV, стр. 227: „жидамъ въ Могилевѣ не быти и житья никакого не имѣти".

они большею частью вернулись въ лоно іудейства[1]). Изъ завоеванной Вильны (1658 г.). въ виду ходатайства мѣстныхъ должностныхъ лицъ, помѣщиковъ и мѣщанъ о сохраненіи за гражданами ихъ правъ, евреи были удалены „на житье за городъ".

Евреи испытали общую судьбу завоеваннаго края и въ другомъ отношеніи—подобно прочимъ жителямъ, многіе евреи, мужчины и женщины, взрослые и дѣти, были отправлены въ Россію въ качествѣ военноплѣнныхъ, а иные, захваченные отдѣльными офицерами и солдатами, были обращены въ крѣпостное состояніе. Повторилось въ большихъ размѣрахъ то, что произошло въ тридцатыхъ годахъ.

Въ 1655 г. партія плѣнныхъ „литовскихъ людей и жидовъ" была отослана изъ Калуги въ Нижній-Новгородъ; къ ней была присоединена партія плѣнныхъ изъ Брянска[2]) Имѣется извѣстіе о плѣнныхъ евреяхъ, томившихся вмѣстѣ съ поляками въ Казани [3]). Плѣнные евреи оказались и въ Москвѣ.

Согласно существовавшему закону „иноземцы некрещеные", т. е. всѣ, вообще, неправославные иностранцы, должны были жить въ отведенной для нихъ части за городомъ[4]), причемъ они могли держать въ услуженіи только иноземцевъ всякихъ вѣръ; русскимъ же было запрещено жить у иноземцевъ, какъ по крѣпостямъ, такъ и добровольно, потому что „православнымъ христіанамъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и оскверненіе", православные, живущіе у иноземцевъ, умираютъ безъ покаянія, въ посты ѣдятъ скоромное[5]). Было приказано разыскивать православныхъ людей въ иноземныхъ дворахъ и чинить имъ жестокое наказаніе, „чтобы имъ и инымъ такимъ неповадно было такъ дѣлать".

Въ 1659 г. была произведена своего рода облава въ Москвѣ, въ Нѣмецкой свободѣ, гдѣ проживали иноземцы. Тамъ нашлись русскіе люди, бѣлоруссы, „крещеные" и „некрещеные". Были захвачены и евреи. Преобладали женщины. Ганка и Рыся, дочери Меоровы, имѣвшія при себѣ дѣтей, заявили, что онѣ изъ

---

[1]) Регесты, № 962 (Археографич. сборн. II, стр. XIII).
[2]) Полное собраніе законовъ, № 148.
[3]) Акты Виленск. Археогр. Комис. V., 175.
[4]) Въ 1652 г. всѣхъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, выселили за городъ въ особую новую (прежняя была уничтожена въ Смутное время) иноземную слободу. Въ 1664 г. правительство не дало согласія на то, чтобы голландцы пріобрѣтали дома за предѣлами нѣмецкой слободы. Мулюкинъ, Очерки по ист. юридич. полож. купцовъ, стр. 233.
[5]) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, гл. XX, ст. 70.

Мстиславля: въ 1654 г. ихъ взялъ въ плѣнъ подполковникъ Михайло Вестовъ, который и передалъ ихъ своей матери, „некрещеной нѣмкѣ“; тотъ же подполковникъ забралъ въ Горкахъ и отдалъ своей матери дѣвушку Махлю. Другой сынъ этой нѣмки, подполковникъ Самойло Вестовъ, привелъ дѣвушку Эстерку, дочь Юдину, изъ Мстиславля; всѣхъ этихъ женщинъ „допрашивали“ въ иноземскомъ приказѣ, хотятъ ли онѣ перейти въ православную христіанскую вѣру, или въ нѣмецкую-люторскую; онѣ выразили согласіе принять лютеранство, и тогда онѣ были отданы одному изъ братьевъ Вестовыхъ. Были захвачены и цѣлыя семьи. Оска Александровъ, изъ Ново-троицкаго повѣта, вмѣстѣ съ женою и сыномъ, попалъ въ руки подполковника Кондратьева, который отдалъ ихъ живописцу Иванову; позже вдова Иванова отпустила семью на свободу,—Оска остался жить въ слободѣ, гдѣ „кормился черною работою“. Нашлись и бобыли. Якубко Израилевъ былъ взятъ въ 1654 г. Темниковскими татарами, прожилъ у нихъ около двухъ лѣтъ, а потомъ старика отпустили; онъ пришелъ изъ Темникова въ Москву и здѣсь вотъ уже второй годъ „печетъ на торгъ хлѣбы“. Одинъ еврей принялъ католическую вѣру—Марчко-Захаръ Яшевъ, Новгородскаго повѣта, вмѣстѣ съ мѣщанами Дубровны захваченный въ 1654 г. въ плѣнъ и вынужденный пойти въ Москву.

Нѣкоторые изъ евреевъ, взятыхъ при облавѣ, были вскорѣ сосланы съ женами и дѣтьми въ Сибирь на вѣчное житье [1]). Это были тѣ, которые остались въ своей вѣрѣ.

Высылкѣ не долженъ быть приданъ характеръ мѣры, направленной единственно противъ евреевъ; запрещеніе жить въ Москвѣ распространялось и на другихъ иновѣрцевъ. Только тотъ, кто принималъ православіе, освобождался отъ высылки [2]). Подобно

---

[1]) Оглоблинъ, Обозрѣніе книгъ Сибирскаго приказа, III, стр. 60—63. Въ одномъ мѣстѣ въ подлинникѣ слово „Сибирь“ зачеркнуто, а вмѣсто него написано „Астрахань“; однако фактически евреи были сосланы въ Сибирь. Въ то время и другихъ иноземныхъ людей ссылали въ Повголожье и въ Сибирь.

[2]) Тамъ же.—Можно полагать, что въ то время на Руси было не мало евреевъ-выкрестовъ. Любопытно отмѣтить, что опальный патріархъ Никонъ, жалуясь изъ ссылки царю Алексѣю Михаиловичу на своихъ враговъ, писалъ (1671 г.) между прочимъ слѣдующее: „Да у меня же въ Воскресенскомъ монастырѣ были два жида крещеныхъ, и, оставя православную вѣру, начали они старую жидовскую держать и молодыхъ чернецовъ развращать; я, сыскавъ объ этомъ подлинно, велѣлъ жида Демьяна посмирить и сослать въ Иверскій монастырь, а Демьянъ другому жиду, Мишкѣ, сказалъ: „не пробыть и тебѣ безъ бѣды, бѣги въ Москву и скажи за собою государево слово“. Тотъ такъ и сдѣлалъ; ты (т. е. царь) по этому дѣлу присылать ко мнѣ думнаго дьяка Дементія Башмакова; а въ это время молодые чернецы, бывшіе въ жидовской

указаннымъ евреямъ, жившимъ въ Нѣмецкой слободѣ, въ Москвѣ водворялись и другіе плѣнные, но это было противозаконно, и ихъ высылали въ Сибирь. Случалось, что иноземцы, сосланные въ Сибирь, возвращались въ Москву, но правительство не хотѣло это терпѣть, и въ 1664 г. былъ изданъ особый указъ: „... иноземцевъ ссыльныхъ людей, которые въ прошлыхъ годахъ съ Москвы сосланы были въ Сибирь на вѣчное житье, а нынѣ они изъ Сибири пріѣзжаютъ къ Москвѣ..., сослать съ Москвы въ Сибирь... и впредь ихъ и иныхъ такихъ же иноземцевъ не посылать въ Москву“ [1]).

При всемъ томъ, однако, не слѣдуетъ полагать, будто пребываніе евреевъ въ Москвѣ вообще считалось недопустимымъ. По словамъ иностраннаго врача Коллинса, находившагося при дворѣ Алексѣя Михайловича съ 1659 г. по 1666 г., въ Москвѣ образовалась небольшая еврейская колонія; „въ послѣднее время — говоритъ онъ — къ русскому двору пробралось много жидовъ чрезъ покровительство одного лекаря жида, который принялъ лютеранскую вѣру“ [2]). То былъ Гаденъ, онъ же Данило Ѳунгадановъ, Стефанъ, „жидовинъ нѣмецкіе-шленскіе земли, города Бресля, люторскіе вѣры“ [3]). Въ 1673 г. къ Гадену въ Москву пріѣхала его мать; у него гостили и другіе родные, оставшіеся въ еврействѣ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія государя; они получали при отъѣздѣ казенныя подводы и подарки соболями и деньгами отъ казны [4]).

Помимо тѣхъ, которые пользовались покровительствомъ Гадена, въ Москвѣ проживали и другіе евреи. Это были тѣ, которые попали въ Россію въ качествѣ военно-плѣнныхъ, а затѣмъ получили свободу. Наравнѣ съ прочими плѣнниками, нѣкоторые евреи поселились не въ Нѣмецкой слободѣ, а въ Мѣщанской. Общее

ереси, покрали у меня деньги, платье и тѣмъ жидамъ помогли, да имъ же помогалъ архимандритъ Чудовскій“ (Соловьевъ, Исторія Россіи, книга третья, стр. 276). — Отмѣтимъ здѣсь, что когда послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича вліятельный Артамонъ Матвѣевъ былъ сосланъ, отъ него потребовали выдачи двухъ людей, изъ коихъ одинъ назывался Иванъ Еврей (Соловьевъ, книга третья, стр. 812).

[1]) Оглоблинъ, ч. IV, стр. 120—121.

[2]) Русскій Вѣстн., 1841 г., кн. 9, стр. 588—89.

[3]) О Гаденѣ — см. I. Берхинъ, Два еврея-врача при московскомъ дворѣ, Восходъ 1888, кн. III. Также Регесты, № 1156.

[4]) Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 227 (Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Выѣздъ въ Россію, 1675 г. 8 Марта, № 2). Рихтеръ История медицины, ч. II, стр. 262 и сл., прим. 3.

правило было таково, что извѣстныя группы обывателей могли жить лишь въ опредѣленной части города [1]).

„Образованіе Мѣщанской слободы—говоритъ руководитель цѣннаго изданія матеріаловъ по исторіи московскаго купечества—останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе тѣмъ, что первоначальное населеніе ея... составили почти исключительно выходцы изъ западнаго края (въ томъ числѣ и евреи), изъ которыхъ нѣкоторые не только вскорѣ послѣ того перешли уже въ гостиную сотню и, такимъ образомъ, вышедши изъ состава тяглаго населенія, пріобрѣли высшее положеніе въ средѣ торговаго сословія, но въ непродолжительномъ затѣмъ времени достигли даже почетнаго званія гостей, а члены ихъ семействъ заняли впослѣдствіи высшія должности въ государственныхъ, относившихся къ торговлѣ, учрежденіяхъ“ [2]).

Дѣйствительно, сохранившіяся переписныя книги Мѣщанской слободы свидѣтельствуютъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, что аборигенами слободы явились, среди прочихъ, и евреи.

По Андрусовскому договору 1667 г., согласно которому между русскимъ и польскимъ правительствомъ было заключено перемиріе на тринадцать съ половиною лѣтъ [3]), всѣмъ полякамъ и литовцамъ, казакамъ и др., которые, будучи взяты въ плѣнъ, проживали въ Московскомъ государствѣ, не исключая обращенныхъ въ крѣпостное состояніе (вязенье), было разрѣшено уйти къ польскому королю; тѣ же, которые не пожелали бы покинуть московское государство, могли остаться, причемъ они освобождались отъ крѣпостной зависимости. Подобно другимъ плѣнникамъ, остаться въ московскомъ государствѣ могли и евреи. Это случилось не по недосмотру и не по шаблону. Нѣтъ, о нихъ было сдѣлано спеціальное распоряженіе. Если 32 года назадъ указъ, давшій свободу плѣннымъ, упомянулъ о евреяхъ наряду съ другими, то теперь въ указѣ евреямъ были посвящены особыя строки: „И жидовъ тѣхъ, которые въ вѣру Русскую не

[1]) Въ 1643 г. нѣмцамъ и нѣмкамъ было воспрещено имѣть дворы „въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ на Москвѣ и за городомъ въ слободѣ“.— Подобныя правила существовали и въ другихъ городахъ. Въ Новгородѣ въ 1632 г. иностраннымъ торговцамъ было разрѣшено, въ отмѣну прежняго запрета, входить въ „каменный городъ“, но лишь для домашнихъ дѣлъ, а отнюдь не для торговли. Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 102.

[2]) Матеріалы для исторіи московскаго купечества, т. I, приложеніе № 2 (Москва, 1883 г.), предисловіе.

[3]) Къ Россіи перешли по этому договору Украйна, расположенная по лѣвому берегу Днѣпра (Полтавщина, Черниговщина и часть Кіевщины съ Кіевомъ включительно).

крестилися, всѣхъ съ женами и съ дѣтьми и съ животами ихъ, никого не тая и къ зоставанію не принуждаючи, доброю вѣрою въ сторону Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой взволить и выпустить Его Царское Величество укажетъ; и которые бъ изъ нихъ похотѣли въ сторону Его Царскаго Величества добровольно остаться, то имъ вольно имѣетъ быть. А которые Польскаго и Литовскаго народу женской полъ и жидовки вышли замужъ за русскихъ людей, и тѣмъ оставаться въ сторону Его Царскаго Величества при мужѣхъ своихъ" [1]).

Нѣкоторые евреи, которые воспользовались правомъ остаться въ Москвѣ, не имѣли основанія быть недовольными своимъ новымъ отечествомъ. Трудно сказать, сколько евреевъ осталось въ Москвѣ. Переписныя книги Мѣщанской слободы въ Москвѣ приводятъ имена иноземцевъ, въ свое время плѣненныхъ и обращенныхъ въ крѣпостное состояніе, которые, получивъ свободу, не пожелали покинуть Россію. Не мало именъ говорятъ о еврейскомъ происхожденіи слободскихъ домохозяевъ; но не довѣряя именамъ, не всегда представляющимъ надежное свидѣтельство, нельзя утверждать, что мы имѣемъ предъ собой въ данномъ случаѣ евреевъ. Однако съ другой стороны, встрѣчаются имена, которыя не вызвали бы и мысли о еврейскомъ происхожденіи, а между тѣмъ они принадлежатъ евреямъ, какъ объ этомъ вполнѣ опредѣленно говорятъ документы [2]). Приходится поэтому довольствоваться тѣми лицами, о еврейскомъ происхожденіи которыхъ упомянутый списокъ говоритъ совершенно открыто. И вотъ мы видимъ, что если одни изъ нихъ были бѣдны, не имѣли недвижимаго имущества, то другіе владѣли собственными домами и пользовались почетомъ среди московскаго торгово-промышленнаго люда. Нѣкоторые изъ этихъ плѣнныхъ явились родоначальниками русскихъ дворянскихъ фамилій. Особенно интересна судьба одной изъ этихъ еврейскихъ семей.

„Матюшка Григорьевъ, еврей; у него сынъ Петрунька, да у него же братъево родной Ѳедка Григорьевъ". Родомъ изъ Мстиславля, Григорьевъ былъ взятъ въ 163 г. (т. е. 7163 г. отъ сотворенія міра или 1655 г. обычной эры) служилыми людьми на Москву и отданъ Кирилу Волосатому изъ Гостинной сотни; жилъ у него пятнадцать [3]) лѣтъ и освобожденъ отъ него по

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, № 398, п. 11.

[2]) Впервые я использовалъ эти матеріалы въ статьѣ „Триста лѣтъ назадъ". Новый Восходъ. 1913 г. №№ 9 и 10. См. также, Евр. Старина 1913 г. стр. 96 сл. „Евреи въ Москвѣ во 2-й половинѣ XVII в.".

[3]) Здѣсь, очевидно, ошибка на два—три года.

указу великаго государя, въ 176 году изъ посольскаго приказа отосланъ былъ съ памятью на житье въ Новомикитскую слободу; наконецъ, въ 179 г., по указу великаго государя, былъ взятъ въ Новомѣщанскую слободу, безъ поручной записи; торговалъ онъ въ овощномъ ряду [1]). Такъ гласила перепись 1676 года. А перепись 1684 года, гдѣ при имени Григорьева вновь обозначено „еврей", сообщаетъ уже новыя данныя о Григорьевѣ. Въ 1674 г. мы видимъ его въ мѣщанскихъ старостахъ; четыре года спустя онъ служилъ „на мѣщанскихъ кружечныхъ дворахъ головою"; въ томъ же году въ его положенiи произошла важная перемѣна—онъ былъ взятъ въ гостинную сотню, и съ этого времени ему уже не приходится нести мѣщанскую службу и платить тягло.

Семья Матюшки (Матвѣя) Григорьева увеличилась,—у него родился сынъ Яковъ, и этотъ представитель семьи Григорьева, ставшiй называться Евреиновымъ, придалъ ей особый блескъ. Владѣлецъ шелковой фабрики въ Москвѣ, Яковъ Евреиновъ, состоявшiй при Петрѣ Великомъ—консуломъ въ Кадиксѣ, а при Елизаветѣ Петровнѣ—дипломатическимъ агентомъ въ Голландiи, получилъ званiе совѣтника мануфактуръ-коллегiи; если къ этому прибавить, что въ 1742 г. онъ сталъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегiи, а въ 1753 г. ея президентомъ, то можно смѣло сказать, что сынъ мстиславскаго еврея сдѣлалъ блестящую карьеру [2]).

Товарищемъ Григорьева по судьбѣ былъ „Андрюшка Лукьяновъ еврей, Дубровны города". Въ 163 г. (1655 г.) его вывезли люди боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго; по смерти боярина Лукьяновъ былъ отпущенъ на волю и жилъ недолго въ тяглѣ въ Казенной слободѣ, а въ 179 г., по указу великаго государя, взятъ былъ въ Новомѣщанскую слободу, безъ поручной записи; торговалъ онъ въ шелковомъ ряду. Въ 183 г. онъ служилъ головой на мѣщанскихъ кружечныхъ дворахъ, а три года спустя взятъ въ привиллегированную гостинную сотню [3]). Лукьяновъ, какъ и Григорьевъ, имѣли свои дворы.

Съ обозначенiемъ „еврей" указанъ въ переписи 1684 г. также Яковъ Самойловъ, изъ Дубровны, служившiй у Рагозина, а послѣ его смерти освобожденной „государскимъ указомъ" и водворившiйся съ поручной записью въ Мѣщанской слободѣ; у него были дѣти: Сенька 20 лѣтъ, Ивашко 16 лѣтъ, а также зять Павелко

[1]) Матерiалы для исторiи московскаго купечества т. 1, прил. № 2.
[2]) Тамъ-же стр. 11.
[3]) Тамъ-же. стр. 78, № 103.

Степановъ; въ другомъ мѣстѣ они указаны (подъ именемъ Семенъ, Иванъ и Павелъ) какъ живущіе въ отдѣльномъ домѣ, при чемъ отмѣчено, что они „еврейской породы"; послѣдній сталъ свободнымъ послѣ смерти боярина Василія Борисовича Шереметева, воевавшаго съ поляками [1]).

Приведу еще одну запись: „Степанъ Ивановъ, сынъ Копьевъ, родиною изъ Дубровны, еврейской породы"; служилъ у боярина Заборовскаго, а послѣ его смерти въ 1681 г. отпущенъ съ отпускною на волю и водворился съ поручной записью въ Мѣщанской слободѣ, гдѣ купилъ домъ [2]).

Все это были домохозяева въ Мѣщанской слободѣ. Но мы находимъ въ то же время, въ 1666 г. (1665 г.), домовладѣльца и въ Новоиноземной слободѣ [3]). А на ряду съ домохозяевами евреи встрѣчаются и среди тѣхъ мѣщанъ, которые нанимали „дворы и потклѣты у своихъ братьевъ въ подсосѣдникахъ". Таковъ, напр., Лучка Гавриловъ, „еврейской породы", свобода котораго была записана въ „бездворныхъ книгахъ" [4]).

Помимо плѣнныхъ, къ Россіи, надо думать, перешло и еврейское населеніе той мѣстности, которая по Андрусовскому договору подпала власти московскаго государства (Смоленскъ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ и все Заднѣпровье), такъ какъ право остаться на территоріи московскаго государства, дарованное плѣненнымъ полякамъ, литовцамъ и евреямъ, принадлежало и населенію вновь завоеванной мѣстности.

Вообще, пребываніе евреевъ въ московскомъ государствѣ было столь распространеннымъ явленіемъ, что „Новоуказныя статьи" 1669 г., устанавливая кару за совращеніе христіанъ въ другую религію, упоминаютъ особо евреевъ: „аще жидовинъ или агарянинъ дерзнетъ развратить отъ христіанской вѣры христіанина, повиненъ есть казни главнѣй; а аще жидовинъ христіанина раба

---

[1]) Тамъ-же, стр. 100; стр. 95.

[2]) Этотъ Степанъ Копьевъ явился родоначальникомъ дворянской фамиліи. Тамъ-же, стр. 79, № 105.—Его сынъ Данило былъ оберъ-коммисаромъ въ Верхотурьѣ, а другой, Самойло, членомъ Ревизіонъ-Коллегіи. См. Энциклопед. словарь Брокгаузъ-Ефронъ, подъ словомъ Копіевы.

[3]) П. Милюковъ. Очерки русской культуры. Вып. II (СПБ. 1901 г.), стр. 103; Мулюкинъ. Пріѣздъ иностранцевъ.

[4]) Матер. для исторіи Моск. купечества, т. I, прилож. № 2, стр. 113.—Быть можетъ, тѣ лица, которыя именуются „еврейской породы", принадлежали къ числу крестившихся добровольно или принудительно, хотя этого нельзя положительно утверждать. Что касается лицъ, обозначенныхъ „еврей", то нѣтъ основанія предполагать, чтобы это были выкресты. Весьма возможно, что въ архивахъ различныхъ городовъ имѣются данныя и о другихъ евреяхъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости и оставленныхъ на мѣстахъ.

имый и обрѣжетъ его, да отсѣкнуть ему главу" [1]); законъ предусматривалъ также возможность, чтобы евреи владѣли христіанами-рабами.

Любопытно отмѣтить здѣсь, что вслѣдъ за заключеніемъ Андрусовскаго договора, въ 1668 г., на государеву службу, въ ряды такъ называемыхъ „боярскихъ дѣтей", въ Верхотурьѣ, вступилъ нѣкій „иноземецъ" Самойло Вистицкій (и его сынъ), подписавшійся на официальной „сказкѣ" (1680 г.) еврейскими буквами: „Иа Шмула Вистицки ик (к) сей изк(а)зку на руку прилозилъ", т. е. „Я Шмуйло Вистицкій къ сей сказкѣ руку приложилъ", что даетъ основаніе для предположенія, что Вистицкій былъ еврейскаго происхожденія [2]).

Приведенныя данныя о пребываніи евреевъ въ странѣ вообще, и въ Москвѣ въ частности, свидѣтельствуютъ, что ни правительство, ни общество не питали такой ненависти къ евреямъ, которая дѣлала бы невозможными сосѣдскія отношенія между коренными обывателями и евреями. Однако, такъ какъ литовскіе купцы, независимо отъ ихъ религіи, испытывали порою гоненія въ Москвѣ, то среди прочихъ могли подвергаться непріятностямъ и евреи. Однажды царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ, что въ Москвѣ находятся съ товарами литовскіе купцы изъ Могилева и Шклова, приказалъ выслать ихъ въ порубежные города, гдѣ имъ единственно предоставлялось торговать [3]).

Да и не только литовскіе купцы, но и другіе иноземцы были въ это время ограничены въ правахъ. Англійскій посолъ передаетъ (1663 г.), что москвичи охотно терпятъ всѣхъ европейцевъ, лишь бы они были протестанты, что только католики и евреи подвергались изгнанію [4]). Москвичи, быть можетъ, говорили такъ послу, но они не сказали ему всей правды; вѣдь и лютеране не были въ большой милости. Вообще, въ ту пору иностранцы теряютъ свои преимущества въ Россіи: „казна заподозрѣваетъ ихъ въ нечестности и въ томъ, что они лучшихъ своихъ товаровъ не показываютъ [5]) и ихъ по цѣнѣ прямой, заморской не продаютъ" [6]); а купцы уже ранѣе, какъ выше было указано, жаловались на убытки, проистекающіе отъ сдѣлокъ иноземнаго купе-

---

[1]) Полн. Собраніе Законовъ № 441.

[2]) С. М. Гольдштейнъ: Евреи—дѣти боярскія XVII вѣка. (Календарь изд. I. Лурье, за 1902 г.).

[3]) Костомаровъ, Очеркъ торговли, стр. 137.

[4]) Тамъ-же, стр. 71.

[5]) Для царя отбирались наилучшіе товары.

[6]) Лешковъ. Русскій народъ и государство (М., 1858 г.), стр. 385.

чества. И вотъ въ 1667 г. былъ изданъ Новоторговый уставъ, содержащій въ себѣ ограниченія для торговли иноземцевъ на пользу свободной торговли русскаго купечества. Иноземцы не могли продавать товары врознь, не могли вступать въ торговыя сдѣлки между собою, а только съ мѣстными русскими купцами. Наконецъ, иноземцамъ было запрещено разъѣзжать по городамъ Россіи, равно какъ пріѣзжать въ Москву для торговли, за исключеніемъ иностранцевъ, имѣющихъ отъ русскаго правительства жалованныя грамоты „за красною печатью" [1]).

Только принявъ во вниманіе это обстоятельство, можно правильно понять послѣдовавшее въ 1676 г. распоряженіе: если евреи будутъ пріѣзжать „утайкою" въ Москву и станутъ записывать свой товаръ въ Московской большой таможнѣ, то отсылать ихъ изъ приказу Большого Приходу въ Посольскій Приказъ, а товаровъ не записывать въ таможнѣ, такъ какъ „евреянъ" какъ съ товарами, такъ и безъ таковыхъ, „изъ Смоленска пропускать не велѣно". Все дѣло заключалось въ „утайкѣ"; безъ грамоты за красной печатью никто не смѣлъ пріѣзжать,—въ числѣ прочихъ и евреи. Съ грамотами же за красной печатью евреи могли прибывать въ Москву. И дѣйствительно, при всемъ стѣсненномъ положеніи, въ какомъ очутилось иноземное купечество въ отношеніи пріѣзда въ Москву, предъ евреями раскрываются ворота въ столицу. „Жиды въ царствованіе Алексѣя Михайловича умѣли добыть себѣ такія грамоты съ красною печатью; они пріѣзжали въ Москву съ сукнами, жемчугомъ и другими товарами и получали коммиссіи отъ Двора [2])". Извѣстны даже имена нѣкоторыхъ евреевъ, получившихъ грамоты на пріѣздъ въ Москву [3]).

Въ 1671—76 г.г. евреи Іуда и Яковъ Исаевы поставляли въ казну сукно. Они часто пріѣзжали въ Москву и обратно за литовскій рубежъ, пользуясь для этого проѣзжими грамотами. Такъ какъ они поставляли въ казну, то пошлинъ ни съ нихъ, ни съ ихъ приказчиковъ не брали и даже иногда давали подъ товары казенныя подводы и жаловали подарками. Когда этихъ евреевъ пропускали, то приказные должны были смотрѣть, чтобы съ ними не пріѣзжали другіе евреи. Іуда, а также шкловскій еврей Самойло Яковлевъ встрѣчаются и позже въ Москвѣ, сдавая товары казнѣ.

---

[1]) Мулюкинъ (Очерки по исторіи юрид. положенія, иностр. купцовъ, стр. 7) говоритъ, что законъ лишь оформилъ то, что уже ранѣе было на практикѣ.

[2]) Соловьевъ, Русская исторія, кн. III стр. 723.

[3]) Около 1667 г. въ Москвѣ умеръ витебскій еврей. Регесты № 1060 (Сапуновъ, Витеб. Старина, 285).

Въ 1672 г. Самойло Яковлевъ съ товарищами отпущенъ былъ изъ Москвы за рубежъ для покупки венгерскаго вина. Въ 1674 г. билъ челомъ государю еврей Моисейко Исаевъ: „приволокся я, работникъ твой,—писалъ Исаевъ въ челобитной,—къ Москвѣ для торговаго своего промыслишку". Здѣсь онъ заболѣлъ и пролежалъ два мѣсяца; съ нимъ пріѣхала и его мать, „еврейка-же Маремьяница"; она умерла въ столицѣ, и осиротѣвшій Исаевъ просилъ государя отпустить его за рубежъ съ тѣломъ матери, за которымъ прибудутъ четыре иноземца; государь велѣлъ дать проѣзжую [1]).

Объ обычномъ посѣщеніи евреями русскаго государства можно заключить изъ того, что когда въ 1675 г. на Волыни, въ Подоліи и въ другихъ мѣстностяхъ распространилось моровое повѣтріе, кіевскому воеводѣ было предписано не пропускать оттуда грековъ, евреевъ и иныхъ туземцевъ съ товарами [2]). Это были, вѣроятно, евреи изъ Польши и Турціи.

Въ 1678 г. съ польскими послами былъ заключенъ договоръ, согласно которому торговымъ людямъ обоихъ государствъ, „кромѣ жидовъ", было предоставлено ѣхать въ столичные города Краковъ, Варшаву и Вильно—съ одной стороны, и въ Москву—съ другой [3]).

Быть можетъ, въ этомъ рѣшительномъ запрещеніи евреямъ пріѣзжать въ Москву сказалось то настроеніе по отношенію къ нимъ, которое могло распространиться въ высшемъ московскомъ обществѣ подъ вліяніемъ проповѣди архимандрита Іоанникія Голятовскаго, написавшаго рядъ трудовъ, направленныхъ противъ лютеранъ, магометанъ и др. На евреевъ Голятовскій обрушился въ книгѣ „Мессія праведный", посвященной царю Алексѣю Михайловичу (около 1669 г.). Голятовскій не имѣлъ въ виду спеціально евреевъ, жившихъ въ Московскомъ государствѣ, но русскіе люди, мало сравнительно знавшіе евреевъ, не могли

---

[1]) Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, 227—28. Временникъ Имп. общества исторіи и древностей, т. 24, Отд. II, Матер. стр. 11—15. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. III, стр. 723.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, XII (Спб. 1882 г.), стр. 365 и 367.

[3]) Костомаровъ (Очеркъ торговли, стр. 137) толкуетъ это соглашеніе въ томъ смыслѣ, что русскіе и польскіе купцы могли пріѣзжать единственно въ столицы, отнюдь не въ другіе города. Если это такъ, то надо заключить, что въ это время иноземнымъ евреямъ былъ совершенно закрытъ доступъ въ государство.—Въ 1686 г. договоръ былъ продленъ на нѣсколько лѣтъ. См. Полн. собр. закон., №№ 730 и 1186.—Ссылаясь на этотъ договоръ, Лешковъ (Русскій народъ и государство) говоритъ о постоянномъ исключеніи евреевъ „изъ общаго права входа въ Россію, со времени жидовской ереси, чрезъ все XVII столѣтіе" (стр. 273). Данныя, приведенныя въ настоящей статьѣ, опровергаютъ указанное утвержденіе.

не встревожиться, узнавъ, что Голятовскій возводитъ на евреевъ самыя тяжкія обвиненія. „Мы, христіане,—проповѣдывалъ Голятовскій,—должны ниспровергать и сожигать жидовскія божницы, въ которыхъ вы хулите Бога, мы должны у васъ отнимать синагоги и обращать ихъ въ церкви; мы должны васъ, какъ враговъ Христа и христіанъ, изгонять изъ нашихъ городовъ, изъ всѣхъ государствъ, убивать мечомъ, топить въ рѣкахъ и губить различными родами смерти“ [1]).

Однако, состоявшееся въ 1678 г. запрещеніе евреямъ пріѣзжать въ Москву не соотвѣтствовало фактическому положенію вещей, а потому евреи въ дѣйствительности прибывали въ Москву и не тайно, а открыто. Такъ, напримѣръ, 20 Февраля 1680 года взяли къ допросу въ посольскій приказъ еврея Левека Абрамова, жителя мѣстечки Друя; онъ пріѣхалъ въ Москву со своимъ шуряномъ, „Обрамкомъ Моисеевымъ“, чрезъ Великіе Луки, Торопецъ, Ржевъ, гдѣ являлся къ воеводамъ, которые и пропустили его безъ задержки; Абрамовъ пріѣхалъ съ товаромъ „съ сукнами съ пестредми, съ оловяными оляжки“; онъ явился въ таможню, гдѣ взята была „по немъ порука“, что по продажѣ товара онъ заплатитъ пошлину [2]). Подобные случаи побуждали московское правительство подтверждать воеводамъ, чтобы они не пропускали евреевъ къ Москвѣ, а отсылали ихъ за рубежъ. Воеводы пропускали евреевъ, конечно, не изъ добраго чувства къ нимъ, а изъ матеріальныхъ соображеній—услуги оплачивались. То же бывало и съ другими иноземцами. Такъ, въ 1685 г. государь издалъ указъ, въ которомъ говорилось, что воеводы „для своей корысти“ пропускаютъ иностранныхъ купцовъ изъ пограничныхъ городовъ внутрь Россіи и въ Москву безъ государевыхъ жалованныхъ проѣзжихъ грамотъ [3]).

О неблагопріятномъ отношеніи къ евреямъ говорятъ и современники. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что иноземцы, оставившіе записки о Московіи, мало были знакомы съ дѣйствительной русской жизнью, такъ какъ члены посольствъ находились въ Москвѣ подъ строгимъ, хотя и почетнымъ карауломъ, и кругъ лицъ, съ которыми они вступали въ общеніе, былъ крайне ограниченъ. А по пути въ Москву посольства почти вовсе не допускались въ города; они ночевали если не въ полѣ, то въ пред-

[1]) Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ (II изд.), т. II, стр. 365. [Ср. „Восходъ“ 1887 г., кн. IV, Лит. лѣтопись.]

[2]) Мулюкинъ, Пріѣздъ иностранцевъ, стр. 225—6.

[3]) Мулюкинъ, Очерки по исторіи юридич. положенія иностр. купцовъ, стр. 298.

мѣстьѣ. Таннеръ, прибывшій съ посольствомъ въ Москву въ 1678 году, сообщаетъ, что пограничный городъ Кадинъ служитъ предѣломъ для дѣятельности евреевъ, торговавшихъ русскими мѣхами, такъ какъ „въ Московію они и показаться не смѣютъ“ [1]). Однако, къ самому посольству, въ которомъ участвовалъ Таннеръ, присоединились евреи. Приставъ, сопровождавшій посольство, говорилъ за Смоленскомъ, чтобы евреи не слѣдовали далѣе, но послы заявили, что и въ прежнее время съ послами хаживали торговые люди и евреи съ товарами невозбранно [2]).

Стрѣлецкій бунтъ 1682 г. лишилъ московскихъ евреевъ ихъ покровителя: во время бойни, учиненной стрѣльцами, погибъ врачъ Данилъ Гаденъ. Ища во дворцѣ нѣкоторыхъ бояръ, стрѣльцы потребовали выдачи врача „Даніеля“, котораго обвинили въ отравленіи царя Өеодора Алексѣевича, и такъ какъ Гадена не нашли, то убили его помощника, нѣмца Гутменша, и 22-лѣтняго сына Гадена, Михаила; хотѣли было убить и жену Гадена, но царица Марөа Матвѣевна выпросила ей жизнь. Однако, вскорѣ въ Нѣмецкой слободѣ нашли Гадена, въ одеждѣ нищаго. Ударили въ набатъ; пьяные стрѣльцы огромною толпою сопровождали его ко дворцу; царица Марөа и царевны увѣряли разъярившихся стрѣльцовъ, что Гаденъ невиновенъ, что онъ самъ отвѣдывалъ лѣкарства, которыя подавали царю, но все это не помогло. „Онъ чернокнижникъ,—кричали стрѣльцы—мы въ его домѣ нашли сушеныхъ змѣй, и поэтому его надобно казнить смертью“. Несчастнаго повели въ застѣнокъ, пытали. Не вытерпѣвъ мукъ, Гаденъ наговорилъ на себя, просилъ дать ему три дня сроку, и онъ укажетъ тѣхъ, кто больше его достойны смерти. „Долго ждать“—закричали стрѣльцы, разорвали записку съ пыточными рѣчами, потащили Гадена на Красную площадь и тамъ разрубили на мелкія части [3]).

Въ нѣкоторыхъ документахъ сообщается, что стрѣльцы вмѣстѣ съ нѣмцемъ Гутменшемъ умертвили и сына послѣдняго. Но Таннеръ, получившій извѣстіе отъ своихъ московскихъ знакомыхъ вслѣдъ за событіемъ, сообщаетъ, что былъ убитъ не сынъ Гутменша, а сынъ Гадена, Михаилъ. Въ спискѣ „царедворцевъ“, преданныхъ смерти, указанъ Михаилъ Даниловичъ фонъ

[1]) Таннеръ Бернардъ, Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. (Москва, 1891), стр. 28.

[2]) Тамъ же, стр. 28, примѣчаніе № 21.

[3]) Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, т. II, стр. 485 и сл. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. III, стр. 903.

Гаденъ (Galden) и Иванъ Гутменшъ. Это подтверждается и еврейскимъ источникомъ. Въ респонсахъ люблинскаго раввина Мордуха Зискинда Роттенбурга приведено показаніе свидѣтеля гибели сына Гадена, Леви-Гирша, принявшаго христіанство. Въ то время въ Москвѣ была цѣлая группа евреевъ, о которыхъ въ документѣ, сохранившемъ показанія свидѣтелей смерти Гирша, говорится, что это были „онусимъ“ (крестившіеся по принужденію), что они не могли почитаться евреями въ отношеніи свидѣтельскихъ показаній. Можно думать, что ихъ грѣхъ состоялъ въ томъ, что они, дабы имѣть возможность оставаться въ Москвѣ въ тѣ смутные дни, объявили себя христіанами. Это какъ бы подтверждается указаніемъ на то, что нѣкій Яковъ, сынъ Исаака, прибывшій въ Москву вскорѣ послѣ бойни и участвовавшій вмѣстѣ съ другими евреями въ погребеніи, по царскому велѣнію, Данила и его сына, „самъ былъ въ тотъ разъ „онусъ“; но позже, давая показанія о московскомъ событіи, онъ уже ушелъ „съ дурного пути“; прочіе же евреи, бывшіе въ Москвѣ въ кровавые дни, не бѣжали оттуда и остались „онусимъ *).

О неблагопріятномъ отношеніи московскаго правительства къ евреямъ въ концѣ семнадцатаго вѣка можно заключить и изъ словъ А. Бранда, посѣтившаго Москву въ 1692—94 годахъ. Онъ говоритъ, что евреи совершенно не допускались въ страну.

Юлій Гессенъ.

---

*) Респонсы Мордуха-Зискинда Ротенбурга, Амстердамъ 1746. [Отрывокъ изъ нихъ—респонсы № 22—цитированный въ сборникѣ Каца לקורות היהודים ברוסיא, стр. 47—48, ошибочно отнесенъ къ 1611 году, между тѣмъ какъ документъ помѣченъ 1683 годомъ. *Ред.*]

Сказаніе о Іоаннѣ Грозномъ и о разгромѣ еврейской общины въ Полоцкѣ.

Ниежслѣдующее сказаніе о происхожденіи семьи Барканъ [1]), которое мнѣ приходилось неоднократно слышать въ различныхъ варіантахъ въ бытность мою въ городѣ Полоцкѣ (Витебской губ.), является, насколько извѣстно, единственнымъ сказаніемъ о Іоаннѣ Грозномъ въ еврейскомъ фольклорѣ. Циклъ сказаній о грозномъ московскомъ царѣ вообще представляетъ значительный интересъ не только по богатству и разнообразію своихъ мотивовъ, но—и главное—по несоотвѣтствію сказочныхъ отраженій жизни Грознаго исторической личности этого царя. Судьба была настолько милостива къ памяти Іоанна Грознаго въ отраженіяхъ народнаго творчества, что, по истеченіи сравнительно короткаго времени послѣ его смерти, изъ народной памяти какъ бы испарились его „пагубныя и скверныя дѣла". Уже три четверти вѣка спустя, англійскій врачъ Самуилъ Коллинсъ, жившій въ Москвѣ въ 1659 — 1667 г., въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „О современномъ состояніи Руси" **), счелъ нужнымъ остановиться на этомъ странномъ, положительномъ отношеніи народнаго творчества къ Іоанну Грозному, объяснивъ это тѣмъ, что послѣдній унизилъ ненавистное народу боярство.

---

[1]) בר כהן, т. е. „дитя когена". Члены этой семьи съ давняго времени осѣли въ Полоцкѣ, а позже и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Витебской губерніи. Изъ представителей этой семьи на поприщѣ литературной дѣятельности выступали въ новѣйшее время: 1) просвѣщенный раввинъ и общественный дѣятель Элiезеръ Барканъ, бывшій въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій раввиномъ въ Полоцкѣ, авторъ обширнаго сборника респонсовъ подъ заглавіемъ משנת רבי אליעזר (1895 г.); 2) жаргонный поэтъ Моисей Барканъ, авторъ цѣлаго ряда оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній (біографія его помѣщена въ біографическомъ лексиконѣ З. Рейзина).

[2]) The present State of Russia in a letter to a friend at London, written by an eminent person residing at the great Tzars court at Moscow for the space of nine years. Lond. 1667 (рус. переводъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1841, №№ 8—9, и переводъ Кирѣевскаго въ „Чтеніяхъ Моск. О-ва истор. и древн.", 1846).

Сказаніе является отголоскомъ разгрома еврейской общины въ Полоцкѣ при взятіи города Іоанномъ Грознымъ въ 1563 г., во время его похода на Ливонію, о чемъ сообщаютъ: Матвѣй Стрыйковскій, Ал. Гаванини, и др.[1]). Разумѣется, это нисколько не говоритъ въ пользу давности нашего сказанія, пріуроченнаго къ факту, извѣстному слишкомъ достаточно въ исторіи мѣстнаго края—факту взятія Полоцка Московскимъ войскомъ. Но оно является подтвержденіемъ извѣстія о разгромѣ еврейской общины при завоеваніи Полоцка, дошедшаго до насъ большею частью изъ ненадежныхъ источниковъ.

Вотъ содержаніе еврейскаго народнаго сказанія:

„Была лютая зима. Завоевалъ московскій царь Іоаннъ Грозный Полоцкъ и повелѣлъ всѣхъ евреевъ съ ихъ женами и дѣтьми, всѣхъ до единаго, согнать къ берегу рѣки Двины, къ мѣсту нынѣшняго Алтштодтъ (אלטשטאדט), что близъ княжескаго замка. Собрали всѣхъ евреевъ, ихъ женъ и дѣтей, числомъ 3000 душъ, и поставили всѣхъ у рѣки Двины, какъ приказалъ царь. И лишь двое дѣтей: мальчикъ, сынъ одного когена, и дѣвочка, дочь когена, во время суматохи были забыты и не приведены къ берегу Двины. И приказалъ Іоаннъ Грозный поставить всѣхъ евреевъ на ледъ рѣки и затѣмъ разрубить ледъ. И были всѣ потоплены, числомъ 3000 душъ[2]). Спаслись только тѣ двое дѣтей, которыхъ Іоаннъ Грозный затѣмъ пощадилъ; ихъ пріютили добрые люди. Выросли оба и сочетались бракомъ, получивъ прозвище Баръ-Когенъ (Барканъ). Они то положили основаніе новой общинѣ и семьѣ Барканъ“.

Въ этомъ сказаніи историческая личность Іоанна Грознаго не выступаетъ въ своемъ типичномъ видѣ; оно является лишь историзаціей мотива о „снисхожденіи“ московскаго царя, въ результатѣ котораго разгромленная община возрождается къ новой жизни. Въ основѣ сказанія лежитъ легендарный мотивъ о четѣ спасшихся представителей разгромленнаго города, явившейся по волѣ Провидѣнія ячейкою возрожденія еврейской общины. По своему основному мотиву наше сказаніе примыкаетъ къ легендѣ объ остаткахъ еврейской общины Могилева на Днѣпрѣ, истребленной при вторженіи царя Алексѣя Михайловича въ Бѣлоруссію (1655 г.), и къ общей легендѣ объ

---

[1]) См. Регесты и надписи т. I, №№ 527—530.

[2]) Варіантъ: „И пошелъ Іоаннъ Грозный посмотрѣть на мученія утопленниковъ, и встрѣтилъ онъ мальчика, и велѣлъ пригрѣть его“ и т. д.

„Иванѣ да Марьѣ". Отъ первой наше сказаніе отличается лишь моментомъ и мѣстомъ пріуроченія основного мотива, вторую же оно напоминаетъ однимъ своимъ мотивомъ, получившимъ въ легендѣ объ „Иванѣ да Марьѣ" трагическій оттѣнокъ (тамъ рѣчь идетъ о кровномъ родствѣ уцѣлѣвшей пары, мѣшавшемъ ей сочетаться законнымъ бракомъ).

Въ дополненіе къ этому сказанію о погромѣ, слѣдуетъ еще упомянуть объ установившемся въ связи съ нимъ мѣстномъ обычаѣ. Въ память гибели общины, члены погребальнаго полоцкаго братства ежегодно постятся и устраиваютъ заупокойное богослуженіе на древнемъ кладбищѣ, находящемся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ города, возлѣ урочища Салоникъ, гдѣ, по преданію, похоронены выплывшіе трупы мучениковъ 1563 года. Согласно другому преданію, на этомъ кладбищѣ похоронены раввинъ, раввинша, ксендзъ и попъ, женихъ и невѣста. Рѣчь идетъ о попѣ-уніатѣ, который вмѣстѣ съ другими указанными лицами палъ жертвою взятія Полоцка Алексѣемъ Михайловичемъ, когда мѣстное православное населеніе, воспользовавшись занятіемъ города московскими войсками, отобрало имущество уніатовъ, поляковъ и евреевъ и разгромило послѣднихъ [1]).

И. Берлинъ.

---

[1]) Мы еще вернемся на страницахъ „Еврейской Старины", къ анализу современнаго раввинскаго извѣстія о полоцкомъ погромѣ 1563 года,—единственнаго документа объ этомъ событіи, сохранившагося въ еврейскихъ источникахъ.— *Авторъ.*

Евреи въ русско-турецкой войнѣ 1877 г.

По современнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ.

II [1]).

Можно было бы указать еще на рядъ фактовъ объ участіи евреевъ въ войнѣ, собранныхъ нами въ тогдашней прессѣ и однородныхъ съ вышеизложенными [2]). Не останавливаясь, однако, на этихъ подробностяхъ, отмѣтимъ только одну особенность, касающуюся опредѣленной группы участниковъ войны—евреевъ-врачей. Русско-турецкая война 1877—78 г. была первою и послѣднею войною, въ которой медики-евреи принимали участіе въ качествѣ военныхъ врачей, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ и равноправныхъ съ своими русскими коллегами. Тогда еще не было ограниченій для служебной дѣятельности евреевъ въ качествѣ полковыхъ врачей и завѣдующихъ лазаретами въ мирное и военное время, и нѣкоторые изъ нихъ выдвинулись и получили отличія. Докторъ Выводцевъ въ началѣ войны состоялъ врачемъ 61 военнаго госпиталя и за свои заслуги получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Когда великій князь—главнокомандующій заболѣлъ тифомъ, Выводцевъ былъ призванъ лѣчить его. Отличились въ русско-турецкую войну врачъ Мордохай Зельцеръ, поплатившійся своей жизнью, и другіе.

По свидѣтельству д-ра И. Ахуна [3]), къ еврею-врачу въ эпоху русско-турецкой войны относились вездѣ хорошо. Благожелательно было отношеніе къ такимъ врачамъ со стороны офицеровъ, избиравшихъ ихъ часто въ старшины офицерскихъ собраній. Съ довѣріемъ относились къ нимъ и солдаты.

Пожертвованія на военныя нужды давались тогда весьма щедро богатыми евреями. Особенно охотно жертвовали на пріобрѣтеніе судовъ „Добровольнаго флота“—модную патріотиче-

---

[1]) См. „Евр. Стар.“ 1915, вып. 1.

[2]) См. между прочимъ: „Гацефира“ № 40 за 1877 г.; Гамелицъ“ № 9 за 1878 г.; Г. Градовскій. Въ защиту русскихъ. Спб. 1906; „Русскій Еврей“ 1879 г. №№ 7 и 9.

[3]) „Нов. Восходъ“ 1915 г., №№ 12—13.

скую затѣю того времени [1]). Это усердіе отмѣтилъ со злой ироніей извѣстный Всеволодъ Крестовскій, авторъ пасквильныхъ романовъ—„Тьма Египетская“ и „Тамара Бендавидъ“, представляющихъ собою обвинительные акты противъ евреевъ въ беллетристической формѣ [2]). Евреи-богачи и „генералы“—Поляковы, Варшавскіе и другіе дѣлали, по словамъ Крестовскаго, крупныя пожертвованія на войну. Во многихъ синагогахъ раздавались высокопарныя рѣчи казенныхъ раввиновъ, призывавшихъ русскихъ евреевъ быть въ готовности къ услугамъ отечества и правительства. Штабъ дѣйствующей арміи и другія правительственныя учрежденія забрасывались проектами патріотическихъ изобрѣтеній евреевъ... Всѣ, вообще,—иронизируетъ Крестовскій въ романѣ „Тамара Бендавидъ“—тщились заявить себя „балсущими патріотами“.

Само возникновеніе войны и предшествовавшее ей славянское движеніе Крестовскій ставитъ почти всецѣло въ счетъ евреямъ. „Для полноты картины—говоритъ онъ—слѣдуетъ прибавить, что въ газетѣ „Русскій Міръ“, считавшейся органомъ Черняева и потому имѣвшей тогда весьма крупное значеніе въ славянскомъ вопросѣ, самыя бойкія и остроумныя критики на дѣйствія тогдашней дипломатіи, самыя горячія статьи по восточному вопросу, самыя патріотическія ламентаціи и мусированіе „активной политики“, равно какъ и самыя пламенныя воззванія въ защиту „братьевъ славянъ“ принадлежали перу публициста-еврея, нынѣ пользующагося почетною извѣстностью въ лагерѣ мумій доктринерскаго либерализма“ („Тамара Бендавидъ“, стр. 122 и слѣд.). Кого именно имѣлъ въ виду памфлетистъ — теперь сказать трудно. Дальше, конечно, оказывается, что все сочувствіе евреевъ славянскому движенію продиктовано было стремленіемъ кагала создать, при содѣйствіи террористовъ, нигилистовъ и интеллигентовъ-славянолюбовъ изъ евреевъ, благопріятную почву для грандіозныхъ гешефтовъ еврейскихъ поставщиковъ. Даже представители еврейской молодежи, участвовавшіе въ политической демонстраціи 6-го декабря 1876 г. у Казанскаго собора въ Петербургѣ, гдѣ будто бы раздавались призывы къ войнѣ, были агентами банкировъ и подрядчиковъ.

Пародируемый Крестовскимъ „патріотическій подъемъ“ еврейскаго общества не избавилъ, однако, русскихъ евреевъ отъ

[1]) См. письмо князя Волконскаго въ „Моск. Вѣдом.“ отъ 1-го Іюня 1878 г. изъ Немирова, и телеграмму изъ Бердичева въ той-же газетѣ отъ 12 мая 1878 г.

[2]) Обстоятельный разборъ этихъ романовъ помѣщенъ въ журналѣ „Восходъ“ 1889 г., кн. 6, и 1891 г. кн. 1 [статьи Критикуса].

обвиненій въ нелойяльности. Мы уже мимоходомъ упомянули, какъ тогдашняя юдофобская пресса использовала для своей агитаціи злоупотребленія поставщиковъ продовольствія для арміи, среди которыхъ оказались и евреи. Много зла надѣлала эта недобросовѣстная агитація, имѣвшая вліяніе и на высшія сферы арміи, и не безъ основанія было указано еще 25 лѣтъ назадъ, что „корни современнаго антисемитизма кроются въ эпохѣ русско-турецкой войны", когда „люди изъ петербургскихъ канцелярій" въ кругахъ главнаго штаба составили себѣ по типамъ нѣкоторыхъ подрядчиковъ-евреевъ, искателей наживы, представленіе обо всемъ русскомъ еврействѣ [1]).

Оказывались евреи отвѣтственными не только за дѣянія аферистовъ-продовольцевъ, но и за политику англійскаго правительства въ эпоху русско-турецкой войны, поелику руководилъ этой политикой лордъ Биконсфильдъ, въ жилахъ котораго текла еврейская кровь. Въ нѣкоторыхъ органахъ печати даже обвиняли русскихъ евреевъ въ томъ, что они науськивали лорда Биконсфильда на Россію, чтобы отомстить русскому правительству за ограниченіе ихъ гражданскихъ правъ. И не спроста, надо полагать, бердичевская еврейская община нашла себя вынужденною выступить со своего рода декларацией, напечатанною на видномъ мѣстѣ крупнымъ шрифтомъ во вліятельномъ въ то время органѣ М. Н. Каткова—„Московскихъ Вѣдомостяхъ" (отъ 10 апрѣля 1878 г.). Въ заявленіи своемъ, озаглавленномъ „Отъ бердичевскихъ евреевъ", сто представителей еврейской общины, съ раввиномъ во главѣ, клятвенно завѣряютъ, что ничего общаго не имѣютъ съ Биконсфильдомъ и что у русскихъ евреевъ, по милости царя-освободителя, нѣтъ основанія жаловаться на свое правовое положеніе. Подписавшіе заявленіе ссылаются на свою лойяльность и патріотизмъ, доказанные на войнѣ евреями-воинами и врачами.

Достойно удивленія, что этотъ любопытный документъ миновалъ страницы тогдашней еврейской печати—крайне, впрочемъ, скудной. Считаемъ не лишнимъ воспроизвести его здѣсь во всей его неприкосновенности:

„Еще въ прошломъ году, съ самаго возникновенія русско-турецкой кровопролитной войны, сквозившее во всѣхъ дипломатическихъ проискахъ Англіи недоброжелательство къ Россіи послужило предлогомъ къ ничѣмъ незаслуженнымъ упрекамъ

[1]) Журн. „Восходъ" 1891 г., кн. I, стр. 39 („Литер. Лѣтопись" Критикуса).—[О роли евреевъ-поставщиковъ въ войнѣ 1877—78 г., см. ниже, въ статьѣ „Впечатлѣнія минувшаго вѣка", содержащей воспоминанія очевидца. *Ред.*].

и язвительнымъ насмѣшкамъ со стороны нѣкоторыхъ русскихъ органовъ печати, полагавшихъ, что такое загадочное и непонятное озлобленіе Англіи, высказанное лордомъ Биконсфильдомъ на банкетѣ у лондонскаго лордъ-мэра, составляетъ прямой, будто бы, результатъ интригъ и происковъ русскихъ евреевъ. Пользуясь случайностью, выдвинувшею ихъ соплеменника на должность англійскаго премьера, русскіе евреи нашли будто-бы возможность склонить его на свою сторону и при его содѣйствіи отомстить русскому правительству за разныя законоположенія прежняго времени, ограничивавшія ихъ гражданскія права и вредно вліявшія на ихъ матеріальное благосостояніе. Нынѣ же сдѣланныя Серверъ-пашой [1]) разоблаченія сняли послѣднюю завѣсу, скрывавшую тайныя пружины политики Биконсфильда, и никто уже болѣе не сомнѣвается, что онъ былъ главнымъ виновникомъ усложненій по восточному вопросу и воинственныхъ манифестацій англійскаго народа, и что вступленіе британскаго флота въ Дарданеллы, представляющее новыя препятствія къ упроченію заключеннаго мира, есть прямой результатъ его эгоистическихъ спекуляцій. Съ другой стороны, доблесть нашихъ изъ евреевъ солдатъ, неоднократно заслужившихъ награды и похвалы отъ своихъ начальниковъ полководцевъ, самоотверженіе военныхъ врачей, нашихъ единовѣрцевъ, молитвы наши за преуспѣяніе русскаго оружія и участіе наше въ благотворительной дѣятельности общества Краснаго креста—наглядно доказываютъ совершенную неосновательность сложившихся о нашемъ индиферентизмѣ и нашей замкнутости понятій.

„Мы, русскіе евреи, смѣло заявляемъ передъ лицомъ всего русскаго народа, что съ англійскимъ премьеромъ мы положительно ничего общаго не имѣемъ и имѣть не желаемъ, что намъ въ Россіи живется относительно хорошо, и мы во все время царствованія нашего обожаемаго монарха, освободителя народовъ, все болѣе и болѣе расширяющаго и наши права, рѣшительно не имѣли повода жаловаться кому-бы то ни было, тѣмъ болѣе чужеземцу, какое бы высокое положеніе онъ ни занималъ; мы знаемъ, что нашъ Царь-благодѣтель внимателенъ къ справедливымъ требованіямъ своихъ подданныхъ, какого бы вѣроисповѣданія они ни были.

„Изъ всего изложеннаго ясно видно, что возведенное на насъ нѣкоторыми органами русской печати обвиненіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Мы—люди мирные и войны никогда не желаемъ: война, какъ извѣстно, тормозитъ торговлю и, обогащая только немногихъ, разоряетъ десятки тысячъ нашихъ соплеменниковъ... Но еслибы потребовали обстоятельства, то мы, нисколько не опасаясь навлечь на себя гнѣвъ нашихъ непрошенныхъ защитниковъ (будь это даже самъ могущественный Дизраэли), направили бы всѣ наши силы и средства къ противодѣйствію ихъ честолюбивымъ и коварнымъ замысламъ, мужественно и безропотно вынесли бы бремя войны,

---

[1]) Турецкій великій визирь.

въ надеждѣ на милосердіе Божіе и въ уповаміи, что страшные звуки трубъ г. Дизраэли и Ко. не разрушатъ твердынь русскаго Іерихона.

„Богъ будетъ предводительствовать нашими полчищами, а вамъ—молчать!“ (Исходъ, гл. XIV, ст. 14).

Бердичевъ, 2 марта 1878 г. (Слѣдуютъ 100 подписей мѣстныхъ купцовъ, врачей и др. представителей еврейской общины, во главѣ съ раввиномъ Песисомъ).

Еще лилась на Балканахъ еврейская кровь за свободу славянъ, какъ на тѣхъ же Балканахъ стали производить дикія расправы надъ евреями. Иностранныя газеты преподносили каждый день новыя сообщенія о такихъ расправахъ, ставшихъ предметомъ и дипломатической переписки. Великобританскій посолъ въ Константинополѣ Лайардъ доносилъ министру иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ, Дерби, объ ужасномъ положеніи евреевъ, вынужденныхъ бѣжать изъ мѣстностей, охваченныхъ войною. Англійскіе консулы старались облегчить положеніе бѣженцевъ. Вотъ текстъ телеграммы Лайарда, цитируемый нами съ нѣкоторыми пропусками по газетѣ „Гамагидъ“ (№ 35 за 1877 г.):

„Терапія, 16 августа, 1877. Г-ну Дерби. Мнѣ удалось въ точности установить, что среди бѣженцевъ, спасшихся изъ мѣстъ, охваченныхъ войною, находится много евреевъ, сильно пострадавшихъ, подобно туркамъ, отъ болгаръ и русскаго войска. Большинство ихъ—изъ Эски-Загры и Казанлыка. Въ Казанлыкѣ были вырѣзаны многія еврейскія семьи. Нашъ консулъ извѣщаетъ, что турки много сдѣлали для несчастныхъ евреевъ, и ихъ солдаты дѣлятся съ ними хлѣбомъ. 18-лѣтняя еврейская дѣвушка изнасилована была двадцатью и умерла по доставленіи ея въ Адріанополь. Ужасно положеніе евреевъ, преслѣдуемыхъ христіанами и защищаемыхъ турками; они совершенно разорены [1])...

Еще болѣе мрачными красками описывали положеніе пострадавшихъ во время войны евреевъ корреспонденты англійскихъ газетъ. Въ „Daily Telegraph“ писали изъ Адріанополя, что туда прибыло больше двухъ тысячъ бѣженцевъ, среди которыхъ много раненыхъ штыковыми ударами. Несчастные разсказывали, что они—жертвы болгарской разнузданности. Черезъ два дня по прибытіи этихъ бѣженцевъ, 20 августа 1877 г., въ тотъ же Адріанополь прибыли еще 5000 человѣкъ, среди которыхъ преобладали евреи. Турецкое правительство черезъ своихъ представителей заграницею сообщало, что въ Казанлыкѣ вырѣзано больше половины евреевъ—женщинъ, стариковъ и дѣтей. Такія же сообщенія приходили и изъ другихъ мѣстъ—изъ Виддина,

---

[1]) О тогдашнихъ погромахъ въ Болгаріи упоминается дальше, въ воспоминаніяхъ очевидца („Изъ впечатлѣній минувшаго вѣка“).—*Ред.*

Рущука, Разграда, Силистріи, Шумлы. Въ Рущукѣ, по словамъ корреспондента „Daily Telegraph“, еврейскій кварталъ былъ совершенно разрушенъ. Изъ Шумлы несчастные бѣжали въ Варну. Многіе искали спасенія въ горахъ, гдѣ оставались подъ открытымъ небомъ („Гамагидъ“, №№ 30, 34 и 35 за 1877 г.).

Такимъ образомъ, не только евреи, непосредственно участвовавшіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, подвергались всѣмъ, такъ называемымъ „ужасамъ войны“, но и невоюющее мирное еврейское населеніе испытывало ихъ. И общественное мнѣніе Европы было немало взволновано приходившими съ Балканъ извѣстіями объ этихъ дикихъ расправахъ...

На судьбу балканскихъ евреевъ не могли не обратить вниманія и представители европейскихъ державъ, съѣхавшіеся послѣ войны въ Берлинъ для обсужденія вопроса о новомъ государственномъ устройствѣ въ придунайскихъ княжествахъ и на Балканахъ. Венеціанское еврейское общество обратилось къ итальянскому министру-президенту съ просьбою поручить своему уполномоченному на Берлинскомъ конгрессѣ, графу Корти, чтобы онъ настаивалъ на провозглашеніи равноправія евреевъ въ придунайскихъ княжествахъ. Такую же просьбу сэра Ліонеля Ротшильда графъ Биконсфильдъ и маркизъ Салисбери встрѣтили съ полнымъ сочувствіемъ [1]). Съ своей стороны, парижская Alliance Israélite Universelle отрядила спеціальныхъ делегатовъ въ Берлинъ. Почти всѣ уполномоченные на конгрессѣ высказали свое сочувствіе дѣлу уравненія балканскихъ евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Даже русскій уполномоченный графъ Шуваловъ, какъ сообщало „Новое Время“, въ бесѣдѣ съ виднымъ представителемъ берлинской еврейской общины, заявилъ, что онъ лично сторонникъ равноправія евреевъ и будетъ содѣйствовать на конгрессѣ осуществленію этой идеи („Гацефира“, № 29 за 1878).

Какъ извѣстно, результатомъ Берлинскаго конгресса была между прочимъ, фактическая эмансипація евреевъ въ Болгаріи и Сербіи и бумажная ихъ эмансипація въ Румыніи, которая потомъ обманула Европу. По еврейскому вопросу на Берлинскомъ конгрессѣ диссонансомъ прозвучалъ только голосъ русскаго канцлера Горчакова, который попытался оправдать гнетъ надъ русскими евреями тѣмъ соображеніемъ, что они не похожи на западныхъ...

* * *

[1]) „Евр. Библіотека“ т. VI, стр. 139 и слѣд.

Русскіе евреи, остались при „старомъ корытѣ". Не залѣчены еще были раны уцѣлѣвшихъ на войнѣ евреевъ-солдатъ, какъ на ихъ соплеменниковъ обрушилось новое несчастіе: въ Царствѣ Польскомъ произошелъ еврейскій погромъ. Въ № 308 „Московскихъ Вѣдомостей" отъ 13 іюня 1878 г. и въ другихъ газетахъ помѣщена была телеграмма „Международнаго телеграфнаго агентства", гласившая, что въ Калишѣ вспыхнуло „возстаніе противъ евреевъ", причемъ синагога и множество лавокъ разграблены, убито 13 человѣкъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Калишѣ 11 іюня произведенъ былъ только „уличный безпорядокъ". Поляки выбивали рамы, стекла и двери еврейскихъ домовъ. Для содѣйствія мѣстной полиціи были вызваны три эскадрона гусаръ, но еще до прибытія войска порядокъ былъ водворенъ мѣстными средствами. Столкновенія же народа съ войскомъ и смертныхъ случаевъ не было—по оффиціальному сообщенію. Оказалось, что для возбужденія толпы противъ евреевъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, пущены были въ ходъ провокаціонные слухи, будто евреи оскорбили христіанскую святыню, разрушивъ устроенные на улицахъ, въ виду ожидавшейся религіозной процессіи, католическіе алтари. О католической расправѣ „Новое Время" оповѣстило своихъ читателей въ игриво-цинической формѣ: „Полудѣти-католики преисправно кровянили морды жидятъ и жидовокъ". Газета уже тогда входила въ роль оффиціоза юдофобіи.

Антисемитская реакція послѣ войны все усиливалась, и когда во время ея пышнаго расцвѣта, въ началѣ 80-хъ годовъ, стали придумывать новыя правовыя ограниченія для евреевъ, вспомнили и о тѣхъ евреяхъ-врачахъ, которые отдали родинѣ свои силы, а иногда и жизнь, во время войны. Въ 1882 г. военный министръ Ванновскій нашелъ неподобающимъ для русской государственности нахожденіе значительнаго числа лицъ еврейской національности на государственной службѣ въ качествѣ военныхъ врачей. Началось съ ограниченія ихъ числа пятипроцентною нормою и кончилось полнымъ закрытіемъ для врачей-евреевъ доступа къ военно-медицинскимъ должностямъ. Такова была одна изъ „наградъ" за вѣрную службу. О другихъ подобныхъ „наградахъ", болѣе общаго характера, многое могла бы поразсказать исторія послѣднихъ десятилѣтій.

А. Е. Кауфманъ.

О субботникахъ на Амурѣ.

Въ прошломъ году при проѣздѣ черезъ Иркутскъ д-ра Таубера, изъ Благовѣщенска на Амурѣ, я воспользовался встрѣчей съ нимъ и попросилъ его собрать возможно точныя свѣдѣнія о субботникахъ, проживающихъ въ Благовѣщенскѣ [1]. Моя просьба была исполнена въ томъ смыслѣ, что одинъ изъ мѣстныхъ субботниковъ записалъ собранныя имъ свѣдѣнія о своихъ единовѣрцахъ. Недавно этотъ субботникъ пріѣхалъ въ Иркутскъ и передалъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія, которыми рѣшаюсь подѣлиться съ читателями „Еврейской Старины".

Интересна прежде всего судьба самого разсказчика, старика лѣтъ 70. Этотъ субботникъ (не имѣя полномочія огласить его имя, обозначу его именемъ N.) разсказалъ мнѣ слѣдующее о своемъ обращеніи.

Его родитель былъ сосланъ въ Томскъ какъ сектантъ-христіанинъ. Самъ же N. все искалъ религіозной истины, для чего читалъ разныя книги. Больше всего „его тянуло" къ Библіи, но онъ ее плохо понималъ: не имѣлъ „ключа" къ ней. Ему было 21—22 года отъ роду, когда онъ какими то судьбами попалъ къ дѣду пишущаго эти строки — Іошуѣ. Дѣдушка растолковалъ ему всѣ непонятныя ему мѣста Библіи; затѣмъ началъ его обучать „Алефъ-Бейсъ" и такъ удачно, что сектантъ скоро началъ читать. Черезъ нѣкоторое время онъ уѣхалъ по совѣту дѣдушки въ Минусу, гдѣ по близости расположена деревня Юдино,—населенная субботниками. Здѣсь онъ еще учился и здѣсь „обрѣзался". Изъ Минусы онъ уѣхалъ въ Зиму, Иркутской губерніи, гдѣ также живутъ субботники. Тутъ онъ женился на субботницѣ и затѣмъ (въ 1883 г.) переѣхалъ въ Благовѣщенскъ, гдѣ прижилъ большую семью. Дѣтямъ онъ далъ хорошее образованіе. Одинъ изъ его сыновей учился въ университетѣ на юридическомъ факультетѣ; другой состоитъ сельскимъ учителемъ, третій—фармацевтъ. Изъ дочерей N. одна—акушерка, другая учится на медицинскихъ курсахъ, третья выдана замужъ за еврея. Всѣ дѣти обучены по еврейски и живутъ съ евреями „заодно", имѣютъ Библію въ еврейскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ (вѣнскаго изданія). Самъ N много, повидимому, читалъ. Читаетъ еврейскій текстъ Библіи, который изучилъ хорошо при помощи русскаго перевода; читалъ произведенія Толстого, Ренана и тому под. Интересуется всѣмъ еврейскимъ. Въ Иркутскѣ мы его водили по еврейскимъ учрежденіямъ;

---

[1]) Со времени взятія Благовѣщенска русскими, тамъ стали селить разныхъ сектантовъ: молоканъ, баптистовъ, субботниковъ и др.

въ синагогѣ его „вызвали къ Торѣ“, и онъ твердо произнесъ всѣ ברכות.

Теперь сообщу съ его словъ – или точнѣе, записей—свѣдѣнія о другихъ проживающихъ въ Благовѣщенскѣ и по близости старѣйшихъ субботникахъ. Этихъ представителей стараго поколѣнія нынѣ осталось тамъ очень немного. Вотъ краткія одиссеи нѣкоторыхъ „стариковъ“, имѣющихъ въ своемъ прошломъ богатый мартирологъ.

1. Парфенъ Трофимовичъ Морозовъ, бывшій крестьянинъ Самарской губерніи. Въ 1858 году его судили за отпаденіе отъ православія и за совращеніе другихъ въ субботничество. Просидѣлъ въ тюрьмѣ три года и былъ вызываемъ неоднократно на увѣщаніе къ православному священнику; но всѣ увѣщанія не могли поколебать его вѣрованій, и онъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 10 лѣтъ (въ солеваренномъ заводѣ близъ Иркутска), къ 60 ударамъ плетью и наложенію клеймъ на лицо. Его разрознили съ женою и записали вдовымъ. Плети и клейма манифестомъ были отмѣнены, но каторгу пришлось отбывать. Его жену послѣ долгихъ увѣщаній записали вдовой и съ шестью дѣтьми сослали въ Туруханскъ, Енисейской губ. Оттуда она подала прошеніе генералъ-губернатору Муравьеву, который разрѣшилъ ей пріѣхать къ мужу на каторгу. По отбытіи срока каторги, Морозовъ поселился въ Благовѣщенскѣ. Библію онъ и члены его семьи читаютъ славянскую; по еврейски никто изъ нихъ не ученъ; живутъ съ евреями заодно. Въ этомъ семействѣ въ настоящее время 8 человѣкъ.

2. Субботникъ Федоръ Петровичъ Холоденинъ, тоже былъ осужденъ и сосланъ на Камчатку (неизвѣстно, въ которомъ году) на семь лѣтъ. Жену оставили, и ее нѣсколько разъ усовѣщевали священники, чтобы вернулась въ православіе, но она наотрѣзъ отказалась—и получила 200 штукъ колючихъ розогъ, отъ коихъ долго находилась въ безпамятствѣ... Затѣмъ она была сослана въ Туруханскъ. Отсюда она обратилась съ прошеніемъ къ генералу Муравьеву, и ей было разрѣшено переѣхать на Амуръ. По истеченіи срока ссылки мужа, онъ съ Камчатки пріѣхалъ къ ней на Амуръ, въ Благовѣщенскъ, гдѣ семья проживаетъ и въ настоящее время. Въ этомъ семействѣ 14 душъ. Одна дочь кончила гимназію, другая вышла замужъ за еврея.

3. Субботникъ Ефремъ Ивановичъ Поповъ съ женою, сыномъ и двумя дочерьми, были осуждены и сосланы въ Туруханскъ, а затѣмъ также были перемѣщены на Амуръ, въ Благовѣщенскъ. Въ настоящее время эта семья состоитъ изъ 27 душъ. Одинъ изъ сыновей женился на баптисткѣ, одна дочь вышла за молоканина, остальныя—за субботниковъ.

4. Субботникъ Никита Романовичъ Поповъ, съ женою и тремя дочерьми, изъ Туруханской ссылки также переселились на Амуръ. Всѣ три дочери вышли за евреевъ.

Кромѣ поименованныхъ старожиловъ, имѣются въ Благовѣщенскѣ еще три семейства ссыльныхъ субботниковъ, частью

породнившихся съ евреями, преимущественно путемъ выхода дочерей замужъ за евреевъ.

Всѣ названныя лица, какъ уже сказано, были сосланы въ Туруханскъ или Камчатку. Когда генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ въ 1850-хъ годахъ присоединилъ къ Россіи Амурскій край и старался заселить его, онъ сталъ разрѣшать сектантамъ, какъ трудолюбивымъ людямъ, селиться на Амурѣ, а тѣ съ удовольствіемъ промѣняли Туруханскъ на Амуръ.

Еврейскій текстъ Библіи рѣдко кто понимаетъ, но пользуются русскимъ переводомъ. Ходятъ молиться въ молельню—„миньенъ"—благовѣщенскихъ евреевъ. Молятся по еврейскимъ молитвенникамъ съ переводомъ на русскомъ языкѣ. Такъ какъ въ Благовѣщенскѣ есть небольшая община евреевъ, получившихъ право жительства, то тамъ имѣется и „шойхетъ" (рѣзникъ), исполняющій всякія религіозныя требы. Къ нему обращаются и субботники для вѣнчанія, обрѣзанія и пр. Метрики, какъ всѣ сектанты, они получаютъ изъ мѣстнаго полицейскаго управленія. Съ евреями живутъ дружно и охотно сближаются; съ прочими сектантами—молоканами, баптистами и друг.—также живутъ хорошо. Сближаетъ ихъ общая судьба. „Это наши братья-страдальцы"—говорятъ сектанты-христіане про субботниковъ. Въ отношеніяхъ православнаго населенія къ субботникамъ вражды тоже не замѣчается.

Кромѣ субботниковъ-ссыльныхъ, пострадавшихъ за свою новую вѣру, въ Благовѣщенскѣ живутъ нѣсколько семействъ субботниковъ, переселившихся туда въ позднѣйшее время „по своей волѣ". Эти семейства прибыли изъ Самарской губерніи. Между ними видное мѣсто занимаетъ интеллигентное семейство Ершовыхъ. Глава семьи—Иванъ Кондратьевичъ, бухгалтеръ, хорошо изучилъ Библію въ русскомъ переводѣ и много разъ велъ диспуты съ православными миссіонерами и священниками. Дѣти получили среднее или высшее образованіе. Остальные субботники изъ вольныхъ поселенцевъ занимаются пароходствомъ, торговлею и кожевеннымъ дѣломъ.

Въ деревнѣ Петропавловсѣ, близъ Благовѣщенска, проживаетъ 9 семействъ субботниковъ, въ составѣ 67 душъ. Они имѣютъ свой „миньенъ"—молельню, молятся на „лошонъ койдешъ"—по еврейски, и сами выполняютъ обряды, вѣнчанія и проч. Метрики ведутся въ волостномъ правленіи. Ихъ занятія: хлѣбопашество и скотоводство. Съ христіанскимъ населеніемъ живутъ дружно.

Интересно отмѣтить, что субботники, проживающіе въ городѣ Благовѣщенскѣ и стоящіе ближе къ евреямъ, называютъ себя р у с с к и м и именами (Иванъ, Кондратъ и т. п.), тогда какъ субботники, живущіе въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ евреевъ, носятъ имена библейскія (Илья, Авраамъ, Яковъ, Азаръ, Давидъ), и къ тому же молятся на языкѣ Библіи.

І. Л. Нейманъ.

Иркутскъ.

Изъ впечатлѣній минувшаго вѣка.

Воспоминанія средняго человѣка.

(*Окончаніе*)

XXI [1]).

Въ 1877 г., по объявленіи войны съ Турціей, началось большое движеніе предпріимчивыхъ людей въ Бессарабію и Румынію; стало извѣстно о крупныхъ подрядахъ компаніи „Грегеръ, Горвицъ и Коганъ“ по продовольствію арміи и А. М. Варшавскаго по перевозкѣ припасовъ къ мѣстамъ войсковыхъ частей. Не имѣя никакого влеченія къ подрядамъ, я искалъ себѣ должность при одномъ изъ этихъ грандіозныхъ дѣлъ. Я получилъ сильную протекцію къ Грегеру, и былъ имъ принятъ въ качествѣ контролера, при чемъ онъ мнѣ предложилъ—не теряя ни одного дня, отправиться въ Бухарестъ, такъ какъ „дѣло очень нуждается въ строгомъ контролѣ“. На мои вопросы объ утвержденіи моей должности и объ окладѣ онъ отвѣтилъ, что о моемъ назначеніи будетъ сегодня-же сообщено по почтѣ, а окладъ жалованья—сто руб. въ мѣсяцъ. Эта сравнительно ничтожная цифра за службу въ военное время въ далекомъ краѣ меня ошеломила, и я хотѣлъ было прямо отказаться; но мой протекторъ сказалъ мнѣ, что это опредѣленіе Грегера, стоящаго вдали отъ дѣла, ничего не значитъ, а тамъ на мѣстѣ Горвицъ назначитъ настоящее жалованье. И я, не позволяя себѣ остаться лишній день въ кругу семьи, прямо отправился въ Бухарестъ, куда прибылъ въ іюнѣ 1877 г.

Пріѣхавъ въ Бухарестъ, я, конечно, первымъ дѣломъ отправился въ контору компаніи „Грегеръ, Горвицъ и Коганъ“, находившуюся въ обширномъ одноэтажномъ домѣ на узкой улицѣ. Весь дворъ, прихожая и корридоры этого дома были биткомъ набиты народомъ, преимущественно южно-русскими евреями, чего-то ожидавшими. Насилу я отыскалъ служащаго, черезъ кото-

---

[1]) См. Евр. Стар. 1915 г., вып. I.

раго послалъ свою карточку завѣдующему всѣмъ дѣломъ Науму Ис. Горвицу, котораго я нѣсколько зналъ. Но каково было мое разочарованіе, когда я услышалъ отъ него, что онъ никакого письма отъ Грегера не получилъ, что въ дѣлѣ есть достаточное количество агентовъ и ревизоровъ, а чрезвычайный контроль не предполагается. Вмѣсто этого, онъ мнѣ предложилъ поставлять компаніи разные продукты, что мнѣ совершенно было не по душѣ.

Я вышелъ изъ конторы, теряясь въ догадкахъ объ этомъ разногласіи между участниками дѣла. Встрѣтилъ знакомаго, который завелъ меня въ Café при Hôtel du Boulevard. Эта большая кофейная, съ верандой и садикомъ, во все время войны служила сборнымъ пунктомъ для дѣловыхъ и бездѣльныхъ людей и съ ранняго утра до глубокой ночи была полна разноплеменнымъ людомъ. Читали газеты, играли въ карты, шахматы и трик-тракъ, пили кофе и дольчецъ. Тутъ же узнавали всѣ новости и слухи. Туда-же нерѣдко заходилъ А. С. Суворинъ, издатель „Новаго Времени", и оттуда сообщалъ онъ извѣстія „изъ самаго вѣрнаго источника". Это было время превращенія „Новаго Времени" изъ либеральнаго въ юдофобскій органъ. Разсказывали, что громадные денежные обороты компаніи „Грегеръ-Горвицъ-Коганъ" съ казною разожгли жадность Суворина, и онъ прямо потребовалъ отъ компаніи 60,000 р. „за молчаніе". Надо полагать, компанія считала такую сумму слишкомъ крупной для маловліятельной газеты, какой тогда еще была „Новое Время", что впослѣдствіи ей обошлось гораздо дороже. „Разбойнику печати", по примѣру древняго Гамана, „показалось ничтожнымъ наложить руку" на одну продовольственную компанію, въ которой участвовалъ только одинъ еврей [1]), и онъ началъ пускать стрѣлы въ весь еврейскій народъ.

Контрактъ, заключенный главнокомандующимъ съ компаніей „Грегеръ-Горвицъ-Коганъ" дѣйствительно былъ чудовищный. Компанія собственно не была подрядчикомъ, а только комиссіонеромъ и получала 10% изъ цѣнъ заготовленныхъ ею для арміи предметовъ продовольствія, почти безъ контроля этихъ цѣнъ и доставляемаго количества. Агенты, разосланные для закупки продовольствія, въ свою очередь не подлежали никакой провѣркѣ своей дѣятельности и могли показать какія угодно цѣны и коли-

---

[1]) Коганъ; Грегеръ—грекъ, а Горвицъ—лютеранинъ [но очевидно еврейскаго происхожденія.—Ред.].

чества [1]). Управленіе представляло собою царство хаоса; не было никакой организаціи, ни подобраннаго штата служащихъ. Когда-же накоплялись требованія провіанта изъ разныхъ пунктовъ, то вызывали изъ толпы просителей, вѣчно ожидавшихъ чего-то: кто желаетъ быть агентомъ тамъ-то? Охотниковъ всегда было много, имъ выдавали на руки по нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ и отправляли. Не мало было при этомъ дѣлѣ синекуръ съ большимъ окладомъ, по знакомству и по протекціямъ. Такая синекура нашлась и для д-ра Гольденблюма (зятя Цедербаума и соиздателя „Гамелица"), который тоже занималъ мѣсто въ одномъ изъ кабинетовъ [2]).

Другое крупное дѣло при арміи было предпріятіе А. М. Варшавскаго: поставка для полевого интендантства 7000 пароконныхъ крестьянскихъ подводъ. Собрать такое количество подводъ въ одной Бессарабской губерніи было дѣломъ не легкимъ, и оно сильно волновало поставщика. Нашлись однако субъ-поставщики, которые частями дѣло приняли на себя. Изрядная плата (по 3 р. золотомъ и 1 р. 65 к. бумажками за подводу въ день) давала крупные барыши всѣмъ участникамъ. Черезъ контору Варшавскаго въ Бухарестѣ проходили всѣ платы отъ интендантства. Конторы вторичныхъ поставщиковъ также осаждались просителями, какъ и контора „Г. Г. и К.", и добиться мѣста агента было чрезвычайно трудно.

Однажды, бродя въ мрачномъ настроеніи по улицамъ Рущука, встрѣчаю знакомаго, передающаго мнѣ извѣстіе, что А. М. Варшавскій разошелся со своими субъ-поставщиками по дѣлу подводъ и взялъ это дѣло вновь въ свои руки. Извѣстіе это было для меня чрезвычайно важно, и я въ тотъ-же день отправился въ Бухарестъ. Когда я явился въ контору, меня радушно встрѣтили хорошіе знакомые Ѳ. М. Сахаръ, М. Минковскій и Б. Зунделіо-

---

[1]) Одинъ изъ такихъ агентовъ мнѣ разсказалъ, какъ онъ нѣсколько струсилъ, когда къ нему явился ревизоръ отъ управленія. Но ревизоръ потребовалъ одну кассовую книгу, по которой пересчиталъ всѣ статьи расхода: овса столько-то по такой-то цѣнѣ, составляетъ столько-то и т. д. Вѣрно; вѣренъ также итогъ. Агентъ, выдержавшій экзаменъ изъ ариѳметики, накормилъ проницательнаго ревизора хорошимъ обѣдомъ и — благодарилъ Бога.

[2]) Я былъ свидѣтелемъ такого „дѣлового разговора". Въ кабинетъ входитъ д-ръ Гольденблюмъ, кладетъ шляпу на столъ и говоритъ фактору Мойше: „Moische, bringen Sie mir Selterwasser, dann komme ich nachmittags und Sie bringen mir Thee". Въ этомъ, кажется, состояла вся дѣятельность Гольденблюма.

вичъ. Я имъ изобразилъ мое положеніе и просилъ дать мнѣ мѣсто агента при отдѣленіи. На это они отвѣтили, что должность агента не по мнѣ, но для меня найдется мѣсто при конторѣ въ качествѣ контролера. Мнѣ тутъ-же отвели комнату, назначили крупный окладъ и отрядили ко мнѣ цѣлыхъ шесть помощниковъ, хотя работы хватало еле на троихъ. Я организовалъ дѣло контроля, и ко мнѣ стали поступать отчеты агентовъ отдѣленій, въ которыхъ я открывалъ не мало недочетовъ.

Не прошло и мѣсяца моей новой службы, какъ я получилъ отъ А. М. Варшавскаго командировку—обревизовать всѣ отдѣленія на мѣстахъ по всей Болгаріи. По расположенію отдѣленій, мой маршрутъ былъ: чрезъ Галацъ и Константинополь, отъ Чаталджи до Систова, съ зигзагами. Всѣ эти мѣста я объѣхалъ, дѣлая по пути много наблюденій.

До окончанія перевозочнаго подряда, Варшавскій взялъ поставку печенаго хлѣба для русской арміи въ Санъ-Стефано. Это дѣло онъ передалъ другимъ контрагентамъ, и оно переходило изъ рукъ въ руки. При существованіи въ Константинополѣ множества искусныхъ пекарей—турокъ и грековъ, дѣло давало хорошій барышъ даже и мелкому контрагенту.

Вслѣдствіе доносовъ, Варшавскій былъ привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу о поставкѣ подводъ; въ отвѣтъ попалъ и уполномоченный его Ѳ. М. Сахаръ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ случилось быть въ Одессѣ. Узнавъ, что тамъ находится А. М. Варшавскій, я къ нему зашелъ. По своему обыкновенію, онъ меня обласкалъ и сказалъ: „Гдѣ Вы были въ началѣ дѣла? вѣдь я такихъ людей искалъ. Вотъ смотрите (указывая на трехэтажный домъ противъ гостиницы): кассиръ, котораго я принялъ на 100 р. въ мѣсяцъ, вонъ какое домище пріобрѣлъ, а я—подъ судомъ"...

Не могу мысленно разстаться съ Румыніей и Болгаріей, не упоминая о нѣкоторыхъ эпизодахъ и наблюденіяхъ.

Какъ ни трогательно было видѣть еврея, торопящагося переслать первые свои скудные заработки нуждающемуся дома семейству, такъ омерзительно было узнать о грубѣйшихъ наслажденіяхъ, какія позволяли себѣ такіе-же евреи, заработавшіе болѣе крупныя деньги. Городъ Бухарестъ представлялъ слишкомъ много соблазновъ для выходцевъ изъ захолустьевъ Россіи, а нравы въ Румыніи—увы, даже и среди евреевъ писшаго слоя—не отличаются особенною чистотою. Велико было мое разочарованіе, когда я узналъ, что и дочери мѣстныхъ шпаньоловъ (Сефар-

димъ), ведущихъ замкнутую жизнь, не далеко ушли отъ ашкеназскихъ. Пріѣзжали также бойкія „дамочки" изъ Россіи.

Главное мѣсто сборищъ и свиданій находилось въ садикѣ съ эстрадой, на которой выступали персонажи только что созданнаго Гольдфаденомъ еврейскаго театра. Любимая публикой пьеса была мелодрама „Бранделе Козакъ", также и пошлый дивертисементъ. Богъ вѣстъ откуда рекрутировались артисты и артистки для этого „театра". Высшій слой дѣльцовъ, завтракавшій и обѣдавшій въ кондитерской Гюга и въ гостиницѣ Брофта съ платой по 25 и 50 франковъ, находилъ болѣе утонченныя развлеченія въ саду Ставри и пр. Отлично торговали за „подарки" мѣстные и одесскіе торговцы драгоцѣнными вещами.

Объѣзжая Болгарію, я почти вездѣ видѣлъ хорошія шоссейныя дороги и основательные мосты. Рѣдкая деревня не имѣла своей школы; въ этихъ школахъ преподаваніе турецкаго языка не было обязательно. Видѣлъ я разрушенные турками города; въ деревнѣ Шипкѣ буквально не осталось камня на камнѣ, но совершенно уцѣлѣла православная часовня. На развалинахъ домовъ въ Ямболи и Ени-Загрѣ я нашелъ много листовъ и клочковъ изъ разорванныхъ еврейскихъ книгъ. Книги эти были преимущественно религіознаго содержанія, на еврейско-испанскомъ языкѣ и напечатаны еврейскими буквами; онѣ очевидно принадлежали шпаньоламъ изъ турецкихъ подданныхъ.

Самое ужасное воспоминаніе оставило во мнѣ видѣнное въ Зимницѣ. Послѣ перваго перехода русскихъ войскъ чрезъ Балканы и ихъ вступленія въ городъ Казанлыкъ, ихъ первымъ дѣломъ было выгнать оттуда жившія тамъ нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ. И вотъ этихъ разоренныхъ, оборванныхъ и голодныхъ пригнали въ Зимницу, гдѣ они жили подъ открытымъ небомъ. Многіе родители не досчитались своихъ дочерей, а мужья своихъ молодыхъ женъ... Среди этихъ изгнанниковъ, кромѣ стариковъ, находились 13-14 лѣтнія матери съ грудными дѣтьми, такъ что одинъ нѣмецъ мнѣ сказалъ: „Aber die Kinder haben ja auch Kinder!"[1]). Собирали для нихъ хлѣбъ, платье и деньги; объ нихъ затѣмъ позаботились шпаньолскія общины Румыніи.

Въ Рущукѣ я посѣтилъ турецкую школу, гдѣ учитель, держа палку въ рукахъ, что-то кричалъ, а дѣти, раскачиваясь всѣмъ туловищемъ, кричали вмѣстѣ съ нимъ. Ахъ, ты Господи, вѣдь это

---

[1]) См. выше, въ статьѣ „Евреи въ русско-турецкой войнѣ".—*Ред.*

нашъ „хедеръ", и вотъ мой меламедъ со своимъ афоризмомъ "ומקלו יגיד לו" (см. гл. II). Въ Константинополѣ, въ Ая-Софіи я видѣлъ сидящихъ на коврахъ, въ кругу, пожилыхъ мужчинъ, которымъ мулла комментировалъ Коранъ и давалъ объясненія на вопросы: ни дать, ни взять, наша "חברה משניות". Есть же какое-то родство между восточными народами.

XXII.

Съ начала 80-хъ годовъ я состоялъ на службѣ въ обширныхъ предпріятіяхъ извѣстнаго петербургскаго финансиста А. И. Зака (см. выше, гл. IX), особенно въ правленіи пріобрѣтенной имъ линіи Либаво-Роменской желѣзной дороги.

Въ это время я часто встрѣчался съ извѣстнымъ писателемъ Г. И. Богровымъ, который сдѣлался личнымъ секретаремъ А. И. Зака. Своей крупной фигурой и суровой физіономіей Богровъ не очень располагалъ къ себѣ. Одностороннее и поверхностное его образованіе, окрашенное въ цвѣтъ акцизно-откупной среды, придавало его писательскому таланту больше субъективной ѣдкости, чѣмъ объективной наблюдательности. Его частная жизнь, въ сожительствѣ съ христіанкой и врозь со своими дѣтьми, не привлекала къ нему друзей. Впослѣдствіи его сожительница, заставивши его креститься, пріютила его въ своемъ имѣньицѣ, гдѣ онъ безславно окончилъ свои дни въ глуши.

Богровъ мнѣ разсказалъ, что въ началѣ 80-хъ годовъ, во время революціоннаго движенія, онъ предложилъ графу Игнатьеву, вмѣсто практикуемыхъ репрессій, выдѣлить одну отдаленную губернію и предоставить въ ней соціалистамъ автономію. Неизбѣжная неудача должна скоро отрезвить мечтателей. Идея будто понравилась Игнатьеву; но, конечно, она не была приведена въ исполненіе [1]).

Послѣ того, какъ я нѣкоторое время исполнялъ при правленіи Либаво-Роменской ж. д. обязанности ревизора службы „магазинной и топлива", я былъ назначенъ на должность начальника магазинной службы (начало 1885 г.). Среди моихъ сослуживцевъ— русскихъ и поляковъ началось броженіе. Имъ непріятно было вторженіе еврея въ синклитъ начальниковъ и управляющихъ от-

---

[1]) Богровъ, вѣроятно, носился съ этимъ анекдотическимъ проектомъ—по крайней мѣрѣ, разсказывалъ объ этомъ „остроумномъ изобрѣтеніи"—въ тѣ годы, когда печаталъ въ „Разсвѣтѣ" свой памфлетъ на евреевъ-нигилистовъ—романъ „Накипь вѣка" (1879—81).—*Ред.*

дѣлами. Помощникъ моего предшественника по службѣ, обрусѣвшій полякъ Ив. А. Рихтеръ, считалъ себя обойденнымъ, ибо самъ разсчитывалъ на эту должность.

Оставшись моимъ помощникомъ, онъ однако скоро примирился съ своимъ положеніемъ. Но его младшій братъ, завзятый панъ Ст. Авг., состоявшій старшимъ счетоводомъ конторы, никакъ не могъ успокоиться. Онъ бѣгалъ по всѣмъ службамъ, предлагалъ помѣняться съ нимъ хотя бы на низшую должность, лишь бы не быть въ подчиненіи „жиду". Я получалъ также пасквили съ ругательствами, на что не обращалъ вниманія. Въ первое воскресенье послѣ вступленія въ должность, я пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ Рихтера-младшаго и спокойно ему сказалъ: „я знаю и отчасти понимаю ваше волненіе, но попробуйте послужить со мною, авось измѣните свое мнѣніе". Онъ протянулъ мнѣ руку въ знакъ примиренія. Затѣмъ я позвалъ весь персоналъ конторы, состоявшей большей частью изъ поляковъ, и сказалъ: „Господа, волей судьбы я сталъ вашимъ начальникомъ. Прошу васъ отложить въ сторону всякіе предразсудки и подарить мнѣ свое довѣріе; авось ваше положеніе хуже не будетъ. Давайте дружно работать на пользу дѣла, которое насъ кормитъ". Затѣмъ служба моя въ теченіе пяти лѣтъ протекала мирно Для сослуживцевъ высшаго ранга я сталъ непремѣннымъ коллегой; административныя совѣщанія и экстренныя поѣздки для осмотра линіи не могли обходиться безъ меня. Меня любезно принимали—по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ — въ ихъ семьяхъ, приглашали на имянины, обѣды и вечера, да и я ихъ у себя принималъ.

Въ 1889 г. Либаво-Роменская ж. д. перешла въ казну, причемъ, разумѣется, я на службѣ оставаться не могъ. На прощаніе, какъ водится, управленіе въ полномъ составѣ устроило мнѣ торжественный обѣдъ съ тостами. Поблагодаривши за оказанное мнѣ во все время нашей совмѣстной службы дружеское отношеніе, какъ и за устроенное мнѣ чествованіе, я, между прочимъ, сказалъ: „Съ болью въ сердцѣ прощаясь со своими товарищами, выношу то пріятное чувство, что они не раздѣляютъ господствующихъ по отношенію къ моему народу предразсудковъ". Я получилъ жетонъ и приличную награду; мои подчиненные поднесли мнѣ серебряную чернильницу съ благодарственнымъ адресомъ. Такъ кончилась моя желѣзнодорожная служба...

Увы, „и любовь ихъ и ненависть ихъ... давно исчезли" (Экклез. IX, 6.). Бывшія коллегіальныя отношенія скоро изгла-

дились, при позднѣйшихъ встрѣчахъ здороваемся церемонно и холодно. Только сослуживцы низшаго ранга, какъ бывшіе мнѣ подчиненными 120 человѣкъ, такъ и изъ другихъ службъ, долго сохранили ко мнѣ явное расположеніе. И понынѣ пережившіе, встрѣчаясь со мною, вспоминаютъ доброе время служенія при „еврейскомъ" управленіи.

XXIII

Вышедши въ отставку и оставшись жить въ томъ же городѣ, гдѣ прослужилъ шесть лѣтъ, я началъ принимать участіе въ еврейскихъ общественныхъ дѣлахъ.

Въ то время въ обществѣ стала распространяться идея о заселеніи Палестины евреями, на что повліяли погромы 80-хъ годовъ и героическое выступленіе „Билуйцевъ". Абстрактныя вожделѣнія начали принимать конкретныя формы, и въ разныхъ городахъ черты осѣдлости образовались кружки для совмѣстной покупки въ Палестинѣ земли и учрежденій тамъ колоній. Поверхностныя понятія объ условіяхъ жизни въ той мѣстности и незнаніе общихъ и аграрныхъ законовъ Турціи не помѣшали составленію плановъ и уставовъ будущихъ коммунъ. Голыя ариѳметическія выкладки сулили блестящіе результаты и привлекали множество адептовъ, преимущественно изъ средняго и низшаго классовъ. Такимъ образомъ создались кружки "מנוחה ונחלה" въ Бѣлостокѣ и „Дорше-Ціонъ" ("דורשי ציון") въ Минскѣ, а за ними крупные и мелкіе кружки въ разныхъ мѣстахъ, которые скоро затѣмъ и исчезли. Не касаясь участи другихъ, не могу не упомянуть о грустной исторіи кружка „Дорше-Ціонъ", ближе меня интересовавшаго.

Этотъ кружокъ, разсчитанный на 1000 паевъ, былъ основанъ по проекту покойныхъ М. Слѣпяна и О. Л. Хейфеца въ 1888 году, съ исчисленіемъ фантастическихъ цифръ прибыли въ какіе-нибудь 5—10 лѣтъ [1]. Такая перспектива быстро привлекала къ дѣлу сотни пайщиковъ. Основатели и нѣкоторые пайщики приставали ко мнѣ съ предложеніемъ стать во главѣ кружка, налагая на мою совѣсть распаденіе его въ случаѣ моего отказа. Будучи самъ увлеченъ палестинофильствомъ и совершенно неосвѣдомленный въ дѣлѣ виноградарства, которое тогда кружило

[1]) Весь проектъ этого кружка былъ помѣщенъ въ „Нед. хроникѣ Восхода" № 42, за 1890 г.; см. также „Корреспонденція изъ Яффы", тамъ-же, № 51—52.

голову всѣмъ такимъ грюндерамъ, я долженъ былъ вѣрить предъявленнымъ мнѣ даннымъ. будто почерпнутымъ изъ вѣрнаго источника, и согласился. Сознаюсь, что видя предъ собою главныхъ пайщиковъ изъ класса состоятельныхъ, я не зналъ, что большая ихъ часть состоитъ изъ бѣдняковъ, отдававшихъ послѣдніе свои гроши за шаткую надежду...

Въ первомъ общемъ собраніи пайщиковъ Д.-Ц. рѣшено было командировать трехъ делегатовъ въ Палестину, съ порученіемъ выбрать и пріобрѣсть участокъ земли для виноградниковъ. Меня же просили отправиться въ Парижъ и ходатайствовать у барона Ротшильда о поощреніи нашего начинанія [1]).

Идея колонизаціи Палестины пользовалась симпатіями въ нѣкоторыхъ кругахъ парижскаго общества, вообще далекихъ отъ національной идеи. Ей платонически сочувствовали главный раввинъ Цадокъ Канъ и Нарсисъ Левенъ [2]). Дѣятельное же участіе принимали молодые выходцы изъ Россіи: д-ръ Хавкинъ. Э. Мейерсонъ, д-ръ Клейнъ и др. Происходили частые сходки въ разныхъ café и залахъ Quartier latin, гдѣ читались рефераты и произносились рѣчи; но большей частью слышны были пламенныя рѣчи Н. Добрускина [3]). Серьезно и искренно относился къ колонизаціи Палестины Мих. Эрлангеръ,—человѣкъ съ хорошимъ еврейскимъ сердцемъ, близко знакомый съ Палестиной и Египтомъ [4]). Онъ меня представилъ барону

---

[1]) Разсказывали, что барона Р. склонили къ палестинофильству тѣмъ, что Палестина представляетъ самую удобную почву для культуры бѣлыхъ розъ, его любимыхъ цвѣтовъ.

[2]) Вообще-же, оба эти дѣятеля принимали близко къ сердцу положеніе евреевъ въ Россіи. Когда въ 1896 г. въ Парижъ пріѣхалъ министръ внутр. дѣлъ Горемыкинъ, они сочли нужнымъ его посѣтить для бесѣды по еврейскому вопросу и пришли въ восхищеніе отъ любезнаго пріема и обѣщаній. Противъ желанія, мнѣ пришлось нѣсколько охладить ихъ восторгъ и разсѣять надежды, по крайней мѣрѣ, относительно близкаго будущаго.

[3]) Н. Д. былъ оригинальная личность. Онъ долго жилъ въ Парижѣ въ крайней нуждѣ, а зимою, чтобы не отапливать своей комнатки, проводилъ цѣлые дни въ дешевенькихъ кофейныхъ, гдѣ читалъ и писалъ, что въ Парижѣ въ порядкѣ вещей. Онъ умеръ въ колоніи Рошъ-Пина, въ концѣ прошлаго столѣтія. По дорогѣ въ Палестину, на палубѣ парохода, онъ все толковалъ пассажирамъ о величіи и будущности еврейскаго народа, и заканчивалъ свои рѣчи восклицаніемъ: „A genoux devant le peuple israélite!“.

[4]) Онъ мнѣ передалъ свою бесѣду съ ортодоксами въ Іерусалимѣ. Они ему жаловались на колонистовъ-богоотступниковъ, которые будто бы работаютъ въ субботу. Онъ имъ отвѣтилъ: если даже такъ, то вы въ

Э. Ротшильду, который принялъ меня любезно и обѣщалъ всякое содѣйствіе.

Какой-то злой рокъ судилъ еврейскимъ благотворительнымъ учрежденіямъ, — при лучшихъ намѣреніяхъ и затратѣ крупныхъ капиталовъ, достигать плачевныхъ результатовъ. Пророкъ Іеремія, проклиная своихъ враговъ (Јег. XVIII. 23), молилъ Бога: „чтобы они спотыкались предъ Тобою“, что Талмудъ объясняетъ такъ (Бава-Кама, 16): „чтобы при своихъ благодѣяніяхъ они спотыкались на людяхъ недостойныхъ“. Такая-же участь постигла барона Ротшильда въ его палестинскихъ предпріятіяхъ. Разные Шейды, Франки и Осовецкіе втягивали его въ покупки земель фиктивныхъ пространствъ и стоимости, а другіе французскіе садоводы и винодѣлы производили всевозможные неудачные эксперименты при колоссальныхъ затратахъ.

Къ такимъ-то представителямъ барона Р. въ Палестинѣ приходилось делегатамъ „Дорше-Ціонъ“ обращаться за указаніями и содѣйствіемъ, которое имъ оказывалось благодаря предписанію изъ Парижа. Делегаты маялись въ Іудеѣ и Галилеѣ цѣлыхъ два года, и только въ 1891 г. Осовецкій продалъ имъ участокъ земли при арабской деревнѣ „Аинъ-Зетунъ“, близъ Сафеда. По его указанію, участокъ состоялъ изъ 5000 дунамовъ (около 450 десятинъ), и за такое количество онъ получилъ деньги; полученный же затѣмъ турецкій кушанъ (купчая) былъ данъ лишь на 185 дунамовъ, что впослѣдствіи приводило къ постояннымъ спорамъ и тяжбамъ. Двое изъ делегатовъ остались жить на этомъ участкѣ и, познакомившись нѣсколько съ условіями мѣста и работы, выстроили домъ, приступили къ плантаціямъ винограда и оливковыхъ деревьевъ. Скоро мы стали получать радостныя вѣсти, что плантаціи хорошо принялись и быстро растутъ, и нѣкоторые изъ членовъ кружка стали просить разрѣшенія переселиться на пріобрѣтенныя ими владѣнія.

Въ апрѣлѣ 1890 г. я поѣхалъ въ Одессу на первый съѣздъ „Общества вспомоществованія евреямъ въ Сиріи и Палестинѣ“. Въ теченіе недѣли до офиціальнаго открытія Общества, происходили предварительныя совѣщанія въ разныхъ помѣщеніяхъ, между прочимъ—въ квартирѣ У. И. Гинцберга (Ахадъ-Гаамъ), тогда еще неизвѣстнаго въ широкихъ кругахъ еврейской интеллигенціи. Въ преніяхъ принимали участія д-ръ Пинскеръ,

шесть разъ болѣе отступники, чѣмъ они, ибо сказано (Исходъ, XX, 9) „шесть дней работай и исполняй всѣ дѣла твои, а въ седьмой отдыхай“ вы же и въ будни ничего не дѣлаете.

М. Г. Моргулисъ, Лиліенблюмъ, Я. И. Мазэ, М. М. Усышкинъ и др. Тогда же было рѣшено послать въ Палестину экспедицію изъ нѣсколькихъ лицъ для ознакомленія съ положеніемъ и возможностью широкой колонизаціи. Намѣчены были р. Сам. Могилеверъ, М. В. Майданскій и др., поѣхали же только д-ръ І. Хазановичъ и инж. В. І. Темкинъ. Послѣдній остался въ Палестинѣ въ качествѣ уполномоченнаго Одесскаго Комитета, и черезъ его руки проходило много денегъ на неудачныя покупки земель для разныхъ лицъ и обществъ.

Нашъ кружокъ „Дорше-Ціонъ“ встрѣтилъ тогда сочувствіе въ Одессѣ, и нѣкоторыя лица изъявили желаніе вступить въ члены,—между прочимъ и М. Л. Лиліенблюмъ: но не будучи самъ увѣренъ въ успѣхѣ, я ихъ крайне неохотно принималъ.

Въ 1892 г. я былъ въ Парижѣ въ делегаціи вмѣстѣ съ р. Сам. Могилеверомъ и Ш. П. Рабиновичемъ, съ цѣлью склонить выдающихся дѣятелей, въ особенности бар. Гирша, къ активному содѣйствію въ колонизаціи Палестины. Къ намъ присоединились д-ръ Г. Гильдесгеймеръ и Зиммель изъ Берлина. Барона Гирша мы въ Парижѣ не застали, а его секретарь д-ръ Зонненфельдъ передалъ намъ о его отрицательномъ взглядѣ на Палестину. Какъ знатокъ турецкихъ порядковъ, онъ не вѣрилъ въ обезпеченность тамъ еврейскихъ предпріятій и продолжалъ считать единственнымъ мѣстомъ иммиграціи для евреевъ ненаселенный край въ Аргентинѣ. Это пессимистическое мнѣніе однако насъ не обезкуражило, и мы имѣли продолжительныя бесѣды съ другими еврейскими представителями, которые любезно насъ принимали. Н. Левенъ устроилъ у себя вечерній пріемъ съ угощеніемъ, что у французовъ весьма рѣдко бываетъ. Насъ даже чествовали публично въ какой-то бальной залѣ, подъ предсѣдательствомъ равв. Вейскопфа; произносились рѣчи на нѣсколькихъ языкахъ. Теплую содержательную рѣчь сказалъ ученый Joseph Halévy, первую половину на французскомъ, а вторую—на древне-еврейскомъ языкѣ въ сефардскомъ произношеніи. Тогда же я издалъ въ Версалѣ агитаціонную брошюру подъ названіемъ שארית יעקב, которая была перепечатана въ еврейскихъ газетахъ.

Но всѣ эти любезные пріемы и прекрасныя рѣчи не дали существенныхъ результатовъ. Французскіе дѣятели ограничились одними изъявленіями сочувствія, а русскіе выходцы продолжали свои сходки и агитацію. Что же касается бар. Ротшильда, то, кромѣ любви къ бѣлымъ розамъ или иной баронской фантазіи, палестинофильство могло у него явиться какъ порывъ еврейской

души; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ не предвидѣлъ ни затраты многихъ милліоновъ, ни сравнительно ничтожныхъ успѣховъ.

XXIV.

Въ началѣ 1894 г. общее собраніе Общества „Дорше-Ціонъ" рѣшило командировать въ Палестину меня и секретаря А. Г. для осмотра владѣній О-ва въ Аинъ-Зетунѣ, и мы выѣхали туда въ апрѣлѣ того года. Къ намъ присоединился, какъ туристъ, А. М. Беркенгеймъ изъ Москвы, побывавшій раньше въ Аргентинѣ. Въ Одессѣ насъ любезно встрѣтилъ и затѣмъ проводилъ на пароходъ комитетъ Палестинскаго О-ва, съ предсѣдателемъ А. С. Гринбергомъ во главѣ.

Вѣсть о моемъ пріѣздѣ въ Палестину и о нѣкоторой связи съ бар. Ротшильдомъ, должно быть, опередила меня. Какъ только я сошелъ съ парохода въ Яффѣ, нѣсколько стариковъ встрѣтили меня съ писаннымъ на большомъ листѣ бумаги привѣтствіемъ „ברוך הבא". По прибытіи въ Іерусалимъ, наканунѣ праздника „Шобуотъ", ко мнѣ явилась депутація изъ четырехъ почтенныхъ стариковъ (между ними и отецъ извѣстнаго А. Я. Гаркави) съ такимъ же привѣтствіемъ. Эти оказанныя мнѣ почести до крайности меня смутили: я не могъ ихъ отнести на счетъ своей личности, ничѣмъ не выдающейся. Скоро же я узналъ, что меня считали чѣмъ-то въ родѣ уполномоченнаго отъ бар. Ротшильда и что среди праздной кліентуры „халуки" шли даже толки о моемъ состояніи, которое оцѣнили по меньшей мѣрѣ въ милліонъ.

Кстати о халукѣ. У меня было порученіе отъ одного крупнаго „כולל", осмотрѣть дѣлопроизводство его повѣренныхъ въ Іерусалимѣ, о чемъ послѣднимъ было сообщено. Ко мнѣ пришли двое сухопарыхъ еврея въ полосатыхъ халатахъ, съ бритыми головами и длинными винтообразными пейсами и, задабривая меня комплиментами, пригласили въ свою „канцелярію". Тамъ меня заговаривали словами вмѣсто документальныхъ данныхъ, которыя находились въ неимовѣрномъ хаосѣ. Тутъ-же были бѣдные мужчины и женщины съ жалобами, что имъ ничего не выдаютъ, въ то время какъ другимъ зажиточнымъ даютъ еще изъ халуки. Въ Палестинѣ, среди халуканцевъ, существуетъ обычай, что всякій, хоть разъ получившій изъ халуки, вправѣ считать свой пай неотъемлемымъ личнымъ и потомственнымъ достояніемъ. Разбогатѣвшіе наслѣдники такого пая, не только не стыдятся брать деньги изъ пожертвованій для бѣдныхъ, но гордятся этимъ какъ заслугой и даютъ свой пай своимъ дочерямъ въ приданое.

Лесть, раболѣпіе, поклоненіе деньгамъ и лицамъ, отъ которыхъ можно ожидать подачку, въ святыхъ мѣстахъ можно наблюдать не только у евреевъ, но и среди христіанъ, наживающихся около храмовъ, какъ напр., среди монаховъ всякаго толка у Гроба Господня. Вездѣ та же безконтрольность подобныхъ учрежденій, куда вѣрующіе люди довѣрчиво посылаютъ свои лепты. Тѣмъ не менѣе намъ особенно стыдно и больно...

Объѣздивши затѣмъ всѣ еврейскія колоніи въ Іудеѣ, я былъ слишкомъ оптимистически настроенъ, чтобы относиться критически ко многимъ дефектамъ. Самое дурное впечатлѣніе произвели постоянныя распри между колонистами и Ротшильдовскими „резидентами“, происходившія, прежде всего, отъ различія характеровъ и воспитанія лицъ разныхъ странъ, которые плохо понимали другъ друга. Съ одной стороны, резиденты обнаружили высокомѣріе и деспотизмъ; съ другой-же, наши колонисты предъявляли чрезмѣрныя требованія, считая что бар. Р. имъ чѣмъ-то обязанъ. Устроенные въ нѣкоторыхъ колоніяхъ магазины, содержавшіе предметы роскоши придавали колоніи видъ скорѣе дачной мѣстности, чѣмъ трудовой коммуны.

Выѣзжая изъ Яффы въ Аинъ-Зетунъ для осмотра, я пригласилъ съ собою двухъ свѣдущихъ агрономовъ, гг. М. Мееровича и Кайзермана. Изъ Хайфы мы отправились прямымъ путемъ въ Аинъ-Зетунъ, частью на подводахъ, а частью верхами. Издали уже видны были городъ Сафедъ и горы, между которыми лежитъ Аинъ-Зетунъ; однако приходилось ѣздить еще часовъ шесть по трудному пути между скалами, и только къ вечеру мы прибыли туда. Это необыкновенно трудное сообщеніе и связанная съ нимъ невозможность вывоза продуктовъ меня такъ разстроили, что я не могъ сказать любезнаго слова на привѣтствіе и хлѣбъ-соль, которыми меня встрѣтили наши делегаты и служащіе.

Въ теченіе недѣли мы осматривали плантаціи. Въ густо насаженныхъ оливковыхъ деревцахъ оказалось много не принявшихся, а въ виноградникахъ—лозы съ пожелтѣвшими листьями, признакъ ихъ умиранія. Агрономы признали посадку неправильной, а изслѣдованіе почвы показало весьма тонкій слой земли на известковой подпочвѣ, что крайне неблагопріятно для виноградниковъ. Послѣ общаго совѣщанія, мы рѣшили пріостановить работу на плантаціяхъ и распустить поденныхъ рабочихъ, до 250 человѣкъ.

На обратномъ пути, чрезъ Сафедъ и Тиверіаду, я встрѣтился въ Яффѣ съ Шейдомъ, которому изложилъ состояніе дѣла и

сказалъ, что потребую отъ барона Р. замѣны Аинъ-Зетуна на другія земли.

Вернувшись домой и изложивъ комитету наше положеніе, я отправился въ Парижъ. Барону Ротшильду я заявилъ свою претензію и просьбу о замѣнѣ участка земли, безъ чего наше О-во „Дорше-Ціонъ" распадется. Баронъ мнѣ отвѣтилъ, что ему прискорбно будетъ распаденіе О-ва, замѣнить же Аинъ-Зетунъ на другую указанную мною колонію онъ не находитъ возможнымъ, но предложилъ мнѣ слѣдующее: онъ беретъ А.-З. въ свое завѣдываніе на два года и надѣется поставить его какъ слѣдуетъ; пока же онъ даетъ намъ 50,000 франковъ на покупку новаго участка земли въ Палестинѣ. На этомъ мы сошлись.

Я долженъ тутъ же прибавить, что никакого улучшенія въ А.-З. не послѣдовало и черезъ два и больше лѣтъ; на полученныя же деньги мы пріобрѣли 1600 дунамовъ земли въ Хедерѣ.

Наступило разочарованіе въ выгодности воздѣлыванія винограда, такъ какъ сталъ затруднительнымъ сбытъ вина. Изъ Парижа вышло распоряженіе субсидируемымъ колонистамъ—не только не сажать новыхъ виноградныхъ лозъ, но и вырывать много изъ старыхъ. Такимъ образомъ, остался дорого стоющій винный погребъ въ Зихронъ-Яковѣ почти въ полномъ бездѣйствіи, а такой-же въ Ришонѣ сократилъ работу.

На нашей землѣ въ Хедерѣ, подъ управленіемъ агрономовъ З. Соскина, а затѣмъ А. Аронзона, сажали апельсинныя и лимонныя деревья, которыя чудесно выросли. Но съ теченіемъ времени члены О-ва „Дорше Ціонъ" разбрелись въ разныя мѣста, членскіе взносы не поступали, не смотря на мои воззванія и циркуляры, и судьба владѣній О-ва „Д. Ц.", вслѣдствіе наросшихъ долговъ, по настоящее время не выяснена.

XXV.

Осенью 1897 г. я былъ въ Гейдельбергѣ. Тамъ проф. Германъ Шапиро и его жена, находясь подъ обаяніемъ только что закончившагося 1-го сіонистскаго конгресса въ Базелѣ, съ особеннымъ восторгомъ разсказывали мнѣ о происходившемъ. Хотя изъ этихъ восторговъ я не могъ еще уяснить себѣ значеніе конгресса, но чрезвычайно былъ радъ такому стремленію къ духовному объединенію разрозненнаго еврейскаго народа.

Въ іюнѣ 1898 г., по предложенію д-ра М. Е. Мандельштама изъ Кіева, я былъ приглашенъ въ Вѣну на совѣщаніе предъ 2-мъ конгрессомъ сіонистовъ. Въ совѣщаніи принимали участіе

д-ръ Герцль, д-ръ Боденгеймеръ, д-ръ Мандельштамъ, д-ръ Коганъ-Бернштейнъ, Д. Вольфсонъ и нѣкоторые другіе, всего человѣкъ 18. Впервые обсуждался, между прочимъ, вопросъ объ учрежденіи „Еврейскаго національнаго банка". Я высказался рѣшительно противъ такого учрежденія, мотивируя тѣмъ, что евреи безъ того считаются гешефтмахерами, и первое національное движеніе не должно профанироваться векселями, траттами и спекулятивными операціями. Вмѣсто этого я настаивалъ на образованіи національнаго фонда, по предложенію проф. Шапиро. Мои предложенія поддерживалъ одинъ только Ландау, банкиръ изъ Лодзи. Но видно было, что дѣло заранѣе рѣшено, и я только навлекъ на себя нерасположеніе Герцля и Вольфсона, западныхъ вождей сіонизма.

Нерасположеніе ко мнѣ Герцля проявилось въ довольно некорректной формѣ. Когда, по окончаніи засѣданій конгресса, его попросили сообщить что нибудь о ходѣ его дипломатическихъ переговоровъ, онъ отвѣтилъ, что объ этомъ онъ можетъ говорить по секрету только тремъ избраннымъ лицамъ. Въ число избранныхъ (кажется гг. Членовъ и Усышкинъ) попалъ и я; но Герцль, улучивъ минуту моего отсутствія, что-то разсказалъ двумъ моимъ коллегамъ. Эти послѣдніе мнѣ передали, что Г. объяснилъ свое недовѣріе ко мнѣ тѣмъ, что, находясь въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ бар. Ротшильдомъ, я могу ему выдать секретъ. Послѣ такого оскорбленія, я рѣшилъ отказаться отъ званія районнаго уполномоченнаго, которымъ почтилъ меня конгрессъ. Это я исполнилъ вскорѣ по возвращеніи домой, не смотря на упрашиванія д-ра Мандельштама и другихъ въ письмахъ ко мнѣ.

Изъ Базеля я дѣйствительно поѣхалъ въ Парижъ, но при свиданіи съ бар. Ротшильдомъ ни слова не говорилъ о конгрессѣ. Онъ же мнѣ сказалъ: „Ces messieurs les Sionistes font beaucoup de bêtises". Говоря о дѣлахъ О-ва „Дорше Ціонъ" и вообще о колоніяхъ, я намекнулъ на ненадежность Шейда. На это баронъ мнѣ отвѣтилъ: „удивляюсь такому мнѣнію; умри у меня Шейдъ, я не зналъ бы, кѣмъ его замѣнить". Скоро однако и ему пришлось разочароваться, вслѣдствіе чего онъ вовсе устранился отъ палестинскихъ дѣлъ.

Не желая перешагнуть изъ минувшаго въ настоящій вѣкъ, я этимъ пока заканчиваю свои воспоминанія.

Н. Н.

Письма „билуйца“ (1882—1884 г. [1]).

Окончаніе.

№ 8. Іерусалимъ. 4 (16) I. 1883 г.

Вотъ уже больше двухъ недѣль, какъ я здѣсь, въ нашей древней, прошлой (и будущей) столицѣ, гдѣ каждый камень, каждая улица есть цѣлая страница исторіи. Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ о своемъ намѣреніи поступить къ ремесленнику, и дѣйствительно на третій день моего пріѣзда сюда я поступилъ къ столяру, у котораго работаю почти цѣлый день. Изъ нашей партіи ביל״ו здѣсь, въ Іерусалимѣ, четыре человѣка обучаются разнымъ ремесламъ; всѣ мы находимся почти на полномъ иждивеніи недавно устроеннаго здѣсь общества, во главѣ котораго находится Пинесъ, д-ръ Герцбергъ (директоръ училища), Бенъ-Іегуда и нѣкоторые другіе. Обо всѣхъ этихъ господахъ я буду писать въ своихъ письмахъ, когда болѣе познакомлюсь съ каждымъ изъ нихъ. Пока скажу нѣсколько словъ о послѣднемъ, именно о Бенъ-Іегудѣ, котораго я больше всѣхъ знаю. Онъ еще молодой человѣкъ, кончившій реальное училище въ Россіи и обучавшійся въ парижскомъ университетѣ; онъ хорошо знаетъ нѣсколько европейскихъ языковъ, но главное — онъ человѣкъ идеи. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ серьезно началъ думать объ идеѣ возрожденія евреевъ, и вотъ больше года, какъ онъ съ своей молодой женой пріѣхалъ сюда съ цѣлью быть въ ארץ ישראל и съ тѣмъ, чтобы отсюда дѣйствовать въ пользу нашей идеи. Онъ уже много сдѣлалъ, дѣлаетъ теперь и еще будетъ дѣлать; онъ и его жена говорятъ исключительно на древнееврейскомъ языкѣ, даже съ своимъ пятимѣсячнымъ сыномъ. Не думай, что этотъ господинъ не обладаетъ обширнымъ умственнымъ кругозоромъ для того, чтобы быть обще-человѣкомъ; нѣтъ, онъ ученъ, развитъ, но фанатикъ своей идеи. Онъ одинъ изъ тѣхъ, которые стоятъ во главѣ упомянутаго общества. Цѣль этого общества—возрожденіе евреевъ, и для этой цѣли они собираютъ деньги, чтобы устраивать колоніи здѣсь, также мастерскія.

---

[1]) См. Евр. Стар. 1915 г., вып. I, стр. 100-115.

Мы (т. е. тѣ, которые здѣсь обучаются ремесламъ) получаемъ на расходы у этого общества, и когда мы научимся ремеслу, намъ дадутъ средства на устройство мастерскихъ.

...Сегодня Пинесъ получилъ письмо отъ д-ра Кантора и С. Лурье [1]) на древнееврейскомъ языкѣ, гдѣ они говорятъ, что они никогда не были въ принципѣ противъ колонизаціи Палестины, а только противъ необдуманной эмиграціи. Они спрашиваютъ о нашей партіи „Билу", о Ришонъ-Леціонѣ и вообще о Палестинѣ, и если П. имъ отвѣтитъ, что здѣсь стоитъ устраивать колоніи, то они готовы помочь ему въ этомъ дѣлѣ. (Объ этомъ письмѣ не разскажешь другимъ: можетъ быть, П. или редакторъ „Р. Евр." не хотятъ, чтобы объ этомъ знали). Судьбою нашей партіи начали интересоваться: на имя Белькинда получены деньги на этой недѣлѣ. Пинесъ получилъ изъ Вильны для насъ 300 р. и изъ Бѣлостока кой-какую сумму, и эти деньги не будутъ послѣдними. Всѣ остальные члены нашей партіи теперь въ колоніи Ришонъ-Леціонъ; около Пасхи къ намъ прибудутъ новые члены нашей партіи, и мы устроимъ новую колонію. Вообще, мы всѣ крѣпко вѣримъ въ достиженіе нашей цѣли.

Что писать тебѣ о Іерусалимѣ? О самомъ городѣ могу мало писать, потому что всего нѣсколько разъ былъ тамъ: улицы узкія, иногда темныя, какъ вообще въ восточныхъ городахъ, но за то есть тамъ зданія, напоминающія наше прежнее величіе. Я и мои товарищи живемъ за стѣною города, гдѣ живутъ сотни семействъ и гдѣ дома начали строиться въ послѣднія 10—20 лѣтъ, такъ что они построены болѣе по европейски. Іерусалимъ имѣетъ замѣчательно красивыя окрестности: прекрасныя горы, долины, древнія могилы. Здѣсь пропасть иностранцевъ, вавилонское смѣшеніе всѣхъ народовъ міра; проходишь улицу и слышишь французскую, нѣмецкую, англійскую, русскую рѣчь.

Я здѣсь иногда читаю газеты, потому что познакомился съ редакторомъ "הלבנון", который получаетъ газеты. Какъ жаль, что я не обладаю знаніемъ древнееврейскаго языка настолько, чтобы я могъ писать на немъ. Между собою мы по большей части говоримъ на этомъ языкѣ. Пиши мнѣ всегда на нашемъ языкѣ: для чего намъ стыдиться имъ? Чѣмъ онъ хуже любого европейскаго языка, тѣмъ болѣе подъ твоимъ перомъ?

№ 9. Іерусалимъ. 25. I. (6. II) 1883 г.

...Въ послѣднее время я какъ-то разсѣянъ, не потому, чтобы въ душу закралось сомнѣніе въ успѣхѣ нашего дѣла; нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Наше святое дѣло раньше или позже выгоритъ; но, къ величайшему сожалѣнію, скорѣе позже, чѣмъ

[1]) Первый — редакторъ „Русскаго Еврея", второй — сотрудникъ — „Разсвѣта".

раньше, а знаешь-ли почему?—Потому что у насъ людей нѣтъ, организаціи нѣтъ, и что хуже всего, у насъ нѣтъ мира и согласія, т. е. именно тѣхъ элементовъ, которые составляютъ первую необходимость во всякомъ дѣлѣ, гдѣ дѣйствуетъ не одинъ человѣкъ, а нѣсколько. Вотъ что меня довольно часто безпокоитъ. Куда ни бросишь взоръ, вездѣ ссоры, дрязги и мелочи, а между тѣмъ дѣло страдаетъ. Въ журналистикѣ полемика, которая ужасно вредитъ дѣлу; въ колоніи Ришонъ-Леціонъ ссоры между колонистами; у насъ также неладно. Что именно происходитъ у насъ, я не знаю, потому что я уже 5 недѣль въ Іерусалимѣ, да это и неинтересно: мелочи, да и только. По поводу каждой мелочи созывается сходка, на которой шумятъ, кричатъ и ни къ какому результату не приходятъ. Чѣмъ кончится, не знаю. Между тѣмъ на насъ обращены взоры многихъ, отъ нашей удачи или неудачи зависитъ, какъ газеты говорятъ, очень многое. Тебѣ на ухо скажу: какъ жаль, что среди „первыхъ піонеровъ", какъ насъ называютъ, есть люди, имѣющіе не особенно много общаго съ идеей. Но не думай, что на устройство этихъ господъ не стоитъ жертвовать; напротивъ, если они не будутъ дѣйствовать активно въ пользу идеи возрожденія евреевъ, то по крайней мѣрѣ пассивно — своимъ пребываніемъ въ Палестинѣ. Отъ всей души я бы желалъ, чтобы они поскорѣе пристроились, а до этого было не далеко: имъ уже нужно было приступить къ постройкѣ домовъ. Хотя земли собственной у нихъ еще нѣтъ (они пока арендовали землю у Левонтина), но скоро имѣли бы и землю, потому что недостатка въ деньгахъ не будетъ: пожертвованія получаются довольно часто. Все бы, кажется, хорошо, но человѣкъ полагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Дѣло въ слѣдующемъ. Если не ошибаюсь, я тебѣ уже разъ писалъ, что Alliance Universelle кромѣ нашей партіи хотѣлъ выстроить дома, числомъ восемь, также для бѣдныхъ семействъ въ Риш. Леціонѣ и дать имъ всѣ земледѣльческія орудія,—вообще хотѣлъ изъ Риш. Леціона сдѣлать примѣрную колонію. Но до Alliance дошло все то, что дѣлается въ этой колоніи, и боясь, что всѣ труды пропадутъ даромъ, онъ на прошлой недѣлѣ телеграфировалъ директору Микве-Израиль, Гиршу, пріостановить всѣ дѣйствія, а намъ купить кусокъ земли въ другомъ мѣстѣ. Мы, можетъ быть, будемъ въ одной колоніи съ тѣми одиннадцатью семействами, которыя пока работаютъ въ Микве-Израиль и которыя Alliance пристроитъ. Эта телеграмма надѣлала немало шума, какъ между колонистами Риш. Леціона, такъ и между нашими. Ты обо всемъ этомъ никому не передавай; можешь сказать, если спросятъ тебя о насъ, что у насъ все ладно: нужны только деньги.

Мое матеріальное житье въ настоящемъ довольно сносно. Здѣсь находятся изъ нашей партіи 5 человѣкъ, которые обу

чаются разнымъ ремесламъ, и каждый изъ насъ получаетъ въ мѣсяцъ 12 рублей, кромѣ квартиры, а это достаточно. Мы всѣ живемъ въ одной большой комнатѣ; цѣлый день работаемъ; вечеромъ болтаемъ или читаемъ, учимся древнееврейскому языку. Кстати, я бы тебя попросилъ писать мнѣ на нашемъ языкѣ. Въ будущемъ матеріально я былъ бы также обезпеченъ, если бы я хотѣлъ: сдѣлался бы колонистомъ вмѣстѣ съ моими товарищами, членами партіи „Билу", или ремесленникомъ. Но.. я самъ не знаю, что со мною дѣлается: кажется, будущее отчасти улыбается мнѣ, а я разочарованъ. Нѣтъ, это слово неумѣстно: мнѣ всѣ мелочи надоѣли, такъ что я хотѣлъ бы освѣжиться, быть нѣкоторое время подальше отъ нихъ. Вотъ почему во мнѣ заговорило старое стремленіе къ наукѣ, но какъ привести его въ исполненіе? Думаю, впрочемъ, что перемелется—мука будетъ. Въ ремеслѣ я за это время не дѣлалъ большихъ успѣховъ, потому что я попалъ не къ особенно хорошему мастеру.

№ 10. Іерусалимъ, февраль 1883.

...На этой недѣлѣ былъ день, когда я и всѣ мои здѣшніе товарищи сговорились не пойти на работу, попраздновать денекъ. Я рѣшилъ весь день посвятить писанію писемъ, но человѣкъ полагаетъ, а погода располагаетъ. Погода въ послѣднее время здѣсь такая прекрасная, а въ тотъ день, о которомъ я говорю, она была еще прекраснѣе обыкновеннаго: небо было голубое, воздухъ чистъ и прозраченъ, виды съ нашей квартиры не поддаются описанію: такъ они поэтичны. Грѣшно было бы провести такой день между четырьмя стѣнами кабинета. Насъ манило вонъ изъ комнаты, на свѣжій воздухъ, и мы, сидя на большихъ камняхъ близъ нашего дома, долго-долго мечтали о блестящей будущности нашего народа, любовались природой и окружающей зеленью. Потомъ мы вынесли на улицу столъ и скамьи, поставили самоваръ, и такимъ-то образомъ провели весь день, пока стемнѣло. Тогда намъ нужно было пойти къ Бенъ-Іегудѣ ужинать, и мое намѣреніе писать не было приведено въ исполненіе. По календарю здѣсь теперь зима, хотя, собственно говоря, здѣсь нѣтъ никакой зимы и дома здѣсь никогда не отапливаются. Зима выражается здѣсь въ томъ, что по временамъ льютъ дожди; кромѣ того въ Іерусалимѣ на нѣкоторыхъ горахъ бываетъ снѣгъ, который стоитъ день-два, много—недѣлю; въ Яффѣ и другихъ городахъ, не стоящихъ на горахъ, никогда не бываетъ снѣгу. Но въ промежуткахъ между дождливыми днями бываютъ дни и цѣлыя недѣли, какихъ у васъ и въ августѣ не бываетъ: свѣтло и тепло. Въ такіе дни улицы переполнены гуляющими, всѣ одѣты по лѣтнему; по сторонамъ, на возвышеніяхъ сидятъ цѣлыми десятками еврейки-френькини (сефардки), арабки и другія. Френь-

кини, какъ арабки-аристократки, въ высшей степени красивы: все въ нихъ выражаетъ жизнь, энергію, страсть; особенно прелестны у нихъ глаза—такихъ не отыщешь у васъ на холодномъ сѣверѣ: большіе, черные, выразительные и полные огня. Впрочемъ, хорошіе и выразительные глаза здѣсь также у простого народа.

Не знаю, какъ другіе, но я, живя еще въ חוץ לארץ, думалъ, что Палестина представляетъ собою пустыню, заброшенный уголъ, а между тѣмъ забывалъ, что въ Палестинѣ находятся портовые города, имѣющіе сношенія со всѣмъ міромъ, куда чуть-ли не ежедневно прибываютъ пароходы. Въ Іерусалимѣ есть масса мастерскихъ, и такихъ, которыя не уступаютъ даже парижскимъ; особенно замѣчательны столярныя и токарныя, гдѣ выдѣлываются разныя вещи изъ масличнаго дерева, которыя посылаются въ Европу и Америку ежегодно на сотни тысячъ рублей. Здѣсь есть цѣлые ряды мастерскихъ, имѣющихъ всѣ машины новѣйшихъ изобрѣтеній, привезенныя изъ Европы. Большинство ремесленниковъ—евреи, хотя немалое количество мастерскихъ находится, къ сожалѣнію, въ рукахъ нѣмцевъ. Въ Россіи страшно ошибаются насчетъ такъ называемыхъ халуко-получателей: думаютъ, что они пальца о палецъ не ударяютъ, сидятъ въ синагогахъ да псалмы читаютъ. Но забываютъ, что максимумъ „халуки" 15—20 рублей въ годъ, сумма далеко не удовлетворяющая даже первымъ потребностямъ человѣка, а вѣдь ѣсть и пить нужно даже на святой землѣ. И вотъ евреи берутся за разныя ремесла, за торговлю.

Здѣсь нашихъ четыре человѣка, между которыми и авторъ іерусалимскихъ писемъ въ „Разсвѣтѣ", Яковъ-Іегуди [1]. Мы всѣ учимся ремесламъ и живемъ въ одной большой и превосходной комнатѣ, за которую въ Питерѣ платили бы не меньше 25 рублей въ мѣсяцъ и за которую мы платимъ около 50 рублей въ годъ. Мы живемъ не въ самомъ городѣ, а внѣ его, гдѣ существуютъ сотни прекрасныхъ домовъ, выстроенныхъ за послѣдніе 15—20 лѣтъ, и гдѣ живетъ аристократія Іерусалима, потому что здѣсь воздухъ лучше, чѣмъ въ городѣ, гдѣ дома, какъ во всѣхъ старинныхъ городахъ, скучены на узкихъ улицахъ.

О нашей партіи „Билу" ты знаешь изъ газетъ. Живутъ въ Ришонъ-Леціонѣ довольно мирно, обрабатываютъ пока арендуемую землю. На сходкѣ, бывшей у нашихъ товарищей въ Р. Лец., было рѣшено, что мы, т. е. іерусалимцы, считаемся членами „Билу", но съ тѣмъ условіемъ, что мы должны являться на работу въ колоніяхъ, если этого потребуетъ большинство голосовъ; мы же, съ своей стороны,

[1] Я. Л. Чертокъ, впослѣдствіи вернувшійся въ Россію и переведшій на русскій языкъ „Іудейскую Войну" Іосифа Флавія. Умеръ въ Палестинѣ въ 1912 г.

во всякое время имѣемъ право присоединиться къ нимъ, не испрашивая ихъ согласія. Пинесъ на дняхъ купилъ деревню (теперь тамъ только одинъ домъ) Артувъ (הר טוב) за 15000 фр.; она куплена для партіи „Билу", и Пинесъ думаетъ поселить въ ней лучшихъ интеллигентныхъ членовъ нашей партіи, находящихся теперь въ Р. Леціонѣ, также и членовъ, имѣющихъ пріѣхать къ намъ. Съ этой цѣлью Пинесъ разсылаетъ письма въ разные города. Эта колонія очень выгодная: тамъ много масличныхъ деревьевъ, вода превосходная, постройка домовъ обойдется дешево, потому что камни и известь есть на мѣстѣ. Поселятся тамъ, думаю, не такъ скоро. Вообще, Пинесъ можетъ и хочетъ дѣлать очень многое въ дѣлѣ возрожденія евреевъ, но вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ.

...Ты не вѣришь, что палестинцы достигнутъ своей конечной цѣли. Отчего? Евреи должны постепенно скупать земли у арабовъ, а тогда уже близокъ день... Нужны только деньги, большія деньги, милліоны.

№ 11. Іерусалимъ. ע"ק ירושלם ת"ו. חברת בילו"י. ב' לחדש אדר שני שנת התרמ"ג (мартъ 1883 г.).

Нѣтъ никакого смысла, чтобы еврей писалъ изъ Палестины письма на русскомъ языкѣ, тѣмъ паче на бланкахъ съ еврейскими надписями. Это ни на что не похоже, но что дѣлать? Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Какъ странно, что вообще мы замѣнили свой прекрасный языкъ другими! Неужели еврейскій народъ вырождается? Нѣтъ, не хочется вѣрить этому: еврейскій народъ еще полонъ нравственныхъ силъ, въ немъ не мало горячихъ головъ, которыя живутъ одною только идеей „возрожденія евреевъ", а это залогъ, обѣщающій намъ блестящее будущее.

Но къ чему я это говорю, особенно въ началѣ письма? Начну какъ слѣдуетъ. Твое письмо отъ 17—29 февраля я получилъ вчера, 6—18 марта. Товарищи принесли мнѣ письмо въ мастерскую въ то время, когда я стоялъ за пилой. Мысли мои были далеко отъ пилы и отъ всего окружавшаго меня. Предо мною проходила вся исторія евреевъ, ихъ блестящія и геройскія побѣды во время политической самостоятельности, затѣмъ потеря самостоятельности; далѣе на очередь явились средніе вѣка съ ихъ изгнаніями, кострами и другими муками, которыя евреи стойко выдержали; наконецъ—недавнее прошлое съ нашимъ страшнымъ и непростительнымъ индиферентизмомъ къ судьбѣ народа. Послѣ этого я началъ переходить къ нашему настоящему, дающему намъ хорошія надежды на будущее, — какъ вдругъ мнѣ принесли твое письмо. Какъ я обрадовался! Ты здоровъ, но главное—ты оптимистъ, ты вѣришь въ свои собственныя силы и въ силу прогресса,—чего же больше?

..."Восходъ" и "Рус. Еврей" здѣсь не получаются, а "Разсвѣтъ" какъ будто прекратился. Мнѣ говорили, будто г. Ц. постарался донести куда слѣдуетъ на Розенфельда; не знаю, вѣрно-ли это. "Голосъ" также пріостановленъ на 6 мѣсяцевъ, а потомъ онъ долженъ быть подъ цензурой; иностранныя газеты сомнѣваются въ томъ, чтобы потомъ выходилъ "Голосъ".

Забылъ тебѣ писать, что я зовусь здѣсь Ben-Jacob; такъ ты и зови меня вмѣсто "Владиміръ". Это не менѣе хорошо звучитъ. Талмудъ говоритъ, что евреи освободились изъ Египта за то, что не перемѣняли ни своего языка, ни своего платья, ни своихъ именъ, — словомъ, за то, что не хотѣли ассимилироваться. Въ самомъ дѣлѣ, теперь, по крайней мѣрѣ, все должно быть у насъ свое, не чужое.

№ 12. ירושלם עה״ק. יום ו׳ עש״ק כ״ז ניסן תרמ״ג (апрѣль 1883).

...Что касается нашей партіи, то были до сихъ поръ мелкія дрязги, но теперь, когда вся дѣятельность перейдетъ въ руки умнаго и честнаго Пинеса, есть надежда, что между нами водворятся давно желанные миръ и согласіе. У насъ прибавились очень хорошіе люди съ высшимъ образованіемъ. Этимъ лѣтомъ имѣютъ пріѣхать новые члены, вполнѣ интеллигентные. На Пасху сюда пріѣхали г. Гамбургеръ изъ Франкфурта и капитанъ Гольдшмитъ изъ Лондона; они обѣщали многое сдѣлать. На дняхъ долженъ пріѣхать сюда Венеціани изъ Парижа; на него возлагаютъ большія надежды...

Наши два національные праздника—Пуримъ и Пасху мы провели отлично. Пуримскій вечеръ мы провели у одного господина; было много народу, старые и молодые, ашкеназимъ и сефардимъ, образованная молодежь и евреи въ штраймелахъ,—и все это вмѣстѣ пѣло, танцовало и веселилось; пѣли: מה טוב ומה נעים שבת אחים גם יחד. На Пасху сюда пріѣхали наши товарищи изъ Ришонъ Леціона.

Всѣ наши лучшіе люди, во главѣ которыхъ стоитъ Бенъ-Іегуда, фанатикъ нашей идеи, говорятъ на древнееврейскомъ языкѣ—словомъ, они евреи въ полномъ смыслѣ этого слова. Я, какъ знаете, въ Іерусалимѣ,—но, можетъ быть, обстоятельства заставятъ меня вернуться въ колонію. Я этому не буду радъ, потому что ужасно полюбилъ Іерусалимъ, и мнѣ не хотѣлось бы промѣнять его на деревенскую жизнь, хотя эта послѣдняя отличается очень много отъ таковой жизни, напримѣръ, въ Россіи.

№ 13. Ришонъ-Леціонъ. 24 мая (5 іюня) 1883 г.

...Какъ видите, я опять въ колоніи. Я предпочитаю лучше быть хорошимъ земледѣльцемъ, чѣмъ неособенно хорошимъ ремесленникомъ. Нѣкоторыя подробности о насъ и обо мнѣ вы узнаете изъ приложеннаго письма къ Ф.

№ 14. Ришонъ-Леціонъ, 4 (16) іюня 1883 г.

...Изъ прошлаго моего письма, отправленнаго вамъ на прошлой недѣлѣ, вы уже знаете, что я перемѣнилъ Іерусалимъ на Ришонъ-Леціонъ. Причина этому не основательная, и тѣмъ не менѣе она рѣшила мою судьбу: я, вмѣсто столичнаго жителя, остаюсь колонистомъ, но не по убѣжденію, а просто по увлеченію, по личной симпатіи къ деревенской жизни. По убѣжденію я долженъ былъ остаться въ дорогомъ моему сердцу ירושלים, гдѣ я могъ бы быть полезнѣе, гдѣ каждый шагъ, каждый камень не давалъ бы мнѣ забыться и заснуть, гдѣ находится центръ еврейства, куда современемъ будутъ собираться лучшія интеллигентныя силы евреевъ, гдѣ будетъ академія, будутъ издаваться журналы и газеты. Но шагъ сдѣланъ: я всѣмъ офиціально объявилъ, что остаюсь колонистомъ, и мнѣ трудно перемѣнить слово, хотя есть еще возможность къ этому. Итакъ, я—колонистъ, поздравьте меня! Но я долженъ вамъ сказать, что вы ошибаетесь, если судите о здѣшней деревенской жизни по знакомой вамъ русской деревенской жизни. Здѣсь деревенская жизнь имѣетъ всѣ хорошія стороны деревни и города. Палестина невелика, и деревня находится отъ города въ нѣсколькихъ верстахъ; кромѣ того, въ каждой колоніи будетъ изрядное количество интеллигентной молодежи, будетъ школа образцовая, библіотека, общественный домъ или клубъ, словомъ—будетъ все, безъ чего не обойдется болѣе или менѣе образованный человѣкъ. Вообще, здѣсь не такъ чувствительна будетъ разница, которая существуетъ вездѣ между городомъ и деревней.

Что вамъ писать о нашей партіи? Всего у насъ членовъ здѣсь 25 (на прошлой недѣлѣ пріѣхало двое), да 4—5 пріѣдутъ скоро изъ Константинополя; 15 человѣкъ, въ числѣ которыхъ и вашъ покорный слуга, находятся въ Ришонъ-Леціонѣ, 8 человѣкъ работаетъ въ „Микве-Израиль", такъ какъ у насъ мало работы, а двое находятся въ Іерусалимѣ. Послѣдніе уже открыли мастерскую (столярную и токарную), и дѣла ихъ, можно надѣяться, пойдутъ отлично; благодаря нашему многоуважаемому президенту, г. Пинесу, они уже получили заказы изъ Одессы, Бѣлостока, Минска рублей на 500. Мы, земледѣльцы, еще не имѣемъ собственной земли, а обрабатываемъ арендованную у г. Левонтина землю. Мы уже сняли съ поля ячмень, снимаемъ теперь пшеницу, картофель и другіе предметы. Урожай въ настоящемъ году не хорошъ, потому что земля до сихъ поръ никогда не обрабатывалась и была заросши дикими травами. Хороши будутъ у насъ арбузы (кавуны). Каждый изъ насъ получаетъ ежедневно франкъ отъ Alliance'а или г. Гирша; вѣрнѣе говоря, нашъ кассиръ получаетъ за насъ по франку въ день. До послѣдняго времени мы всѣ жили вмѣстѣ въ

выстроенномъ изъ досокъ балаганѣ, теперь же мы перебрались въ построенные для насъ Alliance'омъ дома. Столовая у насъ общая, и такъ будемъ жить до тѣхъ поръ, пока насъ устроятъ. Потомъ люди, сходные между собою характерами, соединятся вмѣстѣ, если захотятъ, и у нихъ будетъ общинная обработка земли. Вообще, мы еще не знаемъ, какъ мы тогда будемъ жить. Теперь здѣсь важные гости: г.г. Венеціани и Эрланжеръ (предсѣдатель Alliance'а? [1]), которые пріѣхали съ цѣлью познакомиться подробно со всѣмъ дѣломъ. На дняхъ купятъ землю для тѣхъ семействъ, которыя пріѣхали сюда съ г. Брилемъ во главѣ и которыя присланы сюда радомскимъ раввиномъ, Могилеверомъ. Многія семейства изъ Ришонъ-Леціона получаютъ также значительную помощь отъ Alliance'а. Что касается насъ, то неизвѣстно еще, останемся-ли мы здѣсь, или насъ устроятъ отдѣльно, или наконецъ съ „радомскими" (они такъ называются по имени радомскаго раввина) семействами. Этотъ вопросъ разрѣшится на дняхъ, и я вамъ сообщу результатъ. Эрланжеръ былъ въ Ришонъ-Леціонѣ; мы всѣ представились ему. Между прочимъ, онъ намъ совѣтовалъ не спѣшить обзавестись семействами, чтобы каждые 4 человѣка составили одно семейство, которому пока дадутъ 15 десятинъ земли, (что вполнѣ достаточно для прожитія), лошадей, двухъ-этажный домъ, орудія и средства къ жизни. Я сказалъ „пока", потому что, какъ видно, Alliance хочетъ убѣдиться, въ состояніи ли мы быть хорошими хозяевами, а уже послѣ устроить каждаго изъ насъ отдѣльно и основательно. Почти всѣ наши члены заявили желаніе сейчасъ быть устроенными. Не знаю еще, чѣмъ кончится. Какъ видите, каждый изъ насъ будетъ устроенъ и обезпеченъ матеріально, но не думайте, что лучшіе люди нашей партіи удовлетворятся этимъ и отдохнутъ на лаврахъ послѣ столь труднаго года; нѣтъ, мы далеки отъ этой мысли: каждый изъ насъ по мѣрѣ возможности будетъ дѣйствовать въ пользу идеи.

...Здѣсь слышно изъ писемъ и изъ другихъ источниковъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ Россійской имперіи (Ростовъ на Дону, Бердянскъ, Екатеринославъ и др.) были погромы. Напишите подробно. Коронація, какъ говорятъ, прошла благополучно.

№ 15. 23 ноября (5 декабря) 1883 г. ראשון לציון ו׳ כסלו תרמ״ד.

...Со времени отправки моего послѣдняго письма къ вамъ здѣсь не произошло ничего новаго. Съ каждымъ почти пароходомъ пріѣзжаетъ болѣе или менѣе порядочное число евреевъ. Карантинъ въ Александріи скоро снимается, и пароходы будутъ приходить чаще. Постараюсь скоро завести переписку (прерванную) съ моими товарищами-друзьями

---

[1]) М. Эрланжеръ былъ только членомъ комитета Alliance'а, а не предсѣдателемъ его.—Ред.

въ ירושלים и тогда буду сообщать вамъ болѣе интересныя вещи изъ іерусалимской жизни. Въ ראשון לציון все по прежнему; уже засѣяли ячмень, турмусъ (для краски), сѣютъ теперь пшеницу, на огородахъ засѣяны горохъ, лукъ, чеснокъ и много другихъ предметовъ; уже есть почти зеленый лукъ. На прошлой недѣлѣ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ, устроенный извѣстнымъ вамъ г. Шварцомъ, который будетъ и редакторомъ проектируемаго журнала.

Я теперь поговорю немного о томъ, что я хотѣлъ бы, чтобы осталось только между нами. Въ послѣдніе мѣсяцы у насъ, колонистовъ ראשון לציון идетъ горячая переписка съ Парижемъ. Дѣло въ томъ, что мы были недовольны дѣйствіями господъ исполнителей воли барона, Гирша и управляющаго (христіанинъ): первый—противъ нашей идеи, какъ вообще противъ всякой идеи, а другой былъ во всемъ почти зависимъ отъ перваго. Нерѣдко приходилось колонистамъ страдать матеріально и даже нравственно отъ этихъ господъ. Но все терпѣли, живя надеждой раньше или позже стать независимыми, уплативши барону понемногу все взятое у него. Но терпѣніе лопнуло раньше этого срока: чаша уже была переполнена. Начали переписываться съ Парижемъ, съ grand rabbin'омъ Цадокомъ Кацомъ и M. Erlanger'омъ, представителями барона. Писали, что многіе колонисты не имѣютъ достаточно земли, что „билуйцы" (Р. Леціонскіе, не тѣ, которые работаютъ въ Микве Израиль, „миковцы", въ ожиданіи собственной колоніи) совсѣмъ не имѣютъ земли, просили лошадей и много другого и въ то же время жаловались на господъ управляющихъ. Объ этомъ узнали послѣдніе и еще больше разсердились. Тогда мы вступили въ открытый бой. Они начали писать въ Парижъ противъ насъ—и пошла писать губернія. Разъ г. управляющій колоніей обидѣлъ колониста. Въ другое, мирное время это обстоятельство прошло бы незамѣтно: помирились бы въ концѣ концовъ; но умы были ужасно возбуждены, и обиженный колонистъ не смолчалъ: выругалъ его хорошенько и сказалъ, что мы—основатели колоніи, которыхъ онъ не имѣетъ права обижать, и просили его убраться изъ колоніи. Гордость француза была затронута, и онъ уѣхалъ отъ насъ навсегда (теперь онъ въ Самаринѣ). Мы написали въ Парижъ, управляющіе несомнѣнно также писали—и, къ сожалѣнію, они насъ побѣдили, по крайней мѣрѣ отчасти и пока. Получилось письмо отъ самого барона (только собственноручно имъ подписанное), гдѣ онъ далеко не лестно отзывается о колонистахъ ראשון לציון и нѣсколько разъ угрожаетъ имъ. И мудрено-ли? По всей вѣроятности, написали, что колонисты—лѣнтяи, бунтовщики и нищіе какіе то... Это письмо произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ насъ, но мы рѣшили держать языкъ за зубами до поры до

времени. Вдругъ неожиданно для всѣхъ, 1-го ноября (н. с.) получилась телеграмма отъ Ц. Кана, чтобы сократить пособіе (т. е. тѣ франки, которые даютъ на жизнь) на половину: мы, холостые, получавшіе до сихъ поръ по 30 франковъ въ мѣсяцъ, получили на этотъ мѣсяцъ по 15; семейные, получавшіе по 40, 50, 60 и больше, получили также половину обыкновенной суммы. Ужасное, неслыханное наказаніе! До сихъ поръ жили не особенно роскошно, а теперь... Холостые еще кое-какъ перенесутъ, но семейные!.. Очень трудно рѣшить эти вопросы. Въ колоніи говорятъ, будто Гиршъ сказалъ, что намъ вычтутъ еще часть изъ получаемой половины, если мы не опровергнемъ нашихъ первыхъ писемъ насчетъ него; но всѣ готовы бороться до послѣдней крайности, лишь бы не ударить лицомъ въ грязь. Чѣмъ все это кончится, не знаю; буду сообщать вамъ постепенно. Вмѣсто уѣхавшаго управляющаго, прибылъ на этой недѣлѣ изъ Парижа другой, также христіанинъ, который будетъ занимать должность садовника. На дняхъ ждемъ пріѣзда новаго лица, которое будетъ чѣмъ-то вродѣ директора или управляющаго у насъ. Еще разъ прошу васъ держать все это въ строгой тайнѣ.

Очень можетъ быть, что между колонистами и барономъ— слѣдующее недоразумѣніе: баронъ даетъ все въ видѣ помощи, не требуя, чтобы ему возвратили расходы, и на этомъ основаніи онъ позволяетъ себѣ безцеремонно обращаться съ нами въ своемъ письмѣ, тѣмъ болѣе, послѣ писемъ нашихъ противниковъ, гдѣ написали о насъ, вѣрно, всякіе ужасы. Между тѣмъ, мы все беремъ въ видѣ займа, каждый изъ нашихъ колонистовъ съ величайшей радостью будетъ выплачивать ежегодно, начиная черезъ 2—3 года, извѣстную сумму въ счетъ долга; даже франки, которые даются на ежедневные расходы будутъ выплачены. Но мы постараемся разъяснить это недоразумѣніе; ждемъ только пріѣзда новаго лица, а пока ничего не предпринимаемъ, ничего не пишемъ.

№ 16. (Яффа). 26 января (7 февр.) 1884 г.

...Сегодня получилось письмо отъ нашихъ изъ Р. Леціона, что на дняхъ получена телеграмма отъ Ротшильда, чтобы мы остались въ Р. Лец. И такъ, все по старому.

№ 17. (Риш.-Лец. апр. 1884). ראשון לציון. ח׳ ניסן תרמ״ד.

...Въ Ришонъ-Леціонѣ тишь да гладь, но недостаетъ Божьей благодати. Всѣ томятся сомнѣніемъ насчетъ будущаго. Духъ ужасно упалъ у всѣхъ, работаютъ какъ окаянные, но машинально, мысли же уносятся далеко, далеко... Но къ чему хандрить? Наше великое народное дѣло дѣлаетъ гигантскіе шаги впередъ, пріобрѣтая все больше и больше адептовъ

во всевозможныхъ сферахъ. Наша молодежь, которая всего нѣсколько лѣтъ назадъ занималась Богъ вѣсть чѣмъ, взялась теперь за настоящее дѣло. Финансовые тузы тоже начинаютъ выказывать большее или меньшее сочувствіе къ нашему дѣлу.

...На дняхъ я получилъ посланный вами № „Хроники“ [1]. Не нужно было наименовать нашего покровителя и нужно было писать такъ, чтобы не видно было, что авторъ колонистъ и еще изъ партіи.

№ 18. (10—22 іюня 1884 г.) ראשון לציון, מוצש״ק כ״ט סיון תרמ״ד

...За это послѣднее время я видѣлъ слишкомъ много горя, слишкомъ много разочарованій и несправедливостей, чтобы я могъ остаться хладнокровнымъ, и все видѣнное часто вызываетъ у меня печальныя думы. Я глубоко страдалъ, я больше чѣмъ когда бы то ни было чувствовалъ свое одиночество (у меня есть здѣсь только товарищи по нашему общему дѣлу, но друзей почти нѣтъ)—и хотѣлъ сквозь землю провалиться. Я считалъ себя глубоко несчастнымъ, и еслибы у меня никого не было на свѣтѣ, я не считалъ бы нужнымъ бороться за свое существованіе; на худой конецъ я бы ушелъ отсюда и погрузился бы въ міръ науки, спеціально еврейской или общечеловѣческой. Этотъ шагъ былъ бы рѣшающимъ, и по всей вѣроятности я бы потомъ раскаялся въ немъ, но въ горячую минуту онъ былъ бы сдѣланъ.

...Я былъ на полѣ и работалъ, когда мнѣ принесли ваше письмо. Мысли мои были далеки отъ работы, и во всякое другое время я бы себѣ позволилъ отдохнуть нѣсколько дней, но теперь, во время жатвы, это положительно нельзя, — и я работалъ, стараясь заглушить въ себѣ безпокойныя думы. Но когда мнѣ принесли ваше письмо, я бросилъ лопату (я дѣлалъ токъ—мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ), сѣлъ на землю и взялся за письмо. Чѣмъ дольше я читалъ письмо, тѣмъ тяжелѣе было впечатлѣніе, произведенное имъ.

...Сердце было уже разбито, въ головѣ роились грустныя мысли, когда я дочиталъ до того мѣста въ твоемъ письмѣ, гдѣ ты вспоминаешь о нашемъ совмѣстномъ прошломъ. Тутъ я не выдержалъ—и заплакалъ; горячія слезы лились безостановочно. Я всталъ, взялся еще разъ за письмо и опять заплакалъ; такъ было три раза. Постороннему человѣку, если бы таковой былъ, это зрѣлище показалось бы стран-

[1] Въ № 9 „Нед. Хрон. Восхода“ 1884 г. помѣщено обширное письмо автора этихъ писемъ („Изъ частнаго письма палестинскаго колониста“), подробно рисующее борьбу между колонистами Р.-Леціона и администраторами барона. Въ виду обширности письма, мы его здѣсь не воспроизводимъ, отсылая къ указанному источнику.

нымъ, если не смѣшнымъ; страннымъ оно показалось мнѣ черезъ нѣкоторое время, когда я пришелъ въ себя. Я оглянулся: надо мною голубое небо, прекрасное, южное небо; съ одной стороны—прекрасный видъ на горы הרי יהודה, съ другой—на песчаныя горы, окаймляющія великое Средиземное море, которое виднѣется за этими горами; съ третьей стороны видна колонія съ своими красными крышами,—словомъ, повсюду природа ликуетъ, а я одинъ посреди всего этого стою и плачу. Смѣшно, право. Въ моихъ ушахъ прозвучали слова: ты одинъ, ты одинокъ.

Но время, говорятъ, лучшій врачъ, и я съ теченіемъ времени болѣе или менѣе успокоился. Я рѣшилъ остаться въ ראשון לציון, такъ какъ положеніе дѣлъ принимаетъ лучшій оборотъ. Новый администраторъ, г. Оссовецкій (бывшій учителемъ въ Микве-Израиль), обходится съ колонистами какъ слѣдуетъ. Вы, безъ сомнѣнія, знаете изъ моихъ послѣднихъ писемъ, что мы всѣ, а также администрація пришли къ убѣжденію, что отъ одного хлѣбопашества на нашей Ришонъ-Леціонской землѣ жить нельзя. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ обсуждался вопросъ: какимъ образомъ колонія можетъ выйти изъ своего критическаго положенія—прикупить-ли вблизи хорошую землю, или же отодвинуть хлѣбопашество на задній планъ, а на первый поставить виноградарство? Вы должны знать, что виноградарство отлично вознаграждаетъ за трудъ: десятина виноградника даетъ отъ 500 и болѣе рублей доходу. Если виноградарство не развито здѣсь, то это только потому, что для разведенія виноградниковъ нужны капиталы; хлѣбопашество даетъ доходъ въ первомъ же году, между тѣмъ какъ виноградники начинаютъ давать съ четвертаго года, что не всякому по силамъ. Голоса раздѣлились: одни были за прикупку земли, другіе за виноградники. Теперь могу сообщить вамъ, что проектъ виноградарства взялъ верхъ, и въ будущемъ году, т. е. послѣ праздника סוכות, мы приступимъ къ работѣ.

№ 19. 14 (26) октября 1884. ראשון לציון, ז׳ חשון ה׳תרמ״ה.

Долго, долго, цѣлые мѣсяцы я не бесѣдовалъ съ вами, съ вами, почти единственными во всей великой юдоли плача, которыхъ я смѣло могу назвать друзьями. Почему это такъ произошло—самъ не знаю: немного работы, немного имѣлъ лихорадку, немного другихъ непріятностей — все вмѣстѣ положительно не давало мнѣ взяться за перо.

... Послѣ долгаго опыта я пришелъ къ заключенію, высказанному Крыловымъ ужъ давно: „бѣда, коль пироги печь начнетъ сапожникъ, да сапоги тачатъ пирожникъ“. Болѣе или менѣе интеллигентному человѣку трудно, почти невозможно предаться такому занятію, которое не позволяло бы ему хоть сколько нибудь заниматься умственнымъ трудомъ.

Онъ, пожалуй, сдѣлаетъ надъ собой усиліе, а если новое занятіе имѣетъ привлекательныя стороны, то и усилія не нужно; но пройдетъ годъ—другой, и человѣкъ потребуетъ пищи умственной, онъ почувствуетъ себя голоднымъ умственно, и будетъ не въ состояніи дольше заниматься новымъ дѣломъ не потому, что оно не по силамъ ему, а потому что оно лишаетъ его умственной пищи, въ такой же степени нужной ему, въ какой нужна обыкновенная. Вы навѣрное уже понимаете, въ чемъ дѣло. Я работалъ, имѣю, слава Богу, силъ достаточно для того, чтобы работать физически для нашей національной идеи, но я голоденъ умственно и долженъ удовлетворить свой голодъ. Въ общемъ о колонизаціи я такого же мнѣнія, что и раньше; я перемѣнилъ только мнѣніе въ одномъ пунктѣ: колонистами должны быть люди, не нуждающіеся въ умственной пищѣ: тѣмъ отлично будетъ житься матеріально—и больше ничего. За все время моего пребыванія здѣсь не разъ просыпалось во мнѣ желаніе взяться за науку; разъ я хотѣлъ взяться даже за исключительно еврейскую науку; но подумалъ, что все это по старой привычкѣ: со временемъ я засну глубокимъ сномъ и буду спокоенъ насчетъ разныхъ тамъ желаній учиться, читать и т. д. Но сонъ мой прерывается довольно часто, что даетъ поводъ предполагать, что и впредь такъ будетъ, а во 2-хъ заснуть и забыться окончательно я ни за что не хочу; я лучше откажусь отъ превосходнѣйшаго устройства. Принимая во вниманіе это и еще нѣкоторыя второстепенныя причины, я въ принципѣ рѣшилъ оставить Палестину и уѣхать въ Россію. Когда уѣду и что я буду дѣлать въ Россіи, этого еще не знаю. Пока я еще сдѣлаю посѣвъ; значитъ, я долженъ буду ждать жатвы около 8—9 мѣсяцевъ.

... Въ колонистской жизни то обстоятельство, что мало или совсѣмъ нѣтъ свободнаго времени для умственныхъ занятій, еще съ полъ-горя: есть другое, которое еще больше заставляетъ интеллигентнаго человѣка отказаться отъ этой жизни, если онъ не хочетъ окончательно забыться и заснуть. Земледѣльческая жизнь дѣлаетъ человѣка постепенно эгоистомъ, и закоренѣлый колонистъ уже не можетъ сказать: „я человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо“: ему все чуждо, кромѣ его плуга, курятника, голубятника и т. п. И вотъ, боясь, чтобы мнѣ когда либо все человѣческое сдѣлалось чуждо, я хочу поспѣшить во-время.

№ 20.—20 декабря 1884 г. (1 янв. 1885 г.). ראשון לציון, י"ד טבת תרמ"ה

...Говоря о моемъ рѣшеніи уѣхать въ Россію, вы объясняете его двумя причинами. Это рѣшеніе кажется вамъ вполнѣ естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ моего характера, какъ и обстановки, меня окружающей. Это

вполнѣ вѣрно. Я никогда не думалъ заниматься однимъ только физическимъ трудомъ. Одна изъ причинъ, по которымъ я выбралъ земледѣліе, состояла въ томъ, что мнѣ казалось, что оно даетъ больше или меньше свободнаго времени, но къ величайшему сожалѣнію, я ошибся въ расчетѣ. Чтобы быть хорошимъ колонистомъ, нужно оставить и мысль объ умственномъ трудѣ. Прочесть газету или легкую книжку, пожалуй, можно еще, но не больше. Все сказанное особенно примѣнимо къ ראשון לציון: въ свободные дни или когда на полѣ работать нельзя, нужно возить навозъ, въ которомъ наша земля нуждается. Съ другой стороны, говорите вы, что факты, по всей вѣроятности, убѣдили меня, что наша идея, въ настоящее время, во всемъ ея объемѣ есть праздная идея И это разочарованіе, думаете вы, есть одна изъ причинъ, по которымъ я оставляю Палестину. Въ этомъ, позвольте вамъ замѣтить, вы ошиблись. Что идея не будетъ осуществлена во всемъ ея объемѣ въ настоящее время, зналъ я гораздо раньше, знали это всѣ болѣе или менѣе благоразумные сыны Израиля, — всѣ стремятся только къ колонизаціи, которая далеко не такъ прозаична, какъ вы думаете. Послѣдствія колонизаціи всегда и вездѣ важны, особенно въ Палестинѣ. Не забудьте, что Палестина не больше одной изъ небольшихъ русскихъ губерній; если на такомъ пространствѣ будетъ около ста колоній, до 30—40 фабрикъ и порядочное количество купцовъ и ремесленниковъ, то это что нибудь да значитъ. Когда будутъ эти сто колоній, не знаю, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ раньше или позже будутъ. Да и сама колонизація не идетъ ужъ такъ плохо: въ послѣднее время здѣсь прикуплено около 10000 дунамъ земли, имѣется въ виду еще купить. Кромѣ этого сдѣланъ значительный шагъ къ тому, чтобы ввести самую строгую организацію въ дѣло колонизаціи. На съѣздѣ въ Катовицѣ собралось все великое во Израилѣ безъ различія сектъ и классовъ; избранъ комитетъ, президентомъ котораго въ Россіи—д-ръ Пинскеръ въ Одессѣ. Д-ръ Грецъ просился въ этотъ комитетъ. Словомъ, наше дѣло идетъ довольно замѣтно къ лучшему, и посему оно не могло разочаровать меня. Я лично отказываюсь отъ земледѣлія по единственной причинѣ, что я не могу исключительно заниматься физическимъ трудомъ. Я ѣду въ Россію поневолѣ, мѣняя вполнѣ обезпеченную жизнь на другую, покрытую пока густымъ мракомъ неизвѣстности.

Такъ какъ я готовлюсь къ отъѣзду, то стараюсь избѣгать лишнихъ работъ. Тѣмъ не менѣе, я пашу свою землю и дѣлаю виноградникъ. Въ колоніи никто почти не знаетъ о моемъ отъѣздѣ, за исключеніемъ 3—4-хъ человѣкъ, болѣе другихъ близкихъ мнѣ.

В.

Матеріалы и сообщенія.

Записка о пойманникахъ (1855).

Черезъ мѣсяцъ послѣ восшествія на престолъ императора Александра II, въ мартѣ 1855 г., правительству была подана записка объ одномъ изъ самыхъ ужасныхъ золъ старой рекрутчины—объ узаконенной ловлѣ безпаспортныхъ евреевъ и сдачѣ ихъ всякимъ ловцомъ въ солдаты въ качествѣ „пойманниковъ". Неизвѣстно, отъ чьего имени была подана или послана въ Петербургъ эта записка. Повидимому, ее подали представители еврейскихъ обществъ черезъ особыхъ ходатаевъ въ Петербургѣ. Авторомъ записки былъ, по всей вѣроятности, покойный Эм. Бор. Левинъ, бывшій въ то время учителемъ въ Минскѣ и переселившійся вскорѣ въ Петербургъ, гдѣ сталъ секретаремъ барона Гинцбурга по составленію разныхъ записокъ и ходатайствъ. Изъ архива Э. Б. Левина мы и заимствовали эту записку, копія которой сохранилась въ рукописномъ томѣ in 4° среди другихъ однородныхъ документовъ; она писана на старой синеватой бумагѣ 50-хъ годовъ, повидимому, рукою владѣльца архива. Имѣя значеніе сама по себѣ, какъ потрясающая картина тогдашняго „торга людьми", эта записка пріобрѣла особое значеніе по своимъ послѣдствіямъ: содержаніе ея было доложено Александру II, который указомъ 1856 г. отмѣнилъ позорный „опытъ" ловли безпаспортныхъ, приведшій къ открытой торговлѣ людьми, въ связи съ отмѣною института малолѣтнихъ кантонистовъ,—какъ помѣчено въ припискѣ къ нижеприводимому документу.

Документъ предоставленъ въ наше распоряженіе другомъ покойнаго Э. Б. Левина, С. М. Гольдштейномъ.

Ред.

Записка, доложенная Государю, о злоупотребленіяхъ порожденныхъ временною мѣрою о безпаспортныхъ евреяхъ. Мартъ 1855 г.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1853 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которое въ видахъ отвращенія укрывательства и безвѣстной отлучки евреевъ, подлежащихъ рекрутству, постановляетъ слѣдующія мѣры: 1) дозволить еврейскимъ обществамъ--каждаго укрывающагося отъ рекрутства и вообще безпаспортнаго, или съ просроченнымъ паспортомъ еврея, задерживать и сдавать въ рекруты тамъ, гдѣ онъ будетъ пойманъ, не отсылая на мѣсто приписки его; 2) отдавать изъ таковыхъ людей въ рекруты способныхъ съ зачетомъ тѣмъ обществамъ или частнымъ лицамъ, кои пой-

маютъ и представятъ пойманнаго въ рекрутское присутствіе, хотя бы онъ принадлежалъ къ обществу другой губерніи или уѣзда, а неспособныхъ безъ зачета; 3) мѣру эту ввести въ дѣйствіе въ видѣ опыта на три года; по прошествіи же означеннаго трехлѣтняго срока, предоставить Министерству Внутреннихъ Дѣлъ войти съ представленіемъ объ окончательномъ утвержденіи сказанной мѣры съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія окажутся нужными.

Если бы исполненіе этой мѣры ввѣрено было начальству, а не частнымъ лицамъ, она, конечно, не породила бы столько злоупотребленій, какія въ эти три года происходили вездѣ, а въ особенности въ юго-западныхъ губерніяхъ, и можно было бы надѣяться на цѣлесообразныя измѣненія и дополненія при окончательномъ ея утвержденіи. Но при нынѣшнемъ порядкѣ ея исполненія, при весьма ограниченномъ участіи, предоставленномъ въ этомъ отношеніи подлежащему начальству, правительство не можетъ узнать обо всѣхъ этихъ злоупотребленіяхъ, жертвою которыхъ сдѣлались тысячи невинныхъ людей, и возможное продолженіе которыхъ наполняетъ горестію сердце всѣхъ благомыслящихъ. Въ виду однако того обстоятельства, что мѣра эта установлена лишь въ видѣ опыта на ограниченный срокъ, является возможность воспользоваться окончаніемъ этого срока, чтобы изложить нѣсколько мыслей о послѣдствіяхъ этой суровой временной мѣры. Но прежде всего, является необходимымъ привести нѣсколько фактовъ изъ числа тѣхъ злоупотребленій, которыя порождены были сказанною мѣрою.

1) Одинъ еврей прибылъ въ городъ со свидѣтельствомъ отъ сборщика, для полученія изъ Городской Думы новаго паспорта. Его схватили и сдали въ рекруты, какъ безпаспортнаго.

2) Во многихъ мѣстахъ задерживали евреевъ съ паспортами, сроки которыхъ должны были скоро миновать. Ихъ продерживали подъ арестомъ до истеченія срока паспортамъ и потомъ сдавали въ рекруты, какъ бродягъ. Бывали даже многіе случаи, что насильно похищали и уничтожали паспорты, а лицъ, которымъ они служили, сдавали въ рекруты.

3) Въ одномъ городѣ портной схватилъ иногородняго еврея, который, пріѣхавъ изъ сосѣдняго города, отстоявшаго менѣе, чѣмъ на 30 верстъ, по закону не обязанъ былъ имѣть паспортъ, и хотѣлъ сдать его за свое семейство въ рекруты. Вмѣшались друзья и знакомые задержаннаго и успѣли уговорить портного принять выкупъ въ 150 руб. Но задержанный не имѣлъ при себѣ въ наличности всей суммы, и портной согласился, для полученія остальныхъ денегъ, отправиться съ нимъ въ его городъ. Тутъ однако роли вдругъ перемѣнились. Прибывъ домой, мѣстный житель съ своей стороны представилъ портного въ рекрутское присутствіе и, какъ безпаспортнаго, сдалъ въ рекруты за свое семейство.

4) Во многихъ мѣстахъ придирались къ евреямъ, имѣвшимъ паспорты, подъ предлогомъ, будто примѣты, обозначенныя въ паспортѣ, не согласны съ наружностью предъявителя, и не одинъ изъ нихъ сдѣлался жертвою ошибки писавшаго примѣты.

5) Когда повѣренные какого нибудь общества пріѣзжаютъ въ другой городъ съ открытымъ предписаніемъ, для отысканія принадлежащихъ ихъ обществу евреевъ, состоявшихъ на очереди и потому не имѣющихъ паспортовъ, почти всегда случается, что мѣстное общество завладѣваетъ

задержанными такимъ образомъ лицами, и сдаетъ ихъ за себя въ рекруты, какъ неимѣющихъ письменныхъ видовъ; а повѣренные уѣзжаютъ съ пустыми руками, не имѣя, кѣмъ исполнить рекрутскую повинность, и ихъ общество остается все таки неисправнымъ.

6) Во многихъ мѣстахъ случалось, что сдавали въ рекруты лицъ, семейства которыхъ отбыли уже на мѣстѣ приписки рекрутскую повинность и не имѣвшихъ въ тотъ моментъ паспортовъ по весьма невиннымъ причинамъ, отъ нихъ вовсе независѣвшимъ; многимъ такимъ рекрутамъ приходили по почтѣ паспорты тотчасъ или на другой день послѣ сдачи, но ихъ уже не освобождали. Были также многіе случаи, что цѣлое семейство поступало въ рекруты: одинъ членъ—въ мѣстѣ приписки, какъ очередный, прочіе—по другимъ городамъ, захваченные моментально безъ видовъ, по несчастнымъ случаямъ, отъ нихъ независѣвшимъ, и изъ этихъ семействъ оставались только женщины и маленькія дѣти, безъ средствъ къ существованію.

7) Было нѣсколько случаевъ и съ купцами, которые по закону вовсе не подлежатъ рекрутской повинности. Когда они выѣзжали за нѣсколько верстъ изъ дому безъ своихъ паспортовъ въ карманѣ, то ихъ задерживали; но они откупались деньгами у поимщиковъ, и дѣло обходилось однимъ страхомъ.

8) Въ одномъ мѣстечкѣ сборщикъ сдѣлалъ себѣ промыселъ изъ этого и долгое время торговалъ безпаспортными. Составивъ себѣ значительное состояніе, онъ увлекся до того, что продалъ двухъ родныхъ племянниковъ и, наконецъ, попался въ руки губернатору, который, правда, разсчитался съ нимъ, какъ слѣдуетъ; но фактъ тѣмъ не менѣе существуетъ.

9) Къ одному еврею, жившему въ одинокой корчмѣ въ Подольской губерніи, подъѣхали ночью изъ сосѣдняго уѣзднаго города поимщики безпаспортныхъ. Корчма выстроена была, по мѣстному обычаю, изъ смѣси глины съ соломой, и потому стѣны были непрочны. Поимщики легко разобрали стѣну и выкрали мальчика, его сына, съ цѣлью сдать его въ рекруты въ качествѣ безпаспортнаго. Когда отецъ развѣдалъ о томъ, въ чьи руки попался его сынъ, то явился къ похитителямъ съ предложеніемъ замѣнить пойманнаго другимъ своимъ сыномъ, менѣе имъ любимымъ, за что обѣщалъ имъ въ придачу 50 рублей. Торгъ состоялся и замѣна совершилась. Но когда хищники представили замѣненнаго мальчика въ рекрутское присутствіе для сдачи, то оказалось, что это была переодѣтая дѣвушка.

10) Повѣренные многихъ обществъ придумали слѣдующую уловку, чтобы безнаказанно совершить противузаконный поступокъ. Если хотятъ отдать въ рекруты человѣка, котораго семейство отбыло уже рекрутскую повинность по очереди, или дитя, не достигшее узаконенныхъ лѣтъ, и боясь представлять такихъ лицъ въ мѣстное рекрутское присутствіе, гдѣ находятся очередные списки и ревизскія сказки, съ надлежащими отмѣтками, то они вымѣниваютъ этихъ людей на другихъ у чужого общества, и обмѣненныхъ такимъ образомъ лицъ каждое общество сдаетъ уже смѣло у себя въ качествѣ безпаспортныхъ.

11) Богатый еврей одного мѣстечка Волынской губерніи, возвращаясь изъ поѣздки домой на отличной лошади, нагналъ шедшаго пѣшкомъ усталаго молодого еврея и, узнавъ изъ разспросовъ, что онъ идетъ въ

Литву за новымъ паспортомъ, предложилъ ему у себя гостепріимство на ночлегъ и съ этой цѣлью взялъ его къ себѣ въ экипажъ. Пріѣхавъ домой, онъ хорошо угостилъ усталаго путника, который успѣлъ отдохнуть и познакомиться между тѣмъ съ многочисленнымъ семействомъ своего покровителя. На другой день сердобольный богачъ представилъ странника къ становому приставу для заключенія подъ стражу и сдалъ затѣмъ, какъ безпаспортнаго, въ рекруты за свое семейство. Просидѣвъ сутки подъ арестомъ, молодой человѣкъ попросился къ приставу на допросъ, подъ предлогомъ важнаго открытія. Призванный къ приставу, молодой человѣкъ вытащилъ изъ подъ чулка на ногѣ паспортъ, которому срокъ еще не прошелъ, и объяснилъ, что онъ боялся открывать своему амфитріону, что паспортъ еще дѣйствителенъ, изъ опасенія, чтобы тотъ не отнялъ его насильно и не уничтожилъ, чему неоднократно бывали примѣры. Приставъ былъ своего рода честный человѣкъ. Онъ условился съ молодымъ пойманникомъ, какимъ способомъ чувствительно наказать негодяя-хищника, между прочимъ, съ пользою для самого пристава. Молодой еврей, получивъ отъ пристава нужныя наставленія, возвратился подъ арестъ, а на слѣдующее утро помѣщикъ былъ призванъ къ приставу на очную ставку съ пойманникомъ. Тутъ молодой человѣкъ объявилъ, будто онъ военный дезертиръ, такого-то числа бѣжавшій изъ какого-то полка и укрывавшійся нѣсколько недѣль у помѣщика. Въ доказательство онъ привелъ имена жены и домочадцевъ помѣщика и другія обстоятельства изъ домашней его жизни, узнанныя имъ наканунѣ, которыя достаточно свидѣтельствовали о несомнѣнномъ его пребываніи въ этомъ домѣ. Дѣло угрожало принять уголовный оборотъ. Шутка ли пристанодержательство военнаго дезертира! Обезумѣвшій отъ страха помѣщикъ, съ крикомъ: „разбойникъ, за что ты хочешь меня погубить!“—повалился въ ноги приставу, умоляя о пощадѣ. Кончилось тѣмъ, что приставъ получилъ 500 руб., въ видѣ жертвы умилостивленія, а молодой человѣкъ 100 руб. вознагражденія на путевые расходы. Помѣщикъ же, далъ себѣ зарокъ никогда болѣе не похищать безпаспортныхъ евреевъ на большой дорогѣ.

12) Одинъ еврей съ просроченнымъ паспортомъ спѣшилъ на родину съ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены и пятерыхъ дѣтей, малъ-мала меньше. Его задержали въ одномъ мѣстечкѣ. Самого со старшимъ сыномъ помѣщики сдали въ рекруты за свое общество; двухъ среднихъ, какъ лишнихъ, продали за деньги другому обществу. А бѣдную, осиротѣлую мать съ двумя меньшими дѣтьми, по лѣтамъ негодными, отправили по этапу на родину.

13) Повѣренные одного общества пріѣхали въ другой городъ и взяли принадлежащаго имъ еврея въ рекруты. Мѣстное общество схватило его сына къ себѣ, какъ безпаспортнаго; дочь въ тотъ же день умерла отъ испуга и отчаянія, а убитая горемъ мать не знала, что ей прежде всего дѣлать: бѣжать ли за своимъ мужемъ, спасать ли сына, или хоронить дочь.

Во время набора всѣ дороги дѣлаются для евреевъ опасными, потому что вездѣ образовались шайки, торгующія безпаспортными и подстерегающія путниковъ, которымъ и паспортъ не всегда служитъ охраною. У нихъ цѣлые дома наполнены задержанными, и торгъ ведется систематически: кому нуженъ рекрутъ — приходи и покупай на выборъ; товару всегда вдоволь, за нѣсколько десятковъ рублей можно достать замѣну за своего

сына. Однимъ словомъ, у евреевъ завелась теперь настоящая торговля людьми, ни въ чемъ не уступающая той, какая ведется между Африкой и Америкою, съ тою однако разницею, что здѣсь продаются и покупаются бѣлые люди и гораздо дешевле негровъ...

Разсказанные здѣсь случаи, къ сожалѣнію, не составляютъ исключенія: во всѣхъ губерніяхъ совершаются во множествѣ подобныя злоупотребленія и тѣмъ легче, что для сдачи задержаннаго еврея не требуется участія начальства, которое посему не можетъ надзирать за правильностью этихъ задержекъ и сдачъ, рѣдко даже узнаетъ о нихъ и потому не можетъ доносить о томъ высшему правительству.—И это очень понятно. Чтобы привлечь въ такомъ случаѣ вмѣшательство начальства, не остается другого средства кромѣ жалобъ и переписки, требующей нѣкотораго времени; а какъ же можетъ добиться этого безграмотный или бѣдный, въ особенности безродный на чужбинѣ? Во всякомъ случаѣ, пока послѣдуетъ розысканіе и расправа, несчастный, осужденный и наказанный въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, будетъ уже далеко; наборъ кончается, а о несправедливо сданномъ въ рекруты на чужой сторонѣ кто тамъ станетъ хлопотать?...

Чтобы дать понять истинное значеніе описанныхъ выше фактовъ, прямо вызванныхъ мѣрою о безпаспортныхъ евреяхъ, необходимо разсмотрѣть ее съ различныхъ точекъ зрѣнія, именно: законодательной, административной и нравственной.

А) „Справедливость предшествуетъ закону; онъ ее только утверждаетъ“, сказалъ Монтескье. Законы, основанные на справедливости, имѣютъ цѣлью прежде всего огражденіе личной и имущественной неприкосновенности гражданъ, смягченіе нравовъ, обузданіе произвола. Установивъ власти судебную и административную, всякое законодательство, основанное на справедливости, въ томъ числѣ и русское, не допускаетъ никого изъ гражданъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, иными словами, возбраняетъ всякое самоуправство и старается опредѣлять наказаніе соразмѣрно преступленію. Правда, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, законы предписываютъ иногда строгія мѣры противъ упорно уклоняющихся отъ исполненія государственныхъ повинностей, но примѣненіе этихъ мѣръ всегда ввѣряется властямъ, отъ правительства установленнымъ, а не предоставляется частнымъ лицамъ. Dura lex, sed lex. Какъ бы ни суровъ былъ иногда законъ, но пока примѣненіе его остается въ рукахъ установленныхъ властей, онъ не болѣе, какъ суровый законъ. Если же примѣненіе его перейдетъ въ руки всѣхъ и каждаго, его уже нельзя называть закономъ, а привиллегированнымъ самоуправствомъ. Съ другой стороны, по уголовнымъ нашимъ законамъ, сдача въ солдаты признается наказаніемъ, такъ какъ она опредѣляется за многія преступленія. Слѣдовательно, суровая мѣра о безпаспортныхъ евреяхъ есть ничто иное, какъ уголовное наказаніе, но нельзя не признать въ данномъ случаѣ, что наказаніе это вовсе несоразмѣрно винѣ. Изъ всѣхъ отданныхъ въ рекруты безпаспортныхъ евреевъ весьма немногіе были дѣйствительными бродягами или укрывавшимися отъ рекрутства; не мало изъ нихъ отбыли уже дома рекрутскую повинность; большая часть были честные, порядочные и совершенно невинные люди или дѣти, а если въ чемъ нибудь виновны, то развѣ только въ томъ, что въ продолженіе нѣ-

котораго времени лишали казну паспортнаго сбора, но это далеко еще не уголовное преступленіе. Истинная причина отсутствія у нихъ паспортовъ весьма простая и вполнѣ отъ нихъ независѣвшая. Изъ обществъ литовскихъ, особенно скудныхъ хлѣбомъ губерній, ежегодно, часто съ дозволенія начальства, бѣдняки, гонимые дороговизною, пускаются съ надлежащими паспортами на заработки въ болѣе хлѣбородныя губерніи. Само собою разумѣется, что состоящихъ на очереди, или не заплатившихъ подати, не отпускаютъ. По истеченіи срока паспорта, таковой отсылается въ общество для замѣны на новый, но староста или сборщикъ медлитъ высылкой новаго паспорта, и вдругъ рекрутскій наборъ застигаетъ многихъ изъ нихъ временно безъ видовъ. Ни росписки почтовыхъ конторъ въ пріемѣ стараго паспорта, ни пропуски отъ полицейскихъ начальствъ, ничто ихъ не спасаетъ. Этихъ несчастныхъ сдаютъ въ рекруты сотнями, часто цѣлыми семействами, въ пользу помѣщиковъ, или не въ зачетъ, какъ случится; а если хорошенько разобрать преступленіе многихъ изъ нихъ, то окажется, что они—искали хлѣба!.. Сколько производится слѣдствій, розысковъ и дознаній, сколько переписки требуется на то, чтобы присудить къ сдачѣ въ солдаты д ѣ й с т в и т е л ь н а г о преступника, сколько времени просиживаетъ онъ въ тюрьмѣ, ожидая приговора, и сколько обрядовъ выполняется прежде, чѣмъ приговоръ приводится въ исполненіе! А тутъ, большей частью совершенно невинный человѣкъ, въ нѣсколько часовъ, осуждается и наказывается, какъ преступникъ, и кѣмъ?—своимъ же собратомъ, ч а с т н ы м ъ л и ц о м ъ!! Для сдачи пойманнаго безъ паспорта еврея въ солдаты не требуется никакихъ справокъ, ни розысковъ, ни слѣдствій, ни суда; для него дорога изъ дому въ солдатскую казарму весьма коротка: изъ рукъ общества или частнаго лица, имъ завладѣвшаго, онъ, иногда чрезъ нѣсколько часовъ, вступаетъ въ рекрутское присутствіе. Вотъ вся процедура, вотъ всѣ инстанціи, чрезъ которыя онъ проходитъ. Тамъ судъ надъ нимъ короткій: нѣтъ паспорта—л о б ъ! Способенъ—счастіе помѣщика. Неспособенъ—онъ идетъ не въ зачетъ. А многозначительные вопросы: какъ, что, и почему нѣтъ паспорта?—объ этомъ рекрутскому присутствію не вмѣнено въ обязанность спрашивать. Не отданъ ли тутъ человѣкъ на неограниченный произволъ другого, имѣющаго при томъ величайшую выгоду въ томъ, чтобы тотъ признанъ былъ виновнымъ? А еврей, отдающій другого въ рекруты за с в о е с е м е й с т в о, развѣ не дѣлается судьею въ собственномъ дѣлѣ? Развѣ въ сердцѣ его любовь къ с о б с т в е н н ы м ъ дѣтямъ не говоритъ сильнѣе чувства справедливости и состраданія? И однако, еслибъ дѣло дошло до розысканій, открылись бы очень уважительныя причины неимѣнія пойманникомъ письменнаго вида, которыя часто подвергли бы самого помѣщика строгой отвѣтственности.—Скажутъ, что на злоупотребленія можно жаловаться. Но послѣ сдачи с о л д а т ъ, по правиламъ службы, не вправѣ подавать жалобы; родныхъ большею частью нѣтъ на мѣстѣ сдачи, а бѣдность лишаетъ многихъ возможности найти для себя ходатаевъ и заступниковъ. Не вездѣ найдется военный пріемщикъ, подобный тому, которому отчаянная женщина въ одномъ городѣ при выходѣ изъ рекрутскаго присутствія, бросила къ ногамъ, на покрытую снѣгомъ мостовую, полугодового ребенка, а сама съ двумя остальными дѣтьми упала на колѣни, умоляя за своего мужа, пришед-

шаго въ городскую думу за паспортомъ и отданнаго въ рекруты, какъ бродяга,—и тѣмъ спасла его. Этотъ благородный человѣкъ, къ счастію, имѣлъ, повидимому, иной взглядъ на дѣло.

Б) Могутъ сказать, что если мѣра о безпаспортныхъ евреяхъ не соотвѣтствуетъ теоретическимъ принципамъ законодательства, то она, по крайней мѣрѣ въ административномъ отношеніи, приноситъ практическую пользу. Но по ближайшемъ разсмотрѣніи и это мнѣніе оказывается несостоятельнымъ. Цѣль этой мѣры состояла въ томъ, чтобы предотвратить укрывательство евреевъ отъ рекрутства, или, другими словами, устранить затрудненія и облегчить еврейскимъ обществамъ способы къ исправному исполненію рекрутской повинности. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, она не только не прекратила побѣги очередныхъ, но со временемъ можетъ поставить общество въ совершенную невозможность ставить рекрутъ и исполнять наборы. Нельзя полагать, что эта мѣра послѣдовала по поводу жалобъ еврейскихъ обществъ тѣхъ губерній, которыя отдалены отъ границъ, нельзя потому, что тамъ не слышно о рекрутскихъ недоимкахъ. Тѣ общества всегда исправны въ исполненіи этой важной государственной повинности и не нуждаются въ подобномъ содѣйствіи. Должно думать, что эта мѣра постановлена вслѣдствіе донесеній начальства о постоянной неисправности въ этомъ отношеніи еврейскихъ обществъ пограничныхъ губерній, о значительныхъ рекрутскихъ недоимкахъ, ихъ обременяющихъ, по причинѣ частыхъ побѣговъ очередныхъ лицъ за границу.

Теперь спрашивается: послужитъ ли эта мѣра къ прекращенію такихъ побѣговъ? Рѣшительно нѣтъ. До кого доходитъ очередь и ему представляется легкая возможность скрыться за границу, тотъ непремѣнно воспользуется ею, хотя бы зналъ, что тысяча братій погибнутъ изъ-за него. Въ этомъ отношеніи и христіане, живущіе вблизи границы не лучше евреевъ; только имъ закономъ предоставлено право вносить деньги вмѣсто представленія рекрутъ натурою. И такъ, пограничныя общества никогда не будутъ имѣть своихъ людей для исполненія наборовъ. Остаются только чужіе, дѣйствительно безпаспортные, или тѣ, которыхъ можно представить таковыми. Но взамѣнъ того, сколько каждый тысячный рекрутскій участокъ теряетъ своихъ людей, вовсе нескрывающихся отъ рекрутства, но живущихъ по разнымъ другимъ городамъ и мѣстечкамъ, и по какому нибудь случаю, во время набора, остающихся временно безъ паспортовъ? Изъ каждаго тысячнаго участка, во всякомъ случаѣ, не болѣе десяти человѣкъ за разъ могутъ дѣйствительно скрываться отъ рекрутства, но вмѣсто этихъ десяти онъ при каждомъ наборѣ можетъ лишиться 50—100, захваченныхъ другими обществами, и вдобавокъ обязанъ по закону еще платить за нихъ подати съ будущей народной переписи и поддерживать ихъ семейства, возвращающіяся безъ своихъ кормильцевъ на родину. Этого мало, когда общество иногда и посылаетъ въ другой городъ за своими очередными, ихъ не выдаютъ—они безпаспортные и по закону становятся собственностью мѣстныхъ поимщиковъ. Болѣе всего теряютъ еврейскія общества непограничныхъ, особенно скудныхъ хлѣбомъ губерній, изъ которыхъ, какъ выше сказано, многіе евреи, по случаю постояннаго неурожая, пускаются на заработки и дѣлаются жертвой случая или злоумышленности. Эти общества, теряя столько своихъ людей, не имѣютъ даже и того ничтожнаго вознагражденія—исполнить рекрутскую повинность за себя тоже

чужими. Къ несчастью, или, лучше сказать, къ счастью, изъ хлѣбородныхъ пограничныхъ губерній, кромѣ купцовъ и подрядчиковъ, рѣдко кто ѣздитъ къ нимъ. на продолжительное пребываніе. Слѣдовательно, эти общества на дѣлѣ отбываютъ рекрутскую повинность и за себя и за другихъ, не по 10-ти съ каждой тысячи, но въ громадномъ размѣрѣ, смотря „по урожаю". Есть еще одна непрактическая сторона въ мѣрѣ о безпаспортныхъ евреяхъ, и весьма важная: она уничтожила закономъ установленныя рекрутскія очереди. До сихъ поръ, хотя очередные неохотно поступали въ военную службу, и нѣкоторые изъ нихъ, когда возможность къ тому представлялась, иногда старались скрыться,—однако, схваченные и отданные въ рекруты, они покорялись, зная, что отданы по очереди, на законномъ основаніи, а всѣ члены ихъ семейства имѣли право считать себя отбывшими рекрутскую повинность и потому совершенно безопасными. Никому изъ общества, исполнившаго наборъ, кромѣ слѣдующихъ очередныхъ, не приходило на мысль сдѣлаться когда либо рекрутомъ по произволу другого: рекрутскій уставъ защищалъ всѣхъ и каждаго, и даже сами рекрутскіе повѣренные были ограничены законами и рѣдко могли совершать злоупотребленія. Нынѣ все перемѣнилось,—отбытіе рекрутской повинности по очереди на мѣстѣ приписки не можетъ уже спасти еврея, живущаго въ другомъ городѣ. Малѣйшее замедленіе въ присылкѣ новаго паспорта, отъ него вовсе независѣвшее, или иной несчастный случай предастъ его въ руки его недоброжелателей или злоумышленниковъ. Когда еврей отправляется въ дорогу, семейство его не боится воровъ и разбойниковъ въ лѣсу, но совсѣмъ иного рода хищниковъ; тамъ грабятъ уже не кошельки, а паспорта. Даже сами рекрутскіе повѣренные, у себя дома, не стѣсняются болѣе правилами, установленными на счетъ порядка сдачи рекрутъ по очереди и ограниченія лѣтъ. Законъ не дозволяетъ отдать извѣстное лицо въ рекрута—его обмѣниваютъ въ чужомъ обществѣ, и оба обмѣненные сдаются въ качествѣ безпаспортныхъ, наперекоръ закону. Словомъ, во время каждаго набора Дамокловъ мечъ виситъ надъ каждымъ евреемъ, если только онъ не купецъ или не сѣдой старикъ; никакое семейство не можетъ считать себя внѣ опасности, хотя по закону не было бы основанія ему страшиться. Къ чему же теперь служитъ очередная система и прочія правила рекрутства, установленныя нашими законами?

В) Съ нравственной точки зрѣнія послѣдствія мѣры о безпаспортныхъ евреяхъ представляютъ зрѣлище, не менѣе достойное сожалѣнія. Сначала любовь къ собственнымъ дѣтямъ и чувство самосохраненія побуждали евреевъ посягать на личность своихъ братій. Но увидѣвъ, что власти лишены возможности вмѣшиваться въ дѣло, они подвинулись далѣе. Нашлись люди корыстолюбивые, сдѣлавшіе безпаспортныхъ предметомъ постыднаго т о р г а. И хорошо еще было бы, если бы этой участи подвергались одни дѣйствительно укрывающіеся отъ рекрутства: они понесли бы въ такомъ случаѣ заслуженную кару. Но если собрать справки по дѣламъ рекрутскихъ присутствій, то откроется, что почти всѣ такъ называемые п о й м а н н и к и не принадлежали къ этому разряду, а были безпаспортными или съ просроченными паспортами не по ихъ винѣ, или такими, у которыхъ паспорта злоумышленно похищены, и что почти всѣ общества не сдали ни одного изъ своихъ очередныхъ, а исполняли наборъ исключительно чужими. Нѣтъ ни одного общества, среди котораго не жили

бы иногородніе евреи, и непріязненныя отношенія между ними, имѣющія источникомъ зависть, конкурренцію и другія причины, неизбѣжны. Во время набора всѣ страсти, долго сдерживаемыя, разражаются и, горе несчастному иногороднему, у котораго паспортъ на исходѣ! Въ тотъ самый моментъ, когда почтмейстеръ принимаетъ изъ рукъ его истекающій паспортъ для отсылки на замѣну, онъ становится уже безпаспортнымъ и неминуемо дѣлается жертвой своихъ завистниковъ, недоброжелателей или человѣко-промышленниковъ. Если эта мѣра останется и впредь въ силѣ, то можно поручиться, что она породитъ у евреевъ ожесточеніе нравовъ и полное заглушеніе чувства законности, справедливости и состраданія, чего правительство ни въ какомъ случаѣ желать не можетъ.

Нельзя допустить, чтобы такова была воля въ Бозѣ почившаго Государя Императора! Высочайшее повелѣніе Его о безпаспортныхъ евреяхъ, имѣвшее цѣлью прекратить укрывательство отъ рекрутства, безъ сомнѣнія, имѣло въ виду лишь дѣйствительныхъ бродягъ и издано только временно, въ видѣ опыта. Невозможно, чтобы этотъ Великій Государь, этотъ рыцарски доблестный Монархъ, могущество котораго всегда знаменовалось защитою слабыхъ и угнетенныхъ, даже внѣ предѣловъ Его Державы,—невозможно, чтобы Онъ въ собственномъ государствѣ, въ любимой Имъ Россіи, желалъ навсегда установить законъ, дающій просторъ столькимъ злоупотребленіямъ, законъ, изъемлющій многихъ вѣрноподданныхъ изъ подъ вѣдомства установленныхъ властей, предавая ихъ на произволъ шайкамъ хищниковъ; законъ, наконецъ, подъ эгидою котораго люди могутъ пожирать другъ друга, какъ рыбы въ морѣ или звѣри въ лѣсу. И должно надѣяться, что если одна даже возможность вышеприведенныхъ фактовъ повергнута будетъ на милостивое воззрѣніе Его Сына и Преемника, Всемилостивѣйшаго Государя Императора Александра II, Онъ въ безпредѣльной благости Своей, умилосердился бы надъ участью столькихъ людей, такъ сказать, безъ вины виноватыхъ, и быть можетъ, повелѣлъ бы—временную мѣру о безпаспортныхъ евреяхъ совершенно отмѣнить".

* * *

„Вслѣдствіе вышеприведенной записки, всеподданѣйше доложенной Государю, состоялся именной Высочайшій Указъ, данный Правительствующему Сенату 26 августа 1856 г., которымъ между прочимъ, постановлено: 5) „Временныя правила, постановленныя въ 1853 году, въ видѣ опыта, о предоставленіи обществамъ и евреямъ въ частности представлять за себя въ рекруты безпаспортныхъ единовѣрцевъ своихъ, отмѣнить". (В. П. С. З. т. XXXI № 30,888).

Разсказы бывшихъ кантонистовъ.

Въ имѣющей въ непродолжительномъ времени выйти въ свѣтъ книгѣ В. С. Войтинскаго и А. Я. Горнштейна, подъ названіемъ, „Евреи въ Иркутскѣ", помѣщено нѣсколько эпизодовъ изъ воспоминаній дѣтства двухъ уважаемыхъ иркутскихъ старожиловъ, нынѣ здравствующихъ, объ ихъ многострадальной кантонистской жизни. Этими эпизодами я могу подѣлиться съ читателями „Еврейской Старины", съ согласія упомянутыхъ авторовъ.

Бывшій кантонистъ Леонтій Исааковичъ Тауберъ разсказалъ слѣдующее: „Начиная съ (18)50-хъ годовъ, ужасы кантонистскихъ казармъ значительно ослабѣли. Но все же они не были подъ силу девятилѣтнимъ или десятилѣтнимъ мальчикамъ. Помню, какъ будто бы это случилось сейчасъ: я проводилъ уже послѣдній годъ въ кантонистскихъ казармахъ и готовился къ переходу въ солдатскія казармы, т. е. къ страшной 25-лѣтней службѣ. Въ этомъ году, раннею весною, какъ разъ въ праздникъ Пуримъ, къ намъ въ Омскій кантонистскій батальонъ пригнали изъ Житомира 70 еврейскихъ мальчиковъ. И что же? Къ Пасхѣ, т. е. ровно черезъ четыре недѣли, 1 изъ нихъ умеръ, 60 приняли крещеніе, и только 9 остались евреями“...

Одновременно съ Л. И. Тауберомъ въ томъ-же батальонѣ служилъ и другой иркутскій старожилъ, Яковъ Моисеевичъ Перцель. Вотъ что, глубоко волнуясь, разсказалъ намъ этотъ старикъ:

„Я и самъ не знаю, какимъ образомъ я остался евреемъ. При одномъ воспоминаніи о прошломъ я вновь переживаю весь этотъ кошмаръ. Меня пороли. Пороли за то, что я безъ спросу убѣжалъ въ городъ къ единовѣрцамъ. Пороли за какую-то дѣтскую шалость, борьбу съ товарищемъ изъ-за ножика. Когда мнѣ предстояла третья порка, я не выдержалъ, наконецъ, и сказалъ, что я хочу креститься. Это освобождало отъ порки. Тогда былъ обычай— всѣмъ, согласившимся креститься, давать новыя имена, которыя вскорѣ принимались ими и при святомъ крещеніи. Меня нарекли Александромъ. Но какъ видите, я остался Яковомъ.

„Я не знаю самъ, что́ такъ пламенно удерживало меня въ еврействѣ. Національный инстинктъ, слезы матери, молившей меня, восьмилѣтняго мальчика, остаться евреемъ, или естественное упорство, противодѣйствіе тѣмъ, которыхъ я не могъ не считать своими врагами?.. Я согласился креститься, но отъ горя я заболѣлъ. Меня помѣстили въ больницу. Вскорѣ меня пришелъ навѣстить нашъ кантонистскій батюшка, отецъ Александръ. Принесъ мнѣ гостинцевъ. Увидѣвъ его, я страшно взволновался... Сейчасъ, сейчасъ меня окрестятъ, и все будетъ кончено... Я припалъ къ груди отца Александра и горько рыдалъ. Добрый отецъ Александръ искренно меня утѣшалъ, говорилъ о той радости, которая ждетъ меня послѣ крещенія.

— А вы, отецъ Александръ, сильно плакали бы, если бы вашъ сынъ перешелъ въ еврейство?—спросилъ я сквозь слезы.

— Что ты, дитя мое, Господь съ тобой! Конечно, плакалъ бы.

— Но вѣдь и моя мать горько будетъ плакать, когда узнаетъ, что я крестился.—И я еще горше заплакалъ.

„Я не знаю, что подѣйствовало на отца Александра,—мой наивный вопросъ, оказавшійся въ то-же время помимо моего сознанія столь коварнымъ, или мои слезы, слезы больного ребенка, — но отецъ Александръ поспѣшно ушелъ изъ больницы. Меня никто не тревожилъ и тогда, когда я вновь перешелъ въ казарму. Съ того времени отецъ Александръ, который вообще слылъ среди насъ добрымъ человѣкомъ, больше никогда не появлялся у насъ. Вскорѣ императоръ Александръ II уничтожилъ институтъ кантонистовъ. Моей завѣтной мечтой было еще хоть одинъ разъ

увидѣть отца Александра. И когда я матеріально немного устроился, я отправился въ Омскъ, но отецъ Александръ какъ въ воду канулъ. И мнѣ такъ и не пришлось увидѣть добраго священника, свидѣтеля моихъ страданій, моего страстнаго желанія остаться евреемъ"...

Сообщ. **С. Бейлинъ.**

Пѣсня горскихъ евреевъ.

Въ послѣднемъ выпускѣ XXI тома „Записокъ Восточнаго отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества" (Спб., 1913) помѣщены двѣ пѣсни горскихъ евреевъ, переведенныя съ ихъ „татскаго" нарѣчія знатокомъ кавказскихъ нарѣчій Всев. Миллеромъ. Пѣсни записаны еще въ концѣ 1890-хъ годовъ горскимъ евреемъ Еремѣемъ Осиповымъ. Одна изъ нихъ названа „Бѣдствіе евреевъ" и навѣяна рекрутскими наборами. Другая („Пѣсня молодежи") имѣетъ своимъ сюжетомъ ухаживаніе парня за дѣвушкою. Приводимъ здѣсь въ русскомъ переводѣ первую, какъ болѣе характерную въ общественномъ смыслѣ. Пѣсня сложена народнымъ пѣвцомъ Айболо, жителемъ селенія Тарки, Темиръ-Ханъ-Шурскаго округа, Дагестанской области.

Здѣсь сидя,
Никогда не скажу неправды:
Объ обстоятельствахъ, наступившихъ для евреевъ,
Нѣсколько словъ скажу я.
Вотъ что я скажу,
А вы меня послушайте:
Теперешнихъ дѣтей (вашихъ)
Никогда не воспитывайте нѣжно.
Имѣя сына, (спокойно) вы ложитесь въ постель.
Лично вы отвозите его въ городъ...
Ежегодно осенью
Испытываемъ мы мученіе.
Спрашиваютъ (имя), вводятъ въ канцелярію,
Одинъ записываетъ, другой заставляетъ тянуть жребій.
Если выйдетъ ему жребій,
На голову ему черную фуражку надѣваютъ.
Отъ казны имъ (рекрутамъ) денегъ не даютъ;
Еслибъ (хоть) отъ казны имъ денегъ давали!..
(Но все же) не было бы возможности
Евреямъ не давать солдатъ.
Изъ молодежи самыхъ лучшихъ отбираютъ...
Видно въ свѣтѣ все перевернулось!
Отбираютъ самыхъ лучшихъ изъ нашихъ, забираютъ,
(И) помѣщаются они подъ кровомъ палатки.
Молодежь наша стрѣляетъ изъ пушекъ.
Здѣсь оставаясь, что дѣлать слабымъ?

Надъ тѣми тамъ офицеръ начальствуетъ,
Здѣсь остающіеся идутъ, становятся мусульманами.
Каждое утро молитесь Богу своему,
Вечеромъ воздавайте Богу хвалу.
Смотрите, размышляйте о мірѣ.
(Вѣдь) ночи очень длинны, съ каждымъ днемъ міръ идетъ къ разрушенію.
Господь вселенной! Пошли избавителя (Мессію)!
Выведи (насъ) изъ мрака къ свѣту,
Налей намъ чашу избавленія,
Изъ тѣсноты на просторъ выведи (насъ)!

Сообщ. **Б. Топоровскій.**

Критика и библіографія.

Евреи въ русскихъ пословицахъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ вѣнскій раввинъ Ал. Іеллинекъ сдѣлалъ первую попытку изслѣдованія еврейскаго элемента въ нееврейскихъ пословицахъ („Der jüdische Stamm in nichtjüdischen Sprichwörtern", Serie I-III, Wien, 1884-85 [1]). Но за послѣднія десятилѣтія всемірная литература обогатилась такими большими собраніями пословицъ, что трудъ Іеллинека нельзя считать исчерпывающимъ, и тема эта ждетъ своего новаго изслѣдователя.

Къ числу новыхъ работъ по части систематизаціи русскихъ пословицъ принадлежитъ вышедшая недавно 3-мъ изданіемъ книга І. И. Иллюстрова: „Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ" [2]). По числу собранныхъ въ ней пословицъ она значительно уступаетъ сборникамъ Даля (великорусскія пословицы) и Номиса (малорусскія пословицы), но расположеніе ихъ по группамъ въ двадцати главахъ, подраздѣленныхъ въ свою очередь на болѣе мелкія рубрики, выгодно отличаетъ этотъ сборникъ отъ его предшественниковъ, при чемъ тщательно разработанные указатели значительно облегчаютъ пользованіе книгой. Составитель, повидимому, не столько гнался за полнотой, сколько желалъ дѣйствительно нарисовать въ своей книгѣ жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ, что ему вполнѣ и удалось.

Страннымъ является только присутствіе въ сборникѣ многихъ инородческихъ пословицъ (татарскихъ, киргизскихъ, литовскихъ и др.), исходящихъ нерѣдко изъ совершенно другихъ воззрѣній и едва ли поэтому способныхъ уяснить жизнь русскаго народа, если подъ словомъ „русскій" не понимать все разноплеменное населеніе, живущее на обширной территоріи россійскаго государства. Послѣднее въ данномъ случаѣ совершенно недопустимо, такъ какъ пословицы являются этнографической особенностью и

---

[1]) Не смѣшивать съ болѣе ранней его работой „Der jüdische Stamm: Studien u. Skizzen", Wien 1869, переведенной А. Ландау п. з. „Еврейское племя", Спб. 1870.—*Ред.*

[2]) І. И. Иллюстровъ. Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ. Сборникъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Изд. 3-е. Москва, 1915. XVI + 480 стр. 8°. Цѣна 3 р.

должны изучаться для каждаго народа въ отдѣльности. Авторъ стоитъ, повидимому, на другой точкѣ зрѣнія и включилъ въ свой сборникъ изъ доступной ему русской этнографической литературы все то, что казалось ему важнымъ для выясненія какой-либо особенности житейскихъ отношеній. Не раздѣляя этой точки зрѣнія, приходится все же констатировать, что, къ сожалѣнію, не вина автора, если онъ не могъ также пользоваться и сборниками русско-еврейскихъ пословицъ, составленными на непонятномъ ему языкѣ. Я думаю поэтому, что на обязанности русско-еврейскихъ этнографовъ лежитъ забота снабжать свои сборники также и русскимъ переводомъ, благодаря чему они сдѣлаются доступными русскимъ изслѣдователямъ, что послужитъ, безъ сомнѣнія, къ обоюдной пользѣ.

Но если въ сборникѣ не имѣется еврейскихъ пословицъ, то въ немъ имѣются пословицы о евреяхъ. Ихъ очень немного, всего какой нибудь десятокъ; но по своему содержанію онѣ настолько характерны, что не мѣшаетъ на нихъ немного остановиться.

Я считаю большимъ недостаткомъ сборника то, что составитель его не отвелъ отдѣльной главы воззрѣніямъ русскаго народа на окружающія его инородческія или иновѣрческія группы, какъ они выразились въ его пословицахъ. Такая глава имѣла бы, безъ сомнѣнія, большой интересъ во многихъ отношеніяхъ, и хотѣлось бы надѣяться, что въ слѣдующемъ изданіи книги этотъ пробѣлъ будетъ восполненъ. Въ теперешнемъ же изданіи немногія пословицы, касающіяся отдѣльныхъ народностей, разбросаны по всей книгѣ въ разныхъ рубрикахъ.

Нельзя, конечно, ожидать, чтобы приведенныя въ сборникѣ пословицы рисовали типъ еврея со всѣхъ сторонъ. Для этого число ихъ слишкомъ незначительно.

Какъ уже сказано, въ сборникѣ имѣются всего десять пословицъ, касающихся евреевъ. Вотъ онѣ:

1. Не вѣренъ братъ названой, волкъ вскормленой, жидъ крещеной (стр. 120).

2. Воръ прощеный, жидъ крещеный, конь лѣченый—ненадежные (стр. 291).

3. Въ конѣ лѣченомъ, ворѣ прощеномъ, жидѣ крещеномъ толку не бываетъ (стр. 291).

4) Жидову би, да только заплаци (бѣлорус., стр. 292).

6) Цыганъ да жидъ—обманомъ сытъ (стр. 292).

7) Православнаго обманетъ цыганъ, цыгана—жидъ, жида—грекъ, а грека—чортъ (стр. 292).

8. Панъ дере зъ жида, зъ пана—юриста, а съ юриста—по триста (стр. 297).

9. Дере коза лозу, а хлопъ козу, а хлопа жидъ, а жида панъ, а пана юриста, а юристу тристя [тюрьма] (стр. 297).

10) Було всимъ добре, колы жиды не малы грунту (земли), мужыкы хунту (торговли), а паны бунту (стр. 331).

Въ дальнѣйшемъ разборѣ этихъ пословицъ, я постараюсь сопоставить ихъ съ нѣкоторыми однородными пословицами изъ моего собранія. Въ цитированныхъ выше пословицахъ еврей выступаетъ, главнымъ образомъ, въ непривлекательномъ видѣ. Замѣчательно, во-первыхъ, отрицательное отношеніе къ крещеному еврею, который, казалось, долженъ былъ бы, наоборотъ, возбудить къ себѣ нѣкоторую благосклонность. Русскій народъ, какъ и другіе, чувствуетъ фальшивое положеніе крещенаго, вытекающее изъ большей частью нечистыхъ мотивовъ его поступка. Такъ польская пословица говоритъ почти въ полномъ соотвѣтствіи съ русской: „Miecz skowany, wilk chowany, żyd chrzczony, przyjaciel zjednany mało warte (мечь запаянный, волкъ вскормленный, жидъ крещеный и пріятель примиренный—мало стоятъ)". Нѣмцы выражаются по этому поводу кратко и мѣтко: „Getaufter Jud, tut selten gut" (крещеный еврей рѣдко хорошъ).

Однако, русскій народъ относится недоброжелательно не только къ выкресту, но и къ еврею вообще, какъ къ представителю извѣстной религіи, чему доказательствомъ служитъ весьма ходкая пословица: „Жидъ, ляхъ и собака — вѣра одинака". Сопоставленіе это способно немного покоробить современника, но не въ столь отдаленное еще время гайдамаки, желая точно выполнить смыслъ этой пословицы, вѣшали рядомъ шляхтича, ксендза, еврея и собаку.

Односторонность подбора въ разсматриваемомъ нами сборникѣ явствуетъ болѣе всего изъ пословицъ 4—7, гдѣ еврей рисуется какъ обманщикъ и плутъ, между тѣмъ какъ имѣется достаточное количество русскихъ пословицъ, болѣе правдиво оцѣнивающихъ роль еврея въ торговлѣ. Позволю себѣ, во-первыхъ, указать на то, что малороссу знакома и фигура голоднаго еврея [1]), заглушающаго свой голодъ пѣніемъ: „Колы жидъ співае? — Якъ голоденъ". И самъ еврей, впрочемъ, замѣтилъ въ себѣ это свойство и, какъ тонкій наблюдатель, противопоставляетъ свое дѣяніе таковому своего сосѣда въ подобномъ случаѣ: „As der Jüd is hungerig—singt er, der Poier—schlogt dos Waib (голодный еврей поетъ, а голодный мужикъ колотитъ жену)".

Что касается 7-й пословицы, то замѣчательно, что почти каждый народъ прикидывается казанской сиротой, которую обижаетъ сосѣдъ. Такія пословицы очень часты, иногда съ весьма длинной градаціей, верхнюю ступень которой занимаютъ либо еврей, либо грекъ, либо армянинъ. Но характерно, что одна русская пословица имъ всѣмъ противопоставляетъ дворянина: „На одного жида два грека, на одного грека два армянина, на одного армянина два полтавскихъ дворянина".

Это утвержденіе любопытно сопоставить съ слѣдующими двумя пословицами изъ тѣхъ же почти мѣстъ (8 и 9), которыя

---

[1]) Когда статья была уже написана, я нашелъ въ сборникѣ Иллюстрова еще одну, не приведенную въ указателѣ пословицу, красочно рисующую еврейскую бѣдность: „Якъ жидъ убогій, свиня худа, жінка пьяна—нема гірше" (стр. 425).

безъ обиняковъ признаютъ, что иногда и панъ деретъ съ жида [1]). Объясненіе, сопровождающее эти пословицы, гласитъ, что „въ Подоліи помѣщики отдавали мельницы, винокурни и корчмы по большей части въ аренду жидамъ; помѣщики должны были содержать повѣренныхъ для хожденія за своими дѣлами, а повѣренные для сего обыкновенно издерживали ихъ деньги“.

Но еврей не всегда плутъ, а иногда и другъ: „Якъ біда, такъ до жида“ — говоритъ малороссъ. Полякъ же идетъ еще дальше и говоритъ: „Kiedy bieda to do żyda, a po biedzie za drzwi żyda (когда бѣда, то къ жиду, а послѣ бѣды за дверь жида)“.

Еврей во всякомъ случаѣ является необходимымъ элементомъ въ торговлѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія двѣ пословицы: „Безъ жида ярмарки не будетъ“; „Жидъ на ярмаркѣ, что попъ на крестинахъ“.

Вѣчно суетящійся въ погонѣ за заработкомъ еврей не всегда можетъ быть аккуратнымъ, что подмѣчено въ поговоркѣ: „Жидовскій заразъ“.

Что жидъ не плохой товарищъ, явствуетъ также изъ поговорки: „За компанію жидъ повѣсился“.

Евреевъ нерѣдко попрекаютъ ихъ солидарностью, но что солидарность является не исключительно еврейской, а общечеловѣческой чертой, видно изъ пословицы: „Панъ за пана, якъ жидъ за жида“, которая нерѣдко имѣетъ еще и третью часть: „и мужикъ за мужика“.

Закончу указаніемъ еще на то, что характерной особенностью пословицы является почти исключительное употребленіе слова „жидъ“, что ставитъ ее въ прямую противоположность къ частушкамъ, гдѣ преобладаетъ слово „еврей“ (см. Евр. Стар. 1915, стр. 119). Причину этого явленія слѣдуетъ, во первыхъ, искать, какъ мнѣ кажется, въ томъ обстоятельствѣ, что большинство пословицъ заимствовано изъ польскаго и малорусскаго языковъ, которые не знаютъ слова „еврей“. Во вторыхъ, пословица почти всегда иронизируетъ надъ своимъ предметомъ и старается скорѣе выставлять его непривлекательныя черты, что вполнѣ соотвѣтствуетъ ея морализирующей тенденціи. Такимъ образомъ, я склоненъ и здѣсь сдѣлать тотъ же выводъ, что и въ замѣткѣ о частушкахъ, а именно, что слово „жидъ“ по характеру, придаваемому ему народомъ (великорусскимъ) въ своихъ произведеніяхъ, несомнѣнно носитъ бранный оттѣнокъ. Народъ это, впрочемъ, и самъ подмѣтилъ и мѣтко выразилъ въ пословицѣ: „Не тотъ жидъ, кто еврей, а тотъ жидъ, кто жидъ“.

Д-ръ **С. Вайсенбергъ**.

---

[1]) О безправномъ положеніи еврея, у котораго всякій можетъ вымогать, говоритъ еще и поговорка: „Жидъ, давай гроши!“ Но она, насколько я могъ замѣтить, употребляется исключительно евреями и характеризуетъ ихъ взглядъ на свою безпомощность въ отношеніи власть имущихъ. Ее слѣдуетъ, поэтому, скорѣе отнести въ циклу еврейскихъ поговорокъ.

Новое изданіе „Іосиппона" (יוסיפון).

Iosippon qui inscribitur liber. Ad fidem editionis Abrahami Conat, Mantuae ante annum 1480 impressae, edidit denuo Baron David Günzburg. Praefatus est Abraham Kahana. Berditschev. 1896—1913. 4°. 12 + 272 p.

ספר יוסיפון כפי דפוס מנטובה קודם ר"ם לפ"ק. מהדורת דוד בן נפתלי גינצבורג ז"ל עם הקדמת אברהם כהנא. בארדיטשוב תרנ"ו—תרע"ג.

Въ 1896 г. проф. Д. А. Хвольсонъ въ своей статьѣ „Еврейскія старопечатныя книги" [1]) указалъ на желательность новаго изданія „Іосиппона" по версіи, напечатанной еврейскимъ типографомъ Авраамомъ Конатомъ въ Мантуѣ до 1480 года. Изданіе это, въ которомъ отсутствуетъ много мѣстъ, возбуждающихъ столько сомнѣній и споровъ у критиковъ, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ Конатъ пользовался рукописью, значительно отступающею отъ рукописей, положенныхъ въ основаніе всѣхъ другихъ изданій „Іосиппона". Къ тому же научная критика, даже въ лицѣ Цунца, вовсе не пользовалась этимъ рѣдкимъ изданіемъ для выясненія спорныхъ вопросовъ, связанныхъ въ исторической наукѣ съ этимъ важнымъ произведеніемъ средневѣковой псевдоэпиграфической литературы.

Въ томъ же году (1896), по предложенію проф. Д. А. Хвольсона, покойный баронъ Д. Г. Гинцбургъ приступилъ къ новому изданію יוסיפון въ версіи Коната по копіи, снятой для Хвольсона въ Британскомъ Музеѣ въ Лондонѣ. Нынѣ предъ нами лежитъ это новое посмертное изданіе съ небольшимъ предисловіемъ А. Кагана, въ которомъ послѣдній говоритъ, что Д. Г. Гинцбургъ имѣлъ въ виду „приложить къ этому изданію списокъ исправленій и примѣчаній, снабдить введеніемъ о разныхъ изданіяхъ „Іосиппона" и дать выписки изъ рукописей". Остается только сожалѣть, что иниціатору изданія не суждено было при жизни обнародовать эту древнѣйшую версію „Іосиппона" въ подобающемъ для такого важнаго памятника видѣ и снабдить ее соотвѣтствующимъ научно-критическимъ аппаратомъ.

Въ настоящемъ видѣ это изданіе не достигаетъ намѣченной Д. А. Хвольсономъ цѣли и не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки. Если при печатаніи всякаго историческаго или историко-литературнаго памятника, имѣющаго лишь нѣкоторый интересъ для изученія прошлаго, считается необходимымъ точное изданіе его по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, какъ рукописнымъ, такъ и рѣдкимъ печатнымъ изданіямъ, то это тѣмъ болѣе является необходимымъ условіемъ при изданіи такого памятника, какъ „Іосиппонъ".

„Іосиппонъ"—произведеніе неизвѣстнаго намъ итальянскаго еврея эпохи ранняго средневѣковья, задавшагося цѣлью (въ IX в. по мнѣнію однихъ, или въ X в. по мнѣнію другихъ) написать

---

[1]) Сборникъ въ пользу начальн. еврейск. школъ (Пет., 1896), стр. 7 и 535.

національную исторію своего народа на фонѣ общей исторіи древняго міра,—представляетъ интересъ не только какъ основной источникъ историческихъ свѣдѣній ученыхъ круговъ и читающей публики, но и какъ характерное отраженіе колорита средневѣковой Италіи и Южной Франціи, отраженіе состоянія исторической мысли и географическихъ познаній того времени. Въ исторической наукѣ на книгу „Іосиппонъ“ съ этой точки зрѣнія давно было обращено вниманіе, и въ литературѣ предмета имѣется не мало цѣнныхъ работъ, посвященныхъ „Іосиппону“, изъ которыхъ наиболѣе выдаются работы Цунца [1]), Vogelstein und Rieger [2]), Вельгаузена [3]). Исчерпывающаго изслѣдованія о „Іосиппонѣ“ мы, однако, до сихъ поръ не имѣемъ, такъ какъ изслѣдователи не имѣютъ строго критическаго изданія текста этой книги.

Для изданія научно-критическаго текста „Іосиппона“ необходимо сличить всѣ имѣющіяся рукописи и печатныя изданія, которыя сводятся къ тремъ главнымъ версіямъ: 1) краткая версія въ изданіи Коната, къ которому примыкаютъ рукописи: оксфордская 1325 года, ватиканская 1444 года, парижская (Національн. Библіот. № 760) и нѣкоторыя другія; 2) обширная версія, изданная въ Константинополѣ Тамомъ-ибнъ Яхьей въ 1510 г., къ которой примыкаетъ рукопись-автографъ Іегуды-Леона бенъ Моисей Москони [4]); 3) арабская версія, сохранившаяся въ свою очередь въ трехъ редакціяхъ: а) сокращенной, напечатанной въ парижской и лондонской полиглоттахъ (1645, 1657 г.г.), б) изданной въ Бейрутѣ въ 1872 г. подъ заглавіемъ „Tarikh Jûsifûs al-jahûdi“ [5]), и в) нѣкоторыхъ еще не изслѣдованныхъ арабскихъ рукописяхъ (петроградскія, парижскія и др.).

Отсюда видно, что изданіе текста „Іосиппона“ по вышеуказаннымъ версіямъ и критическая работа надъ приведеніемъ текста יוסיפון въ порядокъ, является первой основой для дальнѣйшихъ изслѣдованій всѣхъ вопросовъ, выдвинутыхъ наукой въ связи съ книгой Іосиппонъ. Перепечатка же одной мантуанской версіи безъ приведенія варіантовъ другихъ версій и критическаго аппарата является, на нашъ взглядъ, лишней работой, ибо она не только не даетъ намъ критическаго текста, но даже не облегчаетъ задачи будущаго изслѣдователя, у котораго не можетъ быть увѣренности, что текстъ точно совпадаетъ съ изданіемъ Коната до 1480 г. Послѣдняя цѣль была бы достигнута, если бы изданіе Коната было не перепечатано, а воспроизведено фототипически.

---

[1]) Gottesdienstl. Vorträge (1892), p. 154—162.

[2]) Geschichte der Juden in Rom (Berlin, 1896). Band I, p. 185—200.

[3]) Der arabische Jossippon. въ Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaft zu Göttingen, новая серія, т. I. (1897).

[4]) Интересное предисловіе Москони къ יוסיפון напечатано въ אוצר טוב (1878), p. 017—023.

[5]) Извлеченіе изъ петроградской арабской версіи Іосиппона приведено въ книгѣ „Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ и Хазарскомъ царствѣ“ (стр. 72—74) А. Я. Гаркави, которому однако остались неизвѣстны ни сокращенная редакція арабской версіи въ парижской и лондонской полиглоттахъ, ни бейрутская редакція.

Мы, конечно, не имѣемъ возможности сличить лежащее предъ нами изданіе Д. Г. Гинцбурга съ его мантуанскимъ оригиналомъ, представляющимъ чрезвычайную библіографическую рѣдкость, но сличивъ двѣ, воспроизведенныя фототипически страницы (третью страницу, приложенную къ нашему изданію, и страницу 109, воспроизведенную въ Jewish Encyclopedia (VII, 261), съ нашимъ изданіемъ, мы нашли на каждой страницѣ по ошибкѣ: на стр. 3 вмѣсто ושמות ארצותם על שמותם напечатано ושמות א־צותם שמותם; на стр. 109 вмѣсто הורקנוס напечатано הורקנות.

Во всякомъ случаѣ г. А. Кагэнъ заслуживаетъ признательности за то, что, благодаря ему, мы наконецъ увидѣли посмертное изданіе барона Д. Г. Гинцбурга, въ ожиданіи котораго многіе воздерживались отъ критической работы надъ „Іосиппономъ“.

И. Марконъ.

Научно-литературная хроника.

ענני שבתי צבי. אספם לאספה מתוך כ"י שונים וגם מספרים נדפסים והוציאם לאור עם הקדמה והערות אהרן פריימאנן. ברלין. תרע"ג.

(Sammelband kleiner Schriften über Sabbatai Zebi und dessen Anhänger. Mit Einleitung und Anmerkungen von A. Freimann).

Сборникъ документовъ о Саббатаѣ-Цеби и саббатіанскомъ движеніи, лежащій передъ нами въ изданія А. Фреймана, представляетъ цѣнный вкладъ въ историческую литературу о саббатіанствѣ. Сборникъ открывается полемико-сатирическимъ сочиненіемъ п. з. „Книга священнаго пререканія“ (ספר מריבת קדש), которымъ Грецъ отчасти пользовался въ своемъ критическомъ аппаратѣ къ изложенію исторіи саббатіанскаго движенія въ X томѣ „Исторіи евреевъ“. Слѣдующая за этимъ сочиненіемъ хроника Баруха д'Ареццо, озаглавленная „Воспоминаніе сынамъ Израиля“ (זכרון לבני ישראל), представляетъ изложеніе исторіи саббатіанскаго движенія, написанное на основаніи „правдивыхъ“ записей и устныхъ сообщеній послѣдователей мессіи, иллюстрированное саббатіанскими документами, воззваніями и посланіями; къ ней приложены описаніе „Происшествія съ марокканскимъ пророкомъ Іосифомъ Бенъ-Цуръ (מעשה מיוסף בן צור) въ Мекинесѣ“ и переписка раввиновъ по этому поводу. Авторъ лѣтописи призываетъ современниковъ, „ученыхъ и вѣрныхъ сыновъ Израиля“, увѣровать въ скорое осуществленіе пророчества Натана Газзати и Іосифа Бенъ-Цура.

Далѣе слѣдуютъ: рядъ извлеченій изъ рукописнаго сборника Гальберштама, № 40, упоминаемомъ въ вышеназванномъ критическомъ аппаратѣ Греца; анонимное сочиненіе „Тайна владычества нашего Господина, по словамъ рабби Натана“ (Газзати) и извлеченіе изъ „Проповѣди тайны тайнъ“; летучіе листки, найденные С. Зелигманомъ въ Амстердамѣ. Въ заключенія данъ перечень 187 надгробныхъ надписей раввиновъ и ученыхъ г. Смирны. Сборнику предпослано небольшое предисловіе А. Фреймана, содержащее краткія библіографическія замѣтки о произведеніяхъ, включенныхъ

въ сборникъ, а самые тексты снабжены обильными примѣчаніями А. Фреймана и другихъ ученыхъ (**И. Б.**).

פירוש על יחזקאל ותרי עשר לרבי אליעזר מבלגנצי. הוציאו לאור בפעם הראשונה על פי כתב יחידי באוקספורד וספח לו מבוא על חכמי צרפת מפרשי המקרא ש. א. פוזנאנסקי. התרע"א-התרע"ד.

(Kommentar zu Ezechiel und den XII Kleinen Propheten, von Eliezer aus Beaugency, zum ersten Mal herausgegeben und mit einer Abhandlung über die nordfranzösischen Bibelexegeten eingeleitet von S. Poznanski. I—III. Варшава. 1911—1914 (CLXVI+230 стр.).

Библейскіе комментаріи рабби Эліезера изъ Божанси, относящіяся къ циклу трудовъ сѣверо-французской экзегетической школы въ пору ея расцвѣта, раздѣляли судьбу всѣхъ такого рода произведеній, исключавшихъ изъ библейской экзегетики элементы галахическаго и агадическаго толкованія. Подобно послѣднимъ, комментаріи р. Эліезера изъ Божанси были совершенно забыты въ продолженіе семи вѣковъ и лишь въ 19 вѣкѣ были открыты и освѣщены усердіемъ людей науки. Впервые обратилъ вниманіе на этого выдающагося представителя сѣверно-французской экзегетической школы извѣстный христіанскій гебраистъ Францъ Деличъ, нашедшій комментаріи р. Эліезера въ одномъ рукописномъ толкователѣ еврейскихъ словъ на французскомъ языкѣ XIII вѣка. Въ 1850 г. былъ открытъ Дукесомъ въ Оксфордѣ рукописный кодексъ, содержащій, между прочимъ, чрезвычайно интересные комментаріи на кн. Исаіи, Іезекіиля и Малыхъ Пророковъ, принадлежащіе перу нѣкоего р. Эліезера, котораго онъ — и вслѣдъ за нимъ Нэттъ (издавшій 30 лѣтъ спустя изъ этого кодекса комментарій р. Эліезера на Исаію)—отождествлялъ съ р. Эліезеромъ изъ Божанси. Новоизданные впервые С. Познанскимъ остальные комментаріи изъ того же кодекса на кн. Іезекіиля и 12 кн. Малыхъ Пророковъ принадлежатъ, по мнѣнію ученаго издателя, перу р. Эліезера изъ Божанси. Свое мнѣніе С. Познанскій считаетъ, на основаніи разныхъ доводовъ, не предположеніемъ, а доказаннымъ положеніемъ, и на заглавіи разсматриваемаго сочиненія имъ прямо обозначено имя р. Эліезера изъ Божанси.

Новоизданные комментаріи р. Эліезера обогащаютъ насъ рядомъ важныхъ свѣдѣній о кругозорѣ конца эпохи возрожденія еврейской культуры въ сѣверной Франціи и о личности ученаго, дотолѣ намъ незнакомаго. Онъ былъ современникомъ извѣстнѣйшаго библейскаго экзегета и внука Раши, Рашбама (р. Самуилъ бенъ Меиръ), и происходилъ изъ французскаго города Божанси (Beaugency), близъ Орлеана. Онъ оставилъ рядъ комментаріевъ на Пятикнижіе, кн. Исаіи, Іезекіиля, Малыхъ Пророковъ, Іова, Даніила и Когелетъ. Въ изданныхъ Нэттомъ и Познанскимъ комментаріяхъ мы не находимъ данныхъ о жизни его. Лишь изъ одного мѣста явствуетъ, что онъ претерпѣлъ рядъ униженій и преслѣдованій за свою вѣру. Хотя это мѣсто относится къ французскому еврейству современной эпохи вообще, но въ тонѣ его чувствуется личная горечь, слышится отголосокъ лично пережитаго. Изъ многихъ мѣстъ, въ которыхъ онъ полемизируетъ съ христіанской экзегетикой, можно заключить съ нѣкоторой вѣроятностью, что онъ, какъ и его старшій современникъ Рашбамъ, лично имѣлъ случай вести диспуты съ христіанскими богословами и экзегетами.

Для міровоззрѣнія его характерна мысль объ отрицательномъ вліяніи религій древнихъ народовъ на религію и культъ іудаизма—извѣстная теорія, развитая Маймонидомъ въ „Море Небухимъ“, что храмъ и жертвоприношеніе установлены съ цѣлью превратить служеніе идоламъ въ служеніе единому Богу, а не являются самоцѣлью. Духу того времени отвѣчаетъ вѣра во вліяніе небесныхъ сферъ на судьбу человѣка, стремленіе истолковать нѣкоторыя мѣста въ Библіи о чудесахъ раціонально, когда буквальный смыслъ не противорѣчитъ этому. Характерными чертами его библейской экзегетики являются доходящее до крайности стремленіе къ буквальному истолкованію смысла библейскаго текста и игнорированіе агадической экзегезы, сжатость изложенія и своеобразная терминологія, удѣленіе особеннаго вниманія свойствамъ языка и синтаксиса, какъ и вопросамъ методологическаго характера. Освобожденіе библейской науки отъ путъ гомилетики—эта основная задача сѣверно-французской экзегетической школы—нашла въ писаніяхъ р. Эліезера изъ Божанси свое яркое выраженіе. Но это направленіе не пустило въ литературѣ глубокихъ корней, и экзегеза р. Эліезера знаменуетъ собою лишь послѣдній этапъ на пути расцвѣта сѣверно-французской школы, послѣ котораго наступаетъ эпоха упадка.

Въ своемъ обширномъ введеніи о сѣверно-французской экзегетической школѣ г. Познанскій сводитъ итоги всѣхъ работъ и изслѣдованій, посвященныхъ этой школѣ Цунцомъ, Гейгеромъ, Берлинеромъ, Леви, Поргесомъ, Розиномъ, Эпенштейномъ и мн. др. Введеніе, какъ и примѣчанія къ тексту, свидѣтельствуетъ объ исчерпывающемъ знакомствѣ ученаго редактора съ изданными и неизданными памятниками сѣверно-французской школы. (**И. Б.**).

Erich Bischoff. Die Elemente der Kabbalah. I Theil. Theoretische Kabbalah. Das Buch Jezirah. Sohar-Auszüge, Spätere Kabbalah. Uebersetzungen, Erläuterungen und Abhandlungen. IX + 7 + 239 стр. Berlin 1913.—II Theil. Praktische Kabbalah. Magische Wissenschaft. Magische Künste. Nebst einem Schlusswort: „Der Sohar und das Blutritual“. VII + 229 стр. Berlin. 1914.

Настоящій трудъ принадлежитъ автору вышедшаго въ 1899 г. критическаго изслѣдованія переводовъ Талмуда („Kritische Geschichte der Talmud-Uebersetzungen“), нѣмцу-гебраисту Э. Бишофу и является обработкой изданнаго имъ лѣтъ 12 тому назадъ изслѣдованія о каббалѣ („Die Kabbalah“). Книга Бишофа, несмотря на многія существенныя достоинства, выгодно отличающія ее отъ многихъ произведеній, не вноситъ, однако, никакого измѣненія въ состояніе литературы о каббалѣ. Она примыкаетъ по своимъ основнымъ тенденціямъ къ традиціямъ „христіанской школы“ изученія каббалы, хотя въ ней отсутствуютъ христологическія тенденціи послѣдней и попытка найти въ каббалѣ подтвержденіе основныхъ началъ христіанства. Это не объективно-научное изслѣдованіе каббалы, какъ ряда звеньевъ въ цѣпи еврейской мысли, а страстная апологія каббалы, какъ откровенія высшей истины. Это—трудъ протестантскаго Авраама Герреры 20 вѣка, пользующагося для обоснованія каббалы аппаратомъ современной научной техники.

Вотъ почему книга Бишофа, несмотря на добросовѣстное и углубленное изученіе кабалы, не можетъ

считаться строго-научнымъ и критическимъ изслѣдованіемъ предмета.

Книга распадается на двѣ части. Первая посвящена теоретической каббалѣ, ея происхожденію, изложенію ея основныхъ идей и выясненію моментовъ каббалистической мысли, сближающихъ ее съ различными мистическими системами; также изслѣдовано начало троицы въ каббалѣ и выяснено ея существенное отличіе отъ христологическаго тріединства. Для иллюстраціи основныхъ началъ теоретической каббалы приводятся въ переводѣ на нѣмецкій языкъ текстъ „Книги Созданія" (Сеферъ Іецира) по краткой версіи въ мантуанскомъ изданіи, отрывки и извлеченія изъ книги „Зогаръ" и произведеній, примыкающихъ къ нему, и отрывокъ изъ одного Луріанскаго произведенія. Вторая часть посвящена практической каббалѣ, ея ученію и элементамъ (Божіи имена, имена ангеловъ и демоновъ, дурной глазъ, магическій квадратъ, физіогномика, чтеніе мыслей, хиромантія, заклинанія и заговоры и т. п.) Въ заключеніе доказывается лживость утвержденія Юстуса-Ролинга-Правайтиса о „ритуальныхъ текстахъ" въ „Зогарѣ".— (**И. Берлинъ**).

Mordché W. Rapaport. Biblisch-talmudisch-rabbinisches Recht der Juden. (Оттискъ изъ III тома Scritti in onore di G. P. Chironi. 1912).

Въ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ въ честь выдающагося итальянскаго юриста, авторъ обращается къ представителямъ современной юридической науки и разъясняетъ имъ, какой высокій интересъ должно представлять изученіе еврейскаго права. Онъ указываетъ на три главныя фазы въ развитіи еврейскаго права и даетъ ихъ общую характеристику. Первая фаза, б и б л е й с к а я, отличается тѣмъ, что правовыя нормы ея не исходятъ изъ наличныхъ данныхъ, изъ тѣхъ бытовыхъ и соціальныхъ условій, въ которыхъ онѣ созданы, а должны регулировать б у д у щ у ю жизнь, которую предполагается строить на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ настоящую. Это одинаково вѣрно какъ съ богословской точки зрѣнія, по которой въ пустынѣ изданы законы для земледѣльческаго народа въ обѣтованной землѣ, такъ и съ точки зрѣнія библейской критики, по которой въ вавилонскомъ изгнаніи вырабатывались нормы для будущей жизни на родинѣ. Вотъ почему право Библіи проникнуто широкими идеалистическими мотивами, которые на практикѣ въ полной мѣрѣ едва ли были осуществлены когда-либо. Наоборотъ, вторая фаза— т а л м у д и ч е с к а я, отличается чрезвычайно практическими нормами, подробно и всесторонне регламентирующими именно ту жизнь, въ которой онѣ создавались. Юридическій бытъ, нашедшій свое полное отраженіе въ Талмудѣ, чрезвычайно простъ и однороденъ: мелкое сельское хозяйство, ремесло и торговля были въ ту эпоху господствующими, чуть ли не единственными, формами хозяйственной жизни. Третья фаза въ развитіи еврейскаго права, р а в в и н с к а я, отличается такимъ же богатствомъ и разнообразіемъ юридическаго творчества, какъ безконечно разнообразны въ этотъ періодъ судьбы еврейскаго народа, который разсѣялся по всему земному шару, и отдѣльныя части его въ разныхъ странахъ жили въ самыхъ различныхъ экономическихъ условіяхъ. Съ внутренней стороны, раввинская фаза отличается отсутствіемъ единаго общепризнаннаго авторитета, такъ что часто даже одновременно соперничали между собой нѣсколько авторитетовъ. Эти три фазы, при всѣхъ ихъ различіяхъ, составляютъ одно цѣлое.

проникнуты извѣстными общими принципами и всѣ одинаково освящены авторитетомъ религіи. (**Ф. Динштейнъ**).

Д-ръ А. Гурляндъ. Германъ Когенъ и его философское обоснованіе еврейства. Критическій очеркъ. Петроградъ, 1915. XXIV + 109 стран.

Гр. Ландау. Польско-еврейскія отношенія. Петроградъ, 1915. 119 стр.

Исторія еврейскаго народа. Томъ XI: исторія евреевъ въ Россіи. При ближайшемъ участіи А. И. Браудо, М. Л. Вишницера, Ю. Гессена, С. М. Гинзбурга, П. С. Марека и С. Л. Цинберга. Т. I. Москва, 1914. 526 стран. съ иллюстр.

С. Л. Цинбергъ. Исторія еврейской печати въ Россіи въ связи съ общественными теченіями. Петроградъ 1915. XI+264 стран. (Отзывъ будетъ данъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Еврейской Старины").

Извѣстія Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

30 апрѣля 1915 г. состоялось, подъ предсѣдательствомъ М. М Винавера, годовое общее собраніе членовъ Евр. Историко-Этногр. Общества. Собраніе утвердило отчетъ за 1914 г., заключеніе Ревизіонной Комиссіи, а также смѣту на 1915 годъ. Были избраны новые члены Общества различныхъ разрядовъ. Затѣмъ состоялись выборы 5 членовъ Комитета, вмѣсто выбывшихъ по очереди (согласно примѣчанію къ § 17 устава Общества) М. М. Винавера, С. М. Гольдштейна, Л. А. Сева, Л. Я. Штернберга, а также выбывшаго М. Л. Вишницера, и 3-хъ членовъ Ревизіонной Комиссіи. Избраны въ Комитетъ тѣ же лица, а на мѣсто выбывшаго М. Л. Вишницера избранъ прис. пов. Г. А. Гольдбергъ. Въ члены Ревизіонной Комиссіи переизбраны прежніе: М А. Бронштейнъ, С. Е. Вейсенбергъ и С. Г. Полякъ.

Затѣмъ М. И. Кулишеръ прочелъ докладъ п. з. „Сто лѣтъ назадъ: изъ исторіи эмансипаціи евреевъ". Тема доклада — исторія прусскаго эдикта 1812 г. о равноправіи евреевъ, освѣщенная недавно опубликованными новыми документами (сборникъ Freund'a). С. М. Дубновъ дополнилъ докладъ нѣсколькими замѣчаніями о національномъ вопросѣ въ связи съ подготовленіемъ прусскаго эдикта равноправія. Предсѣдатель М. М. Винаверъ въ своемъ резюме коснулся историческаго прогноза, затронутаго докладчикомъ въ концѣ своего реферата.

Въ началѣ засѣданія предсѣдатель посвятилъ нѣсколько теплыхъ словъ памяти скончавшихся въ послѣдній мѣсяцъ писателей — І. Л. Переца и д-ра Л. О. Кантора. Собраніе почтило память почившихъ вставаніемъ.

Поступили въ Архивъ Общества.

1. Привилегія, выданная Витебскимъ воеводою Казимиромъ Поцеемъ евреямъ на заселеніе мѣстечка Глазоличи, отъ марта 1715 г., съ позднѣйшими подтвержденіями. Копія перевода съ польскаго. (Прислана З. Миндлинымъ, Петроградъ).

2. Разрѣшеніе, выданное администраціей города Варшавы въ 1834 г. еврею Габріелю Эйземану на производство торговли въ его домѣ на Твардой улицѣ, „безъ обязательства брить бороду и перемѣнить костюмъ" лично для него. Нотаріальная копія польскаго документа. (Доставлена М. М. Винаверомъ, Петроградъ).

Сверхъ того, поступилъ рядъ сообщеній, документовъ и фотограф. снимковъ, относящихся къ исторіи участія евреевъ въ нынѣшней войнѣ. Объ этихъ матеріалахъ, имѣющихъ образовать особый отдѣлъ—„архивъ войны"—будетъ сообщено въ слѣдующихъ книжкахъ „Еврейской Старины"

Комитетъ Истор.-Этн. О-ва проситъ о дальнѣйшей присылкѣ такого рода матеріаловъ.

Письмо въ редакцію.

(О работахъ Этнографической Экспедиціи).

Глубокоуважаемый господинъ Редакторъ!

События военнаго времени, заставившія меня оторваться отъ обычныхъ занятій и поѣхать въ Галицію, въ качествѣ уполномоченнаго Московскаго отдѣленія Комитета членовъ Государственной Думы по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, а также пострадавшему отъ войны населенію—не позволяютъ мнѣ въ настоящее время дать подробный отчетъ о дѣятельности „Еврейской Этнографической Экспедиціи имени барона Горація Осиповича Гинцбурга", которою я руководилъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ, съ 1911 по 1914 г.

Откладывая опубликованіе этого отчета, съ указаніемъ именъ жертвователей и точнымъ перечисленіемъ расходовъ, отмѣчу лишь въ общихъ чертахъ, что на организацію и веденіе Экспедиціи и составленіе „Еврейскаго Національнаго Музея" получено за всѣ 4 года около 23,000 рублей (изъ нихъ 10,000 руб. внесъ баронъ В. Г. Гинцбургъ). За четыре года своей дѣятельности Экспедиція, въ которой, кромѣ меня, принимали участіе: спеціалистъ по народной музыкѣ, фотографъ и, временами, секретарь,—обслѣдовала всю Волынскую, большую часть Подольской и часть Кіевской губерніи, посѣтивъ болѣе 60 городовъ и мѣстечекъ.

Собранъ за это время слѣдующій матеріалъ: 1) Сдѣлано болѣе 2000 фотографич. снимковъ старинныхъ синагогъ и ихъ внутреннихъ украшеній, еврейскихъ историческихъ зданій, памятниковъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и т. д. 2) Записано около 1800 народныхъ сказаній, сказокъ, легендъ, преданій, притчъ. 3) Болѣе 1500 народныхъ пѣсенъ и мистерій. 4) Записано на 500 валикахъ и на нотахъ болѣе 1000 народныхъ мотивовъ и „пѣсенъ безъ словъ". 5) Записано большое количество чисто-этнографическаго матеріала: описаніе обрядовъ, повѣрій, вѣрованій, примѣтъ, заговоровъ, пословицъ, поговорокъ и т. п. 6) Собрано болѣе 100 историческихъ документовъ, много писемъ извѣстныхъ лицъ и 7) около 50 старинныхъ рукописей и пинкосовъ, среди которыхъ нѣсколько очень рѣдкихъ и цѣнныхъ. 8) Пріобрѣтено (приблизительно на 6000 рублей) и получено въ даръ для Національнаго Музея болѣе 700 предметовъ, почти исклю-

чительно старинныхъ (серебряныхъ, мѣдныхъ, деревянныхъ и проч.), изъ области религіознаго культа (около 80 „годасовъ“, столько же ханукальныхъ лампадъ, канделябровъ, люстръ, „поройхесъ“, украшеній для Торы и т. д.), домашняго обихода, женскихъ украшеній, старинной одежды, гравюръ, картинъ и т. д. 9) Напечатана, но еще не выпущена въ свѣтъ, „Программа для собиранія свѣдѣній по Этнографіи (на еврейскомъ языкѣ, болѣе 2000 вопросовъ), подъ редакціей Л. Я. Штернберга. Кромѣ того А. Я. Гаркави принесъ въ даръ Музею около 1000 писемъ изъ своего архива.

За послѣднее время мною лично собрана значительная коллекція еврейскихъ музейныхъ предметовъ, документовъ и реликвій, относящихся къ настоящей войнѣ.

По окончаніи войны Экспедиція надѣется приступить къ обработкѣ и изданію собраннаго матеріала, а также къ организаціи и открытію Національнаго Музея.

Съ искреннимъ уваженіемъ

С. Ан—скій.

Львовъ, 7 мая 1915 г. (н. с.).

Опечатки въ 1 выпускѣ „Евр, Старины“ 1915 г.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
16	4 сверху.	Сигизмунду Августу.	Сигизмунду.
74	13 „	Пословица—продуктъ народной поэзіи.	Пословица—выраженіе народной мудрости, поговорка—продуктъ народной поэзіи.
77	14 снизу.	פסח איז ווען מען וויל	פסח איז וואו מען וויל
97	примѣч.	можно болѣе положиться больше.	можно *было* положиться больше.
111	8 сверху.	мы работаемъ.	мы не работаемъ.

Начало эмансипаціи евреевъ въ побѣжденной Пруссіи (1808—1812 г.[1]).

(Глава изъ неизданнаго труда).

I.

Извѣстны послѣдствія, которыя имѣлъ для Пруссіи разгромъ ея Наполеономъ въ 1806 г. Потеря почти половины королевства Фридриха Великаго поставила государство передъ необходимостью реформировать свой внутренній строй, вызвать къ дѣятельности тѣ общественныя силы, которыя до тѣхъ поръ были парализованы привилегіями дворянства, бюрократической регламентаціей и цеховымъ строемъ. Наступила эра реформъ, извѣстная подъ названіемъ эпохи реформъ Штейна и Гарденберга, по имени двухъ государственныхъ людей, которые осуществили эти реформы. Было отмѣнено крѣпостное право: введено городовое положеніе, которое дало городамъ самоуправленіе и освободило ихъ отъ бюрократическаго управленія; рядомъ эдиктовъ, изъ которыхъ послѣднимъ былъ эдиктъ 7 сентября 1811 г., были уничтожены привилегіи цеховъ: дозволено было всякому заниматься какимъ угодно ремесломъ на основаніи промысловаго свидѣтельства, безъ обязательства припи-

---

[1]) Мы излагаемъ исторію эдикта 11 марта 1812 г. на основаніи обширныхъ матеріаловъ, собранныхъ недавно въ книгѣ Ismar Freund: Die Emancipation der Juden in Preussen, Berlin 1812 г., т. I, стр. 103—226 и т. II, стр. 197—459. Его разсказъ сильно расходится съ изложеніемъ исторіи „эмансипаціоннаго" эдикта у авторовъ, писавшихъ раньше на основаніи неполнаго матеріала. Ср. H. Jolowicz, Geschichte der Juden in Königsberg (Posen 1867) и A. Stern, Abhandlungen und Aktenstücke zur Geschichte der preussischen Reformzeit 1807—1815, Leipzig, 1885 г.—См. докладъ М. И. Кулишера въ Историко-Этнограф. О-вѣ („Евр. Недѣля" 1915 г. №№ 1—2).

саться къ какому-нибудь цеху; членамъ цеховъ разрѣшалось выступать изъ ихъ состава, разрѣшалось одному и тому же лицу заниматься нѣсколькими промыслами одновременно и т. д. Вообще былъ принятъ рядъ мѣръ, которыя, какъ выражается Штейнъ въ своемъ „политическомъ завѣщаніи“ отъ 24 ноября 1808 г., должны были дать „легальную возможность всякому въ народѣ свободно развивать свои силы“.

Въ связи съ общереформаторской дѣятельностью правительства находилась и необходимость разрѣшить еврейскій вопросъ. Въ дореформенной Пруссіи государство признавало существованіе трехъ сословій: дворянскаго, городского и крестьянскаго. Государственный строй основывался на извѣстномъ соотношеніи этихъ неравноправныхъ сословій. Для евреевъ же, не укладывавшихся въ рамки этого строя, такъ какъ они ни къ одному изъ трехъ сословій не принадлежали, въ государствѣ мѣста не находилось, и они поэтому являлись объектомъ особаго законодательства, до крайности ограничивавшаго ихъ элементарныя гражданскія права (право жительства, выборъ профессіи и т. п.). Это безправіе еврейскаго населенія не могло не обратить на себя вниманія прусскихъ реформаторовъ. Нельзя было установить новый строй, основанный на свободномъ проявленіи личности и ея энергіи, и въ то же время оставить евреевъ въ томъ положеніи, которое они прежде занимали. До тѣхъ поръ, пока государство стояло на точкѣ зрѣнія необходимости сохраненія цехового строя и обезпечиванія за извѣстными группами населенія особаго соціальнаго положенія, стѣсненіе евреевъ оправдывалось именно интересами этихъ группъ. Но коль скоро государство радикально измѣнило свой взглядъ на цеховой строй, признало существованіе рамокъ, стѣсняющихъ свободу дѣятельности отдѣльной личности, вреднымъ для цѣлаго, оно этимъ самымъ лишало всякаго смысла всѣ тѣ законоположенія, которыми парализовалась торговая и промышленная дѣятельность евреевъ. Сохраненіе антиеврейскаго законодательства находилось бы въ непримиримомъ противорѣчіи со всей программой реформаторской дѣятельности Штейна и Гарденберга. Оставаясь послѣдовательнымъ, необходимо было поэтому улучшить положеніе евреевъ, и прусское правительство, несмотря на довольно сильныя въ немъ юдофобскія тенденціи, этотъ шагъ въ концѣ концовъ и сдѣлало.

Самъ Штейнъ, покинувшій свой постъ въ концѣ 1808 г., не успѣлъ сдѣлать что-либо въ области еврейскаго вопроса. Единственнымъ изъ выработанныхъ имъ законодательныхъ актовъ, который имѣлъ отношеніе къ евреямъ, было городовое положеніе

19 ноября 1808 г., согласно которому вѣроисповѣданіе не могло служить препятствіемъ при пріобрѣтеніи правъ горожанина. Евреямъ былъ такимъ образомъ въ принципѣ открытъ доступъ къ участію въ общинномъ самоуправленіи. Однако, разъясненіемъ, послѣдовавшимъ 27 февраля 1809 г. по частному случаю, было объявлено, что евреи могутъ участвовать въ правахъ и обязанностяхъ горожанъ лишь постольку, „поскольку ограниченія ихъ гражданскаго положенія это позволяетъ", т. е., другими словами, что общія ограниченія евреевъ въ правахъ не должны отмѣняться въ силу того, что они становились гражданами городовъ, въ которыхъ жили. Одному изъ ближайшихъ помощниковъ Штейна, начальнику управленія Восточной Пруссіи, министру Шреттеру, пришлось сыграть крупную роль въ дальнѣйшей политикѣ правительства по еврейскому вопросу.

До вступленія Пруссіи на путь реформъ, Шреттеръ проявлялъ безусловно отрицательное отношеніе къ евреямъ. Находясь съ 1795 г. во главѣ управленія Восточной Пруссіи, онъ имѣлъ неоднократно случай высказываться по еврейскимъ дѣламъ. Такъ, напримѣръ, въ 1803 г. онъ, по частному случаю, въ докладѣ королю высказывается противъ увеличенія числа еврейскихъ семействъ въ Кенигсбергѣ, ибо —писалъ онъ—уменьшеніе числа евреевъ желательно съ точки зрѣнія „сохраненія благосостоянія и уровня пропитанія христіанскихъ жителей государства". Въ 1804 г. по вопросу о томъ, могутъ ли вторыя дѣти „покровительствуемыхъ евреевъ" передавать свои привилегіи по наслѣдству [1], Шреттеръ всецѣло поддерживаетъ мнѣніе докладчика департамента Курмархіи Іешке, писавшаго, что государство должно стремиться къ ограниченію числа евреевъ, такъ какъ „они обладаютъ несмѣтными богатствами, уклоняются отъ исполненія государственныхъ повинностей, узнаютъ слабости людей для того, чтобы использовать ихъ въ своихъ интересахъ". Шреттеръ, присоединяясь къ этому мнѣнію, пишетъ, что „благосостояніе христіанскихъ гражданъ было бы въ конецъ подорвано, еслибы евреямъ было разрѣшено размножаться въ геометрической пропорціи". Уже и теперь, говоритъ онъ, евреи захватили цѣлыя отрасли торговли въ Кенигсбергѣ въ свои руки, и

[1]) Въ 1763 г. прусскіе евреи, уплативъ въ казну 70,000 талеровъ, получили право включать въ списки „привилегированныхъ" семействъ также вторыхъ по порядку рожденія дѣтей (семейная „привилегія" на право жительства и промысловъ обыкновенно передавалась старшему сыну); но впослѣдствіи администрація стала толковать ихъ права въ ограничительномъ смыслѣ.

„иностранецъ, попадающій въ Кенигсбергъ, можетъ по числу еврейскихъ вывѣсокъ подумать, что онъ находится въ новомъ Іерусалимѣ“. Въ рукахъ евреевъ сосредоточены наибольшіе капиталы; евреи не брезгаютъ никакими средствами, лишь бы они вели къ цѣли. Не соотвѣтствуетъ интересамъ государства, что „деньги сосредоточены въ рукахъ лицъ, не отбывающихъ государственныхъ повинностей (евреи тогда еще не привлекались къ отбыванію воинской повинности) и что фабрики и торговля мануфактурой принадлежатъ людямъ, склоннымъ къ торговлѣ контрабандой“. Въ 1807 г. онъ по другому поводу высказывается за необходимость точнаго соблюденія законовъ о евреяхъ, такъ какъ иначе „торговля въ Кенигсбергѣ, Штеттинѣ, Мемелѣ, Данцигѣ и Эльбингѣ будетъ всецѣло захвачена евреями, а христіанскіе купцы окончательно будутъ разорены“. Въ качествѣ начальника управленія Восточной Пруссіи, Шреттеръ постоянно и повсюду видитъ „еврейское засилье“, энергически выселяетъ всѣхъ евреевъ, не имѣющихъ права жительства, поднимаетъ шумъ по поводу какого-нибудь ничтожнаго послабленія, оказываемаго евреямъ, такъ что даже въ бюрократическихъ сферахъ его прозвали „Гаманомъ“ для евреевъ.

Тѣмъ не менѣе именно Шреттеръ сдѣлалъ первый рѣшительный шагъ къ измѣненію законодательства о евреяхъ. Онъ отнюдь не пережилъ въ этомъ отношеніи внутренняго перелома, какъ думаетъ Фрейндъ [1]), и не сталъ внезапно другомъ евреевъ, но пришелъ, въ связи съ общимъ реформаторскимъ характеромъ той эпохи, къ заключенію, что репрессивное законодательство нецѣлесообразно съ государственной точки зрѣнія. Въ концѣ концовъ и онъ убѣдился, что еврейское безправіе—палка о двухъ концахъ, что оно ведетъ къ невыгоднымъ послѣдствіямъ и для общегосударственныхъ интересовъ. Несомнѣнное вліяніе на прусскихъ правителей имѣло и то, что въ другихъ государствахъ положеніе евреевъ тогда систематически улучшалось. Особенно сильное впечатлѣніе должна была произвести въ Пруссіи полная эмансипація евреевъ въ новомъ королевствѣ Вестфальскомъ, образовавшемся по волѣ Наполеона въ 1807 г. Значительную часть этого королевства составляли области, отнятыя у Пруссіи послѣ побѣды при Іенѣ. Прусское правительство, конечно, надѣялось вернуть эти области, какъ только наступитъ болѣе благопріятная для реванша политическая конъюнктура. Поэтому оно зорко слѣдило за рефор-

[1]) Freund, назв. соч. т. I, стр. 115—121.

мами, которыя осуществлялись въ Вестфаліи. Тамъ король Жеромъ слѣдовалъ указаніямъ Наполеона, который уже непосредственно послѣ Тильзитскаго мира совѣтовалъ ему отмѣнить всѣ остатки феодальнаго строя, такъ какъ это „упрочитъ его тронъ больше, чѣмъ всѣ крѣпости на Эльбѣ". Пруссія и должна была видоизмѣнить свой внутренній строй такимъ образомъ, чтобы населеніе отнятыхъ у нея областей, при возвращеніи, не имѣло основанія жалѣть о королѣ Жеромѣ. А такъ какъ среди реформъ, проведенныхъ въ его кратковременное царствованіе въ Вестфаліи, была и эмансипація евреевъ, то явилась необходимость сдѣлать шагъ впередъ и въ еврейскомъ вопросѣ.

Принимая близкое участіе въ осуществленіи реформъ, задуманныхъ Штейномъ, Шреттеръ постепенно убѣдился въ невозможности сохраненія антиеврейскаго законодательства. Онъ не могъ не видѣть, что и въ рядахъ бюрократіи начинаетъ проявляться иное отношеніе къ евреямъ, которое особенно отчетливо выразилось въ отзывѣ Kriegs-und Domänenrat Трошеля по вышеупомянутому вопросу о правахъ „вторыхъ дѣтей покровительствуемыхъ евреевъ". Въ этомъ отзывѣ, написанномъ въ отвѣтъ на запросъ Шреттера (мартъ 1808), Трошель коснулся и общаго освѣщенія еврейскаго вопроса и высказалъ взгляды, довольно смѣлые для консервативнаго прусскаго чиновника. Онъ доказывалъ, что въ томъ исключительномъ положеніи евреевъ, которое является зломъ для государства, виновато само правительство, которое своими ограничительными законами усиливало обособленность евреевъ, держало ихъ на низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, заставляло ихъ заниматься почти исключительно торгашествомъ. Теперь правительство обязано устранить дурныя послѣдствія своей политики, которая не достигаетъ своей цѣли, а иногда находится съ ней въ прямомъ противорѣчіи. Если евреи дѣйствительно неисправимы, обязанность государства вообще не давать никому изъ нихъ никакихъ правъ, и цѣлью законодательства должно быть полное ихъ искорененіе. Если же думаютъ, что евреи поддаются исправленію, тогда нужно покончить разъ навсегда со всѣми исключительными законами противъ нихъ, отказаться отъ предпочтенія, оказываемаго нѣкоторымъ категоріямъ покровительствуемыхъ евреевъ, и отъ униженія остальныхъ, которымъ даже отказываютъ въ правѣ заключать бракъ; нужно бросить разсужденія о „правахъ вторыхъ дѣтей", могущія „вызывать улыбку нашего потомства, которое будетъ умнѣе насъ". Трошель считаетъ поэтому, что было бы цѣлесообразно уравнить евреевъ въ правахъ съ

остальнымъ населеніемъ и, между прочимъ, разрѣшить смѣшанные браки между ними и христіанами [1]).

Въ такихъ взглядахъ несомнѣнно проявлялся духъ времени, и противъ него не могъ устоять и министръ Шреттеръ. Вѣроятно, не безъ вліянія на него остались обращенія къ правительству представителей кенигсбергской еврейской общины, въ частности банкира Каспара. Послѣ Тильзитскаго мира прусскій дворъ и правительство, вслѣдствіе оккупаціи Берлина французами, находились временно сначала въ Мемелѣ, а потомъ въ Кенигсбергѣ. Шреттеръ имѣлъ тамъ возможность бесѣдовать со старшинами еврейской общины, получать отъ нихъ разныя объясненія и глубже вникнуть въ сущность еврейскаго вопроса. Былъ еще одинъ мотивъ для измѣненія отношеній правительства къ евреямъ. Думая о реваншѣ противъ Наполеона, прусское правительство должно было обезпечить себѣ на случай новой войны поддержку со стороны всего населенія, сдѣлать его единодушнымъ въ стремленіи къ побѣдѣ надъ врагомъ. Нельзя было, слѣдовательно, обойти и евреевъ, которые при привлеченіи къ воинской повинности могли дать значительное число рекрутовъ и кромѣ того оказывать матеріальную и моральную поддержку въ дѣлѣ возстановленія Пруссіи. Отсюда вытекала необходимость дать имъ права для того, чтобы имѣть возможность требовать отъ нихъ и исполненія гражданскихъ обязанностей. Правительство поэтому очень интересовалось вопросомъ о пригодности евреевъ къ военной службѣ. Шреттеръ обратился къ кенигсбергскому банкиру Каспару съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія о евреяхъ, участвовавшихъ въ войнахъ въ другихъ странахъ. 31 октября 1808 г. Каспаръ въ своемъ отвѣтѣ министру указываетъ на случаи военныхъ отличій евреевъ, препровождаетъ ему литературу по этому вопросу и ссылается между прочимъ на примѣръ польско-еврейскаго героя Берека Іоселевича [2]).

Результатомъ всѣхъ этихъ вліяній было то, что Шреттеръ 20 ноября 1808 г. представилъ королю записку о еврейской реформѣ. Въ ней изложены нѣкоторые мотивы, далеко не юдофильскаго характера, побуждавшіе прусскаго „Гамана“ предложить расширеніе еврейскихъ правъ [3]). Шреттеръ указываетъ на то, что во всѣхъ государствахъ, кромѣ Россіи, уже начали предоставлять евреямъ гражданскія права, подчиняя ихъ въ то же время всѣмъ обязанностямъ гражданъ. Такъ какъ въ Пруссіи евреямъ можно

---

1) Freund, т. I, 116—118, т. II, 178—194.
2) Freund, т. II, стр. 207.
3) Ibid, т. I, 119—122, т. II, 208—211.

заниматься почти только торговлей, т. е. профессіей, которая уже по своей природѣ предрасполагаетъ къ корыстолюбію и жаждѣ наживы, то у нихъ вырабатывается одностороннее направленіе ума, ловкость и хитрость въ такой степени, которой христіане обыкновенно не въ состояніи достигнуть. Такъ какъ всѣ духовныя наклонности евреевъ направлены на наживу, то можно съ увѣренностью сказать, что они накопили такія богатства, какихъ нѣтъ у христіанъ, и которыя совершенно не поддаются подсчету. „Необходимо поэтому дать евреямъ новую конституцію, подкопаться подъ ихъ національность, уничтожить ее и довести евреевъ до того, чтобы они больше не могли составлять государство въ государствѣ“. Новое устройство (Constitution) еврейства приведетъ къ тому, что деньги снова перейдутъ изъ еврейскихъ рукъ въ христіанскія; главнымъ же образомъ оно сдѣлаетъ евреевъ полезными гражданами, ибо взамѣнъ гражданскихъ правъ, отъ нихъ будутъ требовать исполненія всѣхъ обязанностей гражданъ.

Любопытна та часть записки, въ которой говорится о пригодности евреевъ для воинской повинности. „Еврей—пишетъ Шреттеръ—обладаетъ восточной горячей кровью и живымъ воображеніемъ. Это—признаки мужественной силы, если использовать и примѣнять ихъ въ надлежащемъ видѣ. Въ древніе и средніе вѣка евреи часто проявляли храбрость, и еще недавно, въ американской войнѣ и во французскихъ революціонныхъ войнахъ, они неоднократно отличались. Трусость евреевъ вытекаетъ, по моему мнѣнію, изъ рабства, въ которомъ они находятся, и изъ презрѣнія, съ которымъ къ нимъ относятся всѣ народы. Народы видятъ въ ихъ боязливости, какъ у женщинъ, черту ихъ характера, и евреи сами въ концѣ концовъ стали этому вѣрить. Но такъ какъ даже женщины, поставленныя въ героическія положенія, показали, что онѣ могутъ быть храбрыми, то развѣ нельзя ждать этого отъ мужчинъ-евреевъ, поставленныхъ въ такія же условія“? Во всѣхъ культурныхъ государствахъ евреевъ стали брать на военную службу, а такъ какъ въ Силезіи, Восточной Пруссіи и Бранденбургскихъ областяхъ теперь находится по меньшей мѣрѣ 50.000 евреевъ, государство не должно отказаться въ настоящее время отъ участія ихъ въ защитѣ отечества. Въ соотвѣтствіи съ этими общими разсужденіями, Шреттеръ представилъ 22 декабря 1808 г. проектъ еврейской реформы, состоявшій изъ 122 статей.

Согласно этому проекту [1]), всѣ евреи, снабженные охранными и

---

[1]) Freund, т. II, 228—248, т. I, 131—139.

разрѣшительными грамотами (Schutzjuden), равно какъ ихъ семейства, объявляются коренными евреями (einländische Juden) и прусскими гражданами, которымъ въ принципѣ присущи тѣ же права и обязанности, что и христіанамъ. Такимъ образомъ должны быть отмѣнены всѣ спеціальные налоги на евреевъ и особая для нихъ юрисдикція; имъ должна быть разрѣшена всякаго рода торговля и т. д. Законопроектъ допускалъ также смѣшанные браки между евреями и христіанами безъ перехода евреевъ въ христіанство. Однако расширеніе правъ евреевъ сопряжено съ рядомъ условій, которыя они должны выполнить. Евреи должны принять, подобно остальнымъ гражданамъ, фамильныя имена, носить нѣмецкое платье, стричь бороду, вести дѣловыя книги и составлять дѣловые документы на нѣмецкомъ языкѣ. Такъ какъ непосредственный переходъ евреевъ отъ безправнаго положенія къ полному равноправію можетъ повлечь за собою „опасныя послѣдствія“, Шреттеръ предлагаетъ соблюдать нѣкоторую постепенность. Такъ, напримѣръ, нынѣшнему поколѣнію евреевъ доступъ къ государственной службѣ долженъ быть запрещенъ въ виду „еще шаткой нравственности большинства ихъ“. Исполненія воинской повинности нужно требовать съ евреевъ строже, чѣмъ съ прочихъ, „дабы предотвратить по возможности попытки уклоняться отъ этой обязанности“; за каждаго уклоняющагося еврея его община должна ставить двухъ рекрутовъ. Далѣе евреямъ должно быть разрѣшено свободное жительство только въ городахъ, въ сельскихъ же мѣстностяхъ они должны имѣть право проживать только въ качествѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ или сельскихъ ремесленниковъ. Во избѣжаніе слишкомъ раннихъ браковъ у евреевъ, для нихъ долженъ быть установленъ извѣстный минимальный возрастъ для вступленія въ бракъ, именно 21 годъ для мужчинъ и 16 лѣтъ для женщинъ; нарушеніе этого закона должно караться штрафомъ въ 500 талеровъ. Преступленія, „которыя до сихъ поръ были свойственны большинству еврейскаго народа“,—напримѣръ, торговля контрабандными товарами, злостное банкротство, укрывательство краденаго и т. д.,—должны караться съ сугубой суровостью, вплоть до лишенія гражданскихъ правъ. Для того, чтобы ограничить занятіе евреевъ торговлей, проектъ предлагаетъ установить извѣстное процентное соотношеніе между купцами-евреями и неевреями такимъ образомъ, чтобы въ большихъ городахъ на 10 купцовъ, въ среднихъ на 6, въ мѣстечкахъ на 4—приходилось не больше одного купца-еврея; торговля же тряпьемъ имъ совершенно запрещается. Занятіе сельскимъ хозяйствомъ

тоже обставлено въ проектѣ рядомъ ограниченій. Такъ, напримѣръ, разрѣшеніе пріобрѣсти земельную собственность обусловлено требованіемъ, чтобы четвертая часть рабочаго персонала состояла изъ евреевъ; въ деревнѣ евреямъ запрещается владѣть мельницами, корчмами и трактирами, производить торговлю, въ особенности же совершать денежныя сдѣлки съ крестьянами. Обходъ этихъ законовъ посредствомъ подставного христіанина карается высокимъ денежнымъ штрафомъ, который налагался какъ на христіанина, такъ и на еврея. Постройка синагогъ разрѣшается только въ городахъ, гдѣ минимальный составъ общины опредѣляется въ 50 членовъ; тамъ, гдѣ этого минимума нѣтъ, нѣсколько селеній могутъ образовать одну общину. Раввины должны выбираться изъ числа лицъ, посѣщавшихъ въ теченіе трехъ лѣтъ университетъ и обладающихъ свидѣтельствомъ о прохожденіи курса философіи и восточныхъ языковъ. Религіозный контроль надъ всѣми еврейскими общинами монархіи поручается верховному раввину (Oberrabbiner), мѣстопребываніе котораго должно быть въ Берлинѣ; верховный раввинатъ является, между прочимъ, высшей инстанціей въ разрѣшеніи споровъ между раввинами и общинами и т. д. Проектъ высказывается противъ особыхъ еврейскихъ школъ и требуетъ, чтобы еврейскіе ученики посѣщали общую школу съ тѣмъ, чтобы „дать христіанамъ и евреямъ одно и то же образованіе и такимъ образомъ уничтожить національность евреевъ“ (zur Vertilgung der Nationalität der Juden). Далѣе идетъ рядъ предложеній объ организаціи еврейскихъ общинъ и о правахъ иностранныхъ евреевъ. Законопроектъ считаетъ, что нецѣлесообразно облегчить притокъ евреевъ изъ-за границы и поэтому предлагаетъ сохранить всѣ нормы, дѣйствовавшія до сихъ поръ относительно иностранныхъ евреевъ. Принятіе иностранныхъ евреевъ въ число прусскихъ гражданъ должно быть допущено только въ случаѣ, если они оказали услугу государству, являются выдающимися учеными или „создаютъ предпріятія, полезныя для цѣлаго“. Евреямъ-иностранцамъ разрѣшалось только временное пребываніе, которое въ видѣ общаго правила не должно превышать 24-хъ часовъ въ каждомъ городѣ. Изъ этого правила однако допускались разныя исключенія, напримѣръ, для посѣщенія ярмарокъ въ Кенигсбергѣ, Бреславлѣ и Франкфуртѣ-на-Одерѣ, гдѣ разрѣшалось болѣе продолжительное жительство.

Вскорѣ послѣ составленія этого проекта, Шреттеръ покинулъ свой постъ, вслѣдствіе преобразованія высшихъ органовъ административнаго управленія Пруссіи (особый департаментъ Восточно-

прусской области, директором которого он состоял, был упразднен). Непосредственно перед оставлением должности, 22 декабря 1808 г., Шреттер представил королю доклад, в котором обращалось внимание на важность еврейского вопроса. „Ваше Величество—пишет Шреттер в этом докладе—не может оставить евреев в том положении, в котором они сейчас находятся, без ущерба для интересов Вашего Величества, интересов народа и даже человечества. Было бы гораздо лучше совершенно изгнать весь еврейский народ из государства, вместо того, чтобы сохранить его в виде маленького государства в государстве, которое систематически и насильственно со всех сторон подвергается давлению. Этим евреи становятся более тесной единицей, приобретают особую силу упора, вследствие многих свойственных им нравственных и физических средств, которыя дают им возможность преодолеть или разрушать поставленныя им преграды“ [1]).

---

[1]) Freund I, 140—141; II, 227—228.—Историки Иолович и Штерн в своих названных выше произведениях (Gesch. d. Jud. in Königsberg, стр. 118—20, и Aktenstücke zur Gesch. d. Reformzeit, стр. 228) приводят в связь с законопроектом Шреттера деятельность кенигсбергского камер-фискала Бранда, которому приписывают видную роль в истории прусскаго эмансипационнаго эдикта. Бранд разсказывает, что после пожара городского театра в Кенигсберге в 1808 г. и постройки новаго здания, содержание ресторана в театре было сдано в аренду еврею Гиршу Поляку, который предложил значительно большую арендную плату, чем та, на которую можно было разсчитывать, а именно 1000 талеров вместо 50. Поляк не имел права жительства в Кенигсберге, так как по своей охранной грамоте он был приписан к городу Мариенвердеру. Начальник управления Восточной Пруссии фон-Шреттер, узнав о том, что Поляк снял в аренду ресторан, не обладая законным правом проживания в Кенигсберге, стал угрожать репрессиями старшинам кенигсбергской еврейской общины. Те по этому поводу жаловались королю, который в кабинетском приказе выразил неудовольствие Шреттеру и предписал ему приступить к пересмотру законов о евреях. Шреттер тогда призвал Бранда, и результатом их беседы явился проект изменения законодательства о евреях, многия статьи котораго, по словам Бранда, буквально совпадали с текстом эдикта 11 марта.

Фрейнд (т. I, стр. 127—130), однако, указывает на то, что в архивных актах канцелярий того времени нет кабинетскаго приказа короля, о котором говорит Бранд, и что в докладной записке Шреттера королю от 20 ноября 1808 г., в которой он излагает основныя черты будущаго устройства евреев, никаких указаний на приказ короля, будто бы последовавший по этому поводу, не содержится. В архивных актах, далее, нет жалобы кенигсбергских евреев на

II.

По новому порядку управленія въ Пруссіи, еврейскія дѣла были включены въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго былъ поставленъ графъ Дона (Dohna). Въ частности разработка вопроса о еврейской реформѣ была въ этомъ министерствѣ поручена статскому совѣтнику Келеру (Köhler), который приступилъ къ собиранію мнѣній разныхъ департаментовъ, что продолжалось отъ мая 1809 г. до іюня 1810 г. Нѣтъ надобности приводить здѣсь всѣ отдѣльные отзывы, поступившіе въ министерство; достаточно сгруппировать ихъ по основнымъ направленіямъ, которыхъ можно насчитать три. Одни находятъ, что проектъ Шреттера предоставляетъ евреямъ слишкомъ много правъ, другіе наоборотъ считаютъ его недостаточнымъ и предлагаютъ дать евреямъ полное равноправіе, третьи наконецъ всецѣло стоятъ на почвѣ проекта. Приводимъ лишь три наиболѣе характерные для этихъ трехъ направленій отзыва: именно—мнѣніе Келера, приближающееся къ взглядамъ, выраженнымъ въ проектѣ Шреттера; затѣмъ рѣзко враждебный евреямъ отзывъ представителя министерства финансовъ, статскаго совѣтника Бегелена (Beguelin), и, наконецъ, чрезвычайно для нихъ благопріятный отзывъ извѣстнаго ученаго и государственнаго человѣка, тогда завѣдывавшаго департаментомъ народнаго просвѣщенія, Вильгельма фонъ Гумбольдта, брата Александра Гумбольдта.

Келеръ исходитъ изъ того, что евреи отличаются отъ остальныхъ гражданъ прежде всего „ростовщическимъ духомъ (Wuchergeist)“, т. е., какъ онъ дальше поясняетъ, „склонностью къ мошенничествамъ всякаго рода, къ надувательству, къ умѣнью извлекать выгоды изъ юношескаго легкомыслія, и т. д. „Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, что это вызвано особымъ положеніемъ евреевъ, обусловленнымъ исключительными законами, созданными только для нихъ. Было бы однако неправильно думать, что можно сразу уничтожить всю эту систему полицейскихъ мѣръ (Zwangspolizei) и дать

Шреттера, о которой говоритъ Брандъ. Въ сохранившейся же всеподданнѣйшей запискѣ кенигсбергскихъ евреевъ королю отъ 25 ноября 1808 г. о такой жалобѣ на Шреттера не упоминается. Эти и нѣкоторыя другія соображенія приводятъ Фрейнда къ заключенію, что Брандъ значительно преувеличилъ свою роль въ этомъ дѣлѣ и что по всей вѣроятности составленная имъ записка была только частью матеріаловъ для законопроекта, составленнаго Шреттеромъ. Ср. F r e u n d l. c. т. I, стр. 126—130.—О происхожденіи проекта Шреттера см. еще P e r t z, Leben d. Minist. v. Stein (Berlin, 1851), т. II, стр. 284—85.

евреямъ свободу, въ которой имъ по несправедливости отказывали въ теченіе столѣтій. Это могло бы вызвать сильныя потрясенія. Слишкомъ великъ скачекъ отъ полнаго угнетенія къ полной свободѣ. Угнетеніе сдѣлало евреевъ подлыми (niederträchtig), и внезапно дарованная свобода не можетъ сразу возстановить въ нихъ естественное благородство человѣка". Поэтому Келеръ согласенъ со Шреттеромъ, что нужно обставить дѣло эмансипаціи евреевъ извѣстными предосторожностями и придерживаться постепенности. Признавая, что окончательной цѣлью законодательства должно быть полное уравненіе евреевъ въ правахъ, ибо „вырожденіе ихъ есть наша вина", Келеръ предлагаетъ сохранить на время извѣстныя ограниченія впредь до „исправленія" евреевъ, что будетъ достигнуто, между прочимъ, отвлеченіемъ ихъ отъ торговли къ земледѣлію: „земледѣліе улучшитъ характеръ еврея въ такой же мѣрѣ, въ какой онъ былъ испорченъ торговлей". Келеръ предлагаетъ рядъ мѣръ для облегченія евреямъ доступа къ сельскому хозяйству и высказывается за то, чтобы имъ временно было затруднено занятіе торговлей, за воспрещеніе имъ содержанія корчемъ и постоялыхъ дворовъ. Въ то же время онъ считаетъ „опаснымъ" допускать евреевъ къ занятію общественныхъ должностей [1]).

Типичнымъ для второго направленія, которое не могло мириться съ полу-юдофобскимъ проектомъ Шреттера-Келера, является мнѣніе статскаго совѣтника Бегелена, яраго ненавистника евреевъ. Бегеленъ начинаетъ съ того, что евреи пріобрѣли отрицательныя черты характера не вслѣдствіе угнетенія, которому они подвергались, а вслѣдствіе ихъ же законовъ и обычаевъ, которые преслѣдуютъ цѣль изолировать евреевъ отъ всѣхъ народовъ и внушать имъ презрѣніе ко всѣмъ неевреямъ. Поэтому исторія евреевъ является картиной всѣхъ пороковъ, и напрасно въ ней стали бы искать людей, которыхъ можно было бы—за исключеніемъ, можетъ быть, Маккавеевъ—поставить рядомъ съ благородными греками или римлянами. При завоеваніи Ханаана они рѣшили истребить всѣхъ туземныхъ жителей. Цѣль ихъ ритуальныхъ законовъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ общеніе съ остальными народами. Въ наукѣ и искусствѣ они являются чрезвычайно отсталыми; нѣтъ ни одного открытія, которымъ человѣчество было бы обязано евреямъ. Греки и римляне иногда были велики даже въ оковахъ раба; еврей же пресмыкается въ несчастьи, гордъ и нагдъ тогда, когда ему счастье улыбается, жестокъ, когда у него есть власть.

---

[1]) Freund, т. I, стр. 143—145 и т. II, стр. 251—259.

Бегелевъ широко использовалъ антиеврейскую литературу того времени и иллюстрируетъ свои положенія примѣрами изъ древней исторіи, приводитъ рядъ случаевъ, гдѣ евреи проявляли себя „неблагодарными и коварными". Однимъ изъ такихъ примѣровъ, характернымъ для „научности" его доводовъ, является извѣстный фантастическій разсказъ римскаго историка Діона Кассія, повторенный отцомъ церкви, Евсевіемъ, будто во время своего возстанія противъ римскаго императора Траяна евреи Кирены и Кипра перебили двѣсти тысячъ человѣкъ и „съѣли мясо своихъ жертвъ". Евреи—нація, которая ничего не производитъ даже тамъ, гдѣ ей предоставляется свобода, и прямо не увеличиваетъ національнаго богатства. „Еврей мало связанъ съ міровой торговлей, и его богатства рѣдко являются результатомъ благопріятнаго торговаго баланса съ иностранными государствами, а состоятъ въ деньгахъ, отнятыхъ ажіотажемъ и мелкой торговлей у христіанъ. Единственными добродѣтелями еврея являются его трезвость и воздержаніе, но отъ этихъ добродѣтелей теряетъ казна, ибо евреи платятъ гораздо меньше налоговъ съ предметовъ потребленія, чѣмъ христіане. Налоги, которые уплачиваютъ евреи, въ послѣднемъ итогѣ идутъ отъ христіанъ, у которыхъ они отнимаютъ деньги при помощи разныхъ продѣлокъ и обмановъ". Поэтому евреи должны быть признаны вредными для государства, именно потому, что они евреи. Тѣмъ не менѣе „было бы возмутительно ихъ истребить, жестоко изгнать ихъ. Послѣднее было бы еще неблагородно по отношенію къ народамъ, къ которымъ изгнанные евреи направились бы. Было бы нетерпимо и безцѣльно заставить ихъ принять христіанство, такъ какъ они тогда могли бы, подобно тому, какъ это было когда-то въ Португаліи, продолжать тайно исповѣдывать еврейскую религію".

Поэтому Бегеленъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. Нужно предоставить евреямъ выборъ между двумя возможностями. Если они хотятъ оставаться евреями и жить согласно своимъ ритуальнымъ законамъ, ихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ враговъ человѣческаго рода, держать ихъ въ угнетенномъ состояніи, по возможности мѣшать ихъ размноженію, т. е. предоставлять права только перворожденнымъ дѣтямъ покровительствуемыхъ евреевъ, и не впускать никакихъ евреевъ изъ заграницы. Если же еврей желаетъ отказаться отъ своихъ ритуальныхъ законовъ, хочетъ жить въ обществѣ согражданъ, которые проявляютъ терпимое къ нему отношеніе, имѣть отечество, его не слѣдуетъ отталкивать. Онъ можетъ исповѣдывать свою вѣру, поскольку она не заставляетъ

его обособляться отъ христіанъ. Единственное, чего отъ него въ такомъ случаѣ слѣдовало бы требовать, это—отказа отъ посредственнаго или непосредственнаго производства торговли. „Не потому, говоритъ Бегеленъ, что купеческое сословіе не относится къ производительнымъ, а потому, что еврей въ качествѣ купца всегда остается евреемъ“ [1]).

Совершенно противоположное мнѣніе высказалъ въ своемъ отзывѣ Вильгельмъ Гумбольдтъ [2]). Этотъ либеральный политическій дѣятель признавалъ необходимость полнаго равноправія евреевъ [3]). Евреи, по его мнѣнію, стали тѣмъ, чѣмъ они есть, благодаря особенностямъ ихъ исторіи и религіозно-политическаго быта, а также и „христіанскимъ взглядамъ, согласно которымъ еврейство и христіанство, съ одной стороны, относятся къ одной и той же категоріи, а съ другой—образуютъ два противоположныхъ явленія. Вслѣдствіе этого еврейскій народъ, который уже въ древности былъ самъ по себѣ весьма незначителенъ, пріобрѣлъ несоразмѣрно большое значеніе“. Положеніе евреевъ поэтому таково, что „во многихъ совсѣмъ не плохихъ головахъ возникаютъ сомнѣнія, можно ли объяснить его только человѣческими причинами“. Евреевъ можно вывести изъ этого положенія только путемъ слиянія съ остальнымъ населеніемъ, разрушенія ихъ церковной организаціи и превращенія ихъ въ „осѣдлыхъ гражданъ“. Для того, чтобы достигнуть прекращенія еврейской обособленности, говоритъ Гумбольдтъ, предлагаются двѣ системы: одна совѣтуетъ соблюдать постепенность въ расширеніи правъ, другая предлагаетъ расширить права сразу. Гумбольдтъ высказывается за вторую, такъ какъ только такая единовременная отмѣна всѣхъ ограниченій можетъ быть признана справедливой, политически цѣлесообразной и послѣдовательной. Она справедлива потому, что нѣтъ основанія лишать евреевъ правъ остальныхъ гражданъ, когда они готовы исполнять всѣ гражданскія обязанности; она политически цѣлесообразна потому, что предразсудки, которые питаетъ масса по отношенію къ евреямъ, могутъ исчезнуть лишь въ томъ случаѣ, если государство ясно покажетъ, что оно не желаетъ дѣлать различія между евреемъ и нееврееемъ. Наконецъ, она послѣдовательна потому, что при упраздненіи нѣкоторыхъ ограниченій чувствительность по отношенію къ тѣмъ, которыя остаются, еще усиливается, и такимъ обра-

[1]) Ibid., т. I, стр. 147—149, т. II, 298—305.

[2]) Ibid., т. I, 149—152; т. II, 269—282.

[3]) Ср. Bruno v. Gebhardt, Wilhelm von Humboldt als Staatsmann, Stuttgart 1896, 310—322.

зомъ сознаніе неполноты правъ еще растетъ. Тѣ, которые полагаютъ, что евреямъ можно предоставлять права только постепенно, исходятъ при этомъ изъ мнѣнія, что цѣль законодателя должна заключаться въ воспитаніи населенія. Такой взглядъ на законодательство слѣдовало бы уже давно сдать въ архивъ. Государство не воспитательное заведеніе, а правовой институтъ. При этомъ нужно принять во вниманіе еще то, что вообще нѣтъ возможности установить вполнѣ точно національный характеръ какого бы то ни было народа. И въ отношеніи евреевъ мнѣнія крайне расходятся. При томъ невозможно также измѣрить вліяніе постепеннаго уравненія въ правахъ на евреевъ. На основаніи какихъ признаковъ можно было бы заключить, что евреи въ данный моментъ болѣе достойны уваженія, чѣмъ раньше? Для этого недостаточно ни наблюденія отдѣльныхъ поступковъ евреевъ, ни офиціальныхъ донесеній чиновниковъ, которые въ состояніи сдѣлать многое, но совершенно неспособны оцѣнивать людей; недостаточно для этого также и статистическихъ таблицъ о томъ, сколько евреевъ посвятили себя ремесламъ, земледѣлію, или поступили въ армію. На основаніи такихъ внѣшнихъ признаковъ нельзя составить себѣ мнѣніе относительно всего народа. Если государство будетъ стоять на такой точкѣ зрѣнія, оно должно послѣдовательно придти къ тому, чтобы распредѣлять права и христіанскаго населенія въ соотвѣтствіи съ культурнымъ уровнемъ той или другой части населенія. Поэтому Гумбольдтъ приходитъ къ такому заключенію, что слѣдуетъ вполнѣ уравнить евреевъ и христіанъ. Если же евреи не захотятъ подчиняться всѣмъ обязанностямъ гражданъ, ихъ слѣдуетъ выслать изъ страны. На возраженіе, что полное, внезапное уравненіе евреевъ въ правахъ опасно потому, что оно является скачкомъ изъ одной крайности въ другую, Гумбольдтъ отвѣчаетъ, что въ этомъ нѣтъ никакой опасности. Переходъ изъ неестественнаго состоянія въ естественное не можетъ быть названъ опаснымъ; опасны лишь переходы изъ одного неестественнаго состоянія въ противоположное, тоже неестественное. Рискованный скачекъ дѣлаетъ тотъ, кто изъ раба превращается въ господина, такъ какъ состоянія господина и раба одинаково ненормальны. Но если только развязываютъ руки у того, у кого они были раньше скованы, освобожденный приходитъ лишь туда, гдѣ находятся всѣ люди съ несвязанными руками. Гумбольдтъ не раздѣляетъ также опасеній, что евреи вытѣснятъ христіанъ изъ той или другой области. Если даже такая опасность возможна, она все-таки не такъ значительна, какъ результаты деморализаціи, являющейся

у евреевъ слѣдствіемъ ихъ угнетеннаго состоянія. При радикальномъ уравненіи евреевъ въ правахъ различіе между ними и христіанами исчезнетъ скорѣе, чѣмъ при постепенномъ расширеніи правъ евреевъ, при которомъ неравенство сохранится гораздо дольше. Если государство будетъ строго слѣдить за исполненіемъ закона, нечего бояться обхода его со стороны евреевъ. Нечего также опасаться и того, что евреи займутъ слишкомъ много должностей по государственной службѣ, такъ какъ эти должности вѣдь не достаются прямо всѣмъ, кто считаетъ себя способнымъ занять ихъ, а даются всегда по назначенію. Такимъ образомъ государство всегда имѣетъ возможность не допускать того, кого оно считаетъ нежелательнымъ.

Гумбольдтъ надѣялся, что полная эмансипація евреевъ постепенно приведетъ и къ исчезновенію самого еврейства, какъ націи. Поэтому онъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ Шреттера [1]), протестуетъ противъ предложенія учредить должность верховнаго раввина для всей Пруссіи, который явился бы до извѣстной степени главой еврейской церкви. Это должно усилить „церковную организацію" еврейства, а между тѣмъ гораздо лучше „поощрять схизматическія движенія у евреевъ, ибо тогда еврейская іерархія сама распадется. Отдѣльные евреи тогда поймутъ, что у нихъ не было религіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, а только религіозная обрядность (Ceremonialgesetz), и они тогда сами обратятся къ христіанству, слѣдуя врожденной человѣку потребности въ болѣе возвышенной религіи".

Въ общемъ благопріятно равноправію было заключеніе военнаго вѣдомства, во главѣ котораго находился тогда Шарнгорстъ, извѣстный реорганизаторъ прусской арміи. Военныя власти не вдавались въ принципіальныя разсужденія и мотивировали свое заключеніе тѣмъ, что такъ какъ евреи по новому проекту должны быть подчинены всѣмъ обязанностямъ христіанъ, въ томъ числѣ наиболѣе тяжелой—воинской повинности, къ нимъ слѣдуетъ „по возможности относиться такъ же, какъ и къ христіанскимъ гражданамъ", не затрудняя для нихъ исполненіе новыхъ обязанностей сохраненіемъ особыхъ тяготъ, отъ которыхъ избавлены христіанскіе граждане [2]).

---

1) Freund, т. II, стр. 275—276.

2) Ibid., т. II, стр. 293—294; т. I, стр. 154.

III.

Въ концѣ іюня 1810 года статскій совѣтникъ Келеръ изготовилъ сводку всѣхъ собранныхъ мнѣній и высказался въ томъ смыслѣ, что законопроектъ объ устройствѣ евреевъ можетъ либо быть переданъ въ комиссію для обсужденія законовъ (Gesetzgebungskommission), либо же представленъ въ государственный совѣтъ (Staatsrat) для выясненія принципіальнаго отношенія къ вопросу, послѣ чего могъ бы быть выработанъ новый законопроектъ.

Но назначеніе на постъ государственнаго канцлера Гарденберга (6 іюня 1810 г.) дало дѣлу иное направленіе. Гарденбергъ, который во всемъ продолжалъ дѣятельность Штейна, придерживался либеральныхъ взглядовъ также и въ еврейскомъ вопросѣ. Гарденбергъ самъ изложилъ свою правительственную программу въ одномъ изъ своихъ заявленій (16 сентября 1811 г.): „Каждый долженъ свободно пользоваться своими силами, никто не долженъ быть носителемъ особыхъ обязанностей, всѣ должны быть равны передъ закономъ, всякое дарованіе должно свободно проявляться, въ управленіи должны господствовать порядокъ и единство, и такимъ образомъ возникнетъ единый національный духъ, единые интересы, единыя стремленія у всѣхъ“ [1]). Изъ такого опредѣленія сущности задачи правительственной дѣятельности само собою вытекало отношеніе и къ еврейскому вопросу. Уже однимъ этимъ въ достаточной степени опровергаются инсинуаціи со стороны юдофобскихъ круговъ, которые объясняютъ благосклонное отношеніе Гарденберга къ евреямъ тѣмъ, что канцлеру нѣкоторые евреи оказывали денежную помощь. Эта инсинуація, которая позже повторялась часто въ германскихъ антисемитскихъ кругахъ, распространялась еще современниками Гарденберга. Такъ, напримѣръ, жена уже извѣстнаго намъ чиновника Бегелена, автора вышеупомянутаго юдофобскаго отзыва, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ (несмотря на рѣзкое расхожденіе по еврейскому вопросу, ея мужъ принадлежалъ къ числу друзей канцлера), что Гарденбергъ всегда очень горячо заступался за евреевъ. „Можетъ быть, пишетъ она, тутъ имѣлъ значеніе другой мотивъ... Вслѣдствіе развода со своей первой женой, Гарденбергъ находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ онъ вернулъ состояніе жены ея дѣду и вложилъ много денегъ въ ея имѣніе на островѣ Ааландъ,

[1]) Ibid., т. I, стр. 167—168; Treitschke, Deutsche Geschichte im XIX. Jahrhundert, Band I, p. 375.

которыя могли принести доходъ лишь впослѣдствіи. Въ этотъ моментъ къ Гарденбергу явился безъ всякаго зова еврей и предложилъ ему большую сумму денегъ изъ весьма умѣренныхъ процентовъ. Канцлеръ не забылъ этой помощи въ нуждѣ и далъ за то евреямъ права въ Пруссіи" [1]. Мы приводимъ это мнѣніе въ качествѣ характернаго для антисемитовъ всѣхъ временъ пріема. Гарденбергъ дѣйствительно, повидимому, пользовался услугами вестфальскаго еврейскаго банкира Израиля Якобсона, но само собой разумѣется, что это обстоятельство никоимъ образомъ рѣшающаго вліянія на эмансипацію евреевъ имѣть не могло [2]. Мы видѣли, что прусское правительство еще до назначенія Гарденберга обсуждало проектъ еврейской реформы. Отношеніе же Гарденберга къ еврейскому вопросу неизбѣжно вытекало изъ всей программы его государственной дѣятельности.

Гарденбергъ уже въ своей запискѣ о преобразованіи прусскаго государства, составленной осенью 1807 года, коснулся и положенія евреевъ. „Единственное дѣйствительное средство,—пишетъ онъ,—чтобы облагородить ихъ, является цѣлесообразное воспитаніе ихъ дѣтей и предоставленіе имъ участія въ свободномъ занятіи промыслами, а также и въ обязанностяхъ гражданина". Въ другомъ мѣстѣ онъ провозглашаетъ полную вѣротерпимость основнымъ положеніемъ государственнаго управленія: государство не должно преслѣдовать никакой религіозной секты, если ученіе ея не противорѣчитъ установленному въ государствѣ порядку.

Уже въ ноябрѣ 1810 года, Гарденбергъ по частному случаю—выселеніе еврея правленіемъ области Курмархіи изъ города Беелица—обращаетъ вниманіе администраціи на то, что устарѣвшіе законы не должны примѣняться буквально, а согласно духу времени. Болѣе мягкое примѣненіе законовъ должно подѣйствовать успокоительно на настроеніе умовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ правленію Курмархіи войти съ представленіемъ о началахъ, которыя должны быть положены въ основу лучшихъ законовъ о евреяхъ [3]. Правленіе отвѣтило, что надо въ этомъ вопросѣ послѣдовать примѣру Франціи. Этому предложенію не было дано хода, но вопросъ о еврейской реформѣ уже не снимался съ очереди.

Были причины и другого характера, заставлявшія спѣшить съ

---

[1]) Denkwürdigkeiten von Heinrich und Amalie von Béguelin aus den Jahren 1807—1813, Berlin 1892, стр. 290 и слѣд. Цитировано у Фрейнда, l. c. т. I, стр. 165.

[2]) Freund, т. I, стр. 166.

[3]) Ibid., т. I, стр. 173; т. II, стр. 319—320.

отмѣной ограничительныхъ законовъ. Для поправленія финансовъ предполагалось продать часть принадлежавшей государству недвижимости. Для того, чтобы имѣть возможность выручить отъ продажи какъ можно больше денегъ, было полезно допустить къ торгамъ и евреевъ. Но этому мѣшало то, что по закону евреямъ воспрещалось пріобрѣтеніе земельной собственности. Это обстоятельство оказалось однимъ изъ толчковъ къ ускоренію еврейской реформы.

Законы о евреяхъ вызывали также конфликты съ иностранными правительствами. Въ то время возникъ конфликтъ между прусскимъ и саксонскимъ правительствами по поводу того, что Пруссія взыскивала съ саксонскихъ и варшавскихъ евреевъ подушный налогъ при проѣздѣ черезъ заставы (Leibzoll). Саксонское правительство отвѣтило въ свою очередь аналогичными репрессіями и стало взыскивать заставный налогъ, несмотря на протесты Пруссіи, съ прусскихъ евреевъ. Этотъ же налогъ послужилъ въ 1811 г. предметомъ дипломатическихъ представленій и со стороны французскаго посла, который добивался его отмѣны [1]).

Въ первые мѣсяцы своего управленія Гарденбергу некогда было заняться еврейскимъ вопросомъ, такъ какъ онъ былъ поглощенъ другими неотложными государственными дѣлами. Но въ концѣ 1810 г. очередь дошла и до еврейскаго вопроса. И тутъ Гарденбергъ сразу занялъ точку зрѣнія, принципіально отличавшуюся отъ той, на которой стоялъ Шреттеръ. Въ то время, какъ послѣдній цѣлымъ рядомъ стѣсненій въ сущности сводилъ въ своемъ законопроектѣ принципъ равноправія къ нулю, Гарденбергъ желалъ по возможности полно осуществить принципъ, что евреи должны во всемъ быть уравнены съ христіанами. Такимъ образомъ законопроектъ Шреттера оказался уже непригоднымъ, и его пришлось переработать вновь согласно основнымъ либеральнымъ взглядамъ канцлера.

Разработка новаго законопроекта была поручена въ январѣ 1811 г. статскому совѣтнику Раумеру. Тотъ сталъ обсуждать подробности проекта съ представителемъ министерства юстиціи, Пфейферомъ. Въ этой стадіи разсмотрѣнія вопроса наиболѣе рѣшительнымъ противникомъ равноправія явился министръ юстиціи Кирхейзенъ. Подобно другимъ бюрократамъ старой прусской школы, Кирхейзенъ полагалъ, что евреи „искалѣчены физически и нравственно и въ моральномъ отношеніи хуже (!) своихъ согражданъ“.

---

[1]) Ibid., т. I, стр. 197—198.

чему немало содѣйствовали репрессивные противъ нихъ законы. Эти законы, слѣдовательно, необходимо отмѣнить. Но уравненіе евреевъ въ правахъ не можетъ послѣдовать сразу. „Еврей, который сегодня является дурнымъ человѣкомъ, который получилъ дурное воспитаніе... не сдѣлается завтра, по опубликованіи новаго закона, уже вслѣдствіе одного этого, лучше и не потеряетъ своихъ національныхъ недостатковъ“ [1]). Особенно же возставалъ онъ противъ допущенія смѣшанныхъ еврейско-христіанскихъ браковъ, противъ признанія еврейской присяги на судѣ заслуживающею полнаго довѣрія и противъ допущенія евреевъ къ общественной и государственной службѣ. „По крайней мѣрѣ—пишетъ онъ—я долженъ торжественно протестовать противъ службы ихъ въ судебномъ вѣдомствѣ“, такъ какъ этому противорѣчитъ уже укоренившееся въ теченіе столѣтій недовѣріе къ нимъ христіанскихъ гражданъ, „основанное не только на предразсудкѣ“.

По приказанію Гарденберга, возраженія представителей министерства юстиціи были сообщены Давиду Фридлендеру, извѣстному представителю берлинской еврейской общины, который въ правительственныхъ кругахъ всегда выступалъ въ роли ходатая за гражданскія права евреевъ. Въ представленныхъ имъ по этому поводу разъясненіяхъ [2]) Фридлендеръ рѣшительно протестуетъ противъ заподозрѣванія еврейскихъ показаній на судѣ. „Въ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ—пишетъ онъ—присяга еврея должна имѣть такую же цѣнность, какъ и присяга всякаго другого человѣка. Еврей такой же человѣкъ и гражданинъ, какъ и всякій другой, и въ его религіозныхъ представленіяхъ не содержится ничего такого, что позволило бы относиться къ его показаніямъ съ большими сомнѣніями, чѣмъ къ показаніямъ христіанина. На судѣ неоднократно бывали случаи заявленій христіанъ, что они не считали себя совершившими преступленіе, убивая еврея. Но развѣ можно въ этомъ видѣть доказательство безнравственности христіанъ?“ Что же касается ссылокъ на то, что, вѣроятно, имѣли же законодатели предыдущихъ эпохъ какое-нибудь основаніе относиться съ такимъ недовѣріемъ къ показаніямъ евреевъ на судѣ, то подобной аргументаціей можно доказывать и то, что „евреи отравляютъ колодцы или употребляютъ христіанскую кровь для своего пасхальнаго хлѣба“ и т. д. Фридлендеръ также высказывается за допущеніе смѣшанныхъ браковъ. Еврейскіе законы

1) Ibid., т. II, стр. 340—341.
2) Ibid., т. I, стр. 181—182, т. II, стр. 332—335.

о бракѣ не находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ христіанскими законами. Различны только извѣстныя формальности, которыя могутъ быть упорядочены. „Моисей и Соломонъ были женаты на неевррейкахъ, и священное писаніе ихъ за это ни единымъ словомъ не порицаетъ. Наши евреи не пожелаютъ быть большими евреями, чѣмъ эти люди". На предложеніе, которое было сдѣлано Пфейферомъ, установить сугубое наказаніе для евреевъ за покупку краденыхъ вещей, за банкротство и т. д. на томъ, будто бы, основаніи, что они къ этимъ преступленіямъ особенно склонны, Фридлендеръ отвѣчаетъ: „Тутъ можно только пожать плечами", такъ какъ достаточно познакомиться со статистикой, чтобы убѣдиться въ неосновательности этого обвиненія.

Въ составленномъ въ февралѣ 1811 г. Раумеромъ законопроектѣ уже не было цѣлаго ряда ограниченій, еще содержавшихся въ проектѣ Шреттера. Такъ, напримѣръ, евреямъ разрѣшалось пріобрѣтать недвижимость на такихъ же основаніяхъ, какъ и христіанамъ, заниматься всякаго рода ремеслами повсюду и т. д. Оставалось только требованіе, чтобы евреи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по изданіи закона приняли опредѣленныя фамиліи и составляли свои дѣловые документы и дѣловыя книги на нѣмецкомъ или какомъ-нибудь другомъ европейскомъ языкѣ. Далѣе предполагалось, въ интересахъ отвлеченія евреевъ отъ „вредной для нихъ и для государства односторонней дѣятельности", т. е. торговли, ввести въ законопроектъ статью, чтобы въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ по изданіи новаго закона сыновья и зятья евреевъ допускались къ занятію торговлей лишь въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ это разрѣшали старые, предполагавшіеся къ отмѣнѣ, законы. На этотъ же срокъ имъ должно быть воспрещено занятіе торговлей въ разносъ. Затѣмъ еще воспрещалось содержать трактиры въ сельскихъ мѣстностяхъ. Допущеніе иностранныхъ евреевъ къ постоянному жительству въ Пруссіи должно разрѣшаться только тогда, если они могутъ доказать свое „добропорядочное поведеніе", если у нихъ есть особыя заслуги передъ государствомъ или въ области наукъ и искусствъ, или же если они пріобрѣтаютъ въ странѣ недвижимость, цѣнностью не меньше 3.000 талеровъ. Еврейскому духовенству должна быть запрещена дѣятельность судебнаго характера [1]).

Ходъ реформы тормозился перепиской по поводу возникавшихъ разногласій между представителями отдѣльныхъ вѣдомствъ,

---

[1]) Ibid., т. I, стр. 183—185. т. II, стр. 336—339.

а также тѣмъ, что вниманіе канцлера Гарденберга постоянно отвлекалось разными другими дѣлами. Законопроектъ Раумера снова вызвалъ рядъ замѣчаній со стороны упорнаго юдофоба—министра юстиціи Кирхейзена, повторившаго свои прежнія возраженія. Благожелательный евреямъ характеръ носили замѣчанія директора департамента общей полиціи, Зака. Раздѣляя мнѣніе Гумбольдта о необходимости полной ассимиляціи евреевъ, Закъ высказался, между прочимъ, противъ существованія отдѣльныхъ еврейскихъ школъ. Кромѣ отдѣльнаго обученія закону Божію, еврейскіе ученики должны посѣщать только христіанскія школы. Закъ далѣе предлагалъ замѣнить слово „Jude“, имѣющее презрительный оттѣнокъ (жидъ), другими терминами, какъ напримѣръ „Israelit“ или „Mosaische Glaubensgenossen“ [1]). Директоръ департамента торговли и промышленности, наоборотъ, высказался за сохраненіе слово „Jude“, такъ какъ „оно само по себѣ не выражаетъ презрѣнія“, какъ видно изъ текста „Натана Мудраго“ Лессинга. Тотъ же чиновникъ протестовалъ противъ немедленнаго допущенія евреевъ къ государственной службѣ и требовалъ установленія по крайней мѣрѣ извѣстнаго срока до разрѣшенія имъ занятія общественныхъ должностей. „Кто знаетъ, пишетъ онъ, какъ трудно уже теперь бороться съ кривыми путями еврейской интриги, тотъ ужаснется при мысли о томъ, что послѣдуетъ, если эта компанія въ ея нынѣшнемъ видѣ будетъ имѣть своихъ представителей въ качествѣ агентовъ въ рядахъ администраціи“ [2]).

Раумеръ измѣнилъ свой законопроектъ, но онъ не успѣлъ довести дѣло до конца, такъ какъ былъ назначенъ профессоромъ государственныхъ наукъ въ Бреславлѣ и покинулъ Берлинъ. Дальнѣйшая разработка проекта еврейской реформы была поручена предсѣдателю судебной палаты, Бюлову. Такъ какъ министръ юстиціи собирался доложить королю свое особое мнѣніе, если канцлеръ съ нимъ не согласится, то Гарденбергъ поручилъ Бюлову придти по этому вопросу къ соглашенію съ представителемъ министерства юстиціи Пфейферомъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ былъ выработанъ наконецъ проектъ, который 6 марта 1812 г. былъ доложенъ королю Фридриху-Вильгельму III. Король сдѣлалъ въ немъ нѣсколько измѣненій, изъ которыхъ наиболѣе существенное относилось къ пункту о государственной службѣ. Въ этомъ пунктѣ онъ сталъ на сторону Кирхейзена и не желалъ согласиться не только на безусловное допущеніе евреевъ на государственную

[1]) Ibid., т. I, стр. 191—194, т. II, 353—363.

[2]) Ibid., т. I, стр. 188—189, т. II, стр. 345—350.

службу, но и на компромиссное предложеніе Гарденберга, чтобы въ теченіе 15 лѣтъ послѣ изданія эдикта назначеніе еврея зависѣло въ каждомъ случаѣ отъ особаго высочайшаго разрѣшенія. Вмѣсто этого король приказалъ включить въ эдиктъ статью, что вопросъ о допущеніи евреевъ на государственную службу долженъ быть особо разсмотрѣнъ въ будущемъ. Послѣ внесенія поправокъ по волѣ короля, эдиктъ былъ наконецъ опубликованъ, 11 марта 1812 г., подъ заглавіемъ „Edikt betreffend die bürgerlichen Verhältnisse der Juden in dem Preussischen Staate".

Согласно эдикту 1812 года, на евреевъ были распространены всѣ гражданскія повинности, въ томъ числѣ и воинская. Евреи обязательно должны были въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ по изданіи закона избрать себѣ фамильныя имена, вести свои торговыя книги и всю дѣловую переписку на нѣмецкомъ языкѣ, притомъ латинскимъ или готическимъ шрифтомъ. (Это постановленіе объясняется тѣмъ, что евреи часто писали по-нѣмецки еврейскими буквами). При исполненіи этихъ условій евреи, проживавшіе въ Пруссіи, снабженные охранными и другого рода разрѣшительными грамотами, объявлялись коренными жителями (Einländer) и прусскими гражданами. Они получили право проживать безпрепятственно по всей странѣ, заниматься всякаго рода торговлей, пріобрѣтать недвижимость на равныхъ основаніяхъ съ остальнымъ населеніемъ. Всѣ спеціальные поборы съ евреевъ отмѣнялись. Евреи были допущены къ занятію должностей въ учебныхъ заведеніяхъ и въ городскомъ управленіи. Относительно же допущенія къ остальнымъ отраслямъ государственной службы была сдѣлана оговорка (§ 9), что этотъ вопросъ будетъ впослѣдствіи разсмотрѣнъ отдѣльно. Иностраннымъ евреямъ разрѣшались пріѣздъ въ страну и временное въ ней пребываніе, но постоянное жительство допускалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда они становились прусскими подданными. Иностранные евреи не могли становиться раввинами или общинными служащими, равно какъ и служащими въ торговыхъ предпріятіяхъ. Юрисдикція раввиновъ и старшинъ еврейскихъ общинъ была отмѣнена, и евреи подчинены общему порядку. Только постановленія о еврейской присягѣ остались еще въ силѣ. Было также объявлено (§ 39), что будетъ подвергнутъ пересмотру вопросъ о религіозной организаціи еврейской общины и о постановкѣ школьнаго дѣла, причемъ будутъ приглашены для участія въ этихъ работахъ „лица іудейскаго исповѣданія, пользующіяся общественнымъ довѣріемъ въ силу своихъ знаній и своей честности" [1]).

[1]) Ibid., т. II, стр. 455—459.

IV.

Нѣтъ сомнѣнія, что на ходъ реформы имѣли вліяніе и многочисленныя заявленія евреевъ. Въ теченіе періода отъ ноября 1808 г. по мартъ 1812 г., представителями разныхъ еврейскихъ общинъ—больше всего Берлина, Кенигсберга и Бреславля—было подано свыше тридцати прошеній и заявленій, въ которыхъ излагались пожеланія евреевъ. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ составлены въ непріятно-витіеватомъ стилѣ типичныхъ „ходатаевъ“. Особенно въ этомъ отношеніи грѣшилъ брауншвейгскій финансовый агентъ и предсѣдатель еврейской консисторіи въ Вестфальскомъ королевствѣ, Израиль Якобсонъ, который былъ лично знакомъ съ Гарденбергомъ и имѣлъ съ нимъ, повидимому, какъ уже упомянуто выше, разныя денежныя дѣла. Въ своемъ представленіи Гарденбергу отъ 14 февраля 1811 г. Якобсонъ говоритъ про себя, что любовь къ единовѣрцамъ приняла у него „характеръ страсти“, и продолжаетъ: „Кажется необъяснимымъ, что прусское государство, правители котораго всегда высоко держали факелъ просвѣщенія, распространяли свѣтъ мудрости и теплоту доброжелательности прежде и сильнѣе другихъ, такъ отстало въ дѣлѣ возрожденія евреевъ“. Послѣ ряда комплиментовъ Гарденбергу, Якобсонъ кончаетъ заявленіемъ, что онъ готовъ присоединиться къ „тихому восторгу, которымъ будутъ обуреваемы наиболѣе честные люди“ среди прусскихъ евреевъ въ случаѣ исполненія ихъ требованій.—Однако, въ большинствѣ случаевъ представленія евреевъ, хотя и составлены конечно въ стилѣ той эпохи, воздерживаются отъ такой безвкусной фразеологіи. Большей частью ихъ заявленія дѣльны и содержательны и освѣщаютъ вопросъ во всѣхъ его деталяхъ.

Нѣтъ ни возможности, ни надобности излагать полностью всѣ ходатайства евреевъ, такъ какъ въ нихъ повторяется постоянно одно и то же. Евреи проявили большую настойчивость, и Раумеръ во время разработки своего законопроекта писалъ Пфейферу, что евреи „ждутъ эдикта о равноправіи, какъ Мессіи“. Приводимъ наиболѣе интересныя ходатайства. 25 ноября 1808 года представители Кенигсбергской еврейской общины обращаются съ ходатайствомъ на имя короля объ отмѣнѣ устарѣвшихъ регламентовъ 1730 и 1750 г.г. Въ частности же они просятъ, чтобы ихъ дѣтямъ дозволялось вступать въ бракъ безъ особыхъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ и заниматься самостоятельными дѣлами, чтобы евреямъ было разрѣшено свободно заниматься ремеслами,

и пріобрѣтать недвижимость,—причемъ они „обязуются постепенно пріучить евреевъ къ занятію земледѣліемъ“ [1]). Въ такомъ же обращеніи къ королю отъ 1 февраля 1810 года представители берлинской общины заявляютъ торжественно, что ни въ еврейской религіи, ни въ еврейскихъ обрядовыхъ или ритуальныхъ законахъ нѣтъ ничего, что могло бы послужить препятствіемъ для исполненія какихъ бы то ни было тяжелыхъ обязанностей, которыхъ требуетъ отечество или законъ государства“ [2]).

Особенное вниманіе заслуживаетъ обращеніе Давида Фридлендера къ тайному совѣтнику Клевицу, отъ 27 іюля 1809 года, въ которомъ содержатся нѣкоторыя любопытныя данныя о состояніи тогдашней берлинской общины [3]). Фридлендеръ указываетъ Клевицу, что кризисъ, который переживала торговля послѣ войны съ Наполеономъ, на евреяхъ отразился сильнѣе, чѣмъ на остальномъ населеніи, такъ какъ они живутъ преимущественно торговлей. „Еще больше, пишетъ онъ, страдаемъ мы отъ широко распространеннаго мнѣнія, что еврейство обладаетъ большими капиталами и что большинство евреевъ нажило большія состоянія во время войны. Такое мнѣніе намъ очень вредитъ, такъ какъ на этомъ основаніи къ намъ предъявляютъ чрезмѣрно большія требованія, а въ случаѣ нашего отказа насъ подозрѣваютъ въ злой волѣ или недостаткѣ привязанности (къ родинѣ)“. Фридлендеръ торжественно увѣряетъ, что за исключеніемъ четырехъ или шести семействъ, всѣ остальные потеряли третью или четвертую часть своего имущества, даже если считать принадлежащія имъ ипотеки, государственныя бумаги и т. д. по ихъ нарицательной цѣнѣ, а не по нынѣшнему курсу. Въ 1806 году число еврейскихъ семействъ въ Берлинѣ составляло 453, теперь оно понизилось до 405. Въ то же время число семействъ, нуждающихся и получающихъ пособіе, возрасло съ 130 до 175. Изъ оставшихся 230 семействъ 130 совсѣмъ не были въ состояніи платить спеціально еврейскіе налоги, а изъ остальныхъ 100 многимъ также пришлось сдѣлать скидку въ размѣрѣ ⅓—½ приходившихся на ихъ долю налоговъ. Между тѣмъ правительство требовало взысканія накопившихся еврейскихъ недоимокъ, которыя достигли очень большихъ суммъ. Такъ напримѣръ, недоимки по налогу за покровительство (Schutzgeld) и по поставкѣ серебра (евреи должны были ежегодно доста-

1) Freund, т. II, стр. 401—402, т. I, стр. 209—210.
2) Ibid., т. I, стр. 215, т. II, стр. 413—414.
3) Ibid., т. II, стр. 407—410.

влять монетному двору въ Берлинѣ 12000 слитковъ серебра по 12 талеровъ за слитокъ) достигли 45000 талеровъ, и власти угрожали военной экзекуціей въ случаѣ неуплаты. Фридлендеръ проситъ, чтобы правительство разслѣдовало положеніе евреевъ, и оно тогда придетъ къ заключенію, что необходимо отмѣнить круговую поруку еврейскихъ общинъ въ отношеніи ихъ спеціальныхъ налоговъ, затѣмъ уравнить евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ и открыть имъ доступъ ко всѣмъ отраслямъ экономической дѣятельности.

Уменьшеніе числа еврейскихъ семействъ въ Берлинѣ, на которое указываетъ Фридлендеръ, повидимому вызывалось также тогдашнимъ массовымъ переходомъ евреевъ въ христіанство. Тотъ же Фридлендеръ сообщаетъ Гарденбергу, 18 января 1811 года, поименный списокъ 50 семействъ, принявшихъ въ теченіе послѣднихъ 5—8 лѣтъ христіанство, и прибавляетъ, что въ Бреславлѣ и Кенигсбергѣ крестилась приблизительно такая же часть еврейскаго населенія [1]).

Аналогичныя жалобы на бѣдственное положеніе евреевъ содержатся и въ представленіяхъ старшинъ другихъ общинъ Пруссіи. Такъ, напримѣръ, представители общины Франкфурта-на-Одерѣ заявляютъ 4 апрѣля 1811 г. Гарденбергу, что „годы войны раззорили многихъ состоятельныхъ людей и ввергли въ нищету малосостоятельныхъ. Изъ слишкомъ 60 семействъ 14 пользуются поддержкой общинной кассы для бѣдныхъ, и только 25 въ состояніи платить аккуратно еврейскіе налоги“.

Эдиктъ 11-го марта 1812 г. не далъ евреямъ полнаго равноправія, но освободилъ ихъ отъ наиболѣе стѣснительныхъ ограниченій. Полноты гражданскихъ правъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, евреи добились лишь по прусской конституціи 5 декабря 1848 г., а затѣмъ по закону 3 іюля 1869 г. о равноправіи лицъ всѣхъ исповѣданій въ Сѣверо-германскомъ союзѣ.

И. О. Левинъ.

---

[1]) Ibid., т. II, 421—422.

Изъ исторіи восьмидесятыхъ годовъ.

Если еще не наступило время для составленія полной исторіи евреевъ въ Россіи въ послѣднія два десятилѣтія минувшаго вѣка, начиная съ погромной эры 1881 года, то несомнѣнно сознана необходимость намѣтить общіе контуры этой эпохи. Историческіе матеріалы—печатные и архивные источники и живыя воспоминанія современниковъ—имѣются здѣсь въ достаточномъ количествѣ, хотя пользоваться этими матеріалами и дѣлать изъ нихъ выводы относительно causes finales событій приходится сейчасъ съ оглядкою. Опредѣлить главные пути нашей исторіи въ ту критическую эпоху чрезвычайно важно и для тѣхъ, кто сознательно пережилъ ее, и для младшаго поколѣнія, несущаго на себѣ тяжелое „бремя наслѣдія" недавняго прошлаго. Самосознаніе тѣхъ и другихъ можетъ углубиться отъ этого причисленія недавно пережитаго къ лику нашей многовѣковой исторіи.

Нижеслѣдующія главы, посвященныя первому изъ двухъ фатальныхъ десятилѣтій, представляютъ собою только предварительный очеркъ—Prolegomena—къ будущей, болѣе полной „исторіи нашего времени", которая еще долго будетъ приковывать къ себѣ вниманіе историковъ драматизмомъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ переворотовъ.

I.

Весенніе погромы 1881 года.

Двумя катастрофами открывается новая эпоха: событіемъ 1-го марта 1881 года (убійство Александра II террористами) и елисаветградскимъ погромомъ 15 апрѣля того же года. Пытались установить непосредственную связь между этими двумя катастрофами, выставляя погромы какъ актъ мести евреямъ за участіе нѣкоторой части ихъ молодежи въ революціонномъ движеніи,—но это объясненіе слишкомъ поверхностно. Существовало, конечно, въ консервативныхъ кругахъ недовольство участіемъ еврейской универ-

ситетской молодежи въ „крамолѣ“, и фактъ этотъ былъ использованъ въ начавшейся еще раньше антиеврейской агитаціи. Здѣсь обратили особенное вниманіе на то, что въ группѣ террористовъ, подготовившихъ покушеніе 1-го марта, была одна еврейка — Геся Гельфманъ, хотя она играла второстепенную роль въ дѣлѣ (она содержала конспиративную квартиру, какъ сожительница одного изъ революціонеровъ)[1]). Однако тотъ рѣзкій поворотъ въ отношеніяхъ къ евреямъ, который произошелъ послѣ 1-го марта, связанъ не съ событіемъ этого именно дня, а со всею совокупностью реакціонныхъ теченій, получившихъ послѣ него господство въ русской жизни.

Юдофобская реакція чувствовалась въ политической атмосферѣ съ самаго начала новаго царствованія. Чѣмъ-то зловѣщимъ вѣяло съ вершинъ бюрократіи; тревожные слухи доносились изъ петербургскихъ высшихъ круговъ. Вспоминались недавніе мелкіе факты, оттѣнявшіе настроеніе придворныхъ круговъ. Говорили о вниманіи, оказанномъ здѣсь Лютостанскому, выступившему въ концѣ 70-хъ годовъ съ безграмотными памфлетами о ритуальныхъ убійствахъ и зловредности Талмуда. Вспомнили, что осенью 1880 г. этотъ авантюристъ, уличенный въ „недобросовѣстности“ въ одномъ судебномъ процессѣ, предъявилъ суду какую-то „благодарность“, полученную имъ за поднесеніе своего сочиненія

[2]). Извѣстно было также, что во время русско-турецкой войны

былъ убѣжденъ, что въ интендантскихъ злоупотребленіяхъ продовольственной компаніи „Грегеръ, Горвицъ, Коганъ“ повинны евреи, хотя среди хозяевъ фирмы былъ только одинъ еврей, а среди ея агентовъ евреи усердствовали не больше, чѣмъ поставщики изъ грековъ, румынъ и русскихъ[3]). Тревожило то, что на основаніи подобныхъ случайныхъ впечатлѣній возникали странныя представленія о еврейскомъ народѣ, о милліонахъ людей, жизнь которыхъ была совершенно неизвѣстна въ этихъ кругахъ.

---

[1]) Приговоренная по процессу о цареубійцахъ (Рысаковъ, Желябовъ, Перовская) къ смертной казни, Гельфманъ была оставлена въ тюрьмѣ вслѣдствіе ея беременности; послѣ рожденія ребенка, котораго отняли у матери, она умерла въ тюрьмѣ. См. „Дѣло 1 марта 1881 г.“, Спб. 1906; „Былое“ 1906 г., № 3 (ст. „Далекое и недавнее“).

[2]) „Дѣло Цедербаума съ Лютостанскимъ“, въ „Разсвѣтѣ“ 1880 г. №№ 39, 46—52. Защитникъ Лютостанскаго неоднократно ссылался на это въ судѣ второй инстанціи, съ цѣлью снять съ подзащитнаго клеймо недобросовѣстности.

[3]) Еврейская Старина 1915 г., вып. I, стр. 65—66, и вып. II, стр. 177—178 и указанные тамъ источники.

Людямъ посвященнымъ уже тогда была извѣстна личность мага и волшебника грядущаго реакціоннаго строя, К. П. Побѣдоносцева, бывшаго преподавателя государственныхъ наукъ сыновьямъ Александра II, а въ то время оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Въ историческихъ совѣщаніяхъ въ Гатчинѣ (мартъ—апрѣль 1881), гдѣ рѣшалась участь Россіи, Побѣдоносцевъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ либеральнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Лорисъ-Меликовымъ. Проектъ умѣренной „конституціи", предложенный Лорисомъ и незадолго до смерти почти одобренный Александромъ II, былъ отвергнутъ, и Россія покатилась по наклонной плоскости реакціи. Воцарилась идеологія „великаго инквизитора" Побѣдоносцева, мрачнаго рыцаря церковно-полицейскаго государства, который въ своихъ сочиненіяхъ доказывалъ, что просвѣщеніе вредно для народа, что массу нужно держать въ слѣпомъ повиновеніи авторитету церкви и свѣтской власти, что русскихъ православныхъ людей нужно охранять отъ вліянія иновѣрцевъ и инородцевъ, что во внутренней политикѣ должно господствовать начало: „Россія для русскихъ"—православныхъ и коренныхъ [1]). Результатомъ Гатчинскихъ совѣщаній былъ извѣстный манифестъ 29 апрѣля 1881 г., возвѣстившій незыблемость самодержавія и призывавшій всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ къ борьбѣ съ „гнусною крамолою".

Катастрофа 1-го марта естественно толкала на путь реакціи не только правительство, но и значительную часть общества, испугавшуюся призрака „анархизма". Темная реакція коснулась и еврейскаго вопроса. Бацилла юдофобіи закопошилась въ потрясенныхъ, политически незрѣлыхъ умахъ. Все враждебнѣе къ евреямъ становился тонъ распространенныхъ органовъ русской печати, болѣе или менѣе близкихъ къ правительственному курсу. Петербургская газета „Новое Время", начинавшая тогда свою карьеру слуги реакціи, и рядъ субсидируемыхъ правительствомъ провинціальныхъ газетъ („Виленскій Вѣстникъ", „Кіевлянинъ", „Новороссійскій Телеграфъ") заговорили о евреяхъ такимъ тономъ, точно они знали какую-то страшную тайну. Чуть-ли не на другой день послѣ преступленія 1 марта, газеты этого сорта стали намекать на участіе въ немъ евреевъ, а вскорѣ въ южныхъ газетахъ стали появляться тревожные слухи объ ожидаемыхъ нападеніяхъ на евреевъ [2]).

---

[1]) Объ этомъ девизѣ говоритъ и оффиціальный источникъ—„Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ", Спб. 1902, т. IV, стр. 23 („Россія должна принадлежать русскимъ", какъ формула „твердой національной политики").

[2]) „Разсвѣтъ" 1881 г., стр. 494, 650, 653, 1850 и др.

И дѣйствительно, какое-то зловѣщее броженіе замѣчалось въ низахъ русскаго народа, а извнѣ чьи-то невидимыя руки толкали народную массу на большое преступленіе. Таинственные эмиссары изъ Петербурга появлялись въ большихъ городахъ юга Россіи (Елисаветградъ, Кіевъ, Одесса) еще въ мартѣ и вели

секретные переговоры относительно возможнаго „взрыва народнаго негодованія противъ евреевъ" на почвѣ экономической,

Въ вагонахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ стали попадаться фигуры великорусскихъ торговцевъ и рабочихъ („кацапы", какъ ихъ называютъ на малороссійскомъ югѣ), которые говорили съ простыми русскими людьми о готовящейся расправѣ надъ евреями, читали имъ юдофобскія статьи изъ газетъ и ложно увѣряли, будто есть „царскій указъ", разрѣшающій бить евреевъ въ дни ближайшей христіанской пасхи [1]). До сихъ поръ не выяснено, какая именно организація вела въ народѣ эту пропаганду погромовъ и насколько была причастна къ дѣлу петербургская тайная лига сановниковъ, подъ именемъ „Священная дружина", образовавшаяся въ мартѣ 1881 г. для борьбы съ „врагами порядка" (въ этой лигѣ, просуществовавшей до осени 1882 г., участвовали, между прочимъ, Побѣдоносцевъ и будущій министръ внутреннихъ дѣлъ Игнатьевъ); но что погромы были тщательно подготовлены и организованы въ самой провинціи, видно было изъ того, что они почти одновременно вспыхнули во многихъ мѣстахъ юга Россіи и вездѣ совершались по одинаковому шаблону, въ смыслѣ однообразія дѣйствій толпы и бездѣйствія властей [2]).

---

[1]) „Евр. Старина" 1909 г. т. II, стр. 207 сл.; ср. тамъ же, т. I, стр. 92; Проектъ записки Комиссіи Палена, стр. 69 (см. ниже).

[2]) Chronique du mouvement socialiste en Russie, 1878—1887—записка Шебеко, цитируемая Богучарскимъ въ статьѣ „Священная дружина" („Рѣчь" 1909 г., № 307); ср. журн. „Былое" 1907 г., кн. VI, стр. 305. Въ архивѣ Еврейскаго Историко-Этногр. Общества (коллекція Э. Б. Левина, погромныя дѣла, № 7) имѣется документъ, обозначенный въ описи такъ: „Донесеніе агента Священной дружины, командированнаго для дознанія по поводу происшедшихъ погромовъ"; но изъ него не видно, чтобы дружина была причастна къ организаціи погромовъ. Агентъ пришелъ къ убѣжденію, что причина антиеврейскаго движенія на югѣ Россіи кроется въ „посторонней силѣ крамолы", которая натравила народъ на евреевъ съ намѣреніемъ пріучить его такимъ путемъ къ возстанію противъ правительства,—взглядъ, котораго и высшія сферы придерживались въ началѣ погромовъ (см. дальше, гл. II). Ср. „Евр. Стар." 1909 г. т. I, стр. 91—93; „Разсвѣтъ" 1881 г., ст. 846, 1255, 1257 и др.

Гроза началась въ Елисаветградѣ, большомъ городѣ Новороссіи съ 15-тысячнымъ еврейскимъ населеніемъ. Еще наканунѣ русской Пасхи мѣстные христіане на улицахъ и въ магазинахъ говорили, что скоро „будутъ бить жидовъ". Евреи встревожились. Полиція приготовилась къ охраненію порядка въ первые дни Пасхи, вызвавъ для этого небольшой отрядъ войскъ. Первые дни праздника прошли спокойно, и на четвертый день, 15 апрѣля, войска были удалены съ улицъ. Въ этотъ-то моментъ начался погромъ. Организаторы погрома подослали въ содержимый евреемъ кабакъ какого-то пьянаго русскаго мѣщанина, который сталъ тамъ производить скандалъ, а когда хозяинъ кабака сталъ выталкивать скандалиста на улицу, поджидавшая тамъ толпа русскихъ мѣщанъ и рабочихъ закричала: „жиды нашихъ бьютъ"!—и бросилась избивать проходившихъ по улицѣ евреевъ. Это былъ провокаторскій сигналъ къ погрому. На базарной площади разбивались еврейскія лавки, расхищались и уничтожались товары. Полиція при помощи войска съ трудомъ разсѣяла банду громилъ. Но на другой день погромъ возобновился съ большей силой и планомѣрностью. Вотъ какъ это описано, на основаніи оффиціальнаго разслѣдованія, въ трудѣ правительственной комиссіи, тогда не предназначенномъ для опубликованія[1]:

„Въ ночь съ 15 на 16 апрѣля на окраинахъ города было сдѣлано нападеніе на еврейскіе дома, преимущественно на питейныя заведенія, причемъ былъ убитъ одинъ еврей. Около 7 часовъ утра, 16 апрѣля, безпорядки возобновились, разростаясь съ необычайною силою по всему городу. Приказчики, служителя трактировъ и гостинницъ, мастеровые, кучера, лакеи, казенные денщики, — все это примкнуло къ движенію. Городъ представлялъ необычайное зрѣлище: улицы, покрытыя пухомъ, были завалены изломанною и выброшенною изъ домовъ мебелью, дома съ разломанными дверьми и окнами, неистовствующая толпа, съ крикомъ и свистомъ разбѣгающаяся по всѣмъ направленіямъ, безпрепятственно продолжающая свое дѣло разрушенія, и въ дополненіе къ этой картинѣ—полное равнодушіе со стороны мѣстныхъ обывателей не-еврейскаго происхожденія къ совершающемуся раз-

[1]) Проектъ общей записки Высшей Комиссіи по пересмотру законовъ о евреяхъ („Паленской Комиссіи"), стр. 63—64. Томъ-фоліантъ былъ напечатанъ въ 1888 г. въ небольшомъ числѣ экземпляровъ.—Ср. „Разсвѣтъ" и „Русскій Еврей" 1881 г., №№ 17—18, а также „Евр. Старина" 1909 г., т. II, стр. 209 сл.

грому. Призванные для возстановленія порядка войска не имѣли опредѣленной инструкціи, и при всякомъ нападеніи толпы на новый домъ не знали, что дѣлать, а выжидали указаній начальства или полиціи. При такомъ отношеніи къ дѣлу, бушующая толпа, разбивая дома и лавки на глазахъ войска, не останавливавшаго ее, не могла не прійти къ заключенію, что предпринятое ею разрушеніе есть дѣло не противузаконное, а разрѣшаемое правительствомъ... Къ вечеру безпорядки усилились, благодаря прибытію въ городъ цѣлой массы крестьянъ изъ близлежащихъ деревень съ цѣлью поживиться еврейскимъ добромъ. Противодѣйствовать этимъ толпамъ было уже некому, войска и полиція выбились изъ силъ. Всѣ упали духомъ и пришли къ убѣжденію, что съ наличными средствами подавить безпорядки невозможно. Но полившій съ 8 часовъ вечера дождь съ холоднымъ вѣтромъ въ значительной степени содѣйствовалъ разсѣянію толпы. Въ 11 часовъ прибыло свѣжее войско, а 17 апрѣля утромъ еще батальонъ пѣхоты, и съ этого дня порядокъ въ Елисаветградѣ болѣе не нарушался".

Вѣсть о легко доставшейся „побѣдѣ" надъ евреями въ Елисаветградѣ пробудила потенціальную погромную энергію, дремавшую въ темныхъ русскихъ массахъ. Во второй половинѣ апрѣля во многихъ селахъ Елисаветградскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Херсонской губерніи (Голта, Березовка, Ананьевъ съ уѣздомъ) произошли погромы. Въ деревняхъ большею частью ограничивались разореніемъ содержимыхъ евреями питейныхъ домовъ, причемъ крестьяне вѣрили, что исполняютъ этимъ какой-то указъ. Въ городахъ и мѣстечкахъ разрушались всѣ еврейскіе дома и лавки и расхищалось имущество. Въ городѣ Ананьевѣ подстрекалъ къ погрому мѣщанинъ Лященко, увѣрявшій народъ, что евреи убили царя, и высшее правительство приказало ихъ избить, но что мѣстная администрація скрываетъ этотъ приказъ. Подстрекателя арестовали, но толпа отбила его у полиціи и затѣмъ бросилась громить евреевъ. Было разгромлено около двухсотъ домовъ и лавокъ на окраинахъ города, гдѣ ютилась еврейская бѣднота; центръ же, гдѣ жили болѣе состоятельные, охранялся полиціей и воинской командою и потому уцѣлѣлъ [1]).

Движеніе разросталось, инстинкты разнуздывались. Мать городовъ русскихъ, древній Кіевъ, гдѣ евреи на зарѣ русской исторіи явились носителями культуры вмѣстѣ съ хазарами, сдѣлался ареной разгула дикихъ ордъ. Здѣсь погромъ тщательно подгото-

[1]) Проектъ общей записки etc., стр. 65—66; „Разсвѣтъ" 1881 г. ст. 788.

влялся тайною организацiей, распространявшею въ народѣ слухи, что евреи убили Александра II, что новый царь повелѣлъ избить ихъ, что гражданскiя власти и войска будутъ въ этомъ помогать народу, а уклоняющiеся отъ исполненiя царской воли будутъ наказаны [1]).

Уже 23 апрѣля произошла уличная драка съ избiенiемъ прохожихъ евреевъ—прелюдiя къ погрому. Наканунѣ „назначеннаго дня" полицiя предупреждала евреевъ, чтобы они въ воскресенье не выходили изъ своихъ домовъ и не открывали своихъ лавокъ. Евреи недоумѣвали: въ резиденцiи генералъ-губернатора, гдѣ сосредоточено многочисленное войско, могущее по одному знаку начальства подавить любой безпорядокъ, велятъ прятаться мирнымъ гражданамъ, на которыхъ готовится нападенiе,

Совѣтъ полицiи былъ конечно исполненъ, и въ роковой день съ утра евреевъ на улицахъ не было; но многочисленнымъ бандамъ громилъ не препятствовали собираться на улицахъ и приступить къ своему преступному дѣлу. Погромъ начался въ густо населенной евреями части города—Подолѣ. „Въ 12 часовъ дня—разсказываетъ очевидецъ [2])—воздухъ вдругъ огласился дикимъ крикомъ, свистомъ, гиканьемъ, ревомъ и хохотомъ. Шла громадная масса мальчишекъ, мастеровыхъ и рабочихъ. Вся улица была запружена босой командой. Дѣло разрушенiя еврейскихъ домовъ началось. Полетѣли стекла, двери, и вскорѣ послѣ этого стали выбрасывать на улицу изъ квартиръ и магазиновъ рѣшительно все, что попадалось подъ руки. Въ воздухѣ закружились облака перьевъ. Звонъ разбитыхъ стеколъ и рамъ, плачъ, крикъ и отчаянiе—съ одной, и страшное гиканье и ревъ—съ другой стороны дополняли картину, напоминавшую многимъ, бывшимъ на театрѣ послѣдней русско-турецкой войны, башибузуковъ, грабившихъ болгарскiя деревни. Скоро толпа накинулась на еврейскую синагогу, и несмотря на крѣпкiе запоры, замки и ставни, синагога мигомъ была разнесена вся. Надо было видѣть то остервененiе, съ какимъ босая команда накинулась на свитки (Торы), бывшiе въ синагогѣ въ большомъ количествѣ. Свитки рвались на клочья, топтались въ грязь и уничтожались съ чрез-

[1]) Проектъ etc., стр. 66. Ср. Евр. Стар. 1909 г., т. II, стр. 212 сл. (воспоминанiя очевидца).

[2]) „Разсвѣтъ" 1881 г., ст. 741—742 (описанiе, урѣзанное тогдашнею цензурою).

вычайнымъ рвеніемъ. Улицы скоро переполнились трофеями разрушенія. Вездѣ валялись разбитая посуда, мебель, домашняя рухлядь и проч. Часа черезъ два послѣ начала погрома, большинство босой команды превратилось вдругъ въ порядочно одѣтыхъ людей, причемъ многіе уже казались через-чуръ толстыми. Дѣло въ томъ, что когда разграбили магазины готовыхъ платьевъ, большинство надѣвало на себя три, четыре костюма и, не довольствуясь еще этимъ, брало съ собою подъ мышку все, что можно было запрятать. Многіе уѣзжали на извозчикахъ съ мѣшками награбленныхъ вещей. ... Христіанское населеніе оградило себя отъ разрушительныхъ дѣйствій босой команды тѣмъ, что на всѣхъ окнахъ выставило иконы, на ставняхъ и на воротахъ написало кресты.

Дѣло разрушенія продолжалось такимъ образомъ вплоть до трехъ часовъ ночи.

Въ то время какъ однѣ шайки разбойниковъ „работали" на Подолѣ, другія свирѣпствовали на центральныхъ улицахъ. Вездѣ дикая, пьяная толпа („между ними нельзя было встрѣтить ни одного трезваго"—говоритъ очевидецъ) совершала свое гнусное дѣло

Иногда показывался на улицахъ самъ генералъ-губернаторъ Дрентельнъ, въ сопровожденіи губернатора и полицмейстера; представители власти „увѣщевали народъ", который при нихъ „сохранялъ гробовую тишину и пятился назадъ", а по уходѣ начальства возвращался къ прерванному дѣлу [1]).

Въ пред-

[1]) Ibid., ст. 740, 742 и др.

(изъ записки, представленной въ Паленскую Комиссію).

мѣстье Кіева, Деміевку, шайка громилъ ворвалась ночью, разрушила прежде всего кабаки, напилась водкою до пьяна, а затѣмъ подожгла еврейскіе дома. Подъ покровомъ ночи тутъ творились ужасы: многихъ евреевъ избивали до смерти или бросали въ огонь, а женщинъ насиловали. Позднѣйшее частное разслѣдованіе установило болѣе 20 случаевъ изнасилованія громилами еврейскихъ дѣвушекъ и замужнихъ женъ; изъ пострадавшихъ двое только заявили судебному слѣдователю о своемъ несчастіи, прочія же либо конфиденціально признавали свой позоръ, либо скрывали, опасаясь погубить свою репутацію [1]).

27 апрѣля, когда погромъ возобновился, власти рѣшили положить ему конецъ. Гдѣ только появлялась шайка буяновъ, ее немедленно окружали солдаты и казаки и разгоняли ее прикладами ружей; кое-гдѣ приходилось стрѣлять въ озвѣрѣвшую толпу, среди которой оказалось нѣсколько раненыхъ и убитыхъ.

было разгромленіе около тысячи еврейскихъ квартиръ и магазиновъ, съ причиненіемъ убытка на нѣсколько милліоновъ рублей, причемъ было убито и ранено нѣсколько десятковъ евреевъ и изнасиловано два десятка женщинъ.

„Правительственный Вѣстникъ“ напечаталъ слѣдующую лаконическую телеграмму: „26 апрѣля въ Кіевѣ начались безпорядки, направленные противъ евреевъ. Нѣсколькимъ евреямъ нанесены побои, лавки и магазины ихъ разграблены. Къ утру слѣдующаго дня безпорядки, съ помощью войскъ, пріостановлены, а изъ числа буйствовавшихъ задержано до 500 человѣкъ“. Въ дальнѣйшихъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ говорилось уже о 1.400 арестованныхъ погромщикахъ и о нѣсколькихъ раненыхъ при усмиреніи (въ томъ числѣ одинъ гимназистъ и одинъ студентъ), [2]).

---

[1]) Архивъ Евр. Истор. О-ва (назв. коллек. № 3: перечень именъ пострадавшихъ женщинъ).

[2]) „Разсвѣтъ“ 1881 г., №№ 18—19. Въ „Проектѣ общей записки“ коммиссіи Палена говорится: „Мѣры къ обузданію толпы (въ Кіевѣ) не были приняты своевременно и энергично, чѣмъ объясняются „огромные размѣры буйства толпы“ (стр. 67).

Примѣръ метрополіи заразительно подѣйствовалъ на всю кіевскую сатрапію. Жертвою погромной эпидеміи въ ближайшіе дни (27 апрѣля—5 мая) сдѣлались около 50 деревень и нѣсколько мѣстечекъ Кіевской губерніи и сосѣднихъ Волыни и Подоліи. Въ мѣстечкѣ Смѣла и окрестныхъ деревняхъ 10-тысячное еврейское населеніе пережило въ миніатюрѣ ужасы кіевскаго погрома; на второй день (4 мая) войска прекратили въ мѣстечкѣ буйство и грабежъ, сопровождавшіеся нѣсколькими случаями убійства и причиненія ранъ. Въ близлежащей деревнѣ была изнасилована и до смерти замучена 30-лѣтняя еврейка, а семилѣтній сынъ другой женщины, спасшійся бѣгствомъ, былъ звѣрски убитъ за нежеланіе осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ [1]). Такъ повторились въ 1881 г. ужасы старой гайдамачины на ея былой родинѣ, хотя и не въ ея былыхъ размѣрахъ. Теперь къ мѣстному малорусскому населенію примѣшивался пришлый великорусскій элементъ, т. н. „кацапы“. Великорусскіе рабочіе и „босяки“ часто являлись зачинщиками погрома, а по окончаніи его они безслѣдно исчезали. Такая банда хулигановъ прибыла по желѣзной дорогѣ въ Бердичевъ, но въ этомъ большомъ еврейскомъ центрѣ ее встрѣтила на вокзалѣ многочисленная еврейская стража, вооруженная дубинами, и не допустила гастролеровъ высадиться изъ вагоновъ, такъ что имъ пришлось уѣхать назадъ. Этотъ рѣдкій случай самообороны былъ возможенъ лишь благодаря снисходительности мѣстнаго полицмейстера [2]). Подобныя попытки самообороны въ другихъ мѣстахъ либо не допускались либо приводили къ еще худшимъ послѣдствіямъ. Такъ въ городѣ Конотопѣ (Черниговской губ.) оборона со стороны евреевъ заставила толпу громилъ перейти отъ грабежа къ убійствамъ. Въ деревняхъ темные крестьяне исполняли „обязанность погрома“, будучи увѣрены, что самъ царь возложилъ на нихъ такую обязанность. Въ одной деревнѣ Черниговской губерніи сельскій старшина сталъ увѣщевать собравшихся для погрома крестьянъ разойтись; крестьяне потребовали отъ старшины письменнаго удостовѣренія, что они не будутъ отвѣчать передъ высшей властью за неисполненіе повинности бить евреевъ, и такое удостовѣреніе имъ было выдано. Тѣмъ не менѣе скептики не успокоились и хоть отчасти отбыли повинность, разоривъ шесть еврейскихъ домовъ. Въ нѣко-

---

1) Проектъ, стр. 69—70; Архивъ Истор. О-ва (назв. колл. № 4).

2) Евр. Старина, т. I, 92.

торыхъ деревняхъ священники съ трудомъ убѣдили крестьянъ, что „приказа бить жидовъ не было“ [1]).

Завершеніемъ весенней погромной кампаніи былъ трехдневный погромъ въ столицѣ юга—Одессѣ (3—5 мая). Въ этомъ городѣ со стотысячнымъ еврейскимъ населеніемъ и огромнымъ портовымъ сбродомъ эксцессы толпы приняли бы ужасающіе размѣры, если бы власти, что онѣ поставлены не для того,

настигали банды громилъ, разсыпавшіяся по городу, и большею частью разгоняли ихъ. Организованная еврейская самооборона, подъ руководствомъ студентовъ мѣстнаго университета, часто отгоняла разбойниковъ отъ воротъ еврейскихъ домовъ. Но когда начались аресты въ уличной толпѣ, полиція не отличала обороняющихся отъ нападающихъ, и въ числѣ задержанныхъ 800 человѣкъ оказалось 150 евреевъ,

Всѣхъ арестованныхъ посадили въ три баржи, выведенныя въ море, и въ этой плавучей тюрьмѣ они содержались нѣсколько дней. Одесскій погромъ, выразившійся въ разореніи нѣсколькихъ бѣдныхъ еврейскихъ кварталовъ, еще не удовлетворилъ аппетитовъ одичалой толпы, разгоряченной слухами о кіевскихъ „успѣхахъ“; чернь грозила новымъ нападеніемъ и даже рѣзней. Паника въ городѣ заставила многихъ уѣхать въ болѣе спокойныя мѣста или эмигрировать за границу [2]). Такой же характеръ незаконченности носили происходившіе одновременно погромы въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерній (Александровскъ, Николаевъ, Бердянскъ, Орѣховъ и др.), причемъ нападенію подвергались и нѣкоторыя еврейскія земледѣльческія колоніи этихъ губерній [3]). Погромная энергія перваго періода какъ-будто пошла на убыль въ началѣ мая.

наступилъ перерывъ, длившійся до іюля того же года.

---

[1]) „Проектъ“, 69—70; ср. „Разсвѣтъ“ 1881 г., ст. 772—773.

[2]) Бенъ Ами, Одесскій погромъ 1881 г. („Еврейскій Міръ“ 1909 г., кн. V); „Разсвѣтъ“ 1881 г. №№ 19—20; „Евр. Старина“, т. II, 216—218.

[3]) Такіе „мелкіе погромы“ сводились обыкновенно къ простому грабежу. Крестьяне изъ окрестныхъ деревень ходили въ праздничные дни „на погромъ“ или посылали своихъ дѣтей—часто малолѣтнихъ, чтобы забирать еврейское добро. Одну деревенскую семилѣтнюю дѣвочку, бродившую по улицамъ Мелитополя, спросили, что ей нужно въ городѣ, и получили отвѣтъ, что бабушка послала ее изъ сосѣдней деревни, ска-

II.

Колебанія правительства, лѣтніе погромы и начало массовой эмиграціи.

Въ началѣ мая 1881 г. на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто опальнаго Лорисъ-Меликова, былъ назначенъ Н. П. Игнатьевъ, бывшій посолъ въ Константинополѣ, втянувшій Россію въ турецкую войну, а затѣмъ перенесшій пріемы дипломатическихъ козней во внутреннюю политику, вѣнцомъ которой была война съ евреями. Въ своемъ программномъ циркулярѣ отъ 6 мая онъ возвѣстилъ, что главную задачу правительства составляетъ „искорененіе крамолы", то-есть борьба не только съ революціонньмъ движеніемъ, но и съ либеральнымъ духомъ вообще. Въ связи съ этимъ въ циркулярѣ дана такая оцѣнка начавшемуся на югѣ анти-еврейскому движенію: „Движеніе противъ евреевъ, проявившееся въ послѣдніе дни на югѣ, представило печальный примѣръ того, какъ люди, преданные престолу и отечеству, поддаваясь внушеніямъ злонамѣренныхъ, разжигающихъ дурныя страсти въ народной массѣ, впадаютъ въ своеволіе и самоуправство и дѣйствуютъ, сами того не понимая, согласно замысламъ крамольниковъ. Подобныя нарушенія порядка не только должны быть строго преслѣдуемы, но и заботливо предупреждаемы, ибо первый долгъ правительства охранять безопасность населенія отъ всякаго насилія и дикаго самоуправства" [1]). Въ этихъ строкахъ высказана намеками гипотеза, державшаяся на первыхъ порахъ въ петербургскихъ высшихъ сферахъ, относительно причины погромовъ, а именно, что анти-еврейское движеніе вызвано агитаторами изъ среды соціалистовъ-революціонеровъ, которые разсчитывали направить возмущеніе народныхъ массъ сначала противъ евреевъ, какъ класса преимущественно торговаго, а потомъ противъ русскаго купечества, землевладѣльцевъ и представителей капитала вообще. Возможно, что правительство считало это не причиною, а сопутствующимъ факторомъ, и опасалось, что агитація „крамольниковъ" примѣшалась къ агитаціи „людей преданныхъ престолу", сторонниковъ воинствующей національной политики, съ цѣлью направить анти-еврейское движеніе „согласно замысламъ крамольниковъ"... Иные опасались, что анти-еврейское движеніе само собою, безъ агитаціи

завъ: „Говорятъ, въ городѣ будутъ бить жидовъ, поди туда и захвати платочковъ" (см. Проектъ записки Комиссіи Палена, стр. 72—73).

[1]) „Правит. Вѣстникъ" 1881 г., № 98: „Разсвѣтъ" 1881 г., № 19.

со стороны, выльется въ форму эксцессовъ черни противъ имущихъ классовъ вообще и правительственныхъ чиновниковъ. 4 мая представитель еврейской общины въ Петербургѣ баронъ, Г. О. Гинцбургъ, посѣтилъ великаго князя Владиміра Александровича и услышалъ отъ него мнѣніе, что анти-еврейскіе „безпорядки, какъ теперь обнаружено правительствомъ, имѣютъ своимъ источникомъ не возбужденіе исключительно противъ евреевъ, а стремленіе къ произведенію смуты вообще“ [1]).

Черезъ недѣлю послѣ этой бесѣды, депутація отъ еврейскаго общества услышала такое же мнѣніе и отъ самого государя, Александра III. Съ трепетомъ готовились къ этой аудіенціи еврейскіе депутаты (баронъ Гинцбургъ, банкиръ Закъ, адвокаты Пассоверъ и Банкъ, ученый гебраистъ Берлинъ). Ждали царскаго слова по поводу обрушившейся на евреевъ катастрофы. 11 мая въ Гатчинскомъ дворцѣ состоялась аудіенція. Баронъ Гинцбургъ выразилъ „безпредѣльную благодарность за мѣры, принятыя къ огражденію еврейскаго населенія въ настоящее тяжелое время“, и добавилъ: „еще одно царское слово—и смута исчезнетъ“. На эвфемизмъ о „принятыхъ мѣрахъ“ государь отвѣтилъ въ томъ же тонѣ, что передъ нимъ равны всѣ подданные, и высказалъ увѣренность, „что въ преступныхъ безпорядкахъ на югѣ Россіи евреи служатъ только предлогомъ и что это—дѣло рукъ анархистовъ“. Эта успокоительная часть отвѣта была опубликована въ газетахъ, но устная молва знала и вторую часть отвѣта, въ которой государь высказалъ предположеніе, что источникъ вражды къ евреямъ кроется въ экономическомъ „господствѣ“ ихъ и „эксплуатаціи“ ими коренного русскаго населенія. На возраженія талантливаго адвоката Пассовера и другихъ депутатовъ государь отвѣтилъ: „изложите все это въ особой запискѣ“. Записка впослѣдствіи была составлена, но не подана, ибо спустя нѣсколько мѣсяцевъ взглядъ правительства на еврейскій вопросъ измѣнился къ худшему: рѣшено было выдвинуть теорію „эксплуатаціи“ для оправданія погромовъ и репрессій, и министру Игнатьеву удалось затормозить подачу государю записки въ защиту евреевъ [2]).

[1]) „Разсвѣтъ“ 1881 г., ст. 754.—О дѣйствительномъ отношеніи партіи „Народной Воли“ къ погромамъ см. дальше, гл. III.

[2]) Ibid., ст. 764; ср. „Евр. Старина“ т. VI, стр. 340 (1913 г.); Архивъ Евр. Истор. О-ва, колл. Левина, № 8. Записку на Высочайшее имя составилъ М. Г. Моргулисъ, и въ декабрѣ 1881 г. было написано прошеніе на имя Игнатьева о передачѣ ея по назначенію, но—говорится въ описи Архива—„ни прошеніе, ни записка не были поданы министру, такъ что

Успокоительная часть царскаго отвѣта въ аудіенціи 11 мая была, можетъ быть, вызвана и желаніемъ успокоить общественное мнѣніе Европы. За нѣсколько дней до Гатчинской аудіенціи, въ англійской палатѣ общинъ заговорили о преслѣдованіяхъ евреевъ въ Россіи. Депутаты-евреи, баронъ Вормсъ и Вольфъ, спросили товарища министра иностранныхъ дѣлъ Дилька, намѣрено ли англійское правительство сдѣлать представленіе въ Петербургѣ относительно притѣсненія евреевъ въ Россіи (въ связи съ случаями недопущенія англійскихъ евреевъ къ проживанію внѣ „черты") и особенно эксцессовъ послѣдняго времени. Дилькъ отвѣтилъ, что правительство еще не выяснило себѣ, насколько такой протестъ можетъ имѣть успѣхъ. Такой же отвѣтъ далъ министръ лордъ Гренвилль депутаціи отъ „Anglo-Jewish Association", представившейся ему 13 мая, спустя два дня послѣ аудіенціи въ Гатчинѣ. Выразивъ горячее сочувствіе цѣли депутаціи, министръ указалъ на неудобство вмѣшательства со стороны Англіи въ такой моментъ, когда само русское правительство принимаетъ мѣры противъ погромовъ, причемъ сослался на „милостивый пріемъ, оказанный русскимъ монархомъ еврейской депутаціи" [1]).

Дѣйствительность скоро показала, какъ далеко было правительство Игнатьева отъ сочувствія жертвамъ погромовъ. Всѣмъ бросался въ глаза тотъ фактъ, что правительство, обыкновенно ассигнующее помощь населенію городовъ, подвергшихся стихійнымъ бѣдствіямъ, не оказало ни малѣйшаго денежнаго пособія пострадавшему отъ погромовъ еврейскому населенію. Такое пособіе имѣло бы большое значеніе не только матеріальное, но и нравственное, какъ оффиціальное осужденіе совершенныхъ надъ евреями насилій, тѣмъ болѣе, если бы крупное пожертвованіе для этой цѣли было сдѣлано лично царемъ (какъ это часто дѣлалось въ случаяхъ большихъ пожаровъ или наводненій). Не только не былъ сдѣланъ этотъ шагъ со стороны власти, но даже самимъ евреямъ въ Петербургѣ не разрѣшили открыть публичную подписку въ пользу разгромленныхъ. Одесскій генералъ-губернаторъ отказался даже принять отъ еврейскихъ капиталистовъ крупное пожертвованіе для несчастныхъ [2]). За то мѣстныя власти ревностно

аудіенція осталась безрезультатною". Причина понятна: осенью 1881 г. уже дѣйствовали Игнатьевскія губернскія комиссіи, составлявшія обвинительные приговоры противъ евреевъ (см. дальше, гл. III).

1) „Разсвѣтъ" 1881 г., ст. 794 сл., 834.

2) Архивъ Евр. Историч. Общества, назв. коллекція № 6 (Записка Э. Б. Левина, розданная сановникамъ въ іюлѣ 1881 г., стр. 1); Евр. Старина, т. I, 98 (1909 г.).

позаботились, чтобы доказать свою солидарность съ врагами еврейства. Тотчасъ послѣ уличныхъ погромовъ начались своеобразные погромы административные. Полиція города Кіева еще въ маѣ энергично приступила къ выслѣживанію евреевъ, „незаконно“ тамъ проживающихъ, и тысячами изгоняла этихъ „преступниковъ“ изъ города. Такія же массовыя выселенія производились въ Москвѣ, Орлѣ и другихъ пунктахъ, лежащихъ внѣ „черты осѣдлости“ [1]. То былъ наглядный урокъ вѣротерпимости для простого народа, только что показавшаго, во что онъ цѣнитъ неприкосновенность личности и собственности еврея.

Была еще надежда, что хоть реформированный судъ, органъ общественной совѣсти, произнесетъ суровый приговоръ надъ героями погромовъ, но и въ этомъ пришлось разочароваться. За открытый разбой и насилія надъ человѣческою личностью судьи обыкновенно назначали ничтожныя наказанія (три мѣсяца ареста и т. п.), какъ за мелкій уличный скандалъ или „нарушеніе общественной тишины“, причемъ наказанію подвергались также евреи, рѣшившіеся на самооборону (какъ напр. въ Одессѣ). Въ Кіевѣ же, при разборѣ въ военно-окружномъ судѣ дѣла о мѣстномъ страшномъ погромѣ (18 мая), прокуроръ суда, извѣстный реакціонеръ Стрѣльниковъ (впослѣдствіи убитый революціонерами) произнесъ обвинительную рѣчь не столько противъ погромщиковъ, сколько противъ пострадавшихъ. Онъ доказывалъ, что эксцессы вызваны „еврейскою эксплуатаціей“, захватомъ главныхъ экономическихъ позицій въ краѣ, и въ этомъ смыслѣ задавалъ свидѣтелямъ-евреямъ коварные вопросы. Когда одинъ изъ свидѣтелей возразилъ, что обостреніе экономической борьбы вызывается искусственною скученностью евреевъ въ замкнутой чертѣ осѣдлости, прокуроръ воскликнулъ: „Если для евреевъ закрыта восточная граница, то вѣдь для нихъ открыта западная граница; почему же они ею не пользуются? [2]. Этотъ возмутительный въ устахъ стража закона призывъ къ эмиграціи, это грубое подталкиваніе въ спину тѣхъ, которые подъ вліяніемъ погромной паники уже готовились къ „исходу“ изъ страны произвели крайне тяжелое впечатлѣніе на еврейское общество.

Быстро испарилось моментальное успокоеніе умовъ, вызванное тою частью царскаго отвѣта въ аудіенціи 11 мая, которая сдѣла-

1) „Восходъ“ 1881 г., кн. V, стр. 83 (II отд.); Евр. Старина I, 99.

2) „Разсвѣтъ“ 1881 г., ст. 812, 855; „Восходъ“ 1881 г., кн. V, стр. 82 (II отд.).

лась достояніемъ гласности. Снова въ душу еврея закралась тревога, а вдохновители погрома пріободрились и рѣшили, что пора кончить антрактъ въ прерванномъ уличномъ спектаклѣ. Въ первыхъ числахъ іюля началась вторая, лѣтняя серія погромовъ. Очагомъ новаго пожара былъ городъ съ казацкими традиціями— Переяславъ (Полтавской губерніи), куда послѣ весенняго погрома въ Кіевѣ прибыло много бѣженцевъ изъ этого города. Увеличеніе еврейскаго населенія Переяслава не понравилось мѣстнымъ христіанамъ.

420 мѣщанъ христіанскаго общества составили приговоръ о выселеніи пришельцевъ изъ этого города, а въ ожиданіи

расправы рѣшили сами „проучить" евреевъ. 30 іюня и 1 іюля въ городѣ произошелъ погромъ по всѣмъ правиламъ, хотя и безъ человѣческихъ жертвъ. Оригиналенъ былъ только эпилогъ погрома. Въ городѣ образовался комитетъ для разслѣдованія причинъ безпорядковъ, состоявшій изъ представителей администраціи, 4-хъ христіанъ и 3-хъ евреевъ. Этому комитету были предъявлены слѣдующія условія перемирія съ евреями со стороны мѣщанъ-христіанъ: чтобы еврейскіе гласные мѣстной городской думы и члены прочихъ городскихъ учрежденій добровольно сложили съ себя эти почетныя званія, „какъ люди, лишенные гражданской честности" [1]; чтобы еврейскія женщины не наряжались въ шелкъ, бархатъ, золото; чтобы евреи не держали христіанской прислуги, которая у нихъ „портится" въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ; чтобы были немедленно выселены всѣ иногородніе евреи, спасшіеся бѣгствомъ въ Переяславъ; чтобы евреямъ запретили закупать продукты въ окрестныхъ деревняхъ для перепродажи, торговать въ воскресные дни и русскіе праздники, содержать кабаки и т. п. [2]). Такимъ образомъ разореннымъ евреямъ предъявили еще ультиматумъ съ угрозой продолженія „военныхъ дѣйствій". По обыкновенію, примѣру города Переяслава послѣдовалъ и его уѣздъ— мѣстечки и деревни. Разнузданность народа, пріученнаго безнаказанно разрушать и грабить, не знала границъ. Когда въ м. Борисполѣ перепившаяся водкою толпа буяновъ, готовая перейти отъ

---

[1]) На это наглое требованіе темныхъ мѣщанъ члены-евреи съ достоинствомъ отвѣтили: „Какая горькая насмѣшка! Упрекаютъ евреевъ въ отсутствіи честности представители тѣхъ именно людей, которые съ дубинами и топорами въ рукахъ, разбойническими шайками напали на своихъ мирныхъ сосѣдей, разграбляя ихъ имущество!" Въ такомъ же тонѣ составлены отвѣты на прочія требованія мѣщанъ.

[2]) „Разсвѣтъ" 1881 г., ст. 1093, 1137—38, 1295—96; Проектъ Коммиссіи Палена, стр. 73 сл.

грабежа къ рѣзнѣ, была остановлена полиціей и казаками, она въ ярости бросилась на этихъ необычныхъ защитниковъ еврейскаго населенія и стала ихъ избивать, пока нѣсколько выстрѣловъ со стороны войска не обратили буяновъ въ бѣгство. Во время погрома въ Нѣжинѣ (20—22 іюля), послѣ напрасныхъ попытокъ властей остановить буйство, войско принуждено было стрѣлять въ разъяренную толпу, въ которой оказалось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Тогда раздался кличъ: „христіанская кровь проливается; бей жидовъ!"—и погромъ возобновился съ большей еще яростью; прекратился онъ только на третій день [1]).

Въ этихъ послѣднихъ яростныхъ попыткахъ истощилась энергія іюльскихъ погромовъ. Разбойничьи банды увидѣли, что полиція и войска перестали шутить, и очень скоро отрезвились отъ своего погромнаго опьяненія. Къ концу іюля эпидемія вандализма прекратилась. Продолжалась только полоса пожаровъ во многихъ городахъ: лишенные возможности безнаказанно громить, струсившіе буяны тайно поджигали еврейскіе кварталы. Это замѣчалось особенно въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ (Литва и Бѣлоруссія), гдѣ высшая власть, въ лицѣ Виленскаго генералъ-губернатора Тотлебена, съ самаго начала рѣшительно заявила, что она погромовъ не допуститъ.

Отъ погромовъ весенней и лѣтней кампаніи пострадало свыше ста населенныхъ евреями пунктовъ, преимущественно на югѣ Россіи; но отъ паники, отъ ужаса ожиданія дикихъ насилій страдало еврейское населеніе повсемѣстно. И какъ въ давніе бѣдственные моменты средневѣковья, передъ гонимымъ народомъ всталъ вопросъ объ эмиграціи. Какъ будто для сопоставленія конца XIX вѣка съ концомъ XV-го, на еврейское горе въ Россіи откликнулась страна, которая въ 1492 г. изгнала евреевъ изъ своихъ предѣловъ: испанское правительство заявило о своей готовности принять и пріютить бѣглецовъ изъ Россіи [2]). Старая католическая Испанія протянула руку жертвамъ новой, восточной Испаніи. Практическая цѣнность этого предложенія тогда же была признана ничтожною, и на очереди сталъ вопросъ: куда направить эмиграціонное движеніе—въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, куда массу толкала нужда въ хлѣбѣ и свободѣ, или въ родную Палестину, какъ пріютъ для оскорбленной души народной. Пока

---

[1]) Проектъ etc., стр. 74; „Разсвѣтъ" 1881 г., №№ 28—32.

[2]) „Разсвѣтъ" 1881 г. ст. 1105 и 1148 (письма испанскихъ министровъ Сагасты и Кампоса).

еврейскіе публицисты спорили о томъ, куда ѣхать [1]), сама жизнь указала линію эмиграціоннаго движенія: почти всѣ эмигранты изъ юга Россіи направлялись въ Америку черезъ западно-европейскіе центры. Движеніе шло стихійно, безъ всякой организаціи, и на первомъ этапѣ пути—въ городѣ Броды, близъ русско-австрійской границы—скопилось къ концу лѣта до десяти тысячъ бѣдныхъ переселенцевъ, увлеченныхъ слухами, что агенты парижскаго „Alliance Israelite“ даютъ средства на переселеніе въ Америку. Неподготовленный къ такой массовой эмиграціи, центральный комитетъ Alliance'а растерялся. Онъ разсылалъ воззванія, предостерегающія отъ массовой эмиграціи въ Америку черезъ Броды (октябрь); но остановить движеніе было невозможно. Когда уполномоченные парижскаго „Союза“ (извѣстный Неттеръ и др.) пріѣхали въ Броды, они увидѣли страшную картину: по улицамъ города бродили тысячи измученныхъ нуждою людей, съ голодными дѣтьми на рукахъ. „Съ ранняго утра до поздней ночи делегатовъ окружала толпа, вопившая о помощи. Матери заграждали имъ дорогу, бросая подъ ноги своихъ младенцевъ и умоляя избавить ихъ отъ голодной смерти“. Делегаты дѣлали все, что могли, но число бѣженцевъ росло, между тѣмъ какъ отправка ихъ въ Америку шла крайне медленно [2]).

Не только погромы и вызванная ими паника гнали евреевъ изъ Россіи, но и тѣ новые удары, которые посыпались на нихъ изъ щедрой руки министра Игнатьева.

III.

Еврейство передъ судомъ „губернскихъ комиссій“ и варшавскій погромъ (августъ-декабрь 1881).

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ еврейскомъ вопросѣ, юдофобское правительство Игнатьева нашло наконецъ свой путь. Растерявшееся было въ началѣ погромнаго движенія, оно сперва объясняло это движеніе кознями „крамолы“ и революціонной „анархіи“, но потомъ рѣшило, что для успѣха реакціонной политики правительства и для оправданія позорящихъ Россію эксцессовъ передъ Европою выгоднѣе свалить всю вину на самихъ евреевъ. Создана была quasi-экономическая теорія „эксплуатаціи коренного населенія“ евреями. Эта теорія состояла изъ двухъ противорѣчивыхъ частей: 1) евреи, какъ торговый классъ по преимуществу,

---

[1]) Ibid. №№ 34—35, 38, 40.
[2]) Ibid. ст. 1655, 1694, 1816 и мн. др.

занимаются „непроизводительнымъ" трудомъ и такимъ образомъ „эксплуатируютъ" производительные классы христіанскаго населенія, особенно крестьянъ; 2) евреи, „захвативъ въ свои руки" торговлю и промышленность (тутъ уже признавался и фактъ большого участія евреевъ въ ремесленной и фабричной промышленности), конкуррируютъ съ христіанскими городскими сословіями, которыя расправляются со своими соперниками самосудомъ. Первая часть этой теоріи основывалась на примитивныхъ представленіяхъ о хозяйственной жизни, обычныхъ въ періодъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому, когда всѣ сложныя посредническія формы труда признаются непроизводительными, эксплуататорскими. Мысль, выраженная во второмъ пунктѣ, присуща природѣ полицейскаго государства, гдѣ любятъ говорить о „захватѣ" тѣхъ или другихъ экономическихъ отраслей инородною частью населенія и объ обязанности государственной власти вмѣшаться въ конкурренцію съ цѣлью склонить успѣхъ на сторону господствующей національности. Правительство не смущалось ни примитивностью этой теоріи, ни ея внутреннимъ противорѣчіемъ (принципъ защиты русской „эксплуатаціи" на счетъ еврейской). Правительству нужна была только точка опоры для того, чтобы снять съ себя вину за погромы и доказать, что это былъ „народный самосудъ", месть евреямъ либо со стороны „эксплуатируемыхъ" ими крестьянъ, либо со стороны неудачныхъ кандидатовъ въ эксплуататоры изъ русскаго мѣщанства.

Въ этомъ духѣ былъ составленъ въ іюлѣ 1881 г. отчетъ графа Кутайсова, командированнаго государемъ на югъ Россіи для разслѣдованія причинъ „безпорядковъ". Съ чувствомъ облегченія сообщаетъ этотъ сановникъ, что революціонная пропаганда не была причастна къ возникновенію погромовъ, и лишь кое-гдѣ революціонеры безуспѣшно пытались использовать уже возникшій анти-еврейскій погромъ „для возбужденія анти-правительственнаго движенія". Причины погромовъ, по мнѣнію Кутайсова, кроются въ самихъ евреяхъ, которые вызываютъ „ненависть народа" тѣмъ, что они „захватили въ свои руки всю торговлю и промышленность" и „образовали крупную общественную единицу". На югѣ „евреи на глазахъ одного поколѣнія обращались изъ простыхъ факторовъ въ милліонеровъ, фабрикантовъ и земельныхъ собственниковъ и становились все болѣе нахальными, требуя, чтобы коренное населеніе относилось съ уваженіемъ къ денежной аристократіи". Столичный родовой аристократъ, графъ не могъ мириться съ такимъ ростомъ вліянія денежной аристократіи (конечно, ничтожной

въ сравненіи съ массою еврейскаго пролетаріата) и съ досадою отмѣчаетъ, что въ Одессѣ лучшіе дома и лавки переходятъ въ руки евреевъ. Однако, причину развитія погромнаго движенія и этотъ пристрастный ревизоръ видитъ въ бездѣйствіи полиціи и войскъ, которыя могли вездѣ прекращать буйства черни при самомъ ихъ возникновеніи, но давали погрому разростаться. „Взволнованная масса (громилъ) составила себѣ странное убѣжденіе: если само начальство не останавливаетъ нападенія на евреевъ, то слѣдовательно оно дозволено; отсюда уже пошли толки, что оно разрѣшено самимъ царемъ", а это „разрѣшеніе" народъ объяснялъ тѣмъ, что евреи—„непосредственные виновники событія 1-го марта, что они убили царя [1])".

Министръ Игнатьевъ съ радостью ухватился за подкрѣпленную Кутайсовымъ очень удобную теорію и сдѣлалъ изъ нея самые смѣлые выводы, которые изложилъ въ своемъ докладѣ, представленномъ государю въ августѣ. Здѣсь Игнатьевъ доказывалъ ошибочность прежней политики правительства, которое „въ послѣднія 20 лѣтъ (т. е. при Александрѣ II) старалось способствовать слiянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ и почти уравняло евреевъ въ правахъ (?) съ коренными жителями". Недавніе погромы, по мнѣнію министра, доказали, что „вредное вліяніе" евреевъ такими либеральными способами нельзя устранить. „Главная причина столь несвойственнаго русскому народу движенія (погромовъ) заключается — объяснялъ графъ Игнатьевъ—въ обстоятельствахъ, имѣющихъ исключительно экономическій характеръ. Евреи за послѣдніе 20 лѣтъ мало по-малу захватили въ свои руки не только торговлю и промыслы, но пріобрѣли посредствомъ купли и арендованія значительную поземельную собственность, причемъ, благодаря своей сплоченности и солидарности, они за немногими исключеніями направили всѣ свои усилія не къ увеличенію производительныхъ силъ, а къ эксплуатаціи коренныхъ жителей и преимущественно бѣднѣйшихъ классовъ населенія, чѣмъ и вызвали съ его стороны протестъ, высказавшійся въ прискорбной формѣ—въ насиліяхъ... Подавивъ энергично (?) бывшіе безпорядки и самоуправство, для огражденія евреевъ отъ насилія, правительство признаетъ справедливымъ и неотложнымъ принять не менѣе энергичныя мѣры къ устраненію нынѣшнихъ ненормальныхъ условій, существующихъ между коренными жителями и евреями, для огражденія населенія отъ той

[1]) Подробное изложеніе доклада Кутайсова—въ „Проектѣ общей записки" Паленской Комиссіи, стр. 84—91; ср. Архивъ Евр. Истор. Общ., колл. Левина, №№ 6 и 39.

вредной дѣятельности евреевъ, которая, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, вызвала волненія"[1]). Нужна была смѣлость Игнатьева, чтобы послѣ признанія самого Кутайсова относительно бездѣйствія властей увѣрять государя въ „энергичномъ подавленіи" погромовъ (что было вѣрно лишь относительно двухъ-трехъ послѣднихъ случаевъ); но такими пріемами ловкому министру удалось получить полномочіе на дѣйствительно энергичныя репрессіи противъ разгромленныхъ.

Въ опубликованномъ высочайшемъ повелѣніи (22 августа) говорилось о „ненормальномъ отношеніи между кореннымъ населеніемъ нѣкоторыхъ губерній и евреями" и повелѣвалось: учредить въ губерніяхъ, имѣющихъ значительное еврейское населеніе, особыя комиссіи изъ представителей мѣстныхъ сословій и обществъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ. Эти комиссіи должны выяснить, „какія вообще стороны экономической дѣятельности евреевъ имѣютъ вредное вліяніе на бытъ кореннаго населенія и какія слѣдовало бы принять мѣры законодательныя и административныя" для ослабленія этого вліянія. Такимъ образомъ, въ указѣ объ учрежденіи комиссій заранѣе былъ данъ отвѣтъ на поставленный вопросъ: „выяснить вредное вліяніе" евреевъ на экономическую жизнь; то что еще нужно было доказать, предполагалось уже доказаннымъ и поручалось только подогнать фактическій матеріалъ подъ заключеніе готоваго обвинительнаго акта. Еще ярче выразилъ эту мысль Игнатьевъ въ своемъ циркулярѣ къ генералъ-губернаторамъ отъ 25 августа, гдѣ онъ воспроизвелъ свой вышеупомянутый докладъ государю и твердо установилъ догму о „вредныхъ для христіанскаго населенія послѣдствіяхъ экономической дѣятельности евреевъ, ихъ племенной замкнутости и религіозномъ фанатизмѣ"[2]).

Такъ совершилось невѣроятное: разоренное, ограбленное еврейское населеніе, которое имѣло право предъявить искъ къ незащитившему его правительству, само было предано суду этимъ же правительствомъ. Судьями были агенты правительства, губернаторы (въ томъ числѣ и виновные въ допущеніи погромовъ), и представители христіанскихъ сословій, городскихъ и сельскихъ, большею частью назначенные по усмотрѣнію губернаторовъ. Въ каждую

---

1) Содержаніе доклада включено въ циркуляръ Игнатьева къ генералъ-губернаторамъ отъ 25 августа,—см. „Справка къ докладу по еврейскому вопросу" (изд. Совѣта объединеннаго дворянства, Спб. 1910 г.), ч. II, стр. 125—126; „Еврейская энциклопедія" I, 826—27.

2) Справка etc., стр. 125; „Разсвѣтъ" 1881 г. № 36; „Восходъ" 1881 г., кн. X („Внутр. Обозр.").

комиссію допускались въ качествѣ экспертовъ, безъ права голоса, два представителя еврейскаго общества, игравшіе какъ бы роль подсудимыхъ, ибо имъ приходилось выслушивать сплошныя обвиненія противъ евреевъ и постоянно оправдываться. Всего такихъ комиссій было 16—въ 15 губерніяхъ черты осѣдлости (безъ Царства Польскаго) и въ Харьковской губерніи. Комиссіямъ былъ данъ двухмѣсячный срокъ для окончанія своихъ работъ и представленія результатовъ министерству. Въ сентябрѣ и октябрѣ повсюду происходили засѣданія этихъ „губернскихъ комиссій", призванныхъ судить еврейскій народъ на основаніи оффиціальнаго обвинительнаго акта—августовскаго указа съ комментаріемъ министерскаго циркуляра. Вотъ какъ описываетъ эти засѣданія хорошо освѣдомленный современникъ въ оффиціальномъ меморандумѣ [1]).

„Въ каждой комиссіи первое засѣданіе открывалось чтеніемъ министерскаго циркуляра отъ 25 августа. Чтеніе это вездѣ одинаково производило сильное впечатлѣніе въ двухъ направленіяхъ: на членовъ изъ крестьянскаго сословія и на членовъ изъ евреевъ. Первые выносили изъ слышаннаго убѣжденіе во враждебномъ настроеніи правительства къ еврейскому населенію и въ снисходительномъ отношеніи его къ виновникамъ безпорядковъ, вызванныхъ, по заявленію циркуляра, единственно еврейскою эксплуатаціей коренного населенія. Убѣжденіе это, подкрѣпленное въ послѣдующихъ засѣданіяхъ никѣмъ неудерживаемыми огульными нападками членовъ-юдофобовъ, они (крестьяне), конечно, не преминули передать своимъ обществамъ. Впечатлѣніе министерскаго циркуляра на членовъ изъ евреевъ было потрясающее. Они увидѣли въ лицѣ своемъ трехмилліонное еврейское населеніе посаженнымъ на скамью подсудимыхъ, одну часть населенія страны преданною суду другой части. И кто же были эти судьи? Не представители, свободно избранные всѣми сословіями населенія, въ родѣ земскихъ собраній, а агенты самой администраціи, должностныя лица, болѣе или менѣе подчиненныя губернатору. Самый же судъ былъ негласный, при отсутствіи достаточной защиты обвиняемыхъ, или, лучше сказать, напередъ осужденныхъ. Положеніе, принятое предсѣдательствовавшими губернаторами, рѣчи преобладавшихъ своимъ большинствомъ членовъ-юдофобовъ, полныя нападокъ, глумленій и утонченныхъ оскорбленій, заставляли еврейскихъ членовъ перено-

[1]) Евр. Старина 1909 г., т. I, 102—103 (записка, поданная въ Паленскую Комиссію). Ср. воспоминанія участника Кіевской Комиссіи, д-ра Мандельштама, въ сборникѣ „Пережитое", т. IV, стр. 53 сл.

сить мучительную нравственную пытку и отнимали у нихъ всякую надежду сдѣлать что-либо въ пользу спокойнаго, безпристрастнаго, всесторонняго обсужденія вопроса. Голосъ ихъ въ большомъ числѣ комиссій былъ совершенно подавленъ и заглушенъ. Это заставило еврейскихъ членовъ прибѣгнуть къ письменной защитѣ интересовъ своихъ соплеменниковъ, ко внесенію записокъ и особыхъ мнѣній. Однако, эти записки и протесты рѣдко гдѣ удостоивались прочтенія въ засѣданіяхъ".

При такихъ условіяхъ не было ничего удивительнаго въ томъ, что комиссіи составляли свои „приговоры" въ духѣ обвинительнаго акта, присланнаго высшею властью. Чиновники - юдофобы упражнялись въ невѣжественныхъ оцѣнкахъ „духа іудаизма", Талмуда и національной обособленности евреевъ—и предлагали искоренить все это путемъ полицейскихъ репрессій: уничтожить автономію еврейскихъ общинъ, закрыть всѣ спеціальныя еврейскія училища, подвергать контролю правительства всѣ стороны внутренней жизни евреевъ. Представители русскаго мѣщанства и крестьянъ, изъ которыхъ иные недавно еще содѣйствовали или по крайней мѣрѣ сочувствовали погромамъ, доказывали экономическую „вредность" евреевъ и требовали для нихъ ограниченій въ городскихъ и сельскихъ промыслахъ, а также въ правѣ жительства внѣ городовъ. Однако, пять комиссій высказали еретическую для русскаго правительства мысль о необходимости предоставить евреямъ право жительства во всей имперіи, съ цѣлью разрѣдить слишкомъ густое еврейское населеніе въ „чертѣ" [1]).

Одновременно съ губернскими—вѣрнѣе губернаторскими—комиссіями посылали свои отзывы въ Петербургъ и верховные сатрапы черты осѣдлости. Генералъ-губернаторъ кіевскій, Дрентельнъ,

строго осудилъ весь еврейскій народъ и требовалъ мѣръ для „огражденія христіанскаго населенія отъ столь надменнаго племени, религіей своею отрицающаго сближеніе съ христіанами"; нужно противопоставить репрессіи „умственному превосходству еврея", которое даетъ ему перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе. Дрентельнъ предлагаетъ, „съ цѣлью уменьшенія возрастающаго еврейскаго населенія, способствовать выселенію евреевъ изъ имперіи". Столь же рѣзко осудили

[1]) Труды губернскихъ комиссій по еврейскому вопросу (оффиц. изд., два тома, Спб. 1884 г.); обширное извлеченіе изъ нихъ—въ „Проектѣ общей записки" Комиссіи Палена, стр. 166—249; ср. „Евр. Старина" I, 107 сл. См. „Разсвѣтъ" 1881 г., № 40 и слѣд.

еврейство въ теоріи и прочіе генералъ-губернаторы (одесскій, виленскій, харьковскій), но они расходились между собою относительно размѣровъ репрессій. Виленскій правитель Тотлебенъ, не допустившій погромовъ въ Литвѣ, соглашался на запрещеніе евреямъ вновь селиться въ деревняхъ, но при этомъ великодушно указалъ, что не находитъ удобнымъ „лишать всю еврейскую націю возможности добывать своимъ трудомъ средства къ жизни". Чувствовалось, что воинствующая юдофобія хочетъ отнять у еврея даже право на добываніе куска хлѣба [1]).

Правительство было заранѣе увѣрено въ желательномъ ему результатѣ работъ губернскихъ комиссій, и поэтому, не дожидаясь ихъ записокъ съ резолюціями, оно учредило въ Петербургѣ „Центральный Комитетъ для разсмотрѣнія еврейскаго вопроса" (19 октября). Комитетъ состоялъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ изъ нѣсколькихъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, Готовцева. Чиновники уже стали сочинять проектъ „временныхъ мѣръ" въ духѣ своего патрона, Игнатьева, а по мѣрѣ полученія рѣшеній губернскихъ комиссій, подводили фундаментъ подъ этотъ проектъ. Въ январѣ 1882 г. машина по изготовленію репрессій пошла полнымъ ходомъ [2]).

Этому организованному походу юдофобовъ, которые готовили административные погромы послѣ уличныхъ, еврейскій народъ въ Россіи не могъ противопоставить никакой организованной силы. Жалкую картину представлялъ собою маленькій, келейно засѣдавшій съѣздъ еврейскихъ нотаблей въ Петербургѣ (сентябрь). Приглашенные барономъ Гинцбургомъ провинціальные гости обсуждали вопросы объ эмиграціи, о борьбѣ съ юдофобской прессой и т. п., затѣмъ представились Игнатьеву, который дипломатически увѣрялъ ихъ въ „благожелательности правительства", и разъѣхались по домамъ [3]). Единственную общественную силу представляла собою тогда еврейская пресса (особенно три ея органа на русскомъ языкѣ: „Разсвѣтъ", „Русскій Еврей" и „Восходъ"), но и въ ней еще замѣчалась растерянность. Въ то время только возникали эмбріоны политическихъ системъ, развитіе которыхъ предстояло въ будущемъ. Свою задачу борьбы за право русско-еврейская печать исполняла весьма ревностно, но ея голосъ былъ без-

---

[1]) Проектъ общей записки, стр. 199, 229, 249 и др.

[2]) Евр. Старина 1909 г., I. 265 сл.—„Разсвѣтъ" 1881 г., ст. 1719—1720, 1924.

[3]) „Разсвѣтъ" 1881 г., ст. 1485 сл. (Кромѣ этого фельетоннаго описанія, мы не нашли другой характеристики келейнаго съѣзда).

силенъ въ тѣхъ кругахъ русскаго общества, гдѣ широко разливалась отрава юдофобіи со столбцовъ такихъ газетъ, какъ полуоффиціозное „Новое Время", славянофильская „Русь" и многія другія. Выражая мнѣніе правящихъ круговъ, газета „Новое Время" въ разгаръ лѣтнихъ погромовъ серьезно поставила гамлетовскій вопросъ относительно евреевъ въ такой парафразѣ: „бить или не бить?" (начальная фраза одной изъ статей газеты)— и рѣшила, что бить нужно, но что въ Россіи, какъ монархически-консервативной странѣ, эту функцію должно исполнять не населеніе, а правительство, которое системою репрессій можетъ нанести еврейству болѣе чувствительные удары, чѣмъ толпа на улицахъ. Редакторъ московской „Руси", Иванъ Аксаковъ, нападалъ на либеральную прессу, выразившую сочувствіе разгромленнымъ евреямъ, и доказывалъ, что русскіе люди разрушали еврейскіе дома подъ вліяніемъ „справедливаго гнѣва" (который почему-то проявлялся также въ грабежѣ еврейскаго имущества и насиліяхъ надъ женщинами). Смѣшавъ въ одну кучу доводы средневѣковой церкви и новаго германскаго антисемитизма, Аксаковъ утверждалъ, что іудаизмъ по природѣ враждебенъ „христіанской цивилизаціи", а еврейскій народъ стремится къ „міродержавству посредствомъ силы денегъ".

Антисемитическій червякъ изъ Германіи проползъ даже въ нѣкоторые круги русской радикальной интеллигенціи. Среди „народниковъ", идеализаторовъ крестьянской земельной „коммуны", совершенно незнакомыхъ съ еврейскимъ бытомъ, также носились съ представленіемъ о евреѣ-эксплуататорѣ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что его пріобщали къ сонму русскихъ эксплуататоровъ изъ буржуазіи—„кулаковъ и міроѣдовъ". На этой почвѣ возникло одно очень печальное недоразумѣніе. Нѣкоторая часть соціалистовъ-революціонеровъ изъ партіи „Народной Воли" рѣшила, что если крестьяне и рабочіе громятъ еврея, какъ представителя буржуазіи инородной, то ихъ легко можно подвинуть и на разгромъ своихъ родныхъ эксплуататоровъ изъ командующихъ классовъ. Во время весеннихъ и лѣтнихъ погромовъ были кое-гдѣ попытки таинственныхъ лицъ—путемъ прокламацій и устной пропаганды—направить движеніе также противъ русскихъ дворянъ и чиновниковъ [1]). Въ концѣ августа 1881 г. появилась прокламація Исполнительнаго Комитета „Народной Воли", въ которой развита мысль,

[1]) Эти случаи послужили поводомъ къ первоначальнымъ предположеніямъ правительства относительно участія революціонеровъ въ антиеврейскомъ движеніи (выше, гл. II).

что царь поработилъ свободный украинскій народъ и роздалъ крестьянскія земли панамъ и чиновникамъ; послѣдніе покровительствуютъ еврею (?), который наживается вмѣстѣ съ ними. Поэтому народъ долженъ идти противъ евреевъ, господъ и царя. „Помогите же намъ,—говорится въ прокламаціи: „возстаньте рабочіе! Отомстите господамъ, грабьте евреевъ и убивайте чиновниковъ"! Эта прокламація была издана лишь частью членовъ революціоннаго Исполнительнаго Комитета, находившеюся тогда въ Москвѣ, но не была одобрена ни другими членами Комитета, ни партіей въ цѣломъ, а потому—какъ актъ, компрометирующій партію—была взята назадъ и уничтожена, послѣ того какъ часть ея экземпляровъ уже распространилась. Тѣмъ не менѣе, въ ближайшее время народовольцы продолжали еще теоретически оправдывать использованіе антиеврейскаго движенія для цѣлей общей соціальной революціи [1]). Только позже они убѣдились, что такая тактика и преступна, и ошибочна, ибо жизнь показала, что антиеврейское движеніе является вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ черныхъ реакціонеровъ для отвлеченія народнаго гнѣва отъ источника всѣхъ золъ, общаго режима, въ сторону наиболѣе угнетенныхъ жертвъ этого режима.

Послѣ іюльскихъ погромовъ казалось, что эта эпидемія затихла и не скоро повторится. И поэтому впечатлѣніе полной неожиданности произвела въ декабрѣ 1881 г. вѣсть о трехдневномъ погромѣ въ столицѣ Царства Польскаго—Варшавѣ. Менѣе всего ожидали погрома въ Варшавѣ, гдѣ въ ту пору еще не было обостренныхъ отношеній между поляками и евреями; но организаторы погрома, командированные извнѣ, съумѣли примѣниться къ мѣстнымъ условіямъ—и злое дѣло совершилось. Въ день католическаго праздника Рождества Христова, 13 (25) декабря, въ переполненномъ молящимися костелѣ Святого Креста, въ центрѣ города, вдругъ послышался крикъ: пожаръ! Публика бросилась къ выходамъ, и въ страшной суматохѣ было задавлено на смерть 29 человѣкъ, а много изувѣчено. Тревога оказалась ложною: никакого пожара въ церкви не было, и всѣ поняли, что это была обычная продѣлка опытныхъ варшавскихъ воровъ съ цѣлью очистить карманы публики во время давки. Но тутъ же, среди собравшейся у церкви толпы, съ ужасомъ смотрѣвшей на трупы задавленныхъ, какіе-то неизвѣстные

[1]) Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи (рус. изд 1906 г.), стр. 260—262; „Литература Народной Воли" (Женева, 1905 г.), т. II, стр. 386 сл., 423 сл. Ср. „Die Judenpogromen in Russland" („Jüdischer Verlag", Köln, 1910 г.), Bd. I, 46—66 (подробное изложеніе).

агитаторы пустили слухъ (впослѣдствіи не оправдавшійся), что въ костелѣ поймали двухъ евреевъ—виновниковъ тревоги. Мигомъ откуда-то раздались свистки, послужившіе сигналомъ къ погрому. Городская чернь стала бить проходившихъ по улицамъ евреевъ, а затѣмъ начался обычный погромъ еврейскихъ лавокъ, трактировъ и жилищъ на прилегающихъ къ церкви улицахъ. Шайки грабителей шли подъ командою извѣстныхъ въ городѣ воровъ и неизвѣстныхъ лицъ, которые по временамъ давали сигналы свистками, направляя толпу на тѣ или другія улицы. Полиціи и войска оказалось очень мало,

и это поощрило разбойниковъ къ дальнѣйшей дѣятельности. На другой день они уже „работали" на многихъ улицахъ, въ центральныхъ и окраинныхъ частяхъ города, кромѣ улицъ густо населенныхъ евреями, гдѣ боялись серьезнаго отпора (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ евреи защищались, и въ дракѣ оказались раненые съ обѣихъ сторонъ). Полиція и солдаты арестовывали многихъ буяновъ и отправляли ихъ въ участокъ, но

погромщики часто дѣлали свое преступное дѣло на виду стражей общественной безопасности.

15 декабря появился приказъ варшавскаго генералъ-губернатора Альбединскаго, которымъ городъ былъ раздѣленъ на четыре участка, и во главѣ каждаго поставленъ командиръ гвардейскаго полка. Войска были разставлены на улицахъ и не допускали скопленія погромныхъ бандъ, и въ тотъ же день безобразія прекратились. Это было сдѣлано слишкомъ поздно, послѣ того какъ въ городѣ было разрушено и разграблено около 1.500 еврейскихъ квартиръ, торговыхъ помѣщеній и молитвенныхъ домовъ и ранено 24 еврея; убытокъ простирался до нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Было арестовано свыше 3.000 громилъ, среди которыхъ оказалось очень много малолѣтнихъ [1]).

Громили вообще подонки польскаго населенія, но среди нихъ часто попадались и какіе-то незнакомцы, говорившіе по-русски. Газета „Новое Время" отмѣтила, между прочимъ, дружелюбное отношеніе громилъ-поляковъ къ русскимъ вообще и къ офицерамъ и солдатамъ въ особенности—отношеніе весьма подозрительное, если принять во вниманіе тогдашнюю ненависть поляковъ къ

[1]) „Разсвѣтъ" 1881 г., стр. 2006 и 2043; 1882 г., ст. 16, 24, 58; „Хроника Восхода" 1882 г., ст. 9, 23, 61; Проектъ общей записки, стр. 75—78; рукописное сообщеніе очевидца въ архивѣ Евр. Истор. Общества, колл. Левина, № 9.

русскимъ, особенно же къ военнымъ и чиновникамъ. Иногда сами солдаты напивались водкою въ разгромленныхъ кабакахъ и участвовали въ разграбленіи еврейскаго имущества. Польскіе патріоты изъ высшаго общества возмущались инсценированіемъ дикаго „русскаго“ погрома въ Варшавѣ. Въ обращенномъ къ народу воззваніи представители польской интеллигенціи уже на второй день погрома рѣзко протестовали противъ мерзкихъ сценъ, позорящихъ столицу Польши; то же сдѣлалъ варшавскій архіепископъ, а ксендзы во время буйства часто ходили съ крестами по улицамъ и увѣщевали толпу расходиться по домамъ. Характерно, что варшавскій генералъ-губернаторъ въ дни погрома отказалъ въ ходатайствѣ собранію польскихъ обывателей, просившихъ о дозволеніи учредить гражданскую стражу съ ручательствомъ возстановить спокойствіе въ городѣ за одинъ день [1]).

Кому то, повидимому, было нужно, чтобы польская столица повторила опытъ Кіева и Одессы, чтобы „культурные поляки“ не отстали отъ „русскихъ варваровъ“, чтобы показать Европѣ, что погромъ есть не исключительно русское изобрѣтеніе. Достигнутъ былъ, однако, обратный результатъ: позорныя варшавскія событія, завершившія погромный циклъ 1881 года, произвели на Европу и Америку болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ предыдущіе погромы, такъ какъ Варшава была тѣсно связана съ Западомъ широкими торговыми оборотами, и ея разореніе непосредственно отозвалось на европейскомъ рынкѣ.

Такъ закончился страшный 1881 годъ—родной братъ критическихъ датъ еврейской исторіи: 1096, 1348, 1648, 1768. Больше ста лѣтъ прошло со времени послѣдней вспышки гайдамачины, и снова надъ полями той же Малороссіи и степями бывшаго Запорожья пронесся старый зловѣщій кличъ: „бить жидовъ!“ Отъ Кіева до Тавриды пылалъ пожаръ новой гайдамачины, мѣстами вызванный великорусскими поджигателями. Малороссъ билъ еврея, слишкомъ близкаго къ нему и сталкивавшагося съ нимъ на экономической почвѣ; пришлый великороссъ билъ еврея далекаго, чуждаго ему, и потому загадочнаго, героя темныхъ суевѣрныхъ ле-

[1]) Вышеуказанные источники, особенно архивный.

гендъ. Какъ въ былые вѣка, въ ненависти къ еврейству и теперь слились мотивы религіозные, національные и экономическіе; но тутъ впервые къ нимъ примѣшался элементъ гражданско-политическій. Въ 1881 г. волна варварства поднялась навстрѣчу еврейскому обществу, устремившемуся въ короткую эпоху реформъ къ гражданскому равноправію и требовавшему себѣ мѣста въ государственной жизни Россіи. Подувшій послѣ 1-го марта рѣзкій вѣтеръ политической реакціи погналъ эту анти-еврейскую волну съ особенною силою, и дикая стихія проявилась въ формахъ средневѣковыхъ. Это было въ тотъ самый годъ, когда въ сосѣдней Германіи бушевалъ антисемитизмъ модернизованный. Тамъ *общественная* реакція боролась противъ уже данной евреямъ эмансипаціи; здѣсь реакція правительственная въ союзѣ съ темными элементами общества боролась противъ эмансипаціи ожидаемой, подготовленной предыдущею эпохою реформъ. И сверху, и снизу не желали видѣть въ Россіи равноправнаго, свободолюбиваго еврея на мѣстѣ прежняго униженнаго, порабощеннаго. Еврей поднялъ голову— и получилъ первый погромный ударъ, за которымъ послѣдуютъ еще многіе, болѣе страшные.

С. Дубновъ.

Житомирское дѣло 1753 года по обвиненію въ ритуальномъ убійствѣ,

въ освѣщеніи документальныхъ данныхъ.

Дѣло по обвиненію евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ, разбиравшееся въ Генеральномъ Гродскомъ Судѣ Кіевскаго воеводства, въ городѣ Житомирѣ, и окончившееся приговоромъ 26 Мая 1753 г., вообще мало извѣстно, несмотря на то, что оно по многимъ своимъ особенностямъ рѣзко выдѣляется на сѣромъ фонѣ многочисленныхъ подобнаго рода обвиненій, которыми изобиловали три первыя четверти XVIII вѣка въ Польшѣ.

Главнѣйшія особенности Житомирскаго дѣла заключались въ слѣдующемъ:

а) Обвиненіе по этому дѣлу непосредственно коснулось большого числа, а именно свыше 30, евреевъ и евреекъ изъ наиболѣе богатыхъ и наиболѣе именитыхъ въ этихъ мѣстностяхъ лицъ.

б) Обвиненіе распространилось на значительный территоріальный раіонъ и коснулось евреевъ въ 11 мѣстностяхъ, принадлежавшихъ въ большинствѣ тогдашней высшей родовой и сановной знати, какъ великому коронному гетману Яну Браницкому, великому литовскому подстолію князю Іосифу Любомирскому, люблинскому воеводѣ и др. (Квилевка, Котлярка, Кросна, Марковая Волица, Овручъ, Паволочъ, Полонка, Сокульчи, Станишева, Харлеевка и Ходорковъ).

в) Въ формальномъ отношеніи дѣло было начато производствомъ въ Кіевскомъ Консисторскомъ Судѣ епископа-коадъютора Кіевскаго и Черниговскаго, Каетана Солтыка, и разобрано, а также разслѣдовано было здѣсь же, какъ въ судѣ первой инстанціи, вопреки закону и привиллегіямъ евреевъ, согласно коимъ такія дѣла были подсудны суду королевскому. Окончательно дѣло разобрано и разрѣшено было Генеральнымъ Гродскимъ Судомъ Кіевскаго воеводства, руководствовавшимся въ значительной мѣрѣ данными Консисторскаго суда.

г) При общеизвѣстномъ медленномъ ходѣ тогдашняго правосудія, когда даже крайне малозначущія дѣла иногда тянулись десятки лѣтъ, это крупное уголовное дѣло (по которому 14 лицъ было приговорено безапелляціонно къ позорной и жестокой смертной казни), возникшее 24 Апрѣля, было вполнѣ разслѣдовано, разобрано и закончено въ двухъ инстанціяхъ уже 26 Мая, а состоявшійся въ этотъ день приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе съ 27 по 29 Мая, то-есть оно продолжалось всего 35 дней.

д) При самомъ началѣ этого дѣла, въ виду распространившихся слуховъ, среди мѣстной черни возникли антиеврейскіе безпорядки, отъ которыхъ, между прочимъ, пострадали и два лица изъ числа обвиненныхъ евреевъ; для подавленія безпорядковъ пришлось принимать особыя мѣры. Усиленію антиеврейскаго движенія и агитаціи способствовало, между прочимъ, и то обстоятельство, что христіанскіе праздники Пасхи совпали въ этомъ году съ еврейскими.

е) Дѣло касалось похищенія и замученія ребенка дворянскаго сословія, которое къ этому времени успѣло уже сдѣлаться полновластнымъ въ государствѣ.

ж) Евреямъ, кромѣ уголовной отвѣтственности, пришлось нести и отвѣтственность гражданскую: наслѣдники казненныхъ, изъ оставшагося послѣ нихъ имущества, должны были уплатить отцу ребенка Адаму Студзинскому, головщину и въ возмѣщеніе расходовъ сумму въ 1000 злотыхъ польскихъ, изъ которыхъ 700 злотыхъ пало на евреевъ паволоцкихъ, а 300 — на долю евреевъ ходорковскихъ, въ четырехъ-недѣльный срокъ, и кромѣ того въ пользу суда 42 гривны немедленно, подъ опасеніемъ вѣчной, подлежащей опубликованію, банниціи.

з) Обвиненные евреи, по мѣстностямъ, распадались на слѣдующія группы (приняты во вниманіе лишь тѣ евреи, имена коихъ обозначены въ документахъ):

Паволочъ. Раввинъ Шнаіеръ; арендари: Кива Мошковичъ, Давидъ Дыдусь (Дзидусь), Шимонъ Мелаховичъ, Шмуилъ Мошковичъ; купецъ—Дидье Иршъ (Герцъ) Бездитный.

Ходорковъ. Арендари: Давидъ (самый богатый), Берко, Лейба, Маеръ Израелевичъ; портной Давидъ Суша; Воль (малолѣтній возница).

Харлеевка. Арендари: Маеръ Мордуховичъ, Шмая Маіеровичъ (сынъ предшествующаго), Маіеръ и Айзикъ.

Марковая Волица. Арендари: Еля, Янкель и ихъ жены Брейна и Фрейза.

Котлярка. Арендари: Мевша и Хаимъ.

Полонка. Арендари: Абрагамъ и Еля.

Сокульча. Арендарь Мевша.

Квилевка. Арендарь Зейвель.

Кромѣ того: Мошко Лейба, зять басонщика изъ Овруча, Еля, сынъ Берковича и Лейба Саульковичъ. А всего поименно упоминается 29 лицъ.

и) Въ числѣ шести дворянъ, долженствовавшихъ принести совмѣстную съ отцомъ ребенка Адамомъ Студзинскимъ присягу, три раза встрѣчается фамилія Ходаковскій. Въ судебномъ приговорѣ лица эти указаны въ слѣдующемъ порядкѣ: Василій Ходаковскій, Николай Гилевичъ, Янъ Пошинскій, Эліашъ Ходаковскій, Антонъ Невискій и Павелъ Ходаковскій.

Не вдаваясь въ изложеніе сущности и хода самого дѣла, предоставляемъ ознакомиться съ ними по нижеприводимымъ, въ буквальномъ русскомъ переводѣ, тремъ современнымъ документамъ, изъ архива Оршанскаго монастыря ордена Іезуитовъ, а именно:

1) Копія письма Эммаусскаго епископа, коадъютора епископа Кіевскаго и Черниговскаго, настоятеля Гнезненскаго, каноника Краковскаго и схоластика Ленчицкаго, Каетана Солтыка, на имя Львовскаго архіепископа Николая Игнатія Выжицкаго. Письмо послано изъ города Житомира безъ обозначенія числа; но число это не трудно установить по тому мѣсту письма, въ которомъ его авторъ сообщаетъ, что тѣло ребенка лежитъ въ костелѣ уже двѣ недѣли; такъ какъ изъ дѣла видно, что тѣло найдено было въ понедѣльникъ на Свѣтлой недѣлѣ, а именно 23 Апрѣля, и привезено въ Житомиръ 26 Апрѣля, то, добавивъ 14-дневный промежутокъ времени пребыванія тамъ же, получимъ 10 Мая 1753 года, какъ дату упомянутаго письма. Письмо это знакомитъ насъ съ обстоятельствами возникновенія дѣла и его хода въ томъ видѣ, какъ таковое проведено было въ Кіевскомъ Консисторскомъ судѣ, явившемся противозаконно первою судебною инстанціей.

2) Копія уголовнаго декрета Генеральнаго Гродскаго Суда воеводства Кіевскаго по этому дѣлу, отъ 26 Мая того же 1753 года, за подписями подвоеводы Францишка Ксаверія Нитославскаго, Гродскаго Кіевскаго судьи Лукаша Богдановича и писаря Казиміра Хоецкаго.

3) Реляція или донесеніе суду объ исполненіи вышеозначеннаго приговора.

Изъ обоихъ послѣднихъ документовъ виденъ ходъ дѣла и его результаты во второй и послѣдней инстанціи.

№ 1.

Копія письма Эммаусскаго епископа, коадъютора Кіевскаго, Каетана Солтыка, Львовскому архіепископу (изъ г. Житомира).

Въ Страстную Пятницу, въ имѣніяхъ князя воеводы Люблинскаго, евреи, похитивъ дворянскаго ребенка четырехъ лѣтъ отъ роду, держали его у себя въ теченіе всей субботы, и лишь по окончаніи шабаша (въ виду того, что ихъ праздники по ветхому завѣту—Песахъ—совпали въ этомъ году съ нашими), съѣхавшись изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ Великаго Короннаго Гетмана, князя Литовскаго, подстолія, и др. владѣльцевъ, приступили къ истязанію этого ребенка.

Прежде всего раввинъ прокололъ ему лѣвый бокъ перочиннымъ ножикомъ, затѣмъ прочелъ что-то по книгамъ, а въ это время другіе евреи кололи ребенка небольшими гвоздиками и длинными булавками, выжимая у него при этомъ невинную кровь изъ всѣхъ жилъ въ особую чашку; эта кровь была сперва разлита въ бутылочки и другую посуду, а затѣмъ распредѣлена между присутствовавшими.

Еще до начала упомянутаго истязанія, они, въ видѣ опыта, завязали ребенку глаза и, поставивъ его посреди комнаты, повелѣли ему пойти въ желаемомъ ему направленіи; когда же ребенокъ, двинувшись съ мѣста, направилъ свои шаги непосредственно въ сторону входной двери, то они пришли въ отчаяніе, думая, что ихъ постигнетъ неудача въ этомъ дѣлѣ и что оно будетъ обнаружено. Но присутствующіе старшіе („seniores“), писари („scribae“), и сборщики („fiscarisci“) стали ихъ ободрять, говоря, что это во всякомъ случаѣ будетъ денежнымъ, но не уголовнымъ дѣломъ („nie garlowa to będzie sprawa ale workowa“).

Несмотря на такія мученія, ребенокъ оставался живымъ почти цѣлый часъ; затѣмъ онъ былъ обмытъ и, по приказанію присутствующихъ, отвезенъ въ рощу, при чемъ отвозившія лица сбросили его среди мелкаго кустарника; но на обратномъ пути они заблудились и, блуждая всю ночь, едва успѣли выбраться и пріѣхать на мѣсто совершенія преступленія („ad locum delicti“). Но лишь только они успѣли доложить объ исполненномъ, имъ велѣно было немедленно вернуться и спрятать тѣло гдѣ-либо подальше, въ болѣе густое мѣсто рощи. Однако, на этотъ разъ они не могли болѣе найти прежнее мѣсто.

Опечаленный отецъ въ поискахъ своего ребенка отправился на слѣдующій день, а именно въ Свѣтлое Воскресенье, въ костелъ и съ этимъ намѣреніемъ упалъ ницъ передъ Чудотворною иконою Пресвятой Дѣвы. Пролежалъ онъ въ такомъ положеніи въ теченіе всей обѣдни, послѣ чего у него явилось вдохновеніе—отправиться въ рощу и именно къ тому кусту, гдѣ брошено было тѣло ребенка. Къ нему изъ усердія („ex zelo“) присоединилось еще свыше ста другихъ лицъ дворянскаго званія.

Послѣ непродолжительныхъ поисковъ, ими найдено было въ кустахъ голое тѣло дитяти, и тутъ же рядомъ на другихъ отдѣльныхъ кустахъ они нашли развѣшанными: рубашку, платье, кушакъ и шапочку ребенка. Подобравъ тѣло, они понесли его въ церковь, и когда проходили съ нимъ мимо корчмы, въ которой дитя было замучено, то изъ лѣваго бока ребенка, а именно изъ мѣста первой нанесенной ему раны, показалась кровь. А потому, какъ на основаніи этого обстоятельства, такъ и въ виду другихъ имѣвшихся на евреевъ подозрѣній, немедленно же въ этой деревнѣ схвачено было два мѣстныхъ корчмаря-еврея съ ихъ женами, которые сознались во всемъ и показали еще на другихъ евреевъ.

Въ тотъ же день (такъ какъ все это случилось на разстояніи не болѣе шести миль отсюда) мнѣ сообщено было объ этомъ. Принимая во вниманіе, что дѣло это касалось вѣры и славы божьей („et tanquam in causa Fidei et honoris Dei"), я не замедлилъ отнестись къ нему съ возможнымъ усердіемъ и немедленно же издалъ распоряженіе объ арестѣ и „позвы" относительно явки въ судъ. При чемъ въ виду того, что нѣкоторые изъ пановъ ихъ милостей управляющихъ имѣніями, изъ опасенія передъ владѣльцами этихъ имѣній, дѣлали различныя затрудненія относительно выдачи и ареста, я вынужденъ былъ лично разъѣзжать по этимъ имѣніямъ, убѣждать ихъ милостей и производить аресты.

Въ виду этого, мнѣ впослѣдствіи безъ всякихъ затрудненій выданы были всѣ участники („omnes complices"), каковыхъ у меня имѣется уже здѣсь въ тюрьмѣ и въ кандалахъ тридцать одинъ еврей и двѣ еврейки, въ томъ числѣ наиболѣе знаменитые и наиболѣе богатые арендаторы изъ этихъ мѣстностей.

Со вчерашняго числа я началъ вести допросы, по окончаніи коихъ я отошлю это дѣло, въ виду уголовнаго его характера, въ здѣшній Гродскій Судъ. Среди простонародія („in populo") проявилось такое усердіе („zelus"), что оно было готово вырѣзать всѣхъ евреевъ („w pień wycinać"), и съ усмиреніемъ его было много дѣла. Изъ числа участниковъ („ex complicibus") сильно избиты были лишь два еврея, за которыми я распорядился тщательно ухаживать, такъ какъ они мнѣ необходимы для допроса.

Что касается упомянутаго замученнаго ребенка, то я распорядился доставить его (тѣло) сюда для осмотра, а по производствѣ осмотра помѣстить въ костелѣ. Здѣсь оно находится уже въ теченіе двухъ недѣль, при чемъ оно не разлагается („jest incorruptum") и не только не издаетъ зловонія, но, напротивъ, отъ него исходитъ какой-то особенный запахъ.

Лишь по окончаніи допросовъ это святое тѣло невиннаго и мученика („Innocentis et Martyris") будетъ мною введено торжественно („cum omni solemnitate") въ каѳедральный костелъ. Я распорядился уже объ изготовленіи для него надгробной надписи, для вѣчной памяти о семъ дѣлѣ („epitaphium ad perpetuam rei memoriam").

Когда упомянутое тѣло нужно было привезти сюда, оно взято было изъ церкви во дворъ и временно помѣщено въ избу, и когда

къ нему приводили обвиненныхъ евреевъ, то кровь хлынула почти изъ всѣхъ ранъ, что уже удостовѣрено мною допросами присутствовавшихъ тогда при этомъ дворянъ.

Сообщая о вышеизложенномъ, какъ касающемся насъ всѣхъ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ („plena veneratione")...

№ 2.

Тысяча семьсотъ пятьдесятъ третьяго года, Мая 26 дня. Копія уголовнаго декрета о замученіи христіанскаго ребенка невѣрными евреями.

Гродскій Генеральный Судъ воеводства Кіевскаго, заслушавъ пренія и опроверженія сторонъ и разрѣшая присланное ему изъ Консисторскаго Суда преосвященнаго епископа Эмаусскаго, коадъютора епископа Кіевскаго и Черниговскаго, пробоща Гнезненскаго, каноника Краковскаго и схоластика Ленчицкаго, Каетана Солтыка, дѣло, и принимая во вниманіе:

Хотя дѣло о пролитой невинной крови трехъ съ половиною-лѣтняго ребенка, дворянскаго званія, Стефана Студзинскаго, сына дворянина Адама и Евы, урожденной Выховской, супруговъ Студзинскихъ, уже ранѣе разсмотрѣно было въ Кіевскомъ Консисторскомъ Судѣ, гдѣ оно было всесторонне изслѣдовано и установлено добровольными сознаніями, а также допросами привлеченныхъ евреевъ и евреекъ, а равно допросами христіанъ подъ предварительною присягою („praeviis juramentis"),—однако, для окончательнаго убѣжденія и обнаруженія жестокосердія и необычайности этого, вопіющаго о мести къ небесамъ, преступленія („pro ulteriori convictione ac seductione atrocitatis enormisque criminis vindictam de coelo clamantis"), дѣло это отослано было въ надлежащій судъ.

И хотя признаніемъ собственными устами („propria oris confessione") невѣрныхъ Брейны и Фрейзы, женъ Эля и Янкеля, арендарей деревни Марковой Волицы, а затѣмъ и названныхъ мужей ихъ, добровольно было признано и разсказано (все) относительно похищеннаго этими арендарями въ Страстную Пятницу, 20 Апрѣля въ сумерки, въ рощѣ близъ вышеназванной деревни, христіанскаго ребенка, принесеннаго ночью того же числа въ мѣстную корчму, въ которой ребенокъ этотъ находился въ теченіе всей Страстной Субботы, до окончанія шабаша, каковаго ребенка видѣли названныя еврейки,—вышеозначенное дѣло передается на разрѣшеніе суда.

Настоящій судъ, желая примѣнить для столь гнуснаго преступленія формальныя требованія закона (formalitate legis uti in tam scelesto crimine), для болѣе полнаго изслѣдованія гнуснаго дѣянія злостныхъ убійцъ, а также еврейскаго неистовства, затвердѣлости сердца и упорства ума (et obdurati cordis, perseverantis mentis) въ отрицаніи своей виновности нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ,—предписываетъ подвергнуть добровольному допросу вы-

шеупомянутыхъ Елю и Янкеля съ ихъ женами въ отдѣльности (distinctim) и приступаетъ къ самому строгому (quam strictissime) слушанію ихъ.

Принимая, однако же, во вниманіе, что нѣкоторые, хотя и сознавшіеся прежде въ Кіевскомъ Консисторскомъ судѣ, нынѣ, покрывая это гнусное дѣяніе, отрицаютъ таковое (actum scelestum denegant), другіе же даютъ сознанія разнорѣчивыя и различныя (varianter et differenter), судъ для разслѣдованія истины дѣла (ad investigandum rei veritatem), по отправленіи и записаніи въ судѣ вторичныхъ добровольныхъ сознаній, постановляетъ подвергнуть трикратной пыткѣ вытягиванія съ примѣненіемъ огня (ter admoto igne), черезъ „мистра" священнаго правосудія (палача), невѣрныхъ: Янкеля, Киву, Маіера, Раввина Шмаіера, Воля, Зейвеля, Берка и Лейбу; судъ же немедленно приступаетъ къ слушанію допросовъ, на которые судебнымъ порядкомъ ссылаются невѣрные: Кива, Давидъ, Лейба и Берко.

Послѣ производства упомянутыхъ допросовъ, изъ которыхъ не обнаружилось ничего другого, кромѣ того, что названныхъ евреевъ видѣли до полуночи Страстной Субботы, а затѣмъ днемъ въ Свѣтлое Воскресенье,—шафаръ (экономъ) невѣрнаго Кивы, невѣрный Шмуйло Мошковичъ, судебнымъ порядкомъ созналъ, что Кива ровно въ полночь велѣлъ ему запрячь пару лошадей въ крытую повозку (do budki) и, сѣвъ въ нее съ Поволоцкимъ раввиномъ, распорядился взять въ качествѣ возницы малолѣтняго мальчика еврея; когда же послѣдній на разсвѣтѣ вернулся, то на предложенный шафаремъ вопросъ: куда ѣздили?—тотъ отвѣтилъ: въ Марковую Волицу; но что именно они дѣлали, ему неизвѣстно, такъ какъ онъ оставался все время при лошадяхъ.

Тотъ же судъ въ дополненіе (in supplementum) приступаетъ затѣмъ къ чтенію допросовъ на пыткѣ, послѣ прочтенія и весьма тщательнаго (cum summa deliberatione) разсмотрѣнія коихъ очевидно и явно обнаружилось: что невѣрные Янкель и Еля, арендари деревни Марковой Волицы, по наущенію Харлеевскаго арендаря Шмаіера, арендаря Поволоцкаго Кивы и тамошняго раввина Шмаіера, дабы раздобыть христіанскаго ребенка для его замученія и убійства, имѣя въ памяти требованія названныхъ евреевъ, отправившись въ Страстную Пятницу на поиски лошадей въ ближайшую рощу, нашли тамъ заблудившееся дворянское дитя, по имени Щепанъ, которое, спустившись съ оставленнаго на полѣ воза, куда оно посажено было своимъ отцомъ, дворяниномъ Адамомъ Студзинскимъ, пахавшимъ въ это время поле, шло по направленію къ родительскому дому, находящемуся въ деревнѣ Марковой Волицѣ. Они похитили это дитя, увели его въ болѣе глухое мѣсто, гдѣ невѣрный Еля развлекалъ его всевозможными способами до поздней ночи; невѣрный же Янкель, успѣвшій въ это время найти искомыхъ лошадей, вернулся съ ними въ корчму въ Марковой Волицѣ, но въ ту же ночь онъ вновь отправился въ рощу, гдѣ находился Еля съ ребенкомъ; они вдвоемъ принесли ребенка въ корчму въ Марковой Волицѣ; здѣсь они накормили его хлѣбомъ смоченнымъ

водкой и уложили за печку, гдѣ ребенокъ и проспалъ всю ночь. Когда дитя проснулось утромъ, они вновь накормили его мацою съ водкою и хлѣбомъ съ медомъ и подносили ему такую пищу въ теченіи всего дня, къ вѣчному смертному сну; когда же дитя просыпалось, то его манили разными прихотливыми бездѣлушками. По окончаніи шабаша, невѣрный Янкель извѣстилъ невѣрныхъ Харлеевскихъ арендарей Шмаіера и Маіера, причемъ удерживали ребенка тамъ же до прибытія вышеназванныхъ убійцъ.

Въ полночь, вслѣдствіе посланнаго имъ извѣщенія, прибыли еще невѣрные: Поволоцкій арендарь Кива Мошковичъ, тамошній раввинъ Шмаіеръ, и по приглашенію послѣдняго: Дидія Иршъ Бездитный, Маіеръ Мордуховичъ и Маіеръ изъ Харлеевки, вмѣстѣ съ Давидомъ, Беркомъ и Хаимомъ изъ Ходоркова, Зейвель изъ Квилевки, Мевша изъ Сокульчи и Мевша изъ Котлярки. Собравшись вмѣстѣ, они напоили ребенка медомъ, а затѣмъ, совмѣстно съ Елею и Янкелемъ, арендарями деревни Марковой Волицы, жаждущіе христіанской крови хищники, убійцы и волки, вытолкнувъ оттуда женъ Еля и Янкеля, Брейну и Фрейзу, а также винника Харлеевскаго Айзика, прибывшаго ночью лишь для поисковъ скота, приступили къ выполненію своего гнуснаго замысла.

При этомъ Поволоцкій раввинъ прежде всего поставилъ ребенка на скамейку и, завязавъ ему глаза платкомъ, приказалъ ему отправиться домой. Дитя, сойдя со скамейки, направилось прямо въ сторону двери, вслѣдствіе чего остальные присутствующіе евреи сильно встревожились, а остервенѣвшій вслѣдствіе своей гнусности Кива, взявъ ребенка за руку, поставилъ его на той же скамейкѣ и, заткнувъ ему невинныя уста изобрѣтеннымъ сатаною инструментомъ, а именно кляпомъ (клещами), немедленно вмѣстѣ съ толпою убійцъ, жаждущихъ невинной крови (cum caterva zboycow sanguinis innocui sitienti), принялся за истязаніе, убійство и выпусканіе невинной крови.

И такъ — о горе! — (proh dolor!) — къ униженію христіанства, мстительно возобновляя въ своей памяти страданія Господа и Спасителя, изувѣры эти содрали съ невиннаго младенца рубашку и, перемѣстивъ его изъ скамейки на столъ, установили его ногами на находящуюся на этомъ столѣ чашу, а затѣмъ, по произнесеніи чертовской молитвы, или правильнѣе, богохульства, раввинъ Шмаіеръ нанесъ ему ударъ перочиннымъ ножикомъ нѣсколько ниже сердца; другіе же безбожные фанатики наносили ему уколы тоненькими гвоздиками или длинными булавками попеременно и истязали, забивая ему подъ ногти тонкіе гвоздики, стремясь принять позорное соучастіе въ гадкомъ злодѣяніи (pro actu moritorio scelestum facinus), поднимали вверхъ и опускали внизъ руки ребенка для усиленія вытеканія крови и выпускали эту кровь, смѣняя другъ друга при этихъ истязаніяхъ до полнаго замученія ребенка. Въ заключеніе невѣрный Шмаіеръ, арендарь Харлеевскій, взявъ за голову дышащаго еще послѣ столь жестокихъ истязаній ребенка, свернулъ ему шею; другіе же держали ребенка до послѣдняго дыханія и до спуска изъ него послѣдней капли невинной

крови. Затѣмъ, распредѣливъ дѣтскую кровь по разнымъ сосудамъ, они разбѣжались съ награбленною добычею невинной крови (cum praeda innocentis sanguinis).

Тѣло подвергнутаго истязанію и замученнаго ребенка отвезено было въ ближайшую рощу на возу невѣрными—Квилевскимъ арендаремъ Зейвелемъ и арендаремъ Марковой Волицы Елемъ—и въ обнаженномъ видѣ брошено было ими тамъ же, лицомъ внизъ.

Огорченными родителями и взволнованнымъ простонародьемъ тѣло это разыскиваемо было, начиная со Страстной Пятницы, но оно найдено было лишь въ понедѣльникъ Свѣтлой Недѣли, послѣ богослуженія, и принесено въ родительскій домъ дворянами Михаиломъ Жагорскимъ и Василіемъ Родкевичемъ, а также крестьяниномъ Денисомъ Бороденко. Когда несли тѣло мимо корчмы, находящейся въ Марковой Волицѣ, то появившаяся изъ ранъ кровь обнаружила (indigitabat) какъ убійцъ, такъ и мѣсто совершенія убійства,—на что смотрѣли всѣ обыватели деревни Марковой Волицы.

Въ виду этого, настоящій судъ, обращая вниманіе на предшествующія ужасающія преступленія (attentis praemissis stupendis actibus), признаетъ этихъ изувѣровъ подлежащими смертной казни, а также постановляетъ, чтобы отецъ замученнаго ребенка, какъ обвинитель и истецъ, совмѣстно съ шестью свидѣтелями такого же сословія, принесли присягу по формулѣ, что вышеназванные и описанные евреи являются причиною смерти и пролитія крови его сына и что оставшіеся фактическіе убійцы должны быть за это преступленіе наказаны смертью. Присяга должна быть принесена немедленно, съ тѣмъ, чтобы возный приступилъ къ составленію формулы присяги (additur Ministerialis ad Rothis audum).

А такъ какъ принесеніе присяги должно быть соблюдено, то онъ и принялъ торжественную присягу (observatum juramentum solenniter), въ присутствіи суда и совмѣстно съ дворянами: Василіемъ Ходаковскимъ, Николаемъ Гилевичемъ, Яномъ Пошинскимъ, Эліашемъ Ходаковскимъ, Антономъ Невискимъ и Павломъ Ходаковскимъ.

Поэтому судъ, принявъ въ уваженіе, что дѣянія изувѣровъ подтверждены уже присягою, для обузданія омерзительной еврейской жестокости, безбожно продолжающейся у нихъ по наслѣдству со времени замученія Господа Іисуса Христа и проявляющейся до сихъ поръ въ замучиваніи христіанъ,—приказываетъ:

Невѣрные: раввинъ Поволоцкій и мѣстный арендарь Кива, Маіеръ Мордуховичъ и его сынъ Шмаіеръ арендари Харлеевскіе, Еля и Янкель арендари Марковой Волицы, какъ первоначальные зачинщики, руководители, главари и изобрѣтатели этого, болѣе чѣмъ языческаго изувѣрства,—должны быть проведены „мистромъ" священнаго правосудія (палачомъ) отъ позорнаго столба на рынкѣ города Житомира къ висѣлицѣ, находящейся у мѣстности Станишовой; обѣ руки каждаго изъ нихъ должны быть обернуты пенькою, облиты смолою и во время шествія зажжены до локтей. Доведя ихъ до означенной висѣлицы, палачъ долженъ подъ нею съ каждаго

изъ нихъ содрать по три полосы кожи, а затѣмъ живьемъ четвертовать, голову отсѣчь и вбить на колъ, а отдѣльныя четверти тѣла развѣшивать.

Невѣрные: Давидъ Дыдусъ арендарь Поволоцкій, Давидъ, Берко и Хаимъ арендари Ходорковскіе, Мевша арендарь изъ Сокольчи, второй Мевша арендарь изъ Котлярки, соучастники того же преступленія (ad hocce facinus) должны быть четвертованы палачемъ подъ висѣлицею, находящейся въ мѣстности Кросна; четверти ихъ тѣла должны быть развѣшаны по полямъ, а отсѣченныя головы вбиты на колья.

Что касается арендаря изъ Квилевки, Зейвеля, то принимая во вниманіе, что онъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми приступаетъ къ принятію Священной Католической вѣры, сознаваясь, что вслѣдствіе этого убійства христіанскаго ребенка у него возникло отвращеніе къ еврейской вѣрѣ,—хотя онъ и заслужилъ наказанія наравнѣ съ другими,—судъ, соглашаясь на болѣе мягкое наказаніе (ad mitiora condescendendo), постановляетъ, чтобы онъ былъ лишь обезглавленъ у позорнаго столба города Житомира.

Всѣхъ этихъ лицъ, для долженствующаго послѣдовать исполненія приговора, настоящій судъ отсылаетъ въ городской Житомирскій судъ (pro subsequenda executione criminali ad officium Civile Zytomiriense odsyla).

Невѣрный купецъ Поволоцкій, Иршъ Бездитный, одинаковый съ прочими соучастникъ вышеупомянутаго изувѣрства, успѣвшій убѣжать изъ Поволочи до ареста виновныхъ и въ судъ не доставленный, но виновность коего была обнаружена допросами и сознаніями, добровольными и во время пытокъ, приговоренъ судомъ къ такимъ же наказаніямъ.

Помимо этого судъ приказываетъ, чтобы наслѣдники вышеназванныхъ евреевъ, уголовныхъ преступниковъ, въ силу права головщизны (in vim taxae capitis), а также за пролитіе крови невиннаго ребенка дворянскаго званія Щепана Студзинскаго, уплатили изъ оставшагося послѣ нихъ имущества отцу умерщвленнаго, дворянину Адаму Студзинскому: Поволоцкіе евреи семьсотъ, а Ходорковскіе евреи триста злотыхъ польскихъ, — каковая уплата должна послѣдовать черезъ четыре недѣли, считая отъ нынѣшняго числа, въ Кіевскомъ Гродскомъ Судѣ, въ руки и подъ росписку дворянина Студзинскаго, подъ опасеніемъ наказанія вѣчною банниціею. Тамъ же, при уплатѣ той же суммы, соотвѣтственно размѣру головщизны и присужденнаго сторонѣ возмѣщенія убытковъ (pro taxa capitis ac refusione damnorum) и при подлежащей опубликованію манифестаціи, должно быть также уплачено вознагражденіе судьямъ въ размѣрѣ двойныхъ четырнадцати гривенъ, вышеозначеннымъ порядкомъ, и вознагражденіе своему суду въ половинномъ размѣрѣ; уплата должна послѣдовать немедленно, подъ опасеніемъ вѣчной банниціи, подлежащей опубликованію по регистру.

Невѣрные же: Лейба Ходорковскій, зять Овруцкаго басонщика Мошко Лейба, Абрагамъ и Еля Полонскіе, Шимонъ сынъ Мелаха

изъ Поволочи, Шмуйло Поволоцкій; Ходорковскіе евреи: возница малолѣтній Воль, портной Давидъ Суша и Маіеръ Израелевичъ, Еля сынъ Беркевича и Лейба Саульковичъ, какъ нисколько не изобличенные въ упомянутомъ преступленіи (in praefato crimine nil quidquam redargutos), освобождаются, и судъ приказываетъ немедленно (instantanee) освободить ихъ изъ заключенія (ex carceribus).

Подписи:

Францишекъ Ксаверій Нитославскій, подвоевода Генеральнаго Суда Кіевскаго воеводства.

Лукашъ Богдановичъ, судья гродскій Кіевскій.

Казиміръ Хоецкій, писарь.

Мѣсто печати.

№ 3.

Донесеніе объ исполненіи сего приговора.

Послѣ перваго декрета послѣдовало исполненіе приговора. Прежде всего Кива, знаменитый въ этихъ мѣстностяхъ арендарь имѣній Билиловскаго, великаго короннаго гетмана, и Поволоцкаго, князя подстолія Литовскаго, Поволоцкій раввинъ Шнаіеръ, Харлеевскіе арендари: Маіеръ Мордуховичъ и сынъ его Шмая, и похитившіе, по приказанію старшихъ, этого ребенка арендари Марковой Волицы: Еля и Янкель,—всѣ перечисленные шесть лицъ поведены были сперва на рынокъ, гдѣ имъ обложили руки облитыми смолою деревянными щепами, затѣмъ обмотали до локтей паклею и зажгли таковую. Въ этомъ состояніи ихъ провели за городъ, подъ висѣлицу, гдѣ сперва съ каждаго изъ нихъ содрали по три полосы кожи, потомъ четвертовали живьемъ, отсѣкли головы и эти послѣднія, а также отдѣльныя четверти тѣла, развѣшали на кольяхъ. Изъ всѣхъ ихъ одинъ лишь Еля съ женою просилъ св. крещенія, и былъ присужденъ къ болѣе легкому наказанію (mitiori poenam), а именно къ простому обезглавленію, но Епископомъ-коадъюторомъ Кіевскимъ для него исходатайствовано было освобожденіе отъ смертной казни; съ остальными же, упорствующими въ своемъ злодѣяніи (perseverantes in sua malitia), поступлено было согласно приговору.

На слѣдующій день шесть нижепоименованныхъ евреевъ, приговоренныхъ къ четвертованію живьемъ, а именно: Дзидусъ изъ Поволочи, Берко изъ Ходоркова, Мевша арендарь изъ Сокульчи, Мевша арендарь изъ Котлярки, Давидъ арендарь Ходорковскій изъ Ходоркова (самый богатый изъ всѣхъ въ этихъ мѣстностяхъ), выведены были подъ висѣлицу, причемъ трое изъ нихъ, упорствующіе, казнены были согласно приговору (ad mentem decreti). Остальныхъ, а именно: Давида арендаря Ходорковскаго, Хаима и Мевшу изъ Котлярки, изъявившихъ желаніе принять св. крещеніе, приказано было просто обезглавить; но, для вящшаго просвѣщенія ихъ св. вѣрою, исполненіе приговора было имъ отсрочено до слѣдующаго дня, каковое исполненіе и послѣдовало, причемъ, къ ве-

ликому назиданію для всѣхъ, въ виду твердости въ вѣрѣ (ex perseverantia in fide), тѣла этихъ вновь крещенныхъ положены были въ гробы и проведены въ процессіи (processionaliter) въ каѳедральный костелъ Епископомъ-коадъюторомъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства бѣлаго и монашествующаго, не только католическаго, но и греческаго исповѣданія (pontificaliter cum numeroso clero Saeculari et Regulari, oraz Ritus Graeci), и при громадномъ стеченіи пановъ, обывателей и военныхъ; въ каѳедральномъ соборѣ отслужены были многократныя заупокойныя богослуженія и панихиды, продолжавшіяся до двухъ часовъ по полудни, а вслѣдъ за этимъ послѣдовали похороны этихъ тѣлъ.

Тринадцатый еврей, Квилевскій арендарь Зейвель, приговоренный къ смертной казни черезъ отсѣкновеніе головы, но выразившій желаніе принять вмѣстѣ съ женою и четырьмя дѣтьми крещеніе, освобожденъ былъ отъ смертной казни по ходатайству Епископа-коадъютора.

Что касается четырнадцатаго еврея, Герца Бездѣтнаго изъ Поволочи, успѣвшаго бѣжать еще при возникновеніи дѣла, то онъ приговоренъ къ четвертованью живьемъ, гдѣ бы онъ ни былъ пойманъ.

По окончаніи исполненія приговора, Епископомъ-коадъюторомъ произведены были церемоніалъ Святого крещенія надъ тринадцатью лицами, евреями и еврейками, съ пріобщеніемъ ихъ въ первый разъ Святыхъ таинъ (Sacramenta Confirmationis), и обрядъ бракосочетанія (Matrimonii) трехъ паръ.

* * *

Не вдаваясь въ критику и оцѣнку этого дѣла съ юридической точки зрѣнія, обратимъ лишь вниманіе на бросающіяся съ перваго взгляда въ глаза несообразности и противорѣчія процесса.

Самъ фактъ похищенія евреями ребенка и сопровождающія его обстоятельства въ томъ видѣ, какъ это представлено въ дѣлѣ, возбуждаютъ много сомнѣній. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы даже мелкій дворянинъ того времени занимался въ Страстную Пятницу пахатными работами въ полѣ до сумерекъ,—въ этотъ день, какъ извѣстно, полевыя работы не производятся вовсе, а въ крайнемъ случаѣ допускаются лишь кратковременно. Не менѣе странно, почему для пахатныхъ работъ отцу ребенка понадобился возъ, а не плугъ; если же послѣдній оставленъ былъ имъ на полѣ, то было бы естественнѣе подвести къ нему лошадей, сѣвъ на одну изъ нихъ верхомъ, какъ это водится еще понынѣ въ сельскомъ быту. Еще болѣе удивителенъ и ничѣмъ не объяснимъ тотъ фактъ, что Адамъ Студзинскій посадилъ съ собою на возъ—при отправкѣ на полевыя пахатныя работы, которыя должны были продолжаться до сумерекъ—своего трехлѣтняго ребенка, который

находился все это время безъ присмотра на возу, вмѣсто того, чтобы остаться дома на попеченіи матери. Наконецъ, непонятно равнодушіе отца, не производившаго поисковъ немедленно, по горячимъ слѣдамъ, заблудившагося въ лѣсу ребенка, которому, помимо евреевъ, угрожало много опасностей.

Далѣе въ этомъ дѣлѣ поражаетъ отсутствіе какихъ бы ни было реальныхъ уликъ противъ евреевъ. Правда, имѣется единственная улика—это кровь, хлынувшая изъ ранъ на тѣлѣ ребенка при перенесеніи трупа мимо корчмы въ Марковой Волицѣ, гдѣ якобы совершено было его убійство, а также повтореніе этого явленія при подведеніи къ тѣлу ребенка обвиняемыхъ евреевъ; но эта улика прямо противорѣчитъ добытымъ судебнымъ разслѣдованіемъ даннымъ самого акта мученія и убійства, которыя прямо указываютъ, что евреями, при истязаніи ребенка, употреблялись особые пріемы для того, чтобы источить изъ него всю кровь, до послѣдней капли, и что они окончательно умертвили его лишь по истеченіи всей крови. Спрашивается, откуда, по прошествіи двухъ дней со времени убійства, то есть послѣ находки трупа, въ немъ могла появиться кровь въ такомъ изобиліи и подъ столь сильнымъ давленіемъ, что она многократно, въ извѣстные рѣшительные для дѣла моменты, могла изъ ранъ тѣла хлынуть наружу? Конечно, это явленіе сверхестественное, чудесное, но относительно элемента чудеснаго въ этомъ дѣлѣ рѣчь будетъ ниже.

Данныя судебнаго разслѣдованія относительно нанесенія ребенку наиболѣе существенной, а именно первой раны—въ двухъ инстанціяхъ суда между собою несогласны. По даннымъ Консисторскаго суда, первая рана нанесена была ребенку въ лѣвый бокъ; по даннымъ же Генеральнаго Гродскаго суда—въ область груди, нѣсколько ниже сердца.

Не менѣе сомнителенъ и фактъ пребыванія ребенка въ корчмѣ въ рукахъ евреевъ, въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, а также указываемый разслѣдованіемъ способъ питанія ими ребенка въ теченіе этого времени мацою, смоченною водкой, и хлѣбомъ, смоченнымъ медомъ;—между тѣмъ, какъ общеизвѣстно, евреи еще наканунѣ пасхальной недѣли тщательно убираютъ изъ своихъ жилищъ всякіе слѣды хлѣба на всю пасхальную недѣлю и къ нему въ теченіе всего этого времени даже не прикасаются; такъ что наличность одного изъ этихъ продуктовъ исключаетъ возможность присутствія другого.

Ограничиваясь вышеприведенными, во всякомъ случаѣ возбуждающими сомнѣніе, фактами, хотя въ дѣлѣ можно найти еще

немало другихъ сомнѣній, слѣдуетъ еще замѣтить, что всѣ обвиненные евреи—какъ въ судѣ Консисторскомъ, такъ и въ Генеральномъ Гродскомъ, при добровольныхъ допросахъ и при допросахъ съ примѣненіемъ многократныхъ жестокихъ пытокъ, вплоть до момента чрезвычайно лютой и состоявшей изъ аггрегата раффинированныхъ пытокъ смертной казни—единодушно отрицали всякое свое участіе, прямое или косвенное, въ убійствѣ ребенка, и все обвиненіе основано на показаніяхъ двухъ изъ числа обвиняемыхъ и подвергнутыхъ заключенію евреекъ, женъ арендарей деревни Марковой Волицы, Янкеля и Еля, а также показаніями послѣдняго изъ нихъ. Но если принять во вниманіе, что изъ числа всѣхъ шести, якобы наиболѣе виновныхъ и приговоренныхъ къ самой жестокой смертной казни, евреевъ одинъ лишь Еля, принимавшій, по даннымъ слѣдствія, участіе въ похищеніи ребенка, не подвергался допросу подъ пыткою и затѣмъ, изъявивъ въ послѣдній моментъ желаніе принять крещеніе по католическому обряду, былъ, по ходатайству епископа-коадъютора Солтыка, вполнѣ помилованъ, въ то время какъ изъ трехъ другихъ, менѣе виновныхъ и подлежавшихъ менѣе жестокой смертной казни, также изъявившихъ въ послѣдній моментъ согласіе на принятіе крещенія, евреевъ, обратившихся съ ходатайствомъ къ тому же епископу Солтыку, не былъ помилованъ ни одинъ, и смертная казнь была для нихъ лишь нѣсколько смягчена и отложена на 24 часа,—то показанія Ели и его жены теряютъ всю силу, и его освобожденіе отъ пытокъ, а затѣмъ полное помилованіе производятъ впечатлѣніе награды за его уступчивость въ показаніяхъ въ желательномъ для вдохновителей этого дѣла духѣ.

Такого рода впечатлѣніе принимаетъ характеръ вѣроятности въ виду того обстоятельства, что вторымъ и послѣднимъ изъ осужденныхъ, изъявившимъ въ послѣдній моментъ желаніе принять христіанскую вѣру и вполнѣ помилованнымъ по ходатайству епископа-коадъютора Солтыка, лицомъ оказался Квилевскій арендарь Зейвель, который, согласно даннымъ Генеральнаго Гродскаго суда, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ арендаремъ Елею, отвезъ тѣло убитаго ребенка на возу въ ближайшій лѣсъ и бросилъ это обнаженное тѣло на землю, лицомъ внизъ.

Такимъ образомъ два, судя по даннымъ Генеральнаго Гродскаго суда, непосредственныхъ участника начальнаго и заключительнаго моментовъ преступленія—похищенія ребенка и отвезенія въ лѣсъ его трупа—оказались единственными помилованными и освобожденными отъ смертной казни, вслѣдствіе ходатайства епи-

скопа-коадъютора Солтыка, лицами. Между тѣмъ для трехъ менѣе виновныхъ и изъявившихъ въ послѣдній моментъ также желаніе принять крещеніе лицъ, а именно: Давида арендаря Ходорковскаго (наиболѣе богатаго изъ евреевъ этого раіона) и арендарей изъ Котлярки Хаима и Мевши, епископъ-коадъюторъ Солтыкъ оказался менѣе великодушнымъ и нашелъ возможнымъ воздать должное лишь бездыханнымъ ихъ трупамъ, справивъ имъ торжественныя похороны по католическому обряду.

Если затѣмъ прослѣдить различіе въ передачѣ нѣкоторыхъ фактовъ и обстоятельствъ этого дѣла по письму епископа-коадъютора Солтыка, являющемуся выразителемъ данныхъ Консисторскаго суда, и по декрету Генеральнаго Гродскаго суда Кіевскаго воеводства, то невольно бросается въ глаза слѣдующее:

Судя по даннымъ письма епископа-коадъютора Солтыка, какой то ореолъ сверхъестественнаго, чудеснаго, виталъ надъ этимъ дѣломъ почти съ самаго момента его возникновенія, а именно:

1) Когда, еще до убійства, ребенокъ съ завязанными глазами поставленъ былъ евреями по серединѣ комнаты и по ихъ приказанію долженъ былъ двинуться въ желательномъ ему направленіи, то ребенокъ прямо направился въ сторону выходной двери,—что послужило для евреевъ дурнымъ предзнаменованіемъ.

2) Когда отвозившіе тѣло ребенка послѣ его убійства евреи (Еля и Зейвель) первоначально сбросили тѣло въ рощу, среди мелкаго кустарника, то на обратномъ пути они сбились съ отлично имъ извѣстной дороги и лишь послѣ долгихъ блужданій попали въ корчму Марковой Волицы; а когда затѣмъ, выслушавъ ихъ сообщеніе, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ евреевъ нашли это мѣсто опаснымъ и приказали имъ вновь вернуться въ рощу и убрать тѣло ребенка въ болѣе заросшее мѣсто, то вернувшіеся въ рощу евреи (тѣ же Еля и Зейвель), несмотря на продолжительные поиски, никакъ не могли найти мѣсто, куда ими сброшено было это тѣло.

3) Относительно факта находки тѣла ребенка въ письмѣ указывается, что огорченный безуспѣшными поисками своего сына отецъ отправился въ день Свѣтлаго Воскресенія въ каѳедральный костелъ въ Житомирѣ (незадолго до того освященный епископомъ-коадъюторомъ Солтыкомъ), упалъ ницъ передъ чудотворною иконою Пресвятой Дѣвы и пролежалъ въ этомъ положеніи въ теченіе всей обѣдни, послѣ чего у него явилось вдохновеніе отправиться въ рощу, и именно къ тому кусту, гдѣ брошено было евреями тѣло ребенка, причемъ вдохновеніе это, очевидно, охватило также мно-

гочисленную толпу, такъ какъ къ огорченному отцу, изъ усердія, присоединилась почтенная по числу группа, въ количествѣ ста человѣкъ однихъ только дворянъ.

4) Еще болѣе поразительна обстановка, при которой этими лицами найдено было тѣло ребенка: вокругъ тѣла на отдѣльныхъ кустахъ оказались развѣшенными: рубашка, платье, кушакъ и шапочка ребенка. Откуда взялись тамъ эти предметы и чья рука размѣстила ихъ въ столь систематическомъ порядкѣ, неизвѣстно.

5) При прохожденіи несшихъ тѣло лицъ мимо корчмы въ Марковой Волицѣ, изъ первой раны (въ лѣвомъ боку) хлынула кровь; послѣ того кровь появлялась изъ всѣхъ ранъ тѣла всякій разъ, когда къ нему подводили кого-либо изъ обвиняемыхъ евреевъ. Добавимъ, что появленіе крови изъ первой раны послужило стимуломъ для заподозрѣнія евреевъ въ убійствѣ ребенка и насильственнаго захвата мѣстныхъ арендарей (Янкеля и Ели) съ ихъ женами.

6) Тѣло замученнаго ребенка, привезенное, по распоряженію епископа-коадъютора Солтыка, для судебнаго осмотра въ городъ Житомиръ, а затѣмъ помѣщенное имъ въ мѣстный каѳедральный соборъ, простоявъ тамъ же въ теченіе двухъ недѣль, не только не разложилось и не издавало зловонія, но, напротивъ, отъ него исходило даже какое-то благоуханіе; о чемъ епископъ находитъ нужнымъ довести до свѣдѣнія Львовскаго архіепископа и добавляетъ, что это святое тѣло невиннаго мученика онъ намѣренъ, по окончаніи судебныхъ допросовъ, ввести съ подобающимъ торжествомъ въ каѳедральный костелъ и что для вѣчной памяти этого дѣла имъ уже заказана соотвѣтствующая эпитафія для памятника.

Между тѣмъ о всѣхъ вышеупомянутыхъ фактахъ декретъ Генеральнаго Гродскаго суда или вполнѣ умалчиваетъ, или представляетъ ихъ въ нѣсколько иномъ видѣ. Такъ о фактахъ, указываемыхъ подъ пунктами 1-мъ (неудачное для евреевъ предзнаменованіе при шествіи ребенка съ завязанными глазами), 2-мъ (двукратное блужданіе евреевъ послѣ отвозки тѣла ребенка въ лѣсъ и невозможность для нихъ находки тѣла при вторичной поѣздкѣ), 4-мъ (странная обстановка, при которой тѣло якобы найдено было отцомъ) и 6-мъ (нетлѣнность и благоуханіе тѣла ребенка послѣ двухнедѣльнаго его пребыванія въ костелѣ)—декретъ Генеральнаго Гродскаго суда Кіевскаго воеводства совершенно умалчиваетъ. Относительно факта подъ п. 5-мъ декретъ указываетъ лишь, что при перенесеніи тѣла ребенка мимо корчмы въ Марковой Волицѣ изъ ранъ появилась кровь, но свидѣтелей этого факта не приводитъ, а

заявляетъ лишь голословно: „на что смотрѣли всѣ обыватели Марковой Волицы“. Наконецъ, данныя вышеупомянутаго декрета о находкѣ тѣла прямо расходятся и противорѣчатъ даннымъ письма епископа-коадъютора Солтыка подъ п. 3-мъ, а именно: тѣло найдено было не въ Свѣтлое Воскресеніе, а лишь день спустя, т. е. въ понедѣльникъ; тѣло найдено было не по вдохновенію свыше и не отцомъ ребенка въ сопровожденіи ста лицъ дворянскаго сословія, а поименованными въ декретѣ тремя лицами: дворянами Михаиломъ Жагорскимъ и Василіемъ Радкевичемъ и крестьяниномъ Денисомъ Бороденко, и ими же доставлено въ родительскій домъ.

Такимъ образомъ приходится констатировать, что помѣщеніе епископомъ-коадъюторомъ Солтыкомъ въ его письмѣ, или собственно донесеніи своему высшему начальству, цѣлой группы искаженныхъ или явно недѣйствительныхъ фактовъ, очевидно произведено имъ было съ какою-то особенною цѣлью.

Каѳедральный костелъ въ Житомирѣ, возведенный въ 1724 году тогдашнимъ епископомъ Кіевскимъ и Черниговскимъ Яномъ Самуиломъ Ожгою (ему въ 1749 г., въ виду преклоннаго его возраста, назначенъ былъ въ качествѣ „коадъютора“ только что вернувшійся тогда изъ Рима по окончаніи курса высшихъ духовныхъ наукъ, молодой и энергичный, съ вліятельными родственными связями Каетанъ Солтыкъ), былъ освященъ Солтыкомъ вскорѣ послѣ его возведенія въ санъ коадъютора; имъ же при этомъ костелѣ поставленъ былъ спеціальный проповѣдникъ изъ ордена іезуитовъ и учреждена семинарія для юношества, желающаго подготовиться къ духовному званію. Нѣсколько времени спустя, 10 іюля 1756 г., Солтыкомъ былъ совершенъ обрядъ коронованія чудотворной иконы Божьей Матери, въ монастырѣ ордена „Кармелитовъ Босоногихъ“, въ городѣ Бердичевѣ.

Понятно, что молодой и ревностный распространитель и укрѣпитель католичества въ этой обширной по размѣрамъ, но не особенно ревностной въ дѣлѣ вѣры епархіи, готовъ былъ для своихъ цѣлей воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ. Въ особенности ему улыбалась мысль придать воздвигнутому его Суперіоромъ и освященному имъ лично каѳедральному костелу въ Житомирѣ возможно широкую и громкую извѣстность, тѣмъ болѣе что это могло послужить къ вящшему укрѣпленію среди мѣстнаго населенія католической вѣры, къ обогащенію каѳедры и главное— къ созданію громкой славы творцу этого дѣла.

Въ этомъ отношеніи дѣло о ритуальномъ убійствѣ, какъ доказала неоднократная практика того времени, при надлежащемъ его

направленіи и инсценированіи, являлось наиболѣе удобнымъ и подходящимъ. Дѣлу не трудно было придать оттѣнокъ сверхъестественнаго, чудеснаго, связать это чудо съ каѳедральнымъ костеломъ прославить храмъ вмѣстѣ съ имѣющейся въ немъ иконою и укрѣпить такимъ образомъ на долгое время вѣру въ мѣстномъ населеніи.

Поэтому, воспользовавшись случаемъ исчезновенія малолѣтняго ребенка, пропавшаго неизвѣстно при какихъ обстоятельствахъ, а можетъ быть просто заблудившагося въ лѣсу вслѣдствіе отсутствія надзора со стороны родителей и погибшаго тамъ отъ невыясненныхъ причинъ, епископъ-коадъюторъ, которому, по словамъ его письма, немедленно было доложено объ этомъ, не пожалѣлъ трудовъ и времени, чтобы, захвативъ дѣло въ корнѣ, направить процессъ въ намѣченномъ направленіи. Немедленнымъ арестомъ слишкомъ 30 болѣе выдающихся евреевъ изъ окрестныхъ жителей, на обширной территоріи 11 мѣстностей, онъ сразу лишилъ ихъ всякой возможности защиты. Совпаденіе этого факта съ днями Пасхи, праздновавшейся въ этомъ году евреями и христіанами одновременно, составляло весьма благопріятное обстоятельство въ этомъ отношеніи.

Епископъ-коадъюторъ принялся за дѣло энергично. Ему лично пришлось разъѣзжать, согласно его письму, по всѣмъ этимъ мѣстностямъ и убѣждать управляющихъ соотвѣтствующими „ключами“, отказывавшихся выдавать безпричинно подъ арестъ мѣстныхъ евреевъ-арендарей, въ интересахъ вѣры этому не препятствовать. Управители имѣніями столь высокопоставленныхъ сановниковъ, какъ великій коронный гетманъ, великій литовскій подстолій, воевода Люблинскій, которые нисколько не поцеремонились бы въ отказѣ выдачи нужныхъ имъ арендарей лицамъ судебнаго вѣдомства, обычнымъ вознымъ, съ которыми они и не стали бы вступать въ разговоры,—должны были, разумѣется, отнестись иначе къ высшему мѣстному представителю духовной власти, являвшемуся къ нимъ въ домъ лично съ ходатайствомъ о выдачѣ евреевъ въ интересахъ поруганной вѣры; отказать въ этомъ своему духовному пастырю было бы невозможно, и они не стали болѣе препятствовать многочисленнымъ арестамъ. Къ тому доводы епископа-коадъютора несомнѣнно возбудили въ нихъ настроеніе не въ пользу евреевъ, да и вообще вся эта агитаціонная поѣздка безспорно не осталась безъ вліянія на настроеніе другихъ слоевъ населенія, въ особенности черни, и вызвала желательную для успѣха дѣла вспышку въ видѣ антиеврейскихъ безпорядковъ, для подавленія которыхъ пришлось принимать особыя мѣры.

Начало вышло болѣе чѣмъ удачно. Далѣе дѣло, вопреки закону и привилегіямъ евреевъ, направлено было епископомъ-коадъюторомъ Солтыкомъ для разслѣдованія и разбора въ его собственный Консисторскій судъ, въ которомъ дѣло получило желательное его руководителю освѣщеніе и окраску. Этому способствовала и нѣкоторая уступчивость, подъ вліяніемъ угрозъ и жестокихъ пытокъ, со стороны евреевъ Ели и Зейвеля, впослѣдствіи, какъ намъ уже извѣстно, принявшихъ съ семьями католическую вѣру и по ходатайству Солтыка освобожденныхъ отъ смертной казни. Послѣ этого намѣренія епископа-коадъютора приняли уже реальный характеръ, и онъ могъ смѣло сообщить о нихъ, какъ равно и о ходѣ всего дѣла, Львовскому архіепископу, въ вышеприведенномъ своемъ письмѣ.

Генеральный Гродской судъ Кіевскаго воеводства, разбиравшій затѣмъ это дѣло въ послѣдней инстанціи, не разсматривалъ, какъ видно, дѣло по существу, а провѣрялъ его лишь по даннымъ Консисторскаго суда, а потому и рѣшеніе его, хотя и не касается вопроса о сверхъестественномъ и чудесномъ (за исключеніемъ появленія крови изъ ранъ), не могло измѣнить общаго направленія дѣла и судьбы несчастныхъ его жертвъ.

Пріобрѣтеніе каѳедральнымъ костеломъ нетлѣннаго тѣла невиннаго ребенка-мученика, чудеса при разысканіи его тѣла, проявленныя мѣстною иконою, трехдневное зрѣлище казненныхъ одиннадцати евреевъ (по образцу инквизиціонныхъ процессовъ), торжественныя похороны трехъ принявшихъ крещеніе, но тѣмъ не менѣе казненныхъ изъ числа упомянутыхъ одиннадцати евреевъ и торжественное крещеніе въ католическую вѣру многихъ другихъ, не осужденныхъ по дѣлу и освобожденныхъ изъ заключенія евреевъ—вотъ обильные плоды усиленныхъ заботъ и трудовъ епископа-коадъютора Солтыка въ этомъ дѣлѣ.

Вслѣдствіе этого житомирское дѣло получило тогда широкую огласку; копіи судебнаго декрета вмѣстѣ съ копіею письма Солтыка на имя Львовскаго архіепископа разосланы были по многимъ монастырямъ и церквамъ для пользованія ими въ случаѣ могущей встрѣтится надобности, причемъ письмо должно было служить указаніемъ, въ какомъ освѣщеніи свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ должны быть распространяемы и использованы.

Декретъ былъ даже отпечатанъ въ этомъ же году въ Краковѣ съ изображеніемъ убитаго ребенка; онъ помѣщенъ и въ книгѣ Патера Г. Пикульскаго „Złosc żydowska przeciwko Bogu i bliznіemu, na objasnienie talmudystów“ (Lwów 1758). Совре-

менный Солтыку его біографъ, каѳедральный краковскій проповѣдникъ ордена Францисканцевъ, патеръ Кассіанъ Корчинскій, въ своемъ трудѣ, посвященномъ краковскому капитулу и изданномъ въ Краковѣ въ 1764 году („Kazania w Katedrze Krakowskiej roznemi czasy przez kilka lat miane“), описывая первые годы дѣятельности Солтыка въ качествѣ коадъютора епископа Кіевскаго, восклицаетъ съ восторгомъ: „Убитый неистовствомъ невѣрныхъ евреевъ (по ихъ обыкновенію) невинный ребенокъ нашелъ въ Каетанѣ могучаго защитника своей невинности, защитника, передавшаго достойныхъ смертной казни убійцъ свѣтскому суду; менѣе же виновныя лица, въ количествѣ свыше сорока (?), имъ окрещены были въ источникѣ жизни, причемъ онъ озаботился объ обильномъ предоставленіи этимъ лицамъ всего необходимаго“.

Менѣе лестно, но болѣе справедливо и съ приведеніемъ соотвѣтствующихъ фактическихъ данныхъ о характерѣ и дѣятельности тогда уже Краковскаго епископа Солтыка, въ особенности по отношенію къ Краковской академіи, патрономъ и канцлеромъ коей онъ состоялъ по занимаемой имъ должности, высказывается извѣстный современный ему ученый и политическій дѣятель Гуго Коллонтай, въ своемъ трудѣ о состояніи просвѣщенія въ Польшѣ: („Stan oswiecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III, 1750—1764“, Poznan, 1841,—изданіе посмертное). Здѣсь, на стр. 155, авторъ мѣтко характеризуетъ епископа Солтыка слѣдующимъ образомъ: „Послѣ него (рѣчь идетъ о предшественникѣ Солтыка по Краковской каѳедрѣ, епископѣ Станиславѣ Залускомъ) занялъ епископскую каѳедру Солтыкъ, человѣкъ ловкій, къ тому пылкій и надменный. Вмѣсто того, чтобы проявить свое расположеніе къ академической профессорской корпораціи, онъ сразу же сталъ ее притѣснять, и постоянныя ссоры и препирательства съ Солтыкомъ вполнѣ оттолкнули названную корпорацію отъ этой единственной въ странѣ власти, которой она подлежала“. Затѣмъ всю XXVII главу своего труда (стр. 212—225) Коллонтай посвящаетъ разсмотрѣнію этихъ ссоръ и препирательствъ, озаглавивъ ее прямо: „Ссоры Академіи съ епископомъ Краковскимъ“.

Главу эту авторъ начинаетъ такъ: „Еще гораздо больше шума (рѣчь шла о спорѣ Краковской Академіи съ іезуитами) произвелъ споръ краковскаго епископа съ Академіею, въ особенности волновавшій воеводства Краковское и Сандомирское. Каетанъ Солтыкъ, принявъ въ свои руки это богатѣйшее епископство послѣ смерти Станислава Залускаго, настоящаго друга Академіи, прежде всего направилъ свою дѣятельность къ устройству своихъ доходовъ, при-

чемъ онъ уволилъ отъ службы прежнихъ завѣдывающихъ и комиссаровъ во всѣхъ имѣніяхъ. Вновь назначеннымъ имъ надзирателямъ не понравилось то обстоятельство, что въ числѣ доходныхъ статей настоятеля Люборжицкаго прихода находилась пропинація (корчма) въ деревнѣ Люборжице, наравнѣ съ епископскою корчмою, и вопреки издревле установившемуся и непрерывно продолжавшемуся обычаю, они рѣшили оспорить и отнять право на этотъ доходъ у настоятеля. Вспыльчивый въ теченіе всей своей жизни Солтыкъ, вмѣсто того, чтобы заняться разсмотрѣніемъ правъ, присвоенныхъ академикамъ, издалъ распоряженіе о немедленномъ отнятіи этой корчмы у настоятеля, въ пользу своей казны. Но мѣстнымъ настоятелемъ въ это время состоялъ докторъ обоего права и профессоръ Академіи патеръ Ярмундовичъ. Не желая лично вступать въ пререканія съ епископомъ, онъ передалъ доходы всего своего прихода, въ томъ числѣ и доходъ отъ корчмы, которую хотѣлъ себѣ присвоить епископъ, въ аренду имѣвшему многочисленныя родственныя связи въ воеводствѣ Краковскомъ, дворянину Дембинскому".

Изъ дѣла видно, что опытный и ловкій юристъ, настоятель Ярмундовичъ, зная безцеремонные пріемы Солтыка по прежней его дѣятельности, обставилъ дѣло этой передачи настолько умѣло и прочно въ юридическомъ отношеніи, что арендаторъ Дембинскій прямо не допустилъ администраторовъ епископа и отказалъ имъ въ отдачѣ корчмы и въ установленіи тамъ порядка продажи крѣпкихъ напитковъ въ пользу епископа.

„Это ничтожное обстоятельство (продолжаетъ Коллонтай) послужило причиною весьма крупнаго и скандалезнаго дѣла. Достаточно было донести Солтыку, что академики не пожелали повиноваться его распоряженію и что нашелся шляхтичъ, осмѣлившійся оказать сопротивленіе его комиссарамъ, чтобы высокомѣріе этого надменнаго человѣка оказалось въ высшей степени возмущеннымъ. Вмѣсто того, чтобы предварительно распорядиться подробнымъ разсмотрѣніемъ правъ академиковъ и спокойно обсудить условія возможнаго съ ними соглашенія, онъ все подумывалъ лишь о мести. Первая зародившаяся въ безпокойной его головѣ идея этой мести направлена была въ сторону смѣльчака-шляхтича, котораго онъ рѣшилъ позорно наказать; но знакомый съ правами народовъ, онъ хотѣлъ привести въ исполненіе свою месть тайно, прикрываясь иными поводами, и совершить это дѣло такимъ образомъ, чтобы въ общественномъ мнѣніи отнюдь не возбудить подозрѣнія, что дѣло это совершается по распоряженію епископа".

Мѣры, принятыя Солтыкомъ для осуществленія своей мысли, несмотря на крупное вліяніе, какимъ онъ пользовался въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, ни къ чему не привели, благодаря опытному и умѣлому руководительству настоятеля Ярмундовича. Дѣло въ томъ, что Солтыкъ порѣшилъ судить арендатора Дембинскаго въ своемъ духовномъ Краковскомъ консисторскомъ судѣ, не принявъ во вниманіе того обстоятельства, что Дембинскій, какъ дворянинъ, суду этому отнюдь не подлежалъ.

„Столь богатый и вмѣстѣ съ тѣмъ столь наглый епископъ, — продолжаетъ Коллонтай, — въ эти времена анархіи не обращалъ вниманія на это беззаконіе (злоумышленное привлеченіе въ ненадлежащій судъ) и, довольствуясь признакомъ и тѣнью формальности, подумывалъ лишь о мести. Онъ распорядился о разысканіи какого-либо ловкаго и наглаго священника, у котораго хватило бы смѣлости привести въ исполненіе приговоръ Краковскаго консисторскаго суда. Такое именно лицо вскорѣ найдено было въ духовной епископской тюрьмѣ въ Липовцѣ: нѣкто священникъ Вендриховскій, содержавшійся здѣсь еще со времени епископа Залускаго за запойное пьянство, разгулъ и многіе другіе несовмѣстимые съ духовнымъ званіемъ пороки, и къ тому обладавшій необычайною физическою силою; упомянутые проступки и послужили поводомъ его заключенія и лишенія его духовныхъ бенефицій. Во дворцѣ епископа Вендриховскому дана была инструкція, по которой онъ могъ поступить съ арендаторомъ Дембинскимъ самымъ наглымъ образомъ и нисколько не стѣсняясь. Но какъ кажется, его забыли предостеречь, чтобы онъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ такъ, какъ будто о предстоящихъ его дѣйствіяхъ епископу ничего неизвѣстно“.

Вендриховскій явился въ Люборжице и при содѣйствіи возбужденной имъ толпы крестьянъ, подъ видомъ исполненія приговора консисторскаго духовнаго суда епископа Солтыка, произвелъ возмутительное насиліе надъ личностью, семьею и имуществомъ дворянина Дембинскаго, перевязалъ ихъ веревками, уложилъ связанныхъ и ихъ имущество на возы и повезъ въ Краковъ въ видѣ трофеевъ своей побѣды, прямо во дворецъ епископа.

Не касаясь дальнѣйшихъ подробностей этого характернаго для епископа Солтыка дѣла, замѣтимъ лишь, что оно вызвало и въ Краковскомъ и въ Сандомирскомъ воеводствѣ всеобщее возмущеніе, въ особенности поддерживаемое многочисленною роднею Дембинскаго. Солтыкъ, видя полную неудачу своего плана, дѣлалъ видъ, что объ этомъ дѣлѣ ему ничего не было извѣстно, утверждалъ, что

Вендриховскій дѣйствовалъ по собственному побужденію, и распорядился отправленіемъ его вновь въ тюрьму въ Липовицахъ. Но и послѣ этого общественное негодованіе не улеглось. Къ епископу доходили слухи, что родственники Дембинскаго не успокоятся до тѣхъ поръ, пока ему, Солтыку, не устроенъ будетъ публичный скандалъ. Испуганный этимъ, Солтыкъ внезапно и тайно оставилъ Краковъ и наскоро уѣхалъ въ Варшаву. Не останавливаясь на дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, закончимъ его описаніе словами Коллонтая.

„И когда епископъ (Солтыкъ) и его консисторія возбудили противъ себя всеобщее неудовольствіе, — ибо это дѣло слѣдуетъ считать начальнымъ моментомъ, съ коего епископъ Солтыкъ потерялъ весь престижъ въ повѣтахъ своей епархіи,—тогда Ярмундовичъ отъ души улыбался, сознавая, что однимъ своимъ умѣло составленнымъ договоромъ онъ спасъ доходы своего церковнаго прихода и вмѣстѣ съ тѣмъ усмирилъ высокомѣріе своего епископа“.

Несмотря на столь крупную неудачу, дѣло по поводу доходовъ упомянутой корчмы возобновлено было Солтыкомъ вторично, по истеченіи срока договора; но и на этотъ разъ онъ ничего не могъ сдѣлать съ ловкимъ и опытнымъ юристомъ, „докторомъ обоего права“ патеромъ Ярмундовичемъ. Послѣднему на этотъ разъ, однако, пришлось искать правосудія уже въ папской куріи въ Римѣ, гдѣ ему удалось блестяще отстоять свои интересы, а косвенно также интересы Краковской Академіи, такъ что епископу Солтыку пришлось смириться вторично.

Мы нѣсколько подробнѣе остановились на этомъ дѣлѣ, такъ какъ оно, въ особенности при полномъ съ нимъ знакомствѣ, наводитъ на нѣкоторыя мысли.

Примѣненные епископомъ Солтыкомъ въ дѣлѣ съ Краковскою Академіею противъ арендатора Дембинскаго, по поводу доходовъ отъ корчмы въ Люборжицѣ, пріемы, какъ-то: насильственный и беззаконный арестъ, подстрекательство толпы противъ ни въ чемъ неповиннаго лица, опозореніе этого лица и причиненіе ему возможно большого матеріальнаго ущерба, незаконное привлеченіе его въ свой же консисторскій судъ, насильственныя по его распоряженію дѣйствія другихъ лицъ, дѣйствовавшихъ будто безъ его вѣдома—всѣ эти пріемы уже достаточно намъ извѣстны по Житомирскому дѣлу. Но Люборжицкое дѣло для насъ чрезвычайно интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ прямо указанъ побудительный его мотивъ, а именно — личные матеріальные интересы и выгоды епископа.

О такомъ личномъ, матеріальномъ мотивѣ въ житомирскомъ дѣлѣ мы покуда не упоминали, въ виду того, что въ трехъ вышеприведенныхъ, относящихся къ нему документахъ непосредственныхъ указаній на этотъ предметъ не имѣется; но данныя, сообщаемыя Коллонтаемъ, относятся къ періоду времени (въ отношеніи къ епископу Солтыку) отъ 1758 г. (времени назначенія его на эту должность) до 1764 года, т. е. спустя 5—11 лѣтъ послѣ житомирскаго дѣла.

Въ послѣднемъ дѣлѣ Солтыкъ принялся за устраненіе и полное уничтоженіе наиболѣе богатыхъ и именитыхъ, по его же отзыву, окрестныхъ арендарей-евреевъ, производившихъ, между прочимъ, подобно арендатору Люборжицкому, Дембинскому, торговлю крѣпкими напитками и, быть можетъ, также въ ущербъ доходамъ по этой статьѣ тогдашняго епископа-коадъютора Кіевскаго.

Поэтому невольно возникаетъ и другой вопросъ: не сводилъ-ли тогдашній епископъ-коадъюторъ и въ Житомирскомъ дѣлѣ, подъ прикрытіемъ интересовъ церкви и вѣры, личныхъ счетовъ съ окрестными евреями-арендарями, для своихъ личныхъ матеріальныхъ интересовъ, какъ это имѣло мѣсто нѣсколько лѣтъ спустя въ дѣлѣ Люборжицкомъ, номинально съ арендаторомъ дворяниномъ Дембинскимъ, фактически же съ высшимъ учебнымъ учрежденіемъ въ государствѣ—съ Краковскою Академію?

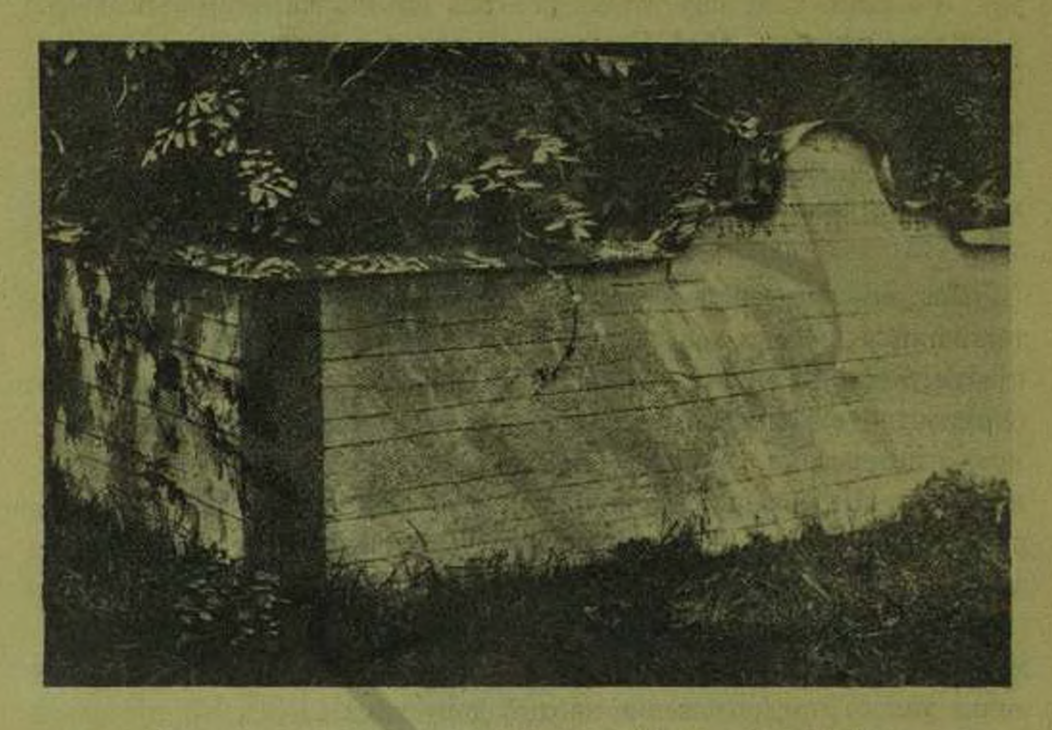
Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, могутъ дать лишь дальнѣйшія документальныя изысканія въ этой области, но постановка такого предположенія вполнѣ допустима.

Почтенные краковскіе академики, среди коихъ находились опытные и предусмотрительные юристы, „доктора обоего права“, какъ настоятель Люборжицкій патеръ Ярмундовичъ, знакомые, какъ видно и по интересующему насъ дѣлу, съ обычными беззаконными и безцеремонными пріемами Солтыка, только съ громадными жертвами и усиліями смогли парировать коварные его удары. Несчастнымъ же и забитымъ арендарямъ-евреямъ отдаленной провинціи, которымъ не предоставлено было даже возможности позаботиться о пріисканіи для себя обычнаго судебнаго защитника, было не подъ силу справиться съ направленнымъ противъ нихъ коварнымъ и грознымъ ударомъ, и они пали невинными жертвами въ неравной борьбѣ.

Такимъ образомъ Житомирское дѣло, въ освѣщеніи современныхъ документовъ, развивается передъ нами въ своей полной ужасной наготѣ, указывая лишній разъ на беззаконіе и произволъ въ судебныхъ учрежденіяхъ Польши XVIII вѣка.

Своимъ несчастнымъ соплеменникамъ, безвинно погибшимъ за

вѣру ужасною и позорною смертью, своимъ мученикамъ, проявившимъ такое великодушіе и такую стойкость, мѣстные евреи могли воздать должное лишь ежегодными мольбами ко Всевышнему, въ годовщину дня ихъ праведной смерти, за вѣчный упокой истрадавшихся ихъ душъ, и постановкою на житомирскомъ еврейскомъ кладбищѣ надгробнаго памятника.



Братская могила казненныхъ въ г. Житомирѣ въ 1753 г.
по Паволоцкому дѣлу.

(По снимку въ журн. „Еврейская Семейная Библіотека", 1903 г., кн. IX).

Но десница Всевышняго не оставила безнаказаннымъ главнаго виновника и руководителя житомирской драмы. Краковскій епископъ Каетанъ Солтыкъ, достигшій высшихъ почестей и значенія въ государствѣ, среди кипучей политической и служебной своей дѣятельности, внезапно арестованъ былъ русскими властями 13 октября 1767 года и отправленъ въ Калугу; тамъ онъ имѣлъ пребываніе въ теченіе четырехъ лѣтъ и возвратился въ Краковъ лишь въ 1772 году. Въ теченіе четырехлѣтняго своего пребыванія въ уединеніи, Солтыкъ не могъ не вникнуть въ глубины и тайники своей души, взвѣсить все имъ содѣянное и подвергнуть это должной оцѣнкѣ. На днѣ его души покоилось и житомирское дѣло, какъ одно изъ наиболѣе темныхъ пятенъ. Этотъ внутренній подсчетъ оказался, какъ можно полагать, настолько печальнымъ, что даже

крѣпкій и закаленный умъ епископа Солтыка не выдержалъ накопившейся горечи и отчаянія, и въ Краковъ изъ Калуги вернулся уже не прежній, могущественный, пышный и энергичный краковскій епископъ Каетанъ Солтыкъ, а лишь его тѣнь, психически больной и расшатанный, обыкновенный смертный. Краковскій капитулъ немедленно пріостановилъ его функціи въ качествѣ епископа и содержалъ его въ уединеніи въ теченіе шестнадцати лѣтъ, вплоть до послѣдовавшей въ 1788 году его смерти. Sic transit gloria mundi!

С. Гольдштейнъ.

Къ предыдущей статьѣ.

Внося имена мучениковъ 1753 года въ тотъ „канонъ" жертвъ ритуальныхъ обвиненій въ Польшѣ, который въ теченіе ряда лѣтъ составляется на страницахъ „Еврейской Старины", мы находимъ нужнымъ сдѣлать лишь немногія дополненія къ статьѣ С. М. Гольдштейна.

Воспроизведенные авторомъ три архивныхъ документа столь ярко рисуютъ весь этотъ инквизиціонный Житомирскій процессъ, что прибавить сюда что-либо существенное весьма трудно. Для библіографической полноты слѣдуетъ отмѣтить, что до сихъ поръ мы имѣли только одинъ короткій документъ о Житомирскомъ дѣлѣ, да и то полученный изъ вторыхъ рукъ. Это—„выписка изъ уголовнаго реестра Кіевскаго Гродскаго суда по дѣлу Студзинскаго", присланная въ 1831 г. Волынскимъ губернаторомъ Правительствующему Сенату, гдѣ тогда разбиралось знаменитое Велижское дѣло, въ качествѣ историческаго матеріала. Губернаторъ сообщилъ Сенату, что изъ всего дѣлопроизводства по Житомирскому процессу сохранился лишь протоколъ рѣшенія Гродскаго суда. Этотъ протоколъ въ русскомъ переводѣ былъ напечатанъ въ сенатской запискѣ по Велижскому дѣлу [1]). Въ копіи судебнаго протокола рѣшеніе суда помѣчено 22 мая (вмѣсто 26); во всемъ же остальномъ, вплоть до перечня именъ подсудимыхъ (не считая варіантовъ ороографіи), содержаніе его совпадаетъ съ „декретомъ", помѣщеннымъ выше подъ № 2.

Большой интересъ, какъ документъ, исходящій отъ „другой стороны", представляетъ еврейская заупокойная молитва о мученикахъ 1753 года. Въ народѣ эти мученики извѣстны подъ именемъ „святыхъ изъ Паволочи и Ходоркова" — двухъ пунктовъ,

---

[1]) Оттуда онъ перепечатанъ М. Д. Рывкинымъ въ журналѣ „Еврейская Семейная Библіотека" 1903 г., кн. IX, стр. 1—6, а изъ этого журнала попалъ въ коллекцію И. Кузьмина: „Матеріалы къ вопросу объ обвиненіяхъ евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ", Спб. 1913, стр. 173—176.

откуда забрано наибольшее количество жертвъ. Вотъ эта молитва, въ русскомъ переводѣ М. Рывкина [1]).

„Боже любвеобильный, обитающій горѣ, защитникъ вдовъ и отецъ сиротъ! Доколѣ будешь Ты молчать и прощать за невинную кровь, непорочную кровь благочестивыхъ праведниковъ? Въ городахъ и на поляхъ вопіетъ пролитая кровь братьевъ нашихъ, истерзанныхъ и замученныхъ... Взгляни, о Господи, и воззри съ обители Твоей на пролитую кровь чистыхъ душою и умудренныхъ познаніями, дай обрѣсть успокоеніе полное, подъ крылами величія Твоего, на лѣствицѣ святыхъ и чистыхъ, сіяніемъ неба озаренныхъ,—душамъ: раввина, мученика рабби Сендера сына р. Соломона, Акивы сына р. Моисея, Мейера и сына его р. Шемая, Якова сына р. Рувима, Давида сына мученика р. Симеона, Моисея сына мученика р. Авраама, Бера сына р. Іегуды, Давида сына р. Самуила, Хаима сына р. Іегуды, Моисея сына р. Іосифа-Абрама. Всѣ они святы, какъ агнцы чистые, и приняли на себя жестокій приговоръ. Да будутъ зачтены ихъ заслуги остальнымъ дѣтямъ изгнанія, дабы оградить ихъ отъ всякихъ гоненій и преслѣдованій. Господь да будетъ ихъ удѣломъ, и да покоятся они въ мирѣ на ложахъ своихъ. Возгласимъ же: Аминь"!

Эта потрясающая аппеляція къ небесному суду является наилучшимъ отвѣтомъ еврейства на дышащее изувѣрствомъ писаніе католическаго епископа Солтыка и декретъ инквизиторскаго польскаго суда. Въ своемъ обстоятельномъ и для такихъ сюжетовъ сверхъ-объективномъ анализѣ Житомирскаго процесса, С. М. Гольдштейнъ обнаружилъ его настоящую подкладку: своекорыстіе и произволъ „наглаго епископа" (какъ назвалъ Солтыка одинъ изъ лучшихъ людей Польши, Коллонтай) и старый пріемъ „фабрикаціи святыхъ" ради прославленія каѳедральнаго костела. Слѣдуетъ прибавить, что католическій фанатизмъ Солтыка поражалъ не только евреевъ, но и „диссидентовъ"—православныхъ (за это свое усердіе онъ и попалъ въ Калугу). Этотъ ревнитель церкви сказалъ на сеймѣ 1766 года: „Если бы я увидѣлъ мѣсто, приготовленное для постройки иновѣрнаго храма (некатолическаго), то легъ бы на это мѣсто, и пусть бы на моей головѣ заложили краеугольный камень" [2]). Отсюда легко понять, какъ могъ такой изувѣръ относиться къ „невѣрнымъ" евреямъ. Въ разрѣшеніи, выданномъ Солтыкомъ въ 1758 г. на ремонтъ синагоги въ одномъ мѣстечкѣ, содержится рядъ проклятій и ругательствъ по адресу ненавистнаго епископу народа, причемъ дѣлается попытка возобновить (въ вѣкъ Вольтера!) архаическіе средневѣковые каноны противъ евреевъ (обязанность еврея „отдавать честь" католической процессіи на улицахъ, запрещеніе евреямъ хоронить своихъ мертвецовъ открыто днемъ: „только тайно, ночью" допускаются похороны,—и т. п.) [3]).

---

1) „Евр. Сем. Библіотека", 1903 г., кн. IX, стр. 6—7. На еврейскомъ языкѣ молитва была напечатана въ газетѣ „Фрайндъ" 1903 г., № 104.

2) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VI, 436 (нов. изд.).

3) Боршадскій. Матеріалы для исторіи евреевъ въ Юго-западной Россіи. („Еврейск. Библіотека", т. VIII, стр. 31—32, прилож.).

Еще одна еврейская реликвія кошмарнаго Житомирскаго дѣла сохранилась до нашихъ дней: это—упоминаемый въ статьѣ памятникъ на могилѣ мучениковъ въ Житомирѣ, снимокъ котораго помѣщенъ выше [1]). На снимкѣ можно разобрать только слѣдующія слова краткой еврейской надписи: „Здѣсь похоронены святые мужи, убитые и освятившіе имя Божіе въ день 29 (дата дня неясна) Іара 513 года" (1753 г.). Судя по виду надписи, памятникъ реставрированъ. Объ исторіи этого памятника было бы желательно получить подробныя свѣдѣнія отъ мѣстныхъ людей.

Ред.

---

1) Снимокъ взятъ изъ упомянутой статьи Рывкина.

На рубежѣ двухъ эпохъ.

Національный вопросъ въ литературѣ конца 70-хъ годовъ [1]).

I.

Въ 70-е годы прошлаго вѣка все болѣе усиливался тотъ процессъ отчужденія дипломированной еврейской интеллигенціи отъ массы, который намѣтился уже къ концу предыдущаго десятилѣтія. Стало выдѣляться также изъ народной массы и богатое еврейское купечество, увлеченное оживленнымъ темпомъ промышленнаго развитія, финансовой и банковой дѣятельности и желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Типъ еврейскаго финансиста и дѣльца бросался въ глаза, особенно въ Петербургѣ, и вскорѣ сталъ для юдофобовъ и ихъ прессы синонимомъ еврея. А въ чертѣ осѣдлости за тотъ же періодъ все рѣзче обозначалась пролетаризація еврейской массы.

Кадры интеллигенціи увеличились въ очень большихъ размѣрахъ. Количество учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ настолько возрасло, что въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества заговорили о переполненіи евреями учебныхъ заведеній. Большинство этой учащейся молодежи стремилось къ устройству своей личной жизни. Отчужденіе отъ интересовъ еврейства и даже полный разрывъ съ нимъ путемъ ренегатства становились въ этой средѣ весьма замѣтнымъ явленіемъ. Полнымъ индифферентизмомъ къ еврейству отличались также идеалистически настроенные элементы еврейской учащейся молодежи, ушедшіе въ русское революціонное движеніе подъ знаменемъ „народничества".

Сильно увеличились въ то время и ряды „маскиловъ", воспитанниковъ бетъ-гамидраша и іешибота. Здѣсь эволюція идей происходила гораздо медленнѣе, чѣмъ среди интеллигенціи, подверг-

---

[1]) См. Евр. Стар. 1915 г. кн. II: „Періодъ обрусѣнія".

шейся вліянію русской школы. Провинціальный маскилъ 70-хъ годовъ все еще оставался романтикомъ „гаскалы“, изолированной отъ дѣйствительности, и жилъ традиціями первыхъ борцовъ за просвѣщеніе. Однако, въ крупныхъ центрахъ черты, гдѣ жизнь осложнилась и экономическая борьба обострилась, замкнутый міръ маскиловъ также претерпѣлъ значительныя измѣненія: въ это царство грезъ стала вливаться холодная струя реализма. Въ связи съ измѣненіями еврейскаго быта, созрѣвала реакція противъ романтизма традиціонной „гаскалы“ и ея оторванности отъ повседневныхъ запросовъ жизни. Возникновеніе гаскалы, какъ извѣстно, явилось протестомъ противъ замкнутости старой еврейской культуры. Однако, сама же гаскала вскорѣ оказалась роднымъ дѣтищемъ бетъ-гамидраша и іешибота: ихъ питомцы, освободившись отъ вліянія талмудическихъ фоліантовъ, очутились во власти новой *книги*, также далекой отъ жизни, а прежній обрядовый ригоризмъ уступилъ мѣсто всепоглощающей заботѣ о „религіозной реформѣ“, неопредѣленной и безпочвенной. Это внутреннее противорѣчіе маскилизма было ярко освѣщено М. Л. Лиліенблюмомъ въ его нашумѣвшей тогда исповѣди „Грѣхи молодости“, особенно въ третьей ея части („Пути покаянія“), характеризующей настроенія представителей „гаскалы“ на рубежѣ двухъ эпохъ [1]).

Въ то же время въ маскилитскую среду проникло новое національное теченіе, представителемъ котораго явился П. Смоленскинъ въ журналѣ „Гашахаръ“. Проблема націи показалась новою маскиламъ прежняго времени, всецѣло пропитаннымъ еврейской культурой и мечтавшимъ о гармоническомъ сочетаніи іудаизма съ европеизмомъ [2]). Для провинціальнаго маскила національная культура была тѣмъ воздухомъ, которымъ онъ постоянно дышалъ и котораго поэтому не ощущалъ; ему почти совершенно не приходилось сталкиваться съ чужой національной или ассимилированной средой, при соприкосновеніи съ которой только и могутъ зародиться либо національныя сомнѣнія, либо потребность національнаго самоутвержденія. Самъ Смоленскинъ потому и выдвинулъ на первый планъ національную идею, что ему приходилось близко наблюдать западно-европейское ассимилированное еврейство.

Въ концѣ 70-хъ годовъ въ нѣкоторыхъ группахъ еврейской интеллигенціи все замѣтнѣе стала распространяться и соціалисти-

[1]) О литературныхъ теченіяхъ 70-хъ годовъ см. „Исторія евр. печати“ С. Л. Цинберга, стр. 192—232.

[2]) См. „Евр. Стар.“ 1914 г., стр. 189, 190, и 1915 г. кн. I, стр. 39, 41, 44—46, 56.

ческая пропаганда. Съ одной стороны, кружки еврейской молодежи, ушедшей отъ интересовъ своего народа, гдѣ она ничего не видѣла кромѣ „фанатизма“ и „торгашества“, искали въ русскомъ крестьянствѣ арены для осуществленія идеаловъ соціализма. Съ другой стороны, единичные представители маскиловъ попытались связать свои новые соціалистическія воззрѣнія съ этикой библейскихъ пророковъ. Первые проблески еврейской соціалистической мысли нашли, какъ извѣстно, свое выраженіе въ „Гашахарѣ“, гдѣ началъ свою литературную дѣятельность и Либерманъ, родоначальникъ „еврейскаго соціализма“. Но съ возникновеніемъ соціалистическаго журнала „Гаэметъ“ рѣзко намѣтились различія между націонализмомъ Смоленскина и соціализмомъ Либермана и Винчевскаго, хотя и послѣдніе связывали свои идеи (которыя они проповѣдывали на древне-еврейскомъ языкѣ) съ соціальными идеалами библейскихъ пророковъ. Характерно, что П. Лавровъ понималъ первоначальную соціалистическую пропаганду Либермана въ Лондонѣ, какъ „стремленіе воспользоваться традиціей мессіанизма для толкованія его въ смыслѣ соціализма“. Но Либерманъ и Винчевскій старались стушевывать національный характеръ своего міровоззрѣнія, приспособляя его къ международному соціализму. Смоленскинъ же выдвигалъ на первый планъ національную идею, національный мессіанизмъ, и отрицательно относился къ практическому соціализму, который онъ себѣ представлялъ въ очень смутной и примитивной формѣ. Кромѣ того, сотрудники „Гаэмета“, какъ и замѣнившаго его журнала „Асефатъ Хахамимъ“, усиленно выдвигали классовые интересы, въ противоположность крайнему идеализму Смоленскина [1]).

Въ концѣ того же десятилѣтія на страницахъ „Гашахара“ (въ статьяхъ Бенъ-Іегуды) раздались призывы къ колонизаціи Палестины. Вообще, послѣ турецкой войны 1877—1878 г., когда вопросъ о судьбѣ Турціи и, въ частности, Палестины выдвинутъ былъ на очередь международной политики, возникли за-границей проекты еврейской колонизаціи св. земли (см. „Разсвѣтъ“ 1880 г. №№ 3, 5, 30, 35, 38). Однако, до 1881 года палестинская проблема еще не играла замѣтной роли въ развитіи русско-еврейской общественной мысли.

---

[1]) О мессіанизмѣ Смоленскина см. его стр. 150—152 сл., 290—305, 336—352; о Либерманѣ и Винчевскомъ — ст. С. Цинберга въ „Пережитомъ“ I, и Б. Фрумкина въ „Евр. Стар.“ 1911 г. кн. III и IV.

II.

Національная проповѣдь Смоленскина была ограничена рамками гебраистской литературы и маскилитской аудиторіи. Внѣ вліянія этой пропаганды оставались многочисленныя группы интеллигенціи, которыя свое образованіе получили въ русской средней и высшей школѣ. Здѣсь индифферентизмъ ко всему еврейскому выразился, между прочимъ, въ длинномъ перерывѣ, наступившемъ въ развитіи русско-еврейской журналистики. Послѣ того, какъ „День" вынужденъ былъ замолкнуть (въ 1871 г.), а одесская интиллигенція, пережившая погромъ 1871 года, сильно разочаровалась въ своихъ обрусительныхъ идеалахъ, прошло восемь лѣтъ, въ теченіе которыхъ не было сдѣлано ни одной серьезной попытки возстановить русско-еврейскую литературную трибуну, служившую новой интеллигенціи въ ея борьбѣ за просвѣщеніе и эмансипацію. „Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ" Цедербаума, по случайности и кратковременности своего существованія, а еще больше по своей безсодержательности, не могъ занять мѣсто своихъ предшественниковъ. „Еврейская Библіотека" Ландау, какъ ежегодникъ, имѣла свои спеціальныя задачи.

Этотъ продолжительный перерывъ въ исторіи русско-еврейской журналистики объясняется, въ значительной степени, перемѣщеніемъ центра обрусѣвшей еврейской интеллигенціи изъ Вильны и Одессы въ Петербургъ, гдѣ еврейскія общественныя группы были въ 70-е годы совершенно изолированы отъ жизни „черты". М. Г. Каганъ въ своихъ мемуарахъ (т. I, с. 65 сл.) разсказываетъ, какъ онъ, пріѣхавъ въ первый разъ въ Петербургъ, былъ пораженъ при видѣ сознательной отчужденности еврейскихъ интеллигентовъ отъ всего того, что имѣло какое нибудь отношеніе къ ихъ народу.

Общественный подъемъ и обостреніе національнаго вопроса въ Россіи послѣ войны 1877—1878 г. вызвали замѣтное оживленіе и въ еврейскихъ общественныхъ кругахъ столицы. Это выразилось, прежде всего, въ возобновленіи русско-еврейской журналистики: осенью 1879 г. въ Петербургѣ возникли сразу два еженедѣльника— „Разсвѣтъ" и „Русскій Еврей". Оживленію общества способствовали также Кутаисскій ритуальный процессъ и созывъ „Раввинской комиссіи" (1879 г.), на которую возлагались большія надежды. Въ петербургскихъ еврейскихъ кругахъ тогда еще не угасли надежды на близкое улучшеніе положенія евреевъ въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ все больше чувствовалась тревога за будущее,

вызванная усиленіемъ правовыхъ ограниченій и юдофобской агитаціи въ прессѣ.

„То время, которое мы теперь переживаемъ—писалъ „Разсвѣтъ“ въ 1880 г. (№ 31),—можно назвать исключительно временемъ надеждъ и ожиданій. Безъ опредѣленныхъ очертаній, безъ ясно выраженныхъ формулъ близится къ намъ будущее, какъ новое утро послѣ долгой и скучной ночи. Каково будетъ это утро, не затемнится-ли оно тучами,—этого мы не знаемъ; но для всѣхъ достаточно того, что оно сгонитъ ночные страхи, что оно принесетъ съ собой день, живой, дѣятельный, а можетъ быть—и ясный. Этими ожиданіями живетъ нынѣ все русское общество, отъ этихъ надеждъ не вправѣ отказаться и евреи“... Это причудливое сочетаніе надежды съ тревогой очень характерно для общественныхъ настроеній конца 70-хъ годовъ. (Ср. „Русск. Еврей“ 1880 г. №№ 1, 35, 37, 40; „Разсвѣтъ“ 1880 г. №№ 33, 34, 36, 47).

Завѣты 60-хъ годовъ были еще живы въ еврейской интеллигенціи и крайне туго поддавались вліянію національной идеи и опыта еврейской жизни за 20 лѣтъ, протекшихъ отъ начала „эпохи великихъ реформъ“. Девизъ „сліянія“ еще опредѣленно формулируется въ еврейской публицистикѣ въ связи съ патріотическими мотивами. На упреки юдофобовъ во враждебности евреевъ къ Россіи „Разсвѣтъ“ (какъ и „Русскій Еврей“) неоднократно отвѣчалъ, что мы никому не уступимъ въ любви къ Россіи, что для еврейской интеллигенціи „еврейство не заслоняетъ Россіи“, ибо исторія большинства еврейскаго народа связана съ русской исторіей. „Пути, пролегавшіе отдѣльно другъ отъ друга, встрѣтились, перекрестились, и близко время, когда они сольются. Да уже и теперь исторія Россіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія большей половины живущихъ на земномъ шарѣ евреевъ; уже въ настоящее время къ исторіи Россіи не прибавлено ни одной новой страницы, ни свѣтлой, ни темной, на которой не фигурировали бы еврейскія имена („Разсвѣтъ“ 1879 г. № 1, фельетонъ Нордъ-Веста).

Еще болѣе отчетливо опредѣляетъ вопросъ о гражданственности „Русскій Еврей“, строго различая государство отъ національности и вѣроисповѣданія (1879 г. № 2). Задача еврейской интеллигенціи—энергично способствовать всему тому, „что прямо или посредственно ведетъ къ постепенному, но уже безповоротному превращенію русскаго еврея въ русскаго гражданина, съ оттѣнкомъ своей религіозной особенности,—гражданина, живущаго одной жизнью, одними помыслами и чувствами со всею „великою“ русскою семьею, которой мы можемъ и должны быть не послѣдними членами (№ 1, ст.

Леванды). Русскіе подданные „еврейскаго происхожденія" и „іудейскаго вѣроисповѣданія" вправѣ считать себя русскими гражданами, такъ какъ „въ государственномъ смыслѣ слова мы такіе же русскіе, т. е. такіе же граждане, какъ и чистокровные русскіе, хотя съ антропологической и религіозной точки зрѣнія мы все таки не перестаемъ быть евреями" (№ 2, передовая статья). Евреи, работающіе на пользу русскаго государства, дѣйствуютъ и на благо своего народа, „эмансипація котораго находится въ полной зависимости отъ степени матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія государства (№ 3, перед. ст.). „Рус. Еврей" тутъ же рѣзко возражаетъ тѣмъ, которые утверждаютъ, что у евреевъ различныхъ странъ есть какой-то общій центръ. Если бы такой центръ существовалъ, то онъ „долженъ былъ бы находиться у тѣхъ четырехъ милліоновъ евреевъ, которые живутъ между славянами, а между славянскими государствами первое мѣсто занимаетъ Россія; слѣдовательно, къ трехмилліонной массѣ русскихъ тяготѣли бы не только славянскіе евреи, но и всѣ остальные, а никакъ не наоборотъ". Но общееврейскаго центра нѣтъ, а евреи, напротивъ, „вполнѣ децентрализованы"; въ каждомъ государствѣ они „имѣютъ центръ, общій съ кореннымъ населеніемъ".

Съ другой стороны, хорошо понятые еврейскіе интересы—доказывалъ „Разсвѣтъ"—являются и интересами русскаго народа, для котораго весьма важно „вмѣсто невѣжественной массы пріобрѣсти въ нихъ (евреяхъ) просвѣщенныхъ, полезныхъ гражданъ". „Станетъ ли кто-нибудь отрицать, что, стремясь къ такой цѣли и обращаясь для достиженія этой цѣли къ правительству, еврейская интеллигенція дѣлаетъ истинно-русское дѣло, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова"? (1879 г. № 3, ст. Ис. Оршанскаго). Въ соотвѣтствіи съ этимъ обрусѣніе евреевъ понимается авторомъ, какъ процессъ „усвоенія евреями русскаго языка и русской гражданственности", но безъ „поглощенія евреевъ" и уничтоженія всѣхъ ихъ особенностей. „Если въ еврейской жизни существуютъ разумныя стороны, то не заслуживаютъ-ли онѣ сохраненія и даже дальнѣйшаго развитія? Неужели же и въ этомъ случаѣ мы должны только ради отвлеченнаго идеала отказаться отъ того, что есть у насъ хорошаго"?

Русскіе націоналисты Катковской школы стремились использовать обрусительныя тенденціи еврейскаго общества въ качествѣ политическаго орудія—для борьбы съ польскимъ и нѣмецкимъ вліяніями. Такая руссификація, конечно, не входила въ задачи еврейской интеллигенціи, видѣвшей въ обрусѣніи главнымъ образомъ

орудіе культуры, просвѣщенія. Однако, часть еврейской интеллигенціи, обращаясь къ русскому обществу и правительству, считала иногда нужнымъ подчеркивать роль евреевъ въ дѣлѣ руссификаціи другихъ національностей. Мы это видѣли при характеристикѣ національнаго вопроса въ литературѣ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ („Евр. Стар.“ 1915 г. кн. II, стр. 134). Отголоски тѣхъ же настроеній мы слышимъ и въ концѣ 70-хъ годовъ. „Русскій Еврей“, указывая на важность обрусѣнія евреевъ, выдвигаетъ его особенное значеніе для западнаго края: „Слѣдуетъ только при этомъ вспомнить, что, по свидѣтельству многихъ компетентныхъ лицъ и даже враждебныхъ евреямъ писателей, евреи много содѣйствовали онѣмеченію находящихся подъ владычествомъ Австріи и Пруссіи славянскихъ земель, и потому обрусѣніе западнаго края можетъ очень многое выиграть отъ обрусѣнія евреевъ“ (№ 12 за 1879 г., перед. ст.).

Въ вопросѣ о равноправіи также стереотипно повторяются лозунги предшествующихъ десятилѣтій, когда перспектива правового раскрѣпощенія русскаго еврейства заслоняла собой національную проблему. „Разсвѣтъ“, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ сводитъ всю исторію евреевъ въ Россіи къ исторіи „черты осѣдлости“. При этомъ дѣлается ссылка на высшихъ русскихъ администраторовъ, утверждавшихъ, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреевъ сравнительно меньше, „они вполнѣ сливаются съ кореннымъ населеніемъ“. „Можно, конечно,—продолжаетъ „Разсвѣтъ“—желать, чтобы такъ называемыя „національныя особенности“ евреевъ сгладились, чтобы евреи не отличались отъ коренного населенія въ нарѣчіи, одеждѣ и образѣ жизни, чтобы эти отличія были сведены къ возможному минимуму“, а это будетъ достигнуто съ отмѣной правовыхъ ограниченій, когда процессъ бытовой ассимиляціи несомнѣнно усилится (1880 г., № 9, перед. ст.; ср. ст. Оршанскаго въ №№ 2—3 за 1879 г.).

Однако, въ томъ же „Разсвѣтѣ“, особенно же въ „Русскомъ Евреѣ“, иногда слышатся и новые мотивы по національному вопросу.

III.

Реакція, наступившая въ еврейскомъ вопросѣ, и проповѣдь юдофобской печати способствовали пробужденію новыхъ чувствъ и настроеній среди руссифицированной еврейской интеллигенціи. Редакція „Разсвѣта“ характеризовала эти настроенія слѣдующимъ образомъ: „Русское еврейство вступаетъ въ новый фазисъ своего

существованія: тотъ индифферентизмъ къ интересамъ націи, какой въ былое время заѣдалъ его, нынѣ все болѣе и болѣе улетучивается. Какъ ни слаба иная матерія сама по себѣ, но постоянное давленіе превращаетъ ее, наконецъ, въ компактную твердую массу"... „Разсвѣтъ" готовъ „благословить" юдофобовъ, способствовавшихъ появленію среди еврейской интеллигенціи „такихъ высокихъ національныхъ и гуманныхъ цѣлей". (Рѣчь тутъ, въ частности, идетъ объ образованіи „Общества ремесленнаго и земледѣльческаго труда", на которое въ свое время возлагались большія надежды). Упреки въ культивированіи еврейской солидарности (обычная тема юдофобской прессы) не пугаютъ редакцію, которая считаетъ этотъ процессъ закономъ „физическимъ и нравственнымъ" (№ 22, 1880 г., „Внутр. обозр."). „Рус. Еврей", также призывая къ солидарности, къ созданію прочнаго національнаго „цемента", указываетъ, что это „не та солидарность, въ которой робкіе люди видятъ антигосударственную силу, а солидарность въ смыслѣ національнаго самосознанія" (№ 24, 1880 г., перед.).

Въ то же время стало пробуждаться и чувство самоуваженія въ той части интеллигенціи, которая раньше питала нѣкоторое пренебреженіе къ еврейской народной массѣ. Подводя итоги 1879—1880 г., „Разсвѣтъ" констатируетъ въ еврейскомъ образованномъ обществѣ ростъ самодѣятельности и стремленія къ „возсозданію своего истиннаго „я" и къ завоеванію ему признанія" (1880 г., № 36). „Разсвѣтъ" хочетъ быть „будильникомъ самосознанія и самоуваженія въ нашихъ русскихъ единовѣрцахъ" и вліять на тѣхъ еврейскихъ интеллигентовъ, которые всецѣло поглощены не-еврейскими общественными теченіями или своими собственными эгоистическими интересами (перед. ст., № 37). Этой цѣли должно служить и развитіе еврейской литературы, являющейся „средствомъ для подъема національнаго духа и привлеченія интеллигентныхъ силъ, до сихъ поръ чуждавшихся своего народа, къ участію въ его судьбѣ" (№ 42; ср. № 9 за 1879 г., письмо въ ред. Лиліенблюма; „Русск. Еврей" 1880, № 25, перед. ст.).

„Русск. Еврей" еще больше подчеркивалъ необходимость воздѣйствовать на новое поколѣніе и предохранить его отъ того „тупого равнодушія" къ народнымъ интересамъ, которымъ пропитаны „отцы" съ ихъ „практической мудростью". Необходимо внушать идущимъ имъ на смѣну „дѣтямъ" уваженіе къ своему народу. При этомъ не нужно увлекаться самообольщеніемъ на счетъ избранности еврейскаго народа. „Намъ нужно просто съ уваженіемъ относиться къ своему племени, какъ къ народности, которая не имѣетъ при-

чинъ краснѣть въ ряду другихъ національностей, которая, можетъ быть, имѣетъ спеціальные, природные или привитые, недостатки, но имѣетъ также и несомнѣнныя индивидуальныя достоинства" (№ 2, 1880 г.). Нельзя относиться огульно-отрицательно къ прошлому еврейства, какъ это было раньше. „Время всеобщей ломки годнаго вмѣстѣ съ негоднымъ, уничтоженія зерна вмѣстѣ со скорлупой,—это время безцѣльныхъ увлеченій уже проходитъ" („Русск. Евр.", 1879 г., № 16, перед. ст.). Однако, прежнія интеллигентскія настроенія были еще достаточно сильны, и „Русскому Еврею" приходится возвращаться къ изобличенію ихъ. „Для многихъ изъ нихъ (еврейскихъ интеллигентовъ)—пишетъ редакція—историческое наслѣдіе, вообще, пустой звукъ; отуманенные своимъ наивнымъ раціонализмомъ, они полагаютъ, что историческій народъ можетъ въ одно прекрасное утро, по какому-то мановенію, порвать всякую связь со своимъ прошлымъ и зажить совершенно новой жизнью" (№ 25, 1880 г., перед.).

Кризисъ интеллигенціи явно назрѣвалъ. Обрусители „Горячаго времени" мечтали занять мѣсто старыхъ вождей еврейскаго народа, а къ концу 70-хъ годовъ тѣ же обрусители должны были признаться, что въ народѣ ихъ проповѣдь осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ (см. „Письмо въ редакцію" Леванды, „Русскій Еврей" 1879 г. № 1). „Разсвѣтъ" указываетъ на силу, организованность и активность „ортодоксальной партіи" и ея руководителей—раввиновъ, организующихся, устраивающихъ свои съѣзды и пр. Эта „партія" дѣйствуетъ „гораздо энергичнѣе такъ называемыхъ интеллигентныхъ печальниковъ нужды народной, съ ихъ платонической любовью къ меньшей братіи и необузданной страстью къ большимъ чинамъ" (1880, № 20). Нѣсколько позже тотъ же „Разсвѣтъ", подводя итоги прошлаго говоритъ: „Эта борьба (ортодоксіи съ интеллигенціей) часто характеризовалась позорнымъ названіемъ „мракобѣсія", но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же самые „просвѣтители", которые выдумали этотъ эпитетъ, не могли достаточно надивиться тому, какимъ образомъ „мракобѣсіе" могло заполонить и увлечь цѣлый народъ, которому и религіозные принципы, и преданія старины, и памятники многовѣковой литературы проповѣдываютъ любовь къ знанію и стремленіе къ свѣту"... Дѣло, очевидно, было не въ борьбѣ между свѣтомъ и тьмою, а въ томъ, что представители стараго еврейства, „опираясь на выводы, безсознательно внушенные имъ многовѣковыми испытаніями, естественно противились всякой попыткѣ къ видоизмѣненію жизненнаго строя"... Поборники же движенія впередъ „не менѣе энергично стали преслѣ-

довать свои цѣли, стали самостоятельно и на собственный страхъ выступать на большую дорогу общей цивилизаціи, въ пылу борьбы попирая по пути все то, что задерживало и тормазило ихъ движеніе"... Еврейская интеллигенція, такимъ образомъ, потеряла почву въ своемъ народѣ. Эту почву для сближенія съ массой и стали искать нѣкоторые интеллигентскіе круги въ концѣ 70-хъ годовъ („Разсв." 1879 г. № 14, перед. ст., и 1881 г., № 9).

Поиски эти ограничивались, главнымъ образомъ, сферой матеріальной помощи обездоленной народной массѣ. Сотрудникъ „Разсвѣта", Нордъ-Вестъ (Н. Минскій), пишетъ (1879 г., № 6): „Что касается вопроса о томъ, составляютъ ли евреи націю или нѣтъ, то этотъ вопросъ, представляющій извѣстный интересъ для теоретика, въ практической жизни, по меньшей мѣрѣ, излишній и кромѣ словопреній ничего за собою не можетъ повлечь. Принадлежатъ ли евреи къ какой-нибудь націи или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, они голодаютъ, когда имъ нечего ѣсть, и чувствуютъ боль, когда ихъ бьютъ. Отказать же несчастнымъ въ помощи потому только, что они не составляютъ націи, или, вѣрнѣе, потому что у нихъ нѣтъ своей собственной территоріи,—отъ такого фарисейскаго высокомѣрія, надѣюсь, съ отвращеніемъ отвернутся и тѣ, кто на основаніи учебника высокомѣрно отрицаютъ спеціальный еврейскій патріотизмъ". Эта точка зрѣнія очень характерна для того времени.

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мы встрѣчаемся въ русско-еврейскихъ органахъ съ попытками поставить національный вопросъ на широкую принципіальную почву. Къ такимъ попыткамъ относятся статьи Ф. Геца и Б. Бранда въ „Русск. Евреѣ". Въ нихъ уже слышится опредѣленное и принципіальное признаніе евреевъ націей. Особаго вниманія заслуживаетъ статья Бранда: „Нѣчто о принципѣ еврейской національности". По существу въ ней повторяются основныя идеи Смоленскина о духовности еврейской націи, основами которой являются религія и древне-еврейскій языкъ; но мессіанизмъ Смоленскина не находитъ тутъ отклика. Брандъ усиленно подчеркиваетъ полную совмѣстимость своей національной точки зрѣнія съ стремленіями къ государственному и гражданскому „сліянію" евреевъ съ окружающей ихъ средой („Русск. Еврей" 1880 г., № 24). Ф. Гецъ, протестуя противъ сторонниковъ уничтоженія „національнаго существованія" еврейскаго народа, старается доказать, что не наличность территоріи и государства, а расовыя и культурныя особенности (родство крови, характера, склада ума и наклонностей) составляютъ сущность націи (тамъ же № 15).

Національная проблема затрагивалась и при обсужденіи про-

ектовъ общиннаго представительства. Однако, авторы этихъ проектовъ оставались въ рамкахъ практическихъ злобъ дня. Напримѣръ, М. Г. Моргулисъ, поставивъ на очередь вопросъ о томъ, чѣмъ можетъ быть замѣнена давно упраздненная кагальная автономія, перечисляетъ цѣлый рядъ религіозныхъ, благотворительныхъ и общинныхъ дѣлъ, для завѣдыванія которыми необходимо такое же самоуправленіе, какое имѣютъ ремесленное, мѣщанское или купеческое сословія. Если послѣднее существуетъ въ силу наличности въ Россіи сословныхъ группировокъ и несовершенства русскаго законодательства, то должно существовать и представительство евреевъ. „Они (евреи) вѣдь не желаютъ особыхъ учрежденій для себя,—учрежденій, въ государствѣ не существующихъ; они просятъ для себя такихъ же учрежденій, какія существуютъ для другихъ однородныхъ группъ“ („Разсв.“ 1880, № 20). Другой авторъ проекта общиннаго представительства констатируетъ, что еврейская общинная жизнь „обнимаетъ гораздо большую сферу“, чѣмъ духовно-религіозныя нужды, но онъ считаетъ полезнымъ—и для государства, и для евреевъ—„сузить эту сферу, ограничивъ ее нормальными ея предѣлами“, т. е. функціями „синагогальныхъ обществъ или приходовъ“. На возраженіе о томъ, что еврейское представительство необходимо и для защиты отъ гоненій и правовыхъ ограниченій, авторъ отвѣчаетъ указаніемъ на временный характеръ этихъ явленій. „Такой же, говоритъ онъ, взглядъ существуетъ, надо полагать, и въ правительственныхъ сферахъ, такъ что эмансипація русскихъ евреевъ есть только вопросъ времени“. (Тамъ же, № 27; см. также ст. Ис. Оршанскаго, „Разсв.“ 1879 г. № 2). Въ „Русскомъ Евреѣ“ (1879 г. №№ 8, 12 и 17, ст. С. Левина), наоборотъ, подчеркивалось значеніе общиннаго представительства для общихъ интересовъ еврейства. „Пока существуетъ еврейскій вопросъ, т. е. пока русскіе евреи составляютъ какъ бы отдѣльный организмъ, для правительственныхъ органовъ весьма важно въ видахъ успѣшнаго, постепеннаго осуществленія плана обрусѣнія евреевъ, имѣть въ извѣстной степени непосредственное общеніе съ этимъ организмомъ“... (№ 12). Съ теченіемъ же времени, „при имѣющей, рано или поздно, наступить полной эмансипаціи русскихъ евреевъ“, общинное представительство будетъ ограничено задачами „преимущественно духовно-благотворительнаго свойства“, какъ въ западной Европѣ, гдѣ „при полной равноправности евреевъ и сліяніи ихъ—во всемъ, касающемся общегосударственной жизни—съ кореннымъ населеніемъ, вездѣ существуетъ институтъ представительства“...

IV.

На ряду съ новыми національными настроеніями, проникавшими въ еврейскіе интеллигентскіе круги, продолжалось отчужденіе отъ еврейскихъ народныхъ интересовъ не только по индивидуальнымъ, но и по идейнымъ мотивамъ. Русское революціонное движеніе стало привлекать все болѣе значительныя группы еврейской молодежи. И въ литературѣ того времени мы находимъ нѣкоторое отраженіе этого теченія,—отраженіе, впрочемъ, довольно смутное и тенденціозное.

Большей части еврейской интеллигенціи, воспитавшейся въ мирной атмосферѣ бетъ-гамидраша или перешедшей—часто благодаря правительственному поощренію—на обще-образовательное поприще, идея революціи была совершенно чужда. И когда тотъ или другой представитель этой среды брался изображать евреевъ-участниковъ революціоннаго движенія, получалась пародія или каррикатура. Эта тенденція, между прочимъ, отразилась въ одномъ изъ романовъ націоналиста Смоленскина — „Гемулъ Iешаримъ" (1876 г.). И та же тенденція выступаетъ въ произведеніи ассимилятора Г. И. Богрова, который въ романѣ „Накипь вѣка" („Разсвѣтъ" 1879—1881 г.г.) попытался дать картину еврейской кружковой молодежи, увлекшейся русскимъ революціоннымъ движеніемъ того времени. Характерно, что даже авторъ „Записокъ еврея" въ этомъ романѣ отмѣчаетъ, что среди еврейской учащейся молодежи 70-хъ годовъ сталъ выдѣляться „трезвый, благородно-гордый, самостоятельный типъ" еврейскаго интеллигента, который не стыдится своего еврейства, а, наоборотъ, горячо любитъ свой народъ, хотя и сознаетъ его недостатки. Таковъ одинъ изъ героевъ „Накипи вѣка", молодой Леви, порывающій свою прежнюю связь съ „космополитическимъ кружкомъ" и горько упрекающій своихъ бывшихъ товарищей-евреевъ въ безпочвенности. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, что общаго между еврейскою молодежью, только что оперившейся, между гостями, только что допущенными на общій пиръ, и хозяйской семьей этого пира? Если нѣкоторыхъ молодыхъ соплеменниковъ нашихъ гонитъ отъ своихъ непреодолимая антипатія къ своей націи, то къ чему имъ числиться въ ея спискахъ? Почему не слиться окончательно съ той средой, которая готова всегда усыновить того, кто искренно желаетъ быть усыновленнымъ? Не племенныя же традиціи, не религіозные же мотивы прикрѣпляютъ нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ индифферентныхъ юношей къ той національности, которую они

сами презираютъ, надъ которой они съ дѣтскимъ озлобленіемъ издѣваются, принадлежности къ которой они стыдятся, скрывая еврейское происхожденіе, какъ каторжникъ свое позорное клеймо"?. („Разсв." 1880 г., № 7).

Въ другомъ мѣстѣ упомянутый герой „Накипи вѣка" бичуетъ тѣхъ же еврейскихъ интеллигентовъ, которые ничего общаго не имѣютъ съ прошлымъ своей націи, остаются „безпочвенниками", поютъ съ чужого голоса, внушая себѣ вѣру въ „новыя слова". Они переживаютъ тяжелую душевную трагедію, отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому. „И вотъ, въ самомъ разгарѣ мучительнаго разлада съ самимъ собой и съ окружающимъ ихъ міромъ, люди эти случайно наталкиваются на группу извѣстнаго закала ровесниковъ по лѣтамъ, такихъ же недовольныхъ, какъ они сами, хотя и по инымъ совсѣмъ причинамъ. Новая среда, не признавая національной, религіозной или сословной розни, принимаетъ ихъ братски. Вотъ съ кѣмъ можно вполнѣ слиться!—восторженно восклицаютъ еврейскіе юноши"... Богровъ не вѣритъ этому сліянію, считая его скоропреходящимъ, а увлекающуюся еврейскую молодежь онъ называетъ „накипью" исторической жизни. Такимъ же поверхностнымъ теченіемъ считаетъ онъ и увлеченіе нѣкоторой части еврейской интеллигенціи идеей освобожденія балканскихъ славянъ во время русско-турецкой войны („Разсв." 1880 г., №№ 39—41, 44).

Попытка охарактеризовать переживанія еврейской молодежи, увлекшейся революціоннымъ движеніемъ была сдѣлана также въ „Вѣстникѣ Европы" (1880 г., № 12), въ „разсказѣ съ натуры" подъ заглавіемъ „Въ камерѣ прокурора" [1]), гдѣ происходитъ интересный діалогъ между прокуроромъ по политическимъ дѣламъ и старикомъ-евреемъ, хлопочущимъ о свиданіи съ единственнымъ сыномъ, заключеннымъ въ крѣпости за соціалистическую пропаганду. Прокуроръ доискивается причины значительнаго участія еврейской молодежи въ революціонныхъ кружкахъ. Старикъ-еврей набрасываетъ передъ нимъ картину развитія еврейскаго юноши, оторваннаго отъ своей родной среды, отъ вѣры, традицій, образа жизни своихъ отцовъ и дѣдовъ. Русская школа отчуждаетъ его отъ семьи, народа, а уйти некуда. „У его товарищей есть свое отечество, свой народъ, съ которымъ школа его не раздѣляла... Его, еврея, школа отдѣлила отъ общества, въ которомъ онъ жилъ, а новаго

---

[1]) Авторъ скрылся подъ иниціалами Н. Т. Продолженіе его очерковъ появилось въ „Вѣстникѣ Европы" 1881 г., №№ 3 и 8.—*Ред.*

не дала ему"... И вотъ по выходѣ изъ школы онъ оказывается на распутьи. „У него нѣтъ народа; кто его народъ? Эти оборванныя бѣдныя толпы евреевъ, цѣлый день работающихъ, чтобы добыть себѣ хлѣбъ,—съ ними у него нѣтъ ничего общаго"... Еще меньше общаго у него съ богатыми евреями. „А родина,—гдѣ у евреевъ родина? У него нѣтъ ихъ (не-евреевъ) воспоминаній, ихъ предковъ, ихъ исторіи; на него смотрятъ, какъ на чужого; гдѣ же его родина"?..

Участіе еврейской интеллигенціи въ революціонномъ движеніи давало поводъ „Новому Времени" обвинять евреевъ въ томъ, что они „поджариваютъ общество" съ двухъ сторонъ: сверху капиталомъ, а снизу соціализмомъ. При этомъ газета указывала, что евреи, составляя всего 3% населенія, даютъ 7% въ рядахъ арестованныхъ революціонеровъ. „Разсвѣтъ", полемизируя по этому поводу съ Незнакомцемъ (Суворинымъ), доказывалъ (въ статьѣ Нордъ-Веста), что еврейскіе революціонеры ничего общаго не имѣютъ съ еврейскимъ народомъ. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ „Разсвѣтъ", если бы въ теоріи нашихъ соціалистовъ была внесена хоть одна капля спеціально еврейскихъ интересовъ, тогда вопросъ о пролетаріи-ремесленникѣ долженъ былъ бы занимать въ программѣ нашихъ соціалистовъ если не первенствующее, то во всякомъ случаѣ видное мѣсто". Однако, въ дѣйствительности, ихъ вниманіе всецѣло поглощено крестьянскимъ вопросомъ, не затрагивающимъ положенія евреевъ. „Лозунги, которые партія нашихъ соціалистовъ написала на своемъ знамени, именно—„Земля и воля", „Народная воля", „Черный передѣлъ"—представляютъ для еврейскаго народа мертвыя слова, лишенныя всякаго жизненнаго значенія"... „Новое Время" хотѣло видѣть въ „еврейскомъ соціализмѣ" специфическую черту еврейства. „Разсвѣтъ", наоборотъ, доказывалъ, что тутъ обнаруживается органическое вліяніе русскаго общества и русской школы: „Только парализованный членъ остается безчувственнымъ, когда все тѣло испытываетъ сильное потрясеніе. Но еврейство не парализованный органъ русскаго общества; они оба находятся между собой въ жизненной органической связи" (№ 10, 1880 г.) [1]).

И. Сосисъ.

---

[1]) См. также „Гамелицъ" 1879 г., № 18, ст. А. Цедербаума на тему „Соціализмъ и нигилизмъ". Авторъ возмущается евреями-соціалистами, вызывающими гнѣвъ высшихъ сановниковъ, которые раньше были расположены къ евреямъ.

Стремленіе Екатерины II водворить евреевъ въ Россіи (1764 г.).

Когда императрица Елизавета издала въ 1742 г. указъ объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи, это распоряженіе не было встрѣчено сочувственно ни мѣстнымъ обществомъ, ни властями. Въ ту пору число евреевъ въ Россіи было невелико: ихъ насчитывалось нѣсколько сотъ въ Малороссіи; въ качествѣ гостей они проживали въ Ригѣ; небольшая группа осѣла въ Смоленской губерніи, а затѣмъ они встрѣчались единицами въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. И малороссійская власть, и рижскій городской совѣтъ ходатайствовали, чтобы евреямъ было разрѣшено временное проживаніе для торговыхъ цѣлей, но все было напрасно, потому что государыня дѣйствовала въ данномъ случаѣ лишь въ силу той нетерпимости, которою она была проникнута по отношенію къ инаковѣрующимъ (въ ея правленіе были сломаны армянскія церкви и мечети, насильственно крестили татаръ и т. д.; запрещеніе евреямъ проживать въ Малороссіи было распространено также на татаръ и другихъ „невѣрныхъ"). Отвѣтомъ на всѣ ходатайства была извѣстная резолюція о „врагахъ христовыхъ".

Зная эти обстоятельства, можно не удивляться тому, что съ воцареніемъ въ 1762 г. Екатерины II вопросъ о евреяхъ былъ поставленъ на очередь. Когда, по своемъ восшествіи на престолъ, Екатерина II посѣтила сенатъ, здѣсь обсуждалось предложеніе о допущеніи евреевъ въ страну. Сенаторы признали полезнымъ предоставить евреямъ право пребыванія въ Россіи, и государыня была согласна съ этимъ, но она все же увидѣла себя вынужденной отложить рѣшеніе возбужденнаго вопроса, такъ какъ исключительныя обстоятельства, при которыхъ она воцарилась послѣ трагической кончины ея мужа, Петра III, заставляли ее опасаться, что допущеніе евреевъ въ страну будетъ превратно истолковано обще-

ствомъ. Въ извѣстной автобіографической запискѣ сама Екатерина II призналась въ этомъ отступленіи отъ принципа терпимости: она боялась, когда еще „умы были въ сильномъ возбужденіи", „начать царствованіе такимъ проектомъ", ибо это „не могло быть средствомъ успокоенія".

Такимъ образомъ, вопросъ о допущеніи евреевъ въ страну— по соображеніямъ политическаго характера, связаннымъ съ обстоятельствомъ, сопровождавшимъ воцареніе Екатерины II—былъ отложенъ. Сознаніе, что допущеніе евреевъ въ страну можетъ быть истолковано какъ анти-религіозный актъ, заставило Екатерину II сдѣлать исключеніе для евреевъ и въ манифестѣ 4 декабря 1762 года: водвореніе въ Россіи было разрѣшено всѣмъ иностранцамъ, „кромѣ жидовъ" [1]). Однако, мысль о пользѣ, которую могутъ принести евреи, и о необходимости предоставить имъ доступъ въ страну, не покидала государыню. И не считая возможнымъ открыто проявить свое благоволеніе къ евреямъ, Екатерина II хотѣла добиться своей цѣли инымъ путемъ, избѣгая шумливыхъ актовъ.

Въ это время евреи стали хлопотать о допущеніи ихъ въ страну. И всюду—въ Петербургѣ, Малороссіи и Ригѣ—они нашли людей, которые, въ заботахъ о мѣстныхъ интересахъ, сочли нужнымъ пойти навстрѣчу желаніямъ евреевъ.

Въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ Малороссіи, поданномъ государынѣ въ 1764 г. шляхетствомъ и старшинами вмѣстѣ съ гетманомъ, указывалось, что мѣстная торговля „и тѣмъ не мало подкрѣпляема была, что какъ всему прочему иностранному купечеству, такъ и жидамъ свободное въ Малой Россіи торговъ отправленіе дозволяемо было". Не рѣшаясь, какъ гласило прошеніе, утруждать государыню просьбой о томъ, чтобы евреямъ было разрѣшено жить осѣдло въ краѣ, шляхетство и старшины ходатайствовали, „единственно для распространенія малороссійской коммерціи", о дозволеніи евреямъ свободно пріѣзжать на извѣстное время въ Малую Россію для промысловъ [2]).

Съ другой стороны и рижскій городской совѣтъ поручилъ своему депутату сдѣлать въ Петербургѣ представленіе о допущеніи евреевъ

---

[1]) За два мѣсяца до того Екатерина послала сенату собственноручно написанный указъ приблизительно такого же содержанія. Повидимому, государыня опасалась, что привлеченіе иностранцевъ можетъ быть дурно истолковано, а потому она прибавила, что надѣется такимъ путемъ „умножить славу Божію и православную греческую вѣру". Голицынъ, Исторія русскаго законодательства о евреяхъ, стр. 311.

[2]) „Кіевская Старина" 1888 г., кн. VI, 341.

въ Ригу, при условіи, однако, сохраненія привилегій города, т. е., чтобы евреи пользовались правомъ временнаго, но не постояннаго проживанія (мартъ 1764). Отмѣтивъ, что двадцать лѣтъ назадъ ходатайство города объ отмѣнѣ запрещенія евреямъ торговать въ Ригѣ не имѣло успѣха, депутатъ писалъ, что опытъ показалъ, какой большой ущербъ Ригѣ принесъ запретъ: въ Ригѣ торговля стала изъ года въ годъ падать, а въ это же время она возросла въ сосѣднихъ портахъ (Виндавѣ, Либавѣ, Мемелѣ и Кенигсбергѣ); теперь городъ проситъ разрѣшить евреямъ, проживающимъ въ Литвѣ, Польшѣ и Курляндіи, срочное пребываніе въ Ригѣ; это отразится благопріятно на торговлѣ и таможенномъ сборѣ и не причинитъ ни малѣйшаго подрыва обывателямъ и торговому сословію.

Ходатайство Риги соотвѣтствовало желанію Екатерины II; и разъ имѣлись причины, которыя мѣшали открыто дѣйствовать, государыня, вообще любившая окружать свои дѣйствія таинственной завѣсой, рѣшила прибѣгнуть къ конспираціи, лишь бы достигнуть своей цѣли.

Государыня стремилась привлечь иностранцевъ въ Россію. Ее особенно интересовала пустынная Новороссія. Когда Екатерина II учредила Новороссійскую губернію, то главная задача, поставленная начальнику области, А. П. Мельгунову, заключалась во скорѣйшемъ заселеніи этого края [1]). Заботу о привлеченіи иностранцевъ Екатерина возложила на вновь учрежденную „Канцелярію опекунства иностранныхъ", предсѣдателемъ которой былъ назначенъ близкій государынѣ графъ Григорій Орловъ.

И вотъ было рѣшено обратиться въ этомъ дѣлѣ къ помощи нѣсколькихъ евреевъ, при чемъ организація колонизаціоннаго предпріятія должна была быть сосредоточена въ Ригѣ.

Въ апрѣлѣ 1764 г. секундъ-маіоръ Ртищевъ доставилъ рижскому генералъ-губернатору Броуну слѣдующее письмо: „Если будутъ рекомендованы отъ Канцеляріи опекунства иностранныхъ нѣсколько купеческихъ людей Новороссійской губерніи, то имъ позволить жительство имѣть въ Ригѣ и торгъ производить на такомъ основаніи, какъ прочихъ россійскихъ губерній купечеству въ Ригѣ дозволяется въ силу законовъ. Сверхъ того, когда отъ оныхъ будутъ отправляемы ихъ приказчики, повѣренные и работные люди въ Новую Россію (Новороссію), также и для поселенія туда-жъ, то для препровожденія и безопасности оныхъ, несмотря

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. VI. 38.

на законы и вѣру, давать пристойное провожаніе и паспорты отъ васъ. Да сверхъ того, если изъ Митавы будутъ три или четыре человѣка, которые пожелаютъ ѣхать въ Петербургъ для нѣкоторыхъ требованій, имѣющихся на коронѣ, дать имъ паспорты, не упоминая ихъ націй и о законѣ оныхъ испытанія не чинить, а писать только въ паспортахъ имена ихъ; а чтобы знать оныхъ, то должно, чтобъ они имѣли письмо отъ находящагося здѣсь купца Левія Вульфа, которое они вамъ показать должны. Екатерина" [1]).

На этомъ письмѣ императрица сдѣлала слѣдующую надпись (на нѣмецкомъ языкѣ): „Если вы не поймете меня, то не я буду виновата въ этомъ; письмо это написалъ самъ предсѣдатель канцеляріи опекунства: держите все это въ секретѣ".

Итакъ, государыня хотѣла предоставить безъ огласки нѣкоторымъ евреямъ, подъ видомъ новороссійскихъ купцовъ, право вести торговую дѣятельность въ Ригѣ, одновременно поручивъ имъ колонизировать Новороссію.

Снабженный письмомъ Броуна на имя русскаго посла при герцогскомъ дворѣ въ Митавѣ, Симолина, Ртищевъ немедленно отправился туда; Симолинъ оказалъ ему содѣйствіе въ его секретной миссіи, и черезъ пару дней Ртищевъ вернулся въ Ригу въ сопровожденіи семи евреевъ. Это были: раввинъ Израиль Хаимъ и его помощникъ Натанъ Абрагамъ, оба изъ Биржъ; купцы Давидъ Леви, Моисей Аронъ, Израиль Лазарь изъ Митавы, одинъ рѣзникъ и одинъ слуга. Всѣ они были тотчасъ отправлены въ Петербургъ. Одновременно генералъ-губернаторъ послалъ государынѣ слѣдующій рапортъ: „По содержанію Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества секретнаго имянного Всемилостивѣйшаго соизволенія, желающіе въ С.-Петербургъ для нѣкоторыхъ требованій таковые, о коихъ ни о законѣ, ни о націи испытанія не было, съ нарочно для ихъ съ письмомъ купца Левія Вульфа, присланнымъ секундъ-маіоромъ Ртищевымъ, купцовъ 3, духовныхъ 2 и одинъ рѣзникъ съ работникомъ, всего въ 7-ми человѣкахъ, сюда изъ Митавы сего Мая 7-го прибыли, и сего числа въ С.-Петербургъ съ тѣмъ же секундъ-маіоромъ на такомъ основаніи, какъ Всемилостивѣйше повелѣно, отправлены. Всемилостивѣйшая Государыня! О семъ дѣлѣ съ моей стороны, конечно, содержанъ

[1]) И. Іоффе, Изъ жизни первой еврейской общины въ Ригѣ. Сборникъ „Пережитое", т. II, стр. 190. Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV, стр. 365.

быть имѣетъ всегдашній секретъ, но какъ упомяненные люди сюда прибыли открытымъ образомъ, то не долго иногда можетъ, особливо по знаемости оной націи, сіе отправленіе ихъ остаться въ секретѣ" [1]).

Такимъ образомъ, часть таинственнаго предпріятія, изложеннаго въ письмѣ президента Канцеляріи опекунства къ Броуну, была выполнена,—въ столицу были отправлены митавскіе евреи „для нѣкоторыхъ требованій, имѣющихся на коронѣ". Здѣсь они, во главѣ съ Левіемъ Вульфомъ, занимавшимся въ столицѣ казенными подрядами, вступили въ соглашеніе съ Мельгуновымъ по вопросу о колонизаціи Новороссіи. И тогда все это дѣло, заранѣе секретнымъ образомъ подготовленное, было оформлено путемъ офиціальной переписки.

„Новороссійская губернія—писалъ Мельгуновъ Канцеляріи опекунства—вся состоять и наполняться должна иностранными людьми. Вслѣдствіе того для доставленія въ помянутую губернію изъ за границы людей, посланы отъ меня въ Ригу новороссійскіе купцы: Давидъ Левій Бамбергъ [2]), Моисей Аронъ (эти двое были изъ числа трехъ, отправленныхъ въ Петербургъ), Беръ Бейнаминъ [3]), съ ихъ служителями, которымъ отъ меня оное дѣло и поручено; но какъ оные, будучи торговые люди, иного посредства къ своему пропитанію и содержанію, какъ только по тому ихъ званію (т. е. торговому), не имѣютъ, то въ разсужденіе сихъ обстоятельствъ Канцелярію опекунства иностранныхъ прошу—помянутыхъ новороссійскихъ купцовъ рижскому генералъ-губернатору рекомендовать, дабы они могли, равно какъ и прочихъ городовъ Ея Импер. Величества подданные купцы, въ Ригѣ торговлею пользоваться".

---

[1]) Іоффе, н. ст. стр. 191. Также Сборникъ матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV, стр. 366.

[2]) Бамбергъ, также Бамбергеръ, уже раньше имѣлъ сношенія съ представителями русской власти; онъ былъ поставщикомъ при генералъ-фельдмаршалѣ Апраксинѣ (1760 г.); когда Бамбергъ отправился въ 1760 г. съ семьей въ Кенигсбергъ изъ Митавы, гдѣ онъ жилъ въ продолженіи 18 лѣтъ (очевидно, послѣ изгнанія изъ Риги), оберъ-офицерамъ, состоящимъ при складахъ, было велѣно не только не чинить ему препятствій, но оказывать содѣйствіе; вообще, согласно аттестаціи, выданной шефомъ русскаго корпуса въ Митавѣ въ 1764 г., Бамбергеръ „оказалъ ея императорскому величеству выдающіяся услуги" въ различныхъ экспедиціяхъ. См. мою замѣтку въ Еврейской Энциклопедіи, т. III, стр. 735—737; также статью „Рига", тамъ же, т. XIII.

[3]) Беръ Бейнаминъ былъ энергичнымъ общественнымъ дѣятелемъ въ Митавѣ.

Для оказанія содѣйствія упомянутымъ купцамъ и для сопровожденія колонистовъ до крѣпости Св. Елизаветы (впослѣдствіи Елисаветградъ) былъ назначенъ маіоръ Ртищевъ. Старшему же надъ этими купцами Левію Вульфу, коему „вся комиссія поручена въ наблюденіе", Мельгуновъ предоставилъ право замѣнять поименованныхъ купцовъ другими лицами. Въ случаѣ надобности въ дома купцовъ должна быть поставлена „сальвогвардія" (военная охрана).

Изъ этихъ строкъ можно сдѣлать заключеніе, что правительство интересовалось главнымъ образомъ дѣломъ колонизаціи; еврейскіе же купцы воспользовались возложеннымъ на нихъ порученіемъ, чтобы добыть себѣ право свободной торговли въ Ригѣ,— и государыня, какъ это выясняется изъ дальнѣйшаго, была готова оказать въ этомъ отношеніи свое содѣйствіе какъ имъ, такъ и другимъ евреямъ.

Канцелярія опекунства одобрила всѣ предложенія Мельгунова и послала соотвѣтствующее предписаніе Броуну [1]), пояснивъ, что такъ какъ по манифесту 1762 г. иностранцы пользуются правомъ торговли во всѣхъ русскихъ городахъ, то и указаннымъ тремъ купцамъ разрѣшается торговать въ Ригѣ какъ русскимъ подданнымъ. Канцелярія опекунства сдѣлала видъ, будто забыла, что манифестъ 1762 г. исключилъ евреевъ изъ общей милости. Впрочемъ, вѣдь офиціально рѣчь шла не объ евреяхъ, а яко-бы объ иностранцахъ, ставшихъ новороссійскими купцами [2])!

Левій Вульфъ принялся за работу. Онъ послалъ изъ Петербурга куда-то письма, и вскорѣ въ Ригу направились „двадцать человѣкъ польскаго города Полоцка". Были ли это евреи? О національности было запрещено говорить, и въ сохранившихся бумагахъ нѣтъ отвѣта на поставленный вопросъ. Но изъ того, что этихъ двадцать человѣкъ не впустили въ Ригу, а заставили въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города дожидаться, пока вернется отсутствующій генералъ-губернаторъ, безъ котораго никто не рѣшался дать имъ пропускъ, можно сдѣлать заключеніе, что это были евреи.

---

[1]) Архивъ бывшаго министерства земледѣлія. № 25659: „Дѣло по доношенію генералъ-поручика Мельгунова объ отправленныхъ въ Ригу новороссійскихъ купцахъ". Письма Мельгунова отъ 17 и 22 мая 1764 г. были разсмотрѣны Канцеляріей опекунства 25 мая; 4 іюня Броунъ подтвердилъ полученіе указа (№ 442).

[2]) Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Екатеринѣ II не приходилось болѣе считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, она въ письмѣ къ энциклопедисту Дидро (1773 г.) откровенно заявила, что въ 1764 г. евреи были объявлены купцами и жителями Новороссіи.

Вскорѣ колонизаторская дѣятельность Вульфа была перенесена въ Ригу. Онъ и его товарищи съ Ртищевымъ и слугами прибыли въ Ригу, и отсюда Вульфъ разослалъ письма въ польскія мѣстечки, въ Пруссію, Бранденбургъ и Померанію [1]), а вслѣдъ за тѣмъ въ Ригу стали прибывать евреи.

Повидимому, комиссія по привлеченію иностранцевъ въ Новороссійскій край работала не единодушно. Левій Вульфъ и Ртищевъ злоупотребляли своей властью. Давидъ Бамбергеръ и Моисей Аронъ жаловались генералъ-губернатору, что Левій Вульфъ не отдалъ имъ векселя въ восемь тысячъ рублей „съ причиненіемъ имъ несносныхъ обидъ", а Ртищевъ подвергалъ ихъ притѣсненіямъ. Броунъ всполошился, опасаясь, что „по несогласіямъ сихъ иностранныхъ" (такъ именовались знакомые намъ евреи!) казнѣ будетъ нанесенъ ущербъ; къ тому же, „увѣдомясь о такихъ суровостяхъ, другіе иностранные люди, опасая себя отъ того, не отважатся въ Россію болѣе ѣхать" [2]).

Неизвѣстно, успѣшна ли была дѣятельность комиссіи, удалось ли ей водворить евреевъ въ Новороссіи. Во всякомъ случаѣ желаніе Екатерины II привлечь евреевъ въ Новороссійскій край не ослабѣвало; она пользовалась всякимъ случаемъ, дававшимъ ей возможность направить ихъ туда, не прибѣгая къ актамъ, которые требовали бы широкой гласности. Въ 1764 г. она предписала князю Дашкову, находившемуся съ войскомъ въ Литвѣ, а затѣмъ въ Польшѣ, принимать подъ свою защиту польскихъ и другихъ евреевъ, которые заявятъ о готовности ѣхать въ Новороссію, и выдавать имъ паспорта до Риги и Смоленска [3]). Когда въ Ригѣ вскорѣ скопилось значительное число евреевъ, направлявшихся будто бы въ Новороссію, но фактически занимавшихся въ Ригѣ торговой дѣятельностью, и генералъ-губернаторъ вздумалъ стѣснить ихъ въ правѣ проживанія, они обратились съ жалобой въ Канцелярію опекунства, прося, чтобы было опубликовано о томъ, что имъ предоставлены новыя права. Но Екатерина II не согласилась на подобную огласку; напротивъ, она подтвердила властямъ, что тайна должна быть соблюдена, но при этомъ потребовала болѣе снисходительнаго отношенія къ евреямъ въ Ригѣ. Вотъ что она написала тогда (6 августа 1764 г.) генералъ-губернатору Броуну: „Господинъ генералъ-губернаторъ, Вамъ извѣстно, что воля наша

---

1) Рапортъ Ртищева. Указанное архивное дѣло.

2) Донесеніе генералъ-губернатора 18 сентября 1764 г. Указанное архивное дѣло.

3) Сборникъ Импер. русск. истор. общества, т. 51, стр. 440.

есть, дабы не обнародовать позволенія жить въ Россіи особливо тѣмъ людямъ, о которыхъ Вы писали въ Канцелярію опекунства, однако-жъ не имѣть и строгаго запрещенія. Вслѣдствіе сего извольте поступать такъ и сказать требующимъ объ обнародованіи, что оное не нужно потому, ибо уже въ манифестѣ о вызовѣ чужестранныхъ всѣмъ націямъ глухо безъ изъятія жить въ Россіи дозволяется, на чемъ и оные свое основаніе имѣть могутъ; дозвольте же жить хотя и болѣе нарѣченнаго вамъ числа Канцеляріею опекунства въ предмѣстьи рижскомъ. О пріѣзжающихъ же для отправленія въ Новую Россію можно, покуда соберется довольное число къ отправленію, дозволить жить по мѣсяцу или недѣль по шести; въ прочемъ, помощь вашу, въ сходствіе съ законами, извольте подавать имъ въ разсужденіи ихъ обязательства торговаго съ короною. Екатерина“ [1]).

Мы видимъ, что письмо составлено съ такой осторожностью, что человѣкъ, не посвященный въ подробности переписки, не могъ бы догадаться, о комъ идетъ рѣчь; генералъ-губернаторъ отвѣтилъ государынѣ въ томъ же конспиративномъ духѣ [2]). Но изъ того, что было сказано въ рижскомъ магистратѣ по поводу письма государыни, вытекаетъ съ несомнѣнностью, что подразумѣвались евреи [3]).

Съ этого времени въ Ригѣ образуется осѣдлое еврейское населеніе.

Екатерина II и впослѣдствіи старалась колонизировать Новороссію евреями. Когда въ 1768 г. началась война съ Турціей и русскіе заняли Молдавію и Валахію, появились военноплѣнные; всѣмъ имъ было разрѣшено водворяться въ Россіи по собственному желанію; что касается евреевъ, взятыхъ въ плѣнъ, то для нихъ была открыта только Новороссія. Судя по соотвѣтствующему именному указу (16 августа 1769 г.), можно было бы думать, что разрѣшеніе на поселеніе евреевъ было дано противъ желанія правительства, какъ бы только въ силу неодолимой необходимости;

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV, стр. 370.

[2]) Броунъ подтвердилъ полученіе высочайшаго указа о „наставленіи какимъ образомъ поступать въ дозволеніи здѣсь жить пріѣзжающимъ для отправленія въ Новую Россію извѣстной націи и всходствіе законовъ въ производствѣ имъ торга чинить помощь“. Сборникъ матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV.

[3]) Іоффе, Изъ жизни первой еврейской общины. Сборникъ „Пережитое“, т. II, стр. 193.

но приведенныя выше сообщенія свидѣтельствуютъ, что государыня умѣла маскировать свои желанія. Когда въ 1768 г. гайдамаки залили правобережную польскую Украйну кровью евреевъ и поляковъ, русскія власти принимали подъ свою защиту евреевъ-бѣженцевъ. Мы застаемъ ихъ въ крѣпости св. Елизаветы, у подполковника Хорвата, который на требованіе гайдамаковъ выдать скрывшихся евреевъ и поляковъ, отвѣтилъ: „тѣхъ жидовъ и поляковъ, потому что оные въ силѣ предложеніевъ находятся у насъ подъ защитой, отдать невозможно“ [1]).

Старанія Екатерины II водворить евреевъ въ Россіи стали излишны, когда въ 1772 г., въ силу перваго раздѣла Польши, къ Россіи перешелъ Бѣлорусскій край съ многотысячнымъ еврейскимъ населеніемъ, а слѣдующіе два раздѣла еще болѣе увеличили численность евреевъ въ Россіи.

Юлій Гессенъ.

---

[1]) Графъ Румянцевъ донесъ государынѣ 13 марта 1770 г., что послѣ побѣды надъ татарами (находясь въ союзѣ съ турками, они появились на югѣ Россіи) при Балтѣ „освобождено забратыхъ ими съ польскихъ селеній жидовъ и христіанъ 862 души“. (Регесты и надписи, III № 2207).

Мои сношенія съ М. Драгомановымъ и работа въ „Вольномъ Словѣ“.

I.

Окончивъ кое-какъ свою миссію къ „Alliance Israelite“ въ Парижѣ, куда я поѣхалъ въ качествѣ делегата отъ одесскаго кружка эмигрантовъ Am-Oilam [1]), я въ началѣ апрѣля 1882 г. поселился въ деревушкѣ Val-Notre-Dame, часахъ въ двухъ ѣзды отъ Парижа.

Моимъ сосѣдомъ, жившимъ со мною рядомъ въ томъ же домѣ, былъ молодой русскій писатель-публицистъ О.-К., написавшій нѣсколько очень интересныхъ статей о сектантахъ (теперь академикъ и лучшій русскій критикъ).

Кромѣ насъ, въ деревушкѣ, въ особомъ chalet (швейцарскій домикъ), жилъ еще одинъ русскій эмигрантъ Ж. со своей семьей. Это былъ типичный народникъ во вкусѣ той эпохи. Онъ снялъ домикъ съ огородомъ, въ которомъ часто копался, думая, что такимъ образомъ онъ живетъ настоящей „трудовой“, да еще сельскою жизнью. Изъ всего его копанія никогда ничего не выходило, но цѣль достигалась уже тѣмъ, что онъ одѣвался въ синюю холщевую блузу и размахивалъ заступомъ. Его жена копировала Суханчикову изъ романа „Дымъ“. Вѣчно бѣгала въ Парижъ и по Парижу, вѣчно волновалась и торопилась по „очень важному дѣлу“ (таинственно и многозначительно), что не мѣшало ей останавливать каждаго знакомаго и изводить его безконечными разговорами. Оба, несмотря на свои радикальныя и космополитическія идеи, были въ душѣ порядочными юдофобами. Оба, впрочемъ, были очень добрые и услужливые люди.

Совсѣмъ другого рода человѣкъ былъ О.-К.

---

[1]) Объ этой печальной миссіи я подробно разскажу въ другой разъ.

Я съ нимъ познакомился еще въ Парижѣ и, благодаря ему, попалъ въ эту окруженную со всѣхъ сторонъ молодымъ лѣсомъ деревушку. К. тогда изучалъ санскритъ, а также слушалъ курсъ древне-еврейскаго языка въ Collège de France. Мы съ нимъ поэтому часто переводили пророковъ. Текстъ я легко, конечно, разбиралъ, но въ грамматикѣ онъ былъ сильнѣе меня. Изъ всѣхъ моихъ русскихъ товарищей, знакомыхъ и друзей, какихъ я когда-либо имѣлъ, К. былъ единственнымъ, о которомъ могу утверждать, что ему чуждо было всякое „фобство". Ему не приходилось преодолѣвать въ себѣ это чувство всякими „принципами", какъ это часто—и не всегда успѣшно—приходится дѣлать разнымъ программнымъ либераламъ и прогрессистамъ. Ему такое чувство было совершенно недоступно. Это тѣмъ болѣе удивительно, что К. происходилъ изъ богатой малороссійской помѣщичьей семьи. Необычайно ясный и прямой умъ обезпечилъ его отъ всякихъ предразсудковъ. Зато онъ скептически и даже отрицательно относился ко всякой національной „романтикѣ", какъ онъ говорилъ, въ томъ числѣ и къ украйнофильству. Я же, всегда мечтавшій о нашемъ собственномъ національномъ возрожденіи, относился съ глубокимъ сочувствіемъ ко всѣмъ пробуждающимся и борющимся за свою свободу національностямъ. Это былъ единственный пунктъ, на которомъ мы расходились. Во всемъ прочемъ онъ мнѣ глубоко сочувствовалъ, и я могъ изливать передъ нимъ все накопившееся и накипавшее на душѣ.

А время было зловѣщее. Это была кровавая заря новой для насъ эры, первое страшное звено длинной цѣпи адскихъ мукъ и сверхчеловѣческихъ страданій, которая тянется вотъ уже четвертый десятокъ лѣтъ.

Приблизительно въ серединѣ апрѣля, т. е. спустя дней десять послѣ нашего водворенія въ Валь-Нотръ-Дамъ, къ О.-К. заѣхалъ профессоръ М. П. Драгомановъ. Ему было поручено редактированіе выходившаго тогда въ Женевѣ журнала „Вольное Слово", и онъ пріѣхалъ въ Парижъ вербовать сотрудниковъ для своего органа. Главнымъ же образомъ онъ имѣлъ въ виду К., котораго считалъ серьезной литературной силой съ блестящей будущностью. Имя Драгоманова, бывшаго профессора кіевскаго университета, который онъ вынужденъ былъ оставить за свои либеральныя идеи и горячій украинскій націонализмъ, мнѣ было хорошо извѣстно. Оно произносилось съ благоговѣніемъ въ кружкѣ украинцевъ, душою котораго былъ весьма популярный учитель исторіи одесскихъ гимназій Леонидъ Анастасьевичъ Смоленскій,

въ домъ котораго я былъ вхожъ будучи гимназистомъ послѣднихъ классовъ [1]). Говорилъ мнѣ о Драгомановѣ съ такимъ же глубокимъ уваженіемъ нашъ учитель словесности Алексѣй Александровичъ Андреевскій, тоже примыкавшій къ украинцамъ. Какъ вождя украинской національной партіи, его украинцы повсюду трогательно называли „батько".

Я долженъ отдать справедливость украинцамъ: хотя юдофобство, какъ увидимъ дальше, составляло чуть-ли не догму для многихъ дѣятелей партіи, я среди нихъ встрѣтилъ самое горячее сочувствіе моимъ „юдофильскимъ", какъ тогда говорили, идеямъ. Смоленскій даже пропагандировалъ мою національную идею, гдѣ могъ, среди еврейской молодежи. Однажды онъ пригласилъ къ себѣ моихъ товарищей по гимназіи и по университету, Герценштейна и Іолоса (впослѣдствіи депутатовъ Государственной Думы), и долго ихъ убѣждалъ посвятить себя служенію еврейскому народу [2]). Правда, эти симпатіи были не вполнѣ безкорыстны, и ихъ конечная цѣль была совершенно иная. Но это для меня стало ясно гораздо позже.

Уже вечеромъ, покончивъ свои переговоры съ О.-К., Драгомановъ зашелъ ко мнѣ въ сопровожденіи послѣдняго. Я былъ немало удивленъ и смущенъ, когда съ первыхъ же словъ онъ объяснилъ цѣль своего прихода—предложить мнѣ сотрудничество въ его журналѣ „Вольное Слово". При этомъ онъ меня въ общихъ чертахъ познакомилъ съ своею программою. Вся моя „литературная дѣятельность" тогда выразилась въ одной статьѣ и нѣсколькихъ корреспонденціяхъ въ петербургскомъ еженедѣльникѣ „Разсвѣтъ" и нѣсколькихъ письмахъ изъ Парижа за подписью Рейшъ-Галута (довольно нескромною, признаюсь), которыя О.-К. читалъ. И онъ-то указалъ на меня Драгоманову.

Я всячески уклонялся отъ сотрудничества, такъ какъ еще очень мало былъ увѣренъ въ своихъ литературныхъ силахъ. Я тогда смотрѣлъ на себя, какъ на случайнаго писателя, пишущаго подъ напоромъ бурныхъ переживаній. И хотя у меня заро-

[1]) Впослѣдствіи Смоленскій за свои идеи былъ удаленъ попечителемъ Голубцовымъ изъ всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства просвѣщенія. По ироніи судьбы онъ сохранилъ свою должность въ одномъ юнкерскомъ училищѣ.

[2]) Объ этомъ мнѣ Герценштейнъ разсказалъ сейчасъ послѣ бесѣды. Отвѣтилъ онъ Смоленскому, какъ постоянно мнѣ отвѣчалъ: онъ совершенно оторванъ отъ еврейской массы и чуждъ ей. И это была совершенная правда. У него о еврействѣ вообще были очень смутныя понятія, чему было виною его воспитаніе.

ждались всякіе литературные планы, я еще не считалъ себя настоящимъ литераторомъ. Но Драгомановъ такъ сильно настаивалъ, что я, наконецъ, согласился. Однако тутъ же заявилъ, что могу писать только о нашихъ еврейскихъ дѣлахъ и нуждахъ. „Сдѣлайте одолженіе—отвѣтилъ Драгомановъ. Еврейскій вопросъ составляетъ одинъ изъ очень важныхъ элементовъ общаго нашего вопроса, и я ставлю нашей задачей всесторонне его освѣтить“.

Онъ взялъ съ меня слово, что я немедленно же напишу и пришлю ему свою первую статью къ концу того же мѣсяца. Я выговорилъ себѣ при этомъ полную свободу высказаться. Драгомановъ согласился. Онъ еще заручился сотрудничествомъ упомянутаго Ж., который писалъ о соціально-политическихъ партіяхъ во Франціи.

II.

Журналъ „Вольное Слово“ не слѣдуетъ смѣшивать съ разными революціонными органами, въ изобиліи появлявшимися тогда за-границей. Онъ съ ними ничего общаго не имѣлъ ни по духу, ни по направленію, ни по пріемамъ. Это былъ политическій журналъ радикальнаго, но не революціоннаго, въ собственномъ смыслѣ, направленія. Издавался онъ „Обществомъ Земскаго Союза и Самоуправленія“. Онъ былъ основанъ богатымъ помѣщикомъ и земскимъ дѣятелемъ Мальшинскимъ, который его редактировалъ до тридцать седьмого нумера. Съ 37-го № его фактическимъ редакторомъ становится Драгомановъ, хотя фигурировать официально какъ редакторъ онъ сталъ только съ 52-го нумера (всего за приблизительно трехлѣтнее существованіе журнала появилось шестьдесятъ два нумера). Журналъ „Вольное Слово“ не только имѣлъ мало общаго съ боевыми революціонными органами той эпохи, отличавшимися полемическимъ задоромъ и тѣмъ, что Герценъ назвалъ „ноздревщиной нигилизма“, но неустанно и энергично боролся съ ними. Особенно упорно и послѣдовательно выступалъ противъ нихъ самъ Драгомановъ. У него былъ слишкомъ ясный, слишкомъ прозорливый, положительный и даже нѣсколько скептическій умъ, чтобы отдаться крайнимъ увлеченіямъ и иллюзіямъ тогдашней революціонной молодежи, которая съ увѣренностью говорила о скоромъ наступленіи мессіанскихъ временъ всеобщаго блаженства на землѣ при безграничномъ „народоправствѣ“. Въ своихъ умныхъ, глубоко продуманныхъ статьяхъ Драгомановъ послѣдовательно раз-

бивалъ всѣ подобнаго рода построенія. Очень часто онъ пускалъ въ ходъ и свой ѣдкій хохлацкій сарказмъ, который сильнѣе всего дѣйствовалъ. Особенно безпощадно относился онъ къ П. Лаврову, съ которымъ Драгомановъ расходился въ основныхъ политическихъ воззрѣніяхъ и методахъ борьбы, хотя въ общемъ въ полемикѣ никогда не выходилъ изъ литературныхъ границъ. Крайняя проповѣдь, литературная и устная, въ которую Лавровъ ударился въ послѣдніе годы, сильно возмущала Драгоманова, и свое негодованіе онъ часто высказывалъ и въ устныхъ бесѣдахъ. Ему было досадно и обидно, что этотъ недюжинный человѣкъ, который могъ бы много сдѣлать въ области науки и въ серьезной публицистикѣ, спустился до роли зауряднаго агитатора [1]).

Эта трезвость и ясность ума, однако—какъ увидимъ дальше,—часто покидала Драгоманова, когда дѣло доходило до еврейскаго вопроса.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому спеціальному пункту, я долженъ еще сказать нѣсколько словъ о положительныхъ задачахъ „Вольнаго Слова". Главнѣйшая изъ нихъ достаточно выражена въ названіи общества, органомъ котораго было „Вольное Слово": „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія". Земства—самостоятельныя и независимыя другъ отъ друга, съ широкимъ самоуправленіемъ—объединяются въ одинъ общій Союзъ Земствъ. При этомъ—полная автономія всякихъ народностей, политическая и особенно культурная. Эти народности составляютъ вмѣстѣ свободный союзъ или федерацію. Въ союзъ входятъ также русины и всѣ западные славяне, которыми Драгомановъ очень интересовался. Больше всего, конечно, его занималъ вопросъ о родныхъ русинахъ, которому отводилось много мѣста въ „Вольномъ Словѣ"; съ этой украинско-русинской точки зрѣнія разсматривался въ журналѣ и еврейскій вопросъ.

Всякая централизація была ненавистна Драгоманову, и это тоже ему давало поводъ къ частымъ выпадамъ противъ боевой партіи народовольцевъ, проявлявшей сильныя централизаторскія наклонности. Въ этихъ выступленіяхъ противъ централистовъ Драгомановъ особенно проявлялъ весь свой крупный

[1]) Лавровъ обычно читалъ свои лекціи въ плохенькомъ, мрачномъ и задымленномъ кафе на rue Pascal. Я присутствовалъ на двухъ такихъ лекціяхъ. Въ одной онъ читалъ о вліяніи православія и высказалъ очень мѣткія и вѣрныя историко-философскія мысли.

публицистическій талантъ. Тутъ дѣло шло о самыхъ ему дорогихъ и кровныхъ интересахъ, интересахъ родной Украины, которую онъ хотѣлъ видѣть культурно независимой и самостоятельно развивающейся. Но этотъ пламенный патріотъ, видѣвшій великое историческое прошлое своего народа въ казачествѣ, Сѣчи и Гайдамачинѣ, въ свою очередь совершенно отрицалъ всякое право евреевъ на какое-либо независимое культурное существованіе. Тутъ онъ сходился во взглядахъ съ тѣми россійскими централистами, съ которыми онъ, какъ украинецъ, боролся.

Умѣренность „Вольнаго Слова", его выступленія противъ политическихъ крайностей

пріобрѣли журналу и его редактору ярыхъ враговъ среди крайнихъ партій, которыя о немъ говорили въ такомъ же тонѣ, какъ говорила въ Россіи либеральная печать о „Московскихъ Вѣдомостяхъ" Каткова. Журналъ сдѣлался притчей во языцѣхъ, а „г-нъ Драгомановъ изъ Гядяча" сталъ мишенью для всяческихъ нападокъ. И такъ какъ нравы были не очень строги въ этомъ отношеніи и не считалось обязательнымъ много церемониться, когда дѣло шло о политическомъ противникѣ, то „Вольное Слово" и его редакторовъ часто закидывали грязью, обвиняя во всѣхъ смертныхъ политическихъ грѣхахъ до прислуживанія русскому правительству въ качествѣ его агентовъ включительно. Клевету распространяли не только въ печати, но и устно, въ частныхъ бесѣдахъ и собраніяхъ.

Мнѣ придется указать на возмутительныя выходки „Вольнаго Слова" по отношенію къ евреямъ и на его яркую юдофобскую окраску впослѣдствіи. Тѣмъ не менѣе я долженъ констатировать, что честность и добропорядочность редакторовъ и самого органа не подлежатъ никакому сомнѣнію.

III.

Въ № 37 (отъ 15 мая 1882 г.) появилось мое первое „письмо", озаглавленное: „Вліяніе противуеврейскихъ безпорядковъ на евреевъ". Редакція предпослала этому письму слѣдующую замѣтку: „Печатаемое письмо принадлежитъ образованному еврею изъ той категоріи ихъ, которая теперь наиболѣе необходима для массъ не только еврейскихъ, но и христіанскихъ на юго-западѣ Россіи, т. е. такой, которая, получивъ ново-европейское образованіе, не отворачивается отъ своей темной массы, а настаиваетъ на необходимости образованнымъ людямъ идти въ свой народъ

и подѣлиться съ нимъ пріобрѣтенными ими черезъ образованіе идеями. Только такіе евреи окажутъ вліяніе на реформу всего теперешняго быта еврейства, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ желательному устраненію вражды между массами еврейскими и христіанскими, призванными исторіей къ совмѣстному жительству“.

Кромѣ того въ статьѣ „По поводу еврейскаго вопроса“, помѣщенной въ томъ же нумерѣ (о ней я буду говорить ниже), въ редакціонномъ примѣчаніи говорится, что редакція „охотно и съ благодарностью открываетъ свои столбцы г-ну М.“.

Я приведу здѣсь начало этого перваго письма, служащаго какъ-бы вступленіемъ, для того чтобы дать представленіе объ общемъ характерѣ моихъ статей въ этомъ органѣ. Я считаю нужнымъ предварительно замѣтить, что меня тогда особенно занимали внутренніе вопросы еврейской жизни. Стоя близко къ народной массѣ, я видѣлъ ея бѣдственное и унизительное положеніе, которое сильно потрясло мою юную душу; но въ то же время я наблюдалъ почти сплошное бѣгство интеллигентнаго еврейства, преимущественно учащейся молодежи, отъ этой несчастной народной массы и полное къ ней презрѣніе. И я рѣшилъ, что нужно всѣми силами бороться противъ этого постыднаго, ни одному народу въ мірѣ неизвѣстнаго, явленія. Что же касается нашихъ „внѣшнихъ враговъ“, то хотя я имѣлъ случай ихъ видѣть и тамъ, гдѣ другіе ихъ не замѣчали или не хотѣли замѣчать, но я считалъ совершенно безполезнымъ противъ нихъ выступать. Всякая же защита евреевъ передъ кѣмъ-бы то ни было меня глубоко возмущала. Къ чему жертвѣ защищаться передъ своими мучителями?—думалъ я. Не защищаться, а нападать нужно, обвинять своихъ палачей. Это была не система, не теорія, а чувство, которымъ я весь былъ проникнутъ, и иначе я не могъ-бы дѣйствовать. Я поэтому никогда не думалъ о работѣ въ общей печати. Когда же случай толкнулъ меня туда, я рѣшилъ имъ воспользоваться и бросить въ лицо горькую правду съ одной стороны еврейской интеллигенціи, а съ другой—русскому обществу.

Вотъ вступленіе, которое предшествовало моимъ статьямъ: „Въ жизни русскихъ евреевъ замѣчается въ высшей степени странное и настолько же прискорбное явленіе, которое въ послѣднее время бросилось въ глаза даже неевреямъ. Именно: параллельно съ тѣмъ, какъ у русской интеллигенціи, и особенно у учащейся молодежи, зарождалось сильное стремленіе къ сбли-

женію съ „меньшей братіей“, съ массой сѣраго люда, стремленіе, обнаружившееся какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, какъ въ литературѣ, такъ и въ дѣятельности нѣскольких партій,—параллельно съ этимъ среди еврейской интеллигенціи, и опять же особенно среди учащейся молодежи, возникало стремленіе совершенно противоположное: какъ можно подальше уйти отъ еврейской массы, разорвать съ нею всякія связи. Я не имѣю въ виду въ настоящій моментъ вдаваться въ объясненія причинъ этого, тѣмъ болѣе уродливаго и съ перваго взгляда непонятнаго явленія, что оно какъ бы прогрессировало рядомъ съ тѣмъ, какъ все болѣе и болѣе прогрессировало у евреевъ „просвѣщеніе“. Я здѣсь только отмѣчаю фактъ, который можно толковать различно, но существованія котораго нельзя никоимъ образомъ отрицать. Люди поверхностные и зараженные инстинктивнымъ, съ дѣтства всосаннымъ предубѣжденіемъ противъ евреевъ, рѣшали дѣло просто: еврейская масса представляетъ собой, слѣдовательно, нѣчто крайне безобразное, если лучшіе люди даже изъ самихъ евреевъ такъ стремятся отъ нея отдѣлаться. Еврейскіе ренегаты и измѣнники народному еврейскому дѣлу въ большинствѣ случаевъ этого не отрицали, но стремясь заслужить такъ страстно желаемый комплиментъ, что они совсѣмъ не похожи на евреевъ, они подтверждали такое мнѣніе о своихъ единоплеменникахъ, что еще болѣе его утвердило. За это мнѣніе по сію пору осталось большинство русскаго общества, и противъ этого мнѣнія не намѣренъ я и спорить, считая оскорбительнымъ для еврейской массы защищать ее противъ такого огульнаго, голословнаго обвиненія. Я здѣсь только хочу представить нѣкоторые факты, которые краснорѣчивѣе всякихъ пустыхъ препирательствъ покажутъ, насколько была права еврейская, мнящая себя передовою молодежь, дѣлая всѣ усилія, чтобы отдѣлаться отъ своего народа, которая въ своемъ стремленіи быть только русскою, сдѣлалась plus royaliste que le roi и съ какимъ-то наглымъ залихватствомъ попирала все еврейское“...

Третье письмо, гдѣ разсказано объ одномъ молодомъ человѣкѣ Д., изъ аристократической ортодоксальной семьи, бросившемъ вдругъ свою молодую жену съ ребенкомъ, чтобы „просвѣщаться“, и кончившемъ тѣмъ, что поселился въ русской деревнѣ, чтобы просвѣщать крестьянъ въ духѣ высшей правды,—заканчивается слѣдующимъ образомъ. „Что сталось съ Д. послѣ—не знаю. Я уже года три потерялъ его изъ виду. Можетъ-быть, онъ уже томится гдѣ-нибудь въ Сибири, что весьма возможно. Знаетъ-

ли онъ, какъ народъ во имя „высшей правды" грабитъ и разоряетъ нищихъ и обездоленныхъ „эксплуататоровъ" и какъ этому рыцарскому подвигу, захлебываясь отъ удовольствія, апплодируютъ даже архи-либералы?. Вообще любопытно бы знать, что чувствуютъ всѣ тѣ евреи, которые клали голову за обездоленнаго Ивана, забывая своего еще болѣе обездоленнаго Мойшу" [1]).

Что чувствовали нѣкоторыя единицы изъ нихъ, я скоро узналъ, когда переселился въ Женеву. Редакція же снабдила цитированный сейчасъ отрывокъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Читателямъ „Вольнаго Слова" извѣстно наше отношеніе къ еврейскому вопросу, которое мы считаемъ болѣе объективнымъ, нежели отношеніе г. М."—Мы скоро увидимъ эту „объективность". Въ четвертомъ письмѣ, гдѣ между прочимъ указывается, что ярость погромщиковъ была направлена больше всего на трудящійся классъ и даже на еврейскія земледѣльческія колоніи, гдѣ безпощадно былъ истребленъ скотъ, изломаны вдребезги земледѣльческія орудія, говорится: „...И эти гнусныя злодѣянія, этотъ огульный грабежъ и безъ того уже ограбленныхъ горькихъ тружениковъ и голяковъ, не встрѣтили почти никакого отпора въ русскомъ обществѣ. Даже напротивъ, чуть-ли не ликовали, начиная отъ „революціонеровъ" и кончая Аксаковымъ. Народовольцы пишутъ прокламаціи объ истребленіи жидовъ [2]). Представитель украинской партіи г. Драгомановъ указываетъ на эту прокламацію, какъ на отрадное явленіе, только съ нѣко-

---

[1]) „Вольное Слово" № 42, стр. 6.

[2]) Къ одному пассажу въ моемъ первомъ письмѣ редакція сдѣлала слѣдующее примѣчаніе: „Народовольцами, дѣйствительно, было издано на украинскомъ языкѣ воззваніе, возбуждавшее къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ еврейскаго населенія, но это воззваніе появилось въ прошломъ году уже послѣ „погромовъ" и, кажется, не получило распространенія" („В. Сл." № 38, стр. 36).—Письмо это мною было напечатано въ маѣ 1882 г. послѣ балтскаго погрома, за которымъ еще послѣдовалъ одинъ изъ самыхъ звѣрскихъ—нижегородскій. Значитъ о появленіи воззванія послѣ погромовъ не можетъ быть никакой рѣчи. Я лично узналъ о воззваніи до моего отъѣзда за-границу, т. е. въ концѣ лѣта 1881 г., что говоритъ противъ обоихъ утвержденій редакціи, тѣмъ болѣе, что разсказалъ мнѣ о немъ товарищъ-еврей Р., близко стоявшій къ революціонному кружку въ Одессѣ.—*Авторъ*.

(Прокламація, подписанная группою членовъ исполнительнаго комитета „Народной Воли" безъ вѣдома остальныхъ членовъ, была опубликована въ концѣ августа 1881 г., т. е. послѣ серіи *повальныхъ* погромовъ на югѣ Россіи, такъ что указаннаго авторомъ противорѣчія тутъ нѣтъ. Нижегородскій погромъ относится къ 1884 г. См. выше, въ статьѣ „Изъ исторіи 80-хъ годовъ", гл. III.—*Редакція „Еврейской Старины"*).

торой оговоркой [1]). Г-нъ Драгомановъ въ другомъ мѣстѣ („В. Слово", № 38) указываетъ съ нѣкоторой гордостью на то, что антиеврейскіе безпорядки имѣли мѣсто только среди малороссовъ. Другой представитель украинской партіи (по крайней мѣрѣ бывшій таковымъ), г-нъ Костомаровъ, относится къ этому движенію съ какимъ-то кабацкимъ цинизмомъ [2]). Архи-либеральныя „Отечественныя Записки" объявляютъ, что грабежи и убійства совершались „во имя высшей правды" (такъ-таки говорятъ en toutes lettres). О „Руси", „Нов. Времени" и имъ подобныхъ и говорить нечего,—ихъ ликованію и предѣловъ не было" [3]).

Редакція снабдила, разумѣется, все то, что относится къ Драгоманову, восклицательными и вопросительными знаками. Фактъ тѣмъ не менѣе остается фактомъ, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

Съ прямымъ или косвеннымъ одобреніемъ антиеврейскаго движенія я повсюду встрѣчался на каждомъ шагу не въ печати только, а преимущественно въ обществѣ, даже самомъ лучшемъ, и это-то дѣлало погромы особенно страшными и зловѣщими. Всѣ мои бывшіе либеральные учителя гимназіи, которыхъ я встрѣчалъ въ самый разгаръ одесскаго погрома (1881 г.), относились къ нему, какъ къ „законному" проявленію народной мести. И поразительно то, что эта оцѣнка считалась именно демократической. Самый радикальный изъ моихъ бывшихъ учителей, вышеупомянутый учитель словесности, попавшій даже въ ссылку за свои идеи, человѣкъ дѣйствительно прекрасный, съ которымъ я находился въ большой личной дружбѣ, сказалъ мнѣ слѣдующее по поводу погромовъ: „Я ихъ (погромы) нахожу безцѣльными. Вѣдь всѣхъ жидовъ не перевѣшаешь. Надо было-бы придумать что-либо другое. Но народъ вѣдь не мудрствуетъ, а руководится непосредственнымъ чувствомъ мести и поступаетъ такъ, какъ ему подсказываетъ это чувство".—Это буквальныя слова одного изъ главарей мѣстнаго украинофильства.

Что же касается представителей тогдашнихъ крайнихъ партій, то и они не были свободны отъ антиеврейскихъ предраз-

---

[1]) Ссылка на его книгу „Историческая Польша и великорусская демократія" (стр. 421—422). Надо замѣтить, что Драгомановъ, воевавшій противъ народовольцевъ, относился разно къ этому воззванію, о которомъ часто упоминаетъ то одобрительно, то отрицательно, смотря по обстоятельствамъ.

[2]) Костомаровъ назвалъ погромы „жидотрепаніемъ".

[3]) „В. Сл." № 43, стр. 13.

судковъ [1]). Знаменитый Желябовъ, напр., относился съ такой ненавистью къ евреямъ и требовалъ такихъ жестокостей противъ нихъ, что даже упомянутый выше учитель исторіи Л. А. Смоленскій былъ возмущенъ и сильно съ нимъ по этому поводу спорилъ. Объ этомъ спорѣ, продолжавшемся нѣсколько часовъ, мнѣ разсказалъ самъ Л. А., человѣкъ глубоко честный и заслуживающій всякаго довѣрія, который къ Желябову относился съ большимъ уваженіемъ.

Надо, однако, признать, что для одобренія погромовъ у народовольцевъ былъ еще другой, болѣе сильный мотивъ; это—политическая цѣль, предметъ всѣхъ ихъ стремленій: „поднять народъ". „Народъ пробудился, наконецъ", „народъ протестуетъ"—такъ смотрѣло большинство на звѣрства противъ евреевъ. И никто изъ нихъ не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть, что ни народа, ни протеста и въ поминѣ тутъ не было, что это былъ политическій пріемъ только съ другой стороны; что въ то время, какъ одна сторона рѣшила еврейской кровью разжечь пожаръ, другая сторона рѣшила тою же кровью потушить пожаръ... Какъ-бы то ни было, всѣ наблюденія, всѣ столкновенія и встрѣчи дали мнѣ полное основаніе говорить объ отношеніяхъ тогдашняго русскаго общества къ страшной еврейской трагедіи такъ, какъ я говорилъ въ своихъ „письмахъ".

Но эта горькая правда, брошенная прямо въ лицо всѣмъ попустителямъ, вызвала бурю негодованія среди конституціоналистовъ, членовъ „Общества Земскаго Союза и Самоуправленія". Объ этомъ я узналъ только въ Женевѣ, куда переѣхалъ въ концѣ августа 1882 года и гдѣ ближе познакомился съ Драгомановымъ и его „объективизмомъ" въ отношеніи къ евреямъ.

IV.

20 августа 1882 г. прибылъ я въ Женеву, и на другой день послѣ водворенія отправился къ Мальшинскому.

— „Это вы, господинъ М.! (такъ подписывалъ я свои статьи)— воскликнулъ онъ, когда я представился. Ну ужъ подняли вы бурю вашими статьями. Цѣлый ворохъ писемъ и протестовъ получаю изъ Россіи. Вотъ смотрите.

Я полюбопытствовалъ узнать, съ чьей стороны идутъ эти

[1]) Одинъ мой товарищъ по кіевскому университету, Ивановъ, положившій жизнь за свои идеи, вѣрилъ въ легенду объ употребленіи христіанской крови евреями.

протесты. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что этого сказать не можетъ. Во всякомъ случаѣ это люди „преданные“, съ вѣсомъ и значеніемъ и съ очень „свѣтлыми“ взглядами. Я очень легко понялъ, что шли они отъ руководящихъ сферъ „Земскаго Союза“, т. е. отъ тѣхъ либеральныхъ земцевъ-конституціоналистовъ, органомъ которыхъ являлось „Вольное Слово“ и противъ которыхъ идти нельзя было. Ясно мнѣ стало также, что и самъ Мальшинскій стоялъ на сторонѣ протестующихъ.

Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько комплиментовъ, быть можетъ для того, чтобы смягчить то, что послѣдуетъ, онъ замѣтилъ: „Вы, долженъ вамъ сказать откровенно, избрали не подходящій путь. Вы стремитесь вѣдь смягчить участь вашихъ братьевъ [1]). Это очень похвально и законно. Но тогда вы должны представить, такъ сказать, смягчающія обстоятельства, объяснить причины, поставившія евреевъ въ извѣстное положеніе, вызывающее къ нимъ враждебное отношеніе. А вы вдругъ выступаете обвинителемъ — да какимъ еще! — и совершенно игнорируете тѣ факты, которые вызываютъ извѣстныя, быть можетъ, и нежелательныя дѣйствія по отношенію къ вашимъ.“

— „То-есть грабежи и рѣзню!—замѣтилъ я рѣзко. Насколько мнѣ извѣстно, смягчающихъ обстоятельствъ ищутъ для убійцы, а не для убиваемаго.“

Онъ смутился и перешелъ на другую тему.

Въ общемъ онъ, однако, на меня произвелъ впечатлѣніе человѣка очень порядочнаго, прямодушнаго и честнаго. Относительно еврейства онъ былъ, конечно, пропитанъ всѣми тѣми взглядами, которые преобладали у тогдашней русской интеллигенціи. Какъ человѣкъ мягкій и добрый, притомъ съ очень либеральными принципами, онъ готовъ былъ выслушать всякую „просьбу“ еврея и даже кое-что сдѣлать. Но когда еврей осмѣливался жаловаться, это его выводило изъ себя, не меньше, чѣмъ гоголевскаго городничаго, когда онъ узналъ про жалобу на него купцовъ [2]). Отношеніе „Вольнаго Слова“ къ евреямъ послѣ моихъ статей вполнѣ это подтверждаетъ, какъ мы увидимъ ниже.

Долженъ сказать, что въ тотъ моментъ Мальшинскій пред-

---

[1]) Онъ употребилъ какое-то другое выраженіе, котораго никакъ не припомню, но отъ котораго сильно меня покоробило. Вообще за точность выраженій я ручаться не могу.

[2]) Вспомнимъ исторію со статьей М. Г. Моргулиса по поводу одесскаго погрома 1871 г., которая редакціей „Отеч. Записокъ“ уже была набрана, но затѣмъ снята съ очереди и не напечатана.

ставлялъ уже больше контору журнала, чѣмъ редакцію, и по конторскому дѣлу я къ нему зашелъ [1]). Собственно же редакцію представлялъ тогда всецѣло одинъ Драгомановъ, который давалъ направленіе всему органу.

Михаилъ Петровичъ Драгомановъ былъ человѣкъ невысокаго роста, крѣпкаго коренастаго сложенія, смуглый, съ небольшими умными глазами и высокимъ лбомъ, нѣсколько широкимъ и толстымъ носомъ, большой черной бородой и длинными черными волосами. Въ общемъ онъ представлялъ собою типичнаго малоросса, какимъ онъ и былъ въ основныхъ чертахъ своего характера. Въ своей же частной и особенно семейной жизни онъ обладалъ всѣми добродѣтелями хорошаго еврея стараго закала. Я рѣдко видѣлъ такого прекраснаго семьянина и домосѣда, какъ Драгомановъ. Онъ буквально не имѣлъ понятія о томъ, что такое кафе, пивная или ресторанъ. Въ эти мѣста онъ никогда не заглядывалъ; вообще онъ не зналъ и не любилъ никакихъ обычныхъ удовольствій и забавъ. Онъ ухаживалъ за дѣтьми и женой съ самой трогательной заботливостью, и часто, когда жена болѣла или не было прислуги, исполнялъ домашнія работы, топилъ печи и т. д. Все это дѣлало его домъ въ высшей степени пріятнымъ. Тамъ всегда царилъ теплый семейный уютъ и радушное гостепріимство для тѣхъ избранныхъ, которые имѣли доступъ въ эту семью. А слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи Драгомановъ былъ очень разборчивъ. У него рѣдко можно было встрѣтить кого-либо изъ политическихъ эмигрантовъ, которыхъ онъ, какъ уже было упомянуто, не долюбливалъ. Даже Вѣры Засуличъ и Степняка, къ которымъ онъ относился лучше, чѣмъ ко всѣмъ другимъ, я никогда не встрѣчалъ въ его домѣ. Онъ вообще держался въ сторонѣ отъ всей русской колоніи. Большой работникъ съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, онъ пуще огня боялся людей „свободныхъ профессій“, часто свободныхъ отъ всякой профессіи, — которые преобладали среди россіянъ того времени. Не зная, что дѣлать со своимъ свободнымъ временемъ, эти люди щедро имъ надѣляли своихъ друзей и знакомыхъ, проводя у нихъ дни и ночи. Визитъ въ три-четыре часа считался самымъ короткимъ. Они, безъ преувеличенія, способны были замучить человѣка своими визитами. Я лично зналъ двухъ жертвъ этихъ безцеремонныхъ визитовъ, двухъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя

---

[1]) Замѣчу, что редакція „Вольнаго Слова“ обладала большими средствами и очень щедро расплачивалась со своими сотрудниками.

были доведены до истеричности и сдѣлались почти никуда неспособными. Драгомановъ поддерживалъ сношенія больше съ западными учеными; онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Карломъ Фогтомъ и особенно съ знаменитымъ физіологомъ Морисомъ Шиффомъ, котораго глубоко уважалъ и ставилъ гораздо выше Фогта. Драгоманова тянуло къ этимъ большимъ людямъ, такъ какъ онъ самъ былъ человѣкъ крупнаго ума и большихъ знаній, особенно по части исторіи, философіи и соціологіи. Будучи далеко не мягкимъ, по натурѣ, онъ однако всегда былъ готовъ на всякія серьезныя услуги и на добрый совѣтъ. Вообще это былъ человѣкъ долга.

Горячій патріотъ-украинецъ, Драгомановъ въ своей публицистической дѣятельности былъ убѣжденнымъ юдофобомъ. Борьба противъ еврейства составляла одинъ изъ пунктовъ его національной украинской программы. Между тѣмъ онъ держался такъ, что не только его никто юдофобомъ не считалъ, но, напротивъ, многіе считали его чуть-ли не защитникомъ евреевъ. Только недавно извѣстный его наборщикъ Кузьма, къ которому я обратился за нѣкоторыми справками и который меня снабдилъ всѣми №№ „Вольнаго Слова", сказалъ мнѣ: „Вы же знаете, какъ Михаилъ Петровичъ держался въ еврейскомъ вопросѣ". И это звучало такъ, что кромѣ какъ о дружелюбномъ отношеніи и рѣчи быть не можетъ. Такъ думали даже тѣ, которые хорошо знали публицистическую дѣятельность Драгоманова. И я увѣренъ, что не одинъ украинецъ ахнетъ или придетъ даже въ негодованіе, если вы ему скажете, что Драгомановъ былъ юдофобъ чистой воды. И вѣроятно, онъ самъ очень удивился бы, если-бы ему сдѣлали подобное заявленіе [1]). Народовольцы, обвинявшіе Драгоманова во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ, также никогда не упрекали его въ юдофобствѣ, — по крайней мѣрѣ, я такого случая не помню.

Ко мнѣ лично Драгомановъ, съ самаго начала моего водворенія въ Женевѣ, сталъ въ очень хорошія дружескія отношенія. Я довольно часто бывалъ у него, а онъ временами заходилъ ко мнѣ, чаще всего за разными справками. Когда же я впослѣдствіи сдѣлался членомъ Société de lecture, гдѣ онъ уже раньше

---

[1]) По нашему мнѣнію, всѣ эти указанныя авторомъ воспоминаній противорѣчія устранились-бы, если-бы онъ—какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ статьи—не примѣнялъ слишкомъ широко терминовъ „юдофобъ" и „юдофобство", вмѣсто того, чтобы различать многочисленные оттѣнки въ сложныхъ отношеніяхъ окружающей среды къ еврейству.—*Ред.*

состоялъ членомъ, мы тамъ встрѣчались очень часто, такъ какъ я тамъ работалъ цѣлый день до десяти часовъ вечера, а онъ приходилъ за книгами и за разными справками.

Société de lecture—это общество, членами котораго состояла вся почти женевская умственная аристократія. Сюда входили, за нѣсколькими единичными исключеніями, мѣстные профессора, ученые, литераторы и лучшіе интеллигенты. Тутъ постоянно можно было видѣть знаменитыхъ братьевъ Навиль — Эдуарда и Эрнеста, Декандолей, Ревильо и др. Это общество имѣло колоссальную библіотеку, выписывало множество журналовъ и газетъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Публика обыкновенно наполняла салоны этого прекраснаго учрежденія между пятью и семью часами вечера; все же остальное время только изрѣдка можно было видѣть тамъ и сямъ сѣдую или плѣшивую голову стараго ученаго, копающагося въ обширныхъ лексиконахъ, конкорданціяхъ и т. п., занимавшихъ цѣлую стѣну одной изъ огромнѣйшихъ залъ. Я былъ представленъ Обществу женевскимъ раввиномъ Вертгеймеромъ, который также былъ профессоромъ въ университетѣ, и еще однимъ профессоромъ.

Я тогда сильно увлекался библейской критикой, въ которой впослѣдствіи разочаровался, убѣдившись, что она часто куда произвольнѣе маневрируетъ текстами, чѣмъ наши раввинскіе комментаторы (mephorschim). Я нуждался тогда въ книгахъ по этой отрасли, которая въ Société de lecture именно и преобладала, ибо Женева со временъ Кальвина сдѣлалась центромъ теологической науки. Кромѣ того, тутъ такъ хорошо и спокойно было работать, среди этой часто мертвой тишины, близъ пылающихъ огромныхъ каминовъ зимою, въ то время какъ черезъ окно на тебя глядѣли темносинее Женевское озеро и окружающія Альпы. Тутъ я писалъ всѣ свои статьи и разсказы въ теченіе четырехъ лѣтъ (1883—86), и самыя лучшія воспоминанія связаны для меня съ этимъ временемъ. И въ salle de conversation этого Общества мы часто вели долгія бесѣды и долгіе споры съ Драгомановымъ.

Онъ тоже интересовался библейской критикой и пропагандировалъ ее, но въ ней искалъ не столько историческихъ истинъ, сколько средства сбить еврейскую „спесь". Великихъ красотъ Библіи съ ея дивной поэзіей онъ совершенно не понималъ, какъ не понималъ и не хотѣлъ понимать ея моральной высоты, которую постоянно старался умалять. И въ этомъ проглядывало стремленіе умалять вообще великую культурную роль еврейства,

какъ оно проглядываетъ у большинства христіанскихъ критиковъ до Вельгаузена включительно. Особенно его занималъ, или скорѣе не давалъ покою, вопросъ объ Евангеліяхъ. Онъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы это было произведеніе еврейское: слишкомъ, молъ, возвышенное ученіе, чтобы евреи могли его создать. На этой почвѣ у насъ происходили частые споры. И несмотря на все его свободомысліе, онъ тутъ часто проявлялъ большую узость и горячо отстаивалъ то, противъ чего публично выступалъ въ области религіи. Тутъ все у него было предвзято, всосано съ дѣтства. Ученый историкъ совершенно исчезалъ, уступая мѣсто, какъ во всемъ прочемъ относительно еврейства, заурядному украинцу. Очень его удивило, когда я ему сказалъ, что правовѣрные евреи никогда и не гнались за честью быть творцами Евангелій и, хотя это простой историческій фактъ, всячески его отвергали. Достаточно создать Старый Завѣтъ, чтобы не было никакой необходимости гнаться за чѣмъ-либо новымъ. Но въ отношеніи „Ветхаго Завѣта“ Драгомановъ держался самыхъ избитыхъ общепринятыхъ взглядовъ, которыхъ не давалъ себѣ труда провѣрить.

Когда въ „Восходѣ“ появились мои переводы изъ трудовъ протестантскаго теолога Эдуарда Рейса по библейской критикѣ, Драгомановъ, какъ онъ мнѣ самъ сказалъ, пропагандировалъ ихъ въ Россіи и особенно настаивалъ, чтобы познакомить съ ними семинаристовъ. Еврейскимъ же источникамъ по библейской наукѣ и исторіи онъ не довѣрялъ, считая ихъ субъективными. Когда появился блестящій этюдъ Дармстетера „Coup d'oeil sur l'histoire du peuple juif“ (напечатанный затѣмъ въ моемъ переводѣ въ „Восходѣ“), онъ его немедленно досталъ и прочелъ. „Прекрасная вещь—сказалъ онъ мнѣ встрѣтившись со мною. Вотъ еврей никогда ничего подобнаго не напишетъ“. И очень былъ онъ сконфуженъ, когда я ему заявилъ, что Дармстетеръ—еврей.

Какъ выходецъ изъ Украины, онъ жилъ среди евреевъ и видѣлъ ихъ жизнь, но зналъ ихъ лишь съ внѣшней стороны, не проникая въ глубь, въ душу еврейской массы. Онъ судилъ о еврейскомъ народѣ по шинкарямъ и содержателямъ постоялыхъ дворовъ, а еще больше по факторамъ или „мешурисамъ“ (такъ онъ ихъ и называлъ)—этому жалкому типу прислужника и поставщика пановъ-помѣщиковъ. Объ этихъ „мешурисахъ“ онъ часто разсказывалъ всякія „забавныя“ скандальныя исторіи, которыя, однако, больше говорили о дикой распущен-

ности помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ отъ времени до времени въ уѣздный городокъ „пожить", чѣмъ о низости несчастнаго „мешуриса", готоваго доставить всякій „товаръ", какого отъ него требовалъ развращенный кліентъ, лишь-бы имѣть чѣмъ накормить семью и уплатить меламеду за обученіе сына.

Этой стороны быта Драгомановъ, разумѣется, не замѣчалъ. Для него еврейство въ общемъ представляло темную и невѣжественную массу, съ какими-то дикими, смѣшными обычаями, которая вся только живетъ и дышетъ „гешефтами" и высшій идеалъ которой—деньги, „гелдъ" (все его собственныя словечки), которыхъ она готова добиваться всякими обманами и низкими продѣлками, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Въ этомъ отношеніи его взгляды ничѣмъ не отличались отъ взглядовъ всякаго деревенскаго мужика, отождествляющаго все еврейство со своимъ шинкаремъ Янкелемъ или Хаимомъ. Характеристика „богатый якъ жидъ" сложилась у мужика именно по образу Янкеля, у котораго онъ видѣлъ много мѣдяковъ въ стойкѣ и котораго считалъ воплощеніемъ всѣхъ золъ, потому что за „горилку" надо ему деньги платить, а „на боргъ" (въ долгъ) онъ эту горилку не всегда даетъ.

Въ такомъ же легкомъ насмѣшливомъ тонѣ, какъ балакаетъ мужичекъ въ шинкѣ о „жидкахъ", Драгомановъ часто разсказывалъ о евреяхъ всякіе анекдоты, которые мимоходомъ вставлялъ въ свою рѣчь. И онъ это считалъ до того безобиднымъ, что ему и въ голову, вѣроятно, не приходило, что это можетъ оскорбить. Какъ же иначе можно говорить объ еврейской народной массѣ, представляющей собою одну сплошную каррикатуру? Онъ былъ увѣренъ, что всякій здравомыслящій и просвѣщенный человѣкъ, даже будь онъ еврей, не можетъ иначе думать. Дѣйствительно, все это было у него чѣмъ-то органическимъ, и онъ не думалъ о нанесеніи обиды, когда говорилъ подобное. Онъ, очевидно, въ своемъ родномъ городѣ часто видѣлъ еврейскія свадьбы. И вотъ въ разговорѣ онъ часто употреблялъ выраженіе: „Ужъ веселье, якъ на еврейской свадьбѣ"; при этомъ онъ непосвященному разсказывалъ о почти траурномъ характерѣ, которымъ отличались эти свадьбы, о плачѣ, который поднимается передъ вѣнчаніемъ, о „скребущихъ" душу напѣвахъ,—и все это также съ легкой ироніей, какъ разсказываютъ о какихъ-либо странныхъ и смѣшныхъ обычаяхъ. И этому просвѣщенному человѣку, крупному борцу за свою угнетенную народность, и въ голову не приходила мысль о томъ, черезъ какое горнило страданій дол-

женъ былъ пройти народъ, чтобы самое радостное событіе въ жизни приняло траурную окраску. Словомъ, во всемъ, что касается евреевъ, Драгомановъ мыслилъ какъ типичный хохолъ, раздѣляя всѣ его предразсудки до самаго страшнаго и нелѣпаго, какъ я покажу дальше.

Онъ у меня постоянно бралъ книжки и тетради „Восхода“ и съ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ. Мои писанія онъ всегда читалъ. И меня удивляло, что онъ никогда не говорилъ объ „идеализаціи“ въ моихъ разсказахъ, что было бы очень естественно съ его стороны. Между тѣмъ онъ всегда дѣлалъ свои критическія замѣчанія съ большою прямотой, и они всегда почти были такого характера, что къ нимъ надо было прислушиваться. Это происходило, быть можетъ, отъ того, что наряду съ непосредственнымъ, инстинктивнымъ Драгомановымъ иногда проявлялся его просвѣщенный двойникъ, размышляющій и прислушивающійся. И въ спорахъ иногда онъ уступалъ, говоря: „но вы же все это должны лучше меня знать“.

Размышляющій Драгомановъ былъ высокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ евреевъ и признавалъ ихъ превосходство надъ украинцами, надъ простоватостью которыхъ тоже часто подтрунивалъ. Его идеаломъ поэтому было полное сліяніе евреевъ съ украинцами посредствомъ смѣшанныхъ браковъ— Сары съ Хведоромъ, Авраама съ Фроськой. Тогда, по его мнѣнію, украинскій народъ, воспринявъ большую дозу еврейской умственности, сдѣлается крупнымъ историческимъ народомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ евреи, какъ совершенно лишній и еще къ тому вредный элементъ, исчезнутъ. И такимъ образомъ достигнуты будутъ двѣ высокія цѣли. О первой половинѣ этого идеала Драгомановъ мнѣ говорилъ часто и очень серьезно. Для него это былъ только вопросъ времени. Роль же еврейской просвѣщенной молодежи должна была состоять въ томъ, чтобы идти въ свой народъ и посредствомъ просвѣщенія и искорененія всѣхъ еврейскихъ „предразсудковъ“ (религіозныхъ и національныхъ обычаевъ) подготовить ихъ къ великой чести слиться съ потомствомъ героевъ Немирова и Уманской рѣзни. Въ подтвержденіе своихъ desiderata относительно смѣшанныхъ браковъ, онъ приводилъ частые случаи бѣгства еврейскихъ дѣвушекъ, дочерей деревенскихъ шинкарей, съ деревенскими парнями. О томъ, какъ трагично кончались эти бѣгства, какъ дорого платилась „жидівочка Лейка“ за свое минутное увлеченіе, онъ не разсказывалъ, а быть можетъ и не зналъ. Говорилъ онъ мнѣ также о

народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ, гдѣ часто выступаютъ „жидівочки“, къ которымъ пылаютъ любовью парни. Между прочимъ, онъ мнѣ также говорилъ объ имѣющихся у него въ рукописи еврейскихъ народныхъ пѣсняхъ на малороссійскомъ языкѣ и особенно хвалилъ одну—о солдатчинѣ.

И этотъ человѣкъ, считавшій Казачество и Сѣчь такимъ культурнымъ элементомъ украинства въ прошломъ, который даетъ малороссамъ неоспоримое право на независимое національное будущее, не задумывался никогда о томъ, что если евреи въ своемъ прошломъ не могутъ указать на Гонту, Желѣзняка и т. п., то все же имѣютъ кой-какія другія культурныя заслуги и, слѣдовательно, тоже имѣютъ кое-какое право на независимое національное будущее.

Но такъ вѣдь думалъ не одинъ Драгомановъ. Такъ думали тогда еще многіе еврейскіе интеллигенты, для которыхъ „сліяніе“ было наивысшимъ идеаломъ.

Повторяю, многія изъ указанныхъ выступленій Драгоманова въ устныхъ бесѣдахъ о евреяхъ были болѣе или менѣе невиннаго, незлобиваго свойства. Совсѣмъ другое дѣло въ печати. Тутъ онъ выступалъ рѣшительнымъ врагомъ, хотя иногда и подслащалъ свои юдофобскія пилюли. У меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что Драгомановъ, хотя въ печати нѣсколько разъ косвенно осуждалъ погромы, въ душѣ ихъ одобрялъ и не могъ не одобрять, коль скоро видѣлъ въ нихъ форму народной расправы за „эксплуатацію“. Впрочемъ, мы дальше убѣдимся въ этомъ по его же писаніямъ.

Прежде чѣмъ перейти къ юдофобскимъ статьямъ Драгоманова и „Вольнаго Слова“, потянувшимся цѣлой вереницей вслѣдъ за моими четырьмя „письмами“, я считаю нужнымъ разсказать одинъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ домѣ Драгоманова, хотя и не относящійся прямо къ нему самому и вообще къ нашей темѣ; но эпизодъ несомнѣнно самъ по себѣ представляетъ большой интересъ.

Не помню точно, когда это было, но отлично знаю, что это случилось зимою, черезъ два-три мѣсяца послѣ появленія памфлета Дрюмона „La France Juive“, такъ какъ съ этой книгой собственно и связанъ данный эпизодъ.

Сынъ Герцена, Александръ, который состоялъ профессоромъ физіологіи въ Лозаннѣ (онъ былъ ученикомъ М. Шиффа), читалъ рефератъ въ Женевѣ. Послѣ реферата Драгомановъ, который съ нимъ былъ очень друженъ, какъ былъ друженъ и съ его покой-

нымъ отцомъ, пригласилъ его къ себѣ, причемъ было приглашено еще нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и я съ моей женой, а также братъ моей жены, теперь извѣстный въ Палестинѣ врачъ Гиллель Іоффе.

Во время бесѣды, я обращаюсь къ Герцену и говорю ему: „знаете-ли вы, что Дрюмонъ васъ произвелъ въ евреи"? [1]).

— Что же,—отвѣчаетъ онъ,—въ этомъ есть большая доля правды.

— Какъ!—воскликнулъ я, удивленный.

— Да очень просто. Моя бабушка со стороны отца была еврейка.—И продолжая бесѣду, онъ мнѣ говорилъ о своихъ симпатіяхъ къ евреямъ и между прочимъ разсказалъ, что издалъ брошюру, одна половина сбора съ которой назначена въ пользу евреевъ, пострадавшихъ отъ погромовъ, а другая на памятникъ Гарибальди. Между прочимъ онъ признался, что Россія и русскіе ему чужды и что всѣ его симпатіи лежатъ къ Италіи, которая ему дорога, какъ родина [2]).

Въ 1905 году, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего вторичнаго и послѣдняго водворенія въ Женевѣ, Александръ Герценъ умеръ. Въ мѣстной газетѣ „Tribune de Genéve", въ некрологѣ, было упомянуто объ еврейскомъ происхожденіи Герценовъ. Черезъ нѣсколько дней появилось „категорическое" опроверженіе семьи Герцена. Одинъ старый знакомый, знавшій про упомянутый выше эпизодъ, прибѣжалъ ко мнѣ и настаивалъ на опроверженіи съ моей стороны. Но я рѣшительно отказался. Ужъ очень мнѣ не по душѣ погоня за знаменитостями. Недостатка въ нихъ у насъ, слава Богу, нѣтъ, и мы многихъ можемъ уступить другимъ... Во всякомъ случаѣ, это опроверженіе семьи Герцена очень характерно и даетъ освѣщеніе тому, какъ дѣлается исторія.

Впрочемъ, быть можетъ, семья дѣйствительно была въ полномъ невѣдѣніи на этотъ счетъ,—хотя зная прямой характеръ Герцена-сына, трудно допустить, чтобы онъ скрылъ отъ своей семьи то, о чемъ разсказалъ такъ охотно постороннему человѣку.

Бенъ-Ами.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Дрюмонъ въ своей книгѣ обвиняетъ евреевъ въ томъ, что изъ ихъ среды выходятъ всѣ революціонеры, въ томъ числѣ и Герценъ.

[2]) Надо замѣтить, что онъ былъ воспитанъ въ Италіи и былъ женатъ на итальянкѣ.

Письма С. О. Грузенберга.

Вторая серія (1899—1907 г.).

Въ предисловіи къ первой серіи „Писемъ С. О. Грузенберга“ (Евр. Стар. 1914 г., кн. III—IV, стр. 386) я заявилъ, что воздерживаюсь отъ опубликованія писемъ позднѣйшаго періода въ виду ихъ сравнительной новизны. Но первыя „Письма“ возбудили такой живой интересъ къ той общественно-идейной борьбѣ, которая въ нихъ изображена, что я рѣшилъ смягчить ригоризмъ „Старины“ и дать здѣсь окончаніе этихъ писемъ,—разумѣется, съ надлежащими пропусками въ мѣстахъ, касающихся живыхъ лицъ и неимѣющихъ чисто-литературнаго или общественнаго значенія.

Эта вторая, меньшая серія писемъ относится—кромѣ одного письма—къ тѣмъ годамъ (1899—1902), когда, невольно разставшись съ „Восходомъ“, С. О. Грузенбергъ издавалъ свой собственный органъ—„Будущность“. Тяжела была кратковременная жизнь этого изданія. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ и постояннаго кадра сотрудниковъ заставлялъ редактора до крайности напрягать свои силы и заполнять собственными статьями чуть-ли не половину каждаго нумера еженедѣльника. Съ общественной стороны больное мѣсто „Будущности“ заключалось въ неопредѣленности ея направленія или, точнѣе, въ колебаніяхъ между различными направленіями. На первыхъ порахъ С. О. Грузенбергъ предполагалъ слить свою серединную теорію „народничества“ съ тою доктриною духовнаго (или культурнаго) національнаго, черты которой все болѣе выяснялись въ тѣ годы идейнаго самоопредѣленія (см. письма №№ 18, 19); но въ дальнѣйшемъ, подчиняясь внѣшнимъ обстоятельствамъ и случайному персоналу сотрудниковъ, журналъ клонился то въ сторону какого-то неопредѣленнаго эклектизма, то въ сторону герцлизма (отсюда упреки,

на которые возражаетъ письмо № 24). Тяжело было смотрѣть на истощеніе силъ и журнала, и его редактора въ борьбѣ съ препятствіями внѣшними и внутренними. Лѣтомъ 1902 г., пріѣхавъ въ Петербургъ, я увидѣлъ сильно посѣдѣвшаго С. О., въ его одинокой квартиркѣ на Пушкинской улицѣ, склоненнаго надъ грудою корректуръ очередного нумера „Будущности". Въ это время онъ одинъ, безъ помощниковъ, почти безъ корректора, составлялъ весь нумеръ. Безсонныя ночи, безплодно растраченныя силы и средства, разочарованіе—все это оставило въ немъ горькій осадокъ, который угнетающимъ образомъ дѣйствовалъ на меня въ нашихъ длинныхъ бесѣдахъ. Мы разошлись, идейно болѣе далекіе другъ отъ друга, чѣмъ прежде.

Черезъ годъ „Будущность", давно захирѣвшая, угасла, а съ нею кончилась и литературная дѣятельность Грузенберга. Разочарованный, сошелъ онъ съ литературнаго поприща, гдѣ подвизался 20 лѣтъ, и всецѣло отдался нѣкогда заброшенной имъ медицинской практикѣ. Онъ удалился не только отъ литературы, но и отъ круга писателей и общественныхъ дѣятелей. Бурные годы революціи и первыхъ Думъ прошли мимо него. Только въ началѣ 1907 г., когда были опубликованы воззванія и программы „Volkspartei", онъ откликнулся короткимъ письмомъ (ниже § 30), гдѣ мнѣ почудилось желаніе возврата. Но это былъ уже послѣдній слабый откликъ изъ профессіональнаго гроба, куда С. О. уложилъ свои былые порывы. Черезъ два года (6 мая 1909 г.) онъ скоропостижно умеръ, и только пара блѣдныхъ некрологовъ украсила одинокую, безвременную могилу. И если бы не эти почтовые листки, нынѣ преданные тисненію, похоронена была-бы и драма еврейскаго писателя переходнаго времени, которую воскресить я счелъ своей обязанностью.

С. Дубновъ.

№ 17. Петербургъ. 17. IV. 1899.

О событіяхъ въ редакціи „Восхода" я Вамъ не писалъ, потому что они, какъ я зналъ, давно уже извѣстны въ Одессѣ. Фактъ таковъ, что изданіе продано товариществу на паяхъ, состоящему изъ 13 человѣкъ. ...Тутъ есть и сіонисты, и антисіонисты, и бывшіе сотрудники „Восхода", и лица, никакого отношенія къ литературѣ не имѣющія, и люди денежные, и бѣдняки, за которыхъ кѣмъ-то уплачены паи.

Я остался совсѣмъ въ сторонѣ. Произошло это такъ. Еще осенью, когда Ландау велъ переговоры съ какимъ-то Л. изъ

Москвы, онъ далъ мнѣ торжественное обѣщаніе держать меня всегда въ курсѣ всякихъ переговоровъ о продажѣ изданія, съ тѣмъ, чтобы я могъ выступить во всякое время съ своимъ предложеніемъ и пріобрѣсти изданіе по предлагаемой другими цѣнѣ. Въ январѣ у меня было почти условлено съ Ярошевскимъ [1]) купить „Восходъ", но дѣло разстроилось, когда я узналъ, что Ярошевскій крестилъ своего сына (свое нерасположеніе къ мешумедамъ я всецѣло перенесъ въ этомъ случаѣ на отца маленькаго мешумеда). Въ январѣ Ландау уѣхалъ, подтвердивъ мнѣ свои обѣщанія и предложивъ составить другую компанію, что я, впрочемъ, и безъ него сдѣлалъ. Къ концу марта у меня было составлено маленькое товарищество, и нужная сумма имѣлась уже полностью. Въ то же время уполномоченный, получившій полную довѣренность отъ Ландау (что отъ меня было тщательно скрыто), завелъ переговоры съ другими, составившими компанію для изданія новой газеты. Мнѣ пришлось въ это время быть единственнымъ почти работникомъ въ „Восходѣ", и компанія (среди которой у меня есть друзья), бойкотируя „Восходъ", какъ своего будущаго конкуррента, опасалась привлечь меня въ свой составъ, какъ человѣка, котораго она считаетъ слишкомъ преданнымъ этому изданію. Коротко, пока я изъ кожи лѣзъ, чтобы вести изданіе, просиживалъ ночи за работой, за моей спиной совершилась передача. Я узналъ объ условіяхъ продажи только за два дня до окончанія сдѣлки; я просилъ дать маленькую отсрочку для сношенія съ моими компаньонами, но мнѣ было отказано.

Новые хозяева явились ко мнѣ, въ лицѣ двухъ представителей, на другой день по заключеніи сдѣлки, съ предложеніемъ сдѣлаться у нихъ предсѣдателемъ редакціоннаго комитета. Я поставилъ условіемъ дать мнѣ пай, дабы я могъ чувствовать себя равноправнымъ членомъ товарищества. Всѣхъ паевъ 18, и я, стало быть, имѣлъ бы только 1 голосъ изъ 19, такъ что о чрезмѣрномъ усиленіи моей власти не могло быть рѣчи; я добивался только, чтобы на меня не смотрѣли, какъ на наемнаго рабочаго... Разумѣется, я просилъ пай не даромъ, а за установленную у нихъ плату — 1000 руб., каковую могъ бы внести сейчасъ. Но для принятія новаго пайщика требуется согласіе $^{2}/_{3}$ голосовъ, поданныхъ въ „общемъ собраніи", и дѣло затормозилось. Я уже не счелъ возможнымъ идти въ сотрудники, а

[1]) Извѣстный еврейскій беллетристъ.

тѣмъ болѣе редакторы къ 13-членной компаніи. 6-го апрѣля я передалъ всѣ дѣла редакціонныя двумъ представителямъ компаніи, и съ того дня я стою въ сторонѣ отъ „Восхода“. Вопросъ о выдачѣ мнѣ пая покуда не рѣшенъ; „собраніе“, говорятъ мнѣ, должно состояться вскорѣ, но покуда я настроенъ очень пессимистически... Апрѣльская книжка была уже составлена мною, а №№ (съ 15-го) составляются коллективно нѣсколькими лицами.

Не желая впадать въ лиризмъ, я обойду молчаніемъ мое самочувствіе. Вы сами знаете, что я 15 лѣтъ (4-го іюня исполнится ровно 15 лѣтъ со дня моего вступленія въ „Восходъ“) дышалъ атмосферой русско-еврейской литературы. Остальное уже понятно.

Относительно направленія „Восхода“ ничего не могу сказать. Между 13-ью хозяевами есть сіонисты, которые тянутъ на свою сторону, но есть и крайніе антисіонисты и палестинофилы. Какъ это все должно амальгамироваться, выяснитъ будущее. Теперь же, кажется, сами участники не знаютъ, что у нихъ выйдетъ. Что касается Вашихъ статей, то не допускаю и мысли, чтобы кто-нибудь могъ позволить себѣ передѣлывать ихъ.

Вотъ, другъ мой, все, что я могу Вамъ теперь сказать. Будьте здоровы и не забывайте преданнаго Вамъ *С. Г.*

№ 18. С.-Петербургъ. 24 VII. 1899.

Спѣшу сообщить Вамъ, что мнѣ посчастливилось получить разрѣшеніе на изданіе новаго русско-еврейскаго органа, подъ названіемъ „Будущность“—еженедѣльнаго журнала съ ежегоднымъ приложеніемъ Сборника. Еженедѣльникъ, размѣромъ до трехъ печатныхъ листовъ, будетъ состоять, кромѣ обычныхъ отдѣловъ современной лѣтописи, изъ научно-литературнаго отдѣла, безъ общегазетныхъ статей („внутренней“ и „политической“ хроникъ, „Хроники Восхода“ не будетъ).

Говорить-ли о направленіи „Будущности“? Вы меня слишкомъ хорошо знаете. Вкратцѣ скажу, что я считаю „народничество“, „культурный сіонизмъ“ и Вашъ „духовный націонализмъ“ почти тождественными, а изъ-за словъ спорить не придется. Внимательное и добросовѣстно-объективное отношеніе къ герцлизму поставлено въ основу нашихъ отношеній къ другимъ лагерямъ. Палестинофильство (   ) пользуется прямо нашими симпатіями. Засимъ, вообще, „Будущность“ будетъ честнымъ, абсолютно независимымъ органомъ, для котораго литературные и научные интересы стоятъ на первомъ планѣ. Ядро формирую-

щейся редакціи образуется уже... Могу сказать съ положительностью, что у насъ будетъ сосредоточено все, что есть здѣсь даровитаго, литературно-сильнаго и честнаго. Говорю „съ положительностью“ потому, что со дня оглашенія печальной исторіи съ переходомъ „Восхода“ ... я не перестаю получать отъ всѣхъ лучшихъ здѣшнихъ элементовъ выраженія сочувствія. Въ этомъ общемъ сочувствіи я черпалъ силу въ печальные дни, когда я очутился въ сторонѣ отъ русско-еврейской журналистики. Я надѣюсь вскорѣ доставить Вамъ списокъ ближайшихъ участниковъ, въ которомъ Вы найдете die schönsten Namen. Я еще не успѣлъ даже сообщить многимъ свою новость, такъ какъ бумаги получены мною только 20-го іюля, а до полученія оффиціальнаго разрѣшенія требовалось держать дѣло въ секретѣ.

Надѣюсь, что Вы будете съ нами. Не только въ „Сборникѣ“, въ которомъ Вы можете располагать какимъ желаете количествомъ листовъ, но и въ еженедѣльникѣ Вы можете помѣщать небольшія, а при готовности дробить ихъ — и крупныя статьи. Прошу Васъ для одного изъ первыхъ №№ написать сжатую, но сильную статью о сущности духовнаго націонализма.

Думаю устроить у Васъ въ Одессѣ отдѣленіе редакціи (М. Г. Моргулисъ, Вы, Бенъ-Ами) съ широкими полномочіями. Что скажете объ этомъ? Простите, что не сообщаю подробностей. Тороплюсь,—теперь масса дѣла и переписки. Въ слѣдующемъ письмѣ разскажу обстоятельно, какъ удалось выхлопотать разрѣшеніе. Будьте здоровы и пишите скорѣе, ибо съ нетерпѣніемъ жду Вашего письма.—Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 19 (начало августа 1899 г.).

24-го іюля я Вамъ послалъ въ Одессу заказное съ извѣщеніемъ, что я получилъ разрѣшеніе на изданіе новаго русско-еврейскаго органа „Будущность“; 26-го Вамъ о томъ же писалъ туда же Ф. (ближайшій товарищъ и секретарь новой редакціи); 28-го Ф. о томъ же писалъ М. Г. К. (въ Гомель) для передачи Вамъ. И все нѣтъ отъ Васъ ни звука. Если Вы этихъ писемъ не получили, вытребуйте ихъ.

Направленіе „Будущности“ будетъ отличаться отъ Восходскаго болѣе сильнымъ подчеркиваніемъ культурнаго элемента въ программѣ возрожденія еврейскаго народа. Въ каждомъ № будетъ по возможности обширный „научно-литературный отдѣлъ“, статьи коего предназначены для пробужденія и укрѣпленія народнаго самосознанія. Въ общемъ мы проводимъ Вашу программу

духовнаго націонализма, только безъ ея ярлыка. Подробности Вы отчасти найдете въ отправленныхъ Вамъ письмахъ, отчасти узнаете изъ слѣдующихъ моихъ писемъ.

Васъ, дорогой другъ, прошу я быть намъ добрымъ товарищемъ и совѣтникомъ. Напишите что-нибудь для первыхъ №№ „Будущности" (особенно было бы желательно экспозе Вашей системы: „Сущность духовнаго націонализма", или иначе въ этомъ родѣ). Понятно, что для Сборника (ежегоднаго научно-литературнаго приложенія minimum въ 20 печ. л.) Вы должны дать обширную статью. Хозяйственная часть у насъ въ порядкѣ. Жду Вашего письма съ нетерпѣніемъ.—Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 20. С.-Петербургъ. 16. VIII. 1899.

Отъ всей души благодарю Васъ за Ваше доброе дружеское слово и за Вашу готовность поддержать нашу „Будущность" своимъ литературнымъ участіемъ, столь для насъ цѣннымъ.— День выхода 1-го № еще не установленъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ, намъ приходится выбирать между двумя сроками— началомъ октября и серединою ноября. Но главнымъ образомъ рѣшеніе будетъ зависѣть отъ состоянія нашего портфеля, который долженъ быть достаточно солиденъ уже въ самомъ началѣ нашей работы.

Надѣюсь, что Вы пришлете Вашу статью къ концу сентября, дабы она могла пойти въ 1-мъ №. Я тоже готовлю статью на тему о задачахъ русско-еврейскаго органа и, заранѣе предвидя нѣкоторое разногласіе между нами въ терминологіи, вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитываю, что изъ нашихъ статей выяснится наше единомысліе въ существенныхъ пунктахъ. Меня очень огорчило, что Вы считаете народничество чисто-экономической системой и видите въ нашей „Будущности" органъ чисто-публицистическій. Впрочемъ, тутъ я самъ виноватъ; очевидно, я въ своихъ письмахъ не сумѣлъ въ сжатой формѣ точно опредѣлить характеръ нашего изданія. Представьте себѣ „Хронику Восхода" безъ общегазетнаго отдѣла, но съ еженедѣльнымъ научно-литературнымъ приложеніемъ, размѣромъ 1—1½ печ. листа газетныхъ, иначе— 1½—2½ листа журнальнаго формата. Такова по внѣшности физіономія „Будущности". Въ каждомъ № обязательно будетъ, по меньшей мѣрѣ, одна серьезная статья по исторіи, исторіи-литературы, религіозной философіи, этикѣ или этнографіи и, кромѣ того, научно-литературный обзоръ новостей по Hebraica и Judaica. Забота о надлежащей постановкѣ этого отдѣла занимаетъ насъ

не менѣе, чѣмъ другіе крупные вопросы, связанные съ организаціей нашего сложнаго дѣла. Кое-что нами уже достигнуто. Отдѣлъ Hebraica будетъ вестись совмѣстно Л. С. Каценельсономъ („Письма о евр. литер.") и Л. О. Канторомъ... По исторіи литературы постоянные сотрудники,... (слѣдуютъ три имени). Всѣ будутъ подъ общимъ руководствомъ Хвольсона (согласіе котораго, впрочемъ, еще не получено) давать систематически статьи, рисующія ходъ еврейской мысли въ разныя, наиболѣе интересныя эпохи. И —нъ будетъ, кромѣ того, при содѣйствіи N. N., давать связные обзоры новостей по еврейской археологіи, въ частности по библейской критикѣ. Въ этомъ направленіи мы еще можемъ многое сдѣлать, — я стараюсь завербовать побольше силъ; но такъ какъ домашними силами обойтись трудно, то мы будемъ давать переводы избранныхъ статей иностранныхъ ученыхъ,—наприм., Schürer'a („Храмъ и богослуженіе", „Великій Синедріонъ"), Renan'a, Lazarus'a etc. Было бы прекрасно, если бы Вы указали намъ подходящій матеріалъ для перевода. Въ общемъ научный отдѣлъ долженъ будить „народное самосознаніе". Конечно, будетъ у насъ и публицистика высшаго разряда — о сущности отдѣльныхъ нашихъ направленій... Будетъ у насъ и изящная словесность — стихотворенія, маленькіе разсказы (оригинальные и переводные), тщательно подобранные. Вол. напишетъ о еврейскомъ элементѣ въ искусствѣ эпохи ренесанса... Коротко, мы далеко не замыкаемся въ области вопросовъ о школьныхъ огородахъ и разъѣздныхъ агрономахъ. Наука и литература будутъ, если не разрабатываться, то популяризироваться у насъ весьма усердно.

По вопросу о совмѣстимости сотрудничества въ обоихъ русско-еврейскихъ изданіяхъ я безусловно соглашаюсь съ Вами. Я не знаю, что Вамъ писалъ объ этомъ Ф., но мнѣ въ голову не приходило монополизировать наши литературныя силы для „Будущности", и я первый готовъ содѣйствовать Вамъ въ стремленіи поддерживать существованіе „Восхода"... Повѣрьте, я говорю совершенно искренно, — я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ „Восходъ" долженъ былъ прекратиться. И такъ „дѣлите" Ваши работы, но при дѣлежѣ не обижайте младшаго брата. Имѣйте при этомъ въ виду, что статью въ 1 печ. листъ „Восхода" (жур.) можно легко помѣстить въ 1 или 2 №№ „Будущности. Будьте здоровехоньки и преуспѣвайте.—Вашъ *С. Г.*

№ 21. С.-Петербургъ. 27. IX. 1899.

Надѣюсь, это письмо уже застанетъ Васъ въ Одессѣ (я уже нѣсколько дней собираюсь писать Вамъ, да не знаю, куда направить письмо, чтобы оно навѣрное дошло до Васъ). Дѣло идетъ о Вашей статьѣ для перваго № „Будущности". Она будетъ нужна наипозже 10-го октября. Я убѣдительно прошу Васъ, поэтому, поторопиться высылкою ея.

У меня теперь работы и хлопотъ по горло. Готовимся къ появленію въ свѣтъ, кажется, усердно, а впереди все еще масса дѣла. Жду съ нетерпѣніемъ Вашей присылки. — Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 22. С.-Петербургъ. 5. X. 1899.

Только что получилъ Ваше письмо и спѣшу просить Васъ убѣдительнѣйше остаться при прежнемъ рѣшеніи: дать для 1-го № статью о задачахъ современнаго русско-еврейскаго органа. Публицистическая тема болѣе умѣстна для начала, да я уже писалъ и говорилъ многимъ, что вами обѣщана статья такого характера. Она была бы прекраснымъ публицистическимъ панданомъ къ имѣющей пойти въ 1-мъ № статьѣ Д. А. Хвольсона о популяризаціи знаній іудаизма. Времени у Васъ остается довольно,—мы можемъ ждать до 28-го октября.—Не смущаетъ ли Васъ мысль о пераллелизмѣ между Вашей статьей и моей руководящей статьей, о которой я Вамъ писалъ? Во избѣжаніе возможныхъ легкихъ полемическихъ фразъ или чего-нибудь подобнаго въ моей статьѣ, я обѣщаю Вамъ отдать Вашу рукопись въ наборъ безъ прочтенія, читать ее уже послѣ того, какъ моя статья будетъ окончательно исправлена въ корректурѣ и безповоротно уйдетъ въ типографію для печатанія. На этотъ счетъ никакія недоразумѣнія a priori недопустимы.

Привожу (на память) экстрактъ нашей проектированной деклараціи: „Будущность" — независимый органъ русскихъ евреевъ, имѣющій цѣлью содѣйствовать культурному возрожденію евр. массы. (Девизъ ея—народность и просвѣщеніе). Еврейскій народъ по своему религіозно-этическому міросозерцанію и духовно-историческому укладу имѣетъ право достойнаго существованія среди цивилизованныхъ народовъ, и въ этомъ убѣжденіи „Будущность" ставитъ себѣ задачею уясненіе (=способствовать устраненію) причинъ нынѣшняго ненормальнаго положенія евреевъ и въ то же время (=между прочимъ) просвѣщеніе еврейской массы популяризаціей научныхъ данныхъ объ іудаизмѣ и еврействѣ, съ указаніемъ

путей къ преобразованію (=усовершенствованію) экономическаго и общественнаго быта въ духѣ лучшихъ началъ общерусской жизни".

Стиль будетъ, разумѣется, сглаженъ. „Девизъ" возбуждаетъ у нѣкоторыхъ серьезныя опасенія. Вѣроятно, онъ въ газетныя объявленія не попадетъ, но останется въ „проспектѣ", который будетъ разосланъ. Какъ видите, основная идея духовнаго націонализма выражена у насъ довольно отчетливо. Публиковаться начнемъ черезъ нѣсколько дней. „Проспектъ" начнемъ разсылать на будущей недѣлѣ. 1-й № выйдетъ въ срединѣ ноября. Съ нетерпѣніемъ жду Вашего отвѣта, вѣрнѣе—публицистической статьи. Будьте здоровы.—Душевно преданный Вамъ *С. Г.*

№ 23. С.-Петербургъ. 10. IV. 1900.

Вотъ уже 4 мѣсяца, какъ я собираюсь писать Вамъ, но удерживаетъ меня крайній недосугъ и обиліе темъ, о которыхъ нужно и хочется побесѣдовать съ Вами. О томъ, до какой степени я все время былъ поглощенъ работою по редакціи, Вы, счастливый человѣкъ, умѣющій въ тиши кабинета распредѣлять и должнымъ образомъ утилизировать свое время, кажется, не можете имѣть представленія. Работа у меня все срочная, недающая одуматься, сосредоточиться,—да и много ея, этой работы, всегда какъ-то въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ можно исполнить.—Засимъ, какъ сказано, когда я рѣшаю писать къ Вамъ, я не знаю, съ чего начать: съ благодарности-ли сердечной за сочувствіе и литературную поддержку, оказанныя мнѣ въ первую трудную минуту; съ претензіи ли (весьма серьезной) за помѣщеніе въ Вашей статьѣ нѣсколькихъ строкъ, весьма для насъ неудобныхъ [1]), къ тому же вызвавшихъ въ нашемъ кружкѣ конфликтъ (почти всѣ товарищи настоятельно требовали исключенія строкъ о новомъ направленіи „Восхода", и мнѣ съ трудомъ удалось отстоять ихъ); съ просьбы ли о совѣтѣ и дальнѣйшей поддержкѣ. На этотъ разъ я ограничусь сердечнымъ спасибо за первое Ваше доброе дружеское слово и, минуя все остальное, перейду къ просьбѣ.

Вы знаете, что нашъ литературно-научный Сборникъ, имѣющій

[1]) Въ одной фразѣ этой статьи („Смѣна направленій въ еврейской журналистикѣ") была высказана мысль, что „въ самое послѣднее время содержаніе обновленнаго „Восхода" не оставляетъ сомнѣнія насчетъ его будущаго духовно-національнаго направленія". Въ редакціи „Будущности" почему-то косо посмотрѣли на эту фразу, которая, однако, по моему настоянію осталась въ текстѣ, снабженная кажется редакціоннымъ примѣчаніемъ.—*С. Д.*

выйти 1-го октября, долженъ печататься лѣтомъ, въ іюлѣ-августѣ. А потому я прошу Васъ приготовить къ этому времени (I. VII) историческую статью. Размѣромъ не стѣсняйтесь, но работа должна представлять нѣчто законченное. Сообщите тему, дабы я могъ имѣть ее въ виду при выборѣ остального матеріала.

Затѣмъ возьмите на себя трудъ сообщить мнѣ Ваши взгляды на желательный характеръ Сборника. Какой подборъ статей Вы находите болѣе соотвѣтственнымъ Вашимъ desiderata? (Сборникъ долженъ занимать 25—27 листовъ). Вы знаете, какъ я дорожу всякимъ Вашимъ совѣтомъ и указаніемъ, и по ходу „Будущности" Вы можете видѣть, что всѣ Ваши мысли, высказанныя разновременно въ Вашихъ „Письмахъ", не остались безъ надлежащаго воздѣйствія на меня. И такъ, улучите свободную минуту и подумайте о физіономіи Сборника. Хочется дать что-нибудь приличное. Помогите мнѣ въ этомъ.

Сильно упрекаю себя, что не писалъ Вамъ о матеріальной сторонѣ „Будущности", о которой Вы спрашивали. Подписка прошла весьма порядочно, особенно въ сравненіи съ тѣмъ, чего можно было опасаться при нашихъ условіяхъ. Мы начали дѣло, окруженные врагами... Къ тому же я по неопытности мало рекламировался, и только перомъ воевалъ (   ). Но все-таки мы имѣли возможность работать бодро, закончить годъ съ небольшимъ дефицитомъ и надѣяться. Повидимому, наша „Будущность" одобряется. Вы какъ?

Здоровье мое, слава Богу, нимало не пострадало отъ того напряженія силъ, въ какомъ я находился полгода. Вы какъ-то желали мнѣ сна и аппетита, но ни безсонницей, ни отвращеніемъ отъ пищи я не страдалъ. Случалось не спать по 2—3 ночи подъ-рядъ, но я потомъ возмѣщалъ упущенное. Здоровье мое—одна изъ лучшихъ моихъ добродѣтелей. Желаю и Вамъ отъ души—бодрости и силъ. Гдѣ Вы проведете лѣто? Мнѣ очень, очень хотѣлось бы повидаться съ Вами. Если Вы будете гдѣ нибудь не очень далеко отъ насъ, настрочите заблаговременно,—я возьму и пріѣду къ Вамъ на денекъ. Вотъ-то будетъ для меня радость. Стану ждать отъ Васъ письмеца. А покуда желаю Вамъ всего лучшаго. Сердечно преданный Вамъ *С. Г.*

№ 24. С.-Петербургъ. 19. V. 1900.

Спасибо за Ваше милое письмо. Весьма грустно, что требуется такая мрачная сила, какъ болѣзнь, чтобы Вы могли удосужиться для написанія мнѣ письмеца. Какъ же послѣ этого желать Вамъ:

Vale, amice? Но Господь милостивъ,—будьте здоровы и невредимы, авось Вы и въ вожделѣнномъ здравіи найдете свободную минутку—написать старому товарищу.

Статья, предложенная Вами для Сборника, кажется мнѣ вполнѣ подходящею по сюжету. Эпизодъ изъ русско-еврейской исторіи на бытовой канвѣ—чего же лучше? Я буду ее ждать въ іюлѣ, и чѣмъ скорѣе ее пришлете, тѣмъ лучше.

За Ваши замѣчанія о „Будущности" спасибо. Принципіально я не согласенъ лишь съ Вашимъ мнѣніемъ о желательности задорной полемики ради самоутѣшенія [1]). На мой взглядъ, это вредно. „Восходъ" тоже оставляетъ по-немногу свой задоръ. И если бы Вы стояли ближе къ нашему театру военныхъ дѣйствій, Вы бы, полагаю, не одобряли полемики съ „Нов. Врем." и ему подобными. Многіе привѣтствуютъ „Будущность" за то, что она нашла въ себѣ мужество выкинуть за бортъ водворившійся въ нашей журналистикѣ (и только въ нашей) вредный отдѣлъ „Отголоски печати". Разумѣется, въ исключительныхъ случаяхъ, когда это дѣйствительно нужно, мы говоримъ что надо... Помните ли Вы нашу статью о „Спб. Вѣдомостяхъ"? Она имѣла большой успѣхъ. Мы получили изъ редакціи „Спб. Вѣдом." письмо, въ которомъ признавалась наша правота и давалось обѣщаніе быть впредь осторожнѣе. Въ то же время „Восходъ" получилъ отъ тѣхъ же „Спб. Вѣдом." репримандъ и нѣсколько бранныхъ словъ, вполнѣ заслуженно, ибо Г. позволилъ себѣ въ тонѣ, который—увы—Вамъ все еще нравится, обвинить „Спб. Вѣд." въ измышленіи цитатъ (изъ книги Пыпина), которыя оказались дѣйствительно существующими. Слава Богу, мы прожили ½ года безъ скандаловъ, и—Богъ дастъ—впредь не хуже будетъ.—Весьма удивительно, что Вы не замѣчаете положительнаго направленія „Будущности", уже признаннаго нашей независимой интеллигенціей. Мы только не ставимъ точки на і, избѣгаемъ кличекъ, отъ которыхъ произошло уже много зла; практическую же программу (Вашего же духовнаго націонализма) мы проводимъ методически. Не могу вдаваться въ параллели, но отъ души желаю, чтобы Вы по отношенію нашей молоденькой „Будущности", работающей среди враговъ..., освободились отъ

[1]) Насколько помнится, я упрекалъ редакцію, между прочимъ, за слишкомъ смиренный—принимая во вниманіе даже подцензурность изданія—тонъ въ обсужденіи репрессивной политики по отношенію къ евреямъ. Рѣчь шла о борьбѣ за право не съ „Новымъ Временемъ", а съ нововременцами въ бюрократіи и русскомъ обществѣ.—*С. Д.*

предразсудковъ; тогда и мы Вамъ понравимся. По счастью, общественное мнѣніе судитъ насъ не такъ строго.

Я остаюсь на лѣто въ городѣ. Мнѣ не дано пользоваться каникулами. Но Ваше любезное приглашеніе мнѣ пришлось такъ по сердцу, что я лелѣю мысль пріѣхать къ Вамъ въ Р. дня на 2 или 3. Я готовлюсь выслушать отъ Васъ не только суровую критику, но и добрый дружескій совѣтъ. Я буду радъ, если мнѣ удастся, не стѣсняя Васъ, побывать съ Вами на лонѣ природы нѣкоторое время, поспорить и поговорить по душѣ. Желаю Вамъ всего лучшаго. Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 25. С.-Петербургъ. 25. VII. 1900.

Вы сами знаете, что теперь не можетъ уже быть рѣчи объ увольненіи Васъ отъ обязанности дать для Сборника обѣщанную Вами статью. Сборникъ безъ Вашей работы прямо немыслимъ. Возьмитесь за работу. Вѣдь трудно только засѣсть, а тамъ писаніе у Васъ не отниметъ ни слишкомъ много времени, ни силъ. Разумѣется, придется отсрочить наборъ статьи. Я думалъ пустить ее во главѣ, а теперь поневолѣ надо будетъ ее отодвинуть. Но „не мѣсто краситъ".

...Поклонитесь отъ меня М. Г. К. и Ахадъ-Гааму, о которомъ теперь въ нѣкоторыхъ кружкахъ ведутся безконечные споры. Дѣло идетъ, конечно, о яффской школѣ, закрываемой или—по другой версіи—уже закрытой будто по его настоянію. Слѣдовало бы, въ виду возбужденныхъ толковъ, дать что-нибудь опредѣленное по этому вопросу. Попросите г. Г. прислать намъ для печати хотя бы краткое разъясненіе. Вы пишете, что слѣдите за возгорѣвшейся у насъ полемикой о націонализмѣ. Но почему Вы сами не выскажетесь хотя бы въ сжатой статейкѣ?....

Желаю Вамъ всего хорошаго, жму Вашу руку.—Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 26. С.-Петербургъ. 16. VI. 1901.

Давно уже собираюсь я Вамъ писать, поблагодарить за присылку (къ сожалѣнію, слишкомъ небольшой) статьи и вообще поговорить немного ad animam levandam, но редакціонная работа и сутолока не даютъ мнѣ ни минуты свободной.

Хочу я Васъ просить „все о томъ же": дайте статью для Сборника. Въ прошломъ году Вы, какъ мнѣ казалось, боялись, что попадете въ несовсѣмъ подходящую для Васъ компанію, такъ какъ въ наши печальные дни декаданса очень трудно составить порядочный Сборникъ. Но Вы могли убѣдиться, что я кое-какъ вы-

шелъ изъ затрудненія. Въ нынѣшнемъ году, кажется, персоналъ будетъ даже нѣсколько лучше: мнѣ обѣщали кое-что Хвольсонъ, Ярошевскій и другіе „старые“, которыми можно будетъ замѣнить сомнительную молодежь, допускаемую къ Торѣ.......

Дѣла „Будущности“ въ этомъ ужасномъ для евреевъ году далеко не блестящи. Но, какъ видите, я держусь, и надѣюсь обойтись безъ нарушенія обѣщаній. „Сборникъ“ будетъ не хуже прошлогодняго. О себѣ лично скажу Вамъ немного: я работаю какъ добрый волъ и благодарю Господа, что мнѣ не измѣняютъ силы. Здоровье — слава Богу. Какъ же Вы поживаете? Съ нетерпѣніемъ жду Вашего отвѣта, надѣюсь, удовлетворительнаго. Желаю Вамъ всего наилучшаго.—Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 27. С.-Петербургъ. 11. VI. 1902.

Сейчасъ получилъ отъ Ахадъ-Гаама полный текстъ его рѣчи (въ О-вѣ просвѣщенія) съ просьбой напечатать его въ ближайшемъ № и дать Вамъ корректуру [1]). Оригиналъ уже въ типографіи, а корректура будетъ завтра (въ среду) вечеромъ, часовъ въ 6. Я буду очень радъ, если Вы къ этому времени зайдете ко мнѣ. Мы бы вмѣстѣ почитали.—Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 28. С.-Петербургъ. 12. VI. 1902.

Посылаю Вамъ корректуру рѣчи Ахадъ-Гаама и очень прошу Васъ прочитать ее поскорѣе. Я пришлю за нею завтра (въ четвергъ) въ 11 ч. утра, чтобы успѣть во-время исправить все согласно Вашимъ указаніямъ. Прошу Васъ также возстановить, насколько это возможно, Вашу рѣчь; будьте добры сдѣлать соотвѣтствующія поправки на прилагаемомъ при семъ листѣ. Ваша рѣчь можетъ быть напечатана только въ слѣдующемъ №, и Вы можете прислать оригиналъ во вторникъ. Не откажите.—Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 29. С.-Петербургъ. 13. VI. 1902.

Благодарю Васъ за готовность дать мнѣ корректуру Вашей рѣчи для напечатанія въ „Будущности“. Съ своей стороны, я бы охотно разрѣшилъ „Восходу“ перепечатать помѣщенную у насъ

---

[1]) Эта и слѣдующія двѣ записочки присланы мнѣ, когда я гостилъ въ Петербургѣ. Это было въ разгаръ борьбы за „національное воспитаніе“, сосредоточившейся вокругъ одесскаго отдѣленія „Общества просвѣщенія евреевъ“. Рѣчи, о которыхъ тутъ говорится, произнесены въ общемъ собраніи Общества (май 1902), гдѣ столкнулись различныя направленія.—*С. Д.*

рѣчь г. Г., но мнѣ думается, что въ подобныхъ случаяхъ разрѣшеніе должно исходить не отъ редакціи, а отъ автора, который сохраняетъ всѣ авторскія права. Надо его спросить.—Преданный Вамъ *С. Г.*

№ 30. (Петербургъ) 16. I. 1907.

Ссылаясь на Ваше заявленіе въ газетахъ, я очень прошу Васъ выслать мнѣ программу „Еврейской народной партіи" и соотвѣтствующія брошюры.

Я теперь настолько поглощенъ врачебной практикой, что не имѣю физической возможности сколько-нибудь активно участвовать въ нынѣшнемъ еврейскомъ движеніи. Но я все таки слѣжу внимательно за текущими дѣлами. Въ Вашемъ еврейскомъ „народничествѣ" мнѣ чудится что-то очень мнѣ близкое, о чемъ я въ свое время немало хлопоталъ въ журналистикѣ (и въ частной съ Вами перепискѣ?). Пришлите все, что учредителями партіи опубликовано. Очень ннтересно.—Преданный Вамъ *С. Г.*

Какъ прикрѣпили сибирскихъ евреевъ къ мѣстамъ приписки (1885—1893).

По личнымъ воспоминаніямъ.

Есть у насъ поговорка: „Изъ-за пѣтуха и курицы разрушенъ святой храмъ". Изъ-за пустяковъ начался тотъ походъ противъ евреевъ въ Сибири, который окончился прикрѣпленіемъ ихъ къ мѣстамъ приписки, безъ права выѣзда за черту своего города или селенія. Я былъ и очевидцемъ этихъ гоненій, и жертвою ихъ; приходилось мнѣ также имѣть хожденіе по такимъ дѣламъ къ высшему начальству края. Своими воспоминаніями о тѣхъ бѣдственныхъ годахъ (1885—1893) я и рѣшаюсь подѣлиться съ читателями „Еврейской Старины".

* * *

Проживалъ въ городѣ Иркутскѣ, въ началѣ 80-хъ годовъ, приписанный къ городу Нарыму (Томской губ.) мѣщанинъ-еврей Алексѣй Ильичъ Гершевичъ. Человѣкъ съ небольшими средствами, въ дѣлахъ неудачникъ, задумалъ онъ заняться лѣснымъ дѣломъ. Рядомъ съ нимъ торговала лѣсомъ русская женщина. Какъ всегда у конкуррентовъ, не обходилось дѣло безъ ссоръ и непріятностей. У этой женщины былъ хорошій знакомый и пріятель, секретарь полиціи. Случилось, что въ это время у Гершевича просрочился паспортъ, и когда онъ обратился въ полицію за полученіемъ отсрочки, ему секретарь возвратилъ паспортъ съ надписью, что на основаніи такой-то статьи (не помню какой) Гершевичъ долженъ выѣхать на мѣсто своего причисленія, т. е. въ Нарымъ. Отсрочка ему не была выдана.

Этотъ первый, небывалый въ Сибири случай взбудоражилъ всѣхъ евреевъ, въ особенности тѣхъ, которые проживали здѣсь по иногороднимъ паспортамъ. Въ томъ числѣ былъ и я, какъ

Томскій мѣщанинъ. Еврейская интеллигенція въ Иркутскѣ сначала стала безпокоиться по поводу этой выходки полиціи; но видя, что дѣло ограничилось однимъ Гершевичемъ, скоро успокоилась, полагая, что поголовнаго выселенія иногороднихъ не будетъ. Однакожъ, Гершевичъ обжаловалъ постановленіе полиціи въ губернское правленіе. Предсѣдателемъ здѣсь былъ извѣстный антисемитъ Давыдовъ, который постарался, чтобы вопросъ былъ разрѣшенъ не въ пользу евреевъ. Губернское правленіе отказало Гершевичу, и тѣмъ самымъ признало дѣйствіе полиціи законнымъ.

Тогда я обратился къ нашимъ богачамъ-евреямъ, доказывая имъ, что необходимо вспыхнувшее пламя потушить въ самомъ началѣ, не давая разгорѣться пожару. Всѣ охали и ахали, но ничего не предпринимали, и ходатаемъ по дѣлу остался я одинъ. Собралъ я нѣсколько человѣкъ изъ мѣстной еврейской интеллигенціи, и мы рѣшили подать прошеніе Иркутскому генералъ-губернатору графу Игнатьеву (племянникъ министра внутреннихъ дѣлъ, „творца временныхъ правилъ" 1882 г.). Но явился вопросъ: —кто пойдетъ? Изъ болѣе видныхъ людей никто не хотѣлъ представляться графу. И порѣшили, чтобы пошелъ Гершевичъ, какъ лицо пострадавшее, и съ нимъ еще кто-нибудь. Деньги на расходы богачи дали,—и вотъ мы втроемъ: я, Гершевичъ и нѣкто Лейбинъ пошли къ генералъ-губернатору. Лейбинъ и Гершевичъ говорить съ графомъ не хотѣли, и пришлось поневолѣ быть мнѣ представителемъ депутаціи.

Графу Игнатьеву я, насколько могъ, объяснилъ причину нашего обращенія, указалъ, какое разореніе ожидаетъ евреевъ въ Сибири отъ новой мѣры, и просилъ о защитѣ. Игнатьевъ выслушалъ и, положивъ слегка свою руку на мое плечо, сказалъ: „даю вамъ слово, что все сдѣлаю". Я ему отвѣтилъ: „мы охотно вѣримъ вашему графскому слову". Это было въ 1885 г.

Графъ свое слово сдержалъ лишь въ томъ смыслѣ, что не издалъ общаго распоряженія о прикрѣпленіи евреевъ къ мѣстамъ жительства, но не вмѣшивался также въ дѣйствія администраціи. Отъ 1885 до 1892 г. вопросъ находился въ неопредѣленномъ положеніи. Мѣстная администрація какъ-то не рѣшалась на массовыя выселенія евреевъ. Гдѣ можно было еврея прижимать, прижимали. Такъ, напр., въ 1890 г. Иркутское губернское правленіе не допустило меня къ торгамъ на недвижимое имущество въ этомъ городѣ, какъ Томскаго мѣщанина, не имѣющаго права пріобрѣтать недвижимость внѣ мѣста своей

приписки. Однакожъ въ томъ же году у меня городская управа приняла деньги за право быть временнымъ 2-й гильдіи купцомъ въ Иркутскѣ. Словомъ, каждое учрежденіе дѣлало то, что хотѣло, и вопросъ о правѣ жительства евреевъ-сибиряковъ рѣшался каждымъ администраторомъ, какъ Богъ ему на душу положитъ. Понятно, полиція не дремала и себя не забывала, собирая обильную дань съ „безправныхъ“.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ иногороднихъ евреевъ не выселяли, но и укрѣпляться внѣ мѣстъ приписки имъ не давали. Въ Иркутскѣ тогда паспортовъ въ полиціи не прописывали.

. Сибиряки-евреи привыкли къ этимъ порядкамъ и мирились съ ними. Не о равноправіи же было имъ думать въ тѣ годы.

Такъ время шло, пока не наступилъ несчастный для всѣхъ евреевъ Россіи, проживавшихъ на основаніи льготныхъ циркуляровъ, 1893 годъ. Въ началѣ этого года циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ Дурново были отмѣнены циркуляры прежнихъ министровъ — Лорисъ-Меликова (Макова) и Толстого, разрѣшавшихъ остаться внѣ черты осѣдлости тѣмъ изъ евреевъ, которые тамъ уже прочно водворились. Началось изгнаніе тысячъ людей изъ внутреннихъ губерній Россіи. Сначала сибиряки думали, что указъ этотъ ихъ не касается; но скоро жестоко разочаровались. Воспользовавшись новою репрессивною мѣрою, сибирская администрація стала поголовно высылать изъ Иркутска и другихъ мѣстъ всѣхъ не приписанныхъ къ этимъ мѣстамъ евреевъ, обязывая ихъ возвращаться на мѣста приписки. Многіе тогда разорились (въ томъ числѣ и я). Но немного позднѣе генералъ-губернаторъ Горемыкинъ разрѣшилъ по особому каждый разъ ходатайству приписывать въ Иркутскѣ единичныхъ лицъ изъ иногороднихъ (въ томъ числѣ и меня), которыхъ причисляли къ купечеству или къ мѣстному податному сословію.

Со стороны глядя на всю эту картину „переселенія народовъ“, становилось и грустно, Людей перебрасывали, какъ щепки. Изъ Иркутска высылали евреевъ Томска, Енисейска и другихъ сибирскихъ городовъ, а вмѣсто нихъ сюда присылали изъ тѣхъ же городовъ евреевъ, приписанныхъ къ Иркутску. Приписанныхъ въ деревняхъ выгоняли изъ Иркутска, а взамѣнъ ихъ двигались въ городъ высланные изъ деревень евреи, давно проживавшіе въ этихъ деревняхъ, но имѣвшіе несчастье быть приписанными въ городѣ.

Крестьяне никакъ не могли понять, почему высылаютъ изъ деревни N. еврея Исаака Абрамовича, а вмѣсто него присылаютъ какъ бы взамѣнъ Давида Яковлевича. „Исаакъ Абрамовичъ зналъ всѣхъ и „выручалъ", а этотъ новый — кто его знаетъ, какой будетъ?" Одинъ крестьянинъ, считая себя все понимающимъ, толковалъ всю эту „перетасовку" евреевъ такъ: если исправникъ высылаетъ кого изъ деревни, то зря не дѣлаетъ; есть, вѣроятно, за нимъ какой-нибудь грѣхъ. На мой вопросъ: какой же это грѣхъ?—крестьянинъ, замявшись, отвѣчаетъ: „Кто его знаетъ? Мы люди темные. Исправникъ лучше знаетъ". Этотъ же крестьянинъ говорилъ мнѣ, что присылаютъ взамѣнъ высланныхъ другихъ евреевъ, вѣроятно потому, что некому будетъ въ деревнѣ торговать и некому будетъ ихъ, крестьянъ, „выручать".

Одинъ еврей мнѣ разсказывалъ такой случай. Откуда-то прислали поселенца-еврея въ ту деревню, гдѣ онъ былъ причисленъ во время ссылки въ Сибирь, но гдѣ никогда не проживалъ. Прибывъ въ „свою деревню", онъ для пропитанія своего семейства открылъ небольшую торговлю. Не зная никого изъ крестьянъ и не имѣя большихъ средствъ, онъ не могъ сразу раздавать свой товаръ въ кредитъ. Крестьянамъ такой торговецъ не понравился: вѣдь у крестьянина не всегда есть деньги; къ тому еще повелъ противъ новаго „торговаго" агитацію купецъ-христіанинъ изъ этой деревни. Когда крестьяне собрались на сходъ, они хотѣли составить приговоръ, чтобы новаго „торговаго" еврея выслали, а вмѣсто него вернули бы имъ того торговца-еврея, который у нихъ раньше торговалъ и былъ выселенъ безъ всякой причины. Но сельскій писарь имъ растолковалъ, что это дѣлать крестьяне не имѣютъ права.

Во время этой перетасовки евреевъ въ Сибири, причисленнымъ къ Иркутску евреямъ не выдавали видовъ на жительство, не разрѣшали выѣзжать изъ города, жить лѣтомъ на окрестныхъ дачахъ, даже на другомъ берегу рѣки Ангары, въ 4-хъ верстахъ отъ города. Одни только дѣти Николаевскихъ солдатъ и купцы 1-й гильдіи пользовались правомъ передвиженія. Купцы же 2-й гильдіи были лишены этихъ правъ. Понятно, что въ такихъ случаяхъ полиція выручала. Если еврею нужно было куда-нибудь поѣхать изъ мѣста приписки и не долго прожить „на чужбинѣ", приходилось имѣть въ карманѣ лишнія деньги на расходы „неоффиціальные".

Такое пригвожденіе евреевъ къ одному мѣсту сама мѣстная администрація считала ненормальнымъ. Время пока-

зало, что невозможно требовать какъ отъ городского жителя, такъ и отъ деревенскаго, чтобы онъ не выѣзжалъ изъ того мѣста, гдѣ онъ случайно приписанъ. Это было особенно тяжело для поселенцевъ, приписанныхъ въ деревняхъ Киренскаго, Илимскаго и тому подобныхъ округовъ, гдѣ мѣстное населеніе, занимающееся большей частью звѣроловствомъ, или почти не сѣетъ хлѣба, или очень мало сѣетъ его; эти поселенцы, по нуждѣ, убѣгали въ болѣе культурныя мѣста. Еврея поймаютъ безъ паспорта (ихъ не давали) и шлютъ по этапу на мѣсто причисленія.

Наконецъ, вопли и просьбы евреевъ, швыряемыхъ съ мѣста на мѣсто, надоѣли начальству. Власти (кажется, по разъясненію сената) рѣшили расширить „черту осѣдлости“ сибирскаго еврея и признали, что мѣстомъ жительства еврея-поселенца и непоселенца долженъ считаться весь уѣздъ, къ которому онъ приписанъ. Мѣщанинъ города Иркутска, напримѣръ, можетъ разъѣзжать по всему Иркутскому уѣзду; только ссыльнымъ не разрѣшается въѣздъ въ губернскій городъ,—для этого нужно особое разрѣшеніе. Конечно, послѣ такого „расширенія“ района жительства, право передвиженія еврея по Сибири по прежнему зависѣло отъ милости полиціи,

[1]).

І. Нейманъ.

---

[1]) Прикрѣпленіе сибирскихъ евреевъ къ мѣстамъ приписки было впослѣдствіи (конецъ 1897 г). санкціонировано рѣшеніемъ Сената. См. вышедшую недавно книгу „Евреи въ Иркутскѣ“ (Ирк. 1915), стр. 30, 264—65. *Ред.*

Изъ быта субботниковъ.

Разсказано со словъ моего отца.

I.

Случилось это лѣтъ 70 тому назадъ, въ тѣ тяжелыя для субботниковъ времена, когда законъ въ Россiи строго каралъ за переходъ въ еврейскую вѣру, а полицiя зорько слѣдила за перешедшими уже въ iудейство, загнанными въ Сибирь субботниками, чтобы они не жили среди евреевъ. Наиболѣе преслѣдовали субботниковъ за участiе въ молитвенныхъ собранiяхъ евреевъ.

Въ началѣ своего поселенiя въ Сибири, въ большомъ селѣ Зимѣ (Иркутской губ.), субботники, вслѣдствiе малочисленности своей и незнанiя еврейскихъ обрядовъ и молитвъ, не имѣли возможности самостоятельно собираться на молитву въ годовые праздники. Большинство ихъ къ этому недостатку относилось безразлично: возможно было собираться вмѣстѣ помолиться—хорошо, а если нѣтъ—каждый молился у себя дома. Та самая Библiя на церковно-славянскомъ языкѣ, которая толкнула субботниковъ къ переходу въ iудейскую вѣру, служила имъ и руководствомъ въ повседневной жизни. Практики еврейскаго закона, какъ она выработалась въ позднѣйшей религiозной письменности, они не знали. Еврейскихъ книгъ субботники не видали, а если бы и увидѣли, то не могли бы по своей малограмотности ни прочесть, ни понять древне-еврейскаго текста. Они имѣли очень смутное понятiе о евреяхъ и ихъ обычаяхъ: во внутреннихъ губернiяхъ Россiи они евреевъ почти не встрѣчали, и не отъ кого было заимствовать еврейскiе обычаи. Даже и теперь еще не могутъ похвастать субботники знанiемъ еврейскихъ обычаевъ, а еврейскiй жаргонъ и совсѣмъ не привился.

Но были среди субботниковъ и такiе, что не довольствовались своими собственными, извлеченными изъ Библiи молит-

вами и обрядами. Эти люди всячески искали случая сообщаться и по возможности сближаться съ евреями, съ цѣлью заимствовать отъ нихъ обряды и обычаи. Къ такимъ субботникамъ принадлежали мой дѣдъ Федоръ Кузьмичъ (по-еврейски Лейзеръ Абрамовичъ) и его два пріятеля—Авадій (его отчества и фамиліи не помню) и Исаакъ Абрамовичъ Колесниковъ, миръ праху ихъ. Дѣдъ мой, сосланный въ Сибирь изъ Рязанской губерніи за переходъ въ іудейство, молился вмѣстѣ съ названными пріятелями на еврейскомъ языкѣ, которому научился уже въ Сибири, причемъ они надѣвали „талесъ" и ермолку. Въ праздничные дни ходили они молиться къ евреямъ, не довольствуясь своими первобытными сборищами, гдѣ читались только псалмы нараспѣвъ на русскомъ языкѣ.

Съ этими посѣщеніями еврейской молельни связанъ нижеслѣдующій разсказъ, слышанный мною отъ моего отца (Захарія), который неоднократно возвращался къ этому эпизоду, характеризующему отношеніе разныхъ группъ субботниковъ къ воспринятой ими религіи.

II.

Былъ канунъ „Рошъ-Гашана". Мой дѣдъ съ сыномъ Захаріемъ только что пріѣхали съ работы на своей заимкѣ домой, въ село, на праздникъ. Послѣ ѣзды на тряской телѣгѣ, дѣдъ сѣлъ отдохнуть на улицѣ, на завалинкѣ своей старой избы, любуясь на протекавшую мимо рѣку. Въ это время къ нему подошелъ одинъ изъ знакомыхъ субботниковъ, Евсѣй Шишляниковъ, здоровый мужчина среднихъ лѣтъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, поговоривъ немного объ уборкѣ урожая, Евсѣй усѣлся на завалинкѣ рядомъ съ моимъ дѣдомъ и перевелъ разговоръ на занимавшій его вопросъ—о праздникахъ:

— Вотъ, дѣдушка, праздники наступаютъ... Какъ провожать-то ихъ будемъ?

— Что-жъ такъ печалишься?... Какъ люди, такъ и мы—успокаивалъ его дѣдъ.

— Да такъ-то такъ... а все-жъ таки надо потолковать, гдѣ будемъ собираться-то на молитву...

— Да что будетъ толку, что соберутся? А кто же будетъ молиться? Соберутся, да и будутъ помалкивать — говорилъ съ улыбкой дѣдъ.

— Да какъ же быть-то, дѣдушка? Неужто сидѣть дома въ такіе праздники?... Вы-то какъ надумали?

— Я ничего не надумалъ, и думать-то не о чемъ—возразилъ Кузьмичъ.—Куда добрые люди, туда и я...

— Куда же это?—удивился Евсѣй, заглядывая въ лицо собесѣднику.

— Да туда же, куда и до сихъ поръ ходилъ. Я уже привыкъ: тамъ люди хорошіе, добрые. И опять думаю: лучше такъ-то,—будто и мы такіе же евреи, промежъ нихъ. Опятъ и ребята мои привыкаютъ,—все же лучше, если привыкнутъ съ евреями Богу молиться...

— А мы-то какъ же, дѣдушка, безъ васъ? Мы думали, что у насъ свое будетъ собраніе, а твой Захарій молился бы впереди: онъ такъ славно читаетъ по еврейски. А теперь что же будетъ?—закончилъ печально Евсѣй.

— Нѣтъ, Евсѣюшка, такъ больше не будетъ. Это не порядокъ. Да великъ ли грамотѣй мой Захарій? На мѣдный грошъ вѣдь я его училъ-то. Что онъ знаетъ? И молодъ еще,—какой онъ молельщикъ въ двѣнадцать-то лѣтъ? Да что толку будетъ, что мой Захарій будетъ впереди молиться, одинъ надсажаться, а вы всѣ будете въ молчанку играть,—ни *а* ни *б*? Какое это моленіе?... Да и вотъ что я тебѣ скажу,—продолжалъ Кузьмичъ,—пора ужъ бросить этотъ порядокъ молоканскій: онъ мнѣ не по душѣ. Я вѣдь за еврейскую вѣру сюда пришелъ и буду у евреевъ учиться Богу молиться, и пусть ребята мои привыкаютъ быть евреями.

— Да какъ же, дѣдушка, мы-то будемъ? Посовѣтуй намъ, что дѣлать... Вѣдь мы тоже за одну вѣру пришли въ Сибирь.

— Такъ-то оно такъ, это вѣрно ты сказалъ,—согласился дѣдушка,—а есть разница въ нашихъ сердцахъ и дѣлахъ.

— Да какая же разница?... Я что-то не пойму. Я думаю, что мы такіе же люди.

— Правильно ты сказалъ, что вы тоже люди,—но какіе люди? Не въ обиду вамъ будь сказано, у васъ поступки совсѣмъ другіе, нееврейскіе. Вы вотъ все же состоятельные люди, и ребята у васъ тоже есть, а почему вы ихъ не учите по еврейскому? Вѣдь не худо было бы, если свои будутъ знать.

— Все хорошо, что ты говоришь, дѣдушка. Да когда учить-то? Вѣдь, почитай, всегда на работѣ, да и недохватки въ деньгахъ—оправдывался Евсѣй.

— Что ты мнѣ ни говори, а я все вижу, какъ вы живете—продолжалъ упрекать Кузьмичъ. Вотъ ты говоришь, что вамъ некогда, а ты самъ-то что дѣлаешь?... Чѣмъ бы по кабакамъ

шляться, ты бы самъ работалъ въ полѣ, а ребятишекъ-то поучилъ... И ты еще жалуешься, что недохватки у тебя,—какъ тебѣ это не грѣхъ такъ говорить? Небось, въ кабакѣ хватаетъ на шкалики, поди—рублевъ десять въ мѣсяцъ-то перетаскаешь?... Скажи-ка по правдѣ: ты много разъ видѣлъ меня въ кабакѣ, или моихъ ребятъ, шляющихся по субботамъ съ бабками? [1])... Вотъ оно и выходитъ, что тѣ-же люди, да дѣла у нихъ другія.

Мой дѣдъ замолчалъ. Молчалъ и его собесѣдникъ, потягивая свою трубку. Но какъ будто внезапно озарила его новая мысль,—онъ пытливо посмотрѣлъ на Кузьмича, какъ бы спрашивая его: „насколько, молъ, ты, храбрый, если я скажу тебѣ мою новость?“ И набравшись смѣлости, вдругъ спросилъ:

— А вы, дѣдушка, не слыхали, что исправникъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ,—а что?

— Да вотъ мнѣ пришло на умъ, что молъ, исправникъ здѣсь; а ну-ка онъ узнаетъ, что субботники молятся у евреевъ... Вѣдь засудитъ, я думаю...

— Ну, ужъ этимъ, другъ мой, меня не испугаешь. Что же онъ мнѣ сдѣлаетъ, исправникъ-то?.. Видалъ я и повыше исправника, да не боялся. Вотъ нашелъ, чѣмъ меня испугать—недовольнымъ тономъ произнесъ Кузьмичъ.

— Что ты, дѣдушка? Да я развѣ къ тому, чтобы пужать? Да я такъ, къ слову: молъ, пусть знаетъ, что здѣсь исправникъ.

— Знаю, знаю вашу трусость — упрекнулъ дѣдъ. Вы всегда были трусы, все сзади стояли; но объ насъ-то вы не печальтесь. Я только Бога боюсь, ради его заповѣдей и въ Сибирь пришелъ,— и я-то буду бояться исправника?.. Нѣтъ, другъ мой, я тебѣ повторяю, что я не боюсь постоять за свою вѣру, какъ и прежде не боялся, и дѣтямъ своимъ закажу также отстаивать, и чтобы они своихъ дѣтей научали тому же, чтобы они могли быть безъ стыда среди евреевъ. Это будетъ мое послѣднее слово предъ смертью.

Помолчавъ немного, дѣдушка продолжалъ:

— Ты вотъ тоже читаешь Библію, а знаешь-ли, тамъ въ одномъ стихѣ сказано: „А вы, прилѣпившіеся къ Господу Богу вашему, живы всѣ до нынѣ“. Ну, ты разсуди мнѣ этотъ стихъ, а?... нѣтъ, не знаешь? А я тебѣ скажу. Видишь-ли, въ чемъ дѣло: на свѣтѣ у народовъ много разныхъ вѣръ было, и этихъ вѣръ по немногу не стало, потому что онѣ учили идолопоклон-

[1]) Игра въ бабки (кости).

ству и не постигали Бога живого; а евреи начались отъ самого Авраама и за свою вѣру много страданій перенесли, и вотъ ихняя вѣра и до сихъ поръ живетъ, потому что они прилѣпились къ Богу живому, къ источнику жизни.

Въ это время вышелъ изъ калитки на улицу дѣдушкинъ сынъ, Захарій, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Поклонившись Евсѣю, онъ почтительно остановился въ ожиданіи вопроса. Кузьмичъ прервалъ свою поучительную рѣчь и обратился къ сыну съ вопросомъ: „что скажешь, Захарій?".

— Да вотъ, тятя, къ намъ пришелъ еврейчикъ и просится на праздникъ; такъ я не знаю, что ему сказать.

— Пусть останется; намъ веселѣе будетъ... Да я сейчасъ самъ иду—кряхтя говорилъ дѣдъ, вставая и прощаясь съ Евсѣемъ:

— До свиданія, Евсѣюшка, пусть Богъ запишетъ васъ на хорошій годъ!

— И васъ тоже, дѣдушка Кузьмичъ. И все-таки пойдете молиться къ евреямъ?—добавилъ Евсѣй, вставая.

— Къ евреямъ, къ евреямъ, другъ мой!—торопливо отвѣчалъ старикъ.

— А если мы тоже пойдемъ,—какъ вы посовѣтуете?

— Ну, такъ чтожъ? идите съ Богомъ... не выгонятъ.

Въ этотъ моментъ дѣдушка зашелъ во дворъ, хлопнувъ калиткой, а Евсѣй направился по улицѣ, занятый мыслями о предстоящихъ праздникахъ.

III.

Набравшись храбрости подъ вліяніемъ Федора Кузьмича, къ его компаніи субботниковъ присоединились еще нѣсколько человѣкъ: знакомый намъ Евсѣй, затѣмъ Давидъ, Захаръ и Исай Шишляниковы. Беря примѣръ съ моего дѣда, они начали ходить молиться къ евреямъ. Прошли спокойно въ молитвахъ Рошъ-Гашана, Іомъ-Кипуръ и первые дни Кущей. Наступилъ послѣдній день праздниковъ—„Симхасъ-Тора", день радости о Торѣ у евреевъ.

Въ просторномъ, чистомъ и свѣтломъ помѣщеніи, у восточной стѣны стоялъ „оренъ-койдешъ" (шкафъ со свитками Торы), завѣшанный „порехесами" (занавѣсами); по серединѣ комнаты стоялъ столъ, а все остальное пространство было занято молящимися. Отъ многолюдства было жарко и душно, несмотря на открытое окно.

Среди молящихся выдѣлялась небольшая группа людей, рѣзко отличавшихся отъ большинства прихожанъ-евреевъ какъ по одеждѣ, такъ и по типу лица. Одежда на нихъ была длинная, чуть-ли не до пола, и покроемъ своимъ была похожа на обыкновенный халатъ (между субботниками назывался „капотъ") изъ черной матерiи, безъ кармановъ, съ чернымъ кушакомъ въ поясѣ. Эти люди были похожи и на русскихъ монаховъ, и на евреевъ-хасидовъ; но черты ихъ лицъ свидѣтельствовали объ ихъ русскомъ происхожденiи, и только ермолки на нѣкоторыхъ и накинутые „талесы" нѣсколько сглаживали эту рѣзкость русскаго типа. То были наши субботники.

Послѣ обхода съ Торой вокругъ стола („гакофесъ"), приступили къ молитвѣ „Мусафъ". Тихо и спокойно стоятъ молящiеся. Едва уловимый шопотъ читающихъ молитву, да сдерживаемые вздохи наполняли молельню.

Вдругъ отворяется дверь, и входитъ въ домъ исправникъ съ двумя понятыми. Двое изъ субботниковъ, сильно испугавшись появленiя исправника, выскочили въ отворенное окно и убѣжали, а двое другихъ растерянно сняли шапки; такъ и остались они стоять въ талесахъ, съ молитвенниками въ рукахъ, безъ шапокъ, ожидая дальнѣйшихъ событiй.

Исправникъ, надо полагать, былъ человѣкъ опытный, видавшiй всякiе виды, вдобавокъ сдержанный и умный. Замѣтивъ настроенiе молящихся, онъ нѣкоторое время подождалъ. По окончанiи „шменоэсре", къ исправнику подошелъ „габе" (староста), одинъ изъ видныхъ обывателей села, Яковъ Срулевичъ, съ привѣтствiемъ. Между ними произошло слѣдующее объясненiе:

— Это что у васъ за люди?—спросилъ исправникъ, указывая на субботниковъ, въ особенности на стоявшихъ безъ шапокъ.

— Это здѣшнiе субботники пришли къ намъ молиться—отвѣтилъ габе.

— А почему они стоятъ безъ шапокъ? Развѣ у нихъ такая вѣра, что нужно снимать шапки при молитвѣ?—снова спросилъ исправникъ.

— Нѣтъ, ихъ вѣра этому не учитъ; но испугавшись васъ, сняли шапки—сказалъ смущенно габе.

— А вотъ эти трое въ ермолкахъ, старички, тоже субботники?—продолжалъ допрашивать начальникъ.

— Да, и эти тоже субботники.

— Почему же они не сняли своихъ ермолокъ, а тѣ сняли?—допытывался исправникъ.

Габе не нашелся, что отвѣчать. А исправникъ, чтобы скорѣе покончить съ непріятной сценой, и при томъ не желая мѣшать продолженію молитвы, подошелъ къ моему дѣду и спросилъ его:

— Вы кто такіе, старички?

— Мы—іудействующіе субботники, сосланные за Моисеевы заповѣди изъ Россіи въ Сибирь.

— Хорошо, я понимаю... А вы что за люди?—обратился начальникъ къ стоявшимъ безъ шапокъ.

— Мы тоже субботники—растерянно отвѣтили глупо стоявшіе безъ шапокъ.

— Вотъ что, старички—повелительнымъ тономъ заговорилъ исправникъ. Здѣсь не мѣсто и не время мнѣ разбираться съ вами; какъ только кончите молитву, приходите ко мнѣ на квартиру, и я тамъ съ вами разберусь.

— Ваше высокоблагородіе—обратились къ исправнику мой дѣдъ и его пріятели.—Какъ у насъ сегодня годовой праздникъ, то позвольте намъ ради праздника сходить домой покушать, а послѣ обѣда мы явимся къ вамъ по вашему приказанію.

— Хорошо, старички, вы сходите, отобѣдайте. А вы, болваны, надѣньте свои шапки и сейчасъ идите за мной,—строго обратился начальникъ къ стоявшимъ безъ шапокъ.

И повернувшись къ двери, исправникъ вышелъ, а за нимъ послѣдовали и двое субботниковъ въ удрученномъ состояніи, съ понятыми позади.

IV.

Окончивъ молитву, такъ непріятно прерванную, въ скверномъ непраздничномъ настроеніи, мой дѣдъ, придя домой, сильно волновался и все время упорно молчалъ. Это испортило праздничное настроеніе всей семьи: никто не промолвилъ ни слова во все время обѣда, а спросить о причинѣ такой непріятности никто не осмѣлился. Дѣдушкѣ до того было стыдно за поступокъ собратьевъ, что онъ не хотѣлъ разсказать домашнимъ объ этой непріятной исторіи. Окончивъ трапезу въ угнетенномъ состояніи духа, дѣдъ скоро собрался и вышелъ на улицу. Тутъ онъ дождался своихъ пріятелей, и всѣ они вмѣстѣ отправились на земскую квартиру исправника, обсуждая дорогой предстоящее объясненіе съ начальствомъ.

Придя на земскую квартиру, они тамъ присоединились къ оставшимся безъ обѣда субботникамъ, ожидавшимъ выхода исправника. Мой дѣдъ просилъ доложить о своемъ приходѣ.

Не заставляя долго себя ждать, исправникъ вышелъ къ нимъ на дворъ и весело поздравилъ нашихъ съ праздникомъ.

— Вотъ что, мужички: вы сегодня меня поставили своимъ поступкомъ втупикъ,—я все теряюсь въ догадкахъ, никакъ не могу опредѣлить, въ какой вы вѣрѣ находитесь. Одни изъ васъ сняли шапки во время молитвы, а другіе стояли спокойно и молились. Вотъ я и сомнѣваюсь, всѣ ли вы принадлежите къ еврейской вѣрѣ. Съ этой цѣлью я и позвалъ васъ къ себѣ, чтобы здѣсь на свободѣ я могъ разобраться и узнать, что вы за люди? Вотъ этихъ трехъ старичковъ—продолжалъ исправникъ, указывая на Кузьмича и его пріятелей—я признаю по ихъ поведенію, что они еврейской вѣры, такъ какъ они во время молитвы носили на себѣ еврейскія ризы и ермолки, которыхъ они не сняли, а спокойно молились, какъ подобаетъ по еврейской религіи. А вотъ васъ я не знаю, въ какой вѣрѣ вы находитесь... Вы развѣ тоже іудействующіе субботники?—обратился къ Шишляниковымъ исправникъ.

— Мы тоже субботники, ваше высокоблагородіе,—смущенно отвѣтили они,—но мы васъ испугались и, какъ всегда, по привычкѣ предъ начальствомъ сняли шапки.

— Нѣтъ, мужички, я васъ не понимаю и не могу простить вамъ вашъ испугъ; онъ не достоинъ такихъ людей, какъ вы, которые по убѣжденію приняли еврейскую вѣру и пострадали за нее изгнаніемъ и дальней ссылкой. На мой взглядъ, вы должны ее носить съ достоинствомъ и гордостью, а не со стыдомъ и страхомъ. Какъ вы сегодня поступили, сознаюсь, даже мнѣ было неловко за васъ. Скажите мнѣ, что у васъ сегодня за праздникъ?—задалъ тѣмъ же двумъ вопросъ начальникъ.

— Для чего этотъ праздникъ, мы не знаемъ... мы—малограмотные; только знаемъ, что онъ называется „Симхасъ-Тора".

— Очень сожалѣю объ васъ... Можетъ быть, вы, старички, объясните значеніе этого праздника?—обратился начальникъ къ моему дѣду и его пріятелямъ.

— Этотъ праздникъ—началъ объяснять Исакъ Колесниковъ—называется „Симхасъ-Тора", что значитъ день веселія и радости о Торѣ, Священномъ писаніи, потому что въ этотъ день кончается кругъ чтенія Торы и снова начинаютъ чтеніе сначала, прочитывая въ теченіе года весь свитокъ Торы. Сегодня же кончается праздникъ Кущей.

— Хорошо, я понимаю; но почему же вы не сняли своихъ

ермолокъ предо мной, какъ ваши товарищи?—снова спросилъ исправникъ.

— Позвольте, ваше высокоблагородіе, мнѣ отвѣтить вамъ— выступилъ Кузьмичъ.

— Хорошо, я слушаю, старичекъ.

— Позвольте мнѣ вамъ говорить примѣромъ. Какъ вы образованный человѣкъ, вы сами разсудите нашъ поступокъ. Вотъ, напримѣръ, вы, ваше высокоблагородіе, будете рапортовать предъ своимъ монархомъ, а въ это время войдетъ генералъ, вашъ начальникъ; можете ли вы оставить недоконченнымъ свой рапортъ предъ царемъ для того, чтобы отдать честь своему начальнику, генералу?.. Если бы вы такъ поступили, вы этимъ нанесли-бы большое оскорбленіе высочайшей особѣ и заслужили бы наказанія за несоблюденіе правилъ преданности къ своему государю... И развѣ не разгнѣвался бы на васъ царь, развѣ не отвернулся-бы отъ васъ? Онъ не захотѣлъ-бы больше слушать вашъ недоконченный рапортъ и удалился бы отъ васъ. Теперь посудите: какъ-же я, смертный человѣкъ, стоявшій въ просьбенной молитвѣ предъ Небеснымъ царемъ и строгимъ Судьею, могъ вдругъ бросить свою молитву и отдавать честь земному начальнику, такому же смертному, какъ и я?.. Достойно ли было такъ поступить?..

— Правильно, старичекъ, правильно. Вашъ отвѣтъ мнѣ нравится... хорошо—задумчиво говорилъ исправникъ. Такъ вотъ что, старички: я васъ больше не задерживаю, идите съ Богомъ! Вы достойны носить свою религію, за которую пострадали. Будьте счастливы!.. А вамъ—обратился онъ къ двумъ унижено стоявшимъ субботникамъ—я бы посовѣтовалъ возвратиться вонъ туда, къ тремъ, откуда, я полагаю, вы по ошибкѣ пришли... И при этомъ исправникъ, сложивъ вмѣстѣ три пальца, указалъ по направленію къ церкви,

На этихъ послѣднихъ словахъ исправника мой отецъ, обыкновенно, прерывалъ свой разсказъ. Какія были еще объясненія между исправникомъ и тѣми двумя субботниками, мой дѣдъ ничего не зналъ, такъ какъ онъ вышелъ со своими пріятелями изъ земской квартиры, а тѣ двое остались тамъ.

Дня черезъ три—бывало, добавляетъ мой отецъ къ своему разсказу—къ моему тятѣ (т. е. къ дѣду) зашелъ Давидъ Шишляниковъ и сталъ просить его помочь имъ въ бѣдѣ. Дѣдушка

догадался, въ чемъ состояла эта помощь, и рѣшительно отказалъ, возразивъ:

— Да вы съ какой стати насъ-то примазываете къ себѣ?

— Да послушай, Федоръ Кузьмичъ!.. Вѣдь вы тоже были вмѣстѣ съ нами въ молельнѣ-то!

— Ну былъ, что изъ этого? А развѣ я зналъ, или велѣлъ вамъ шапки снимать?.. Ну, разсуди ты самъ: я стоялъ, накрытый талесомъ, и говорилъ „шменоэсре", и даже не слыхалъ, какъ вошелъ исправникъ, не только что видѣть. Когда я кончилъ молитву, я увидѣлъ только исправника съ габой,—они уже разговаривали; оглянулся на васъ, смотрю и глазамъ не вѣрю: вы стоите безъ шапокъ, какъ истуканы... тьфу, прости Господи!

Послѣ такихъ доводовъ моего дѣда, его проситель, недовольный, не простившись съ нимъ, удалился.

Нѣсколько дней спустя, какъ-то мой дѣдушка отдыхалъ на своей завалинкѣ, а въ это время проходилъ мимо по улицѣ старикъ, отецъ Евсѣя, и не много того... подъ хмѣлькомъ. Желая, должно быть, хвастнуть предъ моимъ дѣдомъ, что, молъ, все гладко сошло и безъ васъ,—онъ сказалъ:

— Не бѣда, Федоръ Кузьмичъ, что на деньгу идё!.. Вотъ бѣда—кто на деньгу не идё!....

М. Козьминъ.

Борьба съ „хаперами".

Въ „Еврейской Старинѣ" помѣщенъ рядъ свѣдѣній о старой рекрутчинѣ и „хаперахъ",—ловцахъ рекрутовъ, подчасъ малолѣтнихъ,—свѣдѣній, освѣщающихъ одну изъ самыхъ печальныхъ и позорныхъ страницъ нашей исторіи. Позволю себѣ дополнить эти данныя преданіями о борьбѣ съ этимъ зломъ, вызывавшимъ иногда отпоръ со стороны еврейскаго населенія и лучшихъ его представителей.

Дѣятельное участіе принималъ въ борьбѣ съ „хаперами" и ихъ покровителями раввинъ-проповѣдникъ Илія бенъ-Веніаминъ Шикъ, извѣстный подъ названіемъ „Элинке-деръ-Лидеръ". Встрѣтившись однажды въ Гроднѣ съ однимъ изъ богачей и главныхъ руководителей еврейской общины города Волковыска, гдѣ отдавали рекрутъ не только за очередной, но и за слѣдующіе годы, онъ категорически потребовалъ отъ него, чтобы злоупотребленія и ловля беззащитныхъ дѣтей были немедленно прекращены. Въ отвѣтъ на отказъ этого очень богатаго и вліятельнаго человѣка, раввинъ угостилъ его двумя звонкими пощечинами. Заправила, пользуясь своими связями, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія губернатора, и рабби Элинке-деръ-Лидеръ былъ посаженъ въ тюрьму. Популярность раввина и ропотъ населенія заставили, однако, главаря волковыской общины хлопотать объ освобожденіи своего оскорбителя.

Въ борьбѣ съ „хаперствомъ" принимали иногда участіе и правдолюбцы изъ народа, которые, не стѣсняясь положеніемъ всесильныхъ „гвиримъ", громили самозванныхъ главарей общинъ и вырывали изъ рукъ привиллегированныхъ „баале-батимъ" ихъ рекрутскую добычу.

Къ разряду этихъ борцовъ принадлежалъ въ м. Ружанахъ, Гродненской губерніи, одинъ бѣдный меламедъ ребъ-Довидъ

Альперштейнъ, имя котораго донынѣ вспоминаютъ на его родинѣ съ прибавленіемъ словъ „блаженной памяти" („оловъ гашолемъ"). Своей преданностью дѣламъ благотворительности, своей неутомимой дѣятельностью по оказанію медицинской помощи бѣднымъ больнымъ, своими заботами о питомцахъ талмудъ-торы, сооруженной лишь благодаря его энергіи, — онъ завоевалъ себѣ симпатію всѣхъ слоевъ населенія, начиная съ бѣдняковъ, обязанныхъ ему воспитаніемъ своихъ дѣтей и своимъ исцѣленіемъ, и кончая богачами, которые въ надеждѣ на дополнительную дозу щедро снабжали его необходимыми для его благотворительныхъ предпріятій суммами. Однажды онъ присутствовалъ на собраніи ( ), гдѣ обсуждался, между прочимъ, вопросъ объ отдачѣ въ рекруты одного изъ пойманныхъ евреевъ. Со времени введенія „зачетныхъ квитанцій" Ружаны, благодаря настойчивости раввина М. Г. Яффе, тратили на пріобрѣтеніе ихъ отъ 4000 до 6000 рублей ежегодно, освобождая этимъ путемъ своихъ сыновей отъ личнаго отбыванія воинской повинности. Но на этотъ разъ рѣчь шла объ отдачѣ въ рекруты одного бѣднаго портного, занимавшагося починками у помѣщиковъ по близости Ружанъ и носившаго прозвище „Лейбечке деръ трейфнякъ" (Лейбочка, ѣдящій „трефное"). Завязался споръ между одной частью собранія, утверждавшею, что Лейбочка все таки „еврейская душа" ( ), которую надо спасти, и другою, доказывавшей, что онъ кушаетъ „тарфесъ", не молится и разъѣзжаетъ по субботамъ. Но это перечисленіе грѣховъ и пренія богачей, расположившихся на стульяхъ и произносившихъ каждое слово съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства, были вдругъ прерваны громовымъ голосомъ ребъ Довида Альперштейна. Схвативъ экземпляръ Пятикнижія и размахивая имъ, онъ воскликнулъ: „Клянусь этой священной книгой ( ), что всякій, кто осмѣлится голосовать за отдачу Лейбочки Трейфняка въ рекруты, поплатится за это жизнью всѣхъ своихъ дѣтей. Вы, толстопузые ( ), не имѣете никакого права распоряжаться участью бѣдныхъ еврейскихъ дѣтей!"—Всѣ растерялись, и, по единогласному рѣшенію участниковъ совѣщанія, была пріобрѣтена „зачетная квитанція", благодаря которой несчастная жертва была вырвана изъ рукъ „хаперовъ".

Изъ случаевъ борьбы родителей кантонистовъ и рекрутовъ съ главарями общинъ мнѣ извѣстенъ слѣдующій типичный фактъ:

Въ 1853 году въ синагогу въ Минскѣ ворвалась одна бѣдная

вдова, у которой сынъ былъ похищенъ, „хаперами“, и заявила, что не допуститъ вынуть свитки Торы изъ кивота, пока не будутъ приняты мѣры къ спасенію несчастной жертвы. Габаи и заправилы сначала растерялись, и на время воцарилось молчаніе. Но смущенію былъ положенъ конецъ однимъ изъ главарей общины. Со свойственнымъ тогдашнимъ кагальникамъ нахальствомъ онъ воскликнулъ: „Это дерзость ( ), что какая-то баба смѣетъ нарушить молитву! Не обращайте на нее вниманія и вынимайте свитокъ Торы!“ Рыдающую мать оттолкнули и приступили къ продолженію богослуженія. Убѣдившись въ своей безпомощности, вдова вернулась къ кивоту и, поднявъ глаза къ небу, воскликнула: „Рибейну шелъ ойлемъ (Владыко міра), Ты гордишься праотцомъ Авраамомъ, который согласился принести въ жертву своего Исаака. Прикажи мнѣ зарѣзать моего единственнаго сына—и я это исполню. Но Ты едва ли могъ бы добиться согласія Авраама на отдачу своего сына для крещенія“... Этотъ упрекъ, обращенный къ Богу, былъ единственнымъ отвѣтомъ несчастной матери на жестокость общинныхъ дѣльцовъ.

Д. Пинесъ.

Матеріалы и Сообщенія.

Гоненія на женскіе головные уборы (1853 г.).

Незадолго до Крымской войны, правительство Николая I объявило войну старомодной еврейской одеждѣ и, между прочимъ, женскимъ головнымъ уборамъ. Было рѣшено добиться наружной ассимиляціи евреевъ путемъ принудительной замѣны традиціонной еврейской одежды одеждою русскаго или нѣмецкаго покроя. „Короткимъ царскимъ указомъ отъ 1-го мая 1850 года было запрещено употребленіе особой еврейской одежды повсемѣстно съ 1-го января 1851 г., причемъ генералъ-губернаторамъ предоставлялось право разрѣшать престарѣлымъ евреямъ за опредѣленную плату донашивать старое платье. Запретъ распространялся и на мужскіе локоны—„пейсы". Черезъ годъ добрались и до женскаго туалета. „Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ запретить женщинамъ-еврейкамъ брить головы при вступленіи въ бракъ (апрѣль 1851)"; позже было разъяснено, что замужняя еврейка за бритье головы штрафуется въ пять рублей, а допустившій это раввинъ предается суду (окт. 1852). Такъ какъ ни евреи, ни еврейки не подчинялись царскимъ указамъ—первые вслѣдствіе приверженности къ обычаю, а послѣднія вслѣдствіе религіознаго запрета ношенія собственныхъ волосъ послѣ замужества (носили головныя повязки или парики), то мѣстныя власти вступили въ борьбу съ ослушниками. Генералъ-губернаторы и губернаторы проявили рвеніе чрезвычайное. Чиновники зорко выслѣживали ослушниковъ и ихъ пособниковъ-раввиновъ и даже цирюльниковъ и цирюльницъ, брившихъ женскія головы. Въ полицейскихъ управленіяхъ подвергали осмотру евреекъ, чтобы убѣдиться, сохранились ли у нихъ волосы подъ париками или повязками. Борьба часто проявлялась въ комическихъ или возмутительныхъ формахъ" [1]).

О томъ, какъ мѣстная администрація осуществляла „предначертанія" высшей власти въ этомъ отношеніи, уже извѣстно изъ нѣкоторыхъ опубликованныхъ документовъ того времени [2]).

---

[1]) Дубновъ. Новѣйшая исторія еврейскаго народа, стр. 525.

[2]) Спеціально о гоненіяхъ на женскій головной уборъ см. статьи Ф. Геца и С. Дубнова въ еженедѣльникѣ „Будущность" 1901 г., №№ 3 и 8.

Нижеслѣдующіе два документа, заимствованные изъ архива Э. Б. Левина [1]), повѣдаютъ намъ нѣчто такое, о чемъ мы до сихъ поръ знали только изъ разсказовъ нашихъ возмущенныхъ бабушекъ. Въ Житомирѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, полиція устраивала форменную „охоту" на замужнихъ женщинъ, прикрывавшихъ наготу своей головы париками и головными повязками, и отравляла имъ существованіе. Полицейскія издѣвательства побудили мѣстнаго раввина и почетнѣйшихъ купцовъ послать жалобу въ Петербургъ, а житомирскія женщины въ особомъ прошеніи на имя мѣстнаго военнаго губернатора взмолились о прекращеніи „военныхъ дѣйствій" противъ нихъ. О результатѣ ходатайствъ въ приводимыхъ ниже документахъ не говорится; но мы знаемъ, что борьба съ еврейскою одеждою, какъ и многія другія репрессіи Николаевской эпохи, была прервана Крымскою войной и наступившею затѣмъ эпохою реформъ.

Ред.

№ 1.

Прошеніе Житомирскаго еврейскаго раввина и почетнѣйшихъ изъ купечества (1853 г.) [2]).

Житомирская градская полиція, не объявляя никакого правительственнаго распоряженія, на основаніи котораго дѣйствуетъ, требуетъ, чтобы еврейскія женщины ходили по улицѣ съ открытыми волосами, и это требованіе сопровождаетъ принужденіями всякаго рода и неслыханными насиліями. Такъ, квартальные надзиратели и будочники срываютъ на улицѣ у евреекъ парики, чепчики и другіе головные уборы; тащутъ ихъ за волосы на съѣзжую или на гауптвахту, выливаютъ имъ на голову нѣсколько ведеръ холодной воды, держатъ ихъ по нѣскольку сутокъ подъ арестомъ и, наконецъ, заставляютъ публично заметать улицы; купчихъ выводятъ съ унизительными насмѣшками и личными оскорбленіями изъ театра за то, что онѣ являются въ парикахъ, а не въ собственныхъ открытыхъ волосахъ. Эти личныя оскорбленія и истязанія, публично причиняемыя слабому полу, женщинамъ, всѣмъ безъ различія, безъ малѣйшаго уваженія на лѣта и состояніе, имѣли весьма жестокія слѣдствія: нѣкоторыя изъ нихъ отъ стыда и испуга сильно заболѣли и приплатили здоровьемъ, а можетъ быть и жизнью приплатятъ за соблюденіе своего закона, не совершивъ никакого гражданскаго преступленія.

Законъ еврейскій рѣшительно воспрещаетъ женщинѣ обнаруживать свои волосы; и въ этомъ мы видимъ явную милость

---

[1]) Архивъ Евр. Историко-Этн. О-ва, кн. № 67, стр. 52—55 и 65—68.

[2]) Въ архивномъ документѣ и въ описи не указано, кому адресовано прошеніе, но изъ одного выраженія въ текстѣ видно, что прошеніе послано въ Петербургъ, на имя „его сіятельства, предсѣдательствующаго въ Комитетѣ объ устройствѣ евреевъ", т. е. графа Киселева.

Государя Императора, Всемилостивѣйшаго Монарха нашего, что онъ въ Высочайшемъ повелѣніи своемъ, распубликованномъ 12-го апрѣля 1851 года, запретилъ еврейскимъ женщинамъ только брить головы, не повелѣвая однако ходить по улицѣ съ открытыми волосами,—значитъ: Его Величество не желаетъ, чтобы мы нарушили свой законъ. Мы свято исполняемъ Высочайшую волю: всѣ наши женщины носятъ волосы, не бреются и не стригутся [1]), но, выходя на улицу, закрываютъ ихъ париками или другимъ головнымъ уборомъ, не представляющимъ никакого различія отъ мѣстныхъ христіанскихъ женщинъ равнаго состоянія.

Съ другой стороны, чтобы судить о несправедливости Житомирской полиціи, должно обратить вниманіе на другое Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее въ 19 день августа 1852 года, коимъ повелѣно: съ евреекъ, которыя вопреки воспрещенія будутъ брить себѣ головы, взыскивать штрафъ по 5 р. сер. Такъ за преступленіе Высочайшей своей воли Государь Императоръ опредѣлилъ только денежный штрафъ, а Житомирская градская полиція, принуждая нашихъ женщинъ нарушать свой законъ, подвергаетъ ихъ за неисполненіе ея произвола, безъ суда, публичнымъ оскорбленіямъ и истязаніямъ, какимъ не подвергается никакой преступникъ и какимъ въ уложеніи о наказаніяхъ даже нѣтъ наименованія; еще больше—полиція, публично оскорбляя женщинъ, сама совершаетъ уголовныя преступленія для предупрежденія дѣйствій, которыя ни въ какомъ законѣ, ни въ какомъ указѣ даже простымъ проступкомъ не именуются.

Чрезвычайно затруднительное наше положеніе не представляетъ намъ другого средства, какъ только пребѣгнуть подъ защиту и покровительство Вашего сіятельства, какъ предсѣдательствующаго Комитета объ устройствѣ евреевъ, и всепокорнѣйше просить о сдѣланіи зависящаго распоряженія на счетъ прекращенія произвольныхъ требованій Житомирской градской полиціи, не основанныхъ на точномъ смыслѣ Высочайшаго повелѣнія, распубликованнаго въ Указѣ Правительствующаго Сената 12-го апрѣля 1851 года, и охраненія насъ на-предь отъ насильственныхъ принужденій и истязаній, которымъ женщины наши подвергаются за соблюденіе своего закона, Всеавгустѣйшимъ Монархомъ и Правительствомъ ограждаемаго.

№ 2.

Прошеніе Житомирскому Военному Губернатору отъ житомирскихъ еврейскихъ женщинъ (1853 г.).

По случаю притѣсненій, чинимыхъ намъ Житомирской градской полиціею при исполненіи Высочайшаго повелѣнія на счетъ

[1]) Это было вѣрно лишь отчасти: брили волосы не всѣ замужнія женщины (болѣе всего старухи соблюдали этотъ обычай), стригли же волосы тогда всѣ женщины съ момента выхода замужъ, когда отрѣзывались дѣвичьи косы. Въ позднѣйшее время участились отступленія отъ обычая.

запрещенія еврейскимъ женщинамъ брить головы, и неосновательныхъ требованій, чтобы еврейскія женщины ходили по улицѣ съ открытыми волосами,—притѣсненій, сопровождаемыхъ оскорбленіями и истязаніями, какимъ не подвергается никакой преступникъ и какимъ въ Уложеніи о наказаніяхъ нѣтъ даже наименованія,—находимся вынужденными пояснить слѣдующее:

Покойный житомирскій еврейскій раввинъ, Рувинъ Майзлишъ, одинъ изъ ученѣйшихъ и почтеннѣйшихъ раввиновъ въ нашей губерніи, мнѣніе котораго всегда безпрекословно разрѣшало всѣ недоразумѣнія и споры въ дѣлахъ, относящихся до еврейской религіи, объявилъ намъ и передъ смертью подтвердилъ: „что законъ еврейскій рѣшительно воспрещаетъ женщинѣ обнаруживать свои волосы, что даже христіанкамъ замужнимъ по закону христіанскому запрещено ходить съ открытыми волосами, и что Государь Императоръ въ Высочайшемъ повелѣніи своемъ, распубликованномъ 12-го апрѣля 1851 года, запретилъ еврейскимъ женщинамъ только брить головы, не повелѣвая, однако, ходить по улицѣ съ открытыми волосами,—значитъ: Его Величество, Всемилостивѣйшій Монархъ нашъ, который никогда не заставлялъ своихъ вѣрноподданныхъ переступать законъ какой бы ни было религіи, не желаетъ, чтобы мы нарушили свои религіозныя постановленія“.—Слѣдуя убѣжденію покойнаго нашего законотолкователя, мы свято исполняемъ Высочайшую волю: всѣ мы носимъ волосы, не брѣемся и не стрижемся [1]), но выходя на улицу, закрываемъ ихъ (волосы) париками или другимъ головнымъ уборомъ, не представляющимъ никакого отличія отъ мѣстныхъ христіанскихъ женщинъ равнаго состоянія.

Хотя въ объявленномъ, по распоряженію Вашего Превосходительства, циркулярѣ г. исправляющаго должность Генералъ-Губернатора, вышеозначенное Высочайшее повелѣніе истолковано въ томъ смыслѣ, что еврейскія женщины должны непремѣнно ходить по улицѣ съ открытыми зачесанными волосами; но мѣры, предписанныя мѣстному начальству къ употребленію въ этомъ отношеніи, ограничиваются однимъ только внушеніемъ, но о насиліи и принужденіи не сказано ни слова. Между тѣмъ, Житомирская градская полиція не только употребляла, но и теперь употребляетъ насильственныя мѣры, чтобы заставить насъ обнаружить свои волосы. И тогда, какъ Государь Императоръ, въ Высочайшемъ повелѣніи, послѣдовавшемъ въ 19 день августа 1852 года, за преступленіе Высочайшей своей воли опредѣлилъ только денежный штрафъ въ 5 р. сер., долженствующій взыскиваться съ евреекъ, которыя, вопреки воспрещенія, будутъ брить себѣ головы, здѣшняя полиція подвергаетъ насъ за неисполненіе неосновательныхъ ея требованій, публичнымъ оскорбленіямъ, срывая на улицѣ парикъ, чепчики и другіе головные уборы, обливъ головы нѣкоторыхъ изъ насъ на съѣзжей холодною водою и помоями, продержавъ нѣкоторыхъ подъ арестомъ и заставивъ

---

[1]) См. примѣчаніе на стр. 401.

публично заметать улицы. Отъ этихъ публичныхъ оскорбленій, причиняемыхъ слабому полу, безъ уваженія на лѣта и состояніе, нѣкоторыя изъ насъ со стыда и испуга сильно заболѣли и приплатили здоровьемъ за соблюденіе своего закона, не совершивъ никакого преступленія. Сверхъ того означенныя дѣйствія здѣшней полиціи, заставляя насъ выйти на улицу, прекратили обыкновенныя наши занятія, разстроили нашу торговлю и имѣли весьма вредное вліяніе на благосостояніе еврейскаго народонаселенія въ Житомирѣ.

Для того принимаемъ смѣлость всепокорнѣйше просить Ваше Превосходительство, изъ состраданія къ плачевному состоянію евреевъ въ г. Житомирѣ, бывшаго слѣдствіемъ слишкомъ строгихъ мѣръ, принятыхъ мѣстнымъ начальствомъ для приведенія въ исполненіе уже давно нами исполненнаго Высочайшаго повелѣнія: не оставьте предписать Житомирской градской полиціи о прекращеніи этихъ мѣръ принужденія и насилія, а при исполненіи циркуляра г. исправляющаго должность Генералъ-губернатора ограничиться буквальнымъ его смысломъ, т. е. внушеніемъ.

Печатное дѣло конца XVIII и начала XIX вѣка.

16-го октября 1802 года министръ народнаго просвѣщенія. графъ П. В. Завадовскій обратился къ министру юстиціи Г. Р. Державину съ предложеніемъ собрать свѣдѣнія о типографіяхъ, надзоръ за которыми переданъ былъ тогда министерству народнаго просвѣщенія. 28-го ноября министръ юстиціи отправилъ графу Завадовскому вытребованную имъ изъ канцеляріи Правительствующаго Сената записку обо всѣхъ казенныхъ и частныхъ типографіяхъ съ обозначеніемъ, на какомъ основаніи были онѣ учреждены.

Въ томъ же 1802 году, 23-го ноября, гр. Завадовскій разослалъ циркуляръ 40 военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ, а также попечителямъ учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго, Харьковскаго, Московскаго, Дерптскаго, Казанскаго и Виленскаго, съ приложеніемъ „записки, по которой нужно доставить свѣдѣнія о типографіяхъ“. Опросные пункты гласили: 1) Есть ли въ губерніи вольныя типографіи, въ какихъ именно городахъ и сколько? 2) Въ которомъ году онѣ заведены, кѣмъ и съ чьего позволенія? 3) Какія даны имъ при заведеніи привилегіи? 4) Кто ихъ настоящій содержатель? 5) На какихъ языкахъ производится печатаніе? 6) Какія именно книги и ландкарты отпечатаны были въ типографіяхъ со времени ихъ заведенія? [1]). Изъ отвѣтовъ на эти вопросы мы заимствуемъ здѣсь лишь то, что относится къ еврейскимъ типографіямъ того времени. Изъ этихъ оффи-

---

[1]) Записка помѣщена въ малораспространенномъ „Сборникѣ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія“, Спб. 1897. Т. II, стр. 59—138.

ціальныхъ свѣдѣній видно, что еврейскія типографіи существовали въ слѣдующихъ мѣстахъ:

I. Въ Подольской губерніи:

1) Въ м. Межиричьѣ, Литинскаго уѣзда, существуетъ съ 1787 г. типографія, основанная Михелемъ Дувидовичемъ, съ разрѣшенія помѣщика Орловскаго. Книги печатаются только на еврейскомъ языкѣ.

2) Тамъ же, съ 1787 года существуетъ еврейская типографія, содержимая евреемъ Хаскелемъ Шейваховичемъ, съ разрѣшенія помѣщика Орловскаго.

3) Въ Яновѣ. Въ 1801 г. типографія открыта евреемъ Хаимомъ Гершковичемъ. Книги печатаются только на еврейскомъ языкѣ.

4) Въ Миньковцахъ, Ушицкаго уѣзда. Заведеніе существуетъ съ 1792 г., съ разрѣшенія помѣщика Мархоцкаго, но съ 1798 по 1802 г. была закрыта; содержитъ еврейка Эстерка Мошкова; печатаетъ только на еврейскомъ языкѣ.

5) Тамъ-же. Заведеніе существуетъ съ 1802 года, основано Мордкою Шельваховичемъ съ разрѣшенія помѣщ. Мархоцкаго.

II. Въ Волынской губерніи:

1) Въ Луцкѣ типографія существовала съ 1787 года, заведена Луцкимъ Доминиканскимъ кляшторомъ по привилегіи, данной польскимъ королемъ въ 1783 г., „которой предоставлено на разныхъ языкахъ печатаніе“. Печатаніе производится на языкахъ: россійскомъ, латинскомъ, французскомъ, еврейскомъ и польскомъ. Въ 1803 г. случился въ Луцкѣ пожаръ, и потому не имѣется свѣдѣній, какія были напечатаны книги.

2) Въ м. Полонномъ съ 1788 г. заведена евреемъ Шмулемъ Берковичемъ типографія, которая печатаетъ только на еврейскомъ языкѣ.

3) Въ Острогѣ съ 1792 г. заведена типографія мѣстными мѣщанами, евреями Шмулемъ Берковичемъ и Арономъ Іосіовичемъ, съ разрѣшенія владѣльца города, референдаря Малаховскаго. Печатаются книги лишь на еврейскомъ языкѣ для „богомоленія“, съ разрѣшенія Рижской цензуры.

4) Въ м. Славутѣ, Заславскаго уѣзда, съ 1790 года заведена типографія евреемъ Мошкомъ Пинсаховичемъ, съ разрѣшенія владѣльца мѣстечка, кн. Сангушко; книги печатаются только на еврейскомъ языкѣ.

5) Въ м. Корцѣ, Новоградъ-Волынскаго повѣта, съ 1790 г. заведена евреемъ Шмулемъ Берковичемъ еврейская типографія.

6) Въ Дубнѣ съ 1802 г. заведена типографія княземъ Любомирскимъ и нынѣ (1804 г.) содержится Дубенскимъ мѣщаниномъ евреемъ Іонасомъ Якубовичемъ. Книги печатаются только на еврейскомъ языкѣ.

7) Въ Житомирѣ, съ 1803 г., заведена типографія Новоградъ-Волынскимъ мѣщаниномъ, евреемъ Гершкомъ Шимано-

вичемъ, съ разрѣшенія Губернскаго Правленія. Печатаются только еврейскія книги.

8) Тамъ же, съ 1803 г. заведена типографія Янкелемъ Абрамовичемъ—еврейская.

Кіевскій губернаторъ увѣдомляетъ, что въ Кіевской губ., въ уѣздномъ городѣ Махновкѣ, частная типографія принадлежитъ Московскому купцу Селезнику; заведена въ 1796 г., печатаются книги на языкахъ: русскомъ, латинскомъ, польскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и еврейскомъ. Объ этой Махновской типографіи А. А. Чарторыйскій упоминаетъ въ своей „окружной вѣдомости о типографіяхъ Виленскаго округа", отправленной 24-го августа 1804 года гр. Завадовскому, говоря, что въ ней книги печатаются на языкахъ „еврейскомъ, польскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ; изданы нѣкоторыя молитвенныя и учебныя книги; содержитъ купецъ 3-ей гильдіи Семенъ Селезневъ" [1]).

Сообщ. Я. Берлинъ.

Еврейскій вопросъ при введеніи питейной монополіи.

Всеподданнѣйшій докладъ С. Ю. Витте (1894 г.).

До сихъ поръ еще не изслѣдованъ тотъ громадный экономическій переворотъ, который вызванъ въ еврейской жизни введеніемъ казенной питейной монополіи въ „чертѣ осѣдлости", въ концѣ минувшаго вѣка. Скверное наслѣдіе старой Польши (пропинація), шинкарство занимало центральное мѣсто въ хозяйственной жизни евреевъ городскихъ и сельскихъ. Оно составляло такое же безобразное пятно на экономическомъ бытѣ польско-русскаго еврейства, какъ нѣкогда ростовщичество—на бытѣ дореформеннаго западнаго еврейства. При нормальномъ разрѣшеніи еврейскаго вопроса въ Россіи путемъ гражданской эмансипаціи, шинкарство—какъ результатъ ограниченности еврейскихъ профессій—само собою сократилось бы; но такое рѣшеніе вопроса было невозможно въ царствованіе Александра III. Еврею-шинкарю суждено было умереть не естественною, а насильственною смертью, и виновникомъ его гибели былъ тогдашній министръ финансовъ С. Ю. Витте.

---

[1]) Къ этимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ слѣдуетъ добавить, что большая часть указанныхъ здѣсь типографій принадлежала хасидамъ. Въ нихъ печатались почти исключительно произведенія расцвѣтшей тогда литературы цадиковъ, какъ для употребленія въ Россіи, такъ и въ зарубежной Польшѣ (австрійское правительство въ то время запретило печатаніе хасидскихъ книгъ въ Галиціи). Многія хасидскія книги въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка напечатаны въ этихъ нарочно для того заведенныхъ типографіяхъ въ такихъ мѣстечкахъ, какъ Межировъ, Межиричъ, Корецъ, Полонное и т. п. Часто шрифтъ временно перевозился изъ одного города въ другой, и это означало „заведеніе" новой типографіи.

Ред.

Задумавъ питейную реформу, въ смыслѣ государственной монополизаціи продажи питей, Витте встрѣчалъ многочисленныя препятствія въ ея проведеніи со стороны вліятельнаго дворянства и купечества, заинтересованныхъ въ сохраненіи вольной винной торговли. Закономъ 6-го іюня 1894 г. питейная монополія была введена лишь въ видѣ опыта въ 4-хъ внутреннихъ губерніяхъ (Самарская, Пермская, Уфимская, Оренбургская). Черезъ мѣсяцъ послѣ изданія этого закона Витте, желая ускорить осуществленіе своей реформы, представилъ царю докладную записку, въ которой убѣждалъ его въ необходимости немедленно ввести монополію въ западныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ реформа будетъ имѣть не только важное фискальное значеніе, но и еще болѣе важное экономическое, такъ какъ она положитъ конецъ „еврейской эксплуатаціи" надъ крестьянами, связанной главнымъ образомъ съ шинкарствомъ. Не будучи юдофобомъ по профессіи, Витте тутъ воспользовался еврейскимъ вопросомъ только какъ средствомъ для проведенія своей финансовой политики. Зная настроеніе высшихъ сферъ, онъ понималъ, что комбинація „еврей" и „водка" въ надлежащемъ освѣщеніи можетъ произвести здѣсь большой эффектъ. И онъ въ своемъ докладѣ не пожалѣлъ красокъ для изображенія ужасовъ еврейскаго шинкарства и „еврейской эксплуатаціи" вообще. Цѣль была достигнута: императоръ Александръ III тотчасъ повелѣлъ (11-го іюля 1894 г.) приступить къ подготовительнымъ работамъ по введенію питейной монополіи въ чертѣ еврейской осѣдлости, и въ ближайшіе годы (1895—1896)—уже въ новое царствованіе—монополія была введена въ 12 западныхъ губерніяхъ.

Общая идея этого доклада была извѣстна еврейскимъ общественнымъ дѣятелямъ той эпохи, но самый докладъ—насколько намъ извѣстно—еще нигдѣ не былъ опубликованъ. Воспроизводимъ его здѣсь по копіи, хранящейся въ архивѣ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

Ред.

О приступѣ къ подготовительнымъ работамъ по введенію казенной продажи питей въ чертѣ еврейской осѣдлости.

„Изъ всѣхъ сторонъ экономической дѣятельности евреевъ одною изъ зловреднѣйшихъ представляется еврейская торговля питіями. Какъ удостовѣряютъ труды губернскихъ комиссій по еврейскому вопросу, учрежденныхъ послѣ бывшихъ въ 1881 г. безпорядковъ, питейная торговля въ рукахъ евреевъ является однимъ изъ самыхъ сильныхъ и вѣрныхъ средствъ для эксплуатаціи населенія, въ особенности сельскаго, причемъ главное зло заключается не столько въ продажѣ недоброкачественнаго вина, сколько въ томъ обстоятельствѣ, что эта торговля почти всегда соединяется со всевозможнаго рода ростовщичествомъ—этимъ излюбленнымъ занятіемъ еврейскаго племени. Еврейскій шинокъ въ деревнѣ служитъ центромъ, около котораго группи-

руются всѣ виды хищнической дѣятельности евреевъ и изъ котораго развратъ и разореніе вносятся въ среду мѣстныхъ крестьянъ.

„Громадный вредъ, наносимый евреями-шинкарями, давно уже обратилъ на себя вниманіе правительства, и для уменьшенія зла евреямъ было воспрещено производить торговлю виномъ не въ собственныхъ домахъ и не на собственной землѣ. Къ сожалѣнію, мѣры эти не принесли ожидаемой пользы и повели къ умноженію мѣстъ тайной и подъименной торговли виномъ. Борьба съ безпатентной торговлей очень затрудняется тѣмъ, что постоянно пріучаемые къ пьянству и деморализируемые крестьяне сами нерѣдко прикрываютъ евреевъ, показывая на судѣ, даже подъ присягою, что привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ шинкари водкою не торгуютъ.

„При такомъ положеніи дѣла борьба съ шинкарствомъ путемъ новыхъ ограниченій правъ евреевъ по производству питейной торговли или посредствомъ полнаго запрещенія имъ этой торговли едва ли принесетъ существенную пользу. Конечно, выселивъ всѣхъ евреевъ изъ селъ и деревень, какъ предлагаютъ нѣкоторые губернаторы, можно было бы положить предѣлъ эксплуатаціи крестьянскаго населенія со стороны шинкарей; но такая мѣра какъ поголовное принудительное выселеніе нѣсколькихъ милліоновъ евреевъ, разсѣянныхъ нынѣ по селамъ и деревнямъ Западной Россіи [1]), представила бы почти непреодолимыя затрудненія. Не говоря уже о недостаточности полицейскихъ средствъ, большинство еврейскаго населенія, по своей бѣдности, не моглобы переселиться безъ матеріальнаго содѣйствія со стороны правительства; затѣмъ многіе евреи, живущіе десятки лѣтъ въ селеніяхъ, лишились бы значительной части своего имущества, другіе могли бы въ конецъ разориться, а одновременно съ нарушеніемъ имущественныхъ интересовъ евреевъ пострадали бы и интересы мѣстныхъ жителей, связанныхъ съ евреями самыми разнообразными отношеніями.

„Другая намѣченная въ томъ-же направленіи мѣра—это постепенное выселеніе евреевъ изъ среды сельскаго населенія посредствомъ удаленія тѣхъ изъ нихъ, которые, путемъ достиженія совершеннолѣтія для мужчинъ и выхода въ замужество для женщинъ, должны быть признаваемы выбывшими изъ состава данной семьи. Конечно, осуществленіе этой мѣры не сопряжено съ такими практическими затрудненіями какъ въ предыдущемъ случаѣ, и неуклонное проведеніе ея въ жизнь привело-бы къ полному исчезновенію евреевъ изъ селъ и деревень, но подобный результатъ можетъ быть достигнутъ лишь въ довольно отдаленномъ будущемъ, когда вымрутъ всѣ тѣ лица, которыхъ не

---

[1]) Явная статистическая несообразность: и до и въ особенности послѣ изданія „временныхъ правилъ“ 1882 г., число евреевъ въ деревняхъ въ 15 западныхъ губерніяхъ (кромѣ Польши) едва-ли достигало даже полу-милліона. *Ред.*

коснется удаленіе. Въ ближайшіе же годы и даже десятилѣтія положеніе дѣлъ мало измѣнилось бы къ лучшему, и мѣстное крестьянское населеніе попрежнему оставалось бы подъ гнетомъ еврейской эксплуатаціи, быть можетъ еще болѣе ожесточенной вслѣдствіе того раздраженія, которое должны вызывать постоянно повторяющіяся еврейскія выселенія. Это состояніе хроническаго многолѣтняго гоненія, которому подверглось-бы еврейское населеніе деревень, представляется также однимъ изъ немаловажныхъ неудобствъ разсматриваемой мѣры. Къ сказанному надо добавить, что наполненіе евреями городовъ и мѣстечекъ явилось бы новымъ бѣдствіемъ для сихъ поселеній, и безъ того обремененныхъ излишнимъ еврейскимъ населеніемъ.

„Казалось бы, что въ дѣлѣ разрѣшенія еврейскаго вопроса первенствующее мѣсто должно быть отдаваемо не столько мѣрамъ ограничительнымъ и запретительнымъ, сколько мѣрамъ органическимъ, охраняющимъ, съ одной стороны, коренное населеніе отъ еврейской эксплуатаціи, а съ другой—подымающимъ нравственный уровень еврейства и ослабляющимъ его узко-племенную и религіозную обособленность. Не касаясь другихъ мѣропріятій въ этомъ отношеніи, по поводу которыхъ, согласно желанію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, я сообщу ему мои соображенія въ особой запискѣ, и ограничиваясь лишь однимъ вопросомъ о борьбѣ съ еврейскимъ шинкарствомъ, я полагаю, что наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для устраненія пагубнаго вліянія еврейской питейной торговли было бы введеніе въ губерніяхъ, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости, казенной продажи питей.

„Вопросъ о введеніи въ Россіи казенной продажи питей возникалъ уже и въ прежнее время, но бывшіе Министры Финансовъ отступали передъ этимъ преобразованіемъ—вѣроятно, въ виду громадности и сложности задачи, а равно явнаго недовѣрія къ новой системѣ, донынѣ проявляющагося въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Будучи, однако, твердо убѣжденъ, что только введеніе казенной питейной монополіи можетъ положить конецъ тому, что называется народнымъ пьянствомъ, и всѣмъ гибельнымъ для Россіи послѣдствіямъ, отъ сего происходящимъ, и что преобразованіе сіе должно составить одинъ изъ благодѣтельнѣйшихъ актовъ славнаго царствованія Вашего Императорскаго Величества—я, съ соизволенія Вашего Величества, съ самаго вступленія моего въ Министерство началъ заниматься и проводить это дѣло. При этомъ я нисколько не скрываю отъ себя трудности задачи, затрагивающей самые разнообразные интересы и проникающей въ самую глубь народной жизни. Весьма вѣроятно, что дѣло это вызоветъ нѣкоторыя частныя неудачи—потребуетъ дополнительныхъ постановленій; но я твердо вѣрю, что въ концѣ концовъ могутъ и должны быть преодолѣны эти частныя затрудненія для достиженія чрезвычайно важнаго конечнаго результата.

„Въ нынѣшнемъ году Государственный Совѣтъ положилъ мнѣніемъ, удостоившимся Высочайшаго Вашего Императорскаго Вели-

чества утвержденія, ввести казенную продажу питей, начиная съ 1895 года, въ видѣ опыта, въ 4-хъ заволжскихъ губерніяхъ— Самарской, Уфимской, Оренбургской и Пермской. При обсужденіи этого вопроса Государственный Совѣтъ призналъ, что успѣхъ указанной мѣры прежде всего зависитъ отъ основаній и условій ея примѣненія, а эти условія лучше всего могутъ быть выработаны именно опытнымъ путемъ, такъ какъ только этимъ способомъ можно придти къ убѣжденію—будетъ ли правильной постановкой казенной продажи вина достигнута желаемая цѣль, то-есть уменьшеніе пьянства и улучшеніе народной нравственности, хотя бы съ пожертвованіемъ нѣкоторыхъ фискальныхъ интересовъ.

„Безспорно, опытъ долженъ дать драгоцѣнныя указанія. Но эти указанія будутъ имѣть значеніе собственно для выясненія тѣхъ или другихъ подробностей въ дѣлѣ организаціи казенной продажи питей и никоимъ образомъ не поколеблютъ самый принципъ реформы, которая есть единственная мѣра, могущая поставить на правильныя основанія питейную торговлю въ Россіи.

„Главные результаты опыта окажутся особенно полезными при послѣдующемъ устройствѣ казенной винной продажи питей въ губерніяхъ великороссійскихъ, которыя находятся въ болѣе или менѣе однородныхъ условіяхъ съ тѣми мѣстностями, гдѣ нынѣ производится опытъ. Поэтому, можетъ быть, и слѣдуетъ повременить введеніемъ реформы въ этихъ губерніяхъ до полученія опытныхъ указаній. Иначе стоитъ дѣло въ западной окраинѣ Имперіи. Для этой окраины результаты предпринятаго опыта не могутъ имѣть существеннаго значенія, въ виду тѣхъ крупныхъ различій въ хозяйственномъ и бытовомъ складѣ жизни, какія замѣчаются между Востокомъ и Западомъ Европейской Россіи. А затѣмъ—и это главное—большая настоятельность питейной реформы въ западныхъ губерніяхъ обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь съ нею связываются не только экономическія задачи, но весьма важный политическій вопросъ, а именно устраненіе одного изъ самыхъ вредныхъ видовъ эксплуатаціи кореннаго населенія со стороны чуждой еврейской національности. Этотъ вопросъ давно уже поставленъ на очередь и ждетъ своего разрѣшенія. Нѣтъ сомнѣнія, что казенная питейная монополія дастъ возможность совершенно изъять торговлю питіями изъ рукъ евреевъ, и такимъ образомъ послужитъ рѣшительнымъ шагомъ на пути къ освобожденію мѣстнаго христіанскаго населенія изъ-подъ еврейской зависимости; и чѣмъ скорѣе будетъ устроена казенная продажа питей, тѣмъ больше выиграетъ населеніе. Въ виду именно этой стороны предмета, по моему убѣжденію, представляется крайне желательнымъ безъ замедленія приступить къ введенію реформы въ губерніяхъ, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости.

„Повергая изложенныя соображенія на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, пріемлю долгъ всеподданнѣйше испрашивать, не благоугодно-ли будетъ Вашему

Величеству повелѣть мнѣ немедленно приступить къ подготовительнымъ работамъ по введенію казенной продажи вина въ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ, дабы ввести оную въ возможной скорости".

Подпись (*С. Ю. Витте*).

На поляхъ доклада въ началѣ имѣется высочайшая отмѣтка: „Читалъ. Петергофъ, 11-го іюля 1894 г.". А въ концѣ—помѣтка: „С—ъ" (Согласенъ) съ тою же датою.

29-го іюля 1894 г. Витте представилъ царю краткій докладъ о подготовительныхъ работахъ по введенію питейной монополіи. Докладъ начинается такъ: „Ваше Императорское Величество по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 11-й день іюля сего года, Высочайше повелѣть соизволили немедленно приступить къ подготовительнымъ работамъ по введенію казенной продажи вина въ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ, дабы ввести оную въ возможной скорости. Во исполненіе сей Высочайшей воли, къ производству подготовительныхъ работъ по учрежденію казенной продажи вина въ губерніяхъ, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости, будетъ приступлено съ августа 1894 года".

Изъятіе города Ялты изъ черты еврейской осѣдлости.

Докладъ Таврическаго губернатора (1892).

Указомъ Александра III отъ 23-го іюля 1893 года городъ Ялта былъ изъятъ изъ черты осѣдлости евреевъ. Разрѣшено было оставаться тамъ только тѣмъ евреямъ, которые были приписаны къ мѣстнымъ обществамъ, и лицамъ, пользующимся привилегіей повсемѣстнаго жительства; прочіе, хотя бы и давно осѣвшіе тамъ, должны были въ опредѣленный срокъ покинуть Ялту. Изъ нижеприводимаго всеподданнѣйшаго доклада Таврическаго губернатора [1]) мы узнаемъ, что еще задолго до этой „гзейры" мѣстная администрація предприняла походъ противъ евреевъ. Въ своемъ отчетѣ за 1891 годъ губернаторъ доносилъ, что Ялта наполняется евреями, что, составляя $^1/_7$ часть населенія, они почти сравнились количественно съ православнымъ населеніемъ, что это въ близкомъ будущемъ грозитъ превратить Ялту, близкую къ царской осенней резиденціи, „въ чисто-еврейскій городъ". Тотъ же губернаторъ пришелъ въ ужасъ отъ того, что при городскихъ выборахъ на четырехлѣтіе 1892—1896 г. въ число гласныхъ городского управленія попало много евреевъ, и, по его донесенію, министръ внутреннихъ дѣлъ исходатайствовалъ въ началѣ 1892 г. особое высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ выборовъ и продленіи срока „службы" прежняго состава гласныхъ до изданія новаго Городового Положенія (іюнь 1892), лишившаго евреевъ совершенно избирательныхъ правъ.

Ред.

[1]) Копія въ архивѣ Еврейскаго Историко-Этнографическаго общества.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета за 1891 г. о состояніи Таврической губерніи.

„Обращающимъ на себя вниманіе фактомъ является въ послѣднее время явно усиливающійся наплывъ евреевъ въ г. Ялту. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что, при возведеніи бывшаго м. Ялты въ уѣздный городъ въ 1837 г., она была заселена чинами греческаго Балаклавскаго баталіона и немногими купцами; въ 1843 г. населеніе Ялты состояло изъ 850 душъ, въ числѣ коихъ было 138 евреевъ.

„По переписи, произведенной полиціею въ декабрѣ мѣсяцѣ 1890 г., населеніе Ялты состояло изъ 5.858 душъ всѣхъ національностей, въ томъ числѣ евреевъ 887 душъ, что составляетъ 1/7 часть всего населенія и почти равную населенію православнаго исповѣданія.

„Затѣмъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ истекшаго года, по моему распоряженію, вновь была произведена перепись еврейскаго населенія Ялты, причемъ оказалось, что населеніе это достигло 1.354 душъ, т. е. увеличилось въ теченіе 11 мѣсяцевъ на 467 душъ, тогда какъ населеніе Ялты другихъ національностей осталось приблизительно то же, что и въ 1890 г. Несомнѣнно, что при столь сильной прогрессіи заселенія евреями Ялты, съ ея живописнѣйшими окрестностями и многопсѣщаемымъ курортомъ, окруженной дворцами и имѣющей счастье служить иногда мѣстопребываніемъ Императорской фамиліи, (ей) грозитъ опасность превратиться въ недалекомъ будущемъ въ чисто-еврейскій городъ; это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что, заселяя Ялту, евреи стараются пріобрѣтать недвижимую собственность, такъ что и теперь болѣе 20 домовъ и дачъ въ главныхъ лучшихъ частяхъ города принадлежитъ евреямъ.

„При этомъ нельзя не замѣтить, что уже и въ настоящее время въ значительной степени проявило себя пагубное и подавляющее вліяніе еврейскаго элемента не только въ торговлѣ и вообще въ жизни, но даже въ дѣлахъ Ялтинскаго городскаго самоуправленія. Послѣднее наглядно выразилось при происходившихъ городскихъ выборахъ на четырехлѣтіе 92—96 годовъ, результатъ которыхъ далъ такое преобладающее количество гласныхъ изъ евреевъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ испросить соизволенія Вашего Императорскаго Величества на отмѣну выборовъ и продленіе срока службы настоящаго состава думы до изданія новаго городоваго положенія.

„Въ виду того, что единственнымъ средствомъ оградить Ялту отъ предстоящей ей, такимъ образомъ, перспективы — всецѣло попасть въ руки евреевъ—является изъятіе ея изъ черты еврейской осѣдлости, мною въ октябрѣ минувшаго года соображенія по этому предмету представлены на благоусмотрѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ“.

(*Таврическій Губернаторъ*).

Циркуляръ о сіонизмѣ и еврейскомъ національномъ движеніи (1903 г.).

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве противъ сіонизма и національнаго движенія въ еврействѣ, разосланный губернаторамъ въ іюнѣ 1903 г.—спустя два мѣсяца послѣ Кишиневскаго погрома, считался въ свое время „совершенно секретнымъ", какъ гласитъ и надпись на немъ. Но уже въ то время про этотъ секретъ многіе знали, ибо циркуляръ распространялся въ гектографическихъ копіяхъ отъ имени еврейскихъ организацій. Послѣдовавшій затѣмъ пріѣздъ Герцля въ Россію и его аудіенція у Плеве (іюль) нѣсколько смягчили суровость примѣненія циркуляра къ сіонизму, но къ національному движенію вообще недовѣрчивое отношеніе продолжалось.

Ред.

М. В. Д. Департаментъ полиціи по особому отдѣленію. 24-го іюня (1893 г.), № 6142.

Губернаторамъ, Градоначальникамъ и Оберполиціймейстерамъ.

Въ имѣющихся въ департаментѣ полиціи свѣдѣніяхъ о такъ называемыхъ сіонистскихъ обществахъ усматривается, что таковыя, поставивъ себѣ первоначально цѣлью содѣйствовать переселенію евреевъ въ Палестину для созданія тамъ самостоятельнаго еврейскаго государства, нынѣ осуществленіе этой мысли отодвинули въ область далекаго будущаго и направили свою дѣятельность на развитіе и укрѣпленіе національной еврейской идеи, проповѣдуя сплоченіе въ замкнутыя организаціи евреевъ въ мѣстахъ ихъ нынѣшняго пребыванія. Направленіе это, будучи враждебно ассимиляціи евреевъ съ другими народностями, усугубляя между первыми и послѣдними племенную рознь, противорѣчитъ началамъ русской государственной идеи, и потому не можетъ быть терпимо. Вслѣдствіе сего, признавая необходимымъ дать вопросу о сіонистскихъ организаціяхъ надлежащее разрѣшеніе, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, сообщить мнѣ безотлагательно подробныя свѣдѣнія о существующихъ во ввѣренномъ Вамъ раіонѣ сіонистскихъ кружкахъ и соображенія Ваши объ ихъ значеніи съ точекъ зрѣнія государственной и національной. Находя однако неотложнымъ, до разрѣшенія поставленнаго нами на очередь вопроса, принятіе мѣръ къ предупрежденію и пресѣченію утвержденія началъ сіонистскихъ организацій и развитія сіонистскаго движенія во вредномъ направленіи, считаю долгомъ въ руководство Вашего Превосходительства преподать нижеслѣдующія указанія:

1) Пропаганда идеи сіонизма въ публичныхъ мѣстахъ и на собраніяхъ общественнаго характера должна быть воспрещена. Въ этихъ цѣляхъ надлежитъ препятствовать дѣятельности спе-

ціальныхъ агитаторовъ, такъ наз. „магидовъ“, разъѣзжающихъ по городамъ и мѣстечкамъ и произносящихъ въ синагогахъ и на общественныхъ собраніяхъ рѣчи для привлеченія слушателей, особенно изъ числа простонародія, въ ряды сторонниковъ сіонистскаго движенія.

2) Точно также подлежатъ запрещенію, насколько дѣятельность ихъ проявляется публично въ сходкахъ, собраніяхъ и прочихъ сборищахъ, уже существующія сіонистскія организаціи, раскинутыя сѣтью по всей Россіи, включая Сибирь, губерніи Царства Польскаго, Кавказъ и русскія среднеазіатскія владѣнія.

3) Выѣзды для какихъ бы то ни было цѣлей представителей и участниковъ сіонистской организаціи (раіоновъ, на которые подѣлена сіонистами вся Россія), кружковъ и различныхъ помѣстныхъ и избирательныхъ группъ не должны дозволяться.

4) Всякіе неразрѣшенные правительствомъ среди публики сборы для недозволенныхъ къ ввозу въ имперію (№ 92, отд. I. Собр. узак. и распор. правит. за 1902 г.) акцій и временныхъ свидѣтельствъ Еврейскаго Колоніальнаго Банка въ Лондонѣ, а также сборы на пополненіе „Національнаго Еврейскаго Фонда“, учрежденнаго тамъ же, производимые въ нѣкоторыхъ городахъ поголовнымъ обходомъ всего мѣстнаго еврейскаго населенія, должны быть немедленно прекращаемы при полученіи свѣдѣній о такихъ сборахъ. Лица, стоявшія во главѣ такихъ сіонистскихъ организацій, должны быть обязываемы подпиской отказаться отъ руководства движеніемъ и прекратить всякіе денежные сборы. Находящіяся въ ихъ распоряженіи суммы, какъ полученныя путемъ неразрѣшенныхъ правительствомъ сборовъ, слѣдуетъ направлять на еврейскія благотворительныя учрежденія (напр. существующее въ Одессѣ „Общество вспомоществованія евр. земледѣльцамъ и ремесленникамъ Сиріи и Палестины“). Акціи и временныя свидѣтельства Евр. Колонизаціоннаго Банка, а также квитанціи во взносахъ въ „Національный Еврейскій Фондъ“ подлежатъ конфискаціи, а лица, занимающіяся распространеніемъ означенныхъ выше документовъ, должны быть обязываемы подпиской отказаться отъ такой дѣятельности. Послѣдняя представляется тѣмъ болѣе вредной, что плательщиками въ сіонистскія кассы являются преимущественно неимущіе классы еврейства.

5) Надлежитъ также имѣть наблюденіе за устройствомъ сіонистами новыхъ и уже существующихъ еврейскихъ школъ (хедеровъ), библіотекъ-читаленъ, субботнихъ школъ для взрослыхъ, въ цѣляхъ изученія древне-еврейскаго языка, публичныхъ чтеній по исторіи еврейства, и т. п. учрежденій. Еврейскія школы, разрѣшаемыя правительствомъ къ открытію въ удовлетвореніе вѣроисповѣдныхъ потребностей еврейскаго населенія имперіи, не должны подъ руководствомъ сіонистскихъ дѣятелей получать характеръ учрежденій для развитія національной обособленности русскаго еврейства.

6) При представленіи на утвержденіе центральныхъ органовъ М. В. Д. кандидатовъ на выборныя должности въ еврейскихъ общинахъ, въ особенности на должности раввиновъ, надлежитъ прилагать собранныя на мѣстѣ свѣдѣнія о степени причастности представляемыхъ кандидатовъ къ сіонистскимъ организаціямъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *Плеве.*

Смѣсь.

Евреи между Польшей и Россіей (1863).—Въ „Виленскихъ воспоминаніяхъ" *Алексѣя Гене* („Русская Старина" 1914 г., кн. V, стр. 421) приводится слѣдующій разсказъ, характеризующій отношеніе литовскихъ евреевъ къ польскому возстанію 1863 года.

„Пріѣхавъ въ новую для меня страну (Литву),—разсказываетъ Гене,—и знакомясь съ мѣстностью и съ жителями, я какъ-то обратился къ еврею-ремесленнику (въ Вильнѣ) съ категорическимъ вопросомъ, чью сторону держали евреи во время бывшаго возстанія (1863): русскихъ или поляковъ? На это послѣдовалъ умный отвѣтъ: „Для насъ, евреевъ, Россія—это отецъ, Польша—это мать. Когда отецъ съ матерью ссорятся, тогда дѣтямъ нѣтъ надобности вмѣшиваться въ эту ссору".

Сходный съ этимъ разсказъ былъ распространенъ среди евреевъ въ 60-хъ годахъ. Разсказывали, будто Александръ II упрекнулъ въ аудіенціи варшавскаго раввина—Беруша Майзельса за его, какъ и многихъ другихъ евреевъ, двусмысленную политику въ отношеніи къ полякамъ и русскому правительству во время возстанія 1863 г. На этотъ упрекъ раввинъ отвѣтилъ такъ: польскіе евреи подобны безпомощному ребенку, родители котораго враждуютъ между собою; ребенокъ въ затрудненіи—кого ему слушаться? Одного только отца,—тогда мать не дастъ ему ѣсть и пить. Слушаться одной только матери,—отецъ семейства „не дастъ денегъ на расходы", откажетъ въ покровительствѣ. Что же остается дѣлать ребенку? Одно: служить и отцу, и матери—Россіи и Польшѣ.

Въ притчѣ магида рабби Іоханана, въ романѣ Л. О. Леванды „Горячее время" (ч. 2,—Еврейск. Библ., т. II, стр. 51—52) евреи Польши и Литвы уподоблены ребенку, живущему у отчима и мачехи, изъ которыхъ каждая сторона требуетъ отъ него покорности только себѣ. Мальчикъ убѣгаетъ изъ дому въ лѣсъ и встрѣчаетъ Илью пророка, который даетъ ему совѣтъ слушаться больше отчима (Россіи), чѣмъ мачехи (Польши), ибо „съ мужчиной всегда лучше столковаться, чѣмъ съ бабой, привередливой, капризной и безтолковой".

Петиція Вл. Соловьева (1890).—О судьбѣ петиціи по еврейскому вопросу, которую христіанскій философъ-юдофилъ собирался поднести императору Александру III въ 1890 г. [1]), разсказывается слѣдующее въ статьѣ *С. У.*, въ 12-й книгѣ „Историческаго Вѣстника“ 1912 г. (стр. 1032—34).

„Я помню слѣдующій любопытный случай, который произошелъ на моихъ глазахъ съ Вл. Соловьевымъ въ 1890 или въ 1891 году. Въ этотъ годъ по Петербургу ходила по рукамъ, для собиранія подписей, петиція на имя государя о предоставленіи евреямъ въ Россіи тѣхъ же гражданскихъ правъ, которыми пользуются коренные русскіе люди. Происходя самъ по матери изъ еврейскаго племени (?), Вл. Соловьевъ очень сочувствовалъ этому вопросу, принималъ въ немъ живѣйшее участіе и черезъ своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ всячески старался провести петицію въ благопріятномъ смыслѣ.

Разъ какъ-то я зашелъ навѣстить Соловьева въ „Европейскую гостинницу“, гдѣ онъ подолгу живалъ въ пріѣзды свои въ Петербургъ изъ Москвы или Финляндіи, и засталъ его въ большомъ волненіи: на-дняхъ должна была рѣшиться участь еврейской петиціи.

Мы едва перемолвились нѣсколькими фразами, какъ въ дверь постучались; вошелъ слуга-нѣмецъ и, сообщая, что отецъ Іоаннъ Кронштадтскій только что вошелъ въ одинъ изъ номеровъ нашего корридора, любезно предложилъ намъ выйти и воспользоваться этимъ удачнымъ моментомъ, чтобы получить его благословеніе. Мы сейчасъ же вышли и, вмѣстѣ съ другими жильцами корридора, стали дожидаться у дверей одной изъ комнатъ. Черезъ нѣкоторое время дверь открылась и на порогѣ появился отецъ Іоаннъ, сопровождаемый прощавшейся съ нимъ четой, повидимому, мужемъ и женою. Мы оба лично знали отца Іоанна, и онъ, издали насъ завидя, направился къ намъ съ ласковой улыбкой. Мы подошли подъ его благословеніе.

— Ну, что же, Владимиръ Сергѣевичъ, какъ ты теперь поживаешь?—спросилъ онъ привѣтливо у нашего философа.

Соловьевъ какъ-будто бы нѣсколько смутился и вдругъ, какъ бы побѣждая въ себѣ нѣкоторое колебаніе, сказалъ отцу Іоанну:

— Мнѣ бы очень хотѣлось, батюшка, узнать ваше мнѣніе по одному дѣлу, которое теперь всего меня занимаетъ.

— Что же это за дѣло?—полюбопытствовалъ отецъ Іоаннъ и отошелъ съ нами немного въ сторону.

— Это дѣло великой важности и касается очень, очень многихъ,—я не могу сказать пока больше, но вы, отче, вы въ силахъ сказать мнѣ, удастся ли оно?

Отецъ Іоаннъ молча воззрился на Соловьева, который

---

[1]) О коллективномъ протестѣ противъ антисемитизма, подготовленномъ Соловьевымъ въ 1890 г., см. „Письма В. С. Соловьева къ Ф. Гецу“, Спб. 1909, стр. 27 слѣд. (оттискъ изъ II тома „Писемъ Вл. Соловьева“).—*Ред.*

почему-то еще болѣе смутился, подъ вліяніемъ ли этого взгляда, или, можетъ-быть, въ виду присутствія постороннихъ, хотя ихъ, впрочемъ, было немного.

„Нѣтъ, мой другъ, ничего изъ твоей затѣи не выйдетъ!—рѣшительно произнесъ отецъ Іоаннъ.—Ты напрасно началъ свою затѣю—все это построено на пескѣ, и никому отъ нея никакой пользы не жди... А затѣмъ да благословитъ тебя Господь въ путяхъ твоихъ!“—И отецъ Іоаннъ торопливо, какъ всегда, перешелъ къ другимъ, ожидавшимъ возлѣ насъ его слова и благословенія.

Изъ еврейской петиціи, дѣйствительно, ничего не вышло, что и обнаружилось черезъ день или два послѣ этой интересной встрѣчи. Государь Александръ III былъ крайне недоволенъ вмѣшательствомъ Вл. С. Соловьева, которому симпатизировалъ лично и въ память его знаменитаго отца-историка, и только благодаря этому обстоятельству, Соловьева не постигла никакая кара. Его пригласилъ только къ себѣ тогдашній градоначальникъ П. А. Грессеръ и передалъ, по распоряженію свыше, что въ случаѣ повторенія чего-либо подобнаго его, Соловьева, удалятъ изъ Петербурга на болѣе или менѣе продолжительное время. По этому поводу одинъ свѣтскій остресловъ написалъ шутливые стихи, которые назывались „Сладостное свиданіе“ и начинались такъ:

Ахъ былъ въ этотъ день цвѣтъ небесъ сѣръ,
Когда вызывалъ его Грессеръ!

Буряты, евреи и наслѣдникъ-цесаревичъ (1891).—Въ „Сибирскихъ воспоминаніяхъ“ политическаго ссыльнаго *П. Торгашева* („Голосъ Минувшаго“ 1914 г., кн. XI, стр. 133—135) разсказанъ слѣдующій любопытный эпизодъ, относящійся къ путешествію тогдашняго наслѣдника-цесаревича, нынѣшняго Государя Николая II, по Сибири въ 1891 г.

„Въ Верхнеудинскѣ была назначена продолжительная остановка (наслѣдника и его свиты) на обѣдъ. Здѣсь собрались всевозможныя депутаціи для встрѣчи наслѣдника. Между прочимъ, сюда прибыла изъ Селенгинска депутація ламайскаго духовенства во главѣ съ Хамбо-Лама (замѣститель Далай-Ламы). Около г. Селенгинска находится священное озеро „Гусиное“, тутъ же выстроенъ и дацанъ (храмъ). Здѣсь же живетъ и высшее духовное лицо ламаитовъ, намѣстникъ Далай-Ламы, именуемый Хамбо-Лама. Это—высшее духовное лицо для бурятъ Забайкальской области. Гусиноозерскій дацанъ имѣлъ большую эпархію, такъ какъ сооружать новые дацаны долгое время не разрѣшалось. Населеніе росло, громадные районы оставались безъ духовной пищи, лишены были возможности посѣщать богослуженіе, выполнять религіозные обряды. Въ это время какъ разъ находился на разсмотрѣніи высшихъ властей въ Петербургѣ вопросъ о постройкѣ двухъ дацановъ.

Православное духовенство ставило препятствія, утверждая, что почти всѣ буряты уже православные и надобности въ ламайскомъ храмѣ не встрѣчается. Вотъ депутація и хотѣла воспользоваться пріемомъ и попросить наслѣдника о содѣйствіи.

Разрѣшеніе на посылку такой депутаціи было дано генералъ-губернаторомъ, барономъ Корфомъ. Но архипастырь Веніаминъ, узнавъ о допущеніи Гусиноозерской депутаціи къ встрѣчѣ наслѣдника, забилъ тревогу. Какъ ни упирался баронъ Корфъ, но вынужденъ былъ уступить и отдалъ приказъ отправить депутацію обратно. Приказъ этотъ пришелъ поздно. На площадь уже въѣзжалъ поѣздъ наслѣдника, когда исправникъ началъ гнать съ площади депутацію. Произошло, какъ говорятъ, замѣшательство. Сообщили о причинѣ замѣшательства Ухтомскому (сопровождавшему наслѣдника), а тотъ наслѣднику. „Буряты такіе же вѣрноподданные государя, какъ и всѣ народы Россіи; я желаю принять депутацію"—такъ передавали сказанное будто бы наслѣдникомъ барону Корфу. Депутація была принята милостиво, Хамбо-Лама былъ приглашенъ къ обѣду, и надежда на разрѣшеніе построить дацаны окрѣпла у гусиноозерскаго духовенства.

Другой случай. Въ Красноярскѣ содержатель почтовыхъ лошадей, еврей Фурманъ, приготовилъ лошадей подъ экипажъ наслѣдника. Лошади были спеціально куплены, заблаговременно выѣзжены самимъ Фурманомъ. Сбруя для нихъ спеціально была заготовлена. Словомъ, Фурманъ хотѣлъ сдѣлать „что-нибудь особенное" по случаю проѣзда высокаго гостя. Самъ Фурманъ былъ крупнаго тѣлосложенія и пожелалъ лично править лошадьми. Фигура ямщика была бы величественная. И для себя заказалъ онъ дорогой ямщицкій костюмъ. На городской площади каждый день собиралась публика, и власти любовались выѣздомъ Фурмана, тренировавшаго своихъ красавцевъ.

Прискакалъ въ Красноярскъ „передовой" поѣзда, который долженъ былъ прибыть часа черезъ два. Осмотрѣлъ онъ приготовленія и вдругъ узнаетъ, что Фурманъ хочетъ самъ везти наслѣдника.

— Какъ?... Жиду довѣрять высочайшую особу?!—спрашиваетъ онъ губернатора.—А если что-нибудь случится?

Фурману объявили, что онъ не повезетъ наслѣдника. Пусть посадитъ русскаго ямщика. Фурманъ даже заплакалъ отъ обиды, но выбралъ понадежнѣй ямщика и началъ давать наставленія и указанія относительно характера и сноровки лошадей.

Прибылъ наслѣдникъ и опять же черезъ Ухтомскаго узнаетъ про исторію съ Фурманомъ. Повторилось то же, что и въ Верхнеудинскѣ съ Хамбо-Ламой. Фурманъ самолично провезъ станцію наслѣдника, который похвалилъ лошадей и подарилъ ему перстень.

Эти два эпизода не анекдотъ, а настоящая дѣйствительность, и оба эти событія сильно взволновали всю Сибирь. Долго, долго помнило сибирское населеніе слова наслѣдника о бурятахъ и евреяхъ. А вскорѣ получилось и разрѣшеніе на постройку двухъ дацановъ".— (Сообщ. *С. Бейлинъ*).

Библіографія.

Исторія еврейскаго народа. Томъ XI: Исторія евреевъ въ Россіи. Томъ I. При ближайшемъ участіи А. И. Браудо, М. Л. Вишницера, Ю. Гессена, С. М. Гинзбурга, П. С. Марека и С. Л. Цинберга. Изданіе т-ва „Міръ", Москва, 1914. III + 526 стран.

Передъ нами первый томъ крупнаго изданія, предпринятаго московскимъ издательствомъ „Міръ" еще до нынѣшней войны. Изданіе, разсчитанное на 15 томовъ, состоитъ изъ двухъ серій: а) „Всемірная исторія евреевъ", въ десяти томахъ, составленная частью компилятивно, по трудамъ западныхъ ученыхъ, частью самостоятельно; б) „Исторія евреевъ въ Россіи", въ пяти томахъ, обработанная по источникамъ. Первая серія еще не начала выходитъ въ свѣтъ, а изъ второй серіи вышелъ пока 1-й томъ (XI-й томъ всего изданія), содержащій исторію евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ до эпохи раздѣловъ Польши въ концѣ XVIII вѣка.

По образцу многихъ заграничныхъ изданій по всемірной исторіи, „Исторія еврейскаго народа" представляетъ собою трудъ коллективный, гдѣ различныя части составлены различными авторами. Мы не знаемъ, какъ распредѣлится матеріалъ въ неизданныхъ еще томахъ общей исторіи евреевъ—по эпохамъ-ли, по странамъ, или по предметамъ (политическая исторія, экономическій бытъ, религія, литература и т. п.); но въ лежащемъ передъ нами первомъ томѣ русско-еврейской исторіи избранъ послѣдній типъ коллективной работы: шестивѣковая исторія евреевъ въ Польшѣ распредѣлена между авторами не по эпохамъ, а по предметамъ. Мы имѣемъ тутъ рядъ монографій—подробныхъ или краткихъ, въ видѣ изслѣдованій или обзоровъ—о политической и соціальной исторіи польско-литовскаго еврейства, о его разселеніи и статистикѣ, его общинномъ самоуправленіи (кагалъ и ваады) и судебныхъ учрежденіяхъ, его экономическомъ бытѣ, „внутреннемъ бытѣ" въ смыслѣ исторіи нравовъ и обычаевъ, объ искусствѣ, о раввинизмѣ, мистикѣ, хасидизмѣ, франкизмѣ etc. При такомъ типѣ коллективнаго историческаго труда выигрываетъ несомнѣнно спеціализація матеріала—распредѣленіе его между спеціалистами по каждой данной отрасли или лицами, „изъ которыхъ—по выраженію редакторовъ—каждый участвуетъ въ разработкѣ вопросовъ наиболѣе ему родственныхъ" (предисловіе). Но зато такой способъ сотрудничества требуетъ

наибольшаго, подчасъ искусственнаго, дробленія матеріала, что приближаетъ его къ типу энциклопедіи. Читатель можетъ изучить здѣсь тотъ или другой интересующій его вопросъ, но онъ лишенъ возможности представить себѣ цѣльный образъ хотя бы каждой эпохи въ отдѣльности со всѣмъ комплексомъ ея явленій. Сами редакторы разсматриваемой книги допускаютъ возможность въ ней „нѣкотораго расхожденія точекъ зрѣнія въ оцѣнкѣ и освѣщеніи тѣхъ или другихъ событій и явленій". При такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о созданіи той „общей и цѣльной картины прошлаго", отсутствіе которой побудило группу писателей предпринять свой коллективный трудъ (предисловіе, начало).

Несмотря, однако, на эти органическіе недостатки коллективныхъ трудовъ такого типа, въ разсматриваемомъ томѣ, служащемъ какъ-бы „введеніемъ къ исторіи евреевъ въ Россіи", имѣется нѣчто весьма цѣнное: рядъ дѣльныхъ очерковъ, вводящихъ изучающаго польско-еврейскую исторію въ различныя ея области. Въ этомъ большомъ изящномъ томѣ съ салонною внѣшностью (многочисленные снимки и проч.) кроется совсѣмъ не салонное содержаніе. Многіе изъ помѣщенныхъ въ немъ очерковъ представляютъ собою результатъ самостоятельныхъ изслѣдованій или, по крайней мѣрѣ, кропотливой работы надъ источниками (напр., статьи Ш и п п е р а „Разселеніе евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ", Б а л а б а н а и В и ш н и ц е р а о Кагалѣ и коронномъ и литовскомъ Ваадахъ, Шиппера и Вишницера объ экономическомъ бытѣ). Другіе являются удачными обобщеніями имѣющихся уже работъ („Введеніе" П. С. М а р е к а, главы о раввинской, мистической и народной литературѣ С. Л. Ц и н б е р г а, отчасти также вступительная глава—„Общій очеркъ политической и соціальной исторіи въ Польшѣ и Литвѣ" М. Вишницера).

Названный сейчасъ „Общій очеркъ", при всей добросовѣстности обобщенія извѣстныхъ историческихъ фактовъ, страдаетъ излишней схематичностью и напоминаетъ собою статью энциклопедическаго словаря. Кое-гдѣ можно указать и неточности обобщенія. Напримѣръ, подходя къ XVI вѣку, авторъ отмѣчаетъ, что съ усиленіемъ сеймоваго законодательства на счетъ королевскаго, „е д и н с т в о, отличавшее прежнее законодательство о евреяхъ, нарушается" (стр. 31). О строгомъ единствѣ законодательной работы въ болѣе ранній періодъ нельзя говорить уже потому, что и тогда съ благопріятными евреямъ королевскими законами конкуррировали „синодальные", издаваемые духовенствомъ въ духѣ средневѣковыхъ церковныхъ каноновъ, крайнѣ юдофобскихъ. Символомъ этого законодательнаго дуализма служатъ двѣ даты: 1264 годъ далъ евреямъ хартію вольностей—привилегію Болеслава Калишскаго, а 1266 годъ далъ имъ ненавистную „конституцію" Бреславскаго церковнаго собора. Правда, синодальныя конституціи большею частью не примѣнялись, но во многихъ мѣстахъ католическое духовенство отравляло жизнь евреямъ на основаніи каноновъ церкви. Впослѣдствіи мечъ воинствующей церкви былъ врученъ сеймовой шляхтѣ, что выразилось въ извѣстной конституціи Петроковскаго сейма 1538 г.

о недопущеніи евреевъ къ „благороднымъ“ профессіямъ и всяческомъ изолированіи ихъ отъ христіанскаго общества.

Очень интересный очеркъ Шиппера „Разселеніе“ (стр. 105—131) даетъ картину роста еврейскаго населенія и его географическаго распредѣленія въ разныхъ областяхъ Польши до конца XVIII вѣка. Во второй половинѣ XVIII вѣка авторъ стоитъ уже на почвѣ приблизительно точныхъ народныхъ переписей, а въ болѣе раннія эпохи его статистическіе выводы имѣютъ только характеръ остроумныхъ догадокъ; но эти догадки, основанныя на разныхъ податныхъ исчисленіяхъ, весьма полезны, какъ первыя вѣхи на неизслѣдованномъ еще пути.

Въ очеркѣ Балабана: „Еврейскій сеймъ въ Польшѣ или Ваадъ короны, и сеймики или ваады округовъ“ (стр. 161—180) развита мысль, что мелкіе окружные ваады-сеймики предшествовали центральному „Вааду четырехъ областей“ и „послужили для него ядромъ“. Мысль эта недостаточно доказана авторомъ и поэтому не можетъ устранить фактически болѣе обоснованную теорію, что Ваадъ коронный возникъ изъ раввинскихъ ярмарочныхъ съѣздовъ въ Люблинѣ XVI вѣка, т. е. что случайные съѣзды раввиновъ и кагальныхъ старшинъ на ярмаркахъ превратились къ концу XVI вѣка (дату „1580 годъ“, принятую авторомъ, слѣдуетъ считать только приблизительною) въ постоянные періодическіе „ваады“. Неправильно исчислены авторомъ и „области“—medinot, входившія въ еврейскій сеймовый союзъ въ первый его періодъ: „Великая Польша, Червонная Русь, Подолія, Волынь и Литва“ (стр. 164). Тутъ фигурируютъ „пять областей“, да и то недостаетъ одной изъ главныхъ—Малой Польши съ Краковомъ во главѣ; а между тѣмъ на слѣдующей страницѣ названъ особо „Краковско-Сандомирскій округъ“. Дефектъ всего описанія въ томъ, что авторъ смѣшиваетъ „область“ (medina или erez), какъ единицу центральнаго Ваада, и округъ (golil)—территорію мѣстнаго сеймика. Онъ прямо заявляетъ (въ примѣчаніи къ стр. 164), что будетъ переводить „Waad arozot“ не „съѣздомъ областей“, а съѣздомъ округовъ. Отсюда—включеніе мелкихъ сеймиковыхъ округовъ въ перечень сеймовыхъ областей: рядомъ съ Великопольшей стоитъ Холмская земля, Подляшскій округъ и т. п. (стр. 166—167),—т. е. поставлены территоріальныя единицы различнаго значенія въ дѣлѣ общинной автономіи, что вызываетъ полную путаницу. У такого опытнаго изслѣдователя, какъ д-ръ Балабанъ, такую ошибку хотѣлось-бы считать плодомъ какого-то редакціоннаго недосмотра.—Въ статьѣ „Литовскій Ваадъ“ д-ръ Вишницеръ дѣлаетъ попытку, на основаніи публикуемаго въ „Еврейской Старинѣ“ Пинкоса этого сейма, опредѣлить его внутреннее устройство, составъ, дѣлопроизводство и законодательную дѣятельность. Попытку слѣдуетъ признать удачною, и только въ одномъ пунктѣ мы не можемъ согласиться съ авторомъ: начало упадка Литовскаго Ваада относится не къ серединѣ XVII вѣка, т. е. спустя четверть вѣка послѣ его возникновенія, какъ думаетъ авторъ (стр. 202 сл.), а къ позднѣйшему времени. Сессіи второй половины XVII вѣка работаютъ еще очень усердно, повторяясь

приблизительно каждые три года, и только съ начала XVIII вѣка. онѣ становятся все рѣже (1704, 1710, 1720, 1721, 1727, 1730, 1751, 1761 г.г.), причемъ пленарные сеймы часто замѣняются малыми съѣздами, пока вся организація не распадается послѣ Слуцкаго сейма 1761 г.

Но повторяемъ: взятая въ цѣломъ, эта серія очерковъ даетъ, если не цѣльную картину нашей исторической жизни въ Польшѣ, то систематизированныя свѣдѣнія о различныхъ ея сторонахъ. Къ названнымъ выше очеркамъ можно еще прибавить слѣдующіе: „Административное дѣленіе еврейскихъ поселеній въ Литовской области" (П. Марека), „Организація еврейскаго суда" (М. Балабана), „Еврейскій судъ и респонсы" (Б. Каца), „Подсудность польскихъ евреевъ въ дѣлахъ съ неевреями" (Ст. Кутшебы), „Внутренній бытъ евреевъ Польши и Литвы въ XVI в." (С. Дубнова), „Внутренній быть евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ въ XVII—XVIII в." (Э. Френка), „Искусство у евреевъ Польши и Литвы" (Р. Бернштейнъ-Вишницеръ), „Франкистское движеніе" (М. Вишницера) и „Возникновеніе хасидизма" (С. Гинзбурга). Тридцать иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ, четыре географическія карты и 64 рисунка въ текстѣ довершаютъ достоинства изданія. **С. Д.**

Давидъ Коганъ. Исторія каббалистовъ, саббатіанцевъ и хасидовъ. Томъ II. Изд. „Морія", Одесса, 1914. XI+191 стран. (на древнееврейскомъ языкѣ).

Второй томъ „Исторіи каббалистовъ" Д. Когана [1]), долженствовавшій увѣнчать почти полувѣковую литературную дѣятельность скромнаго одесскаго ученаго, явился памятникомъ надъ его свѣжей могилою: въ нынѣшнемъ году Д. Коганъ умеръ. Покойный былъ представителемъ старой полосы нашей научной мысли, гдѣ трогательная любовь къ предмету изслѣдованія соединялась съ нѣсколько примитивными пріемами разработки, гдѣ всякій вновь открытый манускриптъ безъ критики принимался за новое откровеніе, гдѣ научный анализъ часто замѣнялся раввинскою казуистикою. Изъ всѣхъ многочисленныхъ статей и очерковъ Д. Когана, перечисленныхъ въ предпосланномъ настоящей книгѣ біографическомъ очеркѣ (составленъ І. Клаузнеромъ), сохранятъ, однако, свое значеніе его очерки по исторіи еврейскаго мистицизма XVI—XVIII вѣковъ, нынѣ собранные въ двухъ томахъ. Тутъ важны не новеллы и обобщенія автора, весьма скудныя и не всегда правильныя, а тотъ обильный матеріалъ изъ старопечатной и рукописной раввинско-мистической литературы, который собранъ авторомъ въ этихъ „камняхъ" (какъ называются отдѣлы книги).

Въ настоящемъ томѣ большую часть занимаетъ „Камень тьмы" (   ), содержащій исторію мистицизма послѣ Саббатая Цеви, въ лицѣ дѣятелей XVIII вѣка М. Х. Луццато, Іонатана Эйбшица,

---

[1]) Первый томъ рецензировалъ въ „Еврейской Старинѣ" 1913 г., вып. IV, стр. 544—549.

Бешта и его послѣдователей, Якова Франка. Наибольшее мѣсто посвящено раввину Эйбшицу, который въ сущности не былъ представителемъ мистическаго направленія, но выставленъ таковымъ стараніями яраго искоренителя мистическихъ ересей Якова Эмдена,—такъ что всѣ относящіяся сюда главы трактуютъ о знаменитой распрѣ Эмденъ-Эйбшицъ. Меньше вниманія удѣлилъ авторъ возникновенію хасидизма. Здѣсь изслѣдованія послѣднихъ 30 лѣтъ, впервые освѣтившихъ эту темную область, очень мало отразились на работѣ Д. Когана, которая почти сохранила свою первобытную форму, какъ она вылилась въ серединѣ 1870-хъ годовъ, когда она впервые появилась въ журналѣ „Haschachar". Авторъ кое-что дополнилъ въ примѣчаніяхъ, кое-что ввелъ въ текстъ на основаніи новыхъ трудовъ, но измѣнить свою систему не могъ или не рѣшился. Такимъ образомъ у него сохранился былой хронологическій хаосъ въ изложеніи исторіи цадикизма: послѣ Бера Межерицкаго у него „во главѣ цадиковъ" стоитъ второстепенный Михель Злочоверъ (стр. 97). Онъ совершенно упускаетъ изъ виду развѣтвленіе хасидизма и цадикскихъ династій на различныя отрасли—украинскую, польско-галиційскую и литовско-бѣлорусскую. Стушевываются границы между различными системамя хасидизма, кромѣ „Хабада". Творецъ хасидской литературы, Яковъ-Іосифъ Когенъ, фигурируетъ не на своемъ мѣстѣ. Въ исторію хасидизма страннымъ образомъ вплетена исторія франкизма, который совпалъ съ хасидизмомъ только во времени, но не имѣлъ съ нимъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Все это устарѣло, наивно, но все-таки занимательно и важно въ этомъ элементарномъ изложеніи. Авторъ говоритъ языкомъ источниковъ, отъ котораго недалеко ушелъ и его собственный архаическій стиль, и вводитъ насъ въ бытъ XVIII вѣка. Тяжеловаты, но милы эти неотесанные „камни", глыбы исторіи, ибо они взяты изъ стариннаго зданія, и самый видъ ихъ воскрешаетъ старину.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги („Камень дополненій",) перепечатаны біографическіе очерки объ итальянскихъ братьяхъ Франсисахъ (современники и противники Саббатая Цеби, боровшіеся противъ новаго мессіанизма и каббалы въ стихахъ), о моравскомъ саббатіанцѣ Лейбелѣ Прустицѣ и о польскомъ мистикѣ-агитаторѣ Хаимѣ Малахѣ. Заслуга Д. Когана состояла въ томъ, что онъ послѣ Греца въ свое время расширилъ кругъ свѣдѣній о двухъ послѣднихъ дѣятеляхъ мистицизма; въ новомъ изданіи къ этимъ свѣдѣніямъ прибавилось очень немного, на основаніи стараго манускрипта о саббатіанцахъ („ "), составляющаго въ сущности варіантъ давно извѣстныхъ писаній современниковъ о мессіанскомъ движеніи.

Какъ бы то ни было, изданные „Морія" два тома исторіи мистицизма Д. Когана останутся въ нашей литературѣ не только памятникомъ старой исторіографіи, но и необходимымъ источникомъ и пособіемъ для всѣхъ будущихъ работниковъ въ этой области.

С. Д.

С. Л. Цинбергъ. Исторія еврейской печати въ Россіи, въ связи съ общественными теченіями. Петроградъ. 1915 г.

„Исторія еврейской печати“ С. Л. Цинберга, удостоенная преміи Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества (въ ознаменованіе 50-лѣтія русско-еврейской журналистики), является крупнымъ и очень цѣннымъ вкладомъ въ исторію нашей литературы и культурно-общественныхъ движеній. Журналистика, обыкновенно вліятельная въ свое время, слишкомъ быстро становится достояніемъ архивовъ. С. Л. Цинбергу удалось оживить многія изъ забытыхъ страницъ нашей повременной печати на русскомъ, древне-еврейскомъ и разговорно-еврейскомъ языкахъ за періодъ въ 20—25 лѣтъ (1856—1880 гг.). Этой основной работѣ предпосланъ интересный очеркъ „доисторическаго“ фазиса еврейской журналистики, гдѣ автору приходилось имѣть дѣло съ изданіями, давно ставшими библіографической рѣдкостью.

Нашъ авторъ не ограничивается исторіей самихъ органовъ еврейской печати, а широкими штрихами рисуетъ смѣну общественныхъ теченій той эпохи, связанныхъ съ традиціями ранѣе начавшейся „гаскалы“. Благодаря этому, книга способна живо заинтересовать не только любителей старины, но и всѣхъ тѣхъ, кто интересуется генезисомъ современныхъ проблемъ русско-еврейской общественной мысли.

Однако, можетъ быть, именно потому, что эта книга стоитъ слишкомъ близко къ общественнымъ теченіямъ послѣднихъ десятилѣтій, автору не всегда удается оставаться на должной исторической дистанціи отъ нашей современности. Эта черта особенно ярко выступаетъ въ отношеніи г. Цинберга къ „Гамагиду“, какъ предтечѣ ново-еврейской прессы въ Россіи. Авторъ, останавливаясь на первыхъ годахъ „Гамагида“ (1856—1858 г.г.), находитъ въ немъ только литературные „курьезы“: „Появилась въ 1857 г. комета, наводившая страхъ на суевѣрныхъ людей, усматривавшихъ въ ней небесное предзнаменованіе о наступающемъ въ ближайшемъ будущемъ концѣ міра, и „Гамагидъ“ посвятилъ этому явленію рядъ статей съ успокаивающимъ заявленіемъ, что, съ Божьей милостью, конецъ міра еще не близокъ“. Отдѣлъ новостей, какъ и другіе отдѣлы „Гамагида“, поражаетъ г. Цинберга „примитивностью пріемовъ“: постройка синагоги нѣкіимъ благотворителемъ, покупка какой-то благотворительницей участка земли въ Іерусалимѣ для кладбища—вызываютъ неумѣренные восторги „Гамагида“ (стр. 33). Наконецъ, авторъ недоволенъ реагированіемъ „Гамагида“ на отклики нѣкоторой части русской печати по еврейскому вопросу. Стоило кому-либо въ одномъ изъ русскихъ журналовъ обмолвиться добрымъ словомъ о евреяхъ, и „Гамагидъ“, цитируя этотъ благопріятный отзывъ, патетически взываетъ къ своимъ единовѣрцамъ—„сохранить соотвѣтствующій номеръ газеты до грядущихъ временъ, дабы вѣдали всѣ, что не одинокъ Израиль въ Россійской Имперіи, и много у него благородныхъ и честныхъ заступниковъ среди честныхъ русскихъ писателей“ и т. д.

Между тѣмъ, эти примѣры „примитивности“ „Гамагида“ (съ

нашей современной точки зрѣнія) доказываютъ лишь, что онъ вѣрно отражалъ въ себѣ свое время. Впослѣдствіи, когда появились „Гамелицъ", „Гакармель", „Разсвѣтъ", „Сіонъ" и др., роль „Гамагида" стушевалась. Но для характеристики промежуточнаго періода, между концомъ крымской кампаніи и началомъ 60-хъ годовъ, страницы „Гамагида" очень интересны. Въ этой газетѣ вопросъ о кометѣ, дѣйствительно, занимаетъ много мѣста (№№ 16—28 за 1857 г.), ибо онъ, повидимому, интересовалъ многія еврейскія общины, какъ это часто бывало въ періоды потрясеній и великихъ ожиданій. Въ то же время корреспонденціи „Гамагида" изъ Россіи рисуютъ неприкосновенность патріархальнаго еврейскаго быта, въ которомъ постройка новой синагоги или кладбища, пріѣздъ новаго духовнаго раввина, его проповѣди и т. п. являлись большими событіями, о которыхъ сообщалось съ подобающею торжественностью тона.

Отклики „Гамагида" на возбужденіе еврейскаго вопроса въ русской печати также заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Если тутъ, вообще, можетъ быть рѣчь о „примитивности", то ее нужно отнести не къ „Гамагиду", а къ представителямъ тогдашней еврейской интеллигенціи—А. Б. Готлоберу, А. Цедербауму и другимъ, которые съ большимъ восторгомъ информировали читателей „Гамагида" о новыхъ словахъ, раздавшихся въ русской журналистикѣ: о протестѣ противъ „Иллюстраціи", о дѣятельности Пирогова въ Одессѣ и т. п. (№№ 2, 7, 8, 12, 16, 22, 37 и сл. за 1859 г.). Новое направленіе, впервые выступившее тогда въ русской литературѣ по отношенію къ евреямъ, вызвало большія надежды и въ иностранной печати (№ 8, перепечатка изъ „Le Nord").

Современную мѣрку г. Цинбергъ примѣняетъ, въ другомъ смыслѣ, и къ первымъ органамъ русско-еврейской печати—„Разсвѣту" и „Сіону", стараясь охарактеризовать общую физіономію каждаго изъ нихъ по національному вопросу. На самомъ дѣлѣ, въ этомъ отношеніи не было общаго credo ни у „Разсвѣта", ни у „Сіона", такъ какъ большинство ихъ сотрудниковъ очень мало интересовалось національной проблемой, будучи всецѣло поглощено вопросами просвѣщенія и эмансипаціи. Не было опредѣленной теоріи ассимиляціи (само это слово почти совершенно не встрѣчается ни въ „Разсвѣтѣ", ни въ „Сіонѣ"; терминъ же „сліяніе", большей частью, понимался въ смыслѣ сближенія), но не было и общей положительной точки зрѣнія по національному вопросу. I. Гальберштадтъ, выступившій съ протестомъ противъ религіозной реформы и съ апологіей стараго еврейства, явился постороннимъ человѣкомъ въ „Разсвѣтѣ". Единственный изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Разсвѣта", кто серьезно задумался надъ тенденціями національнаго развитія еврейства, былъ русскій писатель А. И. Георгіевскій; но онъ имѣлъ дѣло (въ своихъ иностранныхъ обозрѣніяхъ) съ однимъ лишь западно-европейскимъ еврействомъ: въ реформированныхъ еврейскихъ общинахъ, въ ихъ стремленіяхъ къ объединенію, въ попыткахъ создать еврейское представительство различ-

ныхъ странъ, въ созданіи новыхъ еврейскихъ школъ и разработкѣ еврейскаго знанія,—во всемъ этомъ онъ видѣлъ зачатки новой формы національной жизни (см. „Евр. Стар.“ 1915 г. кн. I, стр. 46—50). Остальные же сотрудники и корреспонденты „Разсвѣта“ вели постоянную и болѣе или менѣе ожесточенную борьбу со старымъ русскимъ еврействомъ: съ его школами (при помощи казенныхъ училищъ), съ его нелегальнымъ общиннымъ самоуправленіемъ (посредствомъ казенныхъ раввиновъ), съ его разговорнымъ языкомъ и духовной культурой, въ которой наиболѣе передовая интеллигенція видѣла сплошной „фанатизмъ“. Въ этой борьбѣ со всѣмъ старымъ не было мѣста для объективныхъ прогнозовъ новыхъ формъ національной жизни. Поэтому нельзя согласиться съ утвержденіемъ г. Цинберга, что Георгіевскій со своей опредѣленно-положительной формулировкой національной проблемы явился „выразителемъ взглядовъ редакціи „Разсвѣта“ (стр. 54).

Что касается редакціи „Сіона“, то только полемика извнѣ (въ украинской „Основѣ“ и русской журналистикѣ) заставила ее серьезно задуматься надъ національнымъ вопросомъ. И тутъ-то обнаружилось, что у „Сіона“ не было опредѣленнаго взгляда на будущность еврейской націи, а существовало явное тяготѣніе къ „обрусѣнію“. С. Л. Цинбергъ употребляетъ наше современное понятіе, когда говоритъ, что „Сіонъ“, подобно „Разсвѣту“, „не стоялъ подъ флагомъ ассимиляціи“ (стр. 63).

„День“ первый ясно формулировалъ теорію „обрусѣнія“. Однако, въ этомъ нельзя видѣть разрыва съ традиціями „Разсвѣта“ и „Сіона“, какъ думаетъ г. Цинбергъ („Какъ только началась националистско-руссификаторская политика, точка зрѣнія „Разсвѣта“ и „Сіона“ на національный вопросъ была немедленно оставлена“; стр. 117). „День“ лишь дальше развилъ и по своему обосновалъ обрусительныя тенденціи первыхъ двухъ русско-еврейскихъ органовъ печати.

Нашъ авторъ не всегда подчеркиваетъ глубокое различіе между оффиціальными руссификаторами и еврейскими обрусителями. Вѣдь и въ статьяхъ Оршанскаго, котораго авторъ считаетъ „наиболѣе яркимъ выразителемъ“ идеи обрусѣнія (стр. 181), мы встрѣчаемъ и суровую критику оффиціальной руссификаціи, и защиту спеціально-еврейскихъ учрежденій, въ томъ числѣ и еврейскихъ школъ (см. „Евр. Стар.“ 1915 г., кн. II, 136—138). Г. Цинбергъ приводитъ слова Готлобера (изъ частнаго письма его): „я ничего не имѣю, кромѣ хлѣба, который я ѣмъ по милости заботливаго правительства, пекущагося о просвѣщеніи евреевъ“ (стр. 114). Это несомнѣнно очень характерно для многихъ еврейскихъ интеллигентовъ, которые, въ качествѣ учителей казенныхъ училищъ и казенныхъ раввиновъ, служили видамъ правительства. Однако, во второй половинѣ 60-хъ годовъ передовая часть еврейской интеллигенціи, не порвавшая съ народомъ, становится все болѣе оппозиціонной къ правительству, что нашло самое яркое выраженіе въ выдающейся публицистикѣ того же Оршанскаго. Еще

гораздо дальше отъ оффиціальной руссификаціи стояла та часть еврейской интеллигенціи, которая воспитывалась на старой и новой еврейской литературѣ и была глубоко національна по всему складу своего ума. С. Л. Цинбергъ нѣсколько игнорируетъ самостоятельные пути развитія еврейской общественной мысли и различія между разнородными группами еврейской интеллигенціи, окрашивая общественныя теченія 60-хъ годовъ (послѣ польскаго возстанія) въ одинъ цвѣтъ—руссификаторской идеологіи (см. стр. 114—117, 126—128, 178—181).

Не останавливаясь на другихъ, очень интересныхъ и содержательныхъ отдѣлахъ книги г. Цинберга, отмѣтимъ только, что она составляетъ первый томъ широко задуманнаго труда по „исторіи ново-еврейской и разговорно-еврейской литературы". Не приходится, конечно, много говорить о томъ, насколько важно будетъ появленіе дальнѣйшихъ частей труда С. Л. Цинберга, показавшаго себя въ настоящей книгѣ, какъ и въ своихъ прежнихъ работахъ, вдумчивымъ изслѣдователемъ еврейской литературы въ ея многообразныхъ развѣтвленіяхъ. **И. С.**

Труды Общества изслѣдователей Волыни. Томъ XII. Этнографическіе матеріалы, собранные В. Г. Кравченко въ Волынской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Житоміръ. 1914.

Общество изслѣдователей Волыни продолжаетъ издавать этнографическіе матеріалы, которые г. Кравченко неутомимо собиралъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Среди матеріаловъ попадаются и такіе, которые имѣютъ отношеніе къ евреямъ.

Свадебные малорусскіе обряды чрезвычайно многосложны, разнообразны, а само свадебное торжество длится часто больше недѣли. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Волынской губерніи существуетъ у крестьянъ обычай, среди различныхъ почетныхъ визитовъ, сдѣлать визитъ и еврею-арендатору. Всѣ свадебные гости отправляются къ еврею на домъ и приносятъ съ собою угощеніе—горілку (водку) и проч. Еврей въ свою очередь ставитъ угощеніе пришедшей къ нему свадебной компаніи (стр. 198).

Въ видѣ разсказа „стараго жида", который по всякому поводу разсказывалъ любопытныя „байки", передана легенда о томъ, что человѣку было предназначено, при сотвореніи міра, жить только 20 лѣтъ; остальные же годы своей жизни человѣкъ позаимствовалъ изъ годовъ, отпущенныхъ домашнимъ животнымъ—собакѣ, волу, лошади, которыя тяготились своею жизнью на службѣ человѣку и охотно подарили ему часть своихъ лѣтъ („Скількі літ чоловік маэ жити", стр. 81).

Въ книгѣ мы находимъ сказаніе о томъ, какъ премудрый царь Соломонъ былъ изгнанъ дьяволомъ изъ своего царства, какъ онъ скитался по различнымъ землямъ и съ разными трудностями и приключеніями ему удалось раздобыть алмазъ (диямент), который нуженъ былъ для сооруженія храма (стр. 82 сл.). Это—отраженіе „странствующей" талмудической легенды о Соломонѣ и Асмодеѣ,

приноровленной къ христіанскимъ понятіямъ (монастырь, крестъ и т. п.) и малорусскому быту.

Интересенъ и наивный разсказъ о происхожденіи одноглазой рыбы камбалы: „З чого канбула“. Когда евреи шли изъ Египта, то Моисей велъ ихъ „черезъ Субо́т [1])-річку“. Рѣка эта шесть дней кипитъ, а въ субботу спокойна. Для того, чтобы перевести евреевъ черезъ рѣку, Моисей ударилъ жезломъ по водѣ, и воды разступились. Но одна рыба случайно попала подъ жезлъ, раздвоилась и каждый кусокъ поплылъ отдѣльно, и та рыба была камбала. Оканчивается разсказъ слѣдующимъ наивнымъ замѣчаніемъ: „То ото за тим на базарі жиди за канбулою й гоняються і не докуписся за ними“ (стр. 102).

Волынская легенда (столь художественно обработанная Владиміромъ Короленко) о томъ, что чортъ-хапунъ въ вечеръ Іомъ-Кипура похищаетъ „жида“, имѣется въ нѣсколькихъ варіантахъ въ разсматриваемомъ нами сборникѣ. Къ этому циклу относится разсказъ „Про то, какъ построенъ костелъ въ м. Шумскѣ, Кременецкаго повѣта“ (стр. 216). Въ Судный День чортъ обязанъ похитить по одному жиду на каждую изъ девяти синагогъ. Случилось однажды, что чортъ похитилъ еврея Дувида-Мошко. Въ это время повстрѣчался имъ случайно Святой Антоній. Еврей взмолился: „Святой Антоній, спаси меня!“ Чортъ вынужденъ былъ бросить свою жертву. Въ благодарность за это еврей выстроилъ на томъ самомъ мѣстѣ костелъ во имя Св. Антонія. Теперь тотъ костелъ уже ветхій, каменная стѣна разваливается, но до сихъ поръ на каждомъ кирпичѣ въ этой стѣнѣ можно разобрать надпись: „Дувидъ-Мошко“. Можно подумать, что еще въ старину тисненіемъ выдавливалось на каждомъ кирпичѣ имя владѣльца кирпичнаго завода.

Имѣется разсказъ, рисующій нѣсколько саркастическое и, пожалуй, враждебное отношеніе хохла къ еврею, а именно: „З чого побратались жид з чортом“ (стр. 112—113). Іисусъ Христосъ послалъ святыхъ Петра и Павла исцѣлять слѣпыхъ, хромыхъ. Идутъ апостолы Петръ и Павелъ и по пути встрѣчаютъ чорта съ жидомъ. Святые сняли головы съ обоихъ и бросили въ ровъ. Затѣмъ, они долго ходили по свѣту и исцѣляли слѣпыхъ, хромыхъ а, подъ конецъ, опять явились къ Іисусу Христу. Тутъ происходитъ такой діалогъ: „Ходили ви по світу,ісціляли сліпих, хромих?“—Еге, кажуть, сціляли.—„А більше ще ви шо зробили?“—Ничого.—„Ой глядить, шось зробили?“ Тогда святые сознаются, что они сняли головы съ чорта и жида. Христосъ строго сказалъ: „Вы имъ не дали жизни, какъ же вы могли ихъ лишить жизни? Ступайте, приставьте головы къ туловищамъ и исцѣлите ихъименемъ моимъ“. Святые отправились, вынули изъ рва отрубленныя головы и приставили къ туловищамъ. Но при этомъ они перепутали и положили на жида чортову голову, а на чорта жидовскую

[1]) Самбатіонъ еврейской легенды.

голову. „Воны й теперь такъ—у жида чортяча голова, а в чорта—жидівська—то вони собі брати“.

Въ разсказѣ „Піп, шо став конем“ (стр. 229) евреи изображены, какъ люди простоватые, легковѣрные. Ихъ легко удалось уговорить, что попъ за грѣхи свои былъ превращенъ въ коня. Они подходятъ къ коню и шепчутъ ему на ухо: „А бачите, батюшка, було-б вам не грішіть, а то вас упьять Бог наказав“...

Въ XII томѣ трудовъ О-ва изслѣдователей Волыни еще далеко не исчерпанъ весь этнографическій матеріалъ, собранный г. Кравченко, и мы, вѣроятно, еще увидимъ продолженіе его этнографической коллекціи въ дальнѣйшихъ томахъ изданія. „Отдѣленіе русскаго языка и словесности“ Академіи Наукъ дала денежную субсидію для печатанія трудовъ г. Кравченко, „въ виду выдающагося интереса, представляемаго этими матеріалами“.

Б. Топоровскій.

Получены въ редакціи:

Ю. Ю. Марти. Описаніе Мелекъ-Чесменскаго кургана и его памятниковъ въ связи съ исторіей Боспорскаго царства. Одесса, 1913. 88 стр.

В. С Войтинскій и А. Я. Горнштейнъ. Евреи въ Иркутскѣ. Иркутскъ, 1915. XVI + 393 стр. (Изданіе Правленія Иркутск. евр. Молитв. дома и Отдѣла О-ва Просвѣщ. евреевъ).

Къ еврейскому вопросу въ Польшѣ. Сборникъ статей, съ предисловіемъ Н. И. Полянскаго. Москва, 1915. 258 стр.

Архивъ и Музей Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

Обладая нынѣ значительнымъ количествомъ рукописей и старинныхъ предметовъ *), Архивъ и Музей Общества непрерывно обогащаются вновь поступающими матеріалами и современемъ могутъ стать центральнымъ хранилищемъ источниковъ для еврейской исторической науки и этнографіи. Въ виду обстоятельствъ нынѣшняго военнаго времени, когда многія рукописи и старинные предметы, находящіеся въ рукахъ частныхъ лицъ, особенно подвергаются опасности исчезновенія,—Комитетъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества проситъ присылать всѣ такіе матеріалы для его Архива и Музея по адресу:

Комитету Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

Петроградъ, Захарьевская, д. 25, кв. 14.

*) Подробная опись составляется и будетъ вскорѣ опубликована. Архивъ и Музей находятся въ спеціально приспособленномъ помѣщеніи, обезпеченномъ въ пожарномъ отношеніи.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ
„ЕВРЕЙСКОЙ СТАРИНЫ"
за шесть лѣтъ (1909—1914 г.).

---

*) Первое число въ скобкахъ обозначаетъ годъ изданія, а второе—страницу журнала.

23—24. **Барацъ, Г.**—Два документа 1828 г. (къ велижскому ритуальному процессу; еврейская присяга). (1911, 89).
25. **Бенъ-Ами,**—Воспоминанія о старой Одессѣ. Мое пребываніе въ Талмудъ-Торѣ и Сиротскомъ домѣ (1914, 62, 247, 412).
26. **Бейлинъ, С.**—Хедерныя загадки и задачи Литовскихъ евреевъ (1909, I, 189).
27. — Изъ разсказовъ о кантонистахъ (1909, II, 115).
28. — Анекдоты о еврейскомъ безправіи (1909, II, 269).
29. — О нѣкоторыхъ поговоркахъ (1911, 130).
30. — Воспоминанія о послѣднихъ годахъ рекрутчины (1914, 459).
31. — Быль или вымыселъ? (Дѣло о кощунствѣ въ Полонномъ) (1914, 106).
32—40. — Изъ историческихъ журналовъ: [32]) Цензура еврейскихъ книгъ (1833—1842) (1911, 417); [33]) Русскій очевидецъ о кантонистахъ (1911, 418); [34]) Послѣдствія посѣщенія столицы для двухъ евреевъ (1911, 418); [35]) Отзывъ великаго князя Николая Павловича о евреяхъ (1911, 589); [36]) Циркуляръ о еврейскомъ самосудѣ (1838 г.) (1911, 590); [37]) Въ чаяніи монаршихъ милостей (1816—1818) (1912, 340); [38]) Къ исторіи введенія рекрутской повинности (1912, 341); [38]а) Евреи Витебской губерніи въ 1837 г. (1913, 409; [38]б) О евреяхъ и кантонистахъ въ Симбирскѣ въ 1837 г. (1913, 411); [38]в) Сперанскій и мудрый раввинъ (1913, 540); [38]г) Доносъ Магницкаго на евреевъ (1913, 541); [38]д) Имп. Николай I въ Брестъ-Литовскѣ (1913, 542); [39]) Исторія села Іудина (іудействующіе въ Сибири. [40]) О кантонистахъ (1914, 492).
40 а. **Бергеръ, Л.** Квитанція пойманника (1910, 427).
41. **Берлинъ, И.**—А. Я. Гаркави (къ 50-лѣтнему юбилею) (1910, 592).
42. — Проф. Буткевичъ — Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ (1910, 650).
43. **Вайсенбергъ, С.**—Евреи въ Туркестанѣ (отчетъ о лѣтней поѣздкѣ 1912 г.) (1912, 390).
44. — Историческія гнѣзда Кавказа и Крыма (со снимками типовъ и древнихъ памятниковъ). (1913, 51).
45. — Фамиліи караимовъ и крымчаковъ (1913, 384).
46. **Вермель, С.**—Библейскія надписи на могильномъ памятникѣ Гоголю (1909, I, 281).
47. **Винаверъ, М. М.** — Какъ мы занимались исторіей. Рѣчь, произнесенная при открытіи Евр. Историко-Этнограф. О-ва (1909, I, 41).
48. **Вишницеръ, М. Л.** — Новѣйшія изслѣдованія по исторіи евреевъ въ Польшѣ (1909, I, 124).
49. — Новыя изслѣдованія по исторіи еврейскихъ общинъ въ средневѣковой Германіи (1909, II, 282).
50. — Къ исторіи евреевъ въ Прибалтійскомъ краѣ (1910, 293).
51. — Пятница 1619 г. (О „письмахъ пражескихъ евреевъ къ евреямъ Вѣны“) (1910, 636).
52. — Рецензія о кн. М. Балабана „Еврейскій кварталъ во Львовѣ“ и пр. (1910, 303).
53. — Кредитныя операціи евреевъ въ средневѣковой Германіи (1911, 135).

54. **Вишницеръ, М. Л.** По поводу книги И. Шиппера объ экономической жизни евреевъ въ средн. вѣка (1913, 132).
55. — По поводу труда Б. Вахштейна объ эпитафіяхъ еврейскаго кладбища въ Вѣнѣ (1914, 288).
56. **Галантъ, И. В.** — Арендовали-ли евреи православныя церкви на Украйнѣ (1909, I, 81).
57. — Ритуальный процессъ въ Дунай городѣ въ 1748 г. (1911, 268).
58. — Жертвы ритуальнаго обвиненія въ Заславѣ въ 1747 г., по актамъ Кіевскаго центральнаго архива (1912, 202).
59. — Оффиціальная переписка о прекращеніи колонизаціи евреевъ въ Новороссійскомъ краѣ (1912, 330).
60. — Задолженность кагаловъ въ XVIII в. (1913, 129).
61. — Къ исторіи кіевскаго гетто и цензуры евр. книгъ (1854—55) (1913, 264).
62. — Изгнаніе евреевъ изъ Кіева по оффиціальной перепискѣ (1828—1831) (1914, 465).
63. — Документы изъ эпохи Николая I (1914, 104).
64. **Гальпернъ, Я. М.** Необходимая поправка: къ ст. С. М. Дубнова „Анти-еврейское движеніе въ Россіи 1881—82 г." (1910, 118).
65. **Гаркави, А. Я.** Новая книга о хазарахъ (1910, 632).
66. **Геккеръ, Е.** Евреи въ польскихъ городахъ во второй половинѣ XVIII в. (1913, 184, 325).
67. — Юдофобія въ Польшѣ XVIII в. (1913, 439).
68. — Проекты реформы еврейскаго быта въ Польшѣ въ концѣ XVIII в. (1914, 206, 328).
69. **Гельберъ, Н.** Областной раввинатъ въ Галиціи (1776—186). (1914, 305).
70. **Гессенъ, Ю. И.** „Депутаты еврейскаго народа" при Александрѣ I. (1909, II, 17, 196).
71. — Къ исторіи еврейскихъ типографій. Крещеные евреи Зандбергъ и Фоделло (1909, II, 251).
72. — Въ эфемерномъ государствѣ. Евреи въ Варшавскомъ герцогствѣ (1807—1812). (1910, 1).
73. „Гелейтъ-цоллъ" (1910, 81).
74. — Къ судьбѣ евреевъ-врачей въ Россіи (1910, 612).
75. — Борьба караимовъ города Трокъ съ евреями (1910, 569).
76. — Записка Виленскаго кагала о нуждахъ еврейскаго народа (1833). (1911, 96).
77. — Къ исторіи коробочнаго сбора въ Россіи по неопубликованнымъ матеріаламъ (1911, 305, 484).
78. — Забытый общественный дѣятель. Записка купца Фейгина на имя Николая I (1911, 394).
79. — Евреи въ Курляндіи XVI—XVIII в. (1914, 145, 365).
80. **Гидалевичъ, А.** Пещерный городъ Тепе-Керменъ и его еврейское кладбище (съ 3 снимками). (1914, 198).
81. **Гольдштейнъ, С. М.** Участіе Виленскихъ евреевъ въ трауръ по смерти Костюшко (1909, I, 121).
82. — Изъ Жмудской старины (1910, 404).
83. — Къ исторіи краковской еврейской общины XV в. Историкъ Янъ Длугошъ и краковскіе евреи (1910, 624).

84. **Гольдштейнъ, С. М.** Изъ сѣдлецкихъ древностей (1911, 125).
85. — Еврейская торговая опись въ Бѣлоруссіи 1772 г. (1914, 489).
86. **Городецкій, С. А.** Рабби Леви-Ицхокъ Бердичевскій (къ исторіи хасидизма) (1909, I, 205).
87. — Садагорская династія (1909, II, 30, 161).
88. — Лудмирская дѣва (1909, II, 219).
89. — Рабби Натанъ Шпиро, краковскій каббалистъ XVII в. (1910, 192).
90. — Вѣкъ аскетической морали. Іешая Горовицъ, авторъ Шело, и его семья (1913, 145, 367, 455).
91. — Рабби Шабси-Шефтель Горовицъ (1914, 219).
92. **Готлоберъ. А. Б.** Изъ его переписки. 1849—1859. (1910, 283, 411; 1911, 299, 403).
93. **Грузенбергъ, С. О.** Письма (1896—1899), съ предисловіемъ С. М. Дубнова (1914, 385).
94. **Гурляндъ, Я. И.** Эпизодъ изъ исторіи изгнанія евреевъ изъ Россіи въ 1727 г. Поставка серебра на русскій монетный дворъ и Зундель Гиршъ (1909, II, 246).
95. **Дикштейнъ, Ф.** Новыя работы по еврейскому праву (1913, 549).
96. — Опытъ систематической обработки еврейскаго права (о книгѣ О. Гулака) (1914, 123).
97. **Донхинъ, Б.** Изъ прошлаго еврейскихъ общинъ въ гор. Люцинѣ и его уѣздѣ (1912, 263).
98. **Дубновъ, С. М.** Разговорный языкъ и народная литература польско-литовскихъ евреевъ въ XVI и первой половинѣ XVII в. (1909, I, 7).
99. — Еврейская Польша въ эпоху раздѣловъ (1909, II, 3; 1911, 441).
100. — Синагогальная элегія о жертвахъ Уманской рѣзни (съ фотогр. снимкомъ) (1909, I, 117).
101. — Антиеврейское движеніе въ Россіи въ 1881—1882 г. Изъ записки, предназначенной для Паленской Комиссіи (1909, I, 88, 265).
102. — Арендные контракты на Литвѣ XVII—XVIII вв. (1909, II, 105).
103. — Къ исторіи гоненія на еврейскія книги (1848) (1909, II, 112).
104. — Какъ была введена рекрутская повинность для евреевъ въ 1827 г. (1909, II, 256).
105. — Отголоски минувшаго вѣка (по поводу сборника „Пережитое“ и книги Марека: „Очерки по исторіи просвѣщенія“). (1909, I, 288).
106. — О еврейскомъ элементѣ въ древней русской лѣтописи (по поводу трудовъ Г. М. Бараца). (1909, II, 297).
107 — Вмѣшательство русскаго правительства въ антихасидскую борьбу (1800—1801). (1910, 84, 253).
108. — Саулъ-Пинхасъ Рабиновичъ (некрологъ). 1910, 321).
109. — Пинкосъ „великаго града“ Дубно (1911, 430).
110. — (С. Д.) Библіографическія замѣтки (о книгахъ Бараца и Городецкаго). (1911, 147).

111. **Дубновъ, М. С.** (Кр.) Библіографія (о монографіи М. Тейтельбаума„ Рабби Залманъ Лядыйскій" (1911, 595).
111а.—Прусскій Schutzbrief въ Бѣлостокѣ. 1799 г. (1911, 587).
112 — Судьба евреевъ въ Россіи въ эпоху западной первой эмансипаціи (1789—1815). (1912, 3. 313).
113. — Евреи въ Россіи въ эпоху европейской реакціи (1815—1848). (1912, 274, 370; 1913, 23, 308).
114. — (С. Д.) Акты еврейскаго короннаго сейма или Ваада четырехъ областей (1621—1699). (1912, 70, 178, 453).
115. — (С. Д.) Ритуальные процессы 1816 г.: 1) Межирѣцкое дѣло—записка Якова Шапиро. 2) Изъ архива Новосильцева (1912, 144).
116. — Выдвореніе евреевъ изъ Малороссіи во второй четверти XVIII в. (1913, 123).
117. — Перепись евреевъ въ Малороссіи въ 1736 г. (1913, 400, 526).
118. — Историческая тайна Крыма: I. Періоды крымской исторіи. II. Памятники Мангупъ Кале (1914, 1).
118а.—Областной Пинкосъ Литвы, см. № 224.
118б.—Научная лѣтопись, см. № 223.
119. Евреи въ войнѣ 1812 г. (сообщ. А. Каценельсона, С. Бейлина и пр.) (1912, 85).
120. **З. Д.** Липманъ Зельцеръ. Изъ семейныхъ воспоминаній (1912, 292).
121. **Зайдель, Л.** Евреи на Уралѣ (1910, 422).
122. **И. Я.** Борьба правительства съ хасидизмомъ (1834—1853 г.г.). (1914, 90).
123. **Ицковичъ, И.** Воспоминанія архангельскаго кантониста (1912, 54).
124. **Іерусалимскій, С.** Гоненія на еврейскую одежду (1871). (1912, 334).
125. **Іоффе, І.** Борьба бюргерства съ евреями въ Курляндіи въ серединѣ XVIII в. (1759 г.) (1911, 568).
126. **Каганъ, М. Г.** Домашній регламентъ въ Бѣлоруссіи (1845 г.) (1910, 110).
126а.—Къ пророчеству о Бонапартѣ (1910, 427).
127. — I. Л. Давидовичъ. Воспоминанія. (1911, 409).
128. **Кауфманъ, А. Е.** За много лѣтъ. Отрывки воспоминаній стараго журналиста (1913, 201, 333).
129. **Каценельсонъ, А. С.** Изъ мартиролога Московской общины. Московская синагога въ 1891—1906 г. (1909, I, 175).
130. — Разсказъ моей бабушки (1910, 607).
131. **Кая, И.** Ханскіе ярлыки, данные крымчакамъ (1914, 102).
132. **Клейнманъ, І.** „Еврейскій сборщикъ" (1910, 603).
133. **Клячко, М.** Волынскія преданія („Еврейскій бунтъ" 1827 г. и др. (1911, 389).
134. **Коганъ, Давидъ.** Московскій разгромъ Быхова въ 1659 г. (съ прибавленіями С. Д.) (1911, 114).
135. — Первыя десятилѣтія еврейской общины въ Одессѣ и погромъ 1821 г. (1911, 260).
136. — Доносъ на еврейскую прессу (1881 г.) (1911 г. 415).
137. **Козьминъ, М.** Прошлое и настоящее сибирскихъ сектантовъ-субботниковъ (1913, 3, 162).
138. — Изъ быта субботниковъ. Воспоминанія (1914, 443).

139. **Коробковъ, Х. Г.** Экономическая роль евреевъ въ Польшѣ въ концѣ XVIII в. (1910, 346).
140. — Экономическая роль евреевъ въ конгрессномъ Царствѣ Польскомъ: по поводу книги К. Г. Воблаго (1910, 121).
141. — Екатерина II и еврейская колонизація (1910, 299).
142. — Участіе евреевъ во внѣшней торговлѣ Польши (1911, 19, 197).
143. — Статистика еврейскаго населенія Польши и Литвы во второй половинѣ XVIII в. (1911, 541).
144. — (Х. К.). Эпизоды изъ эпохи Александра I (1911, 581).
145. — Перепись еврейскаго населенія Витебской губерніи въ 1772 г. (по архивнымъ источникамъ) (1912, 164).
146. — Еврейская рекрутчина въ царствованіе Николая I (1913, 70, 233).
147. **Крейнерманъ, С.** Грамота евреямъ города Полоннаго (1684 г.) (1911, 413).
148. — Дѣло о кощунствѣ въ Полонномъ (1855—58). (1914, 283).
149. **Криппе, Л.** Изъ записокъ эмигранта 1881 г. (1911, 372).
150. **Кулишеръ, М. И.** Польша съ евреями и Русь безъ евреевъ на рубежѣ XVII и XVIII в. (1910, 214).
151. — Исторія русскаго законодательства о евреяхъ въ связи съ системой взиманія налоговъ и отбыванія повинностей (1910, 467).
152. — Евреи въ Кіевѣ. Историческій очеркъ (1913, 351, 417).
153. **Кулишеръ, І. М.** Новый трудъ по экономической исторіи евреевъ (по поводу книги Г. Каро) (1909, II, 149).
153а.—По поводу книги Шиппера: „Возникновеніе капитализма у евреевъ (1909, I, 140).
154. **Кунинъ, И.** Евреи въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в. (1913, 96).
155. **Лебенсонъ, М. І.** (поэтъ). Письма (1850—51 г.). Сообщ. Я. Израэльсонъ (1914, 263).
156. **Леванда, Л. О.** Изъ его переписки. Сообщ. А. Друяновъ (1913, 279).
157. **Ливерантъ.** Приключенія еврея во время польскаго возстанія 1863 г. (1910, 378).
158. **Лиліенталь, М. д-ръ.** Письмо по дѣламъ просвѣщенія (1843 г.) (1909, I, 110).
159. — Письмо о своей миссіи (1842 г.) (1912, 91)..
160. **Маггидъ, Д. Г.** Иноязычные заговоры у русскихъ евреевъ въ XVIII и въ началѣ XIX в. (1910, 580).
161. — О книгѣ Ю. Кокизова: 44 надгробныхъ памятника караимскаго кладбища въ Чуфутъ-Кале (1912, 222).
162. Книга о Кундесѣ. Бытовая пародія начала XIX в. (Еврейскій текстъ съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями (1913, 493).
163. — Къ надписямъ въ Тепе-Корменѣ (1914, 490).
164. — Словарь аббревіатуръ (о книгѣ М. Гальперна) (1914, 126).
165. **Марголинъ, С. О.** Упрощенная исторіографія. По поводу „новѣйшей исторіи евреевъ“ М. Филипсона (1910, 429).
166. **Марекъ, П. С.** Изъ архивной коллекціи: письмо д-ра Лиліенталя; постановленіе круглянскаго кагала о мѣдной монетѣ и лажѣ (1909, I, 110).
167. — Раскладчики налоговъ въ Литовскихъ кагалахъ XVII—XVIII вѣковъ (1909. I, 161).

168. **Марекъ. П. С.** Евреи въ Смоленскѣ (1909, II. 303).
169. **Марконъ, И. Ю.** Давидъ Лехно (1910, 598).
170. **Меримзонъ, М.** Разсказъ стараго солдата (1912, 290, 406; 1913, 86, 221).
170а.—**Модельскій Т.** Къ спору о царѣ „Гебалимъ" (1912, 100).
171. **Мстиславская, С.** Берекъ Іоселевичъ и его сынъ (1909, II, 128).
172. — Евреи въ польскомъ возстаніи 1831 г. (1910, 61, 235).
173. **Н. Н.** Къ исторіи евреевъ городовъ Венгрова и Соколова (1911, 286).
174. **Н. Н.** Изъ впечатлѣній минувшаго вѣка (1914, 234, 429).
175. **Н. Н.** Нѣкоторыя резолюціи Императора Александра II по еврейскому вопросу (1861). (1912, 472).
176. **Нисенбаумъ, Ш.** Еврейскіе надгробные памятники въ Люблинѣ со снимками (1913, приложеніе).
177. **Оржешко, Элиза.** Письма въ переводѣ и съ предисловіемъ С. Мстиславской (1914, 42).
178. **Перельманъ, Ш.** Народныя пѣсни южнаго края (1912, 467).
179. **Прессъ, А. Г.** О мемуарахъ П. Венгеровой (1909, II, 307).
180. — Три поколѣнія. О II томѣ мемуаровъ П. Венгеровой (1910, 307).
181. **Рабиновичъ, О. А.** Письма (1858—60). Сообщ. Ю. Гессенъ (1911, 71).
182. — С. П. („Шеферъ"). Слѣды свободомыслія въ польскомъ раввинизмѣ XVI вѣка (1911, 1).
183. **Ривинъ, Д.** Историческіе итоги погромной эпохи („Die Judenpogrome in Russland"). (1911, 420).
184. **Розенштадтъ,** Б. Еврейскія жертвы въ польскомъ возстаніи 1863 г. (1913, 485).
185. **Рубашевъ, З.** Къ исторіи саббатіанства въ Польшѣ: о книгѣ, цитируемой І. Галятовскимъ (1912, 219).
186. — Старый трудъ по исторіи каббалистовъ въ новомъ изданіи (о книгѣ Д. Когана). (1913, 543).
187. — Саббатіанство въ Венгріи (о кн. Грюнвальда). (1914, 120).
188. **С. Л.** Л. Н. Толстой (1910, 465).
189. **Симоновъ, М. В.** Изъ воспоминаній русскаго врача. I. Православное духовенство и евреи (1909, II, 71).
189а. **Соловейчикъ, М.** См. ниже № 223.
190. **Сонинъ, П.** (псевд.). Воспоминанія о южно-русскихъ погромахъ 1881 г. (1909, II, 207).
191. — Къ исторіи лишенія евреевъ избирательныхъ правъ. Городовое положеніе 1892 г. (1911, 110).
192. **Сосисъ И. Д.** Общественныя настроенія „эпохи великихъ реформъ" (1914, 21, 182, 341).
193. **Станиславскій, С. М.** Къ исторіи кантонистовъ (1909, II, 266).
194. — Къ исторіи польскаго возстанія 1831 г. (1910, 419).
195. — Тувія Федеръ. (Біографическій очеркъ) (1912, 460).
196. — Зундель Лурье. (Біографія) (1914, 78).
197. **Стоклицкая-Терешковичъ, В.** Зомбартъ передъ судомъ нѣмецкой науки (1914, 109).

198. **Сыркинъ, Г. Я.** Элегія на смерть Львовскихъ мучениковъ 1728 г. (1909, I, 277).
199. **Топоровскій**, Б. Еврейскій „отдѣлъ" въ Екатеринославскомъ областномъ музеѣ (1912, 338).
200. — Два указа Импер. Александра I (1913, 407).
201. — Матеріалы по этнографіи Волыни (1913, 286).
202. — Бѣлорусскіе евреи при Екатеринѣ II (1914, 499).
203. **Тривусъ, М.** Ритуальные процессы дореформеннаго русскаго суда. (1912, 246).
203a. **Тувимъ, И. I.**, д-ръ—см. ниже, № 224.
204. **Урысонъ, И.** Мордхай Яффе. Къ трехсотлѣтію его смерти (1912, 353).
205. **Фрумкинъ, Б.** Изъ исторіи революціоннаго движенія среди евреевъ въ 1870 годахъ (1911, 221, 513).
206. — Очерки изъ исторіи рабочаго движенія. 1885—1897 г. (1913, 108, 245).
207. **Хокеръ, Г. А.** Евреи въ Генуэзской Кафѣ въ 1455 г. (1912, 66).
208. **Цинбергъ, С. Л.** Исаакъ Беръ Левинзонъ и его время (1910, 504).
209. **Шацкинъ, Я.** Евреи въ Ржешовѣ (1914. 82).
210. — Виленскіе евреи въ началѣ XIX в. (1914, 486).
211. — Новые матеріалы объ участіи евреевъ въ войнѣ 1812 г. (1914, 495).
212. **Шипперъ, И.** Еврейскій кредитъ въ Польшѣ въ XIV в. (1910, 542).
213. — Раннія стадіи еврейской колонизаціи въ Польшѣ. Очеркъ I: сельская колонизація, очеркъ II: городская колонизація (1911, 161, 348).
214. — О царѣ „Гебалимъ" въ Хазарскомъ письмѣ (1911, 142).
215. — Спорные вопросы эпохи Владислава Ягеллы (1913, 102).
216. **Шорръ, М.** Краковскій сводъ еврейскихъ статутовъ и привилегій XV—XVIII в. (1909, I, 247; II, 76, 223; 1911, 249).
217. **Шпигель, М.** Изъ записокъ кантониста (1911, 249).
218. **Штернбергъ, Л. Я.** Новѣйшія работы по антропологіи евреевъ (1912, 302).
219. **Г. Э.** Мучители и мученики въ ритуальныхъ процессахъ. Ступницкій и Войславицкій процессы 1759—1760 г. (1912, 26).
220. **Ямпольскій, П. А.** Воспоминанія объ И. Г. Оршанскомъ (1911, 55).
221. **Обзоръ** научныхъ журналовъ за 1908 годъ (1909, 146).
222. **Книжная лѣтопись** (1912, 95, 342, 475; 1913, 282, 413).
223. **Научно-литературная хроника** (1914, 128, 292, 501. Рецензировано 60 изданій по всѣмъ областямъ еврейской науки. Рецензенты: С. Дубновъ, М. Соловейчикъ и др.).
224. **Областной пинкосъ** Ваада главныхъ еврейскихъ общинъ Литвы. Текстъ съ рус. переводомъ д-ра **И. I. Тувима**. Подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями **С. М. Дубнова**. Томъ I, 1623—1662—въ особомъ приложеніи къ кн. журнала за 1909, 1910 и 1911 г. Томъ II, въ приложеніи къ кн. журнала за 1912—14 г. (доведено до Ваада 1687 года).

Предметный, именной и географическій указатель *).

(Цифры означаютъ №№ въ предыдущемъ спискѣ статей).

*) Въ этотъ краткій указатель вошли только названія, обозначенныя въ заголовкахъ статей, а не въ текстѣ ихъ.

Продолжается подписка на 1915 г. на трехмѣсячникъ

„ЕВРЕЙСКАЯ СТАРИНА“

издаваемый Еврейскимъ Историко-Этнографическимъ Обществомъ подъ редакціей **С. М. Дубнова**.

Цѣль изданія: научная разработка еврейской исторіи и этнографіи преимущественно въ Польшѣ и Россіи. Въ трехмѣсячникѣ помѣщаются изслѣдованія по первоисточникамъ или неизданнымъ матеріаламъ, документальный матеріалъ въ подлинникахъ и переводахъ, обработанные очерки и монографіи, мемуары, переписка, отзывы о новыхъ книгахъ (по всѣмъ отраслямъ еврейскаго знанія), извѣстія о дѣятельности Евр. Истор.-Этн. О-ва, и пр.

СОТРУДНИКИ: С. А. Ан—скій, проф. М. Балабанъ (Львовъ), Г. М. Барацъ, С. Х. Бейлинъ, Бенъ-Ами, д-ръ С. А. Вайсенбергъ, С. С. Вермель, М. М. Винаверъ, М. Л. Вишницеръ, И. В. Галантъ, А. Я. Гаркави, д-ръ Елена Геккеръ (Краковъ), Ю. И. Гессенъ, С. М. Гольдштейнъ, С. А. Городецкій, д-ръ А. Я. Гидалевичъ, Б. Донхинъ (Донъ-Яхія), Я. И. Израэльсонъ, д-ръ І. Іоффе, М. Г. Каганъ, Л. Канторъ, А. С. Кацнельсонъ, А. Е. Кауфманъ, Давидъ Коганъ, Х. Г. Коробковъ, М. И. Кулишеръ, І. М. Кулишеръ, Д. Г. Маггидъ, С. О. Марголинъ, П. С. Марекъ, И. Ю. Марконъ, С. Мстиславская, С. В. Познеръ, Л. А. Севъ, Г. В. Сліозбергъ, М. А. Соловейчикъ, И. Д. Сосисъ, С. М. Станиславскій, Г. Я. Сыркинъ, М. Г. Сыркинъ, Б. И. Топоровскій, М. Л. Тривусъ, д-ръ И. І. Тувимъ, И. С. Урысонъ, Б. Фрумкинъ, С. Л. Цинбергъ, И. Шипперъ (Львовъ), проф. М. Шорръ (Львовъ), Л. Я. Штернбергъ, д-ръ П. А. Ямпольскій и др.

Подписная цѣна: на годъ—4 руб.; на 1/2 года—2 руб.

Члены Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества, годовой взносъ которыхъ не менѣе 5 руб., получаютъ „Еврейскую Старину“ **безплатно**, уплачивая только 1 руб. за пересылку книгъ.

Отдѣльные **комплекты** журнала за прошлые годы продаются по 4 руб. за годъ; для новыхъ членовъ Общества и подписчиковъ по 3 руб. за годъ. Выписывающіе комплекты за **шесть** лѣтъ (1909—1914 г.г.) платятъ 18 руб.; для новыхъ членовъ Общества и подписчиковъ—15 руб.

Адресъ: **Комитету Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества, Петроградъ, 7-я Рождественская, д. 6.**

Рукописи, литературную переписку, книги для рецензіи и періодическія изданія адресовать: С. М. Дубнову, Петроградъ, Б. Монетная, д. № 21.

Обо всѣхъ книгахъ, поступающихъ въ редакцію отъ авторовъ или издателей, даются рецензіи или извѣщенія.

ИЗДАНІЯ

ЕВРЕЙСКАГО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Въ канцеляріи Комитета Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества (Петроградъ, 7-я Рождественская, д. 6). ПРОДАЮТСЯ еще слѣдующія книги:

1) РЕГЕСТЫ и НАДПИСИ.

Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи.

Томъ I (80—1670 г.)—ц. **3** р.
Томъ II (1671—1739 г.)—ц. **2** р.
Томъ III (1740—1799 г.).—ц. **2** р.

2) „ОЧЕРКИ ПО ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРІИ И КУЛЬТУРѢ“.

(Историческая хрестоматія). Томъ первый. Библейскій періодъ. Подъ редакціей М. И. Кулишера и Л. А. Сева, составлена М. А. Соловейчикомъ.

Цѣна **1** р. **50** к., въ переплетѣ **2** руб.

3) 1-й томъ „ОБЛАСТНОГО ПИНКОСА ВААДА ЛИТВЫ“,

содержащій акты 1623—1662 г. Еврейскій текстъ съ русскимъ переводомъ д-ра И. I. Тувима, подъ редакціей и съ предисловіемъ С. М. Дубнова. Цѣна 1-го тома **2** р. **50** к.

4) „РУССКО-ЕВРЕЙСКІЙ АРХИВЪ“.

С. А. Бершадскій. Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ. Томъ I (1338—1550 г.). Ц. **2** руб. Т. II (1550—1569 г.). Ц. **2** руб. Т. III Документы къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569 г.). Ц. **1** р. **50** к.

5) ЕВРЕЙСКІЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОР. ЛЮБЛИНА.

Фотограф. снимки съ текстами. Спб. 1913. Ц. **60** коп.

Членамъ Общества и подписчикамъ „Еврейской Старины“—скидка 25% на всѣ изданія Общества.

---

6) **Полные экземпляры „Еврейской Старины“ за 1909—1914 г.г.**
(см. стр. 11).

Условія вступленія въ члены Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

Дѣйствительные члены уплачиваютъ **10** руб. въ годъ (или 100 руб. единовременно). Они получаютъ безплатно журналъ „Еврейскую Старину" и всѣ другія изданія Евр. Ист.-Этн. Общества за данный годъ.

Члены-соревнователи уплачиваютъ **5** руб. ежегодно (или 50 руб. единовременно). Они получаютъ безплатно текущія изданія Общества, а „Еврейскую Старину"—при условіи доплаты одного рубля въ годъ за пересылку.

Члены-жертвователи уплачиваютъ **три** руб. ежегодно и получаютъ безплатно текущія изданія Общества, а „Еврейскую Старину"—по льготной цѣнѣ **3** руб. въ годъ съ пересылкой.

На отдѣльныя изданія Общества всѣ члены получаютъ 25% скидки.

Извлеченіе изъ Устава Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

§ **1.** Еврейское Историко-Этнографическое Общество имѣетъ цѣлью: а) изученіе и изслѣдованіе всѣхъ областей еврейской исторіи и этнографіи и б) разработку теоретическихъ вопросовъ исторической и этнографической наукъ.

§ **2.** Для достиженія своей цѣли, Общество: а) устраиваетъ собранія своихъ членовъ для научныхъ сообщеній; б) устраиваетъ, съ надлежащаго разрѣшенія, публичныя чтенія по вопросамъ еврейской исторіи и этнографіи; в) печатаетъ, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ для сего законовъ, свои труды въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, сборниковъ и періодическихъ изданій; г) предлагаетъ задачи и за разрѣшеніе ихъ выдаетъ денежныя преміи и награды.

§ **3. Райономъ дѣйствія Общества является вся территорія Россійской Имперіи.**

§ **4.** Членами Общества могутъ быть лица обоего пола, достигшія совершеннолѣтія, сочувствующія и выражающія готовность содѣйствовать цѣлямъ Общества.

§ **5.** Члены Общества раздѣляются на: а) почетныхъ, б) дѣйствительныхъ, в) соревнователей, г) жертвователей.

§ **10.** Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно въ кассу Общества десять рублей или сто рублей единовременно. Члены-соревнователи вносятъ ежегодно въ кассу Общества пять рублей или пятьдесятъ рублей единовременно.—Члены-жертвователи—ежегодно три рубля.

§ **11.** Всѣ члены получаютъ безплатно по одному экземпляру всѣхъ печатаемыхъ Обществомъ трудовъ, за исключеніемъ періодическихъ изданій Общества. Всѣ члены имѣютъ право пользоваться библіотекой и архивомъ Общества.

§ **12.** Въ составѣ Общества, по мѣрѣ надобности, могутъ открываться особыя отдѣленія по спеціальностямъ.

§ **13.** Дѣлами Общества управляетъ Комитетъ въ составѣ 12 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ. Комитетъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, двухъ товарищей предсѣдателя, секретаря и казначея.

§ **26.** Комитетъ имѣетъ свое пребываніе въ Петроградѣ.

СОСТАВЪ КОМИТЕТА

Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества въ 1915 г.

Предсѣдатель *М. М. Винаверъ.*

Товарищи Предсѣдателя *С. М. Дубновъ.* *М. И. Кулишеръ.*

Секретарь *С. В. Познеръ.*

Казначей *С. М. Гольдштейнъ.*

Члены:
С. Г. Лозинскій.
С. А. Рапопортъ (Ан-скій).
Л. А. Севъ.
І. Б. Сліозбергъ.
М. Г. Сыркинъ.
М. Л. Тривусъ.
И. І. Тувимъ.
М. И. Шефтель.
Л. Я. Штернбергъ.

Архивъ и Музей Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

Обладая нынѣ значительнымъ количествомъ рукописей и старинныхъ предметовъ *), Архивъ и Музей Общества непрерывно обогащаются вновь поступающими матеріалами и современемъ могутъ стать центральнымъ хранилищемъ источниковъ для еврейской исторической науки и этнографіи. Въ виду обстоятельствъ нынѣшняго военнаго времени, когда многія рукописи и старинные предметы, находящіеся въ рукахъ частныхъ лицъ, особенно подвергаются опасности исчезновенія,—Комитетъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества проситъ присылать всѣ такіе матеріалы для его Архива и Музея, по адресу:

Комитету Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества, **Петроградъ**, 7-я Рождественская, д. 6.

*) Подробная опись составляется и будетъ вскорѣ опубликована. Архивъ и Музей находятся въ спеціально приспособленномъ помѣщеніи, обезпеченномъ въ пожарномъ отношеніи.

Типографія И. Флейтмана, Петроградъ, Казанская, 45.

Въ Комитетъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

Прошу выслать мнѣ по адресу ....

....

....

*) журналъ „Еврейская Старина“ за 1909 г.
„ „ „ за 1910 г.
„ „ „ за 1911 г.
„ „ „ за 1912 г.
„ „ „ за 1913 г.
„ „ „ за 1914 г.
„ „ „ за 1915 г.
I томъ „областного Пинкоса Ваада Литвы“
I томъ „Очерковъ по еврейской исторіи и культурѣ (Историч. хрестоматія)“.
I томъ „Регестъ и Надписей“.
II „ „ „
III „ „ „
I томъ „Русско-Еврейскаго Архива С. А. Бершадскаго“.
II „ „ „ „
Еврейскіе надгробные памятники г. Люблина.

Съ 1915 г. желаю быть зачисленнымъ въ члены Общества съ годовымъ взносомъ въ..............руб.

Слѣдуемыя по счету деньги уплачу по наложенному платежу.

(Подпись)

..............................*дня 191 г.*

---

*) **Ненужныя изданія просимъ зачеркнуть.**

ПЕЧАТНОЕ.

Въ Комитетъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

Петроградъ,

7-ая Рождественская, д. 6.

ОТЧЕТЪ

Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества за 1914 годъ.

Составъ Общества.

Къ 1-му января 1915 г. Общество состояло изъ 774 членовъ, изъ коихъ въ теченіе 1914 г. прибыло 183 члена (81 въ Петроградѣ и 102 въ другихъ городахъ).

По разрядамъ члены Общества распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Наименованіе разряда.	Въ Петроградѣ.				Въ другихъ городахъ.				Всего состояло къ 1 Января 1915 г.
	Состояло къ 1 Января 1914 г.	Выбыло въ теченіе 1914 г.	Поступило въ теченіе 1914 г.	Состояло къ 1 Января 1915 г.	Состояло къ 1 Января 1914 г.	Выбыло въ теченіе 1914 г.	Поступило въ теченіе 1914 г.	Состояло къ 1 Января 1915 г.	
Почетныхъ	1	—	—	1	1	—	—	1	2
Пожизн. дѣйствительныхъ	28	—	1	29	29	1	2	30	59
„ соревнователей	28	1	—	27	10	—	—	10	37
Дѣйствительныхъ	24	2	3	25	49	3	7	53	78
Соревнователей	99	9	13	103	241	30	93	304	407
Жертвователей	200	86	64	178	22	9	—	13	191
Итого	380	98	81	363	352	43	102	411	774

Годовое Общее Собраніе.

21-го апрѣля 1914 г. состоялось годовое собраніе Общества. На очереди стояли слѣдующія дѣла: 1) обсужденіе отчета за 1913 г. и заключеніе Ревизіонной Комиссіи. 2) Утвержденіе смѣты на 1914 г. 3) Избраніе новыхъ членовъ. 4) Выборы 4-хъ членовъ Комитета вмѣсто выбывшихъ по очереди, согласно примѣчанію къ § 17 устава Общества, С. М. Дубнова, С. Г. Лозинскаго, М. Г. Сыркина и М. Л. Тривуса.

Въ члены Ревизіонной Комиссіи избраны: М. А. Бронштейнъ, С. Е. Вейсенбергъ и С. Г. Полякъ.

Составъ Комитета въ 1914 г.

М. М. Винаверъ *(Предсѣдатель)*, С. М. Дубновъ и М. И. Кулишеръ *(Товарищи Предсѣдателя)*, С. М. Гольдштейнъ *(Казначей)*, С. В. Позперъ *(Секретарь)*. С. Г. Лозинскій, С. А. Рапопортъ (Ан—скій), Л. А. Севъ, Г. Б. Сліозбергъ, М. Г. Сыркинъ, М. Л. Тривусъ, И. І. Тувимъ, М. И. Шефтель и Л. Я. Штернбергъ.

Дѣятельность Комитета.

I.

Дѣятельность Общества въ отчетномъ году продолжалась въ прежнемъ объемѣ, за исключеніемъ первыхъ мѣсяцевъ послѣ объявленія войны, когда ее пришлось нѣсколько сократить. Комитетъ въ особенности принималъ мѣры къ тому, чтобы поддерживать правильный выходъ трехмѣсячнаго журнала Общества, имѣющаго цѣлью разработать и освѣщать исторію евреевъ въ Польшѣ и Россіи.

Обнаружившаяся вначалѣ неизбѣжная убыль членовъ О-ва и подписчиковъ на журналъ—въ послѣдніе мѣсяцы отчетнаго года была покрыта притокомъ новыхъ членовъ.

Активное участіе въ дѣлѣ привлеченія новыхъ членовъ, принимали постоянные сотрудники: Б. И. Топоровскій—въ Екатеринославѣ, С. Х. Бейлинъ—въ Иркутскѣ, П. В. Галантъ—въ Кіевѣ, Г. Я. Сыркинъ—въ Минскѣ и Н. Б. Лившицъ въ Харьковѣ. Успѣху этого дѣла также содѣйствовали С. Л.

Браславскій и І. Коринъ—въ Екатеринославѣ, Я. И. Израэльсонъ—въ Кіевѣ, С. Барбашъ—въ Одессѣ и А. С. Кацнельсонъ—въ Москвѣ.

Въ Петроградѣ была устроена, при содѣйствіи Розы Георгіевны Винаверъ, публичная лекція С. М. Дубнова. Валовой доходъ съ лекціи достигъ 1.150 руб., а чистый доходъ—904 руб.

Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ выразить свою благодарность всѣмъ названнымъ сотрудникамъ.

II.

Журналъ „Еврейская Старина".

Трехмѣсячникъ Общества издавался регулярно и въ 1914 г., и только во второмъ полугодіи, вслѣдствіе обстоятельствъ военнаго времени, пришлось соединить двѣ книжки журнала въ одномъ выпускѣ. Въ отчетномъ году сдѣланы улучшенія въ самомъ содержаніи журнала. Значительно расширенъ отдѣлъ *мемуаровъ и переписки*, особенно привлекающій вниманіе большинства читателей, и введенъ отдѣлъ „Научно-литературной хроники", гдѣ дается отчетъ о новинкахъ еврейской науки во всѣхъ ея областяхъ.

По эпохамъ статьи журнала за 1914 годъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

I. *Изслѣдованія по исторіи евреевъ до XIX вѣка.*—Теряющаяся въ дали вѣковъ исторія евреевъ въ Крыму затронута въ статьяхъ *С. Дубнова:* „Историческая тайна Крыма" (на основаніи вновь открытыхъ надгробныхъ памятниковъ), д-ра *А. Гидалевича:* „Пещерный городъ Тепе-Керменъ", *И. Кая:* „Ханскіе ярлыки, данные крымчакамъ". Еврейская исторія въ Польшѣ XVI—XVIII вѣковъ представлена въ статьяхъ *М. Балабана:* „Эпизоды изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ и антиеврейской литературы" (на основаніяхъ неизданныхъ или рѣдкихъ источниковъ), *Я. Шацкина:* „Евреи въ Ржешовѣ" (Галиція), *Е. Геккеръ:* „Проектъ реформы еврейскаго быта въ Польшѣ въ концѣ XVIII вѣка", *Н. Гельбера:* „Областной раввинатъ въ Галиціи" (1776—86). Статья *Ю. Гессена:* „Евреи въ Курляндіи въ XVI—XVIII в." вводитъ насъ въ особый уголокъ еврейской исторіи, гдѣ вѣками тянулась

борьба нѣмецкаго бюргерства съ евреями. Къ *исторіи литературы XVII вѣка* относится очеркъ *С. Городецкаго*: „Рабби Шабси-Шефтель Горовицъ", завершающій серію статей того же автора о дѣятельности раввиновъ-каббалистовъ изъ семьи Горовицъ, въ центрѣ которой стоитъ авторъ „Шело".

II. *Статьи по исторіи XIX вѣка.* — Эпоха „просвѣщенія" изображена въ статьѣ *И. Сосиса*: „Общественныя настроенія эпохи великихъ реформъ", гдѣ на основаніи тогдашней періодической печати характеризуются идейныя теченія, чаянія и надежды людей 60-хъ годовъ. Матеріалъ для характеристики отдѣльныхъ моментовъ новѣйшей исторіи даютъ архивные акты въ статьяхъ *Я. И.*: „Борьба правительства съ хасидизмомъ" (1834—1853 г.—Записка Тугенгольда о хасидахъ, фигурировавшая въ дѣлѣ Бейлиса), *И. Галанта*: „Изгнаніе евреевъ изъ Кіева по оффиціальной перепискѣ" (1828—1831), *С. Крейнермана*: „Дѣло о кощунствѣ въ Полонномъ" (1855—58), и рядъ другихъ сообщеній.

Бытовую исторію XIX вѣка освѣщаютъ мемуары *Бенъ-Ами* („Воспоминанія о старой Одессѣ"), *Н. Н.* („Изъ впечатлѣній минувшаго вѣка", еще неоконченные) и *С. Бейлина* („Воспоминанія о послѣднихъ годахъ рекрутчины"). О бытѣ одной экзотической группы повѣствуетъ *М. Козьминъ* („Изъ быта субботниковъ. Воспоминанія сибирскаго субботника", автора статей о субботникахъ въ „Еврейской Старинѣ" 1913 г.). Въ область литературныхъ и общественныхъ движеній вводитъ *литературная переписка*, которой отведено значительное мѣсто въ книжкахъ журнала за отчетный годъ. „Письма поэта М. I. Лебенсона" (1850—51 г.), сообщенныя *Я. Израэльсономъ*, проливаютъ новый свѣтъ на загадочную личность безвременно угасшаго обаятельнаго лирика. „Письма Элизы Оржешко" (съ предисловіемъ *С. Мстиславской*) повѣствуютъ о порывахъ польской писательницы-гуманистки къ защитѣ евреевъ и о судьбѣ ея романа „Мееръ Езофовичъ". „Письма С. О. Грузенберга" (къ С. М. Дубнову) воскрешаютъ въ памяти недавніе идейные споры по національному вопросу (1896—99 г.).

Въ отдѣлѣ „Критики и библіографіи" рецензировано около 70 изданій по всѣмъ областямъ еврейскаго знанія. Рецензенты: М. Вишницеръ, Ф. Дикштейнъ, С. Дубновъ, Д. Маггидъ, З. Рубашевъ, М. Соловейчикъ и друг.

Печатаніе „Литовскаго Пинкоса“ (въ приложеніи къ журналу) доведено до Ваада 1687 года.

III.

Преміи.

а) Премія за трудъ въ ознаменованіе 50-лѣтія русско-еврейской печати.

Въ ознаменованіе 50-лѣтія русской-еврейской печати (1860—1910), Комитетъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества объявилъ въ свое время конкурсъ на трудъ по исторіи русско-еврейской и еврейской (на древне-евр. и разговорно-евр. яз.) журналистики въ Россіи.

Условія конкурса были слѣдующія:

1) Размѣръ сочиненія долженъ быть не менѣе 10 листовъ.

2) Премія назначается въ суммѣ 400 руб.; если будетъ представлено сочиненіе по исторіи одной русско-еврейской или только еврейской журналистики, премія выдается въ половинномъ размѣрѣ (200 руб.).

3) Сочиненіе можетъ быть представлено въ рукописи или напечатаннымъ; въ первомъ случаѣ, при напечатаніи книги должно быть указано, что сочиненіе удостоено настоящей преміи.

4) Срокъ для представленія сочиненія—не позже 1-го января 1914 года.

Къ этому сроку былъ представленъ трудъ С. Л. Цинберга, для разсмотрѣнія котораго Комитетомъ О-ва избрано было жюри въ составѣ: С. М. Дубнова, Л. А. Сева и М. Л. Тривуса.

Заключеніе жюри, въ существенной его части, гласитъ:

„Представленная Комитету Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества на соисканіе преміи, рукопись труда С. Л. Цинберга, подъ заглавіемъ: „Исторія еврейской печати въ Россіи въ связи съ общественными теченіями“,—обнимаетъ только первую половину 50-лѣтней исторіи нашей журналистики, а именно „періодъ гаскалы“, отъ 1860 г. до 1881 г. Исторія слѣдующей эпохи войдетъ во 2-ю часть этого широко задуманнаго труда. Но и то, что дано въ первой части, является исчерпывающимъ историко-литературнымъ изслѣдованіемъ, далеко выходящимъ за рамки обычной

юбилейной исторіографіи. При полнотѣ литературныхъ и библіографическихъ данныхъ, въ этомъ трудѣ живо рисуется борьба идей, ознаменовавшая бурную просвѣтительную эпоху, и литературная исторія здѣсь тѣсно переплетена съ исторіей нашей общественности и культурныхъ кризисовъ. Въ виду всѣхъ этихъ качествъ, мы находимъ трудъ С. Л. Цинберга достойнымъ той премін, которую Комитетъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества назначилъ за работу по исторіи еврейской журналистики въ Россіи".

На основаніи этого заключенія Комитетъ постановилъ выдать С. Л. Цинбергу назначенную премію.

б) Премія имени М. В. Майданскаго изъ Екатеринослава.

Въ 1913 году поступило, черезъ Б. И. Топоровскаго въ Екатеринославѣ, въ кассу Общества 200 рублей, пожертвованные І. М. и К. М. Майданскими для выдачи гонорара, по усмотрѣнію Комитета Общества, за литературную работу въ память Михаила Владимировича Майданскаго.

Для осуществленія этой цѣли, Комитетъ поручилъ З. Л. Рубашеву составить „Регесты" изъ раввинской литературы среднихъ и новыхъ вѣковъ, относящіяся къ исторіи евреевъ въ древней Руси, Польшѣ и Литвѣ". Для редактированія этого труда избрана Комиссія въ составѣ С. М. Дубнова, С. М. Гольдштейна и М. Г. Сыркина.

IV.

Архивъ. Музей и Библіотека.

Архивъ. Въ отчетномъ году приведено было въ порядокъ помѣщеніе Архива и пріобрѣтенъ шкафъ для храненія документовъ. Затѣмъ, подъ руководствомъ завѣдывающаго Архивомъ С. М. Гольдштейна, произведена была слушателемъ Курсовъ Востоковѣдѣнія И. С. Лурье опись всѣхъ имѣющихся на лицо документовъ, при чемъ число ихъ оказалось (въ папкахъ, въ которыхъ часто содержится группа документовъ):

Архива б. Историко-Этнографической Коммиссіи . . .	37
Собранныхъ Историко-Этнографическимъ Обществомъ	108
Пожертв. Обществу архива б. Союза равноправія евр.	286
Всего къ концу отчетнаго года находилось . . .	431

Въ ближайшее время ожидается еще поступленіе двухъ частныхъ архивовъ, и наше хранилище рукописей обѣщаетъ значительно разростись. Произведенная покуда предварительная опись Архива составляетъ лишь первый шагъ въ дѣлѣ его упорядоченія; за нею должны послѣдовать подробная опись и составленіе указателей.

Музей. Въ отчетномъ году произведена была также и тѣми же лицами опись Музея Общества, при чемъ въ немъ оказалось:

Разныхъ относящихся къ исторіи и культурѣ евреевъ предметовъ	25
Бумажныхъ оттисковъ-снимковъ надгробныхъ памятниковъ древняго-еврейскаго кладбища въ Мангупъ-Кале (Крымъ)	50
Фотографическихъ снимковъ наружнаго и внутренняго вида древнихъ синагогъ	37
Фотографическихъ снимковъ еврейскихъ надгробныхъ памятниковъ	47
Всего къ концу отчетнаго года состояло предметовъ	159

Пріобрѣтеніе необходимыхъ шкафовъ и витринъ для Музея, не могло быть осуществлено въ отчетномъ году по недостатку средствъ, а потому осмотръ предметовъ Музея, въ виду скученности ихъ въ не вполнѣ удобныхъ помѣщеніяхъ, довольно затруднителенъ.

Библіотека. Въ Февралѣ отчетнаго года библіотека Общества обогатилась пожертвованіемъ, по волѣ покойнаго члена Общества Эмануила Борисовича Левина, исторической части его цѣнной библіотеки. Въ память покойнаго Комитетомъ Общества постановлено учредить въ Библіотекѣ особый шкафъ имени Эмануила Борисовича; вмѣстѣ съ книгами Обществу пожертвованъ былъ и книжный шкафъ покойнаго. Количество книгъ Библіотеки составляло:

Книгъ Библіотеки Общества	200 назв.
„ „ пожертвованныхъ Э. Б. Левинымъ	84 „
Всего къ концу отчетнаго года въ библіотекѣ было книгъ	284 назв.

Въ Архивную Коммиссію направлялись, по примѣру прежнихъ лѣтъ, всѣ поступавшіе въ Общество запросы относи-

тельно древнихъ документовъ, предметовъ и монетъ, для соотвѣтствующихъ разъясненій и отвѣтовъ, при чемъ всѣ такіе запросы въ отчетномъ году были удовлетворены.

V.

Научныя собранія Общества.

Въ теченіе 1914 года въ научныхъ собраніяхъ Общества были прочитаны слѣдующіе доклады:

18-го января. Д-ръ *С. А. Вайсенбергъ:* „По Палестинѣ. Личныя впечатлѣнія".

Докладъ былъ иллюстрированъ свѣтовыми картинами.

22-го февраля. *С. М. Дубновъ:* „Что такое хасидизмъ" (публичная лекція).

Программа лекціи: Развитіе іудаизма въ связи съ сохраненіемъ еврейской націи въ разсѣяніи (діаспорѣ). Талмудизмъ и раввинизмъ, какъ орудія религіозной и бытовой дисциплины. Тяжесть этой дисциплины: формализмъ обряда; недостатокъ эмоціональнаго начала. Мистическія теченія среднихъ вѣковъ (каббала) и мессіанскія движенія XVII вѣка. Упадокъ духа послѣ неудачи мессіанскихъ движеній. Ухудшеніе соціально-экономическаго положенія польскаго еврейства въ XVIII вѣкѣ. Книжные люди и простонародье. Возникновеніе хасидизма, какъ отвѣтъ на потребность народа въ простой „религіи сердца". Основатель хасидизма Израиль Бештъ, его жизнь и его ученіе. Первые хасидскіе кружки въ Подоліи. Распространеніе новаго ученія: апостолы его Беръ изъ Межерича и Яковъ-Іосифъ изъ Полоннаго (Волынь). Начало хасидской литературы. Размноженіе „цадиковъ"—вѣроучителей хасидской секты. Гоненія со стороны раввиновъ на сектантовъ (1772—1800). Творецъ раціональнаго хасидизма, Залманъ Шнеерсонъ. Элементы возвышенной морали въ ученіи и жизни хасидовъ. Быстрый ростъ хасидизма и превращеніе „секты" въ значительную часть народа. Вырожденіе цадикизма. Хасидизмъ и просвѣтительное движеніе XIX вѣка. Постепенный упадокъ хасидизма во второй половинѣ XIX вѣка. Настоящее и будущее хасидизма.

6-го февраля. *А. И. Карлинъ:* „Значеніе принужденія въ гражданскихъ сдѣлкахъ" (докладъ въ секціи для изученія исторіи еврейскаго права).

19-го апрѣля. *С. А. Рапопортъ* (Ан—скій): „О работахъ Этнографической Экспедиціи имени барона Г. О. Гинцбурга, обслѣдовавшей болѣе 60-ти пунктовъ Волынской и Подольской губерній".

21-го апрѣля. *М. И. Кулишеръ:* „Борьба евреевъ за существованіе“ (нѣкоторые общіе выводы изъ исторіи евреевъ).

23-го апрѣля. *Профессоръ Германъ Когенъ:* „Этическое содержаніе еврейской религіи“ (Публичная лекція).

Программа лекціи: Религія и этика. Откровеніе и основы познанія. Сотвореніе человѣка. Богъ какъ святыня. Значеніе единства Бога для понятія о человѣкѣ, какъ индивидуумѣ, и человѣчествѣ, какъ совокупности. Грѣховность человѣка и примиреніе съ Богомъ. Свобода нравственной воли и отвѣтственность. Развитіе идеи Божества и идеи человѣка у пророковъ и въ псалмахъ. Побѣда надъ эвдемонизмомъ понятія о нравственномъ долгѣ и вѣрѣ въ божественную любовь и справедливость. Царство Божіе и идея мессіанства.

27-го апрѣля. *Б. Д. Бруцкусъ:* „Историческая роль евреевъ въ хозяйственной жизни“.

VI.

Изданіе актовъ.

Дѣятельность Общества по изданію историческихъ актовъ въ отчетномъ году не продолжалась, въ виду недостатка спеціальныхъ средствъ. Намѣченные къ изданію IV и V томы „Русско-еврейскаго Архива“ будутъ опубликованы при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Заключеніе Ревизіонной Комиссіи.

Ревизіонная Комиссія, избранная на годовомъ Общемъ Собраніи членовъ Общества 21 апрѣля 1914 г., провѣривъ дѣлопроизводство, приходо-расходную книгу и на выборку оправдательные документы къ ней, нашла, что сводъ кассы за отчетный годъ составленъ правильно, книги и документы въ порядкѣ.

Въ отношеніи исполненія смѣты на 1914 г. Ревизіонная Комиссія обязуется засвидѣтельствовать, что несмотря на неизбѣжное, связанное съ особыми обстоятельствами исключительнаго времени, измѣненіе въ поступленіи и расходованіи суммъ не приняло слишкомъ значительныхъ размѣровъ.

Благодаря притоку въ видѣ чистаго дохода съ лекціи С. М. Дубнова суммы въ 909 руб. 81 коп. и отзывчивости лица, заимообразно давшаго 1000 рублей, возможно было незначительно съузить дѣятельность Общества.

Предполагавшаяся работа по Этнографической экспедиціи имени барона Г. О. Гинцбурга въ протекшемъ году осуществленія не получила.

Смѣта на 1915 годъ безъ включенія этой послѣдней работы съ уменьшеніемъ по статьямъ прихода и расхода въ 2.550 руб. составлена осторожно.

М. А. Бронштейнъ.
С. Е. Вейсенбергъ.
С. Г. Полякъ.

23 апрѣля 1915 года.

ОПИСЬ

книжнаго имущества Общества

на 1-ое Января 1915 г.

Комплекты журнала „Еврейская Старина" за 1909 г.	211 экз.
„ „ „ „ „ 1910 „	328 „
„ „ „ „ „ 1911 „	312 „
„ „ „ „ „ 1912 „	293 „
„ „ „ „ „ 1913 „	265 „
„ „ „ „ „ 1914 „	265 „
Регесты и Надписи, I томъ	376 „
„ „ „ II „	419 „
„ „ „ III „	302 „
Очерки по еврейской исторіи и культурѣ (Историческая хрестоматія) I томъ	712 „
Областной Пинкосъ Ваада Литвы, I томъ	180 „
Русско-Еврейскій Архивъ С. А. Бершадскаго: I томъ	357 „
II „	287 „

Общая стоимость книжнаго имущества Общества на 1-е Января 1915 г. по номинальной цѣнѣ . 10.398 руб.

ПРИХОДЪ. **Счетъ Кассы**

	Руб.	К.	Руб.	К.
Остатокъ къ 1 января 1914 г.	—	—	206	28
По счету членскихъ взносовъ:				
Годовыхъ:				
въ Петроградѣ	818	—		
въ другихъ городахъ	1.495	—	2.313	—
Пожизненныхъ:				
въ Петроградѣ	—	—		
въ другихъ городахъ	300	—	300	—
Чрезвычайныхъ доходовъ:				
Единовр. пожертв. отъ М. М. Винавера	300	—		
" " " М. И. Шефтеля	200	—		
Чистаго дохода отъ лекціи С. М. Дубнова и др.	909	81	1.409	81
По счету изданія журнала:				
Подписка и продажа отд. экз.	—	—	1.168	93
По счету продажи изданій:				
выручено за регесты, архивъ Бершадскаго, Пинкосъ и истор. хрестоматію	—	—	83	89
По счету разныхъ доходовъ:				
% за текущія суммы	—	—	33	18
По счету переходящихъ суммъ:				
получено заимообразно для покрытія дефицита за 1914 г.	—	—	1.000	—
ИТОГО...	—	—	6.515	09

за 1914 годъ.

РАСХОДЪ.

	Руб.	К.	Руб.	К.
Изданіе журнала:				
Гонораръ	1.575	21		
Бумага и печатаніе	1.587	92		
Экспедиція и расходы по отправкѣ	409	60		
Объявленія и проспекты	236	05		
Жалованье служащ. редакціи	198	—		
Редакціонные расходы	28	—	4.034	78
Преміи:				
Въ счетъ преміи за трудъ по исторіи евр. печати.	—	—	200	—
Изданіе Актовъ:				
Въ счетъ печатанія III т. Регестъ	300	—		
Расходы по разсылкѣ III т. чл. общ. и др.	36	62	336	62
Устройство Собраній:				
Помѣщеніе, повѣстки и др.	—	—	83	91
Помѣщеніе:				
Наемъ склада изданія и помѣщенія К-та.	—	—	399	20
Канцелярія:				
Типографскіе расходы	33	70		
Почтовые	53	30		
Канцелярскіе	67	86		
Разные	48	05		
Жалованье служащимъ	941	—	1.143	91
Разные:				
Печатаніе отчета за 1913 г.	156	—		
Расходы по упорядоченію архива О-ва.	37	20		
" " сборамъ членскихъ взносовъ.	17	96		
Непредвидѣнные	6	24	217	40
ВСЕГО	—	—	6.415	82
Остатокъ на 1915 годъ	—	—	99	27
ИТОГО	—	—	6.515	09

Списокъ пожизненныхъ членовъ Общества

къ 31 Декабря 1914 г.

№№	Фамиліи членовъ.	Единовр. пожертв.	Городъ.
	Почетные члены.		
1	Гаркави, А. Я.	—	Петроградъ.
2	Моргулисъ, М. Г. *)	—	Одесса.
	Пожизненные дѣйствительные члены.		
1	Абельсонъ, И. А.	100	Петроградъ.
2	Ашкинази, З. А.	200	Одесса.
3	Бененсонъ, Г. І.	900	Петроградъ.
4	Бергеръ, И. М.	100	Харьковъ.
5	Бернштейнъ, Г. А.	100	Петроградъ.
6	Бомзе, М. И.	100	"
7	Браславскій, С. М.	100	Екатеринославъ.
8	Бродскій, Л. И.	200	Кіевъ.
9	Вавельбергъ, М. И.	200	Петроградъ.
10	Вайнштейнъ, Г. Ѳ.	100	Одесса.
11	Вайсенбергъ, С. Е.	100	Петроградъ.
12	Винаверъ, М. М.	1200	"
13	Высоцкій, Д. В.	250	Москва.
14	Гавронскій, Б. О.	250	"
15	Гальперинъ, М. Б.	200	Кіевъ.
16	Гальперинъ, С. М.	100	"
17	Гандельманъ, Г. М.	100	Петроградъ.
18	Гепнеръ, І. Г.	100	Кіевъ.
19	Гинсбургъ, Л. Б.	100	"
20	Гинсбургъ, М. А.	3000	Петроградъ.
21	Гинсбургъ, М. П. г-жа	500	"
22	Гинцбургъ, В. Г., баронъ . .	200	Кіевъ.
23	Гольдштейнъ, М. Л.	100	Петроградъ.
24	Гоцъ, Р. А.	250	Москва.
25	Грузенбергъ, О. О.	100	Петроградъ.
26	Гуревичъ, А. Я.	100	Москва.
27	Добрый, А. Ю.	100	Кіевъ.
28	Зайцевъ, М. І.	200	"
29	Заксъ, М. Р.	200	"

*) Скончался въ 1912 г.

№№	Фамиліи членовъ.	Едино-врем. пожертв.	Городъ.
30	Каменка, Б. А.	400	Петроградъ.
31	Карпасъ, М. Ю.	100	Екатеринославъ.
32	Левинъ, А. В.	1000	Омскъ.
33	Либерманъ, С. Я.	100	Кіевъ.
34	Лурье, А. Е.	150	Петроградъ.
35	Майданскіе, І. и К.	200	Екатеринославъ.
36	Мандель, Э. С.	100	Петроградъ.
37	Марголинъ, Д. С.	200	Кіевъ.
38	Маршакъ, І. А.	100	"
39	Мейеръ, Б.	100	Рига.
40	Могилянскій, Е. А.	100	Петроградъ.
41	Найдичъ, И. А.	200	Москва.
42	Познеръ, М. В.	100	Петроградъ.
43	Ратнеръ, М. Д.	210	"
44	Ратнеръ, П. И.	200	"
45	Ривлинъ, М. Г.	100	"
46	Сліозбергъ, Г. Б.	350	"
47	Сліозбергъ, М. Б.	100	Москва.
48	Соловейчикъ, И. С.	100	Петроградъ.
49	Трегубовъ, А. М.	100	Маріуполь.
50	Тривусъ, С. Л.	100	Петроградъ.
51	Фельдманъ, А. Я.	200	"
52	Хаисъ, О. С.	100	Одесса.
53	Цетлинъ, Н. С.	100	Петроградъ.
54	Цетлинъ, О. С.	250	Москва.
55	Шварцъ, Н. В.	100	Смоленскъ.
56	Шерешевскій, Г. С.	100	Петроградъ.
57	Шефтель, М. И.	600	"
58	Шлосбергъ, Б. М.	200	"
59	Штифтеръ, М. Б.	100	"
	Пожизненные члены-соревнователи.		
1	Айзенбергъ, Л. М.	50	Петроградъ.
2	Бомзе, В. И.	50	"
3	Брейтманъ, Г. М.	50	Кіевъ.
4	Бродскій, А. Е.	50	Одесса.
5	Бородскій, Х.	50	"
6	Бронштейнъ, М. А.	50	Петроградъ.
7	Варшавскій, М. А.	50	"
8	Вейсблатъ, С. Э.	50	"
9	Виленкинъ, А. Я.	50	"
10	Вольфъ, М. М.	50	"
11	Ворошильскій, Я. С.	50	Одесса.
12	Гандельманъ, Д. М.	50	Петроградъ.
13	Гиммельфарбъ, Г. И.	50	Одесса.
14	Гольденбергъ, А. М.	50	Кіевъ.
15	Гуревичъ, Ис. Бенц.	50	Петроградъ.
16	Гуревичъ, И. Б.	50	"
17	Дубровичъ, Э. П.	50	"

№№	Фамиліи членовъ.	Едино-врем. пожертв.	Городъ.
18	Залшупинъ, А. С.	50	Петроградъ.
19	Идельсонъ, В. Р.	50	"
20	Кальмановичъ, С. Е.	50	"
21	Капланъ, М. В.	50	"
22	Крейцеръ, Д. Л.	50	"
23	Лазаревъ, Н. Г.	50	Ст. Сулья (Уфим. губ.).
24	Лещинскій, М. Е.	50	Москва.
25	Ляховецкій, Л. Д.	50	Петроградъ.
26	Магарилъ, Ф. А.	50	Одесса.
27	Майзель, С. И.	50	Петроградъ.
28	Мандель, В. С.	50	"
29	Прессъ, А. А.	50	"
30	Пумпянскій, М. С.	50	"
31	Пумпянскій, Я. Л.	50	"
32	Рабиновичъ, И. М.	50	"
33	Рабиновичъ, Л. Г.	50	"
34	Рапопортъ, З. Л.	50	"
35	Румшишскій, М. Е.	50	"
36	Френкель, А. С.	50	Кіевъ.
37	Шафиръ, М. П.	50	Петроградъ.

СПИСОКЪ

членовъ Общества на 31 Декабря 1914 года.

I.

Члены Общества, проживающіе въ Петроградѣ.

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубл. *).
1	Абельсонъ, Б. А.	Соревн.	5
2	Абельсонъ, И. А.	Пож. дѣйств.	—
3	Аврахъ, С. А.	Жертв.	—
4	Айзенбергъ, Л. М.	Пож. соревн.	—
5	Айзенштадтъ, М. Г.	Соревн.	—
6	Айзенштадтъ, С. І.	Жертв.	—
7	Александръ, М. З.	Дѣйств.	—
8	Алесковскій, Б. А.	Жертв.	—
9	Альштуль, А. Ш.	"	—
10	Алшвицъ, М. Г.	"	—
11	Антокольскій, Г. І.	Соревн.	5
12	Арлозаревъ, М. А.	"	5
13	Архангородская, Л. А.	Жертв.	—
14	Балабановъ, М. Л.	Дѣйств.	10
15	Барканъ, Б. М.	Соревн.	—
16	Баронъ, Н. Е.	Жертв.	—
17	Бассевичъ, И. И.	Соревн.	5
18	Басинъ, Я. И.	Жертв.	3
19	Бейлинъ, Н. Е.	Дѣйств.	10
20	Бенинсонъ, Г. І.	Пож. дѣйств.	—
21	Березовскій, Я. Д.	Жертв.	—
22	Берловичъ, Г.	"	—
23	Берманъ, Л. В.	"	—
24	Бернштейнъ, А. А.	Соревн.	—
25	Бернштейнъ, Г. А.	Пож. дѣйств.	—
26	Бернштейнъ, П. А.	Жертв.	—
27	Берсонъ, О. С.	Дѣйств.	10
28	Бикерманъ, І. М.	Соревн.	5
29	Бичунская, Б. Г.	Жертв.	3
30	Бичунскій, І. М.	Соревн.	5
31	Бланкъ, Р. М.	"	—

*) Въ настоящій денежный отчетъ вошли лишь тѣ взносы, которые поступили **полностью** въ кассу Общества за промежутокъ времени отъ 1-го января по 31-е декабря 1914 г. Взносы лицъ, пользовавшихся разсрочкой, вошли въ общую рубрику **частичныхъ взносовъ**. (См. конецъ списка).

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
32	Блокъ, А. Ю.	Жертв.	3
33	Бомзе, В. И.	Пож. соревн.	—
34	Бомзе, М. И.	Пож. дѣйств.	—
35	Борецкій-Бергфельдъ, И.	Жертв.	—
36	Ботвинникъ, Н. Р.	Соревн.	5
37	Боярская, Б. Г.	Жертв.	—
38	Брамсонъ, Л. М.	Соревн.	5
39	Браудо, А. И.	"	5
40	Брискманъ, А.	Жертв.	—
41	Бродскій, Б. Е.	"	—
42	Бройдо, И. Л.	"	—
43	Бройдо, Л. И.	"	3
44	Бройдо, М. А. г-жа.	"	3
45	Бройтманъ, Я. А.	"	—
46	Бронзбургъ, Г.	"	—
47	Бронштейнъ, А. М.	"	—
48	Бронштейнъ, М. А.	Пож. соревн.	—
49	Брозеліо, Н. Я.	Жертв.	—
50	Брумбергъ, А. М.	"	—
51	Бруцкусъ, Б. Д.	Соревн.	5
52	Бубисъ, Г. М.	"	5
53	Бунимовичъ, Р. И.	Жертв.	—
54	Бунимовичъ, С. И.	"	—
55	Буракъ, Я. С.	"	—
56	Быховскій, Д. В.	Дѣйств.	10
57	Бѣлковская, Ю. Г.	Жертв.	—
58	Вавельбергъ, М. И.	Пож. дѣйств.	—
59	Вайсъ, В. Д.	Жертв.	—
60	Вайцъ, І. М.	"	—
61	Варшавскій, З. Н.	"	—
62	Варшавскій, М. А.	Пож. соревн.	—
63	Вейсбейнъ, Е.	Жертв.	—
64	Вейсблатъ, С. Э.	Пож. соревн.	—
65	Вейсенбергъ, С. Е.	Пож. дѣйств.	—
66	Венгеровъ, Л. С.	Соревн.	5
67	Виленкина, Л. И.	Жертв.	—
68	Виленкинъ, А. Я.	Пож. соревн.	—
69	Вилькорейскій, Ф. А.	Жертв.	—
70	Вильнеръ, В. С.	Соревн.	5
71	Винаверъ, М. М.	Пож. дѣйств.	—
72	Винаверъ, Р. Г. г-жа.	Соревн.	5
73	Винаверъ, В. М. г-жа.	Жертв.	—
74	Виттенбергъ, И. И.	"	—
75	Виттенбергъ, М. Б.	"	—
76	Вольманъ, И. С.	Соревн.	5
77	Вольтке, Г. С.	Жертв.	—
78	Вольфъ, М. М.	Пож. соревн.	—
79	Вольфъ, М. С. г-жа.	Жертв.	—
80	Вольфсонъ, Ш.	"	—
81	Выгодскій, Л. И.	"	3
82	Гальперинъ, А. Я.	Соревн.	5
83	Гальперинъ, Я. М.	"	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
84	Гандельманъ, Г. М.	Пож. дѣйств.	—
85	Гандельманъ, Д. М.	Пож. соревн.	—
86	Гарберъ, М. М.	Жертв.	—
87	Гаркави, А. Я.	Почетный.	—
88	Гейманъ, Я. В.	Жертв.	3
89	Гендлеръ, А. В.	"	—
90	Герчиковъ, М. Л.	Дѣйств.	10
91	Гершбергъ, Г. Д.	Соревн.	5
92	Гершбергъ, С. М. г-жа.	"	5
93	Гессенъ, Ю. И.	"	—
94	Гилесъ, Г. Л.	Жертв.	3
95	Гинзбургъ, I. О.	"	—
96	Гинзбургъ, Н. М.	"	3
97	Гинзбургъ, С. М.	"	3
98	Гинсбургъ, М. А.	Пож. дѣйств.	—
99	Гинсбургъ, М. П. г-жа.	"	—
100	Голантъ, Е. Я.	Жертв.	—
101	Голомбъ, Э.	"	—
102	Голоскеръ, М. С.	"	—
103	Гольдбергъ, Г. А.	Соревн.	5
104	Гольдбергъ, I. С.	Жертв.	—
105	Гольдбергъ, Я. А.	Соревн.	—
106	Гольдштейнъ, М. Л.	Пож. дѣйств.	—
107	Гольденштейнъ, А. Л.	Жертв.	—
108	Гольдштейнъ, С. М.	Соревн.	5
109	Гордонъ, И. М.	"	5
110	Горнфельдъ, А. Г.	"	5
111	Грейсъ, А. Л.	Жертв.	—
112	Грузенбергъ, О. О.	Пож. дѣйств.	—
113	Гурвичъ, А. I.	Жертв.	—
114	Гуревичъ, Е. Б.	"	3
115	Гуревичъ, Ис. Бенц.	Пож. соревн.	—
116	Гуревичъ, Ис. Беньям.	"	—
117	Гуревичъ, С. Л.	Дѣйств.	10
118	Гуревичъ, Х. Д.	Соревн.	—
119	Гуревичъ, Х. Л.	"	5
120	Гутнеръ, И. Н.	Жертв.	—
121	Дайхесъ, М. И.	"	—
122	Дикштейнъ, Ф. М.	"	—
123	Дубнова, И. Е.	"	3
124	Дубновъ, С. М.	Дѣйств.	10
125	Дубровичъ, Э. П.	Пож. соревн.	—
126	Евзеровъ, А. М.	Жертв.	—
127	Елецкій, Г.	"	—
128	Ерихимсонъ, К. Б.	"	3
129	Жирмунскій, М. С.	Соревн.	—
130	Задворянскій, А. Г.	Жертв.	—
131	Заксъ, М. А.	Соревн.	5
132	Заксъ, М. И.	"	5
133	Заксъ, С. М.	Жертв.	3
134	Залкиндъ, А. В.	Соревн.	5
135	Залкиндъ, П. А.	Жертв.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
136	Залшупинъ, А. С.	Пож. соревн.	—
137	Зельдовичъ, Б. Н.	Жертв.	—
138	Зельцеръ, В. И.	Соревн.	5
139	Зивъ, Л. Л.	"	—
140	Зивъ, М. М.	Дѣйств.	10
141	Идельсонъ, А. И.	Жертв.	—
142	Идельсонъ, В. Р.	Пож. соревн.	—
143	Идельсонъ, Ф. А. г-жа	Жертв.	3
144	Идзонъ, Р. М.	Соревн.	—
145	Іоффе, Е. Н.	Жертв.	—
146	Кадянскій, М. Д.	"	3
147	Кальмановичъ, С. Е.	Пож. соревн.	—
148	Каменецкій, С. Л.	Жертв.	3
149	Каменка, Б. А.	Пож. дѣйств.	—
150	Канторъ, А.	Жертв.	—
151	Канторъ, М. Л.	Соревн.	—
152	Канъ, Г.	Жертв.	—
153	Капланъ, М. В.	Пож. соревн.	—
154	Капланъ-Каплянскій, Д. И.	Жертв.	3
155	Карлинъ, А. И.	"	—
156	Кацъ, Г. А.	Дѣйств.	10
157	Квятъ, И. Л.	Жертв.	—
158	Кливанскій, М. Я.	"	—
159	Кляцкинъ, И. Г.	"	—
160	Комайко, С. Л.	Соревн.	5
161	Копелянскій, М. Г.	Жертв.	—
162	Корнухъ, С. Ф.	"	—
163	Коганъ, И. М.	Дѣйств.	10
164	Коробковъ, Х. Г.	"	—
165	Коробочкинъ, Г. М.	Жертв.	—
166	Красильщиковъ, М. М.	"	—
167	Красильщиковъ, Р. М.	"	—
168	Красный, Г. Я.	"	3
169	Креверъ, М. Р.	Соревн.	—
170	Крейнинъ, М. Н.	"	5
171	Кремеръ, А. Д.	Жертв.	—
172	Крейцеръ, Д. Л.	Пож. соревн.	—
173	Крепсъ, Мих. Льв.	Соревн.	—
174	Крепсъ, Монс. Льв.	Жертв.	3
175	Крепсъ, П. Л.	Соревн.	5
176	Крижанская, П.	Жертв.	3
177	Крижанскій, П.	Дѣйств.	10
178	Кулишеръ, Е. М.	Соревн.	5
179	Кулишеръ, І. М.	"	5
180	Кулишеръ, М. И.	"	5
181	Ландау, Г. А.	Соревн.	5
182	Ландисъ-Ланда, Л. С.	Жертв.	—
183	Левина, М. И.	"	—
184	Левинъ, А. Ф.	"	—
185	Левинъ, Д. А.	Соревн.	5
186	Левичъ, И. В.	Жертв.	—
187	Левинштейнъ, Г. Н.	"	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
188	Левитанъ, I. Д.	Жертв.	—
189	Лейбманъ, М. Л.	"	3
190	Лейбовичъ, Л. Э.	"	3
191	Лейбовичъ, М. Я.	"	—
192	Лесманъ, А. М.	Соревн.	5
193	Лившицъ, С.	Жертв.	
194	Лимановскій, М. I.	"	—
195	Липецъ, А. И.	Соревн.	5
196	Литауэръ, Э. Б.	"	5
197	Логунова, Р. С.	Жертв.	—
198	Лозинскій, С. Г.	Соревн.	5
199	Лунцъ, Н. Я.	Жертв.	3
200	Лурье, А. Е.	Пож. дѣйств.	—
201	Лурье, В. Я.	Жертв.	—
202	Лурье, И.	"	—
203	Лурье, I.	"	3
204	Лурье, Л. Я	"	—
205	Лурье, Р. М.	Соревн.	5
206	Ляховицкій, Л. Д.	Пож. соревн.	—
207	Люблинская, Х. И.	Жертв.	—
208	Магазинеръ, Я. М.	Соревн.	5
209	Майзель, С. И.	Пож. соревн.	—
210	Малкинъ, Б.	Жертв.	—
211	Мандель, В. С.	Пож. соревн.	—
212	Мандель, Э. С.	Пож. дѣйств.	—
213	Марголинъ, А. Д.	Соревн.	—
214	Марголинъ, М. М.	"	5
215	Марголинъ, С. И.	Дѣйств.	—
216	Марголинъ, С. О.	Жертв.	3
217	Марконъ, И. Ю.	Соревн.	5
218	Мейкляръ, Р. I.	Жертв.	—
219	Мелеръ, Л. I.	"	—
220	Мееровичъ, А. Н.	"	3
221	Меерсонъ, С. И.	"	—
222	Миндлинъ, З. Л.	"	—
223	Минковская, С. И.	"	—
224	Минковичъ, М. Х.	Соревн.	5
225	Мовшовичъ, Д. Е.	Жертв.	—
226	Мовшовичъ, М. Х.	"	—
227	Могилянскій, Е. А.	Пож. дѣйств.	—
228	Моловицкій, А. Я.	Жертв.	—
229	Моносзонъ, В. Ш.	"	—
230	Мороховскій, Л. С.	Соревн.	—
231	Мочанъ, Э. О.	"	5
232	Муринсонъ, М. З.	Жертв.	—
233	Навяжскій, Г. Л.	"	—
234	Нисманъ, г-жа.	"	—
235	Никольская, В. Г.	"	3
236	Ожинская, Б. И.	"	—
237	Окунь, И. С.	"	3
238	Острогорскій, М. Я.	Соревн.	5
239	Орѣчкинъ, С. Б.	(за 2 года)	8

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
240	Паперна, Г. А.	Жертв.	3
241	Пасманикъ, Д. Е.	"	3
242	Пацъ, Г. С.	"	—
243	Певзнеръ, А. М.	"	3
244	Перельманъ, А. Ф.	"	—
245	Перельманъ, М. Г. г-жа	"	3
246	Переферковичъ, Н. А.	Соревн.	5
247	Персицъ, М. М.	"	5
248	Печатникова, Л. И.	Жертв.	—
249	Пистракъ, С. М.	"	—
250	Погорѣльскій, М. В.	Соревн.	5
251	Познеръ, С. В.	"	—
252	Познеръ, М. В.	Пож. дѣйств.	—
253	Поляковъ, В. А.	Дѣйств.	10
254	Полякъ, С. Г.	"	10
255	Поплавскій, І. М.	Жертв.	—
256	Прессъ, А. А.	Пож. соревн.	—
257	Пумпянскій, М. С.	"	—
258	Пумпянскій, Я. Л.	"	—
259	Пундикъ, Н. А.	Дѣйств.	10
260	Пунко, Б. Г.	Жертв.	—
261	Пушасъ, И. О.	"	—
262	Рабиновичъ, И. М.	Пож. соревн.	—
263	Рабиновичъ, Л. Г.	"	—
264	Рабиновичъ, Ю. В.	Соревн.	5
265	Равиковичъ, І. И.	Жертв.	—
266	Рай-Городецкій, Д. Е.	"	—
267	Раппопортъ, Е. И.	"	—
268	Раппопортъ, З. Л.	Пож. соревн.	—
269	Раппопортъ, С. А.	Соревн.	—
270	Ратнеръ, М. Д.	Пож. дѣйств.	—
271	Ратнеръ, П. И.	"	—
272	Рафаиловичъ, С. С.	Соревн.	5
273	Рафаиловичъ, С. С.	Жертв.	—
274	Рейнисъ, П. О.	Соревн.	5
275	Ривлинъ, М. Г.	Пож. дѣйств.	—
276	Розенгартъ, І. М.	Жертв.	—
277	Розенталь, В. С.	Соревн.	5
278	Розенталь, Л. В.	Жертв.	—
279	Розовъ, И. А.	Соревн.	5
280	Розовъ, Р. А.	Жертв.	3
281	Розова, С. А.	"	3
282	Рохлина, М. Л.	"	—
283	Рубинштейнъ, Р. Л.	(за 2 года) соревн.	10
284	Румшискій, М. Е.	Пож. соревн.	—
285	Рывкинъ, М. Д.	Жертв.	—
286	Рывкинъ, Р. М.	Соревн.	5
287	Рыжинъ-Орлянскій, М. С.	"	5
288	Сапотницкій, Б. М.	"	5
289	Севъ, Л. А.	"	5
290	Симоновичъ, Т. Н.	Жертв.	—
291	Соловейчикъ, Н. С.	Пож. дѣйств.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
292	Соловейчикъ, М. А.	Соревн.	5
293	Сліозбергъ, Г. Б.	Пож. дѣйств.	—
294	Слонимъ, Е. Л.	Соревн.	—
295	Смирновъ, С. Д.	Жертв.	—
296	Столпнеръ, Б. Г.	"	—
297	Субботникъ, В. С.	Соревн.	5
298	Сыркинъ, М. Г.	"	5
299	Таненбаумъ, А. С.		5
300	Танская, С. И.	Жертв.	—
301	Тейтель, А. Я.	"	—
302	Теплицкій, Я. Н.	Соревн.	—
303	Тодринъ, И. М.	Жертв.	—
304	Трайнинъ, Г. С.	Соревн.	5
305	Трайнинъ, П. Д.	"	5
306	Трайнинъ, С. С.	Жертв.	—
307	Тривусъ, А.	"	—
308	Тривусъ, М. Л.	Соревн.	5
309	Тривусъ, С. А.	"	5
310	Тривусъ, С. Л.	Пож. дѣйств.	—
311	Тубянскій, М. И.	Жертв.	—
312	Тувимъ, Д. И.	"	—
313	Тувимъ, И. І.	Соревн.	5
314	Файнбергъ, Г. И.	"	5
315	Файнбергъ, Д. Ф.	Дѣйств.	10
316	Файнштейнъ, А. Я.	Соревн.	5
317	Фалкнеръ, Г. А.	"	5
318	Фейнбергъ, Д. Н.	"	—
319	Фельдманъ, А. Я.	Пож. дѣйств.	—
320	Фельдманъ, Я. Л.	Жертв.	—
321	Финкель, М. А.	Соревн.	5
322	Фрейманъ, А.	Жертв.	3
323	Фридландъ, Т. И. г-жа	"	3
324	Фридландъ, Я. Л.	Соревн.	5
325	Фридляндская, О. М.	Дѣйств.	10
326	Фридляндская, В. З.	"	10
327	Фридляндъ, П. М.	"	3
328	Фридманъ, Н. М.	Жертв.	3
329	Франкфуртъ, В. М.	Соревн.	5
330	Фрумкинъ, Н. М.	Жертв.	3
331	Фрумкинъ, Я. Г.	Соревн.	5
332	Хазанъ, Д. Л.	Жертв.	—
333	Хаунина, Э. Я.	"	—
334	Хвиливицкая, М. І.		—
335	Хоровжицкій, С. И.	Соревн.	5
336	Хотинъ, М. І.	Жертв.	—
337	Цетлинъ, Н. С.	Пож. дѣйств.	—
338	Цинбергъ, С. Л.	Жертв.	3
339	Цитовская, Ц. И.	"	—
340	Цубинъ, В. Я.	"	—
341	Черниаъ, Б. М.	"	—
342	Шалитъ, Д. И.	"	—
343	Шапиро, С. С.	Соревн.	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
344	Шаргородская, Ф. Д.	Жертв.	—
345	Шафиръ, М. П.	Пож. соревн.	—
346	Шейнгаузъ, Л.	Дѣйств.	10
347	Шерешевскій, Г. С.	Пож. дѣйств.	—
348	Шефтель, М. И.	"	—
349	Шефтель, Н. Л. г-жа.	Дѣйств.	10
350	Шварцъ, Н. В.	Жертв.	—
351	Шкаффъ, А. Л.	Соревн.	5
352	Шлосбергъ, Б. М.	Пож. дѣйств.	—
353	Шлосбергъ, Б. Л.	Жертв.	3
354	Шнайдеръ, С. Б.	"	—
355	Шпиро, Б. Я.	Дѣйств.	10
356	Штернбергъ, Л. Я.	Соревн.	5
357	Штифтеръ, М. В.	Пож. дѣйств.	—
358	Эйгеръ, Я. Б.	Соревн.	5
359	Эйзенбетъ, И. Г.	"	5
360	Эльяссонъ, Л. С.	"	5
361	Якобсонъ, П. Г.	Жертв.	—
362	Якобсонъ, С. Г.	"	—
363	Ясный, М. А.	Дѣйств.	10
	Частичныхъ взносовъ	—	54
	Итого	—	818

II.

Иногородніе члены.

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
	Архангельскъ.		
1	Брольницкій О. И.	Соревн.	5
	Астрахань.		
1	Дайхесъ, М. А.	Соревн.	5
	Атаки (Бесс. губ.).		
1	Перельманъ, Ш. П.	Жертв.	—
	Баку.		
1	Гноенскій, С. С.	Соревн.	—
2	Тропъ, М. М.	Дѣйств.	—
	Баргузинъ (Забайк. обл.).		
1	Новомейкій, С. А.	Соревн.	5
	Батумъ.		
1	Уриновскій, М. Х.	Дѣйств.	10
	Бердичевъ (Кіевск. губ.).		
1	Гершенгорнъ, А.	Соревн.	5
	Бердянскъ (Тавр. губ.)		
1	Роммъ, М. Б.	Соревн.	5
	Бобровый Кутъ (Херс. губ.).		
1	Ламинъ, С. Л.	Соревн.	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
	Бобруйскъ (Минск. губ.).		
1	Гендманъ, Л. І.	Соревн.	5
	Брестъ-Литовскъ.		
1	Шерешевскій, І. С.	Соревн.	5
	Бѣлая Церковь (Кіевск. губ.).		
1	Векслеръ, М. И.	Соревн.	5
	Бѣлостокъ.		
1	Глаговскій, Н.	Жертв.	3
2	Лиса, Б.	Соревн.	5
	Варшава.		
1	Бернштейнъ, М. Г.	Соревн.	5
2	Зильберштромъ, І. А.	"	5
3	Кронштейнъ, Д. І.	"	5
4	Розенбергъ, И. С.	Дѣйств.	10
5	Шацкинъ, Я. Б.	Соревн.	—
	Велижъ (Вит. губ.).		
1	Зильбергъ, Б.	Дѣйств.	—
	Вильно.		
1	Бенякобъ, Я. И.	Соревн.	5
2	Гольдбергъ, И. Л.	"	5
3	Гольдбергъ, Б. А.	"	5
4	Коганъ, П. И.	Дѣйств.	—
5	Левина, Х. М.	Соревн.	—
6	Мерецкій, Л. И.	"	—
7	Найшуль, А. М.	"	—
8	Шескинъ, Я.	"	5
9	Эпштейнъ, В. М.	"	5
	Виндава (Курл. губ.).		
1	Киржниръ, А.	Соревн.	—
	Витебскъ.		
1	Вишнякъ, И. В.	Соревн.	5
2	Майзель, Л. С.	"	5
3	Меламедъ, Г.	Соревн.	5
4	Ойлимъ, В. А.	"	—
5	Слонимъ, Л. Е.	"	5
6	Яхнинъ, А. Б.	"	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
	Волковыскъ (Грод. губ.).		
1	Кобринскій, А. Б.	Соревн.	5
	Гадячъ (Полт. губ.).		
1	Миренскій, С. А.	Дѣйств.	10
	Гайворонъ (Под. губ.).		
1	Ридеръ, Л. П.	Соревн.	5
	Гомель.		
1	Брукъ, А. Я.	Соревн.	5
2	Шейнбаумъ, Л. I.	„	5
	Горки (Мог. губ.).		
1	Бѣленькій, И. Б.	Соревн.	—
	Гродно.		
1	Шерешевскій, I. Л.	Соревн.	5
	Двинскъ.		
1	Гендель, М. Л.	Дѣйств.	10
	Джанкое (Тавр. губ.).		
1	Кублановскій, М. С.	Соревн.	5
	Евпаторія (Тавр. губ.).		
1	О-во воспом. нужд. крымч.	Пожертв.	—
	Екатеринбургъ.		
1	Хволосъ, М. И.	Дѣйств.	10
2	Мейтлицкій, И. Ю.	Соревн.	—
	Екатеринославъ *).		
1	Ашнуэль, М. М.	„	—
2	Березовскій, Я. Д.	„	5
3	Берманъ, М. Я.	„	—

*) Въ настоящій отчетъ вошли лишь тѣ взносы, которые поступили въ кассу О-ва въ Петроградѣ за промежутокъ времени отъ 1-го января по 31-е декабря 1914 г.

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
4	Браславскій, М. Л.	Соревн.	5
5	Браславскій, С. Л.	Пож. дѣйств.	—
6	Бронтманъ, В. Г.	Соревн.	5
7	Брукъ, М. С.	"	5
8	Бруштейнъ, М. Л.	"	5
9	Геккеръ, А. Б.	Дѣйств.	10
10	Геккеръ, Г. Л.	Соревн.	—
11	Геллеръ, И. Д.	"	—
12	Гордонъ, М. Я.	"	5
13	Должанскій, Я. М.	"	—
14	Дубинскій, А. С.	"	5
15	Іоффе, И. Л.	"	—
16	Кагарницкій, З. В.	"	5
17	Карпасъ, М. Ю.	Пож. дѣйств.	—
18	Коринъ, І.	Соревн.	5
19	Кофманъ Л. І.	Дѣйств.	10
20	Красный, Б. Я.	Соревн.	—
21	Бр. І. и И. Левины (за 2 года)	Дѣйств.	20
22	Лившицъ, Л. М.	"	—
23	Майданская, К. М.	Пож. дѣйств.	—
24	Майданскій, І. М.	"	—
25	Манданскій, А. І.	Соревн.	5
26	Монинъ, А. Я.	"	5
27	Ольшавскій, В. Г.	"	—
28	Палѣй, С. Н.	"	5
29	Палѣй, Я. А. (за 2 года)	Соревн.	10
30	Плѣевъ, Д. М.	"	5
31	Рабиновичъ, А.	"	—
32	Рабиновичъ, Л. С. (за 2 года)	"	20
33	Роттенбергъ, Л. М.	"	—
34	Спивакъ, Б. С.	Дѣйств.	5
35	Тавровскій, М. Я.	Соревн.	—
36	Топоровскій, Б. И. (за 2 года)	"	20
37	Файнбергъ, Ю. З.	Дѣйств.	10
38	Фридманъ, Ю. В.	Соревн.	5
39	Шапиро, В. М.	"	5
40	Штейнъ, С. Н.	Дѣйств.	10
41	Эпштейнъ, Я. С.	Соревн.	—
	Елисаветградъ (Херс. губ.).		
1	Македонскій, К. М.	Соревн.	—
2	Македонскій, Я. М.	"	—
3	Брукъ, П. Я.	"	—
4	Вайсенбергъ, С. А.	"	5
5	Заславскій, А. Ш.	"	—
6	Мексинъ, Л. Я.	"	5
7	Шполянскій, А.	"	—
	Жабокригъ (Под. губ.).		
1	Зильберманъ, Г. Д.	Соревн.	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ
	Иркутскъ *).		
1	Авдановичъ, М. І.	Соревн.	—
2	Бейлинъ, С. Х.	"	10
3	Брамзонъ, Е. М.	Жертв.	3
4	Бѣлицкій, С. І.	Соревн.	5
5	Вайнштейнъ, В. Я.	"	5
6	Гасманъ, И. М.	"	5
7	Дубниковъ, М. И.	"	—
8	Ицковичъ, И. И.	"	5
9	Калугскій, Г. М.	"	—
10	Калугскій, П. М.	"	5
11	Качко, А. Б.	"	5
12	Козьминъ, М. З.	"	5
13	Кривкевичъ, Я. Л.	"	5
14	Кроль, М. А.	"	5
15	Левенбергъ, А. А.	"	—
16	Левенсонъ, А. С.	"	5
17	Лейбовичъ, М. Я.	"	5
18	Лобзовскій, Б. И.	"	—
19	Лонцихъ, Л. В.	"	5
20	Мейсельманъ, Д. К.	"	5
21	Мордуховичъ, М. Г.	"	5
22	Нейманъ, І. Л.	"	5
23	Писаревскій, М. Г.	"	5
24	Помусъ, З. І.	"	5
25	Патушинскій, А. С.	"	—
26	Патушинская, Е. С.	"	—
27	Прейсманъ, С. С.	"	—
28	Рифъ, Е. И.	"	5
29	Розенбергъ, А. М.	"	—
30	Розенкранцъ, С. І.	"	5
31	Розенцвейгъ, І. Я.	"	5
32	Рубановичъ, А. А.	"	—
33	Рѣзниковъ, М. А.	"	5
34	Синагогальная библ.	Пожертв.	5
35	Фурманъ, А. Л.	Соревн.	—
36	Фризеръ, Я. Д.	"	5
37	Цукановъ, М. М.	"	—
38	Цыбинъ, Л. Ш.	"	5
39	Шахновскій, Г. М.	"	—
40	Шилингеръ О. О.	"	—
41	Ширманъ, Л. И.	"	—
42	Шишлянскій, Л. С.	"	5
43	Юдалевичъ, Ф. Л.	"	5
	Кабанское (Заб. обл.).		
1	Пурве, А. И.	Соревн.	5
2	Эйдельманъ, Б. М.	"	5

*) Въ настоящій отчетъ вошли лишь тѣ взносы, которые поступили въ кассу О-ва въ Петроградѣ за промежутокъ времени отъ 1-го января по 31-е декабря 1914 г.

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
	Казань.		
1	Отдѣл. О-ва просв. евр.	Пожертв.	5
2	Шерешевскій, М. Д.	Соревн.	5
3	Шоломовичъ, А. С.	"	5
	Каинскъ (Томск. губ.).		
1	Левако, И. А.	Соревн.	—
	Калишъ.		
1	Леви, А. М.	Соревн.	5
	Карасубазаръ (Тавр. губ.).		
1	О-во пос. бѣдн. крымч.	Пожертв.	5
	Качуги (Ирк. губ.).		
1	Локшинъ И. І.	Соревн.	5
	Керчь (Таврич. губ.).		
1	О-во пособ. бѣдн. евр.	Пожертв.	5
	Кибарты (Сув. губ.).		
1	Шерешевскій, Т. И.	Соревн.	5
	Кишиневъ.		
1	Рабиновичъ, А. З.	Соревн.	—
2	Шайкевичъ, М. І.	"	—
	Кіевъ *).		
1	Алешковскій, Я. М.	Соревн.	—
2	Амчиславскій, И. Б.	"	—
3	Варацъ, Г. М.	"	5
4	Вать, Д. И.	"	5
5	Брейтманъ, А. С.	"	—
6	Брискманъ, О. И.	"	—
7	Бродскій, А. О.	Дѣйств.	10

*) Въ настоящій отчетъ вошли лишь тѣ взносы, которые поступили въ кассу О-ва въ Петроградѣ за промежутокъ времени отъ 1-го января по 31-е декабря 1914 г.

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
8	Бродскій, М. Я.	Соревн.	—
9	Бродскій, Л. И.	Пож. дѣйств.	200
10	Винокуръ, М. К.	Соревн.	5
11	Виткупъ, Н. А.	"	5
12	Галантъ, И. В.	"	5
13	Гальперинъ, М. Б.	Пож. дѣйств.	—
14	Гальперинъ, М. М.	Дѣйств.	10
15	Гальперинъ, С. М.	Пож. дѣйств.	—
16	Горовицъ, А. Л.	Соревн.	—
17	Гепнеръ, І. Г.	Пож. дѣйств.	—
18	Герцманъ, Э. Г.	Соревн.	5
19	Гинсбургъ, Л. В.	Пож. дѣйств.	—
20	Гинцбургъ, В. Г. баронъ	"	—
21	Гольденбергъ, А. М.	Пож. соревн.	—
22	Гринбергъ, А. Г.	Соревн.	5
23	Гуревичъ, А. Б.	"	—
24	Добрый, А. Ю.	Пож. дѣйств.	—
25	Душскій, И. Е.	Соревн.	5
26	Зайцевъ, М. І.	Пож. дѣйств.	—
27	Заксъ, М. Р.	"	—
28	Заславскій, М. І.	Соревн.	5
29	Златопольскій, И. С.	"	5
30	Золотницкій, Я. А.	"	—
31	Израэльсонъ, Я. И.	"	5
32	Іоффе, С. Л.	"	—
33	Кагановъ, В. Д.	"	—
34	Каміонскій, Н. И.	"	—
35	Кельберъ, И. Я.	"	5
36	Кельберинъ, И. П.	"	5
37	Клячко, Л. С.	"	—
38	Комарова, Ф. Д.	"	5
39	Комаровъ М. К.	"	—
40	Кулишеръ, М. А.	Дѣйств.	10
41	Ланда, А. Л.	Соревн.	—
42	Левъ, Л. А.	"	—
43	Левенштейнъ, Д. Г.	"	5
44	Левинъ, Р. И.	"	5
45	Либерманъ, С. Я.	Пож. дѣйств.	—
46	Лурье, В. Д.	Соревн.	5
47	Мазоръ, М. С.	"	—
48	Мандельбергъ, Л. Е.	"	—
49	Марголинъ, Д. С.	Пож. дѣйств.	—
50	Маршакъ, І. А.	"	—
51	Минцъ, И. В.	Соревн.	—
52	Мизрахъ, И. М.	"	5
53	Миркинъ, М. А.	"	—
54	Моргулисъ, И. М.	"	—
55	Моцкинъ, Х. Ш.	"	—
56	Ноткинъ, И. А.	"	—
57	Олькинъ, Г.	"	5
58	Поляковъ, Я. Л.	"	5
59	Полинковскій, М. І.	Дѣйств.	—
60	Паулъ, Б. Б.	Соревн.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
61	Ратнеръ, С. Б.	Соревн.	5
62	Рабиверсонъ, С. Л.	"	—
63	Рубинчикъ, Е. С.	"	—
64	Рубинчикъ, М. А.	"	—
65	Слонимъ, Я. А.	"	5
66	Сыркинъ, Н. С.	"	—
67	Темкинъ, Г. Е.	"	5
68	Фейнбергъ, М. Я.	"	—
69	Франкфуртъ, С. Л.	"	—
70	Фрейдинъ, Р. Л. г-жа	"	5
71	Френкель, А. С.	Пож. соревн.	—
72	Фридманъ, Я. Б.	Соревн.	5
73	Фридляндъ, Д. Е.	"	—
74	Фридляндъ, С. Е.	"	—
75	Чемеринскій, И. М.	"	5
76	Шмуклеръ, И. К.	"	—
77	Шухгальтеръ, В. Я.	"	5
78	Ямпольскій, П. А.	"	5
	Ковно.		
1	Вольфъ, С. И.	Соревн.	5
	Константиноградъ (Полтав. губ.).		
1	Финкель, Л.	Соревн.	—
	Кривой Рогъ (Херс. губ.).		
1	Гланцъ, М. М.	Дѣйств.	—
2	Дашевскій, Ш. З.	Соревн.	5
3	Либерманъ, М. И.	"	5
4	Ножикъ, Л. М.	Дѣйств.	—
	Либава.		
1	Іоспе, А.	Соревн.	5
2	Рышманъ, Д. Л.	"	5
	Лодзь.		
1	Бабяцкій, А.	Соревн.	5
2	Гуральскій, С.	"	5
	Лозанна (Швейцарія).		
1	Шрыро, Я. С.	Соревн.	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
	Лондонъ (Англія).		
1	Гинзбергъ, У. (ахадъ-гаамъ)	Соревн.	5
	Лубны (Полт. губ.).		
1	Барскій, Ф. Я.	„	5
	Люблинъ.		
1	Ваксманъ, Я.	Жертв.	—
2	Варманъ, Б.	Соревн.	5
3	Клинковштейнъ, М.	„	—
4	Эрлихъ, М.	„	5
	Ляховцы (Вол. губ.).		
1	Выгода, М. Г.	Соревн.	5
	Малая Вишера (Новг. губ.).		
1	Гуткинъ, Б. И.	Соревн.	5
	Маріуполь (Екатер. губ.).		
1	Трегубовъ, А. М.	Пож. дѣйств.	—
	Малинъ (Кіевск. губ.).		
1	Фиксъ, Я. Ш.	Соревн.	5
	Мервъ (Заб. обл.).		
1	Соловейчикъ, И. М.	Соревн.	5
	Минскъ.		
1	Бруцкусъ, Ю. Д.	Соревн.	5
2	Вилевскій, Л. В.	„	5
3	Капланъ, Г. А.	„	5
4	Коварскій, С. Н.	„	5
5	Лунцъ, О. Л.	„	5
6	Ратнеръ, Х. С.	„	5
7	Роговъ, М. Ю.	„	5
8	Сыркинъ, Г. Я.	„	5
9	Хайкинъ, Э. М.	„	—
10	Шабадъ, А. С.	„	5
11	Шапиро, М. С.	„	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ
	Миргородъ (Полт. губ.).		
1	Виноградовъ. Л.	Соревн.	—
	Могилевъ-Подольскъ.		
1	Штекелисъ, Б. И.	Соревн.	—
	Москва.		
1	Бейлинъ, А. Г.	Дѣйств.	10
2	Великовскій, С. Я.	Соревн.	5
3	Вольбергъ, И. С.	"	5
4	Высоцкій, Д. В.	Пож. дѣйств.	—
5	Гавронскій, Б. О.	"	—
6	Герчиковъ, Н. В.	Соревн.	5
7	Гоцъ, Р. А.	Пож. дѣйств.	—
8	Гуревичъ, А. Я.	Пож. соревн.	—
9	Данкинъ, Н. С.	Дѣйств.	—
10	Добкинъ, И. С.	"	10
11	Каміовскій, М. С.	Соревн.	5
12	Капнельсонъ, А. С.	"	5
13	Кершнеръ, М. Л.	"	5
14	Леви, Л. М.	"	5
15	Левинъ, А.	Дѣйств.	10
16	Лещинскій, М. Е.	Пож. соревн.	—
17	Лурье, И. М.	Соревн.	—
18	Лурье, Л. А. (за 2 года)	"	10
19	Найдичъ, И. А.	Пож. дѣйств.	—
20	Полякъ, Л. С.	Дѣйств.	—
21	Розенталь, А. С.	Соревн.	—
22	Сліозбергъ, М. В.	Пож. дѣйств.	—
23	Столяръ, Л. А.	Дѣйств.	—
24	Урысонъ, И. С.	Соревн.	5
25	Фитерманъ, М. Я.	"	5
26	Фуксъ, А. Л.	Дѣйств.	10
27	Цетлинъ, О. С.	Пож. дѣйств.	—
28	Членовъ, Е. В.	Соревн.	—
29	Эльяшевъ, А. М.	"	5
	Одесса.		
1	Арлюкъ, А. М.	Жертв.	3
2	Ашкинази, З. Е.	Пож. дѣйств.	—
3	Барабашъ, С.	Дѣйств.	10
4	Брацлавскій, Я. П.	Жертв.	—
5	Брейтманъ, Г. М.	Пож. соревн.	—
6	Бродскій, А. Е.	"	—
7	Бродскій, Х.	"	—
8	Вайнштейнъ, Г. Э.	Пож. дѣйств.	—
9	Вольфензонъ, Б. Л.	Соревн.	5
10	Ворошильскій, Я. С.	Пож. соревн.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
11	Бр. Виленскіе	Жертв.	3
12	Гельбейнъ, Я. Ш.	"	—
13	Гиммельфарбъ, Г. Н.	Пож. соревн.	—
14	Зусманъ, М. Г.	Дѣйств.	10
15	Конельскій, І. Л.	"	10
16	Кофманъ, Д. Г.	Соревн.	—
17	Магарилъ, Ф. А. *)	Пож. соревн.	—
18	Моргулисъ, М. Г.	Почетн.	—
19	Надель, І.	Соревн.	5
20	Плессеръ, Л. М.	"	5
21	Повесъ, С. Г.	"	—
22	Рабиновичъ, І. С.	"	—
23	Сосисъ, И. Д.	"	5
24	Фельдманъ, Я. А.	"	—
25	Фишеровичъ, М. (за 2 года)	"	20
26	Франкфельдъ, Г. В.	Жертв.	—
27	Хапсъ, О. С.	Пож. дѣйств.	—
28	Шапиро, С. Б.	Дѣйств.	10
29	Шапиро, Л. Г.	Жертв.	3
	Омскъ.		
1	Левинъ, А. В.	Пож. дѣйств.	—
	Пермь.		
1	Зайдель, Л. Д.	Жертв.	—
2	Отд. О-ва просв. евр.	Пожертв.	5
	Полоцкъ (Витеб. губ.).		
1	Барканъ, А. А.	Дѣйств.	10
	Проскуровъ (Вол. губ.).		
1	Вайсбергъ, Х. Б.	Дѣйств.	—
	Прошовицы (Кѣл. губ.).		
1	Вайнштейнъ, Я.	Соревн.	5
	Нижній-Новгородъ.		
1	Машкилейсонъ, Е. К.	Соревн.	5
2	Миркинъ, І. Е.	"	5
3	Трепель, С. Ц.	"	5
	Николаевскъ (на Амурѣ).		
1	Духовн. пр-іе еврейск. молитв. д.	Пожертв.	10

*) Скончался.

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
	Новоградволынскъ (Вол. губ.).		
1	Штендель, М. Л.	Дѣйств.	10
	Новозыбковъ (Черн. губ.).		
1	Певзнеръ, А. Б.	Дѣйств.	10
2	Фельдманъ, З. Л.	Соревн.	—
	Николаевъ (Херс. губ.).		
1	Якобсонъ, П.	Соревн.	5
	Ново-Николаевскъ (Томск. губ.).		
1	Викеръ, Л.	Соревн.	5
2	Мордуховичъ, М.	"	—
	Ревель.		
1	Вайнеръ, Я. Л.	Соревн.	5
	Рига.		
1	Берлинъ, З.	Соревн.	5
2	Вейлеръ, О. Ш. (за 2 года)	"	10
3	Гилерсонъ, Х. С.	Соревн.	—
4	Гуревичъ, Е. З.	"	5
5	Іоффе, И.	"	5
6	Мейеръ, Б.	Пож. дѣйств.	—
7	Минцъ, П. М.	Дѣйств.	10
8	Страшунъ, И. М.	Соревн.	5
9	Шалитъ, Э.	Дѣйств.	10
10	Эйнгорнъ, С.	Соревн.	5
	Ровно (Волын. губ.).		
1	Гальперсонъ, П. І.	Дѣйств.	10
2	Гольдбергъ, Н. В.	"	10
3	Голендбергъ І. Л.	"	10
4	Куликовичеръ, С. А.	"	10
	Ромны (Полт. губ.).		
1	Гальперинъ, І. Ф.	Соревн.	5
3	Гамзу, Л. З.	"	5
3	Нештейнъ, А. Л.	"	5
4	Гитикъ, І. Ш.	"	—
5	Рубинчикъ, П. Б.	"	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
	Рославль (Смол. губ.).		
1	Леви, А. М.	Соревн.	5
	Россіены (Ков. губ.).		
1	Берлинъ, И. С.	Соревн.	5
	Рыбинскъ.		
1	Гуревичъ, С. Б.	Соревн.	5
	Севастополь.		
1	Гидалевичъ, А. Я.	Дѣйств.	10
2	Правл. общ. пос. бѣдн. евр.	Пожертв.	—
	Симферополь.		
1	Шоръ, С. М.	Соревн.	5
2	Рейзнеръ, М. В.	"	5
	Сормово (Нижег. губ.).		
1	Фридманъ, Г.	Соревн.	—
	Смоленскъ.		
1	Рывкинъ, Х. Д.	Соревн.	5
2	Гильванъ, А. И.	"	5
3	Шварцъ, Н. В.	Пож. дѣйств.	—
	Сулья (Уфим. губ.)		
1	Лазаревъ, М. Г.	Пож. соревн.	—
	Сухумъ (Уфим. губ.).		
1	Бейликъ, О. Х.	Соревн.	—
	Тарковичи (Петрогр. губ.).		
1	Вайнштейнъ, И. Е.	Соревн.	5
	Ташкентъ.		
1	Гилодо, Л. Р.	Соревн.	5
2	Розовскій, А. Г.	Жертв.	—

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
	Тишкова (Херс. губ.).		
1	Мусарскій, И. С.	Соревн.	5
	Томскъ.		
1	Быховскій, И. С.	Соревн.	5
	Тула.		
1	Гольденблатъ, Б. О.	Дѣйств.	10
	Умань (Кіевск. губ.).		
1	Фрейденбергъ, Б. Б.	Соревн.	5
	Урга (Заб. Обл.).		
1	Гершевичъ, Л. І.	Соревн.	5
	Харьковъ.		
1	Бенгисъ, Б. Г.	Дѣйств.	—
2	Бергеръ, В. М.	Пож. дѣйств.	100
3	Бергеръ, И. М.	Дѣйств.	10
4	Волынцъ, І. Г.	„	10
5	Вургафтъ, Л. М.	„	—
6	Ганелинъ, А. И.	Соревн.	—
7	Гуревичъ, М. Р.	„	5
8	Гуревичъ, Х. З.	„	5
9	Гуревичъ, Д. М.	Дѣйств.	10
10	Добкинъ, Я. І.	„	10
11	Ерманскій, В. З.	„	10
12	Зороховичъ, И. М.	Соревн.	5
13	Левинъ, Ш. Х.	„	—
14	Левитъ, М. І.	Дѣйств.	10
15	Лившицъ, Г. Б.	„	10
16	Лившицъ, Н. Б.	„	10
17	Лившицъ, М. И.	Соревн.	5
18	Лившицъ, В. А.	„	—
19	Любарскій, Г. А.	Дѣйств.	10
20	Магазаникъ, Н. Я.	Соревн.	—
21	Миндлинъ, А. М.	„	5
22	Покрасса, І. М.	„	—
23	Шехтеръ, А. С.	Дѣйств.	10
24	Библ. „Hebraica“	Жертв.	—
	Черемхово (Иркут. губ.).		
1	Клятъ, А. Е.	Соревн.	5

№№	Фамиліи членовъ.	Разрядъ.	Поступилъ взносъ въ 1914 г. въ рубляхъ.
	Чита (Заб. Обл.).		
1	Шлезингеръ, И. М.	Соревн.	—
	Шавли (Ков. губ.).		
1	Фридманъ, Х. Б.	Жертв.	—
	Шпола (Кіевск. губ.).		
1	Бронштейнъ, Ш. Х.	Соревн.	—
	Ѳеодосія (Таврич. губ.).		
1	Левентовъ, І. Г.	Соревн.	5
	Юрбургъ (Ков. губ.).		
1	Бонеръ, Л. А.	Соревн.	5
	Итого	1.795 р.	
	Всего взносовъ за 1914 г. .	**2.613 р.**	
	Въ Петроградѣ (Списокъ I)	818 р.	
	„ др. городахъ (Списокъ II) . . .	1.795 р.